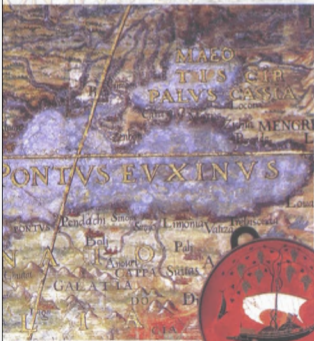

В. Г. Зубарев

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ГЕОГРАФИЯ СЕВЕРНОГО
ПРИЧЕРНОМОРЬЯ
ПО ДАННЫМ АНТИЧНОЙ
ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИИ

STUDIA HISTORICA

В. Г. Зубарев

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ
СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ
ПО ДАННЫМ АНТИЧНОЙ
ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИИ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2005

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ)
проект № 01-04-87090

Зубарев В. Г.

3 91 Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. — М.: Языки славянской культуры, 2005. — 504 с.: ил., карты — (Studia historica).

ISSN 1727-9968
ISBN 5-9551-0056-3

В книге исследуются проблемы античной географии Северного Причерноморья. Автор опирается на сведения античной письменной традиции, начиная с логографов и заканчивая географами римского времени. Используя оригинальную методику интерпретации античных географических представлений, сопоставляя их с широким археологическим материалом, автор предлагает не только локализацию отдельных топонимов на современной карте, но и реконструирует в ряде случаев оборонительную систему, линии дорог и административно-территориальное деление античных государств Северного Причерноморья.

ББК 63.2

*На параллели: Э. Дюпюа, Дж. Алфано да Варезе и помощники.
«Средиземноморский бассейн. Третья Лоджия, так называемая
Лоджия Космографии». Ватикан*

ISBN 5-9551-0056-3

9 785955 100562

© Зубарев В. Г., 2005
© Языки славянской культуры, 2005

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Введение</i>	7
<i>Глава I. Методика исследования и основные физико-географические параметры Азово-Черноморского бассейна</i>	49
<i>Глава II. Нижняя Мезия и среднее междуречье Истра (Дунай) и Тираса (Днестра) в античную эпоху</i>	127
<i>Глава III. Междуречье Гипаниса (Южного Буга) и Борисфена (Днепра), Каркинитский залив и Херсонес Таврический (Крымский полуостров) в античную эпоху</i>	171
<i>Глава IV. Европейский Боспор (Керченский полуостров) и Западная Меотиды (Западное Приазовье) в античную эпоху</i>	239
<i>Глава V. Север и юго-восток Меотиды (Азовского моря) в античную эпоху</i>	286
<i>Глава VI. Азиатский Боспор (Таманский полуостров) и район Бат (Новороссийская бухта) в античную эпоху</i>	334
<i>Заключение</i>	378
<i>Примечания</i>	381
<i>Приложение I. Основные параметры Азово-Черноморского бассейна на карте Клавдия Птолемея</i>	430
<i>Приложение II. Карта Северного Причерноморья в античную эпоху по данным античной письменной традиции</i>	438
<i>Перечень основных античных топонимов Северного Причерноморья</i>	455
<i>Библиография</i>	458
<i>Список сокращений</i>	503

ВВЕДЕНИЕ

Изучение вопросов развития географических знаний древности является одной из важнейших проблем исторической науки, интерес к которой не только не снижается, но, напротив, возрастает по мере открытия новых источников и новых археологических памятников. В этой связи не является исключением и анализ античной письменной традиции о таком отдаленном от Греции и Рима регионе, как Северное Причерноморье. Однако, несмотря на почти 200-летний период работы в этой области, подавляющее большинство дошедших до нас топонимов либо вообще не соотнесены с конкретными объектами, либо такое соотношение остается весьма проблематичным и спорным.

Между тем античная географическая топонимика позволяет не только отчасти «оживить» мертвые руины городов и поселений, вернуть им древние наименования, а также восстановить, опираясь на данные палеогеографии, древнюю береговую линию и ландшафт, но и во многом способствует правильной реконструкции истории региона. В частности, это касается расселения племен, их передвижения, торговых путей как по суше, так и по морю, административно-территориального деления, системы обороны, причем в ряде случаев можно выяснить не только статическую картину, но и проследить динамику тех или других процессов. Кроме того, конкретная локализация топонимов позволяет уточнить место действия исторических событий, а привязка последних к географической среде, составляющей фон любого исторического повествования, делает их к тому же и вполне наглядными.

Сложность локализации топонимов на современной карте связана с тем, что дошедшие до нас сведения далеко не в полном объеме отражают степень географических знаний о Северном Причерноморье в античную эпоху. К тому же многие из них фрагментарны и противоречивы. В какой-то мере имеющийся в нашем распоряжении материал напоминает разбитое мозаичное панно, которое изначально было связано общим сюжетом, а после разрушения представляет собой совокупность мелких, средних и крупных фрагментов, каждый из которых

может претендовать на определенную законченность и в то же время быть весьма далеким от начального сюжета картины. Вот почему, на наш взгляд, реконструкция географической ситуации на основе одного, пусть даже более или менее полностью сохранившегося источника, без всестороннего сопоставления его со всеми другими имеющимися в нашем распоряжении фрагментами (причем не по отдельно взятому топониму, а по всей их совокупности в исторически определенном и обозначенном регионе), не может быть признана исчерпывающей и чаще всего остается гипотетичной.

Территориальные рамки обозначенного нами региона выбраны отнюдь не произвольно и не случайно. На западе, в нижнем течении Дуная, были расположены римские крепости, откуда, вне всякого сомнения, расходились дороги, в том числе в сторону Тиря, Ольвии и Херсонеса. На востоке мы ограничились территорией Азиатского Боспора и ближайшими из прилегающих к ней районами. Таким образом, все крупнейшие государственные образования античной эпохи в Северном Причерноморье с прилегающими к ним варварскими территориями оказываются в центре нашего внимания, а полученная в результате анализа относящихся к ним топонимов картина должна быть более или менее полной и законченной.

Источники по истории античной географии Северного Причерноморья отличаются определенным своеобразием, и их интерпретация достаточно сложна и далеко не всегда однозначна. Рассматривая их в общем русле развития античной географической мысли, вместе с тем следует учитывать существенную отдаленность Северного Причерноморья от главных центров античной цивилизации и как следствие этого — запутанность и относительную неполноту свидетельств античных авторов. Кроме того, большинство сведений об этом регионе носит фрагментарный характер и дошло до нас далеко не в полном объеме. Те же источники, которым повезло больше, как правило, представляют собой компилятивный материал, основанный на весьма разноплановых и порой противоречивых свидетельствах. Вот почему при локализации отдельных пунктов и географических наименований столь важно учитывать все имеющиеся в нашем распоряжении данные.

Источники по античной географии Северного Причерноморья довольно разнообразны и представлены многими жанрами античной литературной традиции. Среди них можно выделить географические труды обобщающего характера, рассматривающие вопросы теории географии и дающие подробное руководство к составлению географической

карты («Географическое руководство» Клавдия Птолемея); географические работы практически-политического направления («География» Страбона); комплексные исторические исследования, в которых география — лишь вспомогательная историческая дисциплина, дающая более или менее эмпирическое описание отдельных областей ойкумены (работы Геродота, Полибия, Тацита и др. историков); многочисленные периплы и перипезы, как чисто описательного характера или с незначительным добавлением цифрового материала (Скилак Кариндский, Дионисий Периегет, Маркиан Гераклеяский), так и подробные, с указанием конкретных расстояний практически руководства, подобные периплу Арриана.

Важное место среди источников занимают и энциклопедические работы, особенно «Естественная история» Плиния, содержащая подробный географический очерк, а также работа Помпония Мелы, близкая по характеру к научно-популярной литературе.

Ряд сведений географического и этнографического характера содержится в специальных исследованиях по отдельным отраслям науки (таковы, в частности, работы Гиппократа, Гемина, Варрона); в произведениях философов (Платон, Аристотель); в художественной литературе (Эсхия, Еврипид, Аристофан, Овидий); в политико-публицистических выступлениях ораторов (Исократ, Демосфен); в христианских проповедях и церковных историях позднейшего периода (Климент Александрийский, Афанасий Александрийский, Гермиль, Созомен, Филосторгий и другие). Отражение реальных географических сведений имеет место и в произведениях мифологического содержания, начиная с «Илиады» и «Одиссеи» Гомера.

Особое место среди источников по Северному Причерноморью занимают справочно-географические и толково-справочные работы от Гекатея Милетского до Стефана Византийского. К этой же категории можно отнести и многочисленные соплия к Гомеру, Гесноду, Эсхилу, Каллимаху, Лукану и другим авторам.

Наконец, следует отметить и работы, относящиеся к более позднему времени (XII—XIII вв.), авторы которых также дают толкования античным представлениям о Северном Причерноморье (Евстафий) или же излагают почти без изменений целые произведения (Никифор Блеммид).

Каждый письменный источник имеет свою особенность и требует индивидуального подхода в оценке содержащихся в нем сведений и их современной интерпретации. Вместе с тем можно отметить ряд общих моментов, присущих античной географической традиции в целом.

Первая особенность связана с системой ориентирования при описании той или другой местности и, в частности, с употреблением древними авторами небольшой группы предлогов и наречий со значением «выше» и «ниже»¹. А. В. Подосинов предлагает понимать их с натяжкой как «за, дальше, по ту сторону, вглубь материка или моря» и «до, ближе, у побережья»². Нельзя не согласиться с его выводом о том, что античные авторы при составлении географических описаний были относительно независимы от ориентирования карт³ и следовали в описании берегам морей, рекам, крупным дорогам и т. п., и это необходимо учитывать при анализе того или другого источника.

Другая особенность связана с единицей измерения расстояний. Большую сложность в использовании сведений вызывает размер стадия. Весьма существенные колебания его длины (от 148 до 210 метров) неизбежно приводят к серьезной разнице расстояний при локализации и вытекающим из этого ошибочным выводам, особенно при работе с компилятивными источниками. Нет никакой уверенности, что компиляторы пользовались единой длиной стадия, а не сохраняли в каждом конкретном случае размер стадия своего источника. В то же время и отрицать подобную возможность нельзя, о чем, в частности, свидетельствует пример Птолемея⁴.

Третья общая особенность связана с учетом фактора времени, опять же, в первую очередь, в компилятивных и обобщающих работах. Разновременные источники использовались их авторами зачастую без учета прошедших изменений, а возникающие при этом противоречия разрешались путем наложения одного источника на другой (в частности, это касается сложившейся еще в VII—VI вв. до н. э. картины распределения племен и народов, соседствующих с греческими городами северного побережья Черного моря, переходящей от одного автора к другому, вплоть до позднеримской эпохи). Более того, далеко не все античные авторы имели мужество, подобно Страбону, честно признаться в отсутствии у них сведений о том или другом районе и заполняли образовавшуюся лакуну явно устаревшими сведениями. В результате в одном и том же описании могут присутствовать совершенно различные по времени картины. Наконец, еще одна общая особенность античной географической традиции — двойной стандарт в содержании ряда племенных этнонимов, а также многовариантность наименования ряда географических объектов и населенных пунктов. В качестве примера здесь можно привести этноним «гиппесмолгов», «кзиммерийцев», «гипербореев» и т. п., а также двойные названия Оль-

вии — Борисфена. Естественно, что подобное положение дел требует от современных интерпретаторов крайне осторожного подхода к истолкованию свидетельств античных авторов, необходимости учитывать индивидуальные особенности используемого источника в совокупности со всей имеющейся по тому или другому этнониму, топониму или населенному пункту информацией.

В то же время нельзя сбрасывать со счета и того обстоятельства, что в ряде случаев, хотя и использовался более ранний источник, он мог быть скорректирован в соответствии с новой информацией, а включение в текст дословной или почти дословной цитаты может свидетельствовать о совпадении уточненной информации с прежней — ведь многие города существовали на протяжении весьма длительного времени. Точно так же и в отношении двойного стандарта в наименованиях. Здесь необходимо учитывать и возможность наличия одноименных (или имеющих созвучное наименование) топонимов, но пространственно разделяемых в действительности.

Прежде чем обозначить основной круг источников, с которыми мы собираемся работать, оговорим некоторые принципиальные моменты. Во-первых, мы будем использовать текст оригинала и соответствующий перевод уже введенных в научный оборот письменных свидетельств античных авторов, сопоставляя свод В. В. Латышева⁵ с новейшими переводами и отдельными историко-филологическими изысканиями⁶.

Мы не ставим задачу всестороннего анализа каждого используемого источника. Такой подход, как правило, является предметом специальных исследований, в рамках которых конкретная локализация топонимов не является определяющей. Подобные исследования в настоящее время имеются в отношении практически всех основных античных авторов, сообщающих географические сведения по Северному Причерноморью⁷. Вот почему нет необходимости в изложении этого вопроса, за исключением тех случаев, когда наша позиция является отличной.

Во-вторых, предлагаемый ниже обзор основных письменных источников по Северному Причерноморью носит исключительно предварительный характер и ставит своей целью лишь обозначить круг тех источников, с которыми предстоит далее работать. Методика работы со сведениями античных авторов, а также результаты их сравнительного анализа излагаются в основной части работы, так как, на наш взгляд, любое сравнение без конкретной локализации и без сопоставления с археологическими реалиями, носит по преимуществу ги-

потетический характер. (Блестящий образец такого сквозного анализа применительно к Северному Причерноморью дал в начале XX в. М. И. Ростовцев.)⁸

В-третьих, предлагаемое ниже деление источников на группы по временному признаку носит исключительно условный характер. Периоды согласуются с этапами, выделенными А. Б. Дитмаром в истории античной географии⁹. Основным критерием отнесения к ним тех или других источников послужило либо время жизни автора, либо предполагаемое время написания труда, если таковое известно. И то и другое может полностью или частично не совпадать с временными рамками отраженной в источнике картины. Их окончательное установление возможно только после конкретной локализации топонимов, выяснения их взаимосвязи и сопоставления с археологической картой региона.

Первый период (от гомеровского времени до начала IV в. до н. э.) представлен 17 авторами: Гомер, Гесиод, Стасии, Арктии, Аристей из Проконесса, Гекатей Милетский, Эсхил, Пиндар, Софокл, Гелланик, Ферекид Лерийский, Геродот, Еврипид, Фукидид, Гиппократ, Ктесий Книдский.

С самого раннего времени географические представления греков развивались как бы по двойному стандарту. С одной стороны, ранние связи с соседними народами, особенно финикийцами, расширили их кругозор, заставили видеть мир значительно большим, чем рамки собственной и нескольких соседских общин. Информация о прошлом, содержащаяся в эпосах и мифах, была полуфантастична, искажена, но она будила интерес, заставляла искать пути в неведомые земли. Ионийские поэты уже знакомы с кочевыми народами, они знают о киммерийцах, о южном берегу Понта, о Кавказе, однако представления их довольно туманны и неконкретны.

Географические представления Гомера сложны и полуполюгендарны. Мир, хорошо известный ему, ограничивается только странами, прилегающими к Эгейскому морю. Все же, что было дальше от него, было известно только отчасти либо неизвестно вообще. В поэмах практически отсутствуют какие-либо точные координаты и лишь с большой натяжкой можно говорить о единичных случаях упоминаний возможно относящихся к Северному Причерноморью сведений (Ном., «Илиада», XIII, 1—7; «Одиссея», X, 77—99; XI, 12—19)¹⁰.

Столь же единичны они и в произведениях других ранних писателей: в поэмах Гесиода («Теогония», ст. 337—345)¹¹, Стасии («Кипрские сказания»), Арктина («Эфиопида»)¹². Одной из самых ранних

перизгез, правда написанной в стихах, вероятно, следует считать поэму «Аримаспея» Аристея из Проконесса. Поэма посвящена путешествию автора (реальному или скорее вымышленному) к исседонам, аримаспам, грифам и гиперборейам¹¹.

Ранний период в истории античной географии был временем постепенного накопления знаний об ойкумене. Происходит медленное освобождение от мифов. Ранее опасные и неведомые земли становятся хорошо известными (например, Негостеприимное море превращается в Понт Евксинский) и как бы более близкими. Таков, например, географический фон «Прикованного Прометея» Эсхила¹², хотя еще и довольно туманный, но уже значительно более подробный, или географические свидетельства, содержащиеся в одах Пиндара (здесь упомянуты, в частности, Истр, Светлый остров [остров Ахилла])¹³.

Единичные сведения о Северном Причерноморье содержатся также у Еврипида — упоминаются тавры, скифы, остров Белый (Ахилла), амазонки на берегу Меотиды¹⁴, у Ферекида Лернейского (Истр, скифы)¹⁵ и Ктесия Книдского¹⁶.

Однако все эти свидетельства являются лишь вспомогательным материалом, иллюстрирующим постепенность расширения географического кругозора греков. То же самое можно сказать и об отрывочных сведениях Фукидила¹⁷ и даже Гиппократа, несмотря на то что его трактат «О воздухе, водах и местностях» содержит довольно подробный этнографический очерк¹⁸.

Из всех авторов, отнесенных нами к первому периоду, лишь трое — Гекатей Милетский, Гелланик и Геродот — дают относительно полную картину для Северного Причерноморья.

Гекатей Милетский в своем «Землеописании» сообщает общие сведения о районе (фр. 163) и перечисляет 17 географических объектов и этнонимов (фр. 154, 153, 155, 156, 157, 158, 159, 161, 162, 164, 165, 166, 167, 197)¹⁹. Из них три (намы, исеи, эды) встречаются только у него. Гекатей подробно описал берега Черного моря, сравнивая очертания моря со «скифским дуком» (фр. 163), тетию которого соответствует южному берегу, а изогнутое древко — северному берегу с Таврическим полуостровом. В отличие от Геродота Гекатей дает сведения не только по Европейской Скифии, но и по греческим городам Тамани. Он хорошо знает Фанагорию и окрестности. Однако в целом свидетельства Гекатея носят чисто описательный характер и могут быть использованы лишь в ограниченных пределах (последовательность перечисления и общее пространственное расположение).

Сведения Гелланика носят также описательный характер и, как справедливо отмечал М. И. Ростовцев, «составляют переход от живого непосредственного знания местности, характеризующего Гекатея и в некоторых его изложениях Геродота, к чисто литературному, филологическому методу работы»²². Таким образом, данные Гелланика — фр. 92 («Аттида»), фр. 96 («О народах»), фр. 109 («Основание городов») — могут быть использованы лишь в тех же рамках, что и сведения Гекатея.

Иное дело — «История» Геродота. Во-первых, она содержит самый полный для этого времени географический и этногеографический очерк для Северного Причерноморья. Геродот, помимо общей характеристики физико-географических условий местности (I, 104; II, 22; IV, 7; IV, 12; IV, 20; IV, 28; IV, 29; IV, 30; IV, 31; IV, 32; IV, 46—58; IV, 61; IV, 85; IV, 86; IV, 99—101), указывает для нее около 55 географических наименований и этнонимов, из которых 8 отмечены только у него (IV, 22; IV, 45; IV, 51; IV, 53; IV, 57; IV, 99; IV, 123)²³. Во-вторых, это единственный из авторов V в. до н. э., который не только дает подробное описание, но и указывает в ряде случаев конкретные расположения в «стадиях» и «днях пути». Наконец, в-третьих, как отмечают А. И. Доватур, Д. П. Каллистов и И. А. Шнипова, «более поздние античные авторы, побывавшие в стране, пользовались в своих описаниях чужими трудами, и потому их сочинения не могут идти в сравнение с «Историей» Геродота. Геродот в полной мере достоверен там, где передает то, что он лично видел или слышал. В последнем случае он обычно правильно передает то, что ему рассказали. Широкая осведомленность Геродота не подлежит сомнению, но самые сведения, полученные им от других, могли быть неточными, даже ошибочными, либо отличаться некоторой неопределенностью и неясностью»²⁴.

В связи с использованием Геродотом цифрового материала возникает вопрос о методике работы с ним. Геродот, составляя свою «Историю», ориентировался на Афины. Исходя из этого, часть исследователей полагает, что Геродот пользовался аттическими мерами длины, а следовательно, и аттическим стадием, который равен 177,6 м²⁵.

В противовес этому существует мнение, что Геродот, будучи гражданином малоазийского города Галикарнаса, пользовался в своем сочинении ионийскими мерами длины, т. е. стадием, равным 210 м. При таком разбросе единицы измерения и далеко неоднозначном решении этого вопроса представляется наиболее приемлемым при работе с данными Геродота придерживаться точки зрения А. И. Доватура,

Д. П. Каллистова и И. А. Шишовой, производя каждый раз расчеты в двух вариантах ²⁷. Кроме того, вряд ли все измерения производились непосредственно самим автором «Истории», а в этом случае, даже если Геродот использовал тот или другой стадий, вероятность ошибки достаточно велика.

Что касается источников, которыми пользовался Геродот, то он сам во второй книге «Истории» (II, 99) дает их характеристику: он пишет о том, что он видел, что он думает о виденном и слышанном, и опирается на сведения, полученные путем расспросов. Кроме того, Геродот, безусловно, был хорошо знаком с трудом Гекатея Милетского и с составленной Гекатеем географической картой известного в то время мира. Однако, несмотря на вероятную зависимость от него Геродота, общая конструкция описания Причерноморья у этих авторов существенно отличается ²⁸. В частности, Геродот игнорирует в своей описательной части все побережье Черного и Азовского моря за Доном. Гекатей же, напротив, живо интересуется греческими городами Тамани и в этом месте может служить хорошим дополнением к сведениям Геродота.

Итак, среди источников, относящихся к первому периоду развития античной географии, безусловно, центральное место, с точки зрения сведений о Северном Причерноморье, занимает «История» Геродота. Имеющиеся в ней лакуны отчасти могут быть заполнены сведениями Гекатея Милетского (район Тамани) и дополнены этнографическим очерком Гиппократя. Остальная литература по большей части выполняет лишь статистическую роль, констатируя уровень знаний тогдашнего мира об одном из самых отдаленных уголков ойкумены.

Ко второму периоду относятся работы и свидетельства 23 авторов: Аристофана, Исократя, Платона, Ксенофонта, Антифана, Эфора, Эсхина, Аристотеля, Демосфена, Псевдо-Каллисфена, Псевдо-Палефата, Каллимаха, Ликофрона, Евдокса, Антигона Каристского, Эратосфена, Аполлония Родосского, Полибия, Гиппарха, Феофраста, Скилака Кариянского, Псевдо-Скимна.

Географические сведения у большинства перечисленных авторов носят случайный и единичный характер и не являются для них самоцелью. Таковы политико-публицистические речи Исократя ²⁹, Эсхина ³⁰ и Демосфена ³¹; комедия Аристофана ³² и Антифана ³³, своеобразный роман Псевдо-Каллисфена ³⁴, поэма Ликофрона ³⁵, гимны Каллимаха ³⁶. Однако объем накопленных знаний в области географии, равно как и других наук, неизбежно должен был привести к постепенной диффе-

ренциации научных знаний, выделенных из общего контекста обособленных специальных направлений с присущими им методами. Так, в комедия Аристофана «Облака» упоминается о попытках греческих ученых уже в то время (V в. до н. э.) определить величину Земли. Тут же говорится и о существовании в то время географических карт, ставших уже учебным пособием.

«Ученик (указывая на географическую карту Земли): "А вот тебе и весь земной круг! Видишь?.."» («Облака», ст. 207—217)³⁷.

Развитие физико-географических воззрений приходится на начало IV в. до н. э. Этому способствовало развитие астрономии и математики. Первым ученым, который стал использовать астрономические данные в интересах географии, был Евдокс Книдский. Страбон называет его среди выдающихся географов как автора большого географического описания ойкумены в восьми книгах (до нас не дошедшего). В сохранившихся у поздних авторов фрагментах упоминаются река Танаис, сарматы, моссиники (фр. кн. I, 1—2)³⁸.

Существенное влияние на содержание последующих географических произведений оказал Эфор, который, по меткому выражению М. И. Ростовцева, «канонизировал Гомера, и фактически с его легкой руки ранняя картина стала кочевать по произведениям античных авторов, соседствуя с новыми сведениями»³⁹. Эфору принадлежит и дошедший до нас чертеж ойкумены (фр. 38 4 кн. «Всеобщей истории» Эфора)⁴⁰, где юг показан вверх, а скифы помещены внизу.

Сведения Эфора, возможно, использовал и Аполлоний Родосский, оставивший довольно подробное описание устья Истра («Аргонавтика», IV, 282—292; 303—328)⁴¹.

Заслуга создания новой географической карты Земли на основании более точных данных принадлежала Эратосфену. К сожалению, его «Географические очерки» до нас не дошли, однако его сведениями широко пользовались более поздние авторы — Плиний Старший, Полибий и особенно Страбон. В связи с этим уместно будет отметить, что, скорее всего, Эратосфен или, что более вероятно, его источники исходили в своих наблюдениях из Пантихапея (как в свое время Геродот из Ольвии). Однако к этому времени Ольвия и ее окрестности для греков перестали быть интересными, и весь интерес сосредоточился на Крыме и специально на Пантихапее (не случайно аттические ораторы так много говорят о Боспорском царстве и торговых отношениях с Пантихапеем и Синдикой — примером могут служить речи Демосфена)⁴². Кроме того, следует иметь в виду, что градусов Эратосфен не

знал (все измерения были в стадиях). Расстояния между «меридианами» вычислялись на основе сведений о протяженности сухопутных и морских путей. Географическую же широту в градусах впервые стал измерять Гипсарх, сочинением которого «Против географии Эратосфена» (до нас не дошло) также пользовались более поздние авторы. Некоторые сведения о Северном Причерноморье содержатся в сочинениях Полибия (упомянуты сарматы и дается описание Истра)⁴³, Платона (упомянуты гиперборей и скифы)⁴⁴, Феофраста (некоторые общие сведения о Понте, упомянуты Пантикапей и сарматы)⁴⁵, Антигона Каристского (упомянуты скифы, Меотийское озеро, река Гипанис, Белый остров)⁴⁶, Ксенофонта (моссники)⁴⁷ и Аристотеля (Танаис и Меотийское озеро, реки Истр и Гипанис, Киммерийский Боспор, даются также сведения физико-географического характера)⁴⁸. Однако все эти свидетельства носят единичный и случайный характер. Главными источниками во втором периоде являются перипл, приписываемый Скилаку Кариянскому и перизгеза Псевдо-Скимна. В эпоху эллинизма доля общей этнографической и исторической информации становится в периплах все более значительной, однако при этом сохраняются оригинальные принципы построения описания (опорная роль береговой линии, вдоль которой совершается плавание; определение правой и левой сторон относительно движения). Перипл, дошедший до нашего времени под именем Скилака Кариянского, представляет собой искусную компиляцию, объединяющую древние и новые для второй половины IV в. до н. э. сведения. М. И. Ростовцев предположил принадлежность его афинянину⁴⁹. На это указывает целый ряд фактов: слабое описание северо-западного Причерноморья и западного Крыма, т. е. пути от устьев Дуная к юго-западному побережью Крыма, к Херсонесу и Бараньему Лбу и оттуда в Пантикапей; отсутствие великой реки Европы Борисфена, упоминание на правом берегу Танаиса сарматов. Ф. В. Шелов-Коведяев на основе сопоставления реальных исторических событий и сведений, содержащихся в перипле, приходит к заключению, что создание его следует отнести к 30-м гг. IV в. до н. э.⁵⁰

Помимо общих сведений о Северном Причерноморье, Псевдо-Скилак называет 26 различных географических наименований и этнонимов («Европа», 68—99; «Азия», 70—79), причем два из них (город Торих и область Колика)⁵¹ встречаются только у него.

В перипле указаны некоторые расстояния преимущественно в днях и ночах плавания в открытом море, и лишь расстояние от Пантикапея

до устья Меотийского озера дано в стадиях («Европа», 68). Соотношение «дня», «ночи» и «стадиев» дается в 69-м параграфе «Европы»: «Идущему морем от Геракловых Столпов в Европе по заливам вдоль суши и сосчитавшему, сколько написано ночей и наравне с ними дней, и где написано, [если] дневное плавание принять равным 500 стадиям, — тому плавание вдоль Европы встанет, при том что залив Меотия будет равен половинной части Понта, в 163 дня...»³² То есть 1 ночь = 1 дню = 500 стадиям. Что касается размера стадия, то, если автор афинянин, возможно, применяется аттический стадий — 177,6 м, хотя, учитывая компилятивный характер перипла, возможны и иные варианты.

Перигога Псевдо-Скимна представляет собой краткое землеописание, также составленное на основе нескольких источников. Независимо от времени написания картина, нашедшая отражение в этом перипле, относится к III—II вв. до н. э., а, возможно, в отдельных случаях к более раннему времени, учитывая источники, которыми пользовался Псевдо-Скимн. Последние он называет сам — Эфор и Деметрий Каллатийский. Причем там, где мы имеем несомненную эфоровскую традицию, мы сейчас же замечаем тесную связь с Геродотом. Та же теснейшая связь ясна с первого взгляда и в отношении Скифии, описание которой вводится определенной цитатой Эфора (841—849)³³. Полемизируя с Е. Дюплом, предпринявшим попытку восстановления на основании имеющихся данных перипла Эфора³⁴, М. И. Ростовцев указывает на несомненно более весомую долю Деметрия в части перипла, касающегося Причерноморья³⁵. При этом описание рек Тираса, Гипаниса и Борисфена, тесно примыкающее к Геродоту, — эфоровское, Азии с Доном и сарматами, возможно, тоже, а вот Крыма с Херсонесом и Пантикапеем — явно не эфоровское. То же можно сказать и о Тамани, описание которой свидетельствует о личном знакомстве с местностью. М. И. Ростовцев даже высказал предположение, что этот отрывок взят у одного из тогдашних предшественников Геродота, однако упоминание боспорских тиранов как основателей города Киммериды (ст. 896—899) говорит против такого раннего происхождения³⁶.

В перигоге Псевдо-Скимна названо по Северному Причерноморью 34 географических наименования и этнонима (ст. 467—772; 773—784; 785—796; 767; 798—803; 804—812; 813—819; 822—830; 831—834; 835—840; 841—849; 850—859; 860—864; 865—873; 874—885; 886—889; 890—895; 896—899; 953—957)³⁷, в том числе этноним «лимнен»,

который встречается только у него. В целом парипл преимущественно описательного характера. Расстояния в стадиях и днях пути указаны лишь до Ахиллонов острова, до Ольвии (соответственно от береговой линии), для судоходного участка Днепра, для расстояния между м. Карамбис и м. Бараний Лоб, а также (что довольно редко для Северного Причерноморья) обозначена в стадиях область расселения сарматов. Размер стадия, который использовал Псевдо-Скимн, не определен и, возможно, зависел от источников, что и следует учитывать при использовании его сведений.

Заложенные Евдоксом, Эратосфеном и Гиппархом математические методы географических исследований, равно как и описательная традиция в географии, получили свое продолжение в римский период. С точки зрения обилия источников, их разнообразия и определенной полноты, третий из выделенных нами периодов самый богатый. По крайней мере 50 авторов дают нам разнообразные сведения о Северном Причерноморье. Николай Дамасский, Страбон, Дионисий Периегет, Арриан, Гемин, Исигон Нижнейский, Сотнион, Плутарх, Элий, Геродотан, Псевдо-Анахарсис, Псевдо-Плутарх, Элий Аристид, Лукиан Самосский, Алпиан, Павсаний, Плиний, Помпоний Мела, Птолемей, Дион Хрисостом, Иосиф Флавий, Гай Валерий Флакк, Дионисий Галикарнасский, Максим Тирский, Полиен, Публий Овидий Назон, Тацит — вот далеко не полный перечень наших информаторов.

Безусловно, по своему характеру все эти источники неоднозначны. Большинство из них сообщает лишь отрывочные, единичные сведения иллюстративно-справочного толка. Однако здесь же мы встречаем произведения, практически не имеющие аналогов (по крайней мере, из дошедших до нас) по охвату топонимического материала и по широте обобщения. К этой группе, безусловно, следует отнести «Географию» Страбона, «Объезд Евксинского Понта» Арриана, «Географическое руководство» Клавдия Птолемея, географический очерк в «Естественной истории» Плиния, «Землеописание» Помпония Мелы и, может быть, несколько в меньшей степени «Землеописание» Дионисия Периегета.

«География» Страбона в 17 книгах является первой попыткой сопоставления географических сведений своего времени и предшествующих эпох и попыткой дать им систематический обзор. Страбон уделяет внимание главным образом подробному описанию ойкумены, его мало интересует проблема обитаемости или необитаемости других частей земного шара. «Итак, первое и самое главное дело как для научных

целей, так и для нужд государства — это попытка описать, по возможности наиболее просто, форму и величину той части Земли, которая помещается в пределах нашей географической карты, отмечая характерные особенности этой части и какую долю всей земли она составляет. Ведь в этом, собственно, и заключается задача географа» (Strabo, II, 5, 13)⁵⁸. Таким образом, для Страбона география — наука практическая, цель которой — польза для властителей. «...География как целое имеет прямое отношение к деятельности властителей...» (Strabo, I, 1, 16). Метод и цель Страбона чисто описательные. Он не стремится к причинному объяснению явлений и к теоретическим построениям и гипотезам и ограничивается разработкой «периплов» и «перизез» хрографических, исторических и мифологических сочинений⁵⁹, т. е. по большей части «География» Страбона не может считаться самостоятельным исследованием, но является трудом компилятивным, скорее историко-географического плана. Может быть, именно поэтому ее игнорировали последующие античные писатели. Зачем пользоваться критическим анализом, если имеется доступ к первоисточнику?

Страбонем нельзя пользоваться механически. Он только тогда ценен и понятен, когда становится ясно, кто из многочисленных его источников говорит с нами в каждом конкретном случае. Киммерийский Боспор и Понт описаны по материалам древнего понтийского перипла (М. И. Ростовцев считал этот «перипл» принадлежащим Артемидору Эфесскому⁶⁰). В то же время нельзя однозначно ответить, какой источник лежит в основе страбоновской диафессы племен, заменившей данные Геродота, хотя такие попытки и предпринимались⁶¹, и когда эти новые данные появились. Во всяком случае, как отмечает М. И. Ростовцев, Эфор ее не знает, а географы III, II, I вв. до н. э. считали сведения Геродота уже недостоверными и устаревшими.

Помимо общих сведений и физико-географической характеристики, в «Географии» Страбона для Северного Причерноморья названо 104 топонима (Strabo, I, 1,10; I, 2,9; I, 3,15; I, 3,21; I, 3,22; II, 4,5; II, 4,6; II, 5,12; II, 5,7; II, 5,22; II, 5,25; II, 5,30; II, 5,31; III, 2,12; VI, 4,2; VII, 1,1; VII, 2,2; VII, 2,4; VII, 3,2; VII, 3,3; VII, 3,4; VII, 3,7; VII, 3,8; VII, 3,9; VII, 3,11; VII, 3,12; VII, 3,13; VII, 3,15; VII, 3,16; VII, 3,17; VII, 3,18; VII, 3,19; VII, 4,1; VII, 4,2; VII, 4,3; VII, 4,4; VII, 4,5; VII, 4,6; VII, 6,1; IX, 2,42; XI, 2,1; XI, 2,2; XI, 2,4; XI, 2,8; XI, 2,9; XI, 2,10; XI, 2,11; XI, 2,12; XI, 2,13; XI, 2,14; XVI, 3,24; XVII, 3,34). Из этих наименований 22 встречаются только у Страбона (Аборака, агры, аррехи, тарпеты, обидеакены, Гнглое озеро, м. Малый Херсонес, урги,

атмоны, сидоны, ситтакены, доски, сторожевые башни клазоменцев, памятник Сатира, Патрасей, гора Киммерий, гора Трапезунт, Хаб, Неаполь, порт Ктенунт, сираки, макропогоны).

Для целого ряда пунктов Страбон указывает точные расстояния в стадиях, что позволяет использовать «Географию» для их локализации. Однако при этом вновь с неизбежностью встает вопрос о размере стадия, которым пользовался географ. В подавляющем большинстве принято считать, что Страбон пользовался 185-метровым стадием. В то же время нельзя забывать, что его труд есть не что иное, как сборник разновременных текстов, авторы которых использовали и иной стадий. Так, М. В. Агбунов считает, что единого стадия у Страбона, скорее всего, не было⁶². В частности, обратив внимание на совпадение отдельных расстояний в «Географии» с данными Арриана, он предлагает использование единого стадия, определяя его размер в 157,7 м. Там же, где используется Полибий, — 177,6 м. Впрочем, если Страбон знал, каким именно стадием пользовался каждый автор его источников, он должен был бы их унифицировать либо снабдить свой труд соответствующими пояснениями. С другой стороны, если признать а priori отсутствие единого стадия, то это открывает возможность к более обоснованному выделению отдельных источников Страбона. При расчетах же, по-видимому, следует учитывать обе точки зрения.

«Объезд Евксинского Понта» Арриана — довольно оригинальное сочинение, представляющее перипл, написанный в виде письма императору Адриану. В нем сообщаются общие сведения о Понте, а применительно к Северному Причерноморью дается название 48 географических наименований и этнонимов (Агг., 27, 28, 29, 30, 31, 32, 35)⁶³, из них два (Нитива и Эионы) встречаются только в «Объезде Евксинского Понта». Отдельные сведения по интересующему нас региону содержатся в других произведениях Арриана: в «Описании Индии» (4, 13); «Походе Александра Македонского» (I, 3, 1—2; III, 5, 4); «Истории Вифинии» (фр. 60); «Диспозиции против аланов» (18).

Если о времени написания перипла Арриана сомнений нет (II в. н. э.), то вопрос о том, к какому времени отнести нашедшую в нем отражение картину Северного Причерноморья, остается открытым. М. И. Ростовцев считал, что часть своего перипла Арриан составил, не пользуясь каким-либо литературным источником, а на основании собранных им сведений у лиц, лично знакомых с современным состоянием местности. Отсюда и ценность перипла Арриана — он дает нам свежую и реальную картину как раз особенно интересующих нас ме-

стностей — Кавказского побережья и Северного берега Черного моря⁴⁴. М. В. Агбунов предполагает, что в основе описания Черноморского побережья лежит перипл неизвестного автора конца IV — начала III в. до н. э.⁴⁵ Однако нам кажется странным, что достаточно крупный государственный чиновник, составивший фактически практическое руководство для своего императора, не удосужился сравнить сведения раннего перипла с сообщениями современников (в первую очередь военных). Точно так же кажется не совсем обоснованным взгляд на перипл Анонимного автора, так называемый перипл Псевдо-Арриана, как на расширенную редакцию самого Арриана. Если использование им текста Арриана сомнений не вызывает, то тождественность двух авторов весьма сомнительна. В частности, наличие современных названий пунктов только в перипле V в. н. э. становится просто необъяснимым в свете назначения излагаемых Аррианом сведений (остается предположить, что Арриан сознательно решил запутать императора Адриана, что есть *punsense*).

Что касается величины стадия Арриана, то ее определяют, исходя из указаний анонимного перипла о соотношении стадия и римской мили, как 197 м. М. В. Агбунов, исходя из того что при таком расчете абсолютно все указанные в перипле расстояния между известными, твердо локализованными городами оказываются намного больше действительных (однако то же самое и у Птолемея?), после проверки расстояний приходит к выводу, что использовался стадий 157,7 м, а византийский редактор просто перевел имеющийся стадий в мили по принятому в тот период стандарту 7,5 : 1⁴⁶.

Между тем при работе с данными «Географического руководства» Клавдия Птолемея выяснилось, что Птолемей использовал, по крайней мере для Северного Причерноморья, единый 210-метровый стадий⁴⁷ и также давал явно завышенные расстояния. Возможно, причина ошибки кроется в общем источнике, по каким-то причинам завысившим размеры описываемой территории? Во всяком случае, и при использовании перипла Арриана мы будем исходить в расчетах из дифференцированного подхода к определению величины стадия.

«География» Птолемея, называемая также «Географическим руководством», среди дошедших до нас трудов древности является сочинением, наиболее полным по охвату материала, накопленного греческой географической наукой и римской картографией. В основе взглядов Клавдия Птолемея на географическую науку лежит математический подход к составлению карт и определению положения различных пунк-

тов. Фактически Птолемеем закрывается древняя эпоха географических исследований. Европа была уже хорошо известна к западу от Эльбы и к югу от Дуная, а с меньшей точностью — гораздо дальше на восток. Труд Птолемея поражает богатством материала, особенно в отношении Северного Причерноморья. В этот регион включены часть Европейской Сарматии, Херсонес Таврический, части Нижней Мезии и часть Азиатской Сарматии. Им соответствуют карты Европы VIII и IX и карта Азия II. 176 различных географических наименований и этнонимов, среди которых по крайней мере 113 насленных пунктов, — такова картина, оставленная нам Птолемеем. Значительная часть указанных названий (91) встречается у Птолемея впервые и нигде больше не повторяется.

Не вызывает сомнения, что данные Птолемея основаны на использовании разновременных материалов, римских официальных справочников и карт. Причем мы, с одной стороны (в особенности при разграничении провинций и царств и отчасти в перечислении племенных этносов), видим влияние старых источников, а с другой стороны, здесь же находим описания, составленные на основании новых, часто до того неизвестных данных.

Во временном отношении «Географическое руководство» является последним из дошедших до нас обобщающих географических исследований античности. Отсюда оно интересно еще и тем, что отчасти позволяет выявить некие общие источники, которыми пользовались крупнейшие компиляторы ранней Римской империи.

Сравнительный анализ «Географического руководства» позволяет выделить ряд источников, близких по характеру описания, однако полностью идентифицировать их нельзя, так как во всех случаях имеются существенные различия⁴⁶. Отдельное, порой очень близкое сходство с «Географией» Страбона дает основание предположить наличие общих для Птолемея и Страбона источников. Ими могут быть, например, работы Эратосфена и Гиппарха. Страбон не занимался вопросами математической географии, но сохранил сетку параллелей и меридианов, предложенную Эратосфеном и уточненную Гиппархом. Он предпочитает отсчитывать расстояние до этих параллелей от экватора в стадиях, в то время как Птолемей проделывал прямо противоположную работу. Достаточно уверенно можно говорить об использовании Птолемеем не дошедших до нас трудов Марина Тирского. Вполне вероятно и использование каких-то местных материалов и подробных донесений римских военных, особенно при описании внутренних районов. Что

касается имеющего место определенного сходства со сведениями Геродота, Псевдо-Скилака, Помпония Мелы, Плиния, Арриана, то Птолемей мог пользоваться этими текстами для корректировки Марина Тирского или же имел общий с ними источник типа карт Випсания Агриппы, как в случае с Плинием.

Координаты большинства географических наименований, за исключением очень ограниченного числа центров (Рим, Александрия и некоторые другие), определялись Клавдием Птолемеем и его предшественниками, в первую очередь Марином Тирским, путем пересчета расстояний в стадиях на язык градусов и минут. Однако античные источники указывают, как правило, только прямые расстояния между пунктами. Для определения же координат необходимо знание как расстояния по широте, так и по долготе. Следовательно, приходилось раскладывать прямое расстояние на его составляющие, что неизбежно вело к определенным ошибкам, тесно связанным с отмеченным уже выше отсутствием в языке греков и римлян (по крайней мере до Птолемея) синонимичности между предложениями со значением «выше—ниже», с одной стороны, и сторонами света — с другой⁶⁶. Можно предположить, что античные картографы, и в том числе Птолемей, стремясь свести вероятность подобных ошибок к минимуму, раскладывали указанные расстояния так, что большая из частей сохраняла основное направление и была близка к прямому расстоянию, а меньшая лишь дополняла его. В «Географическом руководстве» большее расстояние, как правило, по долготе, а меньшее — по широте.

Целый ряд искажений у Птолемея следует, по-видимому, связать с изложением Марина Тирского, которое отличалось «трудностью и бессистемностью» (Ptol., I, 4). В первую очередь, необходимо учитывать возможность перестановки расстояний в широтном и долготном направлениях, о чем говорится в первой главе.

Большую сложность в использовании сведений Птолемея вызывает и размер стадия. Весьма существенное колебание его длины (от 148 до 210 м) неизбежно приводит к серьезной разнице расстояний при локализации и вытекающим из этого ошибочным выводам. Нет никакой уверенности, что Птолемей вообще пользовался единой длиной стадия при описании разных регионов, так как источники, лежащие в основе его труда, содержали различные по размеру стадия. Значит ли это, что избежать столь широкой вариативности при локализации данных Птолемея нельзя? Думается, нет. Если в основу положить расстояния между достаточно точно локализуемыми пунктами и соотнести

их с предлагаемыми координатами Птолемея, то можно попытаться высчитать и размер стадия, которым пользовался Птолемей. Впрочем, на методике работы со сведениями Птолемея мы остановимся позже (см. главу I).

Помимо обобщающих трудов греческих авторов, в первые века н. э. появляются географические обобщения латинских писателей Плиния и Помпония Мелы. Интерес римлян к Северному Причерноморью был вызван практическими потребностями чрезвычайно разросшейся Римской империи. Однако отсутствие самостоятельных исследований и описаний северного побережья Понта у римлян до первых веков н. э. приводило к тому, что они по преимуществу пользовались известной греческой географической литературой. На эту особенность обратил внимание еще Мюллергофф, а вслед за ним М. И. Ростовцев: «Большинство поэтов, а также учебники и практические путеводители восходят, обыкновенно, к ближайшим по времени эллинистическим источникам, но помимо этого выбрали в свои труды описания гораздо более раннего времени, идущие, может быть, непосредственно от ионийских писателей, однако со своими особенностями»⁷⁰. Вот этот старый, относящийся, вероятно, к VI—V вв. до н. э. материал, наряду со сведениями Геродота, очень важен для реконструкции карты Скифии.

Помпоний Мела, автор труда «О положении Земли», мало интересуется вопросами теории географии. Он преимущественно излагает описательный материал, как бы совершая воображаемое путешествие вдоль берегов ойкумены. Картина, рисуемая им, совершенно отлична от картины, данной картой Агриппы. В основу своей диафесы племен Мела положил не сведения эллинистической географии, а более старые данные, восходящие к ионийским географам, поэтому при использовании труда Мелы одна из первых задач связана с датировкой картины того или иного региона, а значит, и источника, лежавшего в основе его описания. В отличие от Страбона у Мелы снова появляются сведения о некоторых легендарных народах, живущих на севере Европы и Азии (гиперборейцах, аримаспах, аримфейцах и других). В целом «Землеописание» содержит довольно обширный и разнообразный материал. Мела называет по Северному Причерноморью 53 географических наименований и этнонимов (I, 1, 7; I, 1, 14; I, 3, 18; I, 19, 109; I, 19, 110—116; II, 1; II, 2; II, 3—8; II, 98; III, 4, 34—35; III, 5, 36—37)⁷¹, из них реки Кораканда и Букес, а также «этнонимфаты» в других источниках не встречаются.

В описании Помпония Мелы отсутствуют цифровые данные, однако некоторые подробности, сообщаемые им при определении местоположения того или иного пункта, весьма существенны для его современной локализации. Кроме того, близость, а возможно, и тождественность некоторых источников Мелы и Плиния позволяют существенно расширить возможности работы с географическим очерком последнего.

Географический очерк Гая Плиния Секунда (Плиния Старшего), включенный им в «Естественную историю», по обширности собранного в нем материала уступает разве что «Географическому руководству» Клавдия Птолемея. В нем даются сведения общего физико-географического плана (Plin., NH, I, 1, 7; 2, 9), перечисляются порядка 105 географических наименований и этнонимов по Северному Причерноморью (II, 204; II, 206; II, 231; III, 149; IV, 16; IV, 41; IV, 75; IV, 80; IV, 82—90; IV, 93; VI, 16; VI, 7; VI, 20; VI, 18—19; VI, 11; VII, 12). Из этих наименований 33 встречаются только у Плиния (холм Либерос, ареаты, Эполиз, Макрокремисские горы, кробитги, река Родя, залив Сагарийский, Ахейская гавань, сарды, река Акесия, Оргокины, Харакены, ассираны, стактары, скифо-сатавки, Зефирий, Дия, авхеты, о. Сподуса, о. Марка, г. Гераклея, марды, серры, кефалотомы, знагериты, р. Икар, аки, город и река Гнер, мыс Круны, река Сихери, Стратоклия, Пирра, Антисса).

Несмотря на полноту сведений Плиния, использование «Естественной истории» в качестве источника по античной географии Северного Причерноморья сопряжено с определенными трудностями, вызванными некоторой бессистемностью и противоречивостью его сведений, заимствованных из различных источников.

В свое время М. И. Ростовцев выделил четыре группы источников Плиния: 1) какой-то источник, дающий довольно точную общую этнографическую картину Западного Причерноморья, относящуюся ко времени, близкому к Плинию; 2) перипл Черного моря и скомбинированная с ним перизгета, причем перипл очень точен, по крайней мере для Крыма и прилегающих с востока местностей, т. е. Боспора и его кавказских соседей, перизгета же напоминает Мелу и восходит, вероятно, к источнику того же типа; 3) официальное перечисление городов и общин римских провинций Августовского и после-Августовского времени; 4) другие данные из официальных и неофициальных источников, близкие по времени Плинию⁷².

В настоящее время установлено, что основными источниками Плиния являются Варрон, Август и Агриппа. Плиний, по-видимому, пользовался черновыми записями Агриппы к карте и периодическими таблицами Августа ⁷¹, а также некоторыми исчислениями Варрона, взятыми им из какого-то греческого источника. Впрочем, М. В. Скржинская, проанализировав сообщение Плиния о Северном Причерноморье, вполне обоснованно приходит к заключению о невозможности определить имена авторов, произведениями которых Плиний пользовался при описании этой области. Исключения составляют лишь ссылки на писателей, приводивших цифры географических измерений ⁷².

Большинство измерений у Плиния дается в римских милях, лишь некоторые расстояния определялись греческими стадиями. Согласно исследованиям Залльманна, расстояния между отдельными пунктами на Европейском берегу Понта даны по Варрону («De geometria»), а последний взял их из какого-то греческого источника ⁷³. Мюлленгофф считал, что это Эратосфен, который для целей своего теоретического труда округляет расстояния до 100 стадиев ⁷⁴. Плиний приравнивал стадий к одному определенному числу — 125 шагов (Plin., NH, II, 85), т. е. в римской миле 8 стадиев ⁷⁵. Так как стадий был разный (как разными были и источники Плиния), то в цифрах расстояния могут быть разными. Так, М. В. Агбунов считает, что ряд расстояний у Плиния измерен в стадиях 157,7 м (Эратосфен?), в этом случае пересчет следует вести в соотношении 9,4 : 1 ⁷⁶.

Таким образом, перевод данных Плиния на современные меры длины, несмотря на то что по большей части он пользовался унифицированной римской милей, также требует дифференцированного подхода и зависит от источников сведений Плиния.

Несмотря на то что Плиний, Арриан и Птолемей излагали по большей части реальную картину Причерноморья, сила эллинистической традиции была столь велика, что продолжала жить в целом ряде географических произведений римского времени. Таково, в частности, «Описание населенной земли» Дионисия Периегета, представляющее собой стихотворное произведение, наполненное как реальными географическими сведениями, так и вымышленными мифологическими персонажами. Дается только широкая общая картина Понта (какой-либо конкретный цифровой материал в системе определения местоположения отсутствует), включающая характеристику климата и довольно оригинальное описание племен, восходящее, по мнению М. И. Рос-

тонцева⁷⁹, к эллинистическому времени. Упоминания же таких племен, как гиппемолги, агавы, гиппоподы, восходят, по-видимому, еще ко времени ионийской колонизации.

В «Землеописании» Дионисия названо 26 наименований по Северному Причерноморью (Dion. Per., 14—22; 27—35; 142—168; 248—320; 541—553; 652—710). Однако отсутствие в нем указаний на точное местоположение пунктов делает возможным использование «Землеописания» лишь в совокупности с другими источниками.

Остальные источники, выделенные нами в третий период, менее выразительны, географическая часть в них носит, как правило, прикладной характер, сообщения по Северному Причерноморью случайны и единичны. Таковы сведения Гемия (1 наименование), Псевдо-Анахарсиса (1), Псевдо-Плутарха (2), Элия Аристиды (1), Лукяна Самосатского (3), Павсания (4), Иосифа Флавия (4), Полиена (4), Исихона Никейского (3), Сотниона (1), Плутарха (9), Николая Дамасского (6), Диона Хрисостома (6), Гая Валерия Флакка (6), Авли Гелия (5), Вергилия (3), Витрувия (3), Саллюстия (4) и большинства других латинских писателей.

Довольно обширный перечень наименований содержится в работе «Об общей просодии» Элия Геродиана (22), однако труд этот словарно-справочного характера и может быть использован лишь в качестве вспомогательного материала.

Зачастую сведения ряда авторов (особенно латинских) об окраинных областях ойкумены, в том числе и Северного Причерноморья, содержит много неясного и устаревшего. «Несомненно, что какой-то большой авторитет когда-то наложил свою печать на географические представления римлян о Понте, и это общее представление, в котором ионийцы сочетались с общими картинами Эратосфена и с данными эллинистических периплов и периегес, сделалось классическим для всех позднейших переработчиков этого основного географического творения. В географической литературе Рима... крупную роль сыграли периплы. Они составляли как бы тот остов, с которыми сочетались наблюдения физической географии и периегесы или диафесы племен»⁸⁰.

Последний, четвертый период в развитии античной географии охватывает время с III по VI в. н. э. Источники, относящиеся к этому периоду, весьма многочисленны: Стефан Византийский, Геский Александрийский, Климент Александрийский, Клавдий Элиан, Псевдо-Орфей, Аммиан Марцеллин, Псевдо-Арриан, Зосим, Афиней, Маркиан из Гераклеи, Гай Юлий Солин, Афанасий Александрийский, Сократ,

Феодорит, Гермий Созомен, Приск Панийский, Кесарий, Руфий Авиен, Филострат, Евнаний, Филосторгий, Геродман, Вибий Секвестр, Нонн, Юлий Гонорий, Агатемер, Лабаний, Павел Оросий, два Анонимных автора, Мавр Сервий Гонорит, Квинт Септимий Тертуллиан и некоторые другие.

У большинства этих авторов географические сведения о Северном Причерноморье незначительны. Они не добавляют почти ничего нового о предшествующем времени, а сведения о современной им картине мира единичны. Вместе с тем к этому периоду относится ряд довольно подробных периплов и обширная справочно-грамматическая литература, содержащая и толкование географических наименований и этнонимов.

Среди наиболее значительных явлений географической литературы этого времени в первую очередь следует назвать «Объезд Евксинского Понта» Псевдо-Арриана. В нем дается значительно более подробное, чем у Арриана, описание Северного Причерноморья — 69 наименований (Ps.-Arr., 18; 50; 54; 56—60; 62—66; 69—70; 72—79; 81; 83—89; 91—94; 96; 117; 118). Из них восемь встречаются только в перипле Псевдо-Арриана (Стениника, Скопелы, Антифиловы; реки Несис, Псхапис, Топсида; этнонимы зихи и еадусины).

М. И. Ростовцев считал этот перипл продуктом позднеантичной образованности⁸¹, причем картина, данная в нем для крымского побережья, а также побережья около Ольвии, должна быть отнесена ко времени не позднее III в. до н. э. Доказательством этого являются пределы распространения скифов (очень узкие на восточном берегу Крыма и очень широкие на западном берегу Крыма и на северном берегу Черного моря); замечания о том, что Феодосия приняла беглецов из Босфора, изобилие населенных мест между Ольвией и Истром, использование данных Псевдо-Скиллака.

М. В. Агунов предлагает считать, как уже говорилось выше, перипл Анонима периплом Арриана, трактуя его как расширенную редакцию последнего⁸².

М. В. Скржинская вслед за А. Диллером относит время его написания ко второй половине VI в. н. э., выделяя в качестве основных источников перипла произведение трех авторов: Псевдо-Скиллака, Мениппа и Арриана. Кроме того, некоторые сведения были заимствованы у Псевдо-Скиллака и некоторых других неизвестных писателей⁸³.

Описание Северного Причерноморья в «Объезде Евксинского Понта» идет с востока на запад вдоль берегов Черного моря. Однако в

силу механического соединения источников, в некоторых из которых описание велось в обратном направлении, автор кое-где не поменял порядок перечисления, что привело к определенной путанице в описании⁴⁴. Заметим попутно, что, возможно, именно этим объясняются некоторые общие ошибки у Псевдо-Арриана и Птолемея.

Все расстояния, измеренные стадиями в более ранних греческих источниках, переведены в перипле в мили. При этом использовался обычный стандарт византийской эпохи: 1 миля равна 7,5 стадиев. Таким образом, размер стадия получается равным 197,5 м. Однако, как уже неоднократно говорилось выше, это соответствует действительности лишь в том случае, если компилятор приводил все встречающиеся в его источниках виды стадия к единой величине. А поскольку в отношении «Объезда Евксинского Понта» Анонимного автора VI в. н. э. такой уверенности нет, то при работе с его данными мы будем исходить из возможной дифференциации размеров стадия в зависимости от характера первоисточника.

Кроме «Объезда Евксинского Понта» Анонима, к IV периоду относятся также несколько менее значительных по охвату палеогеографического и топонимического материала по Северному Причерноморью произведений, выполненных в стиле перипла или перизезмы. Это: «Описание земного круга» Авниена, «Описание мира» Юлия Гонория, «Краткое землеописание» Агатемера, «Объезд Внешнего моря» Маркиана, «Сборник достопримечательностей» Солина, «Землеописание» Присциана.

В «Описании земного круга» Авниена содержится общая характеристика Понта (214—254), дается диафеса племен (435—461; 852—891), упоминаются Истр и Борисфен. Кроме того, сохранился очень интересный отрывок «Морское побережье», дающий нам представление об источниках, которыми пользовались тогдашние авторы (32—35): «Ты спросил, если помнишь, каково положение Меотийского моря. Я знал, что его описание дал Саллюстий, и не отрицал, что его слова у всех пользуются признанным авторитетом; итак, к его знаменитому описанию, в котором деятельный выразитель стиля и истины изрядным языком дал почти наглядное расположение и изображение местностей, мы присоединили многие данные, заимствованные из сочинений множества писателей. Именно здесь будет Гекатей Милетский, Гелланик Лесбосский, Фидей Афинский, Скилак Карнаудский, затем Павсимах, которого родил старый Симос, а также Дамаст, рожденный в славном Сигее, родосский уроженец Бакор, гражданин аттического

города Евктемон, Клеон Сицилийский, сам Геродот Фурийский и, наконец, великая краса речи — аттический Фукидид»⁶¹.

«Описание мира» Юлия Гонория, помимо общего описания, содержит некоторые метрические данные. В частности, сообщается длина Данувия (Истра) (А, 24), Тананса (А, 33), Борисфена (А, 33), возможно, Гипаниса (Кубани) (А, 33). Источником для Юлия Гонория служили преимущественно римские карты, аналогичные карте Агриппы, итнерарию Антонина и *Tabula Peutingeriana*. Как отмечают исследователи Юлия Гонория, в этом главная причина большого количества ошибок в его работе: употребление наименований рек вместо племенных, племенных наименований вместо названий городов (например, А, 33), а также неверно указаны расстояния для рек⁶². Помимо рек, в «Космографии» Юлия Гонория дается перечисление отдельных племен, в том числе и для Северного Причерноморья (А, 38).

«Краткое землеописание» Агатемера сохранилось лишь в незначительных отрывках. О Северном Причерноморье имеются лишь некоторые общие сведения: размер Меотийского озера (10), Киммерийского Боспора (10) и некоторые характеристики Тананса (18).

Перипл Маркиана «Объезд Внешнего моря» основан преимущественно на тексте Птолемея и отчасти Протагора и содержит общее описание Сарматии (II, 40), а также описание реки Тананс и Меотийского озера (I, 4—5). До нашего времени дошел в незначительных фрагментах.

«Сборник достопримечательностей» Солина представляет собой компиляцию, основанную главным образом на «Естественной истории» Плиния и Помпония Мелы и, возможно, на некоторых более древних источниках. По Северному Причерноморью у Солина встречаются 13 наименований (XII, 1; XIII, 1; XIV, 1; XV, 1; XV, 4; XV, 13—14; XVI, 1; XIX, 1).

«Землеописание» Присциана представляет собой довольно близкий по содержанию перевод периплехе Дионисия, дополненный отдельными сведениями Плиния и отчасти какими-то более древними источниками. По Северному Причерноморью в «Землеописании» имеются следующие сведения: описание Истра и диафеса племен, Ахиллов Бег, заселенный таврами; описание Борисфена, мыс Бараний Лоб, описание рек Ардиска и Пантикапа (228—312). В другом отрывке (357—366) дается описание двух островов — Левки и Алопекки и упоминаются города Фанагора и Гермонасса.

Довольно полное землеописание содержится в «Римской истории» Аммиана Марцеллина. Составленное на основе периплов и периплехе,

близких по времени сочинениям Мелы, Плиния и Валерия Флака, оно в то же время отличается от них заимствованиями у Саллюстия, а через него — у Эратосфена и Гекатея. Кроме того, Аммиан использовал и данные Птолемея. Как отмечает М. И. Ростовцев, в этнографическом экскурсе Аммиана только гунны описаны по свежим и новым источникам, остальное, по большей части, составлено по литературным трафаретам и заимствованиям⁸⁷. Топонимика Аммиана Марцеллина по Северному Причерноморью включает 40 наименований (XXII, 8, 25—26; XXII, 8, 29—36; XXII, 8, 39—46; XXXI, 2, 1; XXXI, 2, 13—25)⁸⁸. Характер сведений чисто описательный, метрические данные по Северному Причерноморью отсутствуют, за исключением размера окружности Понта (XXII, 8, 10).

И. Е. Ермолова, рассматривая произведения Аммиана Марцеллина в контексте развития античной традиции о Северном Причерноморье, отмечает обширные познания этого историка в области традиционных представлений о географии и населении этого региона⁸⁹. Однако важно отметить, что географические сведения здесь не имеют самостоятельного звучания и используются в первую очередь для конкретизации того или другого исторического факта. Следовательно, выбор включенных в текст топонимов в отдельных случаях мог основываться на желании обозначить (хотя бы приблизительно) основные контуры региона, с которым связаны описываемые события. Так, из всего многообразия топонимов, заключенных на карте Клавдия Птолемея между реками Борисфеном и Танаисом (включая Таврический полуостров), Аммиан Марцеллин упоминает «города Борисфен, Кефалонес и алтари, посвященные Александру Великому и Цезарю Августу» (Алт. Магс., XXII, 8, 40); Евпаторию, Даядаку и Феодосию (XXII, 8, 36) и реки Ромбит, Теофаний, Тотордан (XXII, 8, 29). В результате вырисовываются довольно четкие общие контуры региона, между крайними пунктами которого (река Тотордан на востоке и г. Феодосия на западе) расположено Боспорское царство.

Среди дошедших до нас периплов следует отметить также два небольших отрывка безымянных авторов: «Окружность Понта» и «Изложение землеописания в сокращении». В первом из них упоминается город Портмий при устье Меотиды (3), Ахиллово селение (4), размеры Понта и Меотийского озера (5)⁹⁰. Во втором дается общее описание Сарматии (IV, 9—10), описание Истра, Борисфена, Танаиса (X, 30) и описание Понта (XIV, 53)⁹¹.

Определенным дополнением к рассмотренным выше источникам служат своеобразные географические и грамматические справочники: «Описание племен» Стефана Византийского и «О браке Филологии и Меркурия» Маркиана Капеллы. Стефан Византийский лишь перечисляет этнонимы и иные географические объекты (всего по Северному Причерноморью их названо 50)⁹². Произведение же Маркиана Капеллы скорее носит словарно-энциклопедический характер. Географическая часть здесь близка к периплу и основана преимущественно на сведениях Плиния и Солина. Топонимика, представленная в VI книге, по Северному Причерноморью незначительна — всего 9 наименований⁹³. Это общее описание Понта, Истра, диафеса племен, Борисфена (река, озеро и город), острова Ахилла, Гипаниса (VI, 661—664). Объяснение встречавшемуся в античных произведениях топонимическому материалу, в том числе и по Северному Причерноморью, содержится в разновременных сколиях к Гомеру, Гесводу, Эсхину, Пиндару, Аполлонию Родосскому, Демосфену, Каллимаху, Еврипиду, Аристофану, Ликофрону, Дионисию, Клименту, Аристиду, Лукану. Особенно обширный материал имеется в «Комментариях к “Землеописанию” Дионисия» Евстафия (42 наименования).

Итак, все перечисленные источники могут быть использованы в той или другой мере в реконструкции географических знаний о Северном Причерноморье в античную эпоху. Вне нашего анализа остались свидетельства античных писателей (в том числе и упомянутых выше) по истории Северного Причерноморья, включая историю Ольвии, Херсонеса, Боспорского царства и варварских территорий, выходящие за рамки задач данного исследования. Кроме того, северопричерноморская тематика, в первую очередь скифская, получила широкое распространение в греческой и римской литературе, в театре, в философских трактатах, в речах ораторов и политиков. Однако по большей части используемые примеры далеки от реального содержания этнонимов и скорее носят нарицательный характер, а потому вряд ли могут добавить что-либо новое для реконструкции античной топонимики Северного Причерноморья.

Анализ античных сведений о Северном Причерноморье показал, что все они могут быть отнесены к двум основным группам: источники, которые могут быть использованы самостоятельно (к ним относятся свидетельства, содержащие метрические данные или очень подробные, почти наглядные, узнаваемые картины той или другой местности), и источники, значительно более многочисленные, которые могут

быть использованы лишь опосредованно в совокупности с источниками первой группы.

Так как метрический материал выражен по большей части в стадиях, то к переводу его на современные меры нужно подходить дифференцированно, учитывая компликативный характер источников. Таковы, например, сведения Геродота, Страбона, Плиния, Арриана, большинства периплов и перизгез. Исключение как будто составляет «Географическое руководство» Клавдия Птолемея, при работе с которым по разработанной нами методике можно избежать необходимости учитывать величину античного стадия⁸⁴.

Интерес к античной географии возник уже в средние века, однако он носил преимущественно кабинетный характер и выражался чаще всего в издании отдельных источников, без попыток реальной локализации древних топонимов. Первоначально бесспорным авторитетом в области географии считался Клавдий Птолемей. Многочисленные цитаты из его «Географического руководства» имеются уже в трудах ранних географов Арабского халифата. Сохранились и его переработки. Примером могут служить сочинения ал-Хорезми, работавшего в 30-х гг. IX в. Информация о названиях населенных пунктов и таблиц координат Птолемея содержится в астрономическом трактате ал-Баттани, писавшего в 877—918 гг., а также в работах Абу-Райхана Бируни, исправившего ряд ошибок Птолемея и заново определявшего координаты азиатских городов. Черноморское побережье и населенные пункты Приазовья в целом соответствовали в арабских источниках описанию Птолемея (например, у ал-Хорезми⁸⁵).

В Европу «Географическое руководство» Птолемея попало в XII в., и первые его издания были подготовлены очень тщательно, с точным воспроизведением названий населенных пунктов и их координат. Какие-либо изменения практически не допускались. Большинство рукописей «Географии» Птолемея восходят к гипархетипу Ω, представлявшему собой сильно отредактированную версию птолемеевского труда. Однако наиболее близко к автографу Птолемея стоит архетип Ξ, к которому восходит кодекс. В части рукописей представлена смешанная традиция⁸⁶.

Рукописи «Истории» Геродота распадаются на две ветви: 1) флоринтийская — самые древние рукописи, X—XI вв.; 2) римская — все рукописи XIV в. Имеются и промежуточные рукописи⁸⁷.

Первые рукописи «Географии» Страбона появились в Европе в первой половине XV в. Наилучшая рукопись «Географии» — *Codex*

Parisinus 1397 (A) — содержит только книги I—IX (книгу VII — в отрывках) с большими пропусками. Другие рукописи содержат, напротив, только конец — книги X—XVII. Полностью все 17 книг сохранились только в Codex Parisinus 1393, с большими пропусками (в особенности книга VII)⁹⁸.

Первое печатное издание Геродота осуществил Альдо Манучи в 1502 г. в Венеции⁹⁹. Несколько раньше, в 1472 г., появилась в печати «География» Страбона, однако это и несколько последующих изданий, в том числе и Альдо Манучи (1516 г.), были сделаны на основе плохой рукописи. Примерно в то же время появляются первые издания Плиния (1525 г.) и Стефана Византийского (1505 г.). Все эти издания, как правило, не содержали комментариев, однако вводили в научный оборот важные источники.

Первую попытку показать различие между древней и новой географией на примере труда Птолемея сделали в 1513 г. Мартин Валдземюллер и Матиас Ригман. В 1514 г. эту же работу проделал Иоган Вернер, но довольно неудачно. Комментарии к «Географическому руководству» были сделаны также Иоганном Штефлером и его учеником Себастьяном Мюнстером. В 1587 г. в Париже вышло критическое издание «Географии» Страбона, подготовленное и комментированное филологом Казобоном. С тех пор большинство изданий снабжалось определенными комментариями и сопровождалось критическими замечаниями, однако вплоть до XVIII в. все они носили исключительно кабинетный характер. Первым специальным сочинением по истории античной географии следует признать работу К. Маннерта, первый том которой вышел в 1788 г. Он не только ввел в научный оборот понятия «землеведение», «страноведение», а также наряду с термином «география» — «землеописание», но и предпринял попытку локализации ряда топонимов, в том числе по Северному Причерноморью¹⁰⁰. Следует отметить, что в XIX в. широкое распространение получает критика сведений античных писателей с позиций современной науки, построенная по принципу развернутого комментария к тексту. К такому роду исследований относятся работы Мюллера¹⁰¹, Фишера¹⁰², Куница¹⁰³, Шварца¹⁰⁴ по «Географическому руководству» Клавдия Птолемея, Гроскурда¹⁰⁵ и Форбигера¹⁰⁶ по «Географии» Страбона, Штейна¹⁰⁷ и Абихта¹⁰⁸ по «Истории» Геродота, Детлефсена¹⁰⁹ и Голлендера¹¹⁰ по «Естественной истории» Плиния и др. Тогда же предпринимаются попытки выделения и комментирования греческих и латинских текстов по Северному Причерноморью Боннелем¹¹¹ и частично Мюлленгоффом¹¹².

Наиболее же удачно эта работа была проделана В. В. Латышевым, выделившим известия древних писателей о Скифии и Кавказе ¹¹¹.

Публикация текстов с развернутыми комментариями продолжалась и в последующее время ¹¹⁴. Одной из обобщающих работ по «Историям» Геродота в этом плане является книга «Народы нашей страны в "Историях" Геродота» А. И. Доватура, Д. П. Каллистова и И. А. Шишовой ¹¹⁵. Главным недостатком большинства подобных работ является отсутствие привязки локализации топонимов к конкретным археологическим объектам, особенно характерное для исследователей прошлого века, что объясняется слабой археологической изученностью Северного Причерноморья в то время.

Однако несмотря на это в XIX — начале XX в. были предприняты попытки определения местоположения целого ряда физико-географических топонимов и населенных пунктов на местности. Этому способствовали как глубокий и всесторонний анализ имеющихся в распоряжении письменных источников, своеобразный итог которому подвел М. И. Ростовцев ¹¹⁶, так и ценные описания и наблюдения античных поселений и городов, накопленные к этому времени ¹¹⁷. Появляются работы, посвященные как локализации отдельных пунктов (Беккер П. В. ¹¹⁸, Спасский Г. И. ¹¹⁹, Леонтьев П. М. ¹²⁰, Бурачков П. О. ¹²¹, Ростовцев М. И. ¹²², Бертъе-Делагард А. Л. ¹²³, Пападимитриу С. Д. ¹²⁴, Гриневич К. ¹²⁵), так и обобщающего характера, рассматривающие тот или другой регион в совокупности (Стемпковский И. А. ¹²⁶, Бларамберг И. П. ¹²⁷, Надеждин Н. И. ¹²⁸, Муральт Э. Г. ¹²⁹, Беккер П. П. ¹³⁰, Мюллер К. ¹³¹, Уваров А. ¹³², Браун Ф. ¹³³, Брун Ф. ¹³⁴, Дюбрюке П. ¹³⁵, Латышев В. В. ¹³⁶, Мищенко Ф. Г. ¹³⁷, Герц К. К. ¹³⁸, Забелин И. Е. ¹³⁹, Поночевный М. О. ¹⁴⁰, Горшкевич В. И. ¹⁴¹, Готье Ю. В. ¹⁴², Башкиров А. К. ¹⁴³, Соболевский Ф. И. ¹⁴⁴).

Одновременно с этим получает развитие и такое направление, как составление географических карт на основе одного или нескольких источников. Так, Ю. Кулаковский при составлении своей карты использовал метод положения градусной сетки Птолемея на современную карту и простым пересчетом расстояний наносил на нее данные «Географического руководства». Этот метод давал определенные результаты для районов, не подвергшихся существенным искажениям, и оказался совершенно непригодным там, где требовалось учитывать эти искажения ¹⁴⁵. Несколько иной подход был предложен Ф. А. Брауном, который предпринял простой пересчет стадиев соответственно числу указанных в координатах градусов на современные меры ¹⁴⁶. Однако

такой подход, во-первых, совершенно не учитывает несоизмеримость величин градусов и минут широт и долгот, которыми пользовался Птолемей, с современными. Во-вторых, так же как и у Ю. Кулаковского, он неприемлем для районов, подвергшихся сильному искажению на карте Птолемея. По сути дела, обе эти работы, так же как и карта Сарматии по Клавдию Птолемею, составленная В. Е. Борисовым ¹⁴⁷, восходят к традиции первых реконструкций конца XV в, т. е. к тому времени, когда сведения Птолемея были скорее практическим руководством, чем историческим источником.

Важное место в работах конца XIX — начала XX в. занимал и анализ филологической стороны вопроса: правильность перевода, значение того или иного выражения, слова. Примером тому могут служить отдельные статьи в *PONTIKA* В. В. Латышева ¹⁴⁸.

Одной из сложных задач, вставшей перед исследователями уже в то время, была задача восстановления текста ряда античных авторов, дошедших до нас через другие источники, а также определение основных информаторов компилятивных трудов древности. Последнее особенно важно для выяснения временного отрезка, нашедшего отражение в том или ином географическом сообщении. Так, Е. Доппом была предпринята попытка восстановления на основании имеющихся данных перипла Эфора ¹⁴⁹. Бергер дал собрание фрагментов Эратосфена и их характеристику ¹⁵⁰. Моммзен определяет состав географического экскурса Аммиана Марцеллина ¹⁵¹. Клотц ¹⁵² и Деглефсен ¹⁵³ исследуют очерк географии в «Естественной истории» Плиния. Подробный анализ основных источников по Скифии и Боспору дал М. И. Ростовцев ¹⁵⁴. Среди них ионийские писатели и Геродот, периплы и периплехсы IV—I вв. до н. э., периплы и периплехсы римского времени.

Таким образом, к началу XX в. в литературе по исторической географии Северного Причерноморья выделились все основные проблемы и были отмечены некоторые пути их решения. Однако возможности использования письменных источников были ограничены слабостью археологической базы. Впрочем, у этой слабости была и сильная сторона. Многочисленные белые пятна в археологии, с одной стороны, обеспечивали определенную независимость исследователя в процессе анализа источника от соблазна применить то или иное наименование к понравившемуся археологическому объекту, а с другой — стимулировали процесс археологического поиска, приведшего впоследствии к бурному росту численности открытых археологических

памятников, что, в свою очередь, стимулировало новый виток в развитии исторической географии.

В первой половине XX в. в контексте общей задачи, решаемой исторической географией по Северному Причерноморью, обозначалась еще одна проблема, на которую обратил внимание И. А. Степковский¹⁵⁵, — необходимость учета географических изменений, произошедших по сравнению с античной эпохой. Первую попытку палеогеографической реконструкции и локализации на ее основе указанных здесь топонимов предпринял С. Ф. Войцеховский, применительно к дельте Кубани¹⁵⁶. Однако данных для этого было недостаточно, и это направление получило широкое развитие лишь в наше время, хотя и до сих пор далеко не все участки Северного Причерноморья подверглись всестороннему палеогеографическому исследованию, что делает весьма высокой вероятность ошибки при определении местоположения отдельных топонимов.

С 90-х гг. XIX в. начинается выпуск «Реальной энциклопедии»¹⁵⁷. Вопросы античной географии Северного Причерноморья рассматриваются в ряде статей Кисслинга, Кречмера, Томашека, Германна и др. Статьи «Реальной энциклопедии» отражают степень изученности того или другого вопроса. Они далеко не всегда взаимосвязаны, и в ряде случаев взгляды одних авторов вступают в противоречие с гипотезами, которые предлагают другие. В целом статьи «Реальной энциклопедии» представляют собой весьма ценную сводку материала, не утратившего в ряде случаев своего значения до настоящего времени.

Накопленный в области античной географии материал в сочетании с новыми археологическими открытиями в немалой степени способствовал появлению в 40—60-х гг. прошлого столетия ряда обобщающих работ по истории античных государств Северного Причерноморья¹⁵⁸, в которых затрагивались проблемы локализации ряда античных городов. Весьма характерна в этом плане статья Н. И. Сокольского, посвященная Кепам, в сборнике «Античный город»¹⁵⁹. Предлагаемая им локализация Кеп вытекает не столько из анализа античной письменной традиции (с ней предложенная локализация как раз не согласуется), сколько из наличия на предполагаемом острове Фанагора единственного (кроме Фанагории) значительного городища у оконечности Таманского залива, «которое и следует считать остатками Кеп»¹⁶⁰. Такой подход, имевший место и ранее (например, у С. Ф. Войцеховского в отношении Тирамбы¹⁶¹), опасен тем, что возникает иногда, возможно, и не осознанное желание «подчинить» свидетельства ав-

тичных авторов местоположению вновь найденного интересного памятника. Отчасти эта тенденция характерна для всей общепринятой локализации городов Таманского полуострова, в том числе и для Фанагория, хотя в отношении последней проблема выглядит более запутанной. Не являются исключением и попытка разрешения имеющихся противоречий в отношении Синдской гавани и Грогиппии. В частности, в последней работе, посвященной этой проблеме, А. А. Завойкина очевидно желание отождествить Синдскую гавань с Горгиппией не столько на основе письменной традиции, сколько исходя из найденного в 1982 г. на территории Анапы раннего городища¹⁶².

Методика поиска от обратного, т. е. от конкретного памятника к письменной традиции, может быть отчасти оправдана лишь в тех случаях, когда последняя не сообщает о топониме ничего, кроме общего пространственного расположения. В этой ситуации именно данные археологии становятся решающими при определении местоположения искомого топонима. Подтверждением этому может служить полемика вокруг проблемы локализации скифских крепостей Неаполя и Палакия, развернувшаяся на страницах журнала «Вестник древней истории» в 70—80-х гг. прошлого столетия¹⁶³, в ходе которой с той и с другой стороны в качестве главных аргументов использовались данные археологии и этнографии.

Важным этапом в развитии изучения античной географии Северного Причерноморья явилась монография Л. А. Ельницкого «Знания древних о северных странах»¹⁶⁴. В ней рассматриваются и комментируются свидетельства наиболее полно сохранившихся древних описаний северных стран у античных авторов, среди которых Гекатей Милетский (с. 54—68), Псевдо-Скилак (с. 68—73), Геродот (с. 73—102), Страбон (с. 195—167), Помпоний Мела и Плиний (с. 168—191), Птолемей (с. 191—211). Заслугой Л. А. Ельницкого, бесспорно, следует признать рассмотрение всей совокупности имеющихся в нашем распоряжении источников и попытку объяснения причин происхождения некоторых противоречий в сведениях античных географов через сравнительное их изучение. При этом исследователь попытался отойти от двух крайностей, присущих, по его мнению, исторической науке: «первая — боязнь выйти за рамки традиционных представлений и кощунственно посягнуть на целостность и аутентичность древнего автора, вторая — чрезмерный критицизм и поиск противоречий и несоответствий во что бы то ни стало»¹⁶⁵. В отношении физической географии северных стран такая попытка оказалась вполне успешной,

в то время как в отношении географии населенных пунктов мало что изменилось.

Во второй половине XX в. исследования в области античной географии продолжают определяться теми же направлениями, хотя и на качественно более высоком уровне. Прежде всего, появляется ряд работ, посвященных общим проблемам античной географии. Среди них бесспорного внимания заслуживает исследование А. Б. Дитмара «География в античное время»¹⁶⁶. В сопоставлении с историческими эпохами А. Б. Дитмар выделяет в развитии античной географии одиннадцать этапов¹⁶⁷, в большей или меньшей степени характерных и для античной географии Северного Причерноморья. Причем исследователь останавливается затем не только на общей характеристике относящихся к ним источников, но и затрагивает очень важную проблему «географического районирования ойкумены античными учеными», выделяя последовательно этнический, географо-этнический, орфографический, политико-этнический и политико-административный принципы районирования¹⁶⁸, что очень важно для определения временных параметров анализируемых свидетельств античных географов.

Новым в рамках этого направления стал углубленный анализ отдельных аспектов и составляющих географических знаний античности. В частности, это касается проблемы ориентации по странам света в работах А. В. Подосинова¹⁶⁹, а также проблемы соизмеримости метрических показателей в античных текстах. Последней проблеме посвящены работы Л. В. Фирсова¹⁷⁰ и М. В. Скржинской¹⁷¹. Метрические размеры вызывают большую сложность в использовании сведений античных авторов, особенно в части определения размера стадия, которым пользовался тот или другой автор (от 148 м до 210 м). Несмотря на то что в ряде случаев размер стадия как будто бы определен, компилятивный характер большинства источников не позволяет с уверенностью сказать, что на протяжении всего повествования соблюдается единство этого размера. Это обстоятельство заставляет исследователей в спорных случаях прибегать к общей сетке величин стадия, т. е. производить расчеты во всех возможных параметрических соотношениях. Предлагаемый Л. В. Фирсовым метод исчисления стадия, на первый взгляд, позволяет избежать подобных иррациональных усилий. Однако это только на первый взгляд. Практическое применение этого метода в работе Л. В. Фирсова в отношении Страбоновой «Географии»¹⁷² показывает, что он не учитывает многих факторов, таких как конфигурация пути на местности, возможность неточности в из-

мерениях, сочетании сухопутных и морских маршрутов, компилятивные искажения и т. п. Определение же размера стадия путем внесения среднесарифметического его значения в этом случае становится по меньшей мере проблематичным.

Еще бóльшая проблема возникает при работе с координатами Клавдия Птолемея. В исследованиях «Географического руководства» и использовании его данных с самого начала определяются несколько направлений: во-первых, это критика труда с позиции современной науки; во-вторых, простой пересчет, без учета возникших искажений; в-третьих, филологический анализ текста Птолемея и сопоставление его данных с данными других источников и археологическим материалом. Эти направления продолжают оставаться определяющими в большинстве работ, где в той или другой мере используются данные Птолемея. Так, в книге Б. А. Рыбакова «Геродотова Скифия» данные Птолемея используются для разрешения отдельных противоречий, возникающих при анализе текста Геродота. В основном метод использования этих сведений восходит к Ю. Кулаковскому. Новым же является попытка скоррелировать меридианы Птолемея с современной градусной сеткой, а затем нанести на современную карту¹⁷³.

Метод, которым пользуется М. В. Агбунов¹⁷⁴ при локализации ряда населенных пунктов Северо-Западного Причерноморья, в отношении сведений Птолемея полностью заимствован им у Ф. А. Брауна и, следовательно, страдает теми же недостатками. Аналогична ситуация и в работах А. Н. Щеглова, в частности, при определении местоположения Дадаки¹⁷⁵.

Примером третьего, комплексного направления в работе с данными Птолемея может служить определение местоположения Метония в совместной работе М. А. Романовской, Ф. В. Шелова-Коведяева и А. Н. Щеглова¹⁷⁶. Здесь данные Птолемея подвергаются всестороннему анализу, в основу кладется расчет прямого расстояния как в равнопромежуточной конической проекции, так и в псевдоконической. Новым является введение допустимой для системы Птолемея погрешности, равной 5'. Все это повышает точность локализации, но применимо лишь в районах с очень незначительным искажением.

Позицию комплексного подхода к интерпретации сведений Птолемея разделяет и С. Н. Муравьев¹⁷⁷, хотя он и осуществляет предварительную локализацию рек и поселений без учета математических возможностей при работе с координатами Птолемея.

В зарубежной историографии наиболее значительным является четырехтомный труд Эмануэла Шимека «Великая Германия Клавдия Птолемея»¹⁷⁸. К сожалению, предлагаемая Шимеком методика работы с «Географическим руководством» не получила широкого распространения. Вместе с тем она заслуживает самого пристального внимания. Глубокий анализ характера искажения Великой Германии позволил автору восстановить первоначальную картину как этнографии, так и топографии этого региона. По мнению Шимека, топографический материал отделен от размещения племен и расположен самостоятельно и совершенно механически. Вследствие этого невозможным является обобщающий математический подход к отождествлению упомянутых Птолемеем пунктов, а также любые произвольные этимологизирующие методы. Шимек соотносит сведения Птолемея с рядом дорожников и сообщений о торговых путях и на основе этого выделяет 11 главных путей, вдоль которых и располагались селения. Таким образом, с одной стороны, автор совершенно правильно объясняет искажения «Географического руководства», исходя из характера заключенного в нем описания; с другой стороны, отказываясь от возможности определения степени искажения региона математическим путем, он вынужден постоянно прибегать к дополнительным источникам, что значительно затрудняет работу.

В нашей работе, специально посвященной анализу сведений Клавдия Птолемея по Северному Причерноморью, мы постарались разрешить это затруднение, предложив оригинальную методику математического определения искажения отдельных регионов на карте Птолемея через вычисление реальной величины одной минуты как по широте, так и по долготе, не прибегая при этом к определению размера стадия Птолемея¹⁷⁹. Однако, увлекшись математической стороной определения координат, мы не учли необходимости сопоставления их с другими античными свидетельствами, что привело в ряде случаев к ошибочному определению местоположения ряда топонимов.

В меньшем объеме, чем в прежнее время, продолжается на современном этапе и публикация комментированных текстов источников. Помимо уже упоминавшейся фундаментальной работы А. И. Доватур, Д. П. Каллистова и И. А. Шиню «Народы нашей страны в "Истории" Геродота» следует отметить опубликование в «Вестнике древней истории» перипла Псевдо-Скилака Кариандского со вступительной статьей и комментариями Ф. В. Шелова-Коведяева¹⁸⁰.

В современных исследованиях, посвященных проблемам античной географии Северного Причерноморья, наряду с историко-археологической темой все чаще присутствует и геолого-географический компонент. Впервые он достаточно ясно обозначился у В. В. Лапина¹⁸⁰, а затем получил развитие в работах А. Н. Щеглова¹⁸², М. В. Агбунова¹⁸³, К. К. Шилика¹⁸⁴, А. С. Голенцова¹⁸⁵, Н. Ф. Федосеева¹⁸⁶, Ю. В. Горлова¹⁸⁷ и др. Подобное сочетание стало возможным благодаря серьезной разработке целого ряда палеогеографических проблем Азово-Причерноморского бассейна в исследованиях К. К. Маркова¹⁸⁸, К. К. Шилика¹⁸⁹, В. И. Кукса¹⁹⁰, И. А. Правоторова¹⁹¹, И. В. Брушко и В. А. Карпова¹⁹². Однако в целом в этой области белых пятен все же больше, чем того хотелось бы, особенно в отношении побережья древней Меотиды (Азовского моря).

Широкомасштабные археологические исследования и накопленный в результате их проведения материал послужили базой для создания целого ряда обобщающих работ, посвященных как отдельным археологическим памятникам, так и целым районам. Таковы, в частности, исследования Н. А. Онайко по арханчскому Торнику¹⁹³, Д. Б. Шелова по Таванасу¹⁹⁴, В. А. Кутайсова по античной Керкинитиде¹⁹⁵, Т. Н. Высотской по Усть-Альминскому городищу¹⁹⁶, В. М. Зубаря по Херсонесу Таврическому¹⁹⁷, А. Н. Щеглова по Северо-Западному Крыму¹⁹⁸, И. Т. Крутливковой¹⁹⁹ и А. А. Масленникова по Боспору²⁰⁰, Ю. С. Крушквал по древней Синдике²⁰¹, И. С. Каменецкого по городищам доисских меотев²⁰², В. А. Колотухина по Горному Крыму²⁰³ и др.²⁰⁴ Огромная работа была проделана по изучению археологии и палеогеографии Таманского полуострова²⁰⁵. Результатом ее явилось составление Я. М. Паромовым археологической карты Таманского полуострова²⁰⁶.

Все это в определенной мере стимулировало и новые разработки по проблемам античной географии Северного Причерноморья, что отразилось в появлении целого ряда статей, посвященных определению местоположения отдельных населенных пунктов на основе данных античной письменной традиции. Таковы работы по локализации Дандаки²⁰⁷, Евпатория²⁰⁸, башни Неоптолема и Гермонактовой деревни²⁰⁹, Бат²¹⁰, Метония²¹¹, Палакия²¹², Акры²¹³, Апатура²¹⁴, Синдской гавани²¹⁵, Тирамбы²¹⁶, Кремн²¹⁷, Гермисия²¹⁸ и некоторых других населенных пунктов²¹⁹. Общим для всех этих исследований является то, что в расчет принимается весь комплекс имеющихся по тому или другому топониму материалов: письменные свидетельства, данные палеогеографии, археологии, сравнительной лингвистики, эпиграфики. Од-

нако, вырванные из общего контекста, они зачастую не в состоянии учесть весь спектр особенностей того или другого периода или перигезы, не говоря уже об обобщающих компилятивных трудах античных географов.

Это обстоятельство вызвало необходимость в исследовании отдельных географических трудов древности по Северному Причерноморью во всей их совокупности. Таковы работы М. В. Скржинской по «Периплу Понта Евксинского» Анонимного автора²²⁰ и «Естественной истории» Плиния Старшего²²¹, Б. А. Рыбакова по «Истории» Геродота²²², М. В. Агбунова по «Периплу Понта Евксинского» Арриана²²³, В. Г. Зубарева по «Географическому руководству» Клавдия Птолемея²²⁴. Некоторые исследования затрагивают лишь один какой-то аспект, останавливаясь на проблемах источниковедения²²⁵ или историографии²²⁶ или же вводя в научный оборот малоизвестные свидетельства о Северном Причерноморье²²⁷. Такие исследования, бесспорно, являются важным этапом в изучении античной географии Северного Причерноморья, однако зачастую приводят к чрезмерному доверию к одному автору и не учитывают в полной мере свидетельства других географов. Это, в частности, отличает работу М. В. Агбунова в отношении перипла Арриана²²⁸ и наше исследование в отношении «Географического руководства» Клавдия Птолемея²²⁹. Другим недостатком этого направления в изучении античной географии Северного Причерноморья является недостаточное внимание к географии населенных пунктов и выборочный подход к проблеме их локализации. М. В. Скржинская, анализируя сведения Плиния Старшего о Северном Причерноморье, подробно останавливается на тексте Плиния, вносит в него некоторые исправления (Plin., IV, 77, уточняется окружность Понта) и дополняет отдельными выборками (Plin., VII, 197, 198, 201; VIII, 162; XI, 194; II, 210) по Северному Причерноморью, отсутствующими в издании В. В. Латышева. Кроме того, дается подробная характеристика структуры «Естественной истории» (с. 16—18), источников сведений Плиния о географических измерениях (более подробно этот вопрос специально разбирается в статье Т. А. Лапиной²³⁰) и методов работы с ними Плиния (с. 74—89). Собственно анализу сведений Плиния о Северном Причерноморье посвящена вторая глава книги, однако физико-географические топонимы и география населенных пунктов в ней оторваны друг от друга, что нарушает целостность географического очерка Плиния. Конкретной локализации автор практически не уделяет внимания, ограничиваясь по большей части либо общей историогра-

фической справкой, либо утверждением о невозможности определения местоположения того или другого города (с. 55—74). Аналогичный недостаток присущ и исследованию М. В. Скржинской «Перипла Понта Евксинского» Анонимного автора²²¹.

В последние годы были сделаны попытки создания обобщающих работ, опирающихся на всю совокупность сведений античных писателей по географии Северного Причерноморья, однако попытки эти следует признать неудачными. Так, М. В. Агбунов, хотя и использует в своем исследовании различные письменные источники, по крайней мере по отношению к низовьям Дуная, нижнему Поднестровью и Ольвийскому району, по-прежнему отдает предпочтение Арриану и отождествляемому с ним периплу Анонима²²². С другой стороны, ряд источников рассматривается не в полном объеме, что снижает вероятность правильного определения местоположения вырванных из контекста топонимов. Примером здесь может служить полное игнорирование данных Клавдия Птолемея по внутренним районам Мезии и Европейской Сарматии. Что касается Крымского побережья, то его описание у М. В. Агбунова напоминает скорее краткий перечень античных топонимов, чем серьезное исследование по проблеме их локализации (с. 203—216).

Еще в меньшей степени затронуты проблемы географии населенных пунктов в вышедшей недавно книге М. В. Скржинской «Скифия глазами злинов»²²³. Не добавляет ничего нового и малый энциклопедический справочник «Города и поселения Причерноморья античной эпохи» Д. Д. Качаравы и Г. Г. Квирквелии²²⁴.

Таким образом, следует признать, что в настоящее время в отечественной историографии отсутствует сколько-либо законченное исследование, охватывающее физико-географические топонимы и географию населенных пунктов Северного Причерноморья в полном объеме по данным античной письменной традиции. Нет его и в зарубежной историографии, хотя в отношении отдельных групп физико-географических топонимов такие работы имеются, в частности исследование Г. Шрамма «Реки Северного Причерноморья»²²⁵.

В то же время можно отметить, что накопленный в области исторической географии материал позволяет в сочетании с данными археологических исследований осуществить более полное обобщение. Такая работа уже ведется, в частности, по составлению подробнейшего издания «Tübinger Atlas des Vorderen Orients Kartenwerk», охватывающего период от нижнего палеолита до XX в. И в этой связи обращает

на себя внимание подход к решению связанных с этим задач. Так, Е. Ольсхаузен и Й. Биллер в исследовании по исторической географии Понтийского царства не только локализуют поселения и крепости на его территории по данным письменных источников, но и устанавливают территориальные границы округов и систему сообщения между ними ²³⁶, т. е. историко-географический аспект находится в органической связи с исторической реконструкцией, а локализация отдельных топонимов не носит самодовлеющего характера и тесно увязывается с общей концепцией исследования.

Нельзя сказать, что в отечественной историографии ощущается недостаток в подобного рода попытках исторической реконструкции отдельных территорий в рамках Северного Причерноморья, хотя особую актуальность они приобрели именно в последнее время. Таковы, например, исследования В. А. Левкинадзе, посвященные «Понтийскому лимесу» ²³⁷, Р. Д. Бондарь по нижнедунайскому лимесу ²³⁸, Н. А. Онайко и А. В. Дмитриева по юго-восточной окраине Боспора ²³⁹, Л. Г. Щецко по территориально-административной структуре Боспорского государства ²⁴⁰, С. Г. Колтухова по системе обороны Крымской Скифии ²⁴¹, В. Г. Зубарева ²⁴² и А. А. Масленникова по Восточному Крыму ²⁴³. Однако в большинстве работ приоритет отдается археологическому материалу, письменные же свидетельства используются преимущественно как вспомогательные. В тех же случаях, когда попутно предпринимаются попытки локализации какого-либо топонима, делается это зачастую без должной аргументации ²⁴⁴.

Итак, подводя итог историографическому обзору исследований в области античной географии Северного Причерноморья, следует отметить, что, несмотря на постоянный и неизменный интерес к этой проблеме, состояние ее изученности в настоящее время не может быть признано удовлетворительным. Объясняется это несколькими обстоятельствами.

Во-первых, хотя большинство письменных источников по античной географии Северного Причерноморья введены в научный оборот, использование их далеко не однозначно. Так, по большей части за пределами внимания исследователей остаются населенные пункты, расположившиеся в глубине материка. Между тем установление их связи с приморскими топонимами способно существенно повлиять на предполагаемую локализацию последних. Во-вторых, при работе с источниками по-прежнему имеет место выделение наиболее точных свидетельств, по отношению к которым все прочие данные, если они

противоречивы, рассматриваются как результат искажения или ошибки, которые в свою очередь являются следствием неудачной компиляции. Таким образом, возможность восстановления первоначальной, неискаженной картины не берется в расчет, а это ведет к опасности возрастания субъективности в подходе к определению местоположения того или иного топонима в зависимости от симпатий и антипатий исследователя. В-третьих, обилие археологических памятников в ряде случаев при недостаточной общей их изученности зачастую ведет к соблазну сопоставления какого-либо античного наименования населенного пункта с наиболее интересным объектом, письменные же свидетельства играют второстепенную роль и могут, по существу, притягиваться «за уши». Наконец, в-четвертых, приоритетным направлением в изучении античной географии Северного Причерноморья по-прежнему является локализация отдельно взятых топонимов. Даже в тех случаях, когда анализу подвергается весь источник, вопросы географии населенных пунктов, за редким исключением, не выходят за рамки локализации все тех же отдельно взятых топонимов.

Между тем накопленный в результате археологических исследований материал, в частности подробные археологические карты отдельных территорий и реконструкций в ряде случаев основных сухопутных дорог, в сочетании с возможностью использования данных античных письменных источников во всей их совокупности, позволяет в настоящее время предпринять попытку создания полной карты Северного Причерноморья в античную эпоху, представив, по возможности, известные по этому региону топонимы как целостную картину и во взаимосвязи между собой. Именно такую попытку и представляет настоящее предпринятое нами исследование.

Предпринимая новую попытку обобщения всех имеющихся в нашем распоряжении сведений античной письменной традиции по Северному Причерноморью, мы в полной мере отдаем себе отчет во всех трудностях работы, в возможностях иного подхода к решению проблемы и, следовательно, в определенной гипотетичности некоторых своих выводов. Однако мы убеждены, что современный уровень развития исторической географии античного периода требует именно такого подхода. Практика локализации отдельных топонимов, так же как и опора на один отдельно взятый источник, по существу исчерпала себя, подготовив хорошую базу для обобщающих исследований.

Успешное проведение подобной работы было бы невозможно без широкомасштабных археологических исследований последних деся-

тылетий. И хотя археологическая изученность отдельных районов Северного Причерноморья далеко не одинакова (особенно это касается внутренних районов), накопленного материала достаточно для того, чтобы делать выводы, опираясь на реальную основу.

В этой связи хотелось бы выразить чувство глубокой признательности С. Б. Ланцову, С. Г. Колтухову, В. А. Кутайсову, В. К. Голенко, А. И. Филатову, А. П. Абрамову, А. Н. Щеглову, Ю. В. Горлову, А. А. Завойкину, А. А. Масленникову, Н. И. Винокурову за консультации и предоставленную, в том числе и неопубликованную, информацию по Крымскому полуострову и Тамани. Особую благодарность автор выражает Т. В. Блаватской, И. Т. Кругликовой, А. В. Подосинову, Е. А. Молеву, К. К. Марченко и С. Ю. Сопрыкину, без поддержки которых данная работа вряд ли вообще увидела бы свет.

Глава I

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ И ОСНОВНЫЕ ФИЗИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ АЗОВО-ЧЕРНОМОРСКОГО БАССЕЙНА

Для того чтобы иметь исходную точку отсчета при работе с конкретным топонимическим материалом, необходимо предварительное определение основных физико-географических параметров Азово-Черноморского бассейна, включая локализацию отдельных физико-географических топонимов.

Каждый период или периодиза как в отдельно взятом варианте, так и при любой, даже самой сложной, компиляции заключены в определенные и весьма жесткие рамки прокрустова ложа обозначенных границ. Выяснение этих границ позволяет определить общую степень искажения территории в представлении античного географа и наметить возможное отклонение промежуточных метрических показателей от действительного положения вещей.

Как показал опыт работы со столь сложным компилятивным произведением, каковым является «Географическое руководство» Клавдия Птолемея, в подавляющем большинстве случаев в рамках определенных пространственных границ, как правило, совпадающих с изначальным информативным материалом, основные пропорции между промежуточными топонимами сохраняются неизменными и полностью согласуются с общими параметрическими показателями. В тех же случаях, когда наблюдается явное отклонение, мы имеем дело с компилятивной стыковкой, в результате которой в общий сюжет повествования вклинивается новый информативный материал, связанный уже с иной параметрической системой. Вряд ли компилятивный метод Птолемея являлся исключением из правил, и, следовательно, при работе с другими письменными источниками этот момент также необходимо учитывать.

Естественно, что все выводы и предлагаемые ниже расчеты носят сугубо предварительный характер. Конкретный анализ заключенных в

границы общих рамок топонимов может существенно повлиять на итоговое соотношение параметров. Например, при общем их завышении частные показатели по отношению к отдельным составляющим могут иметь определенную вариативность, которая четко проявляется в процессе конкретной локализации топонимов. Однако именно конечный показатель позволяет заранее предугадать такую возможность и избежать нежелательных ошибок.

Точно так же и в отношении предварительной локализации отдельных физико-географических топонимов. Несомненно, что первоначальные знания древних о географии Северного Причерноморья (равно как и любого другого региона) носили физико-географический характер, т. е. физико-географическая топонимика в большинстве случаев предшествует географии населенных пунктов. Отсюда очень важно, особенно когда наименования рек, заливов, мысов или островов восходят к ранней традиции, предварительно наметить их местоположение. Это в определенной мере облегчает последующую локализацию городов и поселений, так как последние, по крайней мере первоначально, привязывались к физико-географическим ориентирам.

Работа с большим количеством письменных источников предполагает некоторые общие моменты в подходе к интерпретации содержащихся в них сведений, вне зависимости от их индивидуальных особенностей. К числу таких общих требований, на наш взгляд, должны быть отнесены следующие:

1. Безусловный приоритет письменной традиции над данными археологии. Лишь в тех случаях, когда тождество археологического памятника какому-либо античному топониму безоговорочно подтверждено эпиграфически, преимущество следует отдавать ему.

2. Обязательное сопоставление всех имеющихся письменных свидетельств между собой, без выделения приоритетного информатора.

3. В случаях обнаружения противоречий необходимо обязательное выяснение их причин с последующим подведением данных к общему знаменателю. В противном случае элемент субъективности и вероятности неправильного выбора не может быть исключен.

4. Вне зависимости от характера источника необходимо учитывать возможность отражения в его рамках как сухопутных дорог между прибрежными пунктами, так и морского сообщения.

5. Учет того обстоятельства, что в сложных компилятивных источниках при обозначении устьев рек в качестве ориентиров они могут быть таковыми лишь первоначально, в то время как расположенные

вслед за устьем населенные пункты находились вне зависимости от течения рек по направлению основных дорог.

6. При работе с компилятивными источниками необходимо по возможности определять места компилятивной стыковки. Это способствует выяснению отдельных компонентов и более точной локализации указанных в их рамках топонимов.

7. В определении местоположения топонимов в рамках выделенных компонентов следует исходить из наличия взаимосвязи между ними. Эта взаимосвязь может выражаться как в связующих их коммуникациях, морских или сухопутных, так и в наличии оборонительной системы.

8. Определение временных границ отраженной в источнике картины возможно лишь после соотнесения локализуемых топонимов в рамках определенной территории с конкретными археологическими памятниками и сопоставления полученных данных с хронологическими рамками последних и картиной тождественного района в других источниках, если таковые имеются. Кроме того, необходимо учитывать данные палеогеографии. В случае если археологическая изученность района недостаточна для полномасштабного сопоставления, полученные выводы могут носить лишь предварительный характер.

9. При работе с конкретными источниками необходимо учитывать их индивидуальные особенности, исходя из целей, преследуемых автором, характера изложения и имеющихся в тексте метрических показателей.

Работа с метрическими показателями предполагает оценку двух обстоятельств. Во-первых, точность лежащих в их основе измерений. Во-вторых, соизмеримость их с современными мерами длины.

Правильность измерений во многом зависела от того, каким способом они осуществлялись. Наиболее точный механизм такого измерения сохранился в описании Витрувия:

1. Мы переходим теперь, в порядке замысла нашего сочинения, к прибору не бесполезному, а чрезвычайно искусному, уваженному от предков, при помощи которого мы, сидя в повозке или плывя по морю, можем узнать, сколько миль мы просехали. Делается это так. Пусть колеса повозки имеют четыре фута в поперечнике, так что если у колеса имеется отметка, от которой оно начинает вращаться вперед по поверхности дороги, то, повернувшись до той же отметки, с которой началось вращение, оно покроеет определенное расстояние в двенадцать с половиной футов.

2. По изготовлению этих колес внутри колесной втулки прочно вставляют барабан с одним зубцом, выдающимся с лицевой стороны его окружности. Над ним к кузову повозки крепко прибивают коробку с вращающимся барабаном, поставленным на ребро и насаженным на ось. На лицевой стороне этого барабана делают на равном расстоянии друг от друга четыреста зубчиков, за которые зацепляют зубец нижнего барабана. Кроме того, на боку верхнего барабана прикрепляют еще один зубец, выдающийся за остальные зубчики.

3. Над ним помещают один барабан, лежачий, с такими же зубчиками и заключенный в другую коробку. Его зубчики зацепляют зубец, прикрепленный к боку второго барабана. В этом третьем барабане делают столько отверстий, сколько миль может пройти повозка за день, больше или меньше — безразлично. Во все отверстия кладут по круглому камешку, и в ящике или коробке этого барабана делают одно отверстие с трубочкой под ним, через которую камешки, вложенные в барабан, дойдя до этого места, падают по одному в медный сосуд под кузовом повозки.

4. Таким образом, когда колесо в своем движении увлечет за собою нижний барабан, зубец которого при каждом обороте зацепляет за зубчики верхнего барабана и приводит его в движение, получается, что верхний барабан делает один оборот на четыреста оборотов нижнего и что зубец, прикрепленный к его боку, продвигает лежачий барабан на один зубчик. Итак, раз на четыреста оборотов нижнего барабана приходится один оборот верхнего, то пройденный путь будет равен расстоянию в пять тысяч футов, то есть в милю. Следовательно, каждый падающий камешек звуком своего падения даст знать о том, что пройдена одна миля. Количество же камешков, набравшихся внизу, укажет общее число миль, пройденных за день.

5. Так же и для мореплавания может быть применен подобный прибор с небольшими в нем изменениями. А именно, через боковые стенки корабля пропускают ось с выдающимися конусами, на которые насаживают колеса поперечником в четыре фута, и по окружности этих колес прикрепляют лопасти, касающиеся воды. Внутри корабля на середине оси насажен барабан с одним зубцом, торчащим на его окружности. Здесь же помещена коробка, заключающая в себе барабан, на котором на равных расстояниях расположено четыреста зубчиков, зацепляемых зубцом барабана, насаженного на ось. Кроме того, сбоку этого барабана прикреплен еще один зубец, выдающийся за его окружность.

6. Сверху, в другой коробке, примыкающей к первой, заключен лежачий барабан с такими же зубчиками, зацепляемыми зубцом на боку барабана, поставленного на ребро, так что этот зубец, зацепляя по одному зубчику лежачего барабана на каждый свой оборот, приводит лежачий барабан во вращение. В лежачем барабане устроены отверстия, в которые вкладывают крупные камешки. В ящике или коробке этого барабана прорезывают одно отверстие с трубочкой, по которой камешек, при освобождении его от препятствия, падая в медный сосуд, подает знак звуком своего падения.

7. Таким образом, когда кораблю дается ход веслами или дуновением ветров, то лопасти, прикрепленные к колесам, касаясь встречной воды и сильно отбрасываемые назад, приводят колеса во вращение; а те, оборачиваясь, двигают ось, а ось — барабан, зубец которого, обходящий кругом, при каждом своем обороте зацепляет по одному зубчику второго барабана, слегка его поворачивая. Итак, когда лопасти четыреста раз повернут колесо, барабан, обернувшись один раз, толкает своим боковым зубцом один зубчик лежачего барабана. Поэтому сколько раз оборот лежачего барабана подведет камешки к отверстию, столько же их выпадет через трубочку. Таким образом, и звук, и число покажут пройденный путь судна в милях¹.

Этот своеобразный спидометр мог обеспечить довольно высокую точность измерений, однако, если на море измеряемое расстояние, вероятно, было близко к прямому курсу между обозначенными ориентирами, то при движении по суше протяженность пути напрямую зависела от конфигурации дороги. Отсюда следует, что при соотношении сухопутных расстояний на местности необходимо учитывать, как проходила дорога, соединяющая те или другие населенные пункты. В тех случаях, когда такие данные отсутствуют, можно только предположительно наметить ее конфигурацию.

Все остальные способы измерений, по-видимому, были менее точны и предполагали определенный процент допуска. В «Географическом руководстве» допустимая погрешность составляет 5'. Вероятно, чем больше было расстояние между топонимами, тем отчетливее выступала возможная погрешность. Накопленные таким образом «лишние» отрезки пути в итоге могли отражаться на общих параметрах. Это обстоятельство также необходимо учитывать при работе с источниками.

Правильная соизмеримость античных мер длины с современными в первую очередь зависит от определения величины греческого ста-

дня, используемого тем или другим автором. Ее определение через нахождение среднесрифметического показателя малоприменимо, так как оно не учитывает ни возможности искажения, ни точного сопоставления обозначенного расстояния с конфигурацией измеряемого пути. Более предпочтительно, на наш взгляд, в тех случаях, когда автор дает достаточно оснований для однозначного определения размера стадия, использовать именно этот размер с учетом поправки на общие параметры описываемого отрезка, объединенного общим периплом или перизгезой. В тех же случаях, когда размер стадия не определен или нет полной уверенности в том, что анализируемые топонимы относятся к одному и тому же первоисточнику, необходимо осуществлять расчеты по всему диапазону известных величин стадия.

Особо остановимся на методике работы с данными «Географического руководства» Клавдия Птолемея, выраженными в градусной сетке координат. Эта оригинальная методика была разработана нами, апробирована на практике применительно к топонимам Северного Причерноморья, отмеченным на карте Птолемея, и полностью подтвердила свою жизнеспособность². Однако она не учитывала общих для всех источников компонентов, о которых говорилось выше, и поэтому должна быть дополнена ими, что, вероятно, отразится на конечном результате.

Сведения Клавдия Птолемея сами по себе реальны и относительно точны в рамках принятой им системы координат. Можно предположить, что, увеличивая или уменьшая частные расстояния в угоду общим, Птолемей старался по возможности сохранить соответствующие пропорции (по крайней мере, в пределах каждого отдельно взятого региона) и не нарушать расположение пунктов относительно друг друга. Причем чем меньше описываемый участок, тем больше вероятность такого положения. Следует также учесть, что выделяемые зоны в той или иной мере соответствуют определенным группам источников, а потому в рамках одного региона (страны) может быть несколько зон или же одна зона может выходить за рамки своего региона и включать географические наименования соседнего.

У Птолемея есть лишь координаты, поэтому для расчетов необходимо определить реальную величину одной минуты, учитывающую все те искажения, о которых говорилось выше. Для этого мы использовали городища, точно локализованные археологически, или пункты, локализация которых представляется достоверной. Зная действительные расстояния между двумя такими опорными пунктами Птолемея,

мы можем соотносить эти расстояния с их значением в минутах. Так, обозначив расстояние между двумя такими пунктами как K_1 , а по широте K_2 , и те же самые расстояния в минутах — соответственно M_1 и M_2 , мы получим реальное значение одной минуты по долготе — $\frac{K_1}{M_1}$ и по широте — $\frac{K_2}{M_2}$. При условии, что данное значение верно для любого пункта в пределах зоны (т. е. пропорции между пунктами внутри зоны не нарушены), можно по теореме Пифагора определить прямое расстояние до каждого из них. Так, если расстояние между двумя пунктами составляет X минут по долготе и Y минут по широте, то реальные расстояния в километрах соответственно будут равны:

$$l_d = X \cdot \frac{K_1}{M_1} \quad \text{и} \quad l_w = Y \cdot \frac{K_2}{M_2} ,$$

где l_d — расстояние по долготе, а l_w — расстояние по широте. Зная эти расстояния, легко определить прямое расстояние между пунктами (L):

$$L = \sqrt{l_d^2 + l_w^2}$$

Знание реальной величины одной минуты позволяет избежать необходимости определения размера стадия и соотношения величины градуса Птолемея с современной системой координат. Оно учитывает степень искажения внутри каждой конкретной зоны. Единственным препятствием для подобных расчетов и последующей локализации географических наименований может быть слабая археологическая изученность региона и отсутствие по крайней мере двух хорошо идентифицированных пунктов внутри выделенной зоны.

Черное море было известно древним народам задолго до появления в его водах первых греческих мореплавателей. Под именем «Верхнего моря» оно упоминается в летописи Тиглатпаласара I: «Шестьдесят царей стран Капри, вместе с теми, кто пришел к ним на помощь, я преследовал острием моего меча вплоть до Верхнего моря...»¹ Оно было известно финикийским мореплавателям, сведения о нем, безусловно, должны были сохраняться в устных преданиях многочисленных индоевропейских народов, в разное время двигавшихся с севера через Кавказ в Малую Азию. Таким образом, греки, в первую очередь ионийские, могли обладать какими-то отрывочными сведениями о большом море на севере.

Первое же непосредственное впечатление греков о Черном море было, скорее всего, неблагоприятным. По сравнению с Эгейским оно

казалось им очень бурным, холодным, а берега его были населены дикими и враждебными племенами. Поэтому они назвали море Аксинским, т. е. Негостеприимным. Хотя позднее Негостеприимное море было переименовано в Гостеприимное (Евксинский Понт), первое впечатление оказалось очень живучим. Так, Евстафий в «Объяснении к “Одиссее”» Гомера пишет: «Понтом в главном и общем значении называлось всякое море (...) в частности же у поднейших — Понт Евксинский: он был страшен здешним по своей отдаленности (...) Поэтому про понтийских людей (...) говорили, что они прибыли “из многого понта”, что было равносильно выражению “из погибели”» («Объяснение к “Одиссее” Гомера», с. 1382, 56 сл., к 1, 4).

Общее представление о конфигурации Черного моря, прочно утвердившееся в античной традиции, восходит к Гекатею, однако сложилось оно, вероятно, из более ранней практики мореплавания. «Все береговое плавание по его (т. е. Понтийского залива) как бы островной окружности (...) образует, по согласному свидетельству всех географов, вид скифского лука, натянутого тетивой» (фр. 163). «Два же Боспора, по расположению находящиеся друг против друга, Фракийский и Киммерийский, образуют оконечности лука, и с той и с другой стороны узкие» (фр. 163)⁴. Таким образом, для Гекатея Черное море простиралось в широтном направлении между современными Босфором и Керченским проливом, а последний представлялся как восточная оконечность Понта. Сравним с более подробной картиной у Страбона: «...Некоторые сравнивают форму этой окружности с натянутым скифским луком, уподобляя тетиве так называемые правые части Понта (т. е. побережье от устья до впадины у Диоскуриады; ведь, кроме мыса Карамбис, весь остальной берег имеет только незначительные углубления и выступы, так что он похож на прямую линию). Остальную часть сравнивают с рогом лука с двойным изгибом; верхний изгиб более закругленный, нижний более прямой; таким образом, левый берег образует два залива, из которых западный значительно более закруглен, чем восточный» (Strabo, II, 5, 22). Аналогично в «Описании населенной земли» Дионисия Периегета: «За ним широко открывается людям обширный Понт, образующий пространный залив к востоку; в этом море пути имеют косвенное направление, будучи всегда обращены к северу и востоку. А посредине с обеих сторон выдаются в море два мыса, один южный, называемый Карамбисом, другой — северный, возвышающийся над Европейской землей и называемый туземцами Бараньим лбом; оба эти мыса сближаются друг с другом,

хотя и не слишком близко, а на такое расстояние, которое грузовое судно проходит за три дня. Отсюда можно увидеть, что Понт состоит как бы из двух морей и по своей округлости похож на гнб согнутого лука» (Dion. Per., 142—168). Подобная же картина повторяется в «Комментарии к “Землеописанию” Дионисия» Евстафия (157), схолиях к Дионисию (148; 156), у Авиена (214—254) и Присциана (138—158), излагающего сведения Дионисия. Аммиан Марцеллин повторяет картину Гекатея, где «...оконечности лука образуют с обеих сторон два узких Боспора, прямо противоположные один другому, Фракийский и Киммерийский» (XXII, 8, 10). Наконец, Никифор Баеммид, основываясь на «Землеописаниях» Дионисия, указывает на большую протяженность Понта к востоку («Сокращенная география», 26—40).

Таким образом, Черное море в представлении античных авторов было вытянуто в северо-восточном направлении, оно состояло как бы из двух частей и имело более прямое южное побережье.

Азовское море (Меотиды, Меотийское озеро, Меотийское болото) помещалось в античной картине мира к северу от Черного моря и вслед за последним было вытянуто к северо-востоку. Аристотель называет Меотиду «самой отдаленной частью» Понта («О вселенной», III), Страбон помещает ее «выше восточного залива к северу» (Strabo, II, 5, 23), а устье Танаиса называет самым северным пунктом Средиземного моря (Strabo, II, 5, 25). Дионисий Периегет свидетельствует, что «к северу от Понта разлились воды Меотийского озера (...); Меотиду называют матерью Понта, т. к. из нее выходит огромная масса воды Понта прямо через Киммерийский Боспор» (Dion. Per., 142—168). Представления древних об истечении Черного моря из Азовского было довольно устойчивым. Так, у Полибия Меотиды течет через устье в Понт («История», IV, 39, 2), то же самое у Максима Тирского в речи XXXII, 3, у Дионисия Византийского: «Одно же над ним простирается Меотийское озеро, которое по памяти, передаваемой еще из древних времен, называлось матерью и кормилицей Понта (...» («Плавание по Боспору», 2); у Аммиана Марцеллина: «Вблизи лежит Меотийское болото, с весьма широкой округностью: из его богатых жил огромное количество воды прорывается через узкий Пантикапейский пролив в Понт (...» («История», XXII, 8, 30) и у некоторых других авторов⁵.

Представление о единстве и замкнутости Средиземноморского бассейна соседствует в античной традиции с представлениями о связи этого бассейна с Океаном через реки и Меотиду, восходящими к плаванию аргонавтов. Так, Плиний пишет: «...Меотийское озеро: оно яв-

ляется или заливом того Оксана, как, я отметил, думали многие, или озером, тесно к нему примыкающим» (Plin., NH, II, 168). Напротив, Помпоний Мела считает, что «наше море в своем разлитии имеет в разных местах разные названия: где оно суживается впервые, там называется Геллеспонтом, где расширяется — Пропонтидой, где снова суживается — Фракийским Босфором, где снова разливается — Понтом Евксинским, где соединяется с болотом — Босфором Киммерийским, а само болото Меотидой» («Землеописание», I, 1, 7).

Боспор Киммерийский (Керченский пролив) был хорошо известен античным авторам и определялся ими как устье Меотийского озера (Азовского моря), через которое последнее изливается в Понт (Черное море). Представление о морских течениях у греков было связано, по-видимому, с количеством речной воды, впадающей в море, и с уровнем глубин взаимосвязанных водоемов. «Все море по сю сторону Геракловых столбов имеет течение соответственно степени выпуклости земли и числу рек: Меотида течет в Понт, а последний — в Эгейское море. Во всех других морях это явление менее очевидно; в выше-названных же оно происходит вследствие множества рек (в Евксин и Меотиду изливается столько рек, что они в несколько раз превосходят площадь последнего) и незначительной глубины: там море, по-видимому, чем дальше, тем глубже, так что Понт глубже Меотиды, а Эгейское море — глубже Понта...» (Аристотель, «Метеорология», II, 1, 12—13). Черное море действительно глубже Азовского (средняя глубина первого 1271 м, а второго — всего 8 м), и в Керченском проливе существует только одно течение — из Азовского моря в Черное, что связано с большим стоком пресных вод и с мелководностью пролива, однако иногда, при сильных ветрах с Черного моря, течение в проливе меняет направление⁴. Таким образом, Аристотель правильно характеризует ситуацию в связи Понт—Меотида, хотя общее его теоретическое обоснование неверно.

Обилие рек, впадающих в северную часть Понта и в Меотиду, отмечалось всеми античными авторами. Эпитет «изобильная реками» применительно к Меотиде прочно укореняется в литературе (см., например, Еврипид, «Неистовый Геракл», ст. 408—410). Речная вода, в свою очередь, является причиной более пресной, чем в других морях, воды в Меотиде и Понте. «Весь Понт по всему залитому им пространству часто покрывается туманами; он преснее других морей и изобилует мелями; воздух часто сгущается вследствие влажных испарений, делается плотным, горечь воды измеряется множеством вливающих-

ся в него речных вод, и, вследствие того что множеством впадающих потоков наносится ил и кучи земли, поднимаются со дна неровные мели...» (Аммиан Марцеллин, «История», XXII, 8, 46).

Вода Азовского моря действительно мутная и почти пресная (около 1 % солей), соленость Черного моря достигает 1,8 ‰, однако и это в два раза меньше солёности воды в Средиземном море (3,7 ‰)¹, так что грекам было с чем сравнивать, и их сведения о более пресной воде в Понте отвечают действительности.

Еще одна особенность, характерная в первую очередь для Северного Причерноморья (включая Меотиду), также связана с реками: «...а Понт изобилует озерами (лиманами) вследствие того, что в него текут многие реки...» (Аристотель, «Проблемы», XXIII, 6). «Даже побережье Меотийского озера вследствие речных наносов настолько увеличилось, что ныне входят туда для работы суда гораздо меньшей величины, нежели 60 лет тому назад; из этого легко сообразить, что и оно, подобно многим озерам, первоначально обязано своим происхождением рекам и что в конце концов ему суждено всему высохнуть» (Аристотель, «Метеорология», I, 14, 29). Совпадает с мнением Аристотеля и мнение Страбона (Strabo, I, 3, 4—6), который, впрочем, подчеркивает, что в первую очередь «наносы образуются у самых устьев рек, например, так называемые “Груды”, Скифская пустыня и Сальмидесе (где и другие бурные потоки содействуют образованию наносов)» (Strabo, I, 3, 7), а также Полибия («История», IV, 39, 7—10; 40—42).

Сведения о глубине Черного и Азовского морей, по крайней мере дошедшие до нас, в античной традиции единичны. Глубина Азовского моря сообщается в «Истории» Полибия, а Черного моря — у Плиния. «...Глубина ее (Меотиды) в наибольшей части достигает только 5 или 7 оргий («История», IV, 40, 8). «Наибольшая глубина моря (Черного), по словам Фабиана, достигает 15 стадиев...» (Plin., NH, II, 204). В современном исчислении соответственно получаем для Азовского моря — от 8,88 м до 12,4 м (оргий = 1,776 м), а для Черного моря — 2775 м (при стадия, равном 185 м) или 2365,5 м (при стадия, равном 196,7 м). Эти отметки очень близки к современным (максимальная глубина в Азовском море не превышает 13,5 м, а в Черном море — 2243 м)². В то же время тот же Плиний пишет о так называемых «пучинах» Понта у Кавказского побережья, глубина которых неизмерима (Plin., NH, II, 204)³, что маловероятно.

Значительно больше внимания античные авторы уделяют климату Азово-Черноморского бассейна, особенно в его северной части. Ан-

тичные традиции здесь почти единодушно указывают на его суровость. Такие понятия, как «холодо», «мороз», «снежный Танаис», «Понт, палимый вечной стужей», «вечная зима и печальное небо», «страшная суровость климата» и другие, становятся почти нарицательными по отношению к северным странам. Вот в каких красках описывает район Истра зимой Овидий: «Снег лежит на земле, и, чтобы он не растаял от солнца и дождей, Борей скрепляет его и делвет вечным. Не успевает растаять один, как выпадает другой, и во многих местах он часто остается на две зимы. Сила возбужденного аквилона такова, что он равняет с землей высокие башни и уносит сорванные крыши (...) Волосы часто звенят при движении от висящих на них ледяных сосулек, и блестит борода, побелевшая от насевшего инея. Вино, вылитое из сосуда, стоит, сохраняя форму сосуда, и пьют его не глотками, а rozdанными кусками (...) Самый Истр (...) замерзает и ползет в море скрытыми водами. Там, где плавали суда, теперь ходят пешком, и конское копыто ударяет волны, скрепленные стужей...» (Овидий, «Печальные песни», III, 10). К северу климат еще более суровый: «Вся эта страна, о которой было сказано, отличается необычно холодными зимами, здесь в течение восьми месяцев мороз такой нестерпимый, что если в это время разлить воду, то грязи ты не получишь. Но если разжечь огонь, то ты получишь грязь. Замерзает море и весь Боспор Киммерийский...» (Негод, IV, 28). Области же севернее Танаиса, Меотийского озера и Борисфена из-за сильных холодов вообще необитаемы: «Дальнейшие области лежат уже вблизи необитаемых из-за холода местностей и не представляют интереса для географа...» (Strabo, II, 5, 43)¹⁹.

О суровости климата в северных странах сообщают также Гелланик («Аттида», фр. 92), Гиппократ («О воздухе, водах и местностях», 26), Феофраст («О растениях», IV, 14, 13 и «О ветрах», 9, 54), Диодор Сицилийский (III, 34, 2), Палсанай («Описание Эллады», VIII, 28, 2), Вергилий («Георгики», III, 349—389), Помпоний Мела («Землеописание», II, 1). В то же время Аристотель указывает на контрастность зимы и лета: «Почему в Понте бывают величайшие холода и жары? Не вследствие ли густоты воздуха? Ибо зимой он не может нагреваться, а летом, когда нагреется, жжет вследствие своей плотности. По той же причине и болотистые местности зимой отличаются холодом, а летом жарами. Или вследствие движения солнца? Ибо зимой оно бывает далеко от них, а летом — близко» (Аристотель, «Проблемы», XXV, 6).

Скорее всего, греческие и римские писатели несколько преувеличивали суровость скифского климата по контрасту с привычным для

них климатом Греции и Аппенинского полуострова¹¹. Иногда такое преувеличение могло вызываться конкретной целью, поставленной автором. Например, Овидий, мог преувеличивать суровость зимы, чтобы подчеркнуть тяжесть своей ссылки, или, скажем, Тертуллиан доводит описание климата до крайности («...нет никогда ясного дня, солнце никогда не бывает ярко, один только воздух — туман, целый год — зима, всякий ветер — Аквилон, влага появляется только от огня, реки не могут течь ото льда, горы увеличиваются в высоту от снегов. Все коченеет, все цепенеет...») только затем, чтобы в конце сообщить, что «у Понта нет ничего грубее и печальнее, чем то, что там родился Маркион» («Против Маркиона», I, 1).

У некоторых авторов, знавших о Понте лишь из вторых рук, смутные сведения о более отдаленных северных землях, восходящие еще к Гомеру («Туманами и облаками покрыта; и никогда не освещает их яркое солнце, но распростерта над ними губительная ночь» — *Номег*, *Od.*, XI, 15, 19), могли переноситься и на Припонтийские земли¹². В то же время, как отмечает И. В. Кукулина, сообщение античных авторов о заскифских областях содержит отчасти передачу скифского эпоса о мифических северных горах, а отчасти — какие-то реальные сведения о северных и приполярных странах (Ледовитом океане, полярной ночи, суровом климате)¹³.

Применительно же к Северному Причерноморью можно отнести то, что климат здесь был более прохладным, чем в Восточном Средиземноморье, возможно, более прохладным, чем в наше время¹⁴, но в то же время не настолько суровым, как о нем писали античные авторы, иначе вряд ли было бы возможно выращивать на Боспоре виноград (Strabo, VII, 3, 18). Кроме того, замерзание воды и ощущение сильного холода не обязательно связывать с сильными морозами. В Восточном Крыму, например, при сильном ветре осенью лужи покрываются льдом и при плюсовой температуре, а на связь холодов с сильным северным ветром указывают почти все античные авторы.

Кроме общего описания, в античных источниках содержится довольно обширный метрический материал, освещающий различные параметры Азово-Черноморского бассейна. В первую очередь это касается окружности Понта Евксинского и Меотийского озера, под которой понимается объезд береговой линии.

Гекатей Милетский первым из дошедших до нас авторов называет цифру в 23000 стадиев (фр. 163). Судя по содержащимся в этом же фрагменте указаниям, этой же цифры придерживались Эратосфен и

Птолемей. В те же 23000 стадиев определяет окружность Понта Аммиан Марцеллин («История», XXII, 8, 10). Очень близки к этому и сведения Агатемера — 23083 стадия («Землеописание», 11). Несколько меньшую цифру — 22000 стадиев — сообщает Полибий (IV, 39, 1). В периплах Псевдо-Арриана и Безымянного автора «Измерения всей населенной земли в сокращении» названа цифра в 23587 стадиев, или 3145 миль. Эта же цифра была, по-видимому, и в «Схологиях к "Землеописанию" Дионисия», т. к. указанное в них расстояние в 20587 стадиев, приравненных к 3145 милям, следует признать ошибкой переписчиков» (Mull., p. 457).

Страбон сообщает цифру в 25000 стадиев (Strabo, II, 5, 22). Ее же повторяет и Безымянный автор «Изложения землеописания в сокращении» (XIV, 53).

Наибольшую сложность вызывают сведения Плиния, т. к. данные, передаваемые им относительно параметров Понта, существенно расходятся с основной античной традицией в сторону уменьшения. Характеристика Понта Плинием содержится в двух местах его «Естественной истории»: в описании Европы и в описании Азии, причем размер окружности моря имеется лишь в первом случае: «Расстояние между обоими Боспорами, Фракийским и Киммерийским, по прямому направлению имеет, по свидетельству Полибия, 500000 шагов. Весь же Понт, по словам Варрона и вообще древних жителей, имеет в окружности 2000000 шагов. Корнелий Непот прибавляет 350000 шагов; Артемидор дает два миллиона девятнадцать тысяч шагов; Агриппа — 2360000 шагов; Муциан — 2425000 шагов. Подобным образом длину европейской стороны одни определили в 1470000 шагов, другие — в 1100000 шагов» (Plin., NH, IV, 77). Во втором случае в той же манере дается описание азиатского побережья: «Протяженность Понта от Боспора до Меотидского озера некоторые определяют в 1438500 шагов, а Эратосфен — на 100 тысяч меньше. Агриппа от Калхадона до Фенеса считает 1000000 шагов, оттуда до Боспора Киммерийского 360000 шагов. Мы вообще дадим такие измерения, какие определены в наш век, когда война велась в самом Киммерийском проливе...» (Plin., NH, VI, 4).

Кроме того, общую окружность Понта можно получить, суммируя указанные Плинием промежуточные расстояния. Во-первых, по Варрону: «Марк Варрон измеряет следующим образом: от входа в Понт до Аполлонии — 187500 шагов, отсюда до Каллипатии столько же, отсюда до устья Истра 125000 шагов, от Истра до Борисфена — 250000 шагов; до гераклейского города Херронеса — 375000 шагов, до Панти-

капая, некоторыми называемого Боспором, крайнего пункта на европейской стороне, 212500 шагов; в итоге образуется 1337500 шагов» (Plin., NH, IV, 78). Так как в дальнейшем тексте между Херронесом и Пантикапеем сумма расстояний на 40000 шагов больше («Город Феодосия отстоит (...) от Херронеса на 165000 (...), город Пантикапеем (...), отстоящий от Феодосии на 87500 шагов» (Plin., NH, IV, 86—87), к цифре 1337500 шагов следует добавить еще 40000 шагов, как на это указывает М. В. Агбунов¹⁵. Однако увеличение этого расстояния еще на 10000 шагов¹⁶ кажется сомнительным, и мы остановимся на сумме в 1377500 шагов.

Во-вторых, по Агриппе: «Агриппа от Византия до реки Истра считает 560000 (эта же цифра со ссылкой на Агриппу у Плиния названа чуть раньше, в IV, 45), отсюда до Пантикапея 635000 шагов» (Plin., NH, IV, 78). Плиний ссылается на Агриппу и в описании Азии (Plin., NH, VI,3), указывая расстояние в 1360000 шагов. Но и здесь явное расхождение. Общая окружность Понта по Агриппе равна 2360000 шагов (Plin., NH, IV, 77), сумма же европейской и азиатской частей составляет 2550000 шагов, что на 190000 шагов больше.

Подобная нестыковка в метрической информации Плиния весьма распространена. Ту же самую картину мы наблюдаем и по данным Варрона. Если сопоставить между собой общую величину окружности Понта в его интерпретации (2000000 шагов по В. В. Латышеву или 2150000 шагов по Н. М. Подземской¹⁷ и М. В. Скржинской¹⁸) и его же измерение европейской части (1377500 шагов с учетом сделанной выше поправки), то окажется, что на весь азиатский Понт приходится от 622500 до 772500 шагов?!

В то же время общая протяженность береговой линии Понта в азиатской части, определенная на основе суммирования промежуточных расстояний, вполне соответствует античной традиции. Участок побережья от реки Фасис до устья Киммерийского Боспора определяется Плинием в 462000 шагов (Plin., NH, VI, 13—17), от устья Понта до мыса Карамбие в 350000 шагов (II, 245), оставшуюся часть между мысом Карамбие и рекой Фасис заполним на основе сведений Страбона, близость данных которого, связанная с общностью источника, возможно, Эратосфена, по этому району очевидна. Расстояние между мысом Карамбие и рекой Фасис в «Географии» Страбона определяется по сумме промежуточных расстояний в 5200 стадиев (Strabo, XII, III, 11—17). Если прибавить к ним 2800 стадиев (350000 шагов) Плиния, то общее расстояние между устьем Понта и рекой Фасис составит

8000 стадиев, что в точности совпадает с данными Страбона (Strabo, XII, III, 17).

Таким образом, общая протяженность азиатского побережья у Плиния в сумме определяется в 1462000 шагов, или, в пересчете на стадию, 11360 стадиев, а объезда всего Понта — в 2841500 шагов (европейское и азиатское побережья плюс ширина Киммерийского Босфора в 2500 шагов — Plin., NH, IV, 76), или 22732 стадия, что близко к данным Эратосфена, Гекатея, Птолемея и других античных авторов.

Что касается иного цифрового материала, приводимого Плинием по окружности Понта, то он не повлияет на локализацию отдельных географических топонимов, а его вариативность может быть объяснена как неправильным пересчетом стадиев в мили и неточностями в суммировании промежуточных расстояний, так и разницей в принципах измерений как в целом Понта, так и отдельных его частей (каботажное плавание или же по прямой)¹⁹. Во всяком случае, основные цифры, определяющие окружность Понта, в античной традиции заключены в интервале от 22000 до 25000 стадий. В этом интервале мы и попытаемся соотнести их с современной метрической системой.

Начнем с наиболее распространенной цифры в 23000 стадиев. Ее придерживались Гекатей Милетский (фр. 163), Эратосфен, Птолемей, Аммиан Марцелин («История», XXII, 8, 10). Чуть больше, в 23083 стадия, определяется окружность Понта Агатемером. В периплах Псевдо-Арриана и Безымянного автора «Измерения всей населенной земли в сокращении» названа цифра 23587 стадиев, или 3145 миль. Эти же цифры были, по-видимому, и в скопиях к «Землеописанию» Дионисия, т. к. указанное в них расстояние в 20587 стадиев, приравняемое к тем же 3145 милям, следует признать ошибкой переписчиков (Mull., p. 457). Наконец, близкая к этому цифра в 22732 стадия содержится, как было показано выше, в «Естественной истории» Плиния.

Для того чтобы определить реальное содержание данного измерения в стадиях, следует, вероятно, в первую очередь выяснить, кто стоит у его истоков. Можно было бы согласиться с выводом М. В. Агбунова, что эти измерения принадлежат Эратосфену²⁰, однако из общей вереницы его последователей выпадет, по крайней мере, Гекатей, который не мог пользоваться единой с Эратосфеном величиной стадия. Следовательно, либо нужно признать, что за одной и той же цифрой стоят разные реальные расстояния в зависимости от величины стадия, либо эта цифра изначально принадлежала Гекатею и, вероятнее всего, основана на понтийском 210-метровом или иттическом 177,6-метро-

вом стадиях. В первом случае окружность Понта явно завышена (4830 км), во втором вполне согласуется с современными измерениями — 4085 км (по современным данным, длина береговой линии составляет от 4020 до 4100 км)¹¹.

В то же время Аммиан Марцеллин недвусмысленно указывает на то, что Эратосфен придерживается той же цифры (XXII, 8, 10). Если предположить, что речь идет именно о реальном измерении, а не о количестве заключающих его стадиев, то Эратосфену правильнее будет приписать окружность Понта в 25000 стадиев, переданную в традиции Страбоном (II, 5, 22) и, по-видимому, повторявшим ее Беманьянным автором «Изложения землеописания в сокращении» (XIV, 53). В этом случае при стадия в 157,7 м окружность составит в современном исчислении 3943 км.

Близко к этому и свидетельство Полибия. У него при величине стадия в 177,6 м береговая линия Понта составляет 3907 км.

Таким образом, сведения античных авторов об общей окружности Понта довольно точны и в целом согласуются с современными измерениями.

Северное Причерноморье, под которым мы условились понимать участок побережья, ограниченный на западе устьем Дуная (античного Истра), а на востоке Диоскуриадой, в античной традиции не имеет четко выраженного метрического определения. Однако имеющиеся в различной степени подробности его описания позволяют определить его протяженность, исходя из суммарных величин указанных по нему промежуточных расстояний. С этой целью мы воспользуемся наиболее полными источниками по Северному Причерноморью: Страбоном, Аррианом, Птолемеем, Плинием и Псевдо-Аррианом.

Двойные цифры по Птолемию связаны с пересчетом расстояний, указанных в градусах широты и долготы. В первом случае (10255) расстояния просто суммировались, во втором — определялось прямое расстояние. Данные Плиния переводились в стадии в соотношении 8 : 1.

По современным измерениям расстояние от устья Дуная до города Сухуми составляет приблизительно 1488 км. Все приведенные в таблице данные, за исключением Арриана и Птолемея, при пересчете на прямые расстояния превышают его. Наиболее близкая цифра получается при использовании стадия 157,7 м. В этом случае можно предположить, что в основе измерений по Северному Причерноморью лежат сведения Эратосфена, хотя не исключена и общая тенденция к увели-

чению в античной традиции протяженности береговой линии Северного Причерноморья.

Произведенные нами расчеты можно представить в виде таблицы:

Автор	Используемый текст	Размер в стадиях	Размер в километрах при величине стадия:			
			157,7 м	177,6 м	185 м	210 м
Страбон	XI, II, 8; 14 VII, 3, 15 VII, 4, 2—4	10120	1956	1797	1872	2125
Арриан	27—30	9160	1446	1627	1695	1924
Птоле- мей	III, 5, 2 III, 6, 23 V, 8, 8 V, 9, 2	Сумма по шир. и долг.	1617	1821	1892	2154
		7550 прямое расст.	1191	1341	1397	1586
Плиний	NH, IV, 78 86—87 IV, 76 VI, 11—17	9936	1567	1765	1838	2087
Псевдо- Арриан	54—62, 67; 76—89	9970	1572	1771	1844	2094

Что касается сведений Птолемея, то о характере и степени искаженности Северного Причерноморья на его карте будет подробно сказано несколько позже. Пока же можно ограничиться замечанием о том, что наибольшему искажению у него подвергнуты районы Керченского и Таманского полуостровов, Северо-Западное же Причерноморье искажено в значительно меньшей степени²².

Керченский пролив, соединяющий Азовское и Черное моря в единый бассейн, в античной традиции назывался Боспором Киммерийским и рассматривался как устье Меотийского озера (Азовского моря). Среди прочих характеристик до нас дошли и метрические данные о его параметрах. Наименьшая ширина в северной части составляла 20 стадиев, наибольшая, в южной, доходила до 70 стадиев, по свидетельству Страбона (Strabo, XI, 2, 6; XI, II, 8). Плиний определяет ширину узкой части пролива в 2500 шагов, т. е. в те же 20 стадиев (Plin., IV, 76). Та же цифра названа в «Комментариях к "Землеописанию" Дионисия» Евстафия (142 и 549) и у Капеллы (VI, 662), повторяющего Плиния. Полибий определяет ширину Киммерийского Боспора приблизительно в 30 стадиев (IV, 39, 3), Агатемер — в 78 стадиев (10).

Длина пролива определяется в античной традиции от 60 стадиев у Полибия (IV, 39, 3) до 12500 шагов (100 стадиев) у Плиния (NH, IV, 87).

Если предположить, что в данном случае Страбон отходит от традиции Эратосфена (на это в какой-то мере указывает соотношение с данными Полибия) и использует другой источник, то при абсолютном совпадении с данными Плиния вероятна величина стадия в 185 м. В таком случае в пересчете на наше измерение ширина пролива составляет 3,7 км. У Полибия соответственно — 5,3 км в узкой части. Максимальная же ширина у Страбона — 13 км, а у Агатемера — от 12,3 до 16,3 км, в зависимости от размера используемого стадия. Длина же пролива в современных измерениях у Полибия определена в 10,7 км, а у Плиния — в 18,5 км.

У Клавдия Птолемея Боспор Киммерийский в северной части ограничен со стороны Азии Ахиллием при устье Боспора (64°30'—48°30') (Ptol., V, 8, 2), а со стороны Европы — мысом Мирмекием (64°—48°30') (Ptol., III, 6, 3). На карте Птолемея нет северо-восточного выступа Керченского полуострова. Разворот его к северо-западу стал неизбежен после помещения Парфения на побережье Меотиды и смещения южного побережья Крымского полуострова к северо-востоку. Ширина пролива у Птолемея, таким образом, составляет 30' или 138 стадиев. С учетом того, что данный район на карте Птолемея «растянуть», по крайней мере, в 5,8 раза²³, эта цифра должна быть уменьшена до 23,8 стадиев, что вполне согласуется со сведениями других авторов.

Широтные изменения Керченского пролива давались античными авторами, скорее всего, применительно к местам переправ через него. Н. Ф. Федосеев указывает как минимум три таких места: «1) Порфмий (Парфений П. Дюбрюкса) на мысе Фонарь — Ахиллий; 2) Ах-Бурун (Нимфея П. Дюбрюкса) — Корокондама — Тиритака; 3) Нимфей — Корокондама. Могли существовать и другие переправы в мелководном проливе. В зимний период переправа через пролив была доступна практически везде»²⁴. Таким образом, наибольшая ширина пролива в античной традиции приходится на вторую переправу, а наименьшая — на первую; расстояния, указанные при этом в источниках, судя по реконструкции Н. Ф. Федосеева, близки к современным.

Длина Керченского пролива в современных измерениях составляет 40 км²⁵. Античные авторы указывают на иную цифру — от 10,7 до 18,5 км. Такое расхождение связано с разницей в определении черноморского устья Керченского пролива в античное и наше время. В со-

временном понимании черноморское устье пролива определяется между мысами Такиль и Панагия. В античное время под ним понимали более северный участок, скорее всего, в районе второй, а в отдельных случаях — третьей переправы по Н. Ф. Федосееву (отсюда разница в измерениях). С этой традицией, по-видимому, связано и помещение Нимфея на Понте Птолемеем (Ptol., III, 6, 2), Псевдо-Скилаком (Ps-Skil., 58), Геродианом (Herodian., XIII, 369, 14), Аппианом (Appian., 108), Псевдо-Аррианом (Ps.-Agt., 76) и др.

Керченский пролив в античное время был, по-видимому, более мелким и пресным, что приводило к частому замерзанию его зимой. В нем было много отмелей, и тенденция их увеличения была настолько очевидна, что Аристотель даже высказал предположение о том, что «со временем Боспор должен стать узким, как река, чтобы наконец вовсе пересохнуть» (Arist., Meteorol., I, 14, 29).

Азовское море, в античную эпоху имевшее название Меотийского озера или болота, в представлении древних географов являлось крайним северным заливом Черного моря (см., например, Маркиан, «Объезд внешнего моря», 7) и, в зависимости от взглядов авторов, либо имело связь с внешним Океаном, либо нет, о чем уже говорилось выше. Объезд его побережья, по данным античных источников, колеблется от 8000 стадиев у Полибия («История», IV, 39, 1) и Дионисия Византийского («Плавание по Боспору», 2) до 9000 у Страбона (Strabo, VII, IV, 5), Арриана (Agt., 30), Агатемера («Краткое землеописание», 10), Плиния (Plin., NH, IV, 77) и в схолиях к Дионисию Периегету ([Mull., p. 457]). Сумма промежуточных расстояний по карте Клавдия Птолемея также близка к этому (Ptol., III, 5, 4; III, 6, 4; V, 8, 2).

Исключением является вторая цифра Плиния, определяющая окружность Меотиды в 1406000 шагов, что в соответствии с указанным у него соотношением составляет 11248 стадиев (первая цифра по Плинию — 1125000 шагов — точно соответствует 9000 стадиям). Можно предположить, что это измерение восходит еще к Псевдо-Скилаку, считавшему Меотиду равной половине Понта (Ps.-Scyl., 69)²⁶.

Итак, подавляющее большинство сведений, дошедших до нас, указывает на общую окружность Меотиды в 9000 стадиев. Однако, как мы уже убеждались не раз, реальные цифры зависят от того, какой именно размер стадия использовался при первом измерении моря, после чего эта величина переходила уже к другим авторам. Хронологически первым объезд Понта в 9000 стадиев в дошедшей до нас традиции вводит Страбон. Однако, скорее всего, сведения эти были заимство-

ваны им у одного из его источников, возможно, у Эратосфена. К тому же известно, что «География» Страбона не пользовалась особой популярностью в античное время²⁷, и, следовательно, античные авторы использовали эти измерения вне зависимости от Страбона. Исходя из этого, при пересчете стадиев на современные меры длины применяем не один, а несколько их размеров.

Количество стадиев	157,7 м	177,6 м	185 м	197 м	210 м
9000	1419,3 км	1598,4 км	1665 км	1773 км	1890 км

Современные измерения окружности Азовского моря дают цифру около 1200 км. Наиболее близка к ней окружность Меотийского озера, измеренная стадием 157,7 м. Ту же величину дает и Полибий — 1420,8 км (при стадий в 177,6 м). Таким образом, сделанный нами на основе измерений Черноморского побережья вывод подтверждается еще раз. Традиция, переданная через Страбона, по крайней мере в части наиболее общих измерений, восходит к Эратосфену. Полибий же использует аттический стадий, и его данные, возможно, следует соотносить с Гекатеем Милетским.

Для дальнейшего анализа сведений античных авторов по Северному Причерноморью, по крайней мере в части физической географии и географии населенных пунктов, мы воспользуемся предложенной нами схемой зон, выделенных на основе «Географического руководства» Клавдия Птолемея²⁸. Интересующий нас район Северного Причерноморья включает полностью только одну «страну» из названных Птолемеем — Херсонес Таврический. Остальные три — Европейская Сарматия, Нижняя Мезия и Азиатская Сарматия — входят в него частично. С учетом анализа источникововедческой базы «Географического руководства» весь этот район мы поделили на 6 зон:

I зона — от Дунайской дельты до устья Днепра, т. е. участок побережья между античными Истром и Борисфеном.

II зона — от устья Днепра до Феодосии, т. е. участок побережья между Борисфеном и античной Феодосией.

III зона — юго-восточное побережье Керченского полуострова от Феодосии до Керчи, т. е. юго-восточное побережье Херсонеса Таврического от Феодосии до Пантикапея.

IV зона — внутренняя часть Керченского полуострова восточнее Узунарского вала, т. е. внутренняя часть Птолемеевского Херсонеса Таврического.

V зона — от Керчи до устья Дона, т. е. северо-восточное побережье Херсонеса Таврического и европейское побережье Меотиды до Тананса.

VI зона — от устья Дона до черноморского побережья Грузии, т. е. азиатское побережье Меотиды и северо-восточное побережье Понта.

Исходя из этого, определим общие параметры каждой зоны и местоположение отдельных физико-географических топонимов внутри них.

ПЕРВАЯ ЗОНА

Пять авторов — Геродот, Арриан, Плиний, Птолемей и Псевдо-Арриан — сообщают расстояние между начальным и конечным пунктом этой зоны.

Геродот (IV, 101): «... от Истра до Борисфена 10 дней пути...» 1 день пути у Геродота равен 200 стадиям. Отсюда получаем: 10 дней пути равны 2000 стадиев.

Арриан (31): 1640 стадиев по сумме промежуточных расстояний. Плиний (82): 250000 шагов, или 2000 стадиев, по сумме расстояний от устья Истра до реки Тирис (130000 шагов) и от реки Тирис до Борисфена (120000 шагов).

Птолемей (III, 10, 2; III, 5, 2): 105 минут по широте и 70 минут по долготе, что по сумме в стадиях составляет 1193 стадия²⁹.

Псевдо-Арриан (89): 1680 стадиев по сумме промежуточных расстояний.

При пересчете на современные единицы измерения это составит в зависимости от величины стадия:

Источник	Величина стадия				
	157,7 м	177,6 м	185 м	197 м	210 м
Геродот	315,4 км	355,2 км	370 км	394 км	420 км
Арриан	258,6 км	291,3 км	303,4 км	323,1 км	344,4 км
Плиний	315,4 км	355,2 км	370 км	394 км	420 км
Птолемей	188,1 км	211,9 км	220,7 км	235 км	250,5 км
Псевдо-Арриан	264,9 км	298,4 км	310,8 км	331 км	352,8 км

По современным измерениям, расстояние между устьями Дуная и Днестра равно 275 км. Однако следует учитывать, что в античное время дельта Дуная была меньше выдвинута в море³⁰, а разница в античной традиции связана с постепенным ее наступлением.

В связи с этим интересны сообщения Полибия (IV, 41, 1), Плиния (IV, 79) и Солина (39) о песчаной косе перед устьями Дуная, восходящие, по-видимому, к одному и тому же времени. Так, Плиний пишет: «...Все устья таковы, что, по рассказам, море преодолевается ими на 40000 шагов в длину, и вода его имеет пресный вкус» (Plin., NH, IV, 79). 40000 шагов соответствует 320 стадиям, т. е. фактически разница между наиболее ранними данными Геродота (2000 стадиев), повторенными Плинием, и более поздними сведениями Арриана и Псевдо-Арриана. Что касается свидетельства Птолемея, то, во-первых, как уже говорилось выше, он использовал, скорее всего, 210-метровый стадий, а во-вторых, в данном случае мы, возможно, имеем дело с прямым расстоянием до устья Борисфена, которое и на современной карте составляет 247 км.

Таким образом, данные античных авторов о протяженности береговой линии между устьями Дуная (Истра) и Днестра (Борисфена) относительно точны и восходят, по-видимому, к двум традициям, разделенным во времени. Ранняя традиция соответствует началу греческого проникновения в дельту Истра и отражает ее картину в архаический период, поздняя же отражает картину дельты Дуная в первые века нашей эры.

В какой-то мере подтверждением такому делению является и последовательность описания этого участка побережья у античных авторов. Геродот и Плиний движутся с запада на восток, от устья Истра к устью Борисфена, в то время как Арриан, Птолемей и Псевдо-Арриан ведут описание в обратном направлении — от Борисфена к Истру.

С этих двух крупнейших рек Северного Причерноморья мы и начнем анализ конкретных физико-географических топонимов в рамках первой зоны, предварительно оговорив некоторые особенности интерпретации сведений по ней в «Географическом руководстве» Клавдия Птолемея в соответствии с предлагаемой нами методикой их обработки¹⁹.

В качестве опорных пунктов мы выбрали устья трех рек — Истра (Дуная), Тиры (Днестра), Борисфена (Днестра) и г. Тиру, достаточно точно локализуемый на месте современного Белгорода-Днестровского. Если соединить между собой устья выбранных рек, следуя указаниям Птолемея, то они располагаются относительно друг друга примерно так, как показано на рис. 2, 1 (Приложение 1): Истр и Тира на одной долготе, Борисфен несколько восточнее. Действительное их расположение показано на рис. 2, 2 (Приложение 1). Можно предпо-

ложить, что здесь имеется несоответствие между понятиями «выше» и «ниже» и «север — юг» в античной географии. Расстояния по широте и долготе следует, на наш взгляд, сравнивать так, как это показано на рис. 2, 3 (Приложение 1), поскольку именно эти направления соответствуют расположению рек в «Географическом руководстве».

Выяснив это, определим реальную величину одной минуты широты и одной минуты долготы первой зоны:

Опорные пункты	Расстояния в минутах по Птолемею		Соответствующее им расстояние, км		Значение 1'	
	широта	долгота	широта	долгота	широта	долгота
Истр — Борисфен	105'	70'	200	37,5	1,9	0,54
Истр — Тира	55'	—	106	—	1,9	—
Тира — Борисфен	50'	70'	94	37,5	1,88	0,54
Тира — Тира (город)	—	20'	—	10	—	0,5

Таким образом, величина одной минуты для этой зоны по широте составляет 1,9 км, а по долготе — 0,53 км.

Истр. Эта река, соответствующая современному Дунаю, очень широко представлена в античной географической традиции. Ее упоминают Симонид в «Эпиграмме», Гесиод в «Теогонии» (ст. 334—345), Эсхил («Отрывки», фр. 155), Пиндар (Олимп., III, 24, 25; VIII, 61—63), Софокл («Царь Эдип», ст. 1227—1228), Ферекид Лерийский («Теогония», фр. 113), Фукидид («О Пелопонесской войне», II, 96, 97), Ктесий Книдский («История Персии», 316), Аристотель («Метеорология», 320), Псевдо-Скилак («Европа», 67—69) и многие другие.

Геродот описывает Истр так: «Истр, величайшая из всех известных нам рек, всегда бывает одинаковой величины и летом, и зимой; это первая из рек Скифии с западной стороны, а величайшей она становится вот почему: в нее впадают и другие реки, которые способствуют ее многоводию...» (Herod., IV, 47). Кроме этого, Истр упоминается Геродотом и в других местах его «История» (Herod., IV, 47, 50, 89, 99, 101).

Довольно много внимания уделяет античная традиция рукавам и устьям Истра. Наиболее ранней здесь, по-видимому, является версия о двух рукавах Истра, один из которых впадает в Адриатическое море, а другой — в Понт. Версия эта связана с походом аргонавтов и возвращением их домой по Истру (Псевдо-Аристотель, «О чудесных слу-

ях», 105; Аполлоний Родосский, «Поход Аргонавтов», 282—292; Псевдо-Скимн, 773—783) и опровергалась еще в древности (Strabo, I, 3, 15): «... Но Истр берет начало не из припонтийских местностей, а, напротив, из гор, лежащих над Адрием, и течет не в оба моря, а только в Понт, разделяясь на рукава только у самых устьев».

Что касается количества устьев припонтийской дельты Истра, то здесь сведения античных авторов расходятся от трех до семи. М. В. Агбунов, связывая эту разницу с изменениями самой дельты, предлагает считать наиболее ранними сведения те, в которых названы три устья, затем пять, затем шесть и, наконец, семь устьев³². Однако, на наш взгляд, более правильным было бы оценивать временные характеристики источников, исходя из продвинутости дельты в сторону моря, о чем было сказано выше. Количество фигурирующих устьев скорее могло зависеть от характера описания: краткого, дающего число судоходных или наиболее значимых устьев, и полного, подробного описания дельты.

Судоходными в античное время были только южные рукава, причем в римское время их было, вероятно, четыре. В частности, на это указывают Помпоний Мела (II, 8) и Гай Юлий Солин («Сборник достопримечательностей», 39).

Протяженность дельты Истра от южного до северного рукава по Страбону составляла приблизительно триста стадиев (Strabo, VII, 3, 15), или 55,5 км в современном исчислении, при стадии в 185 м. Наиболее полное ее описание оставил Птолемей (Ptol., III, 10, 2)³³.

Он называет семь устьев Дуная, одно из которых исчезает недалеко от впадения в Понт. В нашу задачу не входит описание Нижнедунайского лимеса, поэтому мы не касаемся локализации указанных здесь городов и крепостей римского времени, а ограничимся лишь описанием собственно дельты Дуная, начиная от его поворота у г. Диногетии. Первое деление на устья вблизи г. Новиодуна происходит на расстоянии 61,3 км от этого поворота, т. е. примерно там, где и сейчас. Город Новиодун локализуется несколько ближе, в районе современного населенного пункта Исагча, напротив крепости римского времени вблизи с. Орловка. Эта крепость обеспечивала безопасную переправу с правого берега Дуная. Сам город Новиодун был расположен на сухопутной дороге, следовавшей вдоль правого берега Дуная и связывавшей города Нижней Мезии, и являлся важным портом римской дунайской флотилии.

Самый южный рукав Истра впадает в Понт так называемым Священным устьем, или Пенкой, на расстоянии 54 км от первого деления, т. е. примерно в районе современного гринду Красникол, и соответствует таким образом Георгиевскому гирлу.

Следующая точка — раздел самого северного рукава. Учитывая довольно сильную извилистость Дуная в этом месте, можно предположить, что этот раздел происходил где-то в районе современного населенного пункта Пардина (расстояние от первого деления 29 км). Сейчас русло Дуная здесь не делится на рукава, однако именно отсюда отходит гринду Стипок, являющееся, по-видимому, заброшенным руслом реки. Возможно, это именно тот проток, который, по данным Птолемея, исчезал, не доходя до моря.

Теперь примерно в районе пос. Килия происходит второе деление северного рукава (32,6 км от первого деления), причем северный рукав в дальнейшем образует озеро Тиагла и впадает в Понт одноименным ему устьем, иначе называемым Пустым. На расстоянии 29 км от второго деления сейчас расположено озеро Сасик, причем собственно устье (расстояние от озера 34 км) ложится несколько юго-западнее сел Приморское и Лыман. В эту же точку попадаем мы и от города Гарписа (29,6 км). Таким образом, самый северный рукав Дуная (Истра) в то время впадал в море через озеро Сасик (Тиаглу). В этом случае Северное устье следует отождествить с современным Старостамбульским гирлом.

Далее у Птолемея следует Нарокийское устье, на расстоянии примерно 50,5 км от Северного. Это район между современным Сулинским и Георгиевским гирлами. В настоящее время тут нет ничего, кроме хилых протоков, однако в древности эти протоки могли быть более полноводными.

Два устья — Псевдостом и Прекрасное — помещены в «Географическом руководстве» под одними и теми же координатами, хотя из текста следует, что устье Псевдостом располагалось севернее Прекрасного. Либо в данном случае в тексте допущена ошибка, и тогда Прекрасное устье должно быть отождествлено с современным Сулинским гирлом, а Псевдостом находился где-то между Сулинским и Старостамбульским гирлами, либо, разделившись первоначально, эти устья затем вновь сходились в одно и впадали в Понт единым руслом (возможно, потому и Ложное устье?).

Современное Килийское гирло Дуная в античное время отсутствовало. Береговая же линия, по крайней мере в римское время, проходи-

ля по гирнду Жебринское, Летя, Караорман, Красникол и далее к озеру Розельм. Южная часть этой линии в более раннее время являлась той самой песчаной косой, которая, по свидетельству Полибия, Плиния и Солина, отстояла от материка на 320 стадиев.

В настоящее время наиболее молодой частью Дунайской дельты является ее участок у Киликийского гирла. Вся эта часть дельты образовалась за последние 200—250 лет²⁴, т. е. в среднем прирост составлял 80—100 м в год. Если предположить, что в южной части в пору ее наибольшей активности темп наступления дельты на море был по крайней мере не меньше, то пространство между материковой частью и косой, равное в современном исчислении приблизительно 59 км, могло быть заполнено за 738—590 лет. Следовательно, в основе сообщений античных авторов о песчаной косе напротив дельты Дуная лежат сведения, относящиеся, по крайней мере, к VII—VI вв. до н. э.

С этим согласуется и тот факт, что Плиний более детально описывает южный участок дельты (Plin., NH, IV, 79), в то время как Птолемей большее внимание уделяет северной части.

Что касается метрических данных по дельте Дуная, имеющихся у Арриана (Арт., 35) и Псевдо-Арриана (Ps.-Арт., 93), то в южной части (Священное, Нарака и Прекрасное устья) они совпадают со сведениями Птолемея, а в северной расходятся как в количестве устьев, так и в расстояниях между ними. Эти расхождения могут быть объяснены неустойчивостью северной части дельты в то время, а также незначительностью протекающих там устьев. Во всяком случае, если предположить, что под вторым устьем Арриан и Псевдо-Арриан понимают Псевдостом, а Узкое или Голое устье является одной из проток Северного устья Птолемея, то сведения этих авторов окажутся вполне совместимыми.

В целом дельта Дуная в античное время может быть реконструирована так: все семь устьев располагались на участке между современными озерами Розельм (возможно, Гальмирида Плиния) и Сасик (возможно, Тиапта Птолемея). Первое, считая с юга, — Священное (Певкийское) — соответствует современному Георгиевскому гирлу; второе — Наракское (Нарака) — ныне исчезнувшей протоке между Георгиевским и Сулинским гирлами; третье — Прекрасное — Сулинскому гирлу; четвертое — Псевдостом (Ложное) — одному из ответвлений Сулинского гирла к северу от него или же ныне исчезнувшей протоке между Сулинским и Старостамбульским гирлами; пятое — Северное устье — Старостамбульскому гирлу, возможно, протекав-

шему несколько южнее современного русла; шестое устье — Тиагла — ныне исчезнувшей протоке, впадавшей в море через озеро Сасик (Тиаглу), и, наконец, седьмое устье, безымянное, исчезавшее недалеко от впадения в Понт, — современному гринду Стипок.

Впрочем, учитывая отмеченное выше противоречие между сведениями Арриана и Псевдо-Арриана, с одной стороны, и Птолемея, с другой, а также то обстоятельство, что координаты последнего по дельте Дуная отражают, скорее всего, протяженность устьев и их последовательность, а не расстояния в широтном и долготном направлениях, северный участок дельты возможно реконструировать и иначе. Самое северное устье Тиагла (соответствует Узкому или Голому устью Арриана и Псевдо-Арриана) может быть отождествлено со Старостамбульским гирлом. Озеро Тиагла в этом случае располагалось на месте современного Калийского гринду. Северное устье и безымянное устье протекали где-то в промежутке между Старостамбульским гирлом и Сулинским. Здесь же в качестве ответвления от Прекрасного устья протекал и Псевдостом и далее, по первому варианту, до Священного устья (Георгиевское гирло).

Река Борисфен, современный Днепр, являлась в античной традиции самым северным пунктом бассейна Средиземного моря, если не считать Меотиду (Strabo, II, 5, 25). Геродот называет Борисфен четвертой рекой Скифии (Herod., IV, 53): «Четвертая река — Борисфен — величайшая из рек после Истра и самая полноводная, по нашему мнению, не только среди скифских рек, но и среди всех других, кроме египетского Нила; ведь с ним невозможно сравнить никакую другую реку. Из остальных Борисфен самый полноводный; он предоставляет прекраснейшие и изобильнейшие пастбища для домашнего скота. В нем водится множество превосходнейших рыб. Вода на вкус очень приятна; рядом с мутными потоками он течет чистый...»

Борисфен упоминается также у Феофраста («О водах», фр. 159), Псевдо-Скимна (804—812, 813—819), Диона Хрисостома (II, 48), Дионисия Периегета («Землеописание», 298—320), Арриана (31), Маркиана из Гераклеи (II, 39), Псевдо-Арриана (84), Гесихия Александрийского («Лексикон»), Помпония Мелы (II, 6), Плиния (IV, 82, 88) и других.

У Борисфена нет такой обширной дельты, как у Истра. Устье его лиманного типа и образуется в результате слияния с Гипанисом (Южным Бугом). В античное время не было современного Днепровского и Бугского лиманов. По их долинам протекали соответственно Днепр и

Южный Буг, сливавшийся в районе современного мыса Станислава (по Диону Христовому общий лиман имел протяженность в 200 стадиев [II, 48]). Устье общего лимана находилось там же, где и сегодня, — у Очаковского мыса²⁴. Именно это общее устье в античной традиции понималось как устье Борисфена. Так, у Клавдия Птолемея устье Гипаниса (Южного Буга) помещено восточнее устья Борисфена (Ptol., III, 5, 2), следовательно, под устьем последнего имеется в виду устье общего лимана в районе Очаковского мыса (иначе подобное размещение будет необъяснимо).

Гипанис. Эта река у античных авторов соотносилась сразу с двумя современными реками — Южным Бугом и Кубанью. Такими, в частности, сведения Александра Полигистора («О Евкиновом Понте», фр. 39), Аристотеля («История о животных» V, 19, 14), Плиния (NH, IV, 84), Геродот в перечислении рек Скифии называет Гипанис третьим (Herod., IV, 52): «Третья же река — Гипанис — движется из пределов Скифии, вытекая из большого озера, вокруг которого пасутся дикие белые лошади. Это озеро правильно именуется матерью Гипаниса. Возникающая из него река Гипанис на расстоянии пяти дней плавания еще узкая и вода в ней пресная, а оттуда до моря на расстоянии четырех дней плавания вода чрезвычайно горькая...» И далее (IV, 53): «... Там, где Борисфен течет недалеко от моря, с ним сливается Гипанис, впадая в одну и ту же заводь...»

Гипанис (Южный Буг) упоминают также Феофраст («О водах», фр. 159), Псевдо-Скимн (802—812), Страбон (IV, 3, 17), Дион Христом (II, 48), Элий Геродиян («Об общей просодии», IV, 95, 23), Афиней («Обед софистов» II, 18), Псевдо-Арриан (86), Помпоний Мела (II, 7), Солин («Сборник достопримечательностей», XIV, 1), Вергилий (IV, 370), Витрувий (VIII, 3, 11), Капелла («О браке Филологии и Меркурия», 663).

В «Географическом руководстве» устье реки Гипанис отстоит от устья Борисфена на 30' к востоку, т. е. на 24,9 км (Гипанис у Птолемея помещен во второй зоне, величина Γ' долготы в которой равна 0,83 км). Таким образом, устьем Гипаниса соответствует место слияния Южного Буга и Днепра.

По мнению В. В. Латышева, Кинбурнской косы в античное время не было (она намыта морем и песком), и, следовательно, «раннее образование этой косы Днепровский лиман едва простирался на запад много далее мыса Станислава»²⁵. При этом допускается возможность протоки, соединяющей Днепровский лиман с Егорлыцким заливом.

В то же время весь Киибурнский полуостров представляет собой одну из древних террас Днестра. Западный берег полуострова явно обретен морем, и с обоих концов на нем наращены аккумулятивные формы: на северном конце Киибурнская коса, а на южном — остров Долгий³⁷.

На навигационных картах XIV—XVI вв. в дельте Днестра вместо Киибурнской косы показаны два острова³⁸. Любопытно в этой связи сообщение Диона Хрисостома (II, 48): «...Лишь с правой стороны заметно течение воды, и плывущие с моря по течению заключают о глубине; отсюда-то река изливается в море вследствие силы течения; если бы его не было, вода легко могла бы быть задержана сильным южным ветром, дующим в устье.

В остальной части лимана берега болотисты и покрыты густым тростником и деревьями; далее в самом лимане видно много деревьев, издали похожих на мачты, так что неопытные корабельщики ошибаются, правя к ним, как бы к кораблям...» Возможно, данное сообщение свидетельствует о затоплении части коренного берега лиманом, что и привело в конечном итоге к образованию вышеупомянутых островов.

Река Аксиак (Асиак). Упоминается Помпонием Мелой (II, 7): «...Ближе всех к нему [Гипанису] течет Асиак между калипидами и асиаками. Последних отделяет от истрийцев река Тира...»; Плинием (NH, IV, 82): «...Затем [после Тир] живут асиаки, сомненные с рекой Асиаком...» и Птолемеем (III, 5, 6; III, 10, 7). Все эти авторы единодушно помещают данную реку между Тирой и Гипанисом — Борисфеном. Предположительно ее отождествляют с современным Тилигульским лиманом³⁹. Однако этот лиман расположен значительно ближе расстояния, полученного на основе данных Птолемея (прямое расстояние 59,2 км от устья Борисфена). Оно приводит нас в современный Одесский залив, к двум довольно крупным лиманам: Куяльницкому и Хаджибейскому. В настоящее время их отделяет от моря мощная пересыпь до двух километров ширины. «Однако несколько сот лет назад лиманы еще были открытыми заливами и служили удобными гаванями. При выборке груза из Куяльницкого лимана в нем на глубине 3,5 м были обнаружены явора генуэзских кораблей, которые посещали Одесский залив в XIII—XV вв. Подтверждают прежнюю глубоководность лиманов и картографические данные. На карте Будинского (1803 г.) общая пересыпь Хаджибейского и Куяльницкого лиманов показана еще очень тонкой, и через нее периодически возникал протоок⁴⁰. Тем более эти лиманы были удобными гаванями в античное время.

Устье Куяльницкого лимана практически точно соответствует расстоянию Птолемея до устья реки Акснак. Видимо, это и было древнее название современной реки Куяльник.

Река Рода и залив Сагтарийский. Если река Акснак (Аснак) — это современный Куяльник, то упомянутые только Плинием (NH, IV, 82) река Рода и залив Сагтарийский между Асиаком и Борисфеном, по-видимому, соответствуют Тилигульскому и Березанскому лиманам. Сагтарийский залив и ранее отождествлялся с Березанским лиманом ⁴¹, что же касается реки Рода, то ее сопоставляли с одной из безымянных речек, впадающих в него ⁴². При этом исходили из того, что Асиаку соответствует Тилигульский лиман. Однако не совсем понятно, почему Плиний при описании побережья уделил внимание незначительной речке, впадающей к тому же в обозначенный им залив? На наш взгляд, сопоставление Аснака с Куяльником, а реки Рода — с Тилигульским лиманом кажется более предпочтительным.

Река Тира. Среди дошедших до нас источников самое раннее упоминание об этой реке содержится у Геродота: в эпизоде с киммерийскими царями (Herod., IV, 18), в перечислении рек (Herod., IV, 47), а также дается отдельное ее описание (IV, 51): «За ним [Истром] Тирас, который движется в направлении северного ветра: он берет начало из большого озера, которое отделяет Скифию от Неврской земли. У устья Тираса обитают греки, которых называют тириты».

У Скилака Карниандского («Европа», 68) название реки дано в перечислении: река Тирас, полис Никоний, полис Офнусса. Псевдо-Скимн характеризует Тиру как «глубокую и обильную пастбищами», она «допускает купцам торговлю рыбой и безопасное плавание для грузовых судов...» (Ps.-Skymn., 798—803).

Страбон указывает расстояние между Истром и судоходной рекой Тирой в девятьсот стадиев (Strabo, VII, 3, 15), добавляя при этом: «В промежутке есть два больших озера, из которых одно имеет сообщение с морем, так что может служить и гаванью, а другое не имеет входа».

В «Географическом руководстве» Птолемея координаты устья Тиры даны под 56°20'—47°40' (Ptol., III, 10, 7).

Псевдо-Арриан сообщает расстояние от Борисфена до Тиры — 810 стадиев (по сумме расстояний) (Ps.-Arr., 87), а от Истра до Тиры — 870 стадиев (Ps.-Arr., 89). Кроме того, он очень точно повторяет описание реки Псевдо-Скимном (Ps.-Arr., 88).

Помпоний Мела помещает Тиру между рекой Асиаком и Истром, указывая на то, что она служила границей между асиаками и истрийцами (Mela, II, 7).

У Плиния Тире посвящены следующие строки: «...На этой же реке обширный остров населяют тирагеты. Она отстоит от Псевдостома, устья Истра, на 130000 шагов (...) 120000 шагов от Тиры — река Борисфен» (Plin., NH, IV, 82).

Река Тира (Тирас) упоминается также у Аммиана Марцеллина (XXII, 8, 41), Гесихия Александрийского (702), Стефана Византийского («Тира — город и река при Евксинском Понте»).

Отождествление реки Тиры (Тираса) с современным Днестром не вызывает сомнения. Однако местоположение ее устья на современной карте требует определенного пояснения.

Прежде чем приступить к разбору сведений античных географов по северо-западному Причерноморью, необходимо еще раз вернуться к проблеме его палеогеографии, особенно в части нынешнего Днестровского лимана. От правильного понимания ситуации в этом регионе зависит в конечном итоге и правильность интерпретации античной традиции по нему.

До сих пор при локализации населенных пунктов в первой зоне мы исходили из предложенной М. В. Агбуновым⁴³ реконструкции низовьев Днестра в античную эпоху⁴⁴. Наличие двух устьев Днестра, одно из которых (западное) первоначально соединялось с морем в районе современного села Первомайское, как будто бы вполне объясняет целый ряд явных несоответствий свидетельств античных авторов по этому участку побережья. Однако, как довольно убедительно показали И. В. Бруйко и В. А. Карпов⁴⁵, от этого, весьма заманчивого объяснения, приходится отказаться. «Что же касается смещения русла Днестра к западу и его слияния с нынешним Будацким лиманом в районе современной Затоки, то на этот вопрос однозначный ответ дают данные буровых работ в этом районе. Они позволяют установить, что в районе порта Затоки и далее на юго-запад в сторону Будацкого лимана современное тело пересыпи находится на останце неогеновых и древнеаллювиальных отложений плейстоценового периода. Таким образом, в последние 10—15 тысяч лет русло Днестра ни при каких условиях не могло находиться западнее современного западного берега лимана»⁴⁶. Отсюда интерпретация географических сведений по этому региону требует иного подхода и соответствующего объяснения.

Макрокремниские горы. Сообщение об этих горах сохранилось только у Плиния (Plin., NH, IV, 82): «За Истром лежат города Кремниск и Эполиз; Макрокремниские горы, славная река Тира...», т. е. Макрокремниские горы должны быть локализованы где-то между современными Дунаем и Днестром. М. В. Агбунов отождествляет с ними высокий обрывистый берег между мысами Бурнас и Будаки⁴⁷, в комментариях В. В. Латышева они сопоставляются с возвышенностями современной Бессарабии⁴⁸.

У Псевдо-Арриана Кремниски отстоят от Тире на 240 стадиев (Ps.-Agt., 89), т. е. от 37,8 до 50,4 км в зависимости от размера стадия. Указанное здесь же со ссылкой на Артемидора расстояние в 480 стадиев следует, на наш взгляд, признать сильно преувеличенным, т. к. в этом случае Кремниски попадают в район так называемой Тузловской группы озер, где их нахождение маловероятно. Впрочем, и в том и в другом варианте Макрокремниские горы располагались к северо-востоку от мыса Бурнас, и в этом случае вполне могут быть локализованы между Бурнасом и Будаки — высокий абразивный берег со стороны моря действительно напоминает горы⁴⁹.

Гетская пустыня. О Гетской пустыне Страбон упоминает дважды (Strabo, VII, 3, 14 и 17), характеризуя ее как «ровное и безводное пространство» от Истра по направлению к Тире. В то же время он сообщает, что на этом отрезке «есть два больших озера, из которых одно имеет сообщение с морем, так что может служить и гаванью, а другое не имеет входа» (Strabo, VII, 3, 15). Указанные озера должны быть сопоставлены с уже упоминавшейся выше Тузловской группой озер, куда входят озера Сасык, Джантшей, Шаганы, Алабей и Бурнас, или Лебедевское⁵⁰. Гетская пустыня в таком случае располагалась к северу от современного Старо-стамбульского гирла Дуная по направлению к Днестру. Приморская же часть от современного озера Сасык до Днестровского лимана к ней, по-видимому, не относилась.

Помимо рассмотренных выше топонимов, в северо-западной части Причерноморья между Борисфеном и Истром античные авторы называют три острова: Певку, Левку (Ахилла) и Борисфениду. К ним также можно добавить дельтовый остров в устье Тире, о котором упоминает Плиний (Plin., NH, IV, 82) и который в настоящее время, вероятно, поглощен Днестровским лиманом.

Остров Певка. Этот остров античная традиция прочно связывает с дельтой Истра (Дуная).

Аполлоний Родосский сообщает: «Ибо рекою Истром образуется некий остров по имени Певка, видом треугольный, широкими сторонами обращенный к берегам, а узким изгибом — к речному руслу...» («Поход аргонавтов», с. 309—328).

Псевдо-Скимн: «В нем лежит много обширных, по слухам, островов, из которых один, лежащий между морем и устьями, не менее Родоса; он называется Сосновым от множества растущих на нем сосен...» (Ps.-Skymn., 785—796). То же самое повторяет и Псевдо-Ариан (Ps.-Agt., 94).

Певку в устье Истра упоминают также Дионисий Периегет (Dion. Per., 298—320), Евстафий в комментариях к Дионисию (298). В схолиях к тому же «Землеописанию» (300) со ссылкой на Аполлония говорится, что «остров не нанесен на карту, т. к. окружен рекой». Певка как остров на Истре отмечен Стефаном Византийским, Аммианом Марцеллином («История», XXII, 8, 43), Элием Геродяном («Об общей просодии», XII, 313, 12).

Большинство авторов не дают точных координат, указывая, однако, что Певка не единственный остров в дельте Истра. Отсюда следует, что под Певкой понималась не вся дельта Дуная, а только ее часть. Но какая? Существенную помощь здесь могут оказать сведения Страбона (Strabo, VII, 3, 15), Плиния (Plin., NH, IV, 79), Птолемея (Ptol., III, 10, 2) и свидетельство неизвестного схолиаста к Аполлониеву «Походу аргонавтов» (311).

Страбон отмечает, что от Священного устья до Певки — 120 стадиев, т. е. 22,2 км, что приводит нас в район современного гринду Караорман. Координаты Птолемея (примерно 16 км от первого деления) также приводят в междустье Георгиевского и Сулинского гирла, правда, севернее гринду Караорман, в районе населенного пункта Нуфору. Недалеко от Певкийского (Священного) устья помещает Певку Плиний, а в схолиях к Аполлонию Родосскому прямо указывается, что «у изгиба около Певки есть два устья Истра, из коих одно называется Арком, а другое — Прекрасным...».

Таким образом, остров Певка располагался между Священным устьем (современное Георгиевское гирло) и, вероятно, Наракийским устьем (протекавшем между современными Георгиевским и Сулинским гирлами, ближе к последнему). Причем у Птолемея указаны его северные координаты, а у Страбона — южные, т. е. с Певкой можно соотнести межустьевый треугольник от современного населенного пункта Нуфору до гринду Караорман, полностью отвечающий описа-

нию античных авторов: «...широкими сторонами обращенный к берегам, а узкими изгибами к речному руслу» (Arrol., 309—328).

Острова Белый и Борисфенида (Борисфен). Объединение анализа сведений античных авторов об этих островах не случайно. В общей картине здесь наблюдается определенная путаница, связанная отчасти с обилием в этих местах топонимов, восходящих к имени Ахилла, а отчасти — с различными точками отсчета — то от Борисфена, то от Истра, то от Тирь. Итак, обратимся к письменной традиции.

Сведений об острове Борисфенида сохранилось немного. Безымянный остров возле Борисфена упоминает Арриан (Аг., 31): «...От Борисфена шестьдесят стадиев до небольшого, необитаемого и безымянного острова...». Эти сведения повторяет и Псевдо-Арриан (Рь.-Аг., 87). Остров Борисфен с гаванью перед устьем называет Страбон (Strabo, VII, 3, 17). Координаты острова Борисфенида даны у Клавдия Птолемея (Ptol., III, 10, 8). У Помпония Мелы упомянут город с таким же названием в устье Борисфена (Mela, II, 6). Впрочем, последнее может быть связано с двойным названием Ольвия и к острову не имеет никакого отношения.

Иное дело остров Белый, или Ахиллов, тесно связанный с циклом мифов об Ахилле. По крайней мере, в 31-м из дошедших до нас письменных свидетельств содержится упоминание об этом острове или более менее подробное описание. Самое раннее, относящееся к VIII в. до н. э., принадлежит Арктину («Эфиопида»), самое позднее дает Евстафий в комментариях к Дионисию Периегету (306 и 341) и Никифор Блеммид («Сокращенная география», 512—554).

Псевдо-Скилак сообщает («Европа», 68): «От Истра к Бараньему Лбу 3 дня и 3 ночи прямого плавания, каботажного же вдвое дольше: ведь здесь существует залив. В этом заливе лежит остров, остров пустынный, имя которому Левка; это священный остров Ахилла...»

Псевдо-Скимн (785—796) помещает остров Ахилла против острова Певки в 400 стадиях от берега (по сообщению Деметрия). Напротив Узкого устья Истра этот остров расположен у Арриана (Аг., 32) и Псевдо-Арриана (Рь.-Аг., 90), который, впрочем, тут же (Рь.-Аг., 91) повторяет Псевдо-Скимна со ссылкой на Деметрия. Также против устья Истра помещают посвященный Ахиллу остров Павсаний («Описание Элады», III, 19, 11) и Максим Тирский («Речь», XV, 7).

А у Дионисия Периегета (541—553), его комментаторов и Никифора Блеммида, у Солина и Руфия Авиена Ахиллов остров расположен напротив устья Борисфена. У Помпония Мелы он вообще указан

в устье Борисфена (Mela, II, 98), причем только Мела и Плиний (Plin., NH, 83) помещают на этом острове могилу Ахилла.

Плиний дает и самые подробные координаты Ахиллова острова (Plin., NH, 93): «Перед устьем Борисфена лежит вышеупомянутый Ахиллов остров, который также называется Белым и островом Блаженных. По измерению, произведенному в наше время, он отстоит от Борисфена на 140000 шагов, от Тиры на 120000 шагов, а от острова Певки — на 50000 шагов, а в окружности имеет около 10000 шагов».

Страбон (VII, 3, 16) дает координаты острова по отношению к устью реки Тиры — 500 стадиев.

По данным «Географического руководства» Птолемея, оба острова (Борисфенида и Ахиллов) расположены почти напротив устья Тиры.

Таковы сведения античных авторов об островах Борисфенида и Ахиллов. Добавим к этому, что оба острова не имели населения — исключение составляет сообщение Кесария («Диалоги», ответ 112) о жителях островка Белого — и были невелики по размерам. На Ахилловом острове был храм, посвященный Ахиллу, обитало множество белых птиц и росли деревья. Так, Филострат Младший пишет («Рассказ о героях», XIX, 16): «...Это — один из понтийских островов, лежащий ближе к негостеприимной стороне, которая для въезжающих в устье Понта приходится слева; в длину он имеет тридцать стадиев, а в ширину не более четырех; на нем растут тополи и вязы, вокруг храма в порядке, а остальные как попало; храм построен со стороны Мелотийского озера...»

Культ Ахилла Понтарха был широко распространен в припонтийских областях и с ним связаны, как уже отмечалось выше, многие топонимы. Неудивительно поэтому, что в ряде источников, особенно компилятивного характера, имеются явные несоответствия.

Обратимся, однако, к имеющимся в нашем распоряжении метрическим данным Плиния, Страбона, Арриана, Птолемея и Псевдо-Арриана.

Плиний указывает расстояние до о. Белого из трех точек: от Борисфена 1120 стадиев, от Тиры 960 стадиев и от Певки 400 стадиев (при пересчете мы исходили из стандарта 125 шагов к 1 стадию). Как видно, последнее расстояние совпадает с данными Псевдо-Скимна и Псевдо-Арриана. В то же время расстояние от Тиры явно завышено (у Страбона оно равно 500 стадиям). При пересчете на современные меры длины более точными оказываются сведения Страбона — 92,5 км (стадий 185 м), что практически точно соответствует прямому расстоянию

от устья Тирь (Днестра) в районе с. Затока до о. Змеиный. В то же время данные Плиния (от 151 до 201,6 км в зависимости от размера стадия) соответствуют расстоянию между современным Днестровским лиманом и островом Джарылгач, который наряду с Теңдровской косой сопоставляется с Ахилловым Бегом. По-видимому, в данном случае Плиний допустил смешение разных топонимов. То же произошло и у Арриана (Ап., 32): «Почти против этого устья, если плыть прямо в море с ветром апарктием, лежит остров, который одни называют островом Ахилла, а другие Бегом Ахилла, а третьи — по цвету — Белым».

Что касается расстояния от Борисфена до Белого острова, то оно близко к расстоянию до о. Змеиный. По Плинию — от 176,6 до 235,2 км, по современным измерениям — примерно 185 км по прямой и около 210 км, если плыть до современной Одессы вдоль берега.

Расстояние между Певкой и о. Белый вполне сопоставимо с расстоянием между о. Змеиный и гринду Караорман, где мы помещаем о. Певку: примерно 74 км в современном исчислении и от 63 до 84 километров по Плинию.

Учитывая тот факт, что наиболее близки к реальным у Плиния оказываются цифры, рассчитанные 185-метровым стадием, можно предположить, что именно этот размер использовался в данном случае.

Безымянный остров у Борисфена, по данным Арриана и Псевдо-Арриана, лежал в 60 стадиях от устья Борисфена, что в современном исчислении соответствует расстоянию от 9,5 до 12,6 км в зависимости от размера стадия. Это расстояние приводит в район Березанского лимана, где расположен современный остров Березань, с которым обычно и отождествляли Безымянный остров Арриана. Однако М. В. Агбунов, основываясь на геолого-географических данных, считает, что до IV в. н. э. Березань была полуостровом, и вследствие этого в перипле Арриана указан не остров Березань, а необитаемый остров, находившийся к югу от Березанского мыса и со временем затопленный морем²¹.

Между тем свидетельство Диона Хрисостома (II, 48), как мы уже отмечали, при анализе Днестро-Бугского лимана указывает на явное наступление моря на сушу, а упоминание острова вблизи Борисфена имеется только у авторов первых веков нашей эры — Страбона, Арриана и Птолемея, а также у их более позднего коллеги — Псевдо-Арриана. Возможно, следует признать, что повышение уровня моря шло более быстрыми темпами, и в этом случае Березань стала островом, по крайней мере, ко времени Арриана.

В «Географическом руководстве» Клавдия Птолемея оба острова оказываются в открытом море, где ист и никогда не было никаких островов:

Наименование пункта	В минутах		В километрах			Точка отсчета
	Долгота	Широта	Долгота	Широта	Прямое	
о. Борисфенида	15'	50'	7,95	95	95,3	от устья Борисфена
о. Ахиллов	—	40'	—	76	76	от устья Борисфена

По данным Птолемея, оба острова расположены почти напротив Днестровского устья. Если мы отложим расстояние между устьем Тиры и о. Борисфенида, а затем проведем прямую линию вдоль побережья через полученную точку, то на расстоянии примерно 97 км от нее находится о. Березань. Это расстояние почти в точности соответствует расстоянию от устья Борисфена до о. Борисфенида по Птолемею. Проведя аналогичную операцию с Ахилловым островом, получаем, что на одной линии с полученной точкой расположен на расстоянии примерно 80 км о. Зменый. И вновь оказывается, что это расстояние тождественно отрезку между Борисфеном и Ахилловым островом.

Объяснить столь странное совпадение простой случайностью нельзя. С другой стороны, понять причину подобного искажения пока тоже не представляется возможным. Вместе с тем совершенно очевидно, что координаты островов относительно устья Тиры и устья Борисфена оказались перемешаны, что и вызвало искажение картины в целом. Поэтому с достаточной долей уверенности можно отождествить о. Березань с о. Борисфенидой, а о. Зменный — с о. Ахилловым, или Белым. Подобная локализация предлагалась и раньше, но при этом сведения Птолемея, ввиду их явного несоответствия, не использовались²¹.

В «Античной географии Северного Причерноморья» М. В. Агбунов разделяет Безымянный остров Арриана и остров Борисфен (хотя это противоречит сведениям Птолемея), помещая первый в район Березанского мыса, а второй отождествляя с дельтовым островом, существовавшим на современном Кинбурнском полуострове²².

Однако и у Страбона ясно сказано, что остров лежит перед устьем Борисфена, а не в устье (Strabo, VII, 4, 17), и далее (Strabo, VII, 4, 19) «за островом, лежащим перед Борисфеном, сейчас к востоку идет морской путь к мысу Ахиллова Бега...». У Птолемея остров Бори-

сфенида также помещен к северо-западу, а не к востоку от устья Борисфена, как это должно было бы быть, если бы речь шла о дельтовом острове.

Таким образом, по нашему мнению, античная традиция не дает повода считать, что в устье Борисфена назывались два разных острова, и Безымянный остров Арриана соответствует Борисфену Страбона и Борисфениде Птолемея и должен быть отождествлен, скорее всего, с современным островом Березань. Остров же Белый, или Ахиллов, соответствует современному острову Змеиный. Путаница с его координатами у Плиния и, возможно, у Птолемея связана с различными направлениями плавания. Когда корабль плыл от Борисфена, ориентиром служил остров Белый (Змеиный), когда же плавание осуществлялось от Тиря, ориентиром был Ахиллов Бег. Сложность звучания топонимов при наложении встречных периплов и приводила к соответствующей путанице. Впрочем, возможно и другое объяснение, и мы еще раз вернемся к этой проблеме несколько позже.

ВТОРАЯ ЗОНА

Общие параметры второй зоны — расстояние от Днепра (Борисфена) до Феодосии в античной традиции названы только у Птолемея: координаты устья Борисфена (Ptol., III, 5, 2) и Феодосии (Ptol., III, 6, 2) определяются по сумме промежуточных расстояний у Арриана (Att., 30—31) и Псевдо-Арриана (Ps.-Att., 78—84).

У Страбона дано расстояние между рекой Тирой (Днестром) и Херсонесом (Strabo, VII, 4, 2), сравнимое с аналогичным расстоянием у Псевдо-Арриана (Ps.-Att., 89) и приведенными там же сведениями Артемидора. Кроме того, у Страбона определена протяженность таврического побережья между Бухтой Символов и Феодосией (Strabo, VII, 4, 3), идентичная расстоянию между Бараньим Лбом и Феодосией у Плиния (Plin., NH, 86) и близкая этому же расстоянию у Псевдо-Арриана (Ps.-Att., 78).

У Плиния также имеются сведения о расстоянии между Херсонесом и Феодосией (Plin., NH, 86), сравнимые со сведениями Арриана (Att., 30) и Псевдо-Арриана (Ps.-Att., 78, 81).

Итак, попробуем теперь сопоставить данные античных авторов с аналогичными им современными измерениями.

Расстояния у Арриана и Псевдо-Арриана между Борисфеном и Феодосией в зависимости от размера стадия представлены в таблице:

Источник	Размер в стадиях	Расстояние в километрах				
		157,7 м	177,6 м	185 м	197 м	210 м
Арриан	3930	619,8	698	727,1	774,2	825,3
Псевдо-Арриан	4500	709,7	799,2	832,5	886,5	945

В «Географическом руководстве» Клавдия Птолемея расстояние по долготе между Феодосией и Борисфеном составляет 350', или 1610 стадиев (Ptol., Карта Европы, VIII), а по долготе 70', или 581 стадиев (Ptol., I, 7). В современных единицах измерения это соответственно 338,1 км и 122 км (величина стадия 210 м). Прямое расстояние равно примерно 356 км.

Современные измерения показывают между устьем Днестра и Феодосией при каботажном плавании примерно 730 км. Однако помимо каботажного пути существовал и прямой морской путь через Каркинитский залив²⁴, а также, вероятно, сухопутная дорога через перешеек. На наш взгляд, у Арриана от Тамираки морской путь сразу шел к западной оконечности Ахиллова Бега и далее к Борисфену. У Псевдо-Арриана плавание проходило вдоль всего Ахиллова Бега, отсюда и разница в расстояниях.

Та же картина наблюдается и при плавании от Тир (Днестра) до Херсонеса. У Страбона оно составляет 4400 стадиев, у Псевдо-Арриана — 4110 стадиев, а по измерениям Артемидора — 4200 стадиев. При анализе топонимов первой зоны, характеризующей метрические данные Плиния по острову Ахилла, мы показали, что расстояние между этим островом и рекой Тирой в действительности соответствует расстоянию между Тирой и Ахилловым Бегом. У Плиния оно равно 960 стадиям (Plin., NH, IV, 93) и, вероятно, соответствует прямому морскому пути на восточную оконечность Ахиллова Бега. Если вычесть эту цифру из расстояния, указанного Страбоном между Тирой и Херсонесом, получится величина в 3440 стадиев. Однако, как следует из описания этого участка побережья в «Географии» Страбона (Strabo, VII, 3, 19), в нее включена и протяженность Ахиллова Бега — около тысячи стадиев (Strabo, VII, 3, 19). За вычетом ее мы получим прямое расстояние от западной оконечности Ахиллова Бега до Херсонеса 2440 стадиев, поразительно точно совпадающее со сведениями Арриана — 2430 стадиев по сумме расстояний.

Псевдо-Арриан пользовался, по-видимому, как коротким, так и длинным перипллом, поэтому его измерения весьма противоречивы.

От реки Тиры до реки Борисфена у Псевдо-Арриана 810 стадиев (Ps.-Agt., 89). Следовательно, между Борисфеном и Херсонесом 3300 стадиев (4110—810). Однако если определить это расстояние, исходя из разницы между протяженностью пути от Феодосии до Борисфена (4500 стадиев) и от Феодосии до Херсонеса (1500 стадиев) у того же автора, то получится на 300 стадиев меньше. Эта разница, вероятно, есть не что иное, как прямой путь через устье (Ps.-Agt., 83), не учтенный Псевдо-Аррианом в следующем абзаце (Ps.-Agt., 84). В чем тут дело? Сравним это место с аналогичным описанием в перипле Арриана (Agt., 31): «От Прекрасной гавани до Тамираки триста стадиев; внутри Тамираки есть небольшое озеро. Отсюда еще триста до устья озера; от устья озера до Эионов — триста восемьдесят стадиев, а отсюда до реки Борисфенида — сто пятьдесят...»

Как видим, от всего этого описания у Псевдо-Арриана осталось лишь 300 стадиев, но не до устья озера, как у Арриана, а через устье. В следующем же абзаце дано расстояние от этой точки до восточной оконечности Ахиллова Бега и далее вдоль последнего (Ps.-Agt., 84): «...Если проплыть от Тамираки мимо вышеупомянутого Бега до другой косы Ахиллова Бега, называемой Священной рошей Гекаты, получаются упомянутые 1200 стадиев».

Таким образом, в античной традиции при описании морского пути к Херсонесу Таврическому имеют место, по крайней мере, два варианта: от восточной оконечности Ахиллова Бега к Тамираке и далее к Херсонесу, от западной его оконечности к Тамираке и далее к Херсонесу. Первый путь включал плавание вдоль Ахиллова Бега, второй — нет. Впрочем, вероятно, имел место и еще один, самый короткий морской путь от Истра к мысу Бараний Лоб, равный, по сообщению Псевдо-Скилака, 3 дням и 3 ночам прямого плавания (Ps.-Scyl., 68), т. е. 3000 стадиев (Ps.-Scyl., 69). Каботажное же плавание он оценивает как вдвое большее (Ps.-Scyl., 68), что вполне согласуется со сведениями других авторов — например, у Псевдо-Арриана по сумме расстояний получится 5460 стадиев (Ps.-Agt., 81—89).

В целом античные сведения о протяженности морских путей в северо-западной части Причерноморья вполне согласуются с современными измерениями, и следует признать довольно хорошую осведомленность античных авторов об этом регионе, по крайней мере, в части первоисточников. Ошибки же и неточности, как показал вышеприведенный анализ, вполне объясняются компилятивным характером большинства дошедших до нас сведений.

Единственное звено, выпадающее из общей традиции, — данные Клавдия Птолемея. Наложение их на современную карту вполне очевидно показывает, что в этом случае речь явно не может идти о морском пути: и прямой, и тем более каботажный пути значительно превосходят расстояние, указанное в «Географическом руководстве». В то же время это расстояние вполне согласуется с сухопутным участком от Феодосии через Перекопский перешеек и далее к Борисфену.

Таким образом, можно предположить, что «Географическое руководство» Клавдия Птолемея является единственным из дошедших до нас географических трудов античности, где нашел отражение не только морской путь от Феодосии до Борисфена, но и его сухопутный аналог. Может быть, именно этим объясняется большое количество населенных пунктов, названных Птолемеем для внутренней части Херсонеса Таврического, и не только для него?

Совмещение сухопутного пути от Феодосии к Борисфену в обход Херсонеса и Северо-Западного Крыма с морским объездом побережья, которым также пользовался Птолемей (на это, в частности, указывает наличие приморских топонимов береговой линии на этом участке), привело, по-видимому, к существенному искажению Северо-Западного и отчасти Южного Крыма на карте Птолемея.

Одновременно с выяснением характера этого искажения определен значение одной минуты по широте и по долготе для второй зоны, необходимые для дальнейшей работы с топонимами, координаты которых даются в «Географическом руководстве».

В качестве опорных пунктов во второй зоне мы использовали три: Ольвию, или Борисфен, находящуюся под 57° — 49° ; береговую линию перешейка у Каркинитского залива, находящуюся под $60^{\circ}20'$ — $48^{\circ}20'$, и Херсонес с координатами 61° — 47° . Если соединить эти пункты между собой, сохраняя направление и пропорции Птолемея, то мы получим схему, показанную на рис. 3, 1 (Приложение 1). Наложив ее на современную карту (рис. 3, 2; Приложение 1), можно увидеть, что если район между Борисфеном и перешейком в основном совпадает, то участок Северо-Западного Крыма и Херсонес Таврический Птолемея имеют существенное расхождение. На карте Птолемея полностью исчез Тарханкутский полуостров, а в то же время г. Херсонес, в действительности располагающийся на одной почти долготе с перешейком, сильно смещен к востоку (на $40'$).

Объяснить это можно как наличием прямого и каботажного морских путей через Каркинитский залив, как мы это делали ранее³⁰, так

и попыткой совмещения в «Географическом руководстве» длинного объезда Таврического побережья с коротким сухопутным путем. Однако в любом случае географ должен был учитывать небольшой отрезок оконечности этого полуострова (около 35 км).

Можно предположить, что именно этот участок соответствует долготе между перешейком и Херсонесом у Птолемея. Оставшийся же путь вдоль побережья соответствует широте между этими пунктами (рис. 3, 3; Приложение 1). Причем, как это видно по схеме, Херсонес оказался как бы подтянут к северо-востоку (за счет исчезновения Тарханкутского полуострова). Этот факт следует учитывать при расчетах между Херсонесом и Ольвией. Долготе Птолемея здесь будет соответствовать сумма расстояний: между Ольвией и перешейком, с одной стороны, и между перешейком и Херсонесом (35 км) — с другой. Широте же также соответствует сумма расстояний: между Херсонесом и перешейком (вдоль побережья до Тарханкутского полуострова) и между Тарханкутским полуостровом и Ольвией по прямой. Долгота между перешейком и Ольвией определяется расстоянием между перешейком (Перекопом) и Ольвией вдоль побережья. Интересен тот факт, что расстояние по прямой от Тарханкута и вдоль побережья (или по побережью?) от перешейка практически одинаково. Может быть, это и привело к такому искажению на карте?

Что касается реальных величин одной минуты широты и одной минуты долготы, то она составляет соответственно 1,875 км и 0,83 км, как это видно из таблицы:

Опорные пункты	Расстояния в минутах по Птолемею		Соответствующее им расстояние, км		Значение 1'	
	широта	долгота	широта	долгота	широта	долгота
Ольвия — перешеек	40'	200'	75	160	1,875	0,8
Перешеек — Херсонес	80'	40'	150	35	1,875	0,875
Ольвия — Херсонес	120'	240'	225	195	1,875	0,813

После предварительного анализа общих параметров второй зоны приступим к локализации отдельных топонимов, указанных в ее рамках авторами, двигаясь по направлению от устья реки Борисфена к Феодосии. При этом будем учитывать тот факт, что, так же

как и в предыдущей зоне, здесь имеют место встречные перишлы. Так, у Арриана и Псевдо-Арриана описание строится в обратном направлении от Феодосии к Борисфену, в то время как у Страбона и Птолемея соответствует выбранному нами. Кроме того, накладка встречных перишлов могла иметь место и внутри компилятивных источников, что также будет учитываться и в работе с конкретными топонимами.

Гилея. Самое подробное описание этой местности оставил нам Геродот: «Если перейти Борисфен, первая от моря страна — Гилея» (Herod., IV, 18), «...она находится близ Ахиллова Бега и вся полна разнообразнейшими деревьями...» (Herod., IV, 76), в нее втекает река Пантикап (Herod., IV, 54), с востока Гилею ограничивает река Гипакхрис (Herod., IV, 55). Сведения Помпония Мелы (Mela, II, 5) и Плиния (Plin., NH, IV, 83) практически ничего нового к этому не добавляют и, скорее всего, восходят к ранним источникам.

Другие авторы первых веков нашей эры — Страбон, Арриан, Птолемей — ничего об этой местности не сообщают. Вероятнее всего, к этому времени она уже утратила свое значение либо вообще прекратила свое существование. Интересно в этой связи сообщение Диона Христора (II, 48): «...В остальной части лимана [имеется в виду левая по течению часть Днепро-Бугского лимана] берега болотисты и покрыты густым тростником и деревьями; даже в самом лимане видно много деревьев, издали похожих на мачты, так что неопытные корабельщики ошибаются, правя к ним, как бы к кораблям...» Возможно, эта картина отражает участь, которая постигла Гилею ко времени Диона Христора (ок. 100 г. н. э.): по крайней мере, часть ее уже была поглощена водами лимана.

Итак, где следует локализовать Гилею? В комментариях к тексту Геродота авторы книги «Народы нашей страны в "Истории" Геродота» дают весьма подробную справку по данному вопросу³⁶. Большинство исследователей локализует Гилею от левого берега Днепра и далее к востоку, между лиманом и морем. Восточной границей Гилеи чаще всего называют реку Каланчак, впадающую в Каркинитский залив. Б. А. Рыбаков предполагает наличие двух Гилей: одной на Нижнем Днепре подле Ахиллова Бега, другой — вдоль реки Ворсклы, которая отождествляется им с Пантикапом³⁷. М. В. Агбунов оспаривает подобное разделение и считает, что Гилея занимала территорию современных Нижнеднепровских песков от Кирибурского полуострова до Цюрупинска и Скадовска³⁸.

Итак, упомянутая Геродотом и другими авторами Гилея находилась в низовьях Днепра. Что же касается ее границ, то их определение во многом зависит от локализации двух рек: Пантискана и Гипакириса. Мы начнем с восточной границы Гилеи — реки Гипакириса.

Река Гипакирис. В описании Геродота — это шестая река, «которая, устремляясь из озера и протекая по средним областям скифов-кочевников, впадает в море близ города Каркинита, направо от себя оставляя Гилею и так называемый Ахиллов Бег» (Herod., IV, 55). Кроме того, Гипакирис упоминается Геродотом в перечислении рек, доступных для судов с моря (Herod., IV, 47), а также в качестве реки, в которую впадает река Герр (IV, 56). Помпоний Мела привязывает эту реку к Каркинитскому заливу: «При нем [заливе] лежит город Каркина, омываемый двумя реками — Герром и Ипакиром» (Mela, II, 4). Также с заливом Каркинитским связывает реку Пакирис Плиний (Plin., NH, IV, 87).

Чаще всего реку Гипакирис отождествляют с Каланчаком или озером Донузлав³⁹. Б. А. Рыбаков считает Гипакирис сочетанием реки Конки, гирл Днепра и района Каланчака⁴⁰. М. В. Скржинская отождествляет Пакирис Плиния с теперешним озером-заливом Донузлав⁴¹.

Вопрос об отождествлении Гипакириса до сих пор не может считаться решенным, т. к. ни одна река к востоку от Днепра не соответствует описанию Геродота. Между тем есть небольшая зацепка, позволяющая в какой-то мере несколько по иному взглянуть на проблему локализации этой реки. Плиний в описании данного района пишет следующее: «...Этот залив называется Каркинитским. Здесь же река Пакирис; города — Навар и Каркина. Сзади лежит озеро Бук, соединенное с морем посредством рва...» (Plin., NH, IV, 84). Птолемей помещает оба этих города на реке Каркинит: один в начале ее, в другой в конце (Ptol., III, 5, 13). Координаты устья реки Каркинита даны в описании Европейской Сарматии (Ptol., III, 5, 2). Как будто бы они достаточно ясно указывают на то, что эта река должна быть помещена к западу от Перекопского перешейка. Однако вспомним, что, как мы показали выше, северная часть Тарханкутского полуострова перенесена в «Географическом руководстве» на материк, и если следовать логике перечисления, то помещенное вслед за Прекрасной гаванью и Тамиракой устье реки Каркинита нужно локализовать именно на этой северной части Тарханкута вблизи перешейка, т. е. последний находится у Птолемея сразу вслед за Каркинитом.

Расстояние между перешейком и устьем реки составляет 40' по долготе и 10' по широте, соответственно 33,2 км и 18,75 км. Отсюда

прямое расстояние между этими пунктами 38,1 км. Оно приводит нас к устью реки Чатырлык, впадающей в Каркинитский залив. Река эта в прежние времена, безусловно, была более полноводной⁴² и вполне может быть отождествлена с Каркинитом.

Ранее именно на этой реке мы помещали Каркину, город Птолемея⁴³, однако в настоящее время от этой идеи следует отказаться, т. к. не был учтен фактор смещения к северу (вместе с северной частью Тарханкута) и остального участка побережья, что привело к сближению Каркины и устья реки (впрочем, определенную роль могла сыграть и сложившаяся традиция).

Что касается остальных пунктов, помещаемых в «Географическом руководстве» по реке Каркиниту, то более подробно на их локализации мы остановимся в третьей главе. Здесь же отметим один интересный факт.

Если определить расстояние между Наваром (последним из населенных пунктов по реке Каркиниту) и устьем Борисфена, то оно весьма точно приведет нас к устью вышеупомянутой реки Чатырлык (прямое расстояние составляет примерно 176 км). Ясно, что в таком случае все последующие населенные пункты располагались за Наваром к юго-востоку, т. е. картина здесь оказалась как бы перевернутой вследствие перемещения Каркинита на материк. В известной мере подтверждает это предположение и последовательность описания населенных пунктов по другим рекам в этой части «Географического руководства» — по течению, т. е. с севера на юг (Ptol., III, 5, 14; III, 5, 15). Описание же по реке Каркиниту идет в обратном направлении (Ptol., III, 5, 13).

Таким образом, следует признать, что населенные пункты, а следовательно, и сама река, протянулись через Крымский полуостров по направлению к Феодосии. Однако насколько бы ни был Чатырлык полноводен в античное время, на такое расстояние он простираться не мог. Зато именно в этом направлении от Персеополя и даже ранее от Калмычка тянутся курганы⁴⁴, что вполне может свидетельствовать о прохождении здесь древней дороги и совпадает с высказанным нами ранее предположением о том, что в «Географическом руководстве» при описании Херсонеса Таврического нашел отражение сухопутный путь от Феодосии к Борисфену.

Локализация Каркинита — Гипакириса подобным образом практически точно соответствует описанию Геродота и других античных авторов. Чатырлык впадает в Каркинитский залив, справа от себя оставя Гилею, близ города Каркинитиды, который, по справедливому

замечанию В. А. Кутайсова⁶⁶, использовался Геродотом в качестве основного географического ориентира и который мог находиться на определенном расстоянии от реки. Наконец, он протекает по территории Припывашья, к северу и к югу от которой простираются степи, где, как показывают археологические исследования, длительное время существовали схожие культуры⁶⁶ и которые вполне могли быть местом обитания скифов-кочевников. Что касается озера, из которого вытекал Гипакирис, то для человека, слабо представлявшего данную местность, вполне могло казаться, что река вытекает из одного из многочисленных озер Припывашья.

Итак, если Чатырлык — это античный Гипакирис, то, следовательно, он являлся границей Гилеи на востоке, ведь существование лесов у Перекопского перешейка вполне вероятно⁶⁷.

Река Пантикап. В перечислении рек у Геродота это пятая река (Herod., IV, 47). «...А после них — другая река, пятая, название которой Пантикап. Течет он также с севера из озера, а посредине между ним и Борисфеном обитают скифы-земледельцы; втекает же он в Гилею, а миновав ее, соединяясь с Борисфеном» (Herod., IV, 54). Кроме этого, река упомянута Геродотом в IV, 18 и 19 при описании племен (она отделяет скифов-земледельцев от скифов-кочевников).

У Псевдо-Скимна Пантикап упомянут в связи с наименованием племени лимнес (озерян) (Ps.-Skymn., 850—859). Помпоний Мела в принципе повторяет Геродота (Mela, II, 5). Плиний же сообщает, что за лесной областью «река Пантикап, которая отделяет кочевников от земледельцев, затем река Авестия. Некоторые говорят, что Пантикап ниже Ольвии сливается с Борисфеном; но более точные исследователи говорят, что сливается Гипанис» (Plin., NH, IV, 84).

Что касается сообщения Дионисия Периегета (Dion. Per., 298—320), то, как справедливо считает комментатор⁶⁸, его рассказ об устье Пантикапа, недалеко от Ледовитого моря, является плодом мифико-географических измышлений автора.

Так же как и в отношении Гипакириса, вопрос об отождествлении Пантикапа не решен. В настоящее время в литературе дискутируются два основных предположения: 1) Пантикап — Конка (Конские воды, Конская), левый приток Днепра; 2) Пантикап — Ингулец, правый приток Днепра⁶⁹. М. В. Скржинская допускает и тот и другой вариант⁷⁰. Б. А. Рыбаков отождествляет Пантикап с притоком Днепра Ворсклой⁷¹.

Если Гипакирис — это Чатырлык, то из всех возможных вариантов ближе всего к описанию Геродота, как нам кажется, подходит Конка,

которая берет начало в приазовских степях, огибает плавни Конских Вод (ныне Каховское водохранилище) и течет параллельно Днепру, то впадая в него, то снова от него отделяясь, вплоть до самого моря, протекая через район античной Гилеи.

Закончив анализ столь сложного и запутанного клубка античных свидетельств о Гилее и реках Пантикале и Гипокирисе (Каркините), вернемся обратно к устью Борисфена.

Мыс Гипполая. Этот мыс известен из сообщений двух авторов: Геродота и Диона Хрисостома. Учитывая разницу во времени между этими сообщениями, особый интерес представляет сравнение описываемой ими картины одной и той же местности.

Геродот (IV, 53): «Там, где Борисфен течет недалеко от моря, с ним сливается Гипанис, впадая в одну и ту же заводь, находящаяся между этими реками клинообразная полоска земли называется мысом Гипполая; на нем воздвигнут храм Деметры. Напротив храма у Гипаниса обитают борисфениты».

Дион Хрисостом (II, 48): «...Мыс этот представляет собой острый и крутой выступ материка в виде корабельного носа, у которого сливаются обе реки; далее они представляют уже лиман вплоть до моря на протяжении почти 200 стадиев; и ширина рек в этом месте не менее».

Простого сравнения достаточно для того, чтобы сделать вывод о том, что во времени Диона Хрисостома немалая часть мыса, вероятно вместе с храмом Деметры, уже была затоплена водами лимана (в противном случае Дион Хрисостом, столь подробно описывающий данную местность, не преминул бы отметить этот храм). Однако сохранилось ли от него что-нибудь к настоящему времени?

Большинство современных исследователей отождествляют Гипполаев мыс с мысом Станислав⁷², однако М. В. Аргунов склонен считать, что и мыс, и храм затоплены водами лимана и находились в 31,5—37 км восточнее Очаковского мыса в соответствии с данными Диона Хрисостома⁷³.

На наш взгляд, одно другому не противоречит, и мыс Станислав можно рассматривать как незначительные остатки материкового основания Гипполаева мыса, не затопленного водами лимана. Учитывая тот факт, что Станиславский мыс не имеет надводной аккумулятивной формы⁷⁴, вполне возможно, что именно так он выглядел и во времена Диона Хрисостома.

Ахиллов Бег. Античная традиция об Ахиллове Беге столь же противоречива, как и сообщение об Ахилловом острове. Причины этой

противоречивости в основном те же, и мы достаточно подробно говорили об этом в соответствующем месте⁷⁵. В то же время четко прослеживаются две тенденции: одни авторы помещают Ахиллов Бег между Борисфеном и Херсонесом Таврическим, другие явно указывают на Крымское побережье. Большинство исследователей считают последнее явной ошибкой⁷⁶. Но так ли это?

На Крымском побережье Ахиллов Бег помещают Дионисий Периегет (Diop. Per., 298—320), Евстафий в комментариях к нему (302 и 306), Аммиан Марцеллин (XXII, 8, 40), Присциан (228—312).

За Борисфеном Ахиллов Бег упомянут у Геродота в связи с описанием реки Гипакирис (Herod., IV, 55) и в связи с Гилсей, которая находится близ Ахиллова Бега (Herod., IV, 76). Очень подробно описывает Ахиллов Бег Страбон (VII, 3, 19): «За островом, лежащим перед Борисфеном, сейчас к востоку идет морской путь к мысу Ахиллова Бега, месту, лишенному растительности, но называемому рошей и посвященному Ахиллу. Затем — Ахиллов Бег, выдающийся в море полуостров; это узкая коса, длиной около тысячи стадиев по направлению к востоку; наибольшая ширина ее — два стадия, а наименьшая — четыре плектра. От материка, находящегося по обе стороны перешейка, она отстоит на шестьдесят стадиев; почва на ней песчаная, вода колодезная. Заканчивается полуостров у мыса, называемого Тамиракой, имеющей пристань, обращенную к матерiku. За мысом находится значительный залив Каркинитский...»

Псевдо-Арриан дает описание в обратном направлении (Ps.-Arr., 84): «От мыса Тамираки тянется Ахиллов Бег, весьма длинная и узкая береговая полоса, простирающаяся вдоль пролива на 1200 стадиев или 160 миль, а в ширину имеющая 4 плектра. Концы ее имеют вид островов; от материка она отстоит на 60 стадиев, 8 миль. Посередине ее восточный (т. е. узкий) перешеек соединяет с материком (или с твердой землей), простираясь в длину на 40 стадиев, 5¹/₂ мили. Если пройти от Тамираки мимо вышеупомянутого Бега до другой косы Ахиллова Бега, называемой Священной рошей Гекаты, получаются упомянутые 1200 стадиев, или 160 миль. От священной же роши Гекаты до судоходной реки Борисфена, ныне называемой Данапием, 200 стадиев, 26¹/₂ мили».

Птолемей в III, 5, 2 сообщает координаты мыса Роша Гекаты, перешейка Ахиллова Бега, западного, или Священного, мыса Ахиллова Бега и восточного мыса, или Мисариды.

Плиний в IV, 83 помещает Ахиллов Бег в 125000 шагов от острова Ахилла и указывает его длину со ссылкой на Агриппу — 80000 шагов.

Ахиллов Бег упоминается также в схолиях к Пиндару — Нем., IV, 79 (49), у Еврипида («Ифигения в Тавриде», 435—438), в схолиях к Ликофрону «Алекса́ндре», где определяется его длина — 1000 стадиев (658), у Псевдо-Скимна (820—821), у Помпония Мелы (Mela, II, 5) и Гесихия Александрийского («Лексикон»).

У Арриана название Бег Ахилла переносится на остров Белый (Ат., 32). Как остров за Таврикой определяется Ахиллов Бег у Стефана Византийского (з. в. *Ἀχιλλέως νῆσος*).

Ахиллов Бег отождествляется либо с Тендровской косой; либо с Тендрой и Джарылгач в комплексе⁷⁷.

Наличие двух Ахилловых Бегов, один из которых располагался в Крыму, никогда не рассматривалось. Между тем в схолиях к Аполло-ниеву «Походу Аргонавтов» (658) со ссылкой на Дионисия Ольвийского говорится, что «Ахилловыми Бегами» называются широкие и низкие берега. А в Хрестоматии из «Географии» Страбона (из книги VII) даются два варианта. В первом варианте повторяется текст Страбона. Во втором же сообщается следующее: «... Устье реки Борисфен и остров Борисфен находятся в углу Тамираковского залива. Между этими двумя заливами лежит в виде полуострова Тавроскифия, южная часть которой представляет собой идущий по прямой линии берег, Ахиллов Бег...»

На наш взгляд, причина этих расхождений не в ошибочном переносе Ахиллова Бега на Крымский полуостров, а в существовании в античное время двух Ахилловых Бегов, связующим звеном между которыми являлся мыс Тамирака, который, с одной стороны, ограничивал Крымский Ахиллов Бег, а с другой стороны, служил ориентиром для плывущих в Крым со стороны Северо-Западного Причерноморья. Поэтому у ведущих описание с запада на восток (Страбон, Птолемей) Тамирака завершает материковый участок побережья, а у ведущих отсчет в обратном направлении (Арриан, Псевдо-Арриан) она в Крыму. Отсюда следует, что для правильного понимания античной картины этой части Северного Причерноморья необходимо в первую очередь локализовать Тамираку.

Тамирака. У Арриана этот мыс отстоит от устья Борисфена на 830 стадиев, т. е. от 130,9 до 174,3 км, что приводит нас на Тарханкутский полуостров. У Псевдо-Арриана это расстояние — 1400 стадиев (от 220,7 до 294 км), что соответствует полному объезду Каркинит-

ского залива и вновь приводят нас на Тарханкутский полуостров. У Страбона Тамирака названа в качестве мыса, которым заканчивается полуостров Ахиллова Бега, однако, даже если понимать под последним всю систему Тендра — Джарылгач, его протяженность больше (примерно 185 км) у Страбона, чем в современном исчислении (примерно 174 км).

Учитывая характер системы Тендра — Джарылгач (их нарастание в настоящее время)²⁸, она не могла быть в античности больше, даже несмотря на более низкий уровень моря. Зато названное расстояние вполне согласуется с объездом Каркинитского залива у Псевдо-Арриана (1200 стадиев без расстояния от Ахиллова Бега до Борисфена) и вновь приводит нас к Тарханкуту.

Чтобы разобраться с ситуацией в «Географическом руководстве» Клавдия Птолемея, необходимо прежде всего определить положение его Ахиллова Бега. Начнем мы с определения местоположения роши Гекаты, хотя в отличие от Псевдо-Арриана (Рз.-Авт., 84), она и не связана у Птолемея с Ахилловым Бегом.

Роша Гекаты, мыс. При определении местоположения Роши Гекаты вновь, как и в случае с островами в предыдущей зоне, полученное расстояние — примерно 115,2 км от Гипаниса (Южного Буга) уводит нас далеко в открытое море, причем вновь в район Днестровского лимана. Следовательно, действительное расстояние по широте сильно завышено. В то же время долгота осталась, по-видимому, неизменной. В этом случае Рошу Гекаты следует поместить в том районе, где в одну точку сойдутся расстояния до нее от острова Борисфенида и от устья Гипаниса по долготе (расстояние от острова ок. 20 км). Единственный район, где эти расстояния сходятся, — район современного Кинбурнского полуострова в его западной части. По-видимому, его и следует отождествить с Рошей Гекаты. Здесь же помещал ее и В. В. Латышев. Рассуждения последнего в некоторой степени могут пролить свет на причину странного перемещения этой части Днестровского лимана в сторону Днестра. Его вывод о существовании двух роц — Ахилловой и Гекаты (в сочетании, по-видимому, с каким-то святилищем Ахилла на современном острове Змеиный) — таков: в этой общности названий и кроется причина странного искажения на карте Птолемея. Впрочем, не исключены и иные объяснения.

Смещение Роши Гекаты к западу от Днестра и Южного Буга неизбежно должно было отразиться на положении Ахиллова Бега. Полученное расстояние (31,2 км от Роши Гекаты) приводит нас на Егор-

лыцкий кут. Как и в предыдущем случае, воспользуемся разницей между островом Борисфенида и перешейком (это примерно 87 км), что приводит нас к основанию Теңдровской косы. Это и есть искомый перешеек Ахиллова Бега.

Таким образом, еще раз подтверждается правильность предположения об общем смещении данного района у Птолемея, причем наиболее точно сохранены расстояния по отношению к о. Борисфенида.

Кроме перешейка в «Географическом руководстве» даны координаты западного и восточного мысов Ахиллова Бега.

Западный мыс, **Священный**, локализуется на западной оконечности Теңдровской косы. Это расстояние (61,1 км) чуть меньше современного (65 км), что вполне согласуется с продолжающимся ростом Теңдры.

Восточный мыс, **Мисарида**, соответствует острову Джарылгач (41,8 км от перешейка), что меньше современного расстояния до его оконечности, однако вполне согласуется с общей тенденцией изменения в системе Теңдры—Джарылгач. Таким образом, в представлении Птолемея Ахиллов Бег включал как современную Теңдровскую косу, так и западную часть острова Джарылгач. Расстояние между мысом Мисарида и Тамиракой в «Географическом руководстве» — примерно 114,4 км, что вполне соответствует оставшейся части Каркинитского залива до Тарханкутского полуострова.

Итак, приведенные выше рассуждения позволяют считать, что под Тамиракой в античной традиции следует понимать современный Тарханкутский полуостров, точнее, его западную оконечность. Причем он полностью соответствует описанию античных авторов. Внутри него есть озеро — Панское и есть пристань — Ярылгачская или Черноморская бухта, обращенная к матерiku (Strabo, VII, 3, 19). Становится понятным и описание Арриана (Арт., 31), в котором совместились два встречных перипла — от Ольвии к Херсонесу и в обратном направлении. В первом случае путь шел от Борисфена, мимо «материкового» Ахиллова Бега к Прекрасной гавани, затем к Тамираке, Каркситиде и Херсонесу. Во втором случае в той же последовательности в обратном направлении. Расстояние между Херсонесом и Прекрасной гаванью у Арриана приводит нас в район тех же бухт (Ярылгачской и Черноморской). Путь в 300 стадиев от Прекрасной гавани до Тамираки — это фактически объезд выступа Тарханкутского полуострова. В обратном же направлении этот объезд приводит к устью озера (те же 300 стадиев).

Согласуются с этим и сведения Страбона (VII, 3, 19 и VII, 4, 2): пристань, обращенная к матерiku — Ярылгачская или Черноморская бухты, т. е. Прекрасная гавань, а «другая гавань херсонесцев» — скорее всего, Керченитида других авторов. Географ ясно указывает: «Если плыть из Тамиракского залива...» и «другая гавань херсонесцев», т. е. первую уже миновали. Ясно, что под первой гаванью разумеется «пристань, обращенная к матерiku» в VII, 3, 19.

У Птолемея между Прекрасной гаванью и Тамиракой 10' по долготе (примерно 8,3 км) и 45' по широте (примерно 84,4 км), что с учетом 5' погрешности почти точно соответствует расстоянию между Черноморской бухтой и оконечностью Тарханкутового полуострова, с одной стороны, и объездом его крайнего выступа — с другой.

Впрочем, этот вывод можно пока рассматривать как предварительный. Локализация известных по Каркинитскому заливу населенных пунктов может внести в него определенные коррективы. К тому же требует уточнения палеогеографическая картина системы Тендра—Джарылгач, поэтому к этой проблеме мы еще вернемся.

Итак, в античный период Каркинитский, или Тамиракский, залив с юга ограничивался мысом Тамирака (Тарханкут), в угол его впадала река Каркинит — Гипакирис (Чатырлык), на северо-западе его границей являлся Ахиллов Бег (Тендровская коса). Протяженность залива от Тамираки до Ахиллова Бега, по сведениям Страбона (VII, 3, 19), составляла 1000 стадиев, или 185 километров, что совпадает с современными измерениями.

В заливе, согласно сообщению Плиния, имелось три острова: Кефалонес, Сподуса и Макра (Plin., NH, 93). Координаты первого из них даны и у Птолемея (Ptol., III, 5, 2). Кефалонес упомянут также у Аммиана Марцелина (Amm. Marc., «История», XXII, 8, 40). От мыса Мисарицы его отделяет 37,5 км, от Тамираки — 77,8 км. В одной точке эти расстояния сходятся на острове Джарылгач. Следовательно, песчаная коса со стороны Тендровской косы в античное время именовалась мысом Мисарида, сам же остров Джарылгач назывался Кефалонес.

Что касается островов Сподуса и Макра, то их можно было бы отождествить соответственно с группой Каланчакских островов в северной части залива и с Лебяжьими островами у Крымского побережья. Впрочем, учитывая морфологию дна в этой части залива и характер образования наносов, вполне возможно, что в античное время существовали и другие песчаные острова в Каркинитском заливе, ныне поглощенные морем⁷⁹. В то же время группы островов, учитывая

более низкий уровень моря, могли быть единым целым, и их сопоставление с островами Плиния, на наш взгляд, вполне допустимо.

Херсонес Таврический. Под этим именем в античной традиции известен нынешний Крымский полуостров. Однако представления о его конфигурации и общих параметрах в древности были далеко не однозначны.

Геродот в IV, 99 сообщает следующее: «... От Истра идет уже древняя Скифия, лежащая к югу в направлении южного ветра до города, называемого Каркинитидой. Далее — от этого города обращенную к этому же морю страну, гористую и выступающую к Понту, населяет племя тавров до полуострова, называемого Скалистым; этот полуостров выдается в море, обращенное в сторону восточного ветра».

Как видно из описания, Геродот не выделяет весь Крымский полуостров, присоединяя северную его часть к древней Скифии. В то же время у него четко обозначен Горный Крым южнее Каркинитиды и Керченский полуостров под именем полуострова Скалистого. Название «Херсонес Таврический» у него отсутствует. Название «Таврика» в IV, 20 относится к горному Крыму, на что неоднократно обращалось внимание в литературе⁹⁰.

Феофраст («О растениях», VII, 13, 8) говорит уже о Херсонесе Таврическом. Страбон четко выделяет Крымский полуостров (Strabo, VII, 4, 1): «Здесь находится перешеек шириною в сорок стадиев, отделяющий так называемое Гнилое озеро от моря и образующий полуостров, называемый Таврическим и Скифским...»

Страбон единственный из античных авторов дает подробное описание нынешнего Гераклейского полуострова под именем малого Херсонеса, составляющего «часть большого Херсонеса» (Strabo, VII, 4, 2).

Плиний в IV, 85 выделяет равнинный и горный Крым: «От Каркинита начинается Таврика, которая некогда также была залита морем везде, где теперь расстилаются равнины; далее она представлена обширными горными хребтами...»

В «Истории» Аммиана Марцеллина (XXII, 8, 32) на весь Крымский полуостров распространено название «Херсонес».

Чтобы понять картину Херсонеса Таврического в «Географическом руководстве» Клавдия Птолемея, необходимо разобраться, что понималось в античной традиции под «перешейком», отделяющим этот полуостров.

Перешеек. В античной традиции он не имел специального названия и обозначался общим термином «перешеек». С ним прочно свя-

звался ров и вал, отсюда местность «Тафры» и город «Тафр» (Mela, II, 4; Ptol., III, 6, 5).

Наличие на Крымском полуострове нескольких сужений — «перешейков» (Перекопский, Ак-Монайский, Узунарский) и нескольких рвов⁴¹ неизбежно сказалось на общих представлениях античных географов об этом районе и привело к определенной путанице в топонимах.

Во введении мы уже касались этого вопроса⁴² и, сравнивая между собой сведения Страбона и Птолемея, пришли к предварительному заключению о наличии в античной традиции описания двух различных перешейков, зачастую совмещаемых в одном. Теперь расширим круг свидетельств и попытаемся доказать этот тезис более основательно.

Первое упоминание о рве на Крымском полуострове восходит к Геродоту (IV, 3): «...И прежде всего они отрезали страну, вырыв широкий ров, растянувшийся от Таврских гор до Меотийского озера, в том именно месте, где оно шире всего...» Этот же ров упоминает Геродотом в IV, 20 в качестве восточной границы земли царских скифов и в IV, 28 в связи с походами скифов по льду Керченского пролива.

Вполне очевидно, что речь в данном случае идет не о Перекопе (Геродот его собственно и не выделяет, по крайней мере, в описании Крымского полуострова), а о каком-то рве на Керченском полуострове, например Ак-Монайском или Узунарском.

У Страбона как будто бы предельно ясно указан Перекопский перешеек (Strabo, VII, 3, 18) шириной в сорок стадиев (7,4 км), однако указанная ниже ширина в 360 стадиев вполне может относиться и к иному перешейку. Еще раз Страбон упоминает перешеек в VII, 4, 5 в описании левой стороны Меотиды, однако при плавании вдоль этой стороны приходится миновать все вышеупомянутые перешейки крымского полуострова, и не ясно, какой именно имелся в виду у Страбона. Наконец, в VII, 4, 6 перешеек Херсонеса у Меотиды связывается со стеной Асандра и, скорее всего, должен быть локализован на Керченском полуострове.

В описании Помпония Мелы (II, 4) дан Перекопский перешеек: «Затем море подходит к берегу и на расстоянии пяти тысяч шагов (т. е. те же 40 стадиев Страбона) от Меотиды, постепенно следуя за удаляющимися берегами, придает почти вид острова местности, занятой савтархами и тавриками. Местность между Болотом и заливом называется Тафры, а залив Каркинитским».

Аналогично и у Плиния в IV, 84. Расстояние между Меотидой и Каркинитским заливом (т. е. ширина перешейка) определяется им в те же 5000 шагов, или 40 стадиев.

Таким образом, в приведенных выше сведениях античных авторов речь идет о двух разных перешейках: одном, отделяющем весь Херсонес Таврический, и другом, расположенном, вероятно, на Керченском полуострове. Вот эти два перешейка и оказались совмещенными в одном у Клавдия Птолемея.

Херсонес Птолемея выйдет так, как это показано на рис. 4, 1 (Приложение 1). Простого сравнения с картой современного Крымского полуострова достаточно, чтобы увидеть, сколь значительно искажен этот район в «Географическом руководстве» (рис. 4, 2; Приложение 1).

Отправной точкой наших рассуждений станут несколько необъяснимых, на первый взгляд, противоречий в сведениях Птолемея, а также местоположение городка Тафра.

В описании внутренней части Херсонеса Таврического Тафра занимает крайнее западное положение. Характерное название помогает, но одновременно и усложняет его локализацию. Напрашивается вывод, что вблизи него должны находиться какие-то земляные укрепления. В «Географическом руководстве» это место помещено рядом с перешейком, отделяющим весь Херсонес Таврический. Самое простое — предположить, что Тафра следует искать где-то на Перекопе. Именно так обычно и поступают.

В то же время допустимо предположение, что со стороны оз. Бица указан не Перекопский, а какой-то другой перешеек: Ак-Монайский (у Феодосии) или Узунарский перешеек на Керченском полуострове. Первое предположение приведет в итоге к большому смещению ориентации полуострова и в целом сильно исказит картину. Если следовать второму, то тогда Тафра надо искать не на Перекопе, а вблизи Узунарского вала в Восточном Крыму.

Птолемей не выделяет в Крыму Керченский полуостров. Начав описание по периплу действительно от района Перекопа, Птолемей впоследствии сбился и брал в каждом случае (разные источники!) за исходные разные перешейки с валами. Выбор в качестве такого перешейка Узунарского с соответствующим валом, тянувшимся с севера на юг, прекрасно объясняет восточное (а не южное, как должно быть с Перекопом) расположение относительно него всех прочих координат.

Если же предположить, что все пункты внутри Херсонеса, находясь к востоку от вала с городком Тафром, должны быть локализова-

ны в восточной части Керченского полуострова, то как объяснить, что, за исключением Илурата, все они одновременно расположены западнее Феодосии? Видно, Птолемей располагал двумя источниками: один из них включал описание Керченского полуострова (Европейского Боспора) с востока на запад, а второй — объезд всего Крымского полуострова (Херсонеса Таврического) с запада на восток. Первый источник заканчивался Узунарским перешейком, а второй начинался Перекопом. Приняв два разных перешейка за один, Птолемей неизбежно столкнулся с несоответствием в размерах. Возможно, больше доверяя второму источнику, он сохранил размеры Северо-Западного и Южного Крыма, меньшие же размеры Керченского полуострова (точнее будет сказать — его части между Узунарским валом и Керченским проливом) были растянуты по широте и долготе до Перекоба. Так северное побережье Керченского полуострова оказалось на одной широте с Перекопом и даже севернее его (Зенонов Херсонес), а пункты, которые должны быть восточнее Феодосии, сместились к западу от нее. При этом, чтобы не исказить общей картины, расстояния между отдельными пунктами получили адекватное увеличение.

Нет на карте Птолемея и северо-восточного выступа Керченского полуострова. Его разворот к северо-западу стал неизбежным после помещения Парфения на побережье Меотиды и смещения южного побережья Крымского полуострова к северу-востоку.

Северо-восточное смещение южного побережья явилось результатом «исчезновения» с карты Птолемея Тарханкутского полуострова (о чем говорилось выше). В результате Феодосия резко приблизилась к Керченскому проливу, а пункты, указанные в периплах южнее и юго-западнее Нимфея (Тазос, Китей, Порт-Акра, Киммерий), вообще оказались в море. Чтобы устранить это недоразумение, Птолемей сдвинул эту часть побережья внутрь полуострова к северу и северо-западу. Причем разместил их соответственно конфигурации берега, на котором они были расположены, так, что пункты, находившиеся на одной (или почти на одной) долготе с Нимфеем, но южнее его, оказались на одной с ним широте, но западнее, а остальные — еще и севернее. Так города, хорошо известные по периплам как прибрежные, — Киммерий, Китей, Порт-Акра — оказались в степи.

Если учесть все указанные выше искажения Крымского полуострова, мы получим карту, практически идентичную той, что предлагает нам «Географическое руководство» Клавдия Птолемея (рис. 4.3; Приложение 1).

Итак, в античной традиции под топонимом «перешеек» понимался как Перекопский перешеек, так и перешеек Узундарского вала на Керченском полуострове. Разобравшись с этим, отправимся вслед за античными авторами далее к югу от древней Тамираки (Тарханкута).

Мыс Бараний Лоб. Этот мыс, служивший важным ориентиром при плавании по Понту Евксинскому, довольно широко отражен в античной традиции.

Псевдо-Скилак («Европа», 68) указывает до него расстояние от Истра (3 дня и 3 ночи прямого плавания), а от него — до Пантикалея (день и ночь плавания).

Псевдо-Скимн (953—957) сообщает: «Прямо напротив Карамбиса на противоположном берегу Понта лежит огромная, круто обрывающаяся к морю и высокая гора, называемая Бараньим Лбом; она отстоит от Карамбиса на сутки пути».

Страбон упоминает этот мыс в II, 5, 22 в общем описании Понта и в VII, 4, 3 при описании плавания от бухты Символов до города Феодосии.

Дионисий Периегет (142—168; 298—320) дает описание, аналогичное Страбону, добавляя затем: «Здесь вливаются в Евксин широко разлившиеся воды Борисфена перед Бараньим Лбом, прямо против Княнеев».

Птолемей указывает координаты Бараньего Лба в III, 6, 2.

У Псевдо-Арриана между Херсонесом и мысом 480 стадиев, а между последним и Пантикалесом — 1720 стадиев по сумме расстояний (Рз.-Агт., 78).

Кроме того, мыс Бараний Лоб упоминается у Мениппа Пергамского («Сокращение объезда внешнего моря», 9) Помпония Мелы (II, 3), Плиния (IV, 86), который указывает расстояние между полисом Херсонесом и мысом в 40000 шагов, Аммиана Марцеллина («История», XXII, 8, 20) и Евстафия в комментариях к Дионисию 148 и 157.

Мыс Бараний Лоб обычно отождествляется с мысом Ай-Тодор или мысом Сарыч¹³. М. В. Агбунов считает, что под этим названием фигурируют два различных мыса: мыс Ай-Тодор и мыс Сарыч¹⁴. М. В. Скржинская считает наиболее вероятным отождествление Крив Метопона (Бараньего Лба) с Аю-Дагом, потому что он более других мысов по своему профилю напоминает бараний лоб¹⁵.

Метрические данные не позволяют однозначно ответить на вопрос о локализации Бараньего Лба на современной карте.

Источ-ник	Конечные пункты	Размер в ста-дах	Расстояние в километрах при величине стада:				
			157,7 м	177,6 м	185 м	197 м	210 м
Псевдо-Склиак	Истр — Бараний Лоб	3000	473,1	532,8	555	591	630
	Бараний Лоб — Пантикопей	1000	157,7	177,6	185	197	210
Плиний	Херсонес — Бараний Лоб	320	50,5	56,8	59,2	63	67,2
	Бараний Лоб — Феодосия	1000	157,7	177,6	185	197	210
Псевдо-Арриан	Феодосия — Бараний Лоб	1020	160,9	181,2	188,7	200,9	214,2
	Бараний Лоб — Херсонес	480	75,7	85,2	88,8	94,6	100,8

Как видно из таблицы, единственная точка, отвечающая расстояниям Псевдо-Склиака, — мыс Аю-Даг. У Плиния наиболее близко расстояния совпадают на мысе Сарыч. У Псевдо-Арриана расстояние от Феодосии приводит нас к мысу Сарыч, расстояние же между Херсонесом и Баранным Лбом приводит нас к мысу Ай-Тодор.

У Птолемея мыс Бараний Лоб, как показывают приведенные по Малому Херсонесу цифры, локализуется на современном мысе Сарыч, если отсчет вести от Херсонеса.

Можно предположить, что под Баранным Лбом в античной традиции понимался не какой-то конкретный мыс (по крайней мере, первоначально), а весь участок побережья от мыса Сарыч до мыса Аю-Даг. В зависимости же от направления и целей плавания в качестве ориентира и точки отсчета служила то его крайняя западная точка (м. Сарыч), то крайняя восточная (м. Аю-Даг), то средняя (м. Ай-Тодор). Издали же эта триада вполне могла напомнить голову барана с торчащими в стороны рогами — мысами Сарыч и Аю-Даг.

Мыс Коракс. Этот пункт известен только из сообщения Птолемея (III, 6, 2). Он отстоит на 60' по долготе (49,8 км) и 20' по широте (37,5 км) от мыса Бараний Лоб. Прямое расстояние между этими двумя мысами — 62,3 км. Оно приводит нас немного восточнее мыса Аю-Даг. Однако обратный отсчет от Феодосии указывает на противоположный от Аю-Дага мыс Меганом. В то же время расстояние между

двумя этими мысами в точности соответствует данным Птолемея. Возникшее противоречие вполне разрешается, если вспомнить сказанное выше в отношении мыса Бараний Лоб. В данном случае точкой отсчета служила его восточная оконечность — мыс Аю-Даг. Таким образом, мыс Коракс Птолемея следует считать тождественным современному мысу Меганом.

Река Истриак. Сведения об этой реке имеются только в «Географическом руководстве» Клавдия Птолемея. От мыса Коракс она отстоит на 10' по долготе (8,3 км) и на 10' по широте (18,75 км), а напрямую соответственно на 20,5 км. Точно такое же расстояние отделяет устье реки Истриак от Феодосии. В искомой точке в море впадет небольшая современная речка Оттуз. Ее и следует, вероятно, отождествить с античным Истриаком.

ТРЕТЬЯ, ЧЕТВЕРТАЯ И ПЯТАЯ ЗОНЫ

По третьей (юго-восточное побережье Керченского полуострова от Феодосии до Керчи) и четвертой (внутренняя часть Керченского полуострова восточнее Узунларского вала) зонам античная традиция не сохранила физико-географических топонимов. Что касается их общих параметров, то частично мы затронули этот вопрос при характеристике всего Крымского полуострова в предыдущей зоне, частично же мы вернемся к нему в четвертой главе.

В то же время, учитывая тот факт, что основным источником по пятой зоне (объезд побережья от Керчи до устья Дона) является «Географическое руководство» Клавдия Птолемея, необходимо коснуться некоторых особенностей изложенного в его труде материала, касающегося этих зон.

Третья, четвертая и частично пятая зоны входят в рамки Херсонеса Таврического, поэтому они, безусловно, отражают общую картину искажения полуострова. Следовательно, можно предположить, что реальная величина одной минуты, учитывающая эти искажения, должна быть одинаковой во всех трех зонах для всех пунктов в рамках Херсонеса Таврического. В качестве опорных точек для этих зон мы использовали точно локализованные археологически Пантикалей, Нимфей, Китей, а также Зенонов Херсонес, локализация которого представляется достоверной. При этом необходимо пояснить некоторые моменты. Во-первых, между Китеем и Пантикалеем 105' долготы. Между Нимфеем и Пантикалеем 25' широты. А так как Китей оказался на

одной широте с Нимфеем на расстоянии 90' к западу от него, то эти 90', по-видимому, включают и реальную широту и долготу. Широта между Пантикалеем и Китеем — x' . Поскольку Китей оказался внутри полуострова к западу от Нимфея (вместо юго-запада), то 105' долготы — это расстояние между Пантикалеем и Китеем по широте. Следовательно, за вычетом 25', мы должны получить расстояние по широте между Нимфеем и Китеем, т. е. 80'. В таком случае расстояние по долготе между Китеем и Нимфеем составит $90' - 80' = 10'$. Таким образом, Нимфей в «Географическом руководстве» оказался на 10' ближе к Пантикалею, т. е. в действительности он отстоит по долготу на $15' + 10' = 25'$.

Во-вторых, кроме Тасоса и Китея, «внутри» полуострова оказались и Порт-Акра с Киммерием, поэтому, возможно, к северу сдвинуты некоторые пункты собственно «глубинки»: Парости, Постигия, Тарона, Тафр — на 20' (расстояние между Порт-Акрой и Киммерием). Чтобы не нарушать общей картины, Птолемей вынужден был приблизить на те же 20' и прибрежные пункты, в первую очередь Нимфей. В итоге расстояние по широте между Пантикалеем и Нимфеем следует увеличить на 20', и оно в общей сложности составит 45'.

Перейдем непосредственно к определению реальной величины 1' широты и долготы: 1' долготы для этого района в «Географическом руководстве» составляет $\frac{11}{20}$ 1' широты. Следовательно, перемещая расстояние по долготу, Птолемей должен был увеличить количество соответствующих ему градусов и минут. Чтобы получить действительное расстояние по широте, мы должны проделать обратную работу и в итоге получим, что 80' долготы, соответствующие расстоянию по широте между Нимфеем и Китеем, соответствуют 44' широты. С учетом увеличения на 20' расстояние по широте, таким образом, составит 64'.

Опорные пункты	Расстояния в минутах по Птолемееву		Соответствующее им расстояние, км		Значение 1'	
	широта	долгота	широта	долгота	широта	долгота
Пантикалей— Зенонов Херсонес	50'	60'	13,5	10,5	0,27	0,175
Пантикалей— Нимфей	45'	25'	12,2	4,3	0,27	0,172
Нимфей—Китей	64'	10'	19,5	1,7	0,3	0,170
Пантикалей— Китей	105'	35'	32,5	5,9	0,3	0,170

Итак, реальная величина одной минуты для пунктов третьей, четвертой и пятой зон, входящих в рамки Херсонеса Таврического, по широте составляет приблизительно 0,29 км, а по долготе — 0,172 км. Каким же стадием пользовался Птолемей по Херсонесу Таврическому? Если мы попробуем определить его обычным способом, каким пользовались до сих пор, то получим явно нереальные результаты: 34,8 м по широте и 37,5 м по долготе. Вместе с тем полученные размеры вновь подтверждают наше предположение о «растяжке» на карте Птолемея территории Восточного Крыма, как в широтном, так и в долготном направлениях. Чтобы выяснить действительный размер стадия, нужно определить общий коэффициент искажения этого района. Общий коэффициент искажения представляет собой отношение действительных размеров территории, подвергшейся увеличению, и предполагаемых после такого увеличения размеров той же территории. В данном случае это территория Восточного Крыма между Нимфеем и Узулуарским валом. Действительное расстояние между Нимфеем и началом Узулуарского вала по широте — 15 км. Эта территория была «растянута» в «Географическом руководстве» до широты современного Перекопа, т. е. увеличилась примерно до 90 км. Таким образом, коэффициент искажения по широте равен 6 (данная территория увеличена Птолемеем в 6 раз). Расстояние между теми же пунктами по долготе в действительности составляет 26 км. Однако, как показывают исследования, так называемые Сиваши никогда не были морем. Арабатская стрелка появилась при более низком уровне моря, когда край суши располагался восточнее современного берега Сивашей, и затем постепенно сдвинулась к западу. Воды лагуны, связанные с морем, повышались и распространялись по понижениям суши⁸⁶. Допустимо предположить, что во времена Птолемея Арабатская стрелка была несколько восточнее, а сами Сиваши выпядели несколько иначе, чем сейчас. Во всяком случае, вряд ли западная граница Азовского моря была в те времена западнее современной Арабатской стрелки. Поэтому участок Восточного Крыма между Нимфеем и Узулуарским валом не мог быть растянут по долготе дальше, чем до Арабатской стрелки в ее нынешнем состоянии. Таким образом, указанное расстояние увеличено в «Географическом руководстве» не более чем до 150 км, и коэффициент искажения по долготе равен 5,8 (т. е. данная территория увеличена Птолемеем в 5,8 раза).

Определенных пояснений требует включение в пятую зону пунктов, помещенных Птолемеем за перешейком по побережью Меотий-

ского озера до устья Танаиса (Ptol., III, 5, 4). Последовательность размещения этих пунктов относительно перешейка такова: первые три (Новая Крепость, устье р. Пасиака и г. Лиан) расположены над перешейком и к северо-западу от него; остальные идут в обратном порядке с запада на восток. Но западнее и севернее перешейка не может быть пунктов у Меотийского озера (тем более что Птодемей в данном случае конкретизирует перешеек — «у реки Каркинитис»). Можно предположить, что здесь мы имеем дело с периплом Меотийского озера (Азовского моря) с европейской стороны. Причем объезд начинался от Пантикапея, затем следовал до Узулуарского вала (перешейка) и продолжался дальше, вплоть до Танаиса. Следовательно, отчет пунктов нужно вести не от Перекопа, как это обычно делалось²¹, а от Узулуарского перешейка и рассматривать все последующие пункты как продолжение одного перипла, начатого от Пантикапея. Именно это положение и привело к включению всех пунктов европейского побережья Меотиды в одну зону с северо-восточным побережьем Керченского полуострова.

Растяжка этого побережья до района, по крайней мере, Арабатской стрелки привела к тому, что пункты, которые должны находиться на Крымском побережье Азовского моря, оказались к западу и северо-западу от Перекопского перешейка. Остальные же пункты сохранили свое прежнее положение на северном побережье Азовского моря. Следовательно, определенная выше величина 1' для третьей, четвертой и пятой зон будет действительна только для пунктов Крымского побережья Азовского моря. Оставшийся же участок не подвергался в «Географическом руководстве» такому искажению, как Херсонес Таврический, и поэтому реальная величина минуты здесь должна быть иной. Определить ее величину, опираясь на оставшиеся в пятой зоне пункты, невозможно, так как мы не можем в настоящее время выделить из них хотя бы два опорных места в силу их недостаточно убедительной локализации. Однако это не значит, что определить ее вообще нельзя. Можно достаточно уверенно предположить, что для этого участка может быть использована величина 1 мин для северо-восточного побережья Керченского полуострова без поправки для общего искажения Крымского полуострова (ведь оба эти участка — часть одного перипла). Однако как определить, подвергалось ли вообще какому-либо искажению северное побережье Азовского моря? Помощь здесь может оказать сопоставление со второй зоной, которая, так же как и пятая зона, является частью Европейской Сарматия и включена в рамки одной с ней карты Европы VIII.

Во второй зоне практически отсутствует искажение и по широте и по долготе, точнее, это искажение столь незначительно, что при локализации им можно пренебречь. Вполне логично будет допустить, что подобная картина сохраняется и в соседнем регионе. Отбросив коэффициент искажения как по широте, так и по долготе, определим величину l' для прибрежных пунктов по Меотиде. По широте она составит 1,74 км (во второй зоне — 1,875 км), а по долготе — примерно 1 км (во второй зоне — 0,83 км). Впрочем, искажения Керченского полуострова определенным образом отразились и здесь.

Сложность локализации следующих за Новой Крепостью пунктов заключается в том, что мы не знаем, от какого перешейка шел отсчет их координат. Если предположить, что устье реки Паснак располагалось далее по северному побережью Керченского полуострова, то практически все последующие наименования вплоть до р. Герры попадут в район Сивашей, а это отнюдь не самое лучшее место для жилья. Может быть, Птолемей, имея дело с разными источниками, не конкретизирующими упоминаемый перешеек, объединил все названные за перешейком пункты по Меотийскому озеру? В действительности же часть из них была расположена к западу от нынешнего Перекопа (вспомним, что северо-западное побережье Тарханкутского полуострова оказалось на материке вследствие обратного отсчета). В этом случае логично будет предположить, что те пункты, координаты которых находятся к западу от перешейка или на одной долготе с ним (координаты перешейка у Каркинитского залива), следует локализовать на северном побережье этого залива, а те пункты, которые лежат восточнее или на одной долготе с перешейком у озера Бика, — на Меотийском побережье.

Общие размеры европейской части Меотийского озера (Азовского моря) содержатся также в «Географии» Страбона (VII, 4, 5): «...Отсюда [от устья Меотиды] по прямому морскому пути до Танаиса и до острова, лежащего между его устьями, — две тысячи стадиев; расстояние будет немного больше этой цифры, если плыть вдоль берега Азии, и более чем тройное, если плыть до Танаиса по левой стороне Меотиды; на этом пути вдоль берега находится и перешеек...»

Из текста следует, что объезд Европейской части Меотиды составляет как минимум 6600 стадиев (исходя из общего объезда Меотиды, равного согласно Страбону 9000 стадиям. Добавлением географа «более чем...» можно пренебречь, т. к. на него вместе с «немногим больше» для азиатской части приходится лишь 200 стадиев).

При стадии 185 м в современном исчислении это составит 1221 км, что почти в два раза больше реального расстояния. Следовательно, у Страбона, так же как и Птолемея, левая европейская сторона Меотиды сильно растянута к северо-востоку.

Явная неточность измерений восходит, видимо, к довольно раннему источнику и, скорее всего, заложена уже в параметрах Геродотовой Скифии.

Античные географы, видимо, плохо знали эту часть Приазовья. Не случайно Страбон ограничивается в ее описании констатацией того, что «... весь этот берег, мимо которого приходится плыть, со стороны Европы пустынен...» (Strabo, VII, 4, 5). Между тем это было далеко не так, и мы попробуем, опираясь на немногочисленные источники, восстановить хотя бы частично картину этого побережья в античной традиции, начав движение от столицы Боспорского царства Пантикапея (современной Керчи).

Озеро Бук. Его, кроме Птолемея (Ptol., III, 5, 2), упоминает Плиний (NH, IV, 84): «...Сзади [Каркинитского залива] лежит озеро Бук, соединенное с морем посредством рва...» У Страбона это озеро, по видимому, носит название Гнилого. В VII, 4, 1 он дает очень подробное его описание: «Здесь находится перешеек шириною в сорок стадиев, отделяющий так называемое Гнилое озеро от моря и образующий полуостров, называемый Таврическим, или Скифским... Гнилое озеро, как говорят, имеет в ширину даже четыре тысячи стадиев и составляет западную часть Меотиды, с которой оно соединено широким устьем. Оно очень болотисто и едва судоходно для сшитых лодок, т. к. ветры легко открывают мели и затем снова их наполняют водой, так что эти болота непроходимы для более значительных судов...»

Бесспорно, что речь во всех случаях идет о Сивашах, однако размеры, приведенные Страбоном, просто фантастические (740 км). Возможно, это именно тот участок, который преувеличивала античная традиция, начиная с Геродота (вспомним, например, его 14 дней пути между Герром и Пантикапом).

Современная протяженность Сивашей около 150 км от Перекопа к основанию Арабатской стрелки. В пересчете на стадии (размер 185 м) это составит примерно 811 стадиев, т. е. у Гнилого озера Страбона оказывается лишних 3189 стадиев. Если эту цифру вычесть из объезда Европейской части Меотиды, то полученная величина 3411 стадиев, или 631 км, окажется очень близка к действительности. Таким образом, ошибка, допущенная в исчислении размеров Сивашей, привела к

искажению общих параметров Азовского моря, что в свою очередь сказалось на локализации по его побережью отдельных топонимов.

Устье реки Герр. Наиболее ранние сведения об этой реке содержатся в «Истории» Геродота. В IV, 19 указано расстояние между реками Пантикап и Герр в 14 дней пути. В перечислении рек Герр — седьмая река (Негод., IV, 47). Наконец, в IV, 56 дается подробное описание этой реки: «Седьмая река, Герр, отделяется от Борисфена в том месте, до которого известен Борисфен; отделяется она с этого места, а название имеет одинаковое с местностью — Герр; на пути к морю она служит границей между землями кочевников и царских скифов, а впадает в Гипакирис».

Координаты устья реки Герра имеются в «Географическом руководстве» Клавдия Птолемея (Ptol., III, 5, 4). Ее называют Элий Геродриан («Об общей просодии») и Стефан Византийский (s. v. Γέρρος).

Помпоний Мела (Mela, II, 4) сообщает, что город Каркина, лежащий при Каркинитском заливе, «омывается двумя реками — Герром и Ипакаром, которые изливаются одним устьем, но вытекают из разных источников...».

У Плиния в IV, 84 Герр назван среди рек, впадающих в Меотийское озеро с разных сторон (Бук, Герр и Гипанис).

Реку Герр отождествляли с различными современными реками (Токмаком, Ингулом, Кальмысом, Молочной, Конкой и другими)⁸⁸. Б. А. Рыбаков отождествляет Герр с р. Молочной. Он вполне логично объясняет, что местностью Герр следует считать местность по сторонам широкой полосы плавней и гирл Днепра⁸⁹. Река Молочная довольно близко подходит к этой местности в верхнем течении (около 40 км), а многочисленные Днепровские протоки и вовсе могли сближаться с этой рекой, создавая обманчивую видимость отклонения ее от Борисфена (Днепра).

Теперь разберемся с 14 днями пути между Пантикапом и Герром, о которых сообщает Геродот (Негод., IV, 19).

При анализе топонимов второй зоны мы отождествили Пантикап с р. Конкой. При отсчете от нее 14 дней пути (497,3 км) мы попадем в район устья Дона, что явно не соответствует действительности. Однако, как было показано выше, при исчислении протяженности Сивашей античная традиция преувеличивала их размеры, по крайней мере, в два раза, и, если это так, все становится на свои места и реку Герр следует отождествить с современной рекой Молочной.

В «Географическом руководстве» река Герр расположена к северо-востоку от перешейка и, следовательно, должна быть помещена на Меотийском побережье. Отсчет расстояний как от Перекопа, так и от Узунарского перешейка (примерно 161 и 142 км) приводят нас вновь в район реки Молочной.

Отождествлению реки Герр с Молочной соответствуют и сведения Плиния. Действительно, река Молочная (Герр) впадает в Азовское море с севера, река Гипанис (в данном случае Кубань) — с юга, а река Бук, которая должна быть соотносена с одной из рек, впадающих в Сиваши, — с запада, т. е. «с разных сторон» (Plin., NH, IV, 84).

Осталось объяснить, как соотносятся между собой Гипакирис (в нашем отождествлении река Чатырлык) и река Герр (Молочная). В представлении Геродота (Herod., IV, 56) последняя должна впадать в первую, что в действительности как будто бы невозможно. Однако, учитывая то, что между Чатырлыком и рекой Молочной пролегает район Сивашей, а Гипакирис в представлении Геродота, по-видимому, вытекал из одного из этих озер, соединенных между собой многочисленными протоками и плавнями⁸⁰, это становится не столь уже фантастичным. К тому же Федотовой косы в античное время не было (она образовалась лишь к 1929 г.)⁸¹, а Арабятская стрелка была несколько восточнее⁸².

ШЕСТАЯ ЗОНА

Эта зона последовательно включает в себя: Северо-Восточное Приазовье, Таманский полуостров и Северо-Восточное Причерноморье. Каждый из этих регионов имеет свои особенности в изложении античных авторов, однако, несомненно, эти особенности взаимосвязаны между собой и в совокупности создают общую картину этих земель в античной традиции. Поскольку последний район — Северо-Восточное Причерноморье — своей большей частью выходит за рамки нашего исследования, мы на нем здесь останавливаться не будем, ограничившись первыми двумя.

Северо-Восточное Приазовье.

В античную эпоху это участок от устья Меотиды до устья Танаиса. Как уже отмечалось выше, картина здесь довольно запутанная.

Страбон значительно завышает это расстояние как по прямой (407 км), так и в полном объезде по сумме промежуточных расстояний (432,9 км) (Strabo, XI, 2, 3 и XI, 2, 4 — 6). Современные измерения дают соответственно 290 и 360 км.

У Птолемея расстояние по широте составляет 6° или 3000 стадиев, а по долготе складывается из двух цифр. Сначала в «Географическом руководстве» побережье уходит на значительное расстояние к востоку (на $4^\circ 30'$, или 1323 стадия). Затем автор возвращается в обратном направлении к Киммерийскому Боспору (Керченскому проливу), растянув расстояния еще на $5^\circ 30'$, или 1617 стадиев, — величина 1° долготы на этом участке у Птолемея составляет $\frac{7}{11}$ 1° широты (Ptol., VIII, 18, 1). В сумме это составляет 2940 стадиев, т. е. почти столько же, сколько и по широте.

Обращает на себя внимание то, что расстояние в 1323 стадия, или примерно 278 км, соответствует прямому расстоянию до Дона, в то время как 1617 стадиев, или 340 км, — полному объезду этого участка побережья. Возможно, именно эти расстояния оказались в «Географическом руководстве» совмещены в одном.

Меотида у Птолемея вытянута не в северо-восточном, а в северном и даже, возможно, в северо-западном направлении (такой вывод неизбежно вытекает из анализа координат географических топонимов по ее побережью).

Какова причина такого несоответствия? Если речь идет о синхронном повороте всего Азовского моря, включая его Крымское побережье, то картина вовсе не будет такой, какой ее нам дает «Географическое руководство». В общей картине у него все осталось на своих местах, изменилось лишь направление, в котором вытянуто Азовское море. Скорее всего, в «Географическом руководстве» развернуто к северу только северо-восточное побережье, а остальные его участки сохранили свою прежнюю ориентацию. В чем же причина такого искажения?

«Растяжка» Керченского полуострова к северу и западу, поднятие до того же уровня Таманского полуострова с неизбежностью поставили перед Птолемеем задачу «подъема» и Азовского моря, так как иначе большая его часть «поглощалась» бы сушей (см. рис. 4; Приложение 1). Если это сделать чисто механически, не меняя ориентации, то произойдет значительное увеличение расстояния до юго-восточного побережья Черного моря, что приведет, в свою очередь, к нарушению общих размеров и пропорций между отдельными регионами (в частности, между Европейской и Азиатской Сарматией). Если же развернуть северо-восточное побережье к северу, то освободится место для синхронного поднятия юго-восточного побережья Черного моря, что позволит сохранять основные пропорции неизменными. Возмож-

но, последствием такого поднятия явилось то, что Синдская гавань оказалась на одной широте с Фанагорией (см. рис. 5; Приложение 1). Изменилось и положение Гермонассы: она оказалась южнее Синдской гавани. Впрочем, здесь не исключена и простая перестановка долготы и широты. Таковы, на наш взгляд, общие искажения и их причины в рамках шестой зоны у Клавдия Птолемея.

В «Географии» Страбона ситуация несколько иная. Если географ, как было сказано выше (см. озеро Бик), преувеличивал протяженность Сивашей, то это неизбежно должно было отразиться на картине Меотиды в целом. Керченский и Таманский полуострова, по-видимому, оставались на своем истинном месте (Страбон, судя по всему, хорошо ориентировался в этом районе и вряд ли сознательно стал бы его искажать). Иное дело — северо-восток Меотиды, который у Страбона растянут примерно в 1,2—1,4 раза в сравнении с современными измерениями. Однако ответить на вопрос, весь ли участок побережья подвергся увеличению или только его крайняя северо-восточная часть (район современного Таганрогского залива), возможно лишь при локализации конкретных топонимов.

Таманский полуостров.

Сведения о нем содержатся у многих античных авторов, подавляющее большинство которых рассматривают Таманский полуостров в качестве острова с названием Фанагора. Упоминание об этом острове имеется в описании Азии у Гекатея (фр. 164), у Псевдо-Скимна (Ps.-Scymn., 890—895), у Дионисия Периегета (Dion. Per., 541—553) и в комментариях к нему у Евстафия (однако здесь Таманский полуостров явно перепутан с Крымом и назван Таврикой) (Eust. ad Dion. Per., 549), у Страбона (Strabo, XI, 2, 9—10), у Помпония Мелы (Mela, I, 19, 112—113), у Плавния (NH, VI, 18), где он называется Эоном, определяется как полуостров, и где даются его общие параметры. Как один остров определяется Таманский полуостров у Руфия Авлены («Описание...», 720—733), у Псевдо-Арриана (Ps.-Arr., 64—66) и у Никифора Блеммида («Сокращенная география», 512—554).

И лишь у Аммиана Марцеллина называются два острова, Фанагор и Гермонасса (Ammian. Mar., XXII, 8, 30), однако в данном случае на название острова может быть перенесено название города.

В современной литературе существуют две точки зрения на палеогеографию Таманского полуострова в античное время. Сторонники первой точки зрения считают, что Таманский полуостров представлял собой в древности архипелаг островов, сторонники второй — счита-

ют его одним большим островом⁹³. Так, Я. М. Паромов выделяет пять островов: Киммерийский (нынешний Фанталовский полуостров), Фанагорийский, Синдика, Голубицкий остров и остров Большой Кандаур⁹⁴. Напротив, Ю. В. Горлов приходит к заключению, что «современный Таманский полуостров в середине I тыс. до н. э. представлял собой остров, ограниченный на севере Меотидой, на востоке — лиманами в дельте Кубани, на юге — Понтом и на западе — Боспорским проливом»⁹⁵.

Сторонники и той и другой точки зрения оперируют данными палеогеографии, используя их для доказательства своей концепции. Между тем античная традиция практически однозначно говорит об одном большом острове, который, впрочем, мог быть различными протоками разделен на несколько островов, однако рассматривался как единое целое и имел единое название. Этот остров мог иметь какое-то внутреннее административное деление, возможно, отчасти совпадавшее с отдельными островами или территориями, входившими в его состав. Так, Л. Г. Шепко выделяет в качестве отдельных административных островов северо-западную часть Тамани, Фанагорию и южную часть Таманского полуострова, связанную с аспургианами⁹⁶.

Плиний определяет длину Зона в 67500 шагов, или 540 стадиев. Интересно, что это точно совпадает с расстоянием между Сандикой и Боспором Киммерийским у Псевдо-Арриана (Рв.-Авт., 67), а Зоном Плиний называет не остров, а полуостров.

У Псевдо-Арриана селение Корокондама расположено «на перешейке или узкой полосе между озером и морем» (Рв.-Авт., 64). Корокондамское же озеро, расположенное за ней, образует залив в 530 стадиев (от 83,6 до 111,3 км), что значительно превышает как современный Таманский залив, так и находящуюся с юго-восточной стороны систему лиманов Цукур, Кизилташский, Бугазский, Витязевский, Старотитаровский и Ахтанизовский. Либо следует признать, что размеры Корокондамского озера сильно завышены, либо под ним понимались нынешний Таманский залив и современные лиманы в юго-восточной части. Ответить на этот вопрос возможно лишь после определения всех топонимов по Таманскому полуострову.

В работе с данными Клавдия Птолемея в качестве опорных в этой зоне мы использовали: восточное устье реки Танаис, устье реки Вардан, Фанагорию, Гермонассу и Синдскую гавань. Однако из всех этих пунктов только Танаис (Дон) и Вардан (Кубань) в полной мере отвечают необходимым требованиям. Локализация остальных топонимов не

может быть признана безоговорочной. Поэтому, хотя пока мы воспользуемся для определения реальной величины одной минуты общепринятой точкой зрения на их местоположение, в дальнейшем необходима будет определенная корректировка.

Первая пара опорных пунктов — устья рек Танаиса и Вардана, устья Дона и Кубани. Расстоянию по широте в $370'$ у Птолемея должно соответствовать аналогичное расстояние между Доном и Кубанью на современной карте, равное примерно 200 км. В то же время по долготе устья этих рек в результате разворота оказались сближенными. По-видимому, долготе Птолемея ($60'$) здесь может соответствовать расстояние от устья Кубани до поворота побережья Азовского моря к северу, равное примерно 30 км.

Вторая пара опорных пунктов: устье реки Вардана — Фанагория. Сложность идентификации здесь заключается в том, что между устьем Вардана и Фанагорией, в силу указанных выше причин, оказалась Синдская гавань, в то время как на самом деле она находится почти на одной долготе с устьем Кубани. Можно предположить, что у Птолемея $210'$ долготы между устьем Вардана и Фанагорией включает расстояние между Синдской гаванью и устьем Вардана, а также расстояние между Варданом и Фанагорией. Между устьем Вардана и Синдской гаванью в «Географическом руководстве» $150'$, следовательно, между устьем Вардана и Фанагорией остается только $60'$ ($210' - 150'$), которым и соответствует 30-километровый отрезок по долготе между устьем Кубани и Фанагорией. Расстояние же по широте между этими пунктами может быть соотносено с расстоянием между Фанагорией и побережьем Азовского моря к северу от нее (примерно 17 км).

Третья пара — Фанагория — Гермонасса. Здесь, вероятнее всего, соотношение широты и долготы не нарушено. Разница лишь в том, что западная по отношению к Фанагории долгота Гермонассы оказалась смещенной к востоку.

Четвертая пара опорных пунктов — Гермонасса и Синдская гавань. Прежде всего, если наше предположение об адекватном перемещении Гермонассы с запада к востоку от Фанагории верно, то расстояние Гермонасса — Синдская гавань должно определяться как сумма расстояний Гермонасса — Фанагория и Фанагория — Синдская гавань, т. е. $30' + 60' = 90'$. Что касается широты, то она должна каким-то образом входить в это тройное отношение между Гермонассой, Фанагорией и Синдской гаванью. Однако Фанагория и Синдская гавань у Птолемея на одной широте, а $20'$ широты — это расстояние

между Гермонассой и Фанагорией. Неиспользованными у нас остались только 30' — расстояние по долготе между Гермонассой и Синдской гаванью, которое, по-видимому, в действительности соответствует широте между этими пунктами, причем на современной карте эта широта аналогична расстоянию между Гермонассой и Черноморским побережьем (а не до широты Аяны, так как юго-восточное направление этого побережья у Птолемея отсутствует). Кроме того, необходимо учитывать тот факт, что 1° долготы для этой зоны составляет $\frac{7}{12}$ 1° широты, следовательно, 30' долготы соответствует примерно 18' широты.

Исходя из этого, определим величину 1' широты и 1' долготы для шестой зоны.

Таким образом, 1' широты для этой зоны равна примерно 0,54 км, а 1' долготы — 0,51 км.

Мыс Киммерий. Мыс с таким названием встречается только у Птолемея и может быть соотношен с современным мысом Каменным (от устья Вардана примерно 46,2 км.). Это крайняя северная точка на Таманском полуострове, и, безусловно, она должна была найти место в полном перипле Меотиды.

Итак, анализ античных сведений в области физико-географических представлений о Северном Причерноморье показывает довольно широкую осведомленность античных географов об этом регионе, восходящую во многом к ионийской традиции.

Античные авторы в целом имели правильное представление об общих параметрах Азово-Черноморского бассейна, его конфигурации, некоторых особенностях климата, хотя последний и представлялся им несколько более суровым, чем был в действительности.

Опорные пункты	Расстояния в минутах по Птолемею		Соответствующее им расстояние, км		Значение 1'	
	широта	долгота	широта	долгота	широта	долгота
Устье Танаиса — устье Вардана	370'	60'	200	30	0,54	0,5
Устье Вардана — Фанагория	30'	60'	17	30	0,57	0,5
Фанагория — Гермонасса	20'	30'	10	15	0,5	0,5
Гермонасса — Синдская гавань	18'	90'	10	50	0,5	0,55

Черное море в их описании было вытянуто в северо-восточном направлении, состояло как бы из двух частей и имело более прямое южное побережье. Вслед за ним Азовское море, помещаемое в античной картине мира к северу от Понта Евксинского, также было вытянуто к северо-востоку. Хорошо был известен античным авторам и Керченский пролив, который определялся ими как устье Меотийского озера (Азовского моря), через которое последнее изливается в Понт (Черное море).

Кроме общего описания, в античных источниках содержится довольно обширный метрический материал, освещающий различные параметры Азово-Черноморского бассейна.

Близки к современным отметки глубин Черного и Азовского морей. Довольно точны сведения античных авторов об общей окружности Понта, хотя протяженность береговой линии Северного Причерноморья несколько завышена. Расхождение в определении параметров Керченского пролива связано с разницей в представлениях о черноморском устье пролива в античное и наше время.

Окружность Азовского моря в античной традиции в целом имеет тенденцию в сторону увеличения, хотя, как показала анализ конкретных участков его побережья, эта тенденция не однозначна.

Дальнейшее рассмотрение конкретных топонимов мы, как и обговаривали первоначально, построим по территориальному признаку в следующей последовательности:

1. Нижняя Мезия и среднее междуречье Истра (Дунай) и Тираса (Днестра).

Предварительно в рамках этой территории мы обозначали местоположение 10 физико-географических топонимов:

р. Истр	— р. Дунай
р. Аксак	— р. Кузьмич
р. Рода	— Тидигульский лиман
Ситарийский залив	— Березанский лиман
р. Тира	— р. Днестр
Макрокремисские горы	— обрывистый берег между м. Бурнас и Будажа
Гетская пустыня	— территория к северу от современного населенного пункта Нуфору до границы Караорман
о. Борисфенда	— о. Березань (?)
о. Ахидлов (Белый)	— о. Змеиный

2. Междуречье Гипаниса (Южного Буга) и Борисфена (Днепра), Каркинитский залив и Херсонес Таврический (Крым) до Феодосия.

Предварительно в рамках этой территории мы обозначили местоположение 17 физико-географических топонимов:

р. Борисфен	— р. Днепр
р. Гипанис	— р. Южный Буг
р. Гипакирис (Каркинит)	— р. Чатырлык
р. Пантикап	— р. Конка
Гилея	— район между Нижним течением Днепра и р. Чатырлык
м. Гипполая	— м. Станислав
Ахиллов Бег	— а) Тендровская коса до Западной оконечности о. Джарылгач б) юго-западное побережье Крыма между Тарханкутом и Севастополем
Тамирака	— м. Тарханкут
Роша Гекаты, мыс	— западная оконечность Кинбурнского полуострова
Херсонес Таврический	— Крымский полуостров
Перешеек у Каркинитского залива	— Перекопский перешеек
Перешеек у оз. Бика	— перешеек Узунларского вала
м. Бараний Лоб	— участок побережья от м. Сарыч до м. Аю-Даг.
м. Коракс	— м. Меганом
р. Истриак	— р. Оттуз
о. Кефалонес	— о. Джарылгач
о. Сподуса	— Каланчакские о-ва
о. Макра	— Лебжьи о-ва

3. Европейский Боспор (Керченский полуостров) и запад Меотийского озера (Западное Приазовье).

Предварительно в рамках этой территории мы обозначили местоположение одного физико-географического топонима:

о. Бик	— Сиваш
--------	---------

4. Север и юго-восток Меотийского озера (Северное и Юго-Восточное Приазовье).

Предварительно в рамках этой территории мы обозначили местоположение трех физико-географических топонимов:

р. Герр	— р. Молочная
р. Танаис	— р. Дон
р. Вардан	— р. Кубань

5. Азиатский Боспор (Таманский полуостров) и район Бат (Новороссийская бухта).

Предположительно в рамках этой территории мы обозначили местоположение одного физико-географического топонима:

м. Киммерий — м. Каменный

Определение общих физико-географических параметров и предварительная локализация отдельных физико-географических топонимов позволяют более основательно подойти к определению местоположения отдельных населенных пунктов, а также уточнить и дополнить физическую географию региона.

География населенных пунктов этого региона, в дошедшей до нас античной традиции, охватывает 153 наименования, исключая те, которые явно дублируют друг друга. Наиболее подробные сведения сохранились по второй зоне (от устья Дона до Черноморского побережья Грузии). Из 153 наименований населенных пунктов на эти зоны приходится 91.

Нет никакого сомнения в том, что перечисленные в периплахе и перизгезах населенные пункты далеко не в полной мере отражают картину Северного Причерноморья в античную эпоху (обнаруженных поселений значительно больше). Более того, учитывая комплятивный характер большинства источников, их одновременное существование весьма проблематично. Вместе с тем последнее вовсе не означает, что все наименования, относящиеся к более ранней традиции, автоматически исключают существование этих пунктов в более позднее время, даже в тех случаях, когда археологический материал как будто бы не дает для этого оснований. Во-первых, степень археологической изученности большинства объектов неполная. Однозначно исчерпывающий ответ можно дать лишь после исследования всей площади памятника. Во-вторых, те или другие причины могли привести к переходу населения на новое место и перенесению на это новое место прежнего названия.

Весьма сложным является и вопрос о принципах отбора объектов античными авторами при составлении ими соответствующего описания. Так, например, Геродот при характеристике Таврики (Крыма) ничего не упоминает о боспорских городах, уже существовавших в тот период, что, как справедливо отмечает А. А. Нейхардт, объясняется непосредственно замыслом автора «Истории». «Он писал о Скифии, являвшейся плацдармом военных действий во время похода Дария.

Греческие города-колонии для Геродота-путешественника были ordinарным явлением и, кроме того, никакой роли в походе Дария не играли. Естественно, что Геродот упоминает только те города, которые ему необходимы как какие-то точки отсчета в его путешествии (Тира, Керкиниатида) или важны для уяснения картины похода (Кремын)»⁹⁷.

Столь же очевидно, что при составлении периплов их авторы руководствовались в первую очередь необходимостью дать четкую картину очертания побережья и указать места наиболее удобных стоянок кораблей. Однако географическая ситуация на протяжении VII в. до н. э. — V в. н. э. существенно менялась. Как отмечают И. В. Брушко и В. А. Карпов⁹⁸, на рубеже нашей эры она отличалась от положения вещей 300—400-летней давности, а к середине I тыс. н. э. конфигурация береговой линии была уже близка современной и, следовательно, вновь отличалась теперь уже от ситуации периода Страбона и Плиния. Именно эта меняющаяся картина в конечном итоге и привела к определенным искажениям вследствие наложения разновременных источников в компилятивных трудах поздних географов.

Не меньшие сложности возникают и при локализации населенных пунктов, удаленных порой на значительное расстояние от береговой линии. Принцип отбора здесь по преимуществу традиционный для античной географии — по течению рек и соответствующим дорогам. Очень редко встречаются, правда, и наименования, которые чем-то особенным заставили обратить на себя внимание авторов, причем это касается как прибрежных, так и внутренних объектов. Примерами здесь могут служить Гелон Геродота (*Herod.*, VI, 108), Пирра и Антисса Плиния (*Plin.*, NH, II, 206), Кононий Аристотеля (*Arist.*, *Hist. anim.*, IX, 36). Как правило, эти населенные пункты не имеют четкой пространственной локализации.

Подобная локализация с указанием конкретных координат отсутствует и у многих населенных пунктов внутренних частей суши. Исключением здесь являются лишь сведения Птолемея. Ни Страбон, ни Плиний, ни другие авторы ничего, кроме общей привязки к определенной территории, не сообщают. А это, при отсутствии в подавляющем большинстве случаев эпиграфического материала, позволяющего уверенно соотнести то или другое наименование с конкретным археологическим объектом, существенно сужает возможности в интерпретации сведений античных географов.

Немаловажным препятствием при привязке того или другого наименования населенного пункта к конкретному археологическому па-

мятнику является довольно высокая степень географической погрешности в произведениях античных авторов. Это не столь существенно в малозаселенных районах, где такие объекты единичны, однако весьма серьезно сказывается там, где плотность археологических памятников велика (примером здесь могут служить меотские поселения по течению реки Кубани). В отдельных случаях критерием в выборе конкретного объекта могут служить его размеры и значимость, в отдельных — хронологические рамки его существования (правда, в силу указанных выше причины этот критерий становится весьма проблематичным). Наконец, сам принцип отбора населенных пунктов античными авторами в том или другом случае может оказать существенную помощь в определении конкретного местоположения объекта.

По Северному Причерноморью в определении статуса населенных пунктов античные авторы приводят следующие названия: *πόλις* (город), *πολίχνη* (городок), *κώμη* (деревня), *κώμιον* (деревушка), *χωρίον* (местечко или поселок)⁹⁹, *ἐμπόριον* (торговое или складское место, порт), *λίμνη* (гавань, пристань; в пер. пристанище, убежище, сборное место)¹⁰⁰. Ряд наименований вообще не имеет определенного статуса (например, Гераклий у Страбона, Тирамба или Матета у Птолемея). Возможно, в отдельных случаях неясность в определении статуса того или иного пункта или совпадение в названиях физико-географического топонима (например, мыса) и населенного пункта на нем вынуждало автора географического описания ограничиваться лишь наименованием местности, а возможно, этот статус был столь очевиден, что не требовал дополнительных пояснений. Кроме того, прилагаемый к названию населенного пункта статус во многом зависел от того, что именно хотел подчеркнуть автор: хотел ли он акцентировать внимание на удобстве стоянки кораблей, на наличии порта или, напротив, хотел подчеркнуть его городской статус. При этом речь могла идти об одном и том же объекте. Кроме того, конкретное определение статуса населенного пункта могло подчеркивать и его изменение во времени: снижение до уровня «деревеньки» или повышение до уровня «города». Таким образом, дифференциация населенных пунктов античными авторами, так же как и предлагаемая в настоящее время типология известных поселений античного времени¹⁰¹, не могут быть достаточным основанием для соотнесения того или другого названия с конкретным археологическим объектом без предварительного выяснения принципа отбора населенных пунктов составителями географических описаний.

Выяснить же на основе выборной, единичной локализации того или другого объекта, чем руководствовались античные географы в своей работе, практически невозможно. Лишь максимально полная интерпретация античной традиции по части географии населенных пунктов Северного Причерноморья может, на наш взгляд, дать ключ к решению этой проблемы.

Глава II

НИЖНЯЯ МЕЗИЯ И СРЕДНЕЕ МЕЖДУРЕЧЬЕ ИСТРА (ДУНАЯ) И ТИРАСА (ДНЕСТРА) В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ

Античная традиция в описании участка побережья от устья Истра (Дунай) до устья Борисфена (Днепра) относительно скудна и весьма противоречива. Наиболее подробные свидетельства сохранились в «Географии» Страбона, у Птолемея, Псевдо-Арриана, Плиния, Арриана. Отдельные сведения сообщают также Псевдо-Скилак, Псевдо-Скимн, Валерий Флакк в поэме «Аргонавтика», Аммиан Марцеллин, Помпоний Мела, Стефан Византийский, Элий Геродиян. В общей сложности до наших дней сохранилось 17 наименований населенных пунктов, территориально локализуемых на пространстве между Борисфеном и Истром. Из них 11 пунктов традиционно имеют статус прибрежных, 3 (Офиусса, Никоний и Тира) указываются по течению реки Тираса (Днестра) и 3 (Заргидава, Тамасидава и Пироборидава) — по реке Гисрасу. При этом из 17 пунктов 10 известны лишь в единичном упоминании, т. е. в этом случае мы можем опираться только на данные одного автора.

Направления, которым следуют античные географы при описании, различны. Если Арриан, Псевдо-Арриан, Птолемей и Помпоний Мела продвигаются с востока на запад, то Псевдо-Скилак и Плиний идут в обратном направлении. Весьма любопытен в этой связи текст Птолемея (Ptol., III, 10). Характеризуя положение Нижней Мисии (Мезии), географ после обозначения ее общих границ (Ptol., III, 10, 1) дает подробное описание устьев Истра (Ptol., III, 10, 2) и затем описывает население в направлении с запада на восток (Ptol., III, 10, 7) в сторону Борисфена. В характеристике же Поморья он следует в обратном направлении (Ptol., III, 10, 7). Причем это единственный случай, когда Птолемей в описании Северного Причерноморья меняет направление на противоположное. Учитывая этот факт, рискуем предположить, что здесь имеет место компиляция современной Птолемею или его бли-

жайшему по времени информатору перизгезы и более раннего периода данного побережья. Не имея современной информации о морском пути от устья Тиря к устью Истра — у Страбона здесь Гетская пустыня (Strabo, VII, 3, 14), а у Арриана эти местности «пустыни и безмянны» (Агт., PPE, 31), — автор «Географического руководства» восполнил образовавшуюся лауну, использовав более ранний источник, точно так же, как это сделал Псевдо-Арриан (Ps.-Агт., PPE, 487 и 489), на что ранее уже обращалось внимание ¹.

После этих предварительных замечаний перейдем к разбору конкретных населенных пунктов в рамках первой зоны.

Одессе (Ордессе). Этот населенный пункт — первый в цепочке населенных пунктов к западу от Борисфена (Днепра) — называют четыре автора. Арриан в § 31 сообщает: «От Борисфена шестьдесят стадиев до небольшого, необитаемого безмянного острова, а отсюда восемьдесят до Одесса; в Одессе стоянка для кораблей» (Агт., PPE, 31).

Эти же сведения повторяет и Псевдо-Арриан (Ps.-Агт., PPE, 87).

В «Географическом руководстве» Клавдия Птолемея этот пункт в варианте Ордесса помещен «выше реки Аксимака» под координатами 57°—48°30' (Ptol., III, 5, 14).

Плиний в перечислении пунктов на этом участке побережья называет «гавань Ордессе» после залива Сагтарийского (Plin., NH, IV, 82).

Вот собственно и все сведения античных авторов об Одессе — Ордессе.

Вопрос о локализации этого пункта неоднократно привлекал внимание исследователей. В разные годы к нему обращались А. Уваров ², С. Д. Пападымитриу ³, Э. А. Сымонович ⁴, М. С. Синицын ⁵. Диапазон его размещения довольно широк — от Тилигульского до Березанского лимана. Помещение Ордесса у выхода из Березанского лимана опирается, в частности, на отождествления Сагтарийского залива с Березанским лиманом ⁶. В настоящее время Ордессе локализуется большинством исследователей у Тилигульского лимана. Разногласия о его положении сводятся к локализации либо на правом, либо на левом берегу этого лимана ⁷. М. В. Агбунов считает, что древний Одессе находился на левом берегу устья Тилигульского лимана и в настоящее время в результате абразии и трансгрессии он полностью разрушен и затоплен ⁸.

Опираясь только на свидетельство Клавдия Птолемея, мы считали возможным определить местоположение Ордесса на мысу, отделяющем Березанский лиман от лимана Сасыцкого, исходя из полученного

расстояния от устья реки Авсинава, которую мы отождествили с нынешним Куяльницким лиманом⁹. Однако это не согласуется со свидетельством Арриана, по которому расстояние от безымянного острова до Одесса составляло от 12,6 до 16,8 км, в зависимости от размера стадия, а от устья Борисфена — соответственно от 22 до 29,4 км (140 стадиев по сумме расстояний). В то же время при анализе сведений Птолемея мы не учли то обстоятельство, что при изменении направления пересчета с широтного на долготное (напомним, что для района I зоны «севернее» означает параллельно побережью) следует учитывать соотношение градусных величин или же разницу в степени искаженности в том и другом случае. Иными словами, 30' широты для этого района соответствуют 55' долготы (Ptol., III, 10, 1) или примерно 29 километрам (1' долготы по первой зоне равна 0,53 км)¹⁰, что приводит нас в район Тилигульского лимана. Отсчет с противоположной стороны, от устья Борисфена, также указывает на Тилигульский лиман. Расстояние здесь составляет около 25 километров (и Борисфен, и Ордесс помещены в «Географическом руководстве вне пределов Нижней Мезии, а потому в этом случае при отсчете от устья Борисфена действуют уже параметры второй зоны¹¹).

Таким образом, все расстояния и по Арриану, и по Птолемею указывают на один и тот же район Тилигульского лимана. Однако теперь это как будто бы противоречит свидетельству Плиния, в том случае если наше соотнесение реки Роды с Тилигульским лиманом, а залива Сагтарийского с Березанским лиманом верно. Попробуем в этом разобраться, воспользовавшись данными палеогеографии. Речь идет о так называемой Одесской банке, которая, как предполагают, в античное время, по крайней мере в середине I тыс. до н. э., могла выступить в виде песчаной косы¹². В этом случае под Сагтарийским заливом могла пониматься вся акватория между материковой частью и косой. Это объясняет последовательность перечисления топонимов Плинием: река Рода (она впадала в западной части и соответствует нынешнему Тилигульскому лиману), затем вход в залив и гавань внутри него. Повышение уровня моря в период так называемой «нимфейской трансгрессии» привело к исчезновению косы, и ко времени Плиния, скорее всего, ее уже не было. Недолговечность Сагтарийского залива привела к тому, что он не оставил сколько-либо заметного следа в античной дощине и дошел до нас благодаря компликативному характеру труда Плиния, использовавшего в данном месте какой-то очень ранний источник. Возможно, отголосками существования песчаной косы в этом

месте может быть и безымянный остров Арриана (в том случае, если о. Березань в античное время не был островом), и та труднообъяснимая путаница с координатами островов Борисфенида и Ахиллий у Птолемея, о которой мы говорили в первой главе, тем более, если аналогичный песчаный остров был и напротив Днестровского лимана¹³.

Итак, древний Одесс или Ордесс может быть локализован в районе Телигульского лимана, скорее всего, к востоку от него. Никаких следов городища, которое можно было бы отождествить с Одессом, здесь нет. М. В. Агбунов в результате подводных исследований в 1981 г. обнаружил «следы существовавшего здесь античного поселения, которое полностью уничтожено морем», и высказал предположение, что эти находки относятся к древнему Одессу¹⁴. Береговая линия в I тысячелетии до н. э. здесь действительно располагалась значительно мористее, вероятно, даже несколько дальше, чем это определяет М. В. Агбунов. И. В. Бружко и В. А. Карпов ее выступ в районе современного Одесского залива, острова Березань и Днестровско-Бугского лимана допускают до 5 км¹⁵. Подъем уровня моря, разрушение берега и, возможно, исчезновение песчаной косы сделали этот район менее привлекательным для жизни и для стоянки кораблей, и люди покинули его, переселившись на новые места. Хронология возникновения и прекращения существования архаических памятников в районе Березанского и Бугского лиманов как будто бы подтверждает этот вывод. Район постепенно заселялся в направлении с запада на восток¹⁶.

Скопелы. Единственный автор, упоминающий этот населенный пункт, — это Псевдо-Арриан: «...от Одесса до местечка Скопелов 160 стадиев, 21 $\frac{1}{2}$ мили...» (Ры.-Ап., Р.Р.Е., 87).

Название этого местечка указывает на то, что находилось оно на обрывистом берегу (*σκόπελος* — утес, скала). Ф. Брун связывал со Скопелами поселение у села Дофиновка на Одесском заливе¹⁷, М. С. Синицын — поселение у Телигульского лимана или же у села Осетровка¹⁸. М. В. Скржинская считает, что ни одна из этих гипотез не может быть достаточно пресмыслимой, «так как местонахождение указанных поселений либо не согласуется с расстояниями, либо не отвечает названию Скопелы»¹⁹. Впрочем, М. В. Агбунов считает возможным объяснить этимологию этого названия как «сторожевая башня, возвышенное место, с которого можно обозревать все вокруг находящееся», т. е. производным от *σκοπέω*²⁰. В вопросе локализации Скопел он при этом согласен с Ф. Брауном, помещая этот пункт у с. Дофиновка на левом берегу устья одноименного лимана²¹.

В зависимости от размера стадия, Скопелы должны быть локализованы в интервале от 25 км до 34 км от местонахождения древнего Одесса, т. е. от левобережья Тилигульского лимана. Район береговой линии от села Дофиновка до Куяльницкого лимана в соответствии с реконструкцией, предложенной И. В. Бруязко и В. А. Карповым, как будто бы ничем особенным не примечателен²⁵. В то же время «реки Куяльник и Хаджибей сбрасывали свои воды непосредственно в Черное море, образуя полуостров, выступавший мысом в современную бухту Одесского залива на 1—2 км. Таким образом, обе реки, видимо, имели общую дельту. Поселение IV—III вв. до н. э. на Жеваховой Горе, в настоящее время удаленное от моря приблизительно на 1 км, в античную эпоху имело с ним прямое сообщение»²⁶.

Именно это поселение, отвечающее в какой-то мере этимологии названия Скопелы, и следует, на наш взгляд, отождествить с этим пунктом.

Гавань Истрианов и гавань Иснаков. Обе эти гавани известны только по сообщениям Арриана и Псевдо-Арриана.

«За Одессом находится гавань истрианов, до нее двести пятьдесят стадиев; далее гавань иснаков, до которой пятьдесят стадиев» (Арт., PPE, 31). Сведения Псевдо-Арриана несколько подробнее (между Одессом и гаванью Истрианов он называет еще местечко Скопелы) и отличны в расстоянии. Если между Одессом и гаванью Истрианов оба источника идентичны в определении расстояния — 250 стадиев (у Псевдо-Арриана по сумме расстояний 160 + 90 стадиев), то между гаванью Истрианов и гаванью Иснаков Аноним указывает 90 стадиев, 12 миль, в отличие от 50 стадиев у Арриана (Арт., PPE, 87). М. В. Агбунов считает, что это противоречие кажущееся, и объясняет его тем, что здесь отражены два разных маршрута плавания: напрямик через Одесскую бухту и вдоль берега²⁴.

В вопросах локализации этих пунктов все исследователи в принципе единодушны, помещая их в районе Одессы. Так, Г. Келер помещает здесь гавань Истрианов²⁵. К. Мюллер, идентифицируя гавань Иснаков с Sinus Sangarius Плиния (Plin., NH, IV, 82), локализует ее у современного Малого Фонтана близ Одессы²⁶. М. В. Агбунов отождествляет гавань Истриан с поселением IV—III вв. до н. э. Лузоватка, которое расположено у левого берега устья Куяльницкого лимана на территории лагеря «Молодая гвардия», а гавань Иснаков — с поселением, также относящимся по времени к IV—III вв. до н. э., на Приморском бульваре современной Одессы²⁷. При этом, основываясь на хронологии поселений, М. В. Агбунов приходит к выводу, что сведе-

ния, содержащиеся в периплах Арриана и Псевдо-Арриана (последний М. В. Агбунов считает полным вариантом перипла Арриана, что, как было сказано во введении, неверно), по данному участку побережья относятся к IV—III вв. до н. э., а не ко II в. н. э., как это считалось ранее²¹.

Отождествление местечка Скопелы с поселением на Жеваховой Горе позволяет несколько по иному взглянуть на сведения периплов Арриана и Псевдо-Арриана. Расстояние от Одессы до гавани Истрианов у обоих авторов составляет 250 стадиев, или от 39 до 53 км. При минимальной цифре вдоль побережья это приводит нас примерно в район поселения Приморский бульвар, прямой же путь через Одесский залив указывает на район Сухого лимана, на его левобережье. Здесь же локализуется гавань Истрианов и при отсчете расстояний от Скопелов (Жевахова Гора) — соответственно от 14 до 19 км.

В этом случае гавань Иснаков территориально должна быть локализована еще южнее по направлению к Днестровскому лиману (у Арриана расстояние от гавани Истрианов укладывается в интервалах от 8 до 10,5 км; у Псевдо-Арриана — от 14 до 19 км). Однако участок побережья здесь достаточно ровный, и даже если предположить, что под гаванью Иснаков имеется в виду одно из поселений в районе современного села Каролино-Буцаз, будет невозможно сколь-либо разумительно объяснить разницу в расстояниях в перипле Арриана и перипле Анонима. Кроме того, вызывает сомнение сама необходимость с точки зрения античной логии указывать две гавани на столь близком расстоянии. Это относится и к возможности отождествления указанных пунктов со стороны Одесского залива в непосредственной близости друг от друга (поселения Лузановка и Приморский бульвар).

Иное дело, если эти гавани находились по разные стороны от мыса Большой Фонташ, соответственно одна — со стороны Одесского залива, а другая — со стороны Сухого лимана. Но это не соответствует, на первый взгляд, последовательности в перечислении пунктов как у Арриана, так и у Анонима. Кажущееся противоречие, на наш взгляд, вполне разрешается, если предположить, что в данном месте имеет место наложение встречных периплов и разный характер морского пути: каботажный и короткий прямой. Попробуем разобраться в этой ситуации.

У Арриана гавань Иснаков — последний пункт возможной стоянки кораблей на пути к Истру, следовательно, отсюда шел прямой морской путь в этом направлении. В перипле Анонима, напротив, с этого пункта продолжается каботажный объезд побережья Понта. Та же гавань в районе современного Сухого лимана служила и местом стоян-

ки кораблей, идущих в обратном направлении. Коса, находившаяся в районе нынешней Одесской банки, не позволяла кораблям двигаться напрямую к устью Борисфена, поэтому указание на вторую гавань с противоположной стороны мыса Большой Фонарь выглядит вполне логично. В то же время заход в гавань со стороны Сухого лимана был не обязателен, если корабль направлялся к Истру, минуя Тирас, т. е. напрямик.

Итак, со стороны Тираса вдоль побережья корабль шел мимо первой гавани (Сухой лиман), огибал мыс и попадал во вторую гавань (район Хаджибейского и Куяльницкого лиманов); здесь же находились и Скопелы. Далее путь лежал мимо древнего Одесса к Борисфену, однако отсюда же шел и прямой морской путь к Истру. Наложение встречных периплов привело к тому, что картина оказалась как бы перевернутой. Помещение гавани Иснаков в районе Одесского залива вполне согласуется и с локализацией в этом месте устья реки Акснака. Кроме того, это не противоречит и расстоянию между гаванью Иснаков и Голым устьем Истра, указанному Аррианом (1200 стадиев). Что касается расхождения в расстояниях у Арриана и Авионима, то они также вполне объяснимы наложением разных периплов, причем 40 лишних стадиев, добавленных Псевдо-Аррианом, могут соответствовать расстоянию между гаванью Иснаков и Скопелами, если эта гавань упоминалась в подробном перипле наряду со Скопелами.

Все вышесказанное позволяет утверждать, что гавань Иснаков следует отождествить с одним из античных поселений в районе Одесского залива к западу от поселения Жевахова Гора, — возможно, с поселением Приморский бульвар. Гавань Истрианов локализуется в районе современного Сухого лимана и должна быть соотносена с каким-либо античным поселением, находящимся здесь.

Что касается названий этих гаваней, то если в отношении гавани Иснаков можно согласиться с мнением, что ее основали местные жители иснаки, либо это наименование связано с рекой Акснак, то с мнением о том, что гавань Истрианов следует также считать основанной местным племенем истрия, к чему склоняется М. В. Агбунов²⁹, согласиться нельзя. И прежде всего потому, что это прямо противоречит свидетельству Помпония Мелы, который указывает на то, что границей между иснаками и истрийцами служит река Тира (Ромп. Мела, II, 7). Напротив, активные торговые связи Истрии в этом районе вполне надежно засвидетельствованы археологически, в частности, находками истрийских монет³⁰. Поэтому, на наш взгляд, название гавани Ист-

риан и ее основание правильнее связывать с жителями Истрия, а не с местным племенем.

С. Б. Буйских полностью отвергает такую возможность, считая, что «комплексный анализ источников свидетельствует против реального существования античного города на месте современной Одессы»²¹. Однако факта активных торговых связей Истрии в этом регионе отрицать нельзя, как нельзя сбрасывать со счета и наличие прямого морского сообщения между Истрией и Ольвией, промежуточной стоянкой на котором являлась гавань Истриан. При этом она вовсе не обязательно должна была быть крупным античным городом.

Город Фиска. Координаты этого города известны лишь по «Географическому руководству» Клавдия Птолемея. Город Фиска помещен здесь под $56^{\circ}40'$ долготы и $47^{\circ}40'$ широты сразу после устья реки Аксиака на расстоянии $20'$ к западу и $20'$ к югу от него.

О локализации Фиски высказывались самые различные мнения. К. Мюллер считал возможным исправить это наименование на *Ίστρίδα*, которая упомянута у Апол., PRE, 87²². И. А. Стемповский отождествлял город Фиску с гаванью Истрианов²³. Э. Г. Муральт помещал Фиску на Жеваховой Горе близ Одессы²⁴. М. В. Агбунов отвергает эти варианты как не соответствующие расстоянию, указанному Птолемеем от реки Тираса²⁵. Однако заметим, что здесь важно расстояние от устья реки Аксиака, что в первую очередь ставит вопрос о его локализации. Археологический материал как будто бы не позволяет согласиться с мнением П. В. Беккера²⁶, Ф. К. Бруна²⁷ и Э. Миниза²⁸, считавших возможным на основании простого пересчета координат Птолемея в стадии локализовать город Фиску в районе устья р. Барабой, и Ф. А. Брауна, помещавшего г. Фиску в районе Сухого лимана²⁹. Не нашло первоначально поддержки и мнение В. И. Гошкевича, отождествившего Фиску с обследованным им Каролино-Бугазским городищем, расположенным в устье лимана на его левом коренном берегу³⁰. Однако М. В. Агбунов, опираясь на данные палеогеографии, довольно убедительно доказал правильность отождествления Фиски именно с Каролино-Бугазским городищем³¹. Этой же точки зрения М. В. Агбунов придерживался и в последней своей работе, посвященной проблемам античной географии Северного Причерноморья³². Между тем, если краеугольный камень о смещении устья Днестра, положенный в основу локализации М. В. Агбунова, неверен, о чем уже говорилось выше, то всё здание его конструкции становится весьма шатким по части доказательства. Тем более что сведения Пто-

лема он по-прежнему использует путем простого пересчета градусов вstadия, что, на наш взгляд, очень часто приводит к ошибкам⁴³.

Еще одна точка зрения была высказана М. С. Скиницким, который считал возможным соотносить с Фиской Овидинопольское городище⁴⁴, однако эта точка зрения, по сути дела, ничем не подкреплена.

Исходя из предложенной М. В. Агбуновым реконструкции устьев Тирис в античное время, мы считали возможным предположить смещение вследствие этого города Фиски к востоку от его действительного положения, т. е. реальное его положение следовало определять к западу от современного устья Днестра, а не к востоку, как это следует из «Географического руководства»⁴⁵. С этим вполне согласовывается и тот факт, что город Фиска и город Тира расположены у Птолемея на одной широте. В этом случае мы отождествляли Фиску с поселением Затока I на пологом берегу Будаковского лимана у места его слияния с Днестровским лиманом⁴⁶. Иная картина Днестровского лимана в античное время вынуждает нас отказаться от этого мнения и попытаться соотносить город Фиску с каким-то из поселений к востоку от нынешнего устья реки.

Указанные в «Географическом руководстве» расстояния как от устья реки Аксияка (современный Куяльник) — около 40 км⁴⁷, так и от современного устья Днестра (около 11 км) приводят нас в район устья речки Барабой. Вероятно, здесь и находился город Фиска. И хотя данное мнение, как уже отмечалось выше, пока не находит археологического подтверждения, эта локализация нам кажется более предпочтительной, чем отождествление Фиски с городищем Каролино-Бугаз, хотя 5 погрешность допускает и этот вариант. По крайней мере, в этом случае понятно, почему в «Географическом руководстве» среди прибрежных пунктов назван именно этот город, а не Никоний, если последнему соответствует Роксоланское городище, тем более что у Псевдо-Арриана Никоний назван в числе прибрежных пунктов (Рз.-Агт., РРЕ, 87). Для того чтобы попасть в Роксоланское городище, нужно войти в устье Днестра и подняться вверх по течению. Между тем прямой путь от устья речки Барабой к Никонию значительно короче. Возможно, город Фиска играл роль портового спутника Никония, а может быть, и не только его, на побережье Понта со стороны Борнефена. Окончательный ответ на это может дать лишь тщательное археологическое обследование этого района.

К тому же берег на участке от Днестра до Одессы имеет довольно высокую степень разрушения⁴⁸, и нынешняя береговая линия отсут-

пила по сравнению с античными временами на расстояние от нескольких сот метров до 1—2 км ⁴⁸. Так что, возможно, часть или даже весь город Фиска находится в настоящее время на дне морском.

Башня Неоптолема и деревня Гермонактова. Эти пункты нужно рассматривать вместе в силу их близкого территориального расположения и, возможно, функционального назначения.

Вместе их называет только Страбон: «При устье Тиря находится башня, называемая Неоптолемовой, и деревня, известная под названием Гермонактовой» (Strabo, VII, 3, 16).

Кроме Страбона, Гермонактову деревню называет Птолемей, помещая ее под координатами 56°15' долготы и 47°30' широты (Ptol., III, 10, 7), а башню Неоптолема — Псевдо-Арриан: «От реки Тиря до Неоптолемовых 120 стадиев, 16 миль...» (Ps.-Arr., 89).

Таким образом, сведения античных авторов об этих пунктах весьма противоречивы. Страбон помещает их при устье Тиря, Птолемей и Псевдо-Арриан — на известном удалении. Это, безусловно, вызывало и определенные трудности, и разногласия при локализации этих пунктов, тем более что Страбон указывает только общее территориальное положение, а два других автора дают вполне конкретные цифры.

Подробная историография этого вопроса приведена у М. В. Агбунова ⁴⁹. Разброс мнений здесь чрезвычайно велик, однако в подавляющем большинстве эти пункты помещаются в непосредственных пределах Днестровского лимана: либо на левом берегу (этой точки зрения придерживались дю-Тейль и Корз ⁵⁰, отчасти А. Форбигер ⁵¹), либо на правом берегу (Г. Келер ⁵², Э. Г. Муральт ⁵³), либо непосредственно в устье (К. Маннерт ⁵⁴, И. А. Стыпковский ⁵⁵). На северном берегу Акембетского лимана локализовывали эти пункты К. Нойман ⁵⁶, П. В. Беккер ⁵⁷, В. В. Лагышев ⁵⁸, М. Кислинг ⁵⁹. Некоторые исследователи пытались соотнести их с встречающимися у других авторов наименованиями. Так, Э. Г. Муральт считал, что Гермонактова деревня тождественна указанному Плинием городу Эполиз ⁶⁰, а К. Мюллер считал возможным отождествить Гермонактову деревню с городом Кремнишки ⁶¹.

Попытка привязки башни Неоптолема и Гермонактовой деревни к конкретным археологическим объектам была предпринята М. С. Сивичиным, который отождествлял башню Неоптолема с поселением близ устья правого берега Днестровского лимана, в урочище Змейка, а Гермонактову деревню локализовал на территории с. Затока, т. е. в устье левого берега ⁶². П. О. Карышковский отождествлял башню Неоптолема с поселением IV—III вв. до н. э., расположенным на возвы-

шенном мысу Шаболатского лимана, юго-восточнее с. Беленькое, в Гермонактову деревню — с поселением того же времени на северо-восточном берегу того же лимана⁴⁴.

М. В. Агбунов считает, что основной недостаток всех этих исследований заключается в неправильном представлении о древней палеогеографии Днестровского лимана⁴⁵. Опираясь на возможную эволюцию низовья Днестра⁴⁶, он предлагает свой вариант локализации башни Неоптолема и Гермонактовой деревни. Последнюю он отождествляет с поселением в урочище Ровы между селами Попаздра и Косовка⁴⁷. Наиболее же вероятным местонахождением башни М. В. Агбунов считает мыс у высокого морского берега в с. Приморском, предполагая, что башня Неоптолема указывала вход в устье реки и служила ориентиром для моряков⁴⁸.

Предложенная М. В. Агбуновым локализация могла бы считаться вполне убедительной, если бы старое устье Тираса находилось действительно в районе с. Приморское. Однако его там никогда, по крайней мере за последние 10—15 тысяч лет, не было⁴⁹, и в этом случае предложенная интерпретация сведений античных авторов оказывается лишенной обоснования.

Точно так же и мы вынуждены пересмотреть свое видение проблемы локализации Гермонактовой деревни на основе сведений Птолемея⁵⁰, по крайней мере в части обоснований, ввиду возможности иной палеогеографической картины в этом регионе.

Итак, прежде всего обратимся к свидетельству тех авторов, которые дают нам цифровые данные, а именно: к Птолемею и к Псевдо-Арриану.

Гермонактову деревню Птолемей помещает после устья реки Тираса на расстоянии 5' к западу и 10' к югу от него. Исходя из этого, прямое расстояние до деревни составит чуть больше 19 км. Это приводит нас в район с. Приморского на берег Будаковского лимана, т. е. в тот же район, что и у М. В. Агбунова, хотя, оговоримся еще раз, если древнего устья здесь не существовало, значит, объяснение этому следует искать другое.

Башня Неоптолема, расположенная, по свидетельству Псевдо-Арриана, на расстоянии от 19 до 25 км от устья Тираса, как будто бы также должна быть локализована в районе с. Приморское, однако возможен и другой вариант, на первый взгляд, несколько неожиданный.

Согласно данным палеогеографии, примерно в 10 км к востоку от устья нынешнего Днестровского лимана на месте современной Днест-

ровой банки, сложенной из известковых пород, находилась античный остров длиной, по крайней мере, 8—10 км, шириной — 2—3 км²¹. Находясь в непосредственной близости от нынешнего Днестровского лимана, этот остров как бы несколько прикрывал его с северо-востока и в первую очередь был виден морякам, плывущим с этой стороны. Вполне естественно было бы здесь наличие некоего укрепления-маяка и соответствующего названия в честь сына Ахилла, остров которого находился в непосредственной близости от устья Истра (Дунай).

Это в какой-то мере объясняет, почему острова Борисфенида и Ахиллий оказались в «Географическом руководстве» практически напротив устья Тираса. Птолемей ввел в заблуждение наличие в Северо-Западном Причерноморье нескольких островов в устьях крупнейших рек: Истра, Тираса и Борисфена, в той или другой степени связанных с культом Ахилла.

Это, кроме того, объясняет и то, почему, в отличие от Страбона, у Псевдо-Арриана и Птолемея упомянуто только по одному, причем равноименному пункту.

У Псевдо-Арриана устье Тираса названо после Никония, т. е. маршрут на этом участке пролегал из устья реки и потому обозначение башни Неоптолема на острове близ реки Тираса было вполне логичным, хотя и не совсем верным по отношению к общему направлению описания побережья. Птолемей же, напротив, следует вдоль берега, и обозначение координат Гермонактовой деревни после устья Тираса также вполне объяснимо. Что касается башни Неоптолема, то в «Географическом руководстве» указаны координаты острова, на котором она была расположена (Ptol., III, 10, 8), и, заметим, именно в Нижней Мезии, хотя и под названием «Борисфенида». Дважды давать одни и те же координаты Птолемей не стал.

Нет никакого противоречия и с ясным указанием Страбона на расположение рассматриваемых пунктов «при устье Тиры» (Strabo, VII, 3, 16). Еще Гай Саллюстий Крисп заметил, что «ближним древние называли не только находящееся рядом и прилежащее, но также и весьма отдаленное, если только между двумя раздельными предметами нет ничего посредяне» («История», III, 77). Это утверждение Саллюстия вполне подходит к данному случаю.

Итак, название Гермонактовой деревни в древности носило довольно значительное античное поселение, выявленное Э. А. Симонович в урочище Ровы восточнее с. Приморского и предварительно датированное IV—III вв. до н. э. с более поздним дако-гетским слоем²². «Поселение

расположено в 300 м западнее с. Косовки на высоком обрывистом берегу лимана, вытянуто вдоль берега до 150 м, с запада ограничено глубоким оврагом. По всей длине поселение постоянно разрушается обрывом, ширина сохранившейся части не превышает 300 м, мощность культурного слоя достигает 0,8 м. Береговая полоса суши, а также прилегающий участок дна лимана до 60 м по всей длине поселения насыщен амфорными обломками, мелкими камнями, костями и другими культурными остатками, попадавшими в лиман по мере образного разрушения поселения (высота обрыва в этом месте достигает 20 м). Описанное поселение значительно превосходит другие известные в этой местности античные поселения⁷¹.

Что касается башни Неоптолема, то ее остатки, вероятно, следует искать в районе нынешней Днестровской банки.

После Гермонактовой деревни и башни Неоптолема мы последуем дальше по побережью в сторону Истра (Дунай), оставив пока без комментариев непосредственное описание берегов днестровского лимана античными авторами.

На участке побережья античные авторы называют четыре населенных пункта: Гарнис, Кремниски, Эполио и Антифиловы (укрепления). Особенностью здесь является то, что три из четырех названных объектов известны только в единичном сообщении, причем различных авторов. Да и четвертый пункт — Кремниски — точную пространственную локализацию имеет лишь в изложении Псевдо-Арриана (Рэ.-Алт., РРЕ, 89). Плиний сообщает только последовательность расположения топонимов, не указывая расстояний между ними. Поэтому нет твердой уверенности, что в данном случае не имеет места двойное название какого-либо населенного пункта; кроме того, нет ясности и в последовательности расположения их на данном участке побережья. Мы начнем с определения местоположения последнего пункта в описании Птолемея — города Гарниса, а затем рассмотрим сведения перипла Псевдо-Арриана. Что касается Эполио, то местоположение этого пункта возможно будет определить только после локализации Кремнисков.

Гарнис. Этот город известен лишь из «Географического руководства» Клавдия Птолемея. Он назван сразу после Гермонактовой деревни под координатами 56° долготы и 47°15' широты (Ptol., III, 10, 7).

Район между Днестровским лиманом и северным устьем Истра в археологическом плане изучен довольно слабо. Античные авторы в большинстве своем обходят его вниманием, сообщая к тому же в отдельных случаях о его пустынности (Алт., РРЕ, 31; Strabo, VII, 3, 14).

Может быть, именно этим объясняется значительно меньшее внимание исследователей к проблеме его локализации. Созвучие с наименованием «Гарпис» упомянутых в описании Нижней Мезии гарписев позволило высказать предположение, что данный город следует локализовать в области их расселения⁷⁴. Ф. Браун соотносил город Гарпис с Эскиполисом⁷⁵. М. В. Агбунов определяет местоположение Гарписа на основе простого пересчета координат Птолемея в линейные меры и локализует его в районе озера Бурнас⁷⁶. Здесь же в районе Бурнасского мыса помещали этот город и мы⁷⁷.

В настоящее время город, вероятнее всего, разрушен и поглощен морем. Абразия берега здесь довольно сильная⁷⁸. Подтверждением этого служит и тот факт, что «напротив Бурнасского мыса, на дне моря, на глубине 3—5 м выявлены следы разрушенного морем античного поселения. Аквалангистами найдены обломки амфор, лепной посуды, фрагмент мраморной плиты»⁷⁹. М. В. Агбунов, опираясь на данные перипла Псевдо-Арриана, соотносит с этим поселением город Кремниски, определяя его хронологически эллинистическим периодом⁸⁰. Однако и в римское время в этом районе, но не на побережье было сосредоточено довольно большое количество памятников сарматской культуры⁸¹. Возможно, что город Гарпис играл здесь важную роль, а племена гарписев Птолемея должны быть соотнесены со временем среднесарматской культуры (конец II в. до н. э. — начало II в. н. э.)⁸². В этом случае понятно, почему у Птолемея отсутствует название «Кремниски». Ситуация изменилась, и, по-видимому, знакомый с ней географ внес соответствующие коррективы.

Кремниски. Этот населенный пункт известен нам из двух источников: «Перипла Понта Евксинского» Псевдо-Арриана и «Естественной истории» Плиния Старшего.

Псевдо-Арриан сообщает о нем следующее: «...от Неоптолемовых до Кремнисков 120 стадиев, 16 миль; географ же Артемидор говорит, что от реки Тирь до Кремнисков 480 стадиев, 64 мили» (Рз.-Алт., РРЕ, 89).

Плиний называет город Кремниск (*Cremniscos*) среди пунктов, лежащих за Истром: «За Истром лежат города Кремниск и Эполис; Макрокремные горы, славная река Тира...» (*Plin., NH, IV, 82*). Таким образом, благодаря ссылке Псевдо-Арриана на географа Артемидора, мы имеем еще одно свидетельство о Кремнисках. Правда, оно скорее еще больше запутывает ситуацию, поскольку Артемидор указывает расстояние до Кремнисков вдвое больше, чем Псевдо-Арриан (по сум-

ме расстояний у последнего между устьем Тирса и Кремнисками (240 стадиев). Следовательно, запись о Кремниских Аноним взял не только из сочинения Артемидора, как это считает М. В. Скржинская⁸³, но и из другого источника.

Большинство исследователей локализовывало этот пункт на берегах оз. Бурнас. В частности, этой точки зрения придерживались К. Маннерт⁸⁴ и А. Форбигер⁸⁵. К. Müller считал возможным идентифицировать Кремниски с Гермонактовым селением⁸⁶. М. В. Албунов, как уже говорилось выше, локализует город Кремниски у озера Бурнас, однако уточняет, что в античное время озера Бурнас не существовало и на его месте была долина реки, а берег моря проходил примерно в километре мористее⁸⁷. Согласуется с этим и карта береговой линии этого участка, предложенная И. В. Брушко и В. А. Карповым⁸⁸. М. В. Скржинская, анализируя «Перипл Понта Евксинского» Анонимного автора (Псевдо-Арриана), соглашается в вопросе локализации Кремнисков с М. В. Албуновым⁸⁹. Той же позиции она придерживается и при анализе сведений Плиния Старшего, ограничиваясь в данном случае положением, что город не обнаружен⁹⁰.

Итак, мы располагаем двумя вариантами расстояний между устьем Тираса и городом Кремниски. По Артемидору, это от 76 до 101 км, а по Псевдо-Арриану — от 38 до 50 км, в зависимости от размера стадия. В первом случае мы попадаем в район озера Сасык, во втором случае — в район озера Бурнас. Очевидно, что первый вариант явно не соответствует действительности. Ведь сумма расстояний от гавани Исмаков до Голого устья Истра у Псевдо-Арриана тождественна аналогичному расстоянию у Арриана — 1200 стадиев; очевидно, если бы весь этот участок измерялся у Артемидора иначе, Аноним несомненно отметил бы это. Однако он единственный раз делает это при определении расстояния от башни Неоптолема до Кремнисков, специально оговорив возможность иного варианта, причем не от башни, что было бы логично, а от устья Тирса. Следовательно, противоречия между источниками Псевдо-Арриана были настолько очевидны, что он, возможно, больше доверяя одному из них, счел необходимым сообщить все-таки и мнение другого. В чем тут дело? Еще раз вспомним, что в перипле Псевдо-Арриана маршрут идет не мимо, а из устья Тираса, от Николия. И здесь было две возможности (учитывая находящийся вблизи устья остров): или повернуть направо, в сторону Истра, и плыть мимо Гермонактовой деревни; либо повернуть налево, в сторону Борисфена, и плыть мимо находящейся на острове башни Неоптолема. При

этом оба эти пункта еще и определялись как лежащие при устье Тираса. Авоним, следуя в западном направлении, после Никония сбился и повернул в обратную сторону — к башне Неоптолема, а не к Гермонактовой деревне, как это следовало бы сделать. В результате этого следующий за деревней населенный пункт — Кремниски — оказался не за ней, а за башней Неоптолема, хотя расстояние «башня Неоптолема — Кремниски» в действительности есть не что иное, как расстояние «деревня Гермонактова — Кремниски». Что касается Артемидора, то он, по-видимому, включил в прямое расстояние «от Тираса до башни Неоптолема и от последней до деревни Гермонактовой», что и привело к растяжке этого участка в два раза.

Итак, Кремниски, точно так же как и город Гарпис Птолемея, локализируют в районе современного озера Бурнас. Так как, определяя местоположение Гарписа, мы уже дали археологическую характеристику этого района, то повторяться здесь не будем.

Эпализ. Определив местоположение Кремнисков, можно попробовать соотнести с ним этот город, название которого встречается только у Плиния (Plin., NH, IV, 82). Автор «Естественной истории» определяет его положение между городом Кремниски и Макрокремнискими горами по направлению к устью реки Тираса. При отсутствии каких-либо других указаний локализация, тем более точная привязка к какому-либо памятнику весьма затруднительна. Впрочем, отдельные попытки общего характера все же предпринимались. Э. Г. Муральт считал, что Эпализ тождественна Гермонактовой деревне⁹¹. В комментариях к тексту Плиния у В. В. Латышева Эпализ предположительно локализуется «где-либо близ Неоптолемовой башни, к западу от нее»⁹². М. В. Агбунов, отмечая, что город точно не локализуется в связи с недостаточностью данных, территориально помещает его «где-то между мысом Бурнас и устьем Днестровского лимана»⁹³. М. В. Скржинская лишь отмечает, что данный населенный пункт не найден⁹⁴.

Локализация Макрокремниских гор между мысами Бурнас и Будакя (см. гл. II) резко сужает возможный район поиска. Фактически Эпализ должен быть локализован в том же районе, что и Гарпис Птолемея, и Кремниски Псевдо-Арриана и Плиния. Таким образом, для в общем-то небольшого участка побережья мы получаем сразу три наименования, не имея при этом возможности соотнести их с конкретными поселениями, по всей видимости, поглощенными морем.

И все-таки некоторые соображения по этому поводу высказать можно. Судя по топонимам, перечисляемым Плинием Старшим по этому

побережью (Макрокремниские горы, река Асиак, река Рода, залив Салгарийской, гавань Ордеес, название «Миллетополь» применительно к Ольнии), в основе его сведений лежит очень ранний источник (Plin., NH, IV, 82). Возможно, это самые ранние из дошедших до нас сведений об этом побережье. Поэтому вполне вероятно, что название «Эполлис» относится к начальному этапу освоения греками района современного мыса Буриас и с ним связан какой-либо эмпорий, небольшая торговая фактория в этом месте. Дальнейшее развитие привело к возникновению здесь города, возможно, имевшего первоначально двойное название, а затем утвердившегося в античной традиции под именем «Кремниски», бывшего производным от наименования всей местности (Макрокремниские горы). Такое название за ним сохранялось, по крайней мере, на протяжении всей эллинистической эпохи. Новый этап в развитии этого региона связан, как уже отмечалось выше, со сведениями Птолемея о племенах гарпиев и городе Гарписе. Возник ли он на новом месте, или жизнь продолжалась в рамках прежних Кремнисков, ответить сейчас невозможно. Однако некоторые данные позволяют судить о том, что к этому времени изменилась не только этнокультурная ситуация, но и география региона стала иной.

Страбон, описывая это побережье, сообщает среди прочего: «В промежутке есть два озера, из которых одно имеет сообщение с морем, так что может служить и гаванью, а другое не имеет выхода» (Strabo, VII, 3, 15). Между тем, как показывают палеогеографические исследования, в более раннее время, по крайней мере до начала «нимфейской» трансгрессии, озер и лиманов на этом побережье не было⁹⁹. Так что поднявшееся море могло уже частично или полностью поглотить старые Кремниски, и город Гарпис возник уже на новом месте, где-нибудь на побережье того самого озера, которое Страбон характеризует как озеро, способное служить гаванью, и которое может быть соотнесено с группой современных Будаковских озер.

Антифиловы. Это название дошло до нас только через Псевдо-Арриана, который сообщает об этом пункте следующее: «От Кремнисков до Антифиловых 330 стадиев, 44 миля. От Антифиловых до так называемого Голого устья реки Истра 300 стадиев, 40 миль...»

Таким образом, Антифиловы — последний пункт в цепочке топонимов по побережью между устьями Борисфена и Истра. Статус Антифиловых не определен, однако, скорее всего, можно согласиться с мнением М. В. Скрижинской, определяющей его как укрепление¹⁰⁰. К. Müller предположительно соотносил с Антифиловыми город Гар-

пис Птоломея⁹⁷. М. В. Скрижинская ограничивается замечанием, что «квиду сильного разрушения берегов Черного моря не обнаружено археологических остатков Антифилово укрепления, лежавшего на 300 стадиев восточнее Голого устья Истра»⁹⁸. М. В. Агбунов локализует Антифилово поселение на побережье озера Сасык⁹⁹: «Можно предположить, что оно находилось на правом берегу озера к югу от Татарбунар у с. Глубокое, которое раньше называлось Эксиполис, т. е. "древний город". Не развалины ли Антифилово поселения определили это название?»¹⁰⁰

Выбор этого места М. В. Агбуновым, вероятно, связан не только с топонимом Эксиполис. Если отложить указанное в «Перипле Понта Евксинского» Анонима расстояние от предполагаемого места локализации Кремнисков (р-н мыса Бурнас), а это, в зависимости от размера стадия, — от 52 до 69 км, то попадем в район немного севернее современного населенного пункта Вилково, т. е. практически к северному Старостамбульскому гирлу Дуная. А ведь отсюда у Псевдо-Арриана еще 300 стадиев (от 47 до 63 км) до так называемого Голого устья Истра, которое соотносится с северным устьем Дуная.

Разрешить эту проблему можно, по крайней мере, тремя путями.

Во-первых, можно поступить так, как это сделал М. В. Агбунов, отодвинув Антифилово укрепления вглубь материка и тем самым расширив пространство по направлению к Истру. Однако в данном случае невозможно объяснить, почему приморский пункт оказался в глубине материка.

Во-вторых, можно вспомнить ссылку Псевдо-Арриана на географа Артемидора (Ps.-Agt., PPE, 89), по которому расстояние между устьем Тираса и Кремнисками в два раза больше, чем по Анониму. Может быть, следует сократить указанные в перипле расстояния тоже в два раза? Действительно, в этом случае Антифилово локализуется на левом берегу Сасыкского озера, а последующее расстояние до северного устья Истра вполне согласуется с реальным. Но тогда, если автор «Перипла Понта Евксинского» следовал за Артемидором, зачем нужно было специально оговаривать свое несогласие по предыдущему расстоянию?

Наконец, есть третье возможное решение. Для этого еще раз сравним текст Арриана и Анонима. У первого, как известно, описание Северного Причерноморья заканчивается гаванью Иснаков, откуда тысяча двести стадиев до так называемого Узкого устья (Agt., PPE, 31). У второго путь продолжается вдоль всего северо-западного побере-

жья, однако по сумме расстояний заканчивается у Голого устья с той же отметкой 1200 стадиев (Ры.-Алт., PPE, 93). Характер последующего описания дельты Истра (Алт., PPE, 35; Ры.-Алт., PPE, 93) не вызывает никаких сомнений в том, что под Узким, или Голым, устьем понимается Северное устье Дуная. Однако это следует из текста рассматриваемых источников, и именно это устье имелось в виду обоими авторами. В то же время, если из гавани Иснаков шел прямой морской путь к Истрии, то он вряд ли был ориентирован на Северное устье Дуная. Логичнее было идти мористее, ориентируясь на южную часть дельты. Скорее всего, в источнике, которым пользовался Арриан, конечным пунктом на этом отрезке было названо просто устье Истра, под которым понималась южная часть дельты Дуная. Арриан же, следуя вдоль Северного побережья Черного моря, естественно, понял его как северное устье и, зная название этого устья, добавил его к тексту первоисточника либо перенес название южной протоки (если оно было) на северную часть дельты. Возможно, именно этим объясняется и расхождение в названии северного устья у Арриана и Псевдо-Арриана, а также отсутствие у первого названия пятого устья, в то время как Аноним это название дает.

Определенным подтверждением предлагаемой интерпретации могут служить очень близкие расстояния между Антифиловыми и Голым устьем, с одной стороны, и между Северным и Южным устьями Истра, с другой. В первом случае оно равно 300 стадиям, во втором — 280 стадиям (по сумме расстояний). Разница в 20 стадиев, вероятнее всего, соответствует действительному расстоянию между Антифиловыми и Северным устьем Истра, которое во времена источника Псевдо-Арриана называлось Голым.

По этой версии, Антифиловы укрепления должны быть локализованы где-то к северу от поселка Вилково в районе гринду Жебриенское, где, по-видимому, и проходила древняя береговая линия. Напомним, что современное Килийское гирло Дуная в античное время отсутствовало, а сама дельта постепенно смещается к северу¹⁰¹. Поэтому возможно, что остатки Антифиловых поглощены наступающей дельтой или морем. Во всяком случае, наличие укреплений при устьях рек в Северном Причерноморье в то время было, несомненно, обычным явлением. Достаточно привести в качестве примера башню Неоптолема при устье Тираса, Скопелы в устье Асиака, укрепление Александра в устье Борисфена и Гипаниса.

Заргидава, Тамасидава, Пироборидава. Эти населенные пункты известны только по версии Птолемея (Ptol., III, 10, 8): «8. Города внутри материка и в этой области следующие. По реке Гиерасу:

Заргидава	54°40' — 47°45'
Тамасидава	54°20' — 47°30'
Пироборидава	54°30' — 47°.

В литературе локализация этих пунктов напрямую связывается с местоположением реки Гиераса. Ф. Браун считал возможным отождествление этой реки с рекой Прут и соответственно определял на ней и местоположение указанных городов: Заргидава на реке Прут в области карпов, Тамасидава там же отождествляется им с селом Карпиняни, Пироборидава — с деревней Карнешти¹⁰³. К. Мюллер, руководствуясь фонетическим сходством наименования «Пироборидава» с рекой Пирет у Геродота (Her., IV, 48), отождествляемой с современным Прутом, также локализовывал этот пункт на реке Прут¹⁰³. У Р. Д. Бондаря на карте «Нижнее Подунавье в I—IV вв. н. э.» Пироборидава показана на Сирете близ населенного пункта Пояна¹⁰⁴. Мы считали возможным отождествить реку Гиерас с речкой Турунчук, что течет параллельно Днестру и фактически является его рукавом¹⁰⁵. Соответственно и все названные Птолемеем пункты определялись в своем местоположении на Турунчуке: Заргидава соотносилась с поселением Белявка III, Тамасидава — с поселением Граденицы I и Пироборидава — с поселением Троицкое III¹⁰⁶.

Однако ни одно из предполагаемых местоположений полностью не отвечает координатам Птолемея. Весьма проблематично, например, соотношение данных населенных пунктов с областью карпов (гарпииев). В «Географическом руководстве» эти племена занимают Поморье, область их распространения «внутри материка» простирается только до реки Гиераса, причем «ниже тирагетов — сарматов» (Ptol., III, 10, 7). Так что логичнее было бы связывать эти наименования не с гарпиями, а с тирагетами-сарматами Птолемея.

Помещение же Заргидавы, Тамасидавы и Пироборидавы на Турунчуке делает необъяснимым координаты города Тиры в «Географическом руководстве» «между реками Гиерасом и Тирой» (Ptol., III, 10, 8), так как Турунчук протекает к востоку от Днестра, а Тира была расположена на западном берегу нынешнего Днестровского лимана. Точно так же и локализация Пироборидавы на притоке Дуная Сирете не соответствует координатам Тиры, поскольку между Сиретом и Днест-

ром протекает Прут, который, будь Гиерас Сиретом, Птолемей вряд ли обошел бы вниманием.

Наиболее вероятным местоположением Гиераса и населенных пунктов, расположенных по нему, следует все же признать район между дельтой Дуная и Днестром, к югу от современных Бендер. Именно здесь мы и попробуем локализовать Заргидаву, Тамасидаву и Пироборидаву.

Прежде всего, определим местонахождение реки Гиерас. Для этого воспользуемся координатами самого южного из помещенных по ней пунктов — Пироборидавы.

Скорее всего, Пироборидаву следует искать в районе, где сойдутся расстояния до этого пункта от города Новиодуна, указанного Птолемеем в месте первого разделения на устья Истра (Дуная) под координатами $54^{\circ}50'$ долготы и $46^{\circ}30'$ широты (Ptol., III, 10, 2), города Тиры под координатами 56° долготы $47^{\circ}40'$ широты (Ptol., III, 10, 8) и города Гарпися под координатами 56° и $47^{\circ}15'$ (Ptol., III, 10, 7).

Выбор этих городов отнюдь не произвольный. Новиодун был лагерь и стоянкой римского флота. Его местоположение на левом берегу Дуная в районе современной Исакчи определено достаточно надежно¹⁰⁷. Здесь находилось наиболее удобное место переправы через Дунай в этом районе. На противоположном берегу было расположено предместное укрепление у с. Орловки (Картал)¹⁰⁸, отождествляемое с римской крепостью Ашиобрисе¹⁰⁹. Отсюда шла римская дорога в сторону Таврики. Часть военной дороги отмечена в районе с. Новосельское на Дунае. Далее дорога шла к Тире, где размещался римский гарнизон¹¹⁰. Можно предположить, что эта дорога пересекала так называемый Нижний вал Бессарабии, который начинался у Вадулуй Исак на Пруте, оставлял к югу от себя озера Кагул, Ялпуг, Котлабух и Китай и заканчивался на берегу последнего озера, примыкающего к дельте Дуная — озера Сасык¹¹¹, и шла параллельно ему по направлению к озеру Сасык, откуда и продолжалась к Тире.

Отсюда становится понятен и выбор в качестве опорного пункта города Тиры, надежно локализуемого на месте современного Белгорода Днестровского на правом берегу Днестровского лимана¹¹². Что касается города Гарпися, то, если предложенная нами выше его локализация верна, это был единственный, по крайней мере из известных нам, пункт, расположенный в этом районе на морском побережье, имеющей гавань, пригодную для стоянки кораблей (Strabo, VII, 3, 15), и существовавший, по всей видимости, одновременно с перечисляемыми по реке Гиерасу поселениями.

От Новиодуна Пироборидава, по Птолемею, располагалась примерно в 143 км к северо-западу, от города Тире — в 89 км к юго-западу и, наконец, от Гарписе — примерно в 56 км к юго-западу. Единственное место, где эти расстояния могли бы сойтись в одной точке — это район севернее современного озера Сасык, если учитывать широтно-долготные направления в этом районе по Птолемею в сопоставлении с реальным положением (Приложение 1, рис. 2, 3)¹¹³. Однако, если расстояние г. Тира (Белгород Днестровский) — Пироборидава и г. Гарписе (м. Бурнас) — Пироборидава совпадают вблизи современного населенного пункта Арциз на реке Когильник, впадающей в озеро Сасык, то, двигаясь от Новиодуна, мы попадем значительно восточнее. Более того, как выясняется, эти расстояния и не могут совпадать.

Дело в том, что современные Белгород Днестровский и Исаку разделяют примерно 187 км. Между тем в «Географическом руководстве» между Новиодуном и г. Тирой всего 133 км, если непосредственно соотнести их координаты (Р₁₀₁, III, 10, 2 и III, 10, 8) и почти 232 км, если определять это расстояние через Пироборидаву (89 км от Тире и 142,6 км до Новиодуна). Таким образом, между двумя пунктами мы имеем три расстояния, которые абсолютно не совпадают друг с другом. Попробуем разобраться, в чем причина такого несоответствия у Птолемея.

Прежде всего, определим, какому участку на современной карте соответствует расстояние в 232 км или, иными словами, как проходила дорога такой протяженности по направлению к Тире.

Выше мы уже отмечали, что, начинаясь от Новиодуна, она шла через Адиобрикс (Орловка) и современное Новосельское к Тире. Но как? От Новосельского до Белгорода Днестровского по прямой примерно 167 км, от Исаки до Новосельского — 20 км. Следовательно, так дорога не шла. Находки римской керамики к востоку от села Новосельское в районе г. Измаила и в г. Килия¹¹⁴ позволяют предположить, что именно здесь проходила нужная нам магистраль и что где-то в районе г. Килия она поворачивала к северу в сторону Пироборидавы. Если, таким образом, отметить расстояние от Новиодуна до Пироборидавы по Птолемею (142,6 км), то оно приведет нас на реку Когильник в район современного города Арциз, т. е. именно туда, куда мы попадаем, двигаясь к Пироборидаве соответственно от Тире или от Гарписе.

Итак, искомая точка найдена. Птолемеевскую Пироборидаву следует искать на реке Когильник в районе Арциза.

Самая же река Когильник должна быть отождествлена с рекой Гиерас, отмеченной в «Географическом руководстве» (Ptol., III, 10, 7; III, 10, 8). То, что Птолемей не дает координат ее устья, объясняется, по-видимому, тем, что она впадала в озеро, не имеющее, по свидетельству Страбона, сообщения с морем (Strabo, VII, 3, 15).

Не противоречит это и сообщению Аммиана Марцеллина о возведении высоких стен от берегов реки Гераса до Днубия в связи с движением гуннов (XXXI, 3, 7).

Если Пироборидава локализуется в районе Ардиза, то два других пункта, названные по реке Гиерасу, должны быть помещены к северу от этого места по реке Когильник.

Расстояние между Пироборидавой и Тамасидавой, по нашим расчетам, составляет чуть больше 57 км по прямой. Это приводит нас в район современного населенного пункта Бессарабка. Здесь и была расположена Тамасидава.

Последний пункт по реке Гиерасу — Заргидава — находился, по нашим расчетам, в 30,4 км от Тамасиданы, т. е. в районе населенных пунктов Гыртоп и Гура-Галбены, где его и следует искать.

Остается объяснить несоответствие между реальным расстоянием от устья Тираса (Днестра) до предлагаемого места локализации Заргидавы (примерно 150 км) и аналогичным расстоянием в «Географическом руководстве» (около 54 км). Как уже говорилось выше, Птолемей развернул участок побережья в этой зоне к северо-западу. Города же глубинки сохранили свое прежнее положение. В результате этого устье Тираса оказалось сильно приближенным к Заргидаве. Сократилось также расстояние между городом Тира и Новиодуном. В то же время расстояние по основной дороге от Новиодуна к Тире через Пироборидаву было сохранено. Оно-то и являлось главным стержнем на этом участке, к которому привязывались координаты всех остальных пунктов.

Археологически район реки Когильника изучен пока недостаточно, однако он был довольно плотно заселен как в эллинистическое ¹¹⁵, так и в римское время ¹¹⁶, а потому локализация здесь Пироборидавы, Тамасидавы и Заргидавы вполне оправдана. Кроме того, данные пункты могли и входить в систему дямеса Нижней Мезии, прикрывая отрезок дунайской границы напротив переправы через Дунай. Следующий же линией обороны был Нижний вал Бессарабии ¹¹⁷.

Никоний, Офиусса и Тира город. Сообщения античных авторов об этих городах, местоположение которых в районе Днестровского

лимана ни у кого не вызывает сомнения, относительно многочисленны, но в то же время весьма противоречивы.

Псевдо-Скилак сообщает о полисах Никония и Офиуссе, однако ограничивается названием реки Тирас, не упоминая одноименного города (Ps.-Scyl., 68). Псевдо-Скимн, сообщая о реке Тире, отмечает, что «на реке лежит соименный город Тира, основанный милетянами» (Ps.-Skymn., 798—803).

Страбон дает следующее описание этого района: «Если подняться по реке на сто сорок стадиев, то на обоих берегах встретятся города: один Никония, а другой, на левом берегу — Офиусса; жители побережья этой реки говорят, что если подняться на сто двадцать стадиев, то встретится город» (Strabo, VII, 3, 16).

Офиуссу и, возможно, Тиру упоминает Валерий Флакк в своей поэме «Аргонавтика» (VI, 84—85). Однако если в отношении Офиуссы разночтений нет, то по Тире имеются разногласия в части понимания этого топонима либо как названия города, либо как названия реки. Подробная историография этого вопроса приведена у М. В. Агбунова в «Заметках по античной географии Нижнего Поднепровья» в части, посвященной анализу этого отрывка Валерия Флакка¹¹⁸. В целом исследователи разделились на две противоположные группы. Одни (В. В. Латышев, Л. Д. Дмитриев, С. П. Кондратьев, Т. Д. Златовская) считают, что в этом отрывке поэмы указывается Тира — город, и этому соответствует перевод, приведенный у В. В. Латышева: «Покидается и стоящая на обрыве моря Тира, покидается и гора Амбенская, и сильная холодными ядами Офиусса»¹¹⁹. Другие (Коссен де Пержеваль, П. В. Беккер, Ф. А. Струве, Ф. К. Брун) под «Тирой» подразумевают реку. Этой же точки зрения придерживается и М. В. Агбунов, предлагая следующий перевод данного отрывка: «Покидается прерываемая морем Тира; покидается и гора Амбенская, и сильная холодными ядами Офиусса»¹²⁰.

Птолемей в «Географическом руководстве» дает координаты всех трех городов, определяя их местоположение «между реками Гирасом и Тирой» (Ptol., III, 10, 8).

Плиний в § 82 IV книги после Макрокремских гор упоминает «славную реку Тиру, по имени которой называется город, прежде называвшийся Офиуссой» (Plin., NH, IV, 82).

Псевдо-Арриан указывает расстояние от гавани Исаков до местечка Никония — 300 стадиев и «от местечка Никония до судходной реки Тиры 30 стадиев, 4 милл...» (Ps.-Arr., PFE, 87). В отношении

города Тиры он практически дословно повторяет Псевдо-Скимна (Pa.-Agt., PPE, 88)¹²¹.

Элий Геродниан в работе «Об общей просодии» со ссылкой на Полигистора упоминает Тирас как «город и реку у Понта Евксинского», сообщая при этом, что слово может читаться и как Тирас (II, 56, 11).

Стефан Византийский добавляет к этому, что «город назывался ещё Офиуссой» (s. v. Τίρας).

Таковы данные античной традиции о городах Тире, Офиуссе и Никонии. Можно добавить к этому еще сообщение Геродота о том, что «у устья Тираса обитают греки, которые называются тириты» (Hecod., IV, 51). Однако здесь у Геродота не имеется в виду гражданская община, приуроченная к определенному поселению, но отмечен лишь в самом общем виде тот факт, что близ устья Днестра в эпоху Геродота проживали греки¹²².

Вопрос о местоположении населенных пунктов Днестровского лимана, указываемых античными авторами, в течение длительного времени оставался спорным. В той или другой мере его касались И. А. Стемковский¹²³, П. В. Беккер¹²⁴, Ф. К. Браун¹²⁵. Вопрос местоположения Тиры получил окончательное решение после раскопок Э. Р. Штерна в 1901 г. на территории средневековой крепости с. Белгорода-Днестровского (Аккермана)¹²⁶ и в настоящее время на у кого не вызывает сомнения.

В отношении Никония среди ученых единства нет, хотя подавляющее большинство из них отождествляет с Никонием Роксоланское городище. В пользу этого, в частности, высказывались П. В. Беккер¹²⁷, В. И. Гошкевич¹²⁸, П. О. Карышковский¹²⁹. М. В. Агбунов также отождествляет Никоний с городищем, расположенным на северной окраине с. Роксоланы: «Никоний раскинулся между южной и северной балками и по длине был вытянут поперек реки. Западная часть города затоплена и разрушена лиманом»¹³⁰.

В то же время М. С. Силицын высказал предположение, что раскопываемый им памятник — древняя Офиусса¹³¹.

Наиболее сложным и запутанным является вопрос локализации Офиуссы. Если в отношении Никония спорным является только то, с каким из городищ его следует отождествить, то в отношении Офиуссы до сих пор нет единого мнения о том, был ли это самостоятельный город или это второе более раннее название Тиры. Приведенные выше свидетельства античных авторов однозначного ответа на этот вопрос не дают. Если Плиний и Стефан Византийский говорят об одном горо-

де с двойным названием, то Птолемей, например, явно указывает Тиру и Офиуссу под разными координатами.

Литература по этому вопросу весьма обширна и подробно разбирается М. В. Агбуновым в «Заметках по античной географии Нижнего Поднестровья»¹³². И. А. Стемповский¹³³, Э. Г. Муральт¹³⁴, Келер¹³⁵ однозначно отождествляли г. Офиуссу с Тирой. П. В. Беккер выдвинул положение о существовании двух городов по имени Офиусса¹³⁶, один из которых позднее был переименован в Тиру. С этой точкой зрения был согласен и Ф. А. Браун¹³⁷, и Ф. К. Брун¹³⁸, отрицавшие, правда, возможность одновременного существования двух Офиусс, но допускавшие перенесение города на другое место с последующим изменением его названия. Ранний город Ф. К. Брун помещал у с. Коротного, а Ф. А. Браун — у с. Маяки. Таким образом исследователи пытались объяснить сведения Птолемея. Э. Р. Штери объяснял указание Птолемея и Тиры, и Офиуссы просто незнанием географа¹³⁹ и однозначно отождествлял Офиуссу и Тиру. Ф. Билябель¹⁴⁰ и, спустя длительное время после него, Т. Д. Златковская на основе исправления текстов Псевдо-Скилака и Страбона, напротив, отстаивали точку зрения о существовании отличного от Тиры города Офиуссы¹⁴¹. М. В. Агбунов, вновь основываясь на принятой им палеогеоморфологической картине Нижнего Поднестровья и анализе спорного отрывка Страбона, приходит к выводу о существовании на острове между двумя рукавами реки напротив Никоиня города Офиуссы, «остатки которого в настоящее время находятся на дне лимана под 4—6-метровым слоем лиманно-морских осадков»¹⁴². При этом в качестве общего ориентира района понсков М. В. Агбунов указывает срединную часть Днестровского лимана западнее-северо-западнее Никоиня¹⁴³.

Точка зрения М. В. Агбунова была подвергнута критике П. О. Карышковским¹⁴⁴ и С. Б. Охотниковым¹⁴⁵. В то же время мы, основываясь на данных Птолемея, считали возможным локализацию Офиуссы на дельтовом острове¹⁴⁶. Однако, как показали более детальные палеогеографические исследования, дельтовый остров, хотя и существовал в устье Днестра, «но был совершенно непригоден для постоянного обитания людей и тем более для строительства каких-либо сооружений земляночного или наземного типов»¹⁴⁷. Предлагаемая И. В. Бруяко и В. А. Карповым реконструкция Днестровского лимана в античную эпоху¹⁴⁸ опровергает главный довод М. В. Агбунова о существовании Офиуссы на дельтовом острове, а именно то, что «лопасть из Никоиня в Тиру было довольно непросто, так как прямого

пути к ней не было. Для этого необходимо было подняться до верховьев дельты, где река разделялась на два рукава, войти в правый рукав и по нему спуститься к Тире или же спуститься от Никония вниз, к месту, где рукава реки вновь сливались, войти в первый рукав и по нему подняться к Тирем¹⁰⁹. Отсюда М. В. Агбунов делает вывод, что поскольку согласно тексту Офиусса находилась напротив Никония в непосредственной близости от него, то речь может идти о Тире, и «остается предполагать, что город Офиусса располагался на острове между двумя рукавами реки»¹¹⁰. Однако, как это следует из палеогеографической реконструкции И. В. Брушко и В. А. Карпова¹¹¹, рукава Днестра переплетались между собой как раз между Тирой и Никонием и, следовательно, никакой сложности, чтобы попасть из одного города в другой, не существовало, по крайней мере, в середине I тыс. до н. э. Таким образом, точка зрения М. В. Агбунова лишается обоснования и не может быть признана убедительной.

В то же время и противоположное мнение, основанное только на одном источнике (так, например, М. В. Скржинская, опираясь на сведения Плиния, считает, что Офиусса — «Зменный город» — древнее название Тиры¹¹²), не может считаться окончательным. Объяснение сведений Птолемея простой ошибкой Географа, вытекающей из компилятивного характера его труда, по сути дела, является уходом от решения данной проблемы, и потому этот вопрос будет по-прежнему оставаться открытым.

Для того чтобы показать ошибку или правоту Птолемея, обратимся сначала к свидетельству Страбона. Главная проблема в толковании данных Страбона заключается в том, как понимать указание Страбона о городе, который, по словам местных жителей, располагался в 120 стадиях вверх по реке (Strabo, VII, 3, 16). Либо его следует считать третьим городом — возможно, Тирой, либо это простое уточнение расстояний. М. В. Агбунов совершенно прав, что решение этого вопроса в условиях неоднозначного толкования отрывка, зависит исключительно от доверия исследователя к тому или другому источнику, дающему, в отличие от Страбона, однозначно понимаемое свидетельство¹¹³. Сам же он склонен считать, что «Страбон соединил воедино два разновременных отрывка, в которых отсчет расстояния до населенных пунктов дан от разных местоположений устья, а под “рекой” фигурируют разные ее рукава»¹¹⁴. Однако, как уже говорилось выше, коль скоро никакого смещения устья не было, то становится непонятным явно завышенное (140 стадиев) расстояние до Никония.

В то же время из текста Страбона не ясно, откуда велся отсчет этого расстояния. Ни у кого не вызывает сомнения, что «подняться по реке» предполагает движение от ее устья. Но так ли это?

С чего начинается Страбон анализируемый отрывок? «При устье Тиры находится башня, называемая Неоптолемовой, и деревня, известная под названием Гермонактовой» (Strabo, VII, 3, 16). И только после этого идет: «Если подняться по реке...» и т. д. Так почему же нельзя допустить, что в данном случае все расстояния (как 140 стадиев, так и последующие 120 стадиев) отсчитывались именно от этих пунктов, находившихся на известном расстоянии от устья? Что касается города (πόλις) в 120 стадиях, то, на наш взгляд, здесь действительно дается уточнение, но не в отношении Офиуссы или Тиры, а в отношении Никония, который-то как раз и расположен по отношению к Тире ниже по течению. Разница же в 20 стадиев — это и есть расстояние между этими городами. Таким образом, в отрывке Страбона речь идет только о двух городах, причем расстояние до Никония дается и в уточненном по сведениям местных жителей варианте. Для обозначения же Тиры Страбон использует ее более раннее название — Офиусса.

Еще более запутанными выглядят сведения о Нижнем Приднестровье у Псевдо-Арриана: «...от гавани Иснаков до местечка Никония 300 стадиев, 40 миль; от местечка Никония до судоходной реки Тиры 30 стадиев, 4 мили...» (Рз.-Авт., PPE, 87). Из этого отрывка следует, что вначале источник Псевдо-Арриана попадает в Никоний — и действительно, расстояние в 300 стадиев (от 47 до 63 км) от гавани Иснаков (Одесский залив) приводит нас к Роксоланскому городищу через устье Днестра, а уже затем отправляется дальше. Однако в Никоний можно было попасть и не через устье Тираса. Об этом мы уже подробно говорили при определении местоположения города Фиски и здесь повторяться не будем. И хотя такой путь несколько короче указанного у Псевдо-Арриана, полностью исключать его нельзя. Впрочем, для нас это не имеет принципиального значения, так как в обоих случаях Никоний назван раньше, чем река Тира.

Итак, ясно, что далее путь нашего источника лежал по направлению к устью Тиры. Однако, как совершенно справедливо отмечает М. В. Агбунов¹⁵⁵, после Никония названо не устье Тиры, а расстояние от Никония до западного рукава реки. И тогда понятным становятся последующие 120 стадиев до башни Неоптолема: они полностью совпадают с расстоянием до безымянного города у Страбона — т. е. до Никония.

Птолемей, единственный из всех авторов, дает координаты трех городов: Никония, Офнуссы и Тире (РѳоI, III, 10, 8) и, на первый взгляд, не оставляет никаких сомнений в территориальном их разграничении. Нет, впрочем, и никаких сомнений в том, что Птолемей при составлении карты Нижнего Поднепровья пользовался разновременными источниками. Причем один из них, вероятно, более ранний, очень близок к Страбону, а другой, более поздний, возможно, отражает реальную картину, близкую и синхронную времени Птолемея.

Как мы показали выше, этот второй источник, следующий по направлению от Истра к г. Тире, был для автора «Географического руководства» главным. Все остальные координаты в случае расхождений привязывались к ключевым объектам. В рассматриваемом нами районе Нижнего Поднепровья таким ключевым пунктом, безусловно, мог быть только г. Тира — конечный пункт на этом участке дороги, ведущей из Мезии в Крым.

В I в. н. э., вероятно, ко времени наместничества Т. Плавтия Сильвана, г. Тира входил в состав Нижней Мезии (что ясно следует и из текста «Географического руководства», где координаты города Тире даны в рамках именно этой римской провинции) и здесь находился римский гарнизон¹⁰⁴.

Итак, если город Тира служил опорным пунктом в системе координат Птолемея по Нижнему Поднепровью, то ее координаты относительно других пунктов вдоль магистрали «Мезия — Таврический полуостров» должны были быть сохранены. Из этого мы и будем исходить при дальнейшей работе со сведениями Птолемея.

Следующим за Тирой пунктом, по направлению к Таврике, является город Фиска. Выше мы предположили, что от него была прямая дорога по направлению к Никонии и, возможно, в первую очередь — к городу Тире. Если это так, то координаты Фиски по отношению к Тире должны быть сохранены, т. е. расстояние между этими пунктами должно соответствовать действительности. Тиру и Фиску разделяют 40' долготы, что для первой зоны составляет чуть больше 21 километра. Указанное расстояние почти точно приводит нас в район устья реки Барабой, т. е. именно туда, где мы ранее и определяли местоположение города Фиски. Причем в данном случае город Фиска сохранил и пространственное расположение по отношению к городу Тире: практически на одной с ним широте к западу. Все остальные пункты по внешнему Днестровскому лиману оказываются по отношению к этой паре сдвинутыми и не соответствуют своему реальному положению.

Так, Офиусса и Никоний оказались намного севернее, причем последний на большем удалении от устья, чем Офиусса. При этом общее пространственное положение сохранено: Офиусса — слева, Никоний — справа. Искажено и пространственное положение устья Тирм. В «Географическом руководстве» оно оказалось на одной долготе с Никонием и на одной широте с городом Тира (Ptol., III, 10, 7—8).

Посмотрим теперь, каким образом это отразилось на линейных расстояниях между этими пунктами.

Предположим, что источник, дающий описание основной магистрали «Мезия — Таврический полуостров», не указывал устья реки Тираса (оно оставалось в стороне) и в то же время следующим за Тирой помещал приморский город Фиску, причем к западу от нее. Не зная конфигурации этого побережья, Птолемей указывает устье Тирм на одной с городом широте. Однако из других источников ему известно, что город Тира расположен на определенном расстоянии от устья одноименной реки, и географ отодвигает устье к западу, не нарушая при этом плавного расстояния между городами Фиской и Тирой. Так город Тира вместо того, чтобы лежать на одноименной реке, оказался «между реками Гиерасом и Тирой» (Ptol., III, 10, 8).

Другой источник, вероятно, давал описание этого района от устья, аналогично «Географии» Страбона, и называл здесь два пункта: Офиуссу и Никоний. Координаты Офиуссы давались от устья Тираса, однако последнее в «Географическом руководстве» изменило свое положение, оказавшись «сдвинутым» на широту одноименного города. Следовательно, указанное между устьем Тираса и Офиуссой расстояние в 20' широты (38 км) включает не одно, а два расстояния:

- 1) Между устьем Тираса и городом Тирой — 20' долготы или 10,6 км;
- 2) Собственно расстояние между устьем реки и Офиуссой.

Отсюда получаем второе расстояние, равное 27,4 км. Это и есть искомые данные первоисточника, и они очень близко совпадают со сведениями Страбона — 25,9 км. Таким образом, если отсчет велся от башни Неоптолема, то и Офиусса Птолемея, и Офиусса Страбона должны быть локализованы на месте современного Белгорода-Днестровского, т. е. территориально совпадают с городом Тирой и, следовательно, тождественны ей.

Вместе с Офиуссой изменилось и положение названного с ней в паре Никония, однако он оказался отодвинут к северу еще дальше, так как широтные координаты Никония включают уже не два, а три рас-

стояния от устья Тираса. Во-первых, это расстояние до города Тире (10,6 км); во-вторых, это расстояние до Офиуссы (27,4 км) и, наконец, в-третьих, это собственно расстояние до Никония. В «Географическом руководстве» устье Тираса и город Никоний отделяют 57 км. За вычетом первых двух расстояний получаем 19 км, что очень близко к другой цифре Страбона — 120 стадиев, или примерно 22 км, до безымянного города (Strabo, VII, 3, 16). Таким образом, к уже фактически указанному расстоянию Птолемей ошибочно добавил еще дополнительно 120 стадиев, которые в действительности лишь уточняли расстояние от устья Тираса до Никония по сравнению с аналогичным расстоянием до Офиуссы.

В пользу такой интерпретации говорит и анализ долготных и широтных координат вне зависимости друг от друга (Ptol., III, 10, 7—8).

	долгота	широта
Никоний	56°20'	48°10'
Офиусса	56°	48°
Тира город	56°	47°40'
устье реки Тире	56°20'	47°40'

По долготе устье Тираса сдвинуто к западу на 20'. Восстановив *status quo*, мы получаем картину, в точности соответствующую действительности.

Тира (Офиусса) и устье реки Тираса расположены на одной долготе, Никоний же удален к западу на 10,6 км, что соответствует расстоянию между нынешним Белгородом-Днестровским и Роксоланским городищем.

В широтном направлении устье Тираса было приближено к городу Тире на те же 10,6 км, что в пересчете на градусы широты составляет примерно 10' (Ptol., VIII, 10, 1). Произведем обратный пересчет, учитывая при этом, что каждый последующий пункт включает в свои координаты 10' своего предшественника. Исключение составляет город Тира, принятый Птолемеем в качестве *constantis*. Иными словами, если устье реки Тираса поднято на 10', то Офиусса — уже на 20', а Никоний — на 30'. Соответственно в обратном направлении действует обратная прогрессия.

Итак, в результате получаем, что Никоний, Офиусса и город Тира имеют общую широту и отстоят от устья Тираса на 10' широты, т. е. на те самые 19 км, или 120 стадиев Страбона, которые должны отделять Никоний от башни Неоптолема, откуда начинался отсчет.

Сопоставим теперь полученные результаты между собой:

Никоний	56°20'	47°40'
Офиусса	56°	47°40'
Ти́ра город	56°	47°40'
устье реки Ти́ры	56°	47°30'

Нетрудно убедиться, что из четырех пунктов у нас осталось три, причем их координаты включают обе цифры Страбона. Расстояние от устья Ти́ры до Никония дает цифру около 22 км, а от устья до Ти́ры города — 19 км.

Данные Птолемея позволяют проследить и маршрут движения корабля по реке. Вначале путь шел к Никонию (именно поэтому в «Географическом руководстве» он расположен на одной долготе с устьем реки), а уже затем к Ти́ре городу (20' долготы соответствуют расстоянию между ними). Точно так же шел и прямой путь от города Фиски. Однако Птолемей пользовался источником, следующим по дороге в обратном направлении, и в этом случае вначале была Ти́ра, а уже после нее — Никоний. Этот источник был для Птолемея или его предшественника Марина Тирского основным. Вот почему, Никоний и оказался дальше от устья Ти́раса, чем Ти́ра город. Отсчет велся от Ти́ры. Возможно, именно наложение и привело к столь неудачной комбинации разновременных источников.

Таким образом, античная традиция сохранила применительно к побережью нынешнего Днестровского лимана название только двух городов: Ти́ры и Никония. Офиуссу же следует считать вторым, возможно, более ранним названием города Ти́ры.

Несколько слов о названии «Офиусса». М. В. Агбунов приводит его значение — «змеиный остров» в качестве одного из доказательств локализации Офиуссы именно на дельтовом острове¹⁵⁷. Подкрепляя свою версию, он, в частности, пишет: «В древнегреческом мире известно около десяти городов с таким названием, и все они действительно имели островное положение. Почему же наша Офиусса должна быть исключением»¹⁵⁸. Однако слово *ὄφιοις* является всего лишь прилагательным «змеиный»¹⁵⁹. И добавление к нему соответствующего существительного остается на усмотрение автора. М. В. Скржинская, например, трактует его как «Змеиный город»¹⁶⁰. Что касается островного положения городов-тезок, то это название вполне могло первоначально относиться к древнему острову на месте нынешней Днестровской банки — того самого, на котором стояла, по нашему мнению,

сторожевая башня-маяк, носившая название Неоптолемовой, и на котором, наверное, первоначально и были какие-то поселения — может быть, тех самых греков-тиритов, о которых упоминает Геродот (Herod., IV, 51). Однако никакого отношения ни к Тире, ни к Офиуссе, называемым античными авторами, эти поселения не имели. В данном случае возможен лишь перенос близлежащего топонима на название основанного города. Что касается названия Тира, то оно закреплялось за городом постепенно, по мере усиления позиций города в Нижнем Поднестровье, пока окончательно не вытеснило прежнее «Офиусса», оставив последнему место лишь в трудах историко-географического плана.

Таким образом, еще раз подчеркнем, что в настоящее время нет никаких оснований считать Офиуссу третьим, отличным от Тиры, городом, и ее соотнесение с античным городищем на месте современного Белгорода-Днестровского не вызывает никаких сомнений.

Город Тира располагался в северо-восточной части Белгорода-Днестровского, на небольшом, выступающем к северу мысу трапециевидной формы. Площадь античного города не определена, частично разрушена водами лимана и позднейшими перестройками. В настоящее время сохранилось не более 15—17 га. Время основания города пока точно не установлено. К VI—V вв. до н. э. относятся находки лишь единичных вещей.

В первые века нашей эры Тира переживает экономический расцвет, чему способствовало расположение города на важной в экономическом и стратегическом отношении дороге, ведущей из Мезии в Крым¹⁶⁴. Именно в этом качестве город Тира выступает в «Географическом руководстве» Клавдия Птолемея.

Никоний располагался на противоположном восточном берегу Днестровского лимана. И хотя археологические данные, которые позволили бы окончательно определиться с местоположением этого города, отсутствуют, его отождествление с городищем, расположенным северо-западнее с. Роксоланы Овдинопольского района Одесской области Украины, не вызывает сомнения.

Городище расположено на высоком надлиманном плато, с запада оно в настоящее время заканчивается высоким обрывистым берегом Днестровского лимана. С севера и юга городище ограничено глубокими балками. Его западная часть в настоящее время разрушена. Сохранившаяся площадь городища — несколько более 3 га.

Возник Никоний, по-видимому, во второй половине VI в. до н. э. Около третьей четверти IV в. до н. э. в результате военного нападения

Никоний был разрушен, но в последней четверти или в конце IV в. до н. э. жизнь в нем возобновилась. В конце III или в начале II в. до н. э. Никоний подвергся вторичному разрушению, и жизнь в городе восстанавливалась медленно¹⁴².

В первые века н. э. размеры города возросли по сравнению с предыдущим периодом. Была заселена не только территория городища, но и соседнее небольшое плато к югу от городища. Этот последний период в жизни города связан с римским влиянием. Вероятнее всего, Никоний в первые века н. э. был закрытым поселением с прилегающим к нему еще одним поселением¹⁴³ и также находился на дороге из Мезии в Таврический полуостров, о чем уже говорилось выше.

На Никонии мы заканчиваем разбор сведений античных авторов по населенным пунктам, отнесенным нами к первой зоне — от устья Истра (Дунай) до Борисфена (Днепра). Предлагаемая локализация этих пунктов позволяет сделать некоторые общие выводы, касающиеся характера географических сведений, сохранившихся в античной традиции применительно к рассмотренному району.

Наиболее ранние сведения, восходящие, возможно, к начальному периоду освоения греками этого побережья, сохранились, на наш взгляд, в изложении Плиния. На это указывает характер описания, где преобладают топонимы, обозначающие физико-географические объекты: Макрокремниские горы, река Тира, упоминание реликтового острова, вероятно, бывшего на месте нынешней Днестровской балки, река Асиак, река Рода, залив Сагтарийский, образованный, возможно, отчасти островом, существовавшим некогда на месте нынешней Одесской балки. Безусловно, Плиний вносил некоторые коррективы, в частности, уточненное название Офиуссы или города Кремнискоу, возможно, на месте более раннего Эполнэ, однако в целом ранний характер описания этого побережья у Плиния сомнений не вызывает. Отчасти на это указывают и включенные в этот же отрывок наименования Ольвия как «Ольвиополя или Милетополя» (Plin., NH, IV, 82). Обращает на себя внимание и тот факт, что уточняющие пояснения по названиям даются только там, где присутствует цифровой материал, почерпнутый, как показала М. В. Скржинская¹⁴⁴, из произведений современников Плиния.

Следующая группа сведений относится уже к эллинистической эпохе и уходит своими корнями в IV—III вв. до н. э., а возможно, и несколько раньше. Во всяком случае, как показывает сопоставление сведений письменной традиции с данными палеогеографии, эта карти-

на отражает ситуацию после середины I тысячелетия до н. э. Особенностью сохранившихся сведений является то, что в подавляющем большинстве они дошли в изложении более поздних авторов, в трудах, преимущественно носивших компилятивный характер. Сведения более ранних источников — Псевдо-Скимна и Псевдо-Скиллака — весьма отрывочны и дают лишь неполное описание низовьев Днестра, называя только крупнейшие города — Тиру (Офнуосу) и Никоний. Сведения Страбона, отчасти Птолемея и особенно Псевдо-Арриана по этому побережью значительно более подробны.

Общим у всех вышеназванных авторов является довольно полное и детальное описание низовьев Днестра. Возможно, с середины IV в. до н. э. Тира служила промежуточным пунктом при плавании вдоль западного и северо-западного побережья Черного моря¹⁶⁷, и столь подробное описание устья Днестра в этом случае не случайно. На этом участке к эллинистической эпохе могут быть отнесены: Тира (Офнуса), Никоний, деревня Гермонактова и башня Неоптолема. В полном объеме они названы только у Страбона (Strabo, VII, 3, 16). Некоторые общие особенности изложения у Страбона, Птолемея и Псевдо-Арриана, о чем было сказано выше, позволяют сделать вывод о наличии общего для всех них источника.

Самое подробное описание участка побережья от устья Борисфена до Истра, относящееся именно к эллинистической эпохе, содержится в «Перипле Понта Евксинского» Псевдо-Арриана. Помимо вышеназванных пунктов (исключение составляет деревня Гермонактова), он называет здесь еще, по крайней мере, четыре — Ордесс, Скопеллы, Кремниски и Антифиловы. Наша оговорка «по крайней мере» связана с тем, что нет полной ясности в отношении наименований «гавань Иснаков» и «гавань Истриан», обозначенных также у Арриана (Агг., PPE, 31). Отожествляемые с ними поселения как будто бы дают преимущественно материал IV—III вв. до н. э., однако в то же время у Хаджибейского дельты обнаружен римский лагерь¹⁶⁸, и именно отсюда у Арриана идет прямой морской путь к Истрии. Во всяком случае, возможность отнесения и этих пунктов к эллинистической эпохе достаточно велика.

Один из источников Псевдо-Арриана нам известен с его слов. Это географ Артемидор. Однако, судя по тому, что Аноним полемизирует с ним (Рв.-Агг., PPE, 89), был еще и другой, имя которого нам неизвестно, но которому Псевдо-Арриан доверял больше.

Наконец, последний этап, отраженный в дошедших до нас источниках, связан, вероятно, с рубежом — первыми веками н. э. Наибо-

лее полное отражение картина этого времени нашла в «Географическом руководстве» Клавдия Птолемея. У Страбона к этому времени, по-видимому, может быть отнесено упоминание о двух озерах, одно из которых может служить гаванью между устьями Истра и Тираса (Strabo, VII, 3, 15).

Клавдий Птолемей — пожалуй, единственный из всех авторов, что-либо сообщающих об этом районе, — использовал не только и, возможно, не столько перипл побережья, сколько карту римских дорог. Сведения Птолемея дают нам очень редкую возможность проследить на участке от Новиодуна до устья реки Асиак одну из важнейших трасс римского времени — дорогу Мезия — Таврический полуостров. Начинаясь от Новиодуна, эта дорога шла через Алиобрикс (Орловка), современное село Новосельское, вдоль северного устья Дуная и где-то в районе нынешнего города Кадия поворачивала в сторону города Тире (Белгород Днестровский). В районе современного города Арциза дорога проходила через Пироборидаву. Здесь, вероятно, находилась одна из линий лимеса Нижней Мезии. Во всяком случае, именно здесь по реке Гиерасу (современный Когильник) Птолемей называет целый ряд населенных пунктов. К северу от Пироборидавы находились и Тамасидава, в районе современной Бессарабки, и Заргидава, где-то в районе населенных пунктов Гыртоп и Гура-Галбеней. К югу от нее на побережье располагался город Гарпис, в районе современного озера Бурнас. Кроме того, здесь же заканчивался и так называемый Нижний вал Бессарабии, берущий начало у Вадулуй Исак на Пруте и заканчивающийся на берегу озера Сасык, в которое впадала река Гиерас и которое, вероятно, обозначено у Страбона как озеро, не имеющее сообщения с морем.

Обращает на себя внимание тот факт, что все три названных по Гиерасу поселения имеют ярко выраженное гето-фракийское происхождение — окончание «дава». Возможно, что они связаны с упомянутыми у Птолемея тирагетами-сармитами, область проживания которых определятся выше гарписей (Ptol., III, 10, 7), с которыми связано название города Гарписа, так как последний находился именно в их области.

От Пироборидавы дорога продолжалась к городу Тире, далее через Никоний и город Фиску, минуя устье Тираса, к устью реки Асиак, где, как уже отмечалось, в районе Хаджибейского лимана обнаружены следы римского лагеря. Дальнейшее ее продолжение связано уже с другим районом, о котором речь пойдет ниже.

В литературе уже высказывалась мысль, что поскольку Птолемей пользовался данными Марина Тирского (I в. н. э.), то «вне исключена возможность, что в своем труде он отразил ситуацию, сложившуюся после военных действий Т. Плавтия Сильвана к северу от Дуная»¹⁴⁷. Приведенная нами интерпретация сведений Птолемея по Нижней Мезии как будто бы не противоречит этому.

Сведения античных авторов по району Нижнего Поднестровья позволяют отчасти определить методiku их работы при составлении компилятивного труда. В качестве своеобразного стыковочного узла между различными разновременными источниками служили, вероятно, такие пункты, которые были для них общими. Для Нижнего Поднестровья таким пунктом, скорее всего, был Никоний, отмеченный как в ранних, так и поздних работах, или же Тира (Офиусса), хотя последний, в силу недостаточной ясности в соотношении этих названий, локализовать было довольно затруднительно. Именно в местах таких стыков чаще всего наблюдаются всякого рода разночтения и определенная путаница. Даже Птолемей, имевший на руках современный источник и весьма строго придерживавшийся его, не смог избежать довольно серьезных ошибок при описании района современного Днестровского лимана.

К рассматриваемому району относятся еще пять населенных пунктов, обозначенных на карте Птолемея «выше реки Тиры, окопо Даккиа» (Ptol., III, V, 14—15), поэтому, несмотря на то что они помещены вне пределов Нижней Мезии, мы рассмотрим их в этой главе. Так как в рамках выделенных нами внутри «Географического руководства» зон они включены во вторую, то здесь действуют показатели именно этой зоны (1' долготы — 0,83 км, 1' широты — 1,875 км).

Метоний, Карродун, Клеидава, Вибантоварий, Эракт. Населенные пункты внутри материка известны только из сообщения Птолемея (Ptol., III, V, 14—15). Последовательность их перечисления не оставляет сомнений в том, что источник, которым пользовался географ, двигался с востока на запад. Причем речь в данном случае идет не о последовательности размещения пунктов в речных долинах конкретных рек, а об общем направлении движения от одной реки к другой. И действительно, после перечисления городов по реке Каркини-ту, которую мы отождествляем с рекой Чатырлык в северном Крыму и потому остановимся на ней позже, следует маршрут по Борисфену (Днепру), затем по его рукаву и, наконец, по Тире. Впрочем, в отношении последнего имеются разночтения.

В переводе И. П. Цветкова вышеназванные пункты должны быть территориально размещены «выше реки Тирис около Дакин»¹⁶⁸, т. е. на левом берегу Днестра, что противоречит данным археологии. Крупных поселений на левом берегу ко II в. н. э. не было¹⁶⁹, впрочем, и в более раннее время правый берег был заселен значительно более плотно¹⁷⁰. Однако именно на левом берегу Днестра расположены эти пункты на картах Ф. А. Брауна¹⁷¹ и Ю. А. Кулаковского¹⁷². Более правильным, на наш взгляд, является перевод Ф. В. Шелова-Коведяева, трактующий это место как «за рекой Тирис в сторону (к) Дакин»¹⁷³. Во всяком случае, доказательства, предлагаемые Ф. В. Шеловым-Коведяевым при разборе данного отрывка, кажутся вполне убедительными, и текст в этом случае полностью согласуется с археологической ситуацией в регионе.

Попытки локализации населенных пунктов, названных Птолемеем за рекой Тирасом, как уже отмечалось выше, предпринимали Ф. А. Браун и Ю. А. Кулаковский. Однако если Ю. А. Кулаковский считал возможным определить местоположение всех пяти городов по левому берегу Днестра¹⁷⁴, то Ф. А. Браун локализует Эракт на Тилигуле у Ананьева¹⁷⁵. В обоих случаях используется простой пересчет координат Птолемея на линейные меры.

Единственная попытка соотношения одного из названных пунктов — Метония — с конкретным археологическим объектом была предпринята в совместной статье М. А. Романовской, Ф. В. Шеловым-Коведяевым и А. Н. Щегловым¹⁷⁶. На основе анализа археологического материала (М. А. Романовская), лингвистического разбора относящегося к Метонии отрывка из «Географического руководства» (Ф. В. Шелов-Коведяев) и конкретной интерпретации указанных по этому населенному пункту координат (А. Н. Щеглов) авторы приходят к заключению, что единственным городищем, отвечающим всем этим параметрам, является в этом районе городище Рудь, расположенное на правом берегу Днестра в 16 км к югу от современного города Атаки¹⁷⁷.

А. Н. Щеглов приходит к этому заключению через непосредственный анализ координат Птолемея, построив для этого две рекомендованные Птолемеем проекции — прямоугольную и простую (равностороннюю) коническую¹⁷⁸, после чего, используя различные значенияstadia, путем простого пересчета определяет местоположение города¹⁷⁹.

Предпринятая нами локализация всех пяти населенных пунктов позволила более точно определить городище Рудь как античный Метоний. Что касается остальных объектов локализации, то их местоположение мы обозначили следующим образом¹⁸⁰:

Карродун	—	селище Наславча I
Клепдава	—	селище у села Попенки
Вибантоварий	—	селище у села Охричич (в двух километрах к северо-востоку)
Эракт	—	селище Вадуп-Луй-Воде

Не отказываясь от территориального размещения всех пунктов на правом берегу Днестра, мы все же считаем необходимым внести некоторые коррективы и дополнения, которые позволят извлечь большую информацию из сведений Птолемея, чем простая локализация перечисленных у него городов.

В «Географическом руководстве» интересующий нас отрывок звучит так (Ptol., III, 5, 15): «За рекой Тирас в сторону (к) Дакии ¹⁸¹»:

Карродун	49°30'	—	48°40'
Метоний	51°	—	48°30'
Клепдава	52°30'	—	48°40'
Вибантоварий	53°10'	—	48°40'
Эракт	53°30'	—	48°40'».

Прежде чем приступить к локализации этих пунктов — несколько слов по поводу существенного разворота реки Тираса в долготном направлении в трактовке Птолемея. Этот разворот явился следствием общего искажения очертаний Европы в «Географическом руководстве» в широтном направлении. Исходя из этого, как совершенно правильно замечает А. Н. Щеглов ¹⁸², «составитель карты, по-видимому, вынужден был на значительном протяжении проложить течение реки Тирис строго с запада на юго-восток, вместо действительного общего направления с северо-запада на юго-восток».

Определение местоположения городов по Тирасу мы начнем с самого южного из них — Эракта. Для этого прежде всего выберем точку отсчета. Ею может быть только такой пункт, который в данном районе был для Птолемея опорным, к которому он привязывал все остальные объекты и пространственное положение которого он не нарушал. В этом месте, как мы уже определили выше, таким пунктом был город Тиры. Тиру и Эракт разделяет 150' по долготе и 60' по широте. Прямое расстояние между ними составляло примерно 168 км, что приводит нас на правый берег Днестра несколько севернее того места, где в него впадает река Реут.

Чтобы быть уверенными, что это то место, которое нам нужно, воспользуемся еще одним опорным пунктом. На этот раз это будет Нови-

одуя (Исакча). Эракт отделяет от Новиодуна 80' по долготе и 130' по широте. Прямое расстояние составит чуть меньше 253 км, что уведит нас значительно севернее места впадения в Днестр Реута.

Однако ранее мы уже видели, что расстояния, которые в подобных этому случаях использовал Птолемей, напрямую зависели от направления дорог. Попробуем определить, как проходила дорога в этом случае. Вряд ли она повторяла, даже частично, дорогу на Тиру (Птолемей обычно не повторяется). В «Географическом руководстве», помимо Новиодуна, названа еще одна римская крепость — Диногетия (ее координаты 53° долготы и 46°40' широты) (Ptol., III, 10, 1), расположенная у поворота Истра напротив современного Галаца¹⁸⁰. Предположим, что дорога в северном направлении шла отсюда. Но как?

Расстояние между Диногетией и Эрактом по прямой составляет около 226 км, что довольно много. Логично было бы предположить наличие какого-то промежуточного пункта. Им может быть один из двух, расположенных по пути следования к Эракту, но уже названных Птолемеем раньше пунктов — Тамасидава и Заргидава. На наш взгляд, это была Заргидава, как самый северный из пунктов, перечисленных по реке Гиерасу (Когильнику). Тамасидава же служила промежуточным пунктом между северной и южной дорогами (напомним, что последняя проходила через самый южный по Гиерасу пункт — Пироборидаву). Полученное расстояние в 226 км, проведенное через место предполагаемой локализации Заргидавы (в районе современных населенных пунктов Гыртоп и Гура-Галбене), приводит нас почти в ту же точку, что и расстояние от города Тиры до Эракта, т. е. в район немного севернее впадения реки Реут в Днестр. Здесь и находился древний Эракт.

Данный район весьма примечателен в археологическом плане. В эллинистическое время, в IV—III вв. до н. э., здесь было сосредоточено большое количество гетских городищ и поселений¹⁸¹. Одно из таких поселений, известное в литературе под названием «Городище», расположено довольно близко от полученного местоположения Эракта. Известно, что часть из этих поселений продолжала существовать и в римское время (например, городище Рудь¹⁸²). Однако здесь известны и поселения более позднего, чем эллинистическое, времени. Причем они также весьма компактно и в большом количестве располагались по нижнему течению Реута и в междуречье между ним и Днестром. Речь идет о памятниках так называемой культуры Поянешти-Лукашешка¹⁸³, которые некоторые исследователи склонны соотносить с бас-

тариями Страбона, которые смешались с фракийцами¹⁸⁷. Возможно, одно из этих поселений и носило название Эракт.

Следующий за Эрактом населенный пункт, называемый в «Географическом руководстве» — Вибантоварий, отстоял от него всего на 20⁰ долготы или на 16,6 км. Это приводит нас примерно в район современного села Попенки Рыбницкого района. В прежнем варианте мы определяли здесь местоположение Клепидавы¹⁸⁸. И вновь район очень интересен. На относительно небольшом пространстве здесь сосредоточено сразу четыре городища гетского времени, причем одно из них — городище «Выхватиница» расположено на левом берегу Днестра¹⁸⁹, что, возможно, указывает на имевшую здесь в древности место переправу.

Памятников культуры Поянешти-Лукашевка непосредственно в этом районе как будто бы нет¹⁹⁰. Однако это не значит, что жизнь в этом районе прекратилась. Так, на ряде селищ, в том числе у с. Попенки, появляется и даже заметно преобладает керамика черняковского типа¹⁹¹.

Следующий населенный пункт — Клепидава — расположен на карте Птолемея в 33,2 км от Вибантовария. Это приводит нас в район к северу от современного районного центра Рыбницы в место, где Днестр делает небольшую петлю, отклоняясь к востоку. И вновь любопытное скопление городищ гетского времени, причем так же, как и в случае с Вибантоварием, одно из городищ расположено на левом берегу Днестра (еще одна переправа?)¹⁹². Памятники культуры Поянешти-Лукашевка представлены одним поселением Алгедар. Возможно, это и есть Клепидава Птолемея?

Вслед за Клепидавой, на расстоянии 77 км от нее, находился Метоний. Почти точно на этом расстоянии расположено одно из самых крупных городищ Поднестровья (площадь около 15 га) — городище Рудь. Это городище было хорошо укреплено, причем ряд особенностей укреплений был характерен для вельтских городищ. Четко выделяются комплексы I в. до н. э. — I в. н. э. Городище было построено на мысу, с севера и юго-востока имеющем крутые обрывы, обеспечивающие дополнительную неприступность поселения¹⁹³. Как справедливо замечает М. А. Романовская, «городище так велико по площади, укрепления его так мощны, а время существования так продолжительно, что кажется маловероятным, чтобы многочисленные авторы, описывающие в своих произведениях область реки Днестр, обошли полным молчанием существование такого поселения»¹⁹⁴. Однако для этого нужно было обратить внимание не только на Нижнее Поднестро-

вые, что и произошло в римский период и нашло соответствующее отражение в «Географическом руководстве» в виде координат Метония.

Последний из перечисленных за рекой Тирасом пунктов — Карродун расположен по отношению к Метонию в 77 км, что приводит нас вверх по течению Днестра в район к югу от Каменец-Подольска. В гетский период вблизи этого района находилась группа поселений под общим названием, закрепившимся за ними в литературе, Крестоуцы¹⁹³. А вот к культуре Поянешти-Лукашевка здесь относятся два поселения, одно из которых — Сокол — расположено на левом берегу Днестра, т. е. и в этом случае, возможно, обозначено место переправы через Днестр¹⁹⁴.

Таким образом, из пяти населенных пунктов, названных в «Географическом руководстве» «за рекой Тирас в сторону Дакии», три оказались в местах возможных переправ через Днестр, одно — в районе наиболее плотного скопления селищ и городищ как гето-фракийского периода, так и римского времени, в месте впадения в Днестр его притока Реута. Наконец, одно (Метоний) может быть отождествлено с самым крупным в этом районе поселением — городищем Рудь. Такое совпадение вряд ли можно назвать случайным, и это лишний раз подтверждает правильность предложенной нами локализации.

Определение местоположения Эракта, Вибантовария, Клепидавы, Метония и Карродуна позволяет внести некоторые коррективы в предложенную нами ранее реконструкцию общей картины междуречья Истра (Дуная) и Тираса (Днестра).

В римское время здесь проходили, по крайней мере, две дороги. Одна, начинаясь у римской крепости Новиодун, проходила через Алиобрикс (Орловку), возле современного города Княля делала поворот в сторону города Тиры (Белгород-Днестровский) и шла далее через Пироборидаву (район современного города Арциз). Вторая от римской крепости Диногетия проходила севернее через Заргадаву (район современных населенных пунктов Гыртоп и Гура-Габеней) к реке Тирасу и далее вдоль последней через Эракт, Вибантоварий, Клепидаву, Метоний и Карродун. Возможно, где-то на участке Вибантоварий — Клепидава существовала переправа через Днестр, и в этом месте дорога разделялась, одним ответвлением уходя к востоку в сторону городов, расположенных по рукаву Борисфена и уже вдоль него к Ольвии, а другим — продолжалась на север в сторону Карродуна, где была еще одна переправа через Днестр, и отсюда дорога шла дальше вглубь территории современной Украины.

Обращает на себя внимание тот факт, что три пункта, расположенные по Гиерасу (Когильник) и включенные Птолемеем в состав римской провинции Нижняя Мезия, расположены как раз между двумя валами римского времени: Нижним валом Бессарабии — между Вадудуй Исак на Пруте и с. Борисовка южнее Татарбунар на берегу оз. Сасык и Верхним валом Бессарабии — от Леово на Пруте до с. Копанска на Днестре южнее Бендер¹⁹⁷. И хотя, в отличие от Нижнего вала, относящегося к I—III вв. н. э.¹⁹⁸, Верхний вал был возведен, по мнению его исследователей, в первой половине IV в. н. э. гревтунами¹⁹⁹, можно с достаточной долей уверенности говорить, что граница Нижней Мезии во времена Птолемея или его источника проходила в этом районе где-то вблизи современных населенных пунктов Гуртоп и Гура-Галбеней, т. е. вблизи древней Заргидавы, так как участок дороги севернее Заргидавы помещен автором «Географического руководства» за пределами римской провинции в описании Европейской Сарматии (Ptol., III, 5, 15).

Район Поднестровья, в котором определяется местоположение пяти населенных пунктов, расположенных в «Географическом руководстве» за рекой Гиерасом, очень интересен и в этногеографическом плане. Здесь последовательно сменяются, по крайней мере, три археологические культуры: гето-фракийская (IV—III вв. до н. э.), культура Поянешти-Лукашевка (II в. до н. э. — рубеж н. э.) и, наконец, черняховская культура, датируемая Г. Б. Федоровым применительно к Прутско-Днестровскому междуречью II—IV вв. н. э.²⁰⁰ Причем, как показывают археологические раскопки, несмотря на многочисленное влияние извне, местная культурная традиция никогда здесь не прекращалась (об этом, в частности, свидетельствуют устойчивые формы лепной керамики²⁰¹).

Такие культуры, как Поянешти-Лукашевка и сменявшая ее черняховская, формировались как культуры синкретические, включающие в себя и местные, фракийско-гетские элементы, и элементы пришлые, средневропейские²⁰². Определенным подтверждением этому может служить и лингвистический анализ наименований населенных пунктов, называемых Птолемеем. Среди них присутствуют как кельтские элементы (Карродун, Вибантоварий)²⁰³, так и гето-фракийские (Метоний, Клепидава)²⁰⁴.

Некоторую помощь в приязке пунктов, упомянутых в «Географическом руководстве», может оказать и весьма интересный характер расположения поселений в этом регионе. Они располагаются «групп-

пами по пять—десять поселений и тянутся цепочкой вдоль берега реки или ручья на расстоянии от 200 до 3000 м друг от друга. При этом следует отметить, что часто одно из поселений, входящих в такие группы, значительно больше по размерам, чем остальные. Это, видимо, объясняется тем, что по отношению к самому большому поселению остальные являются дочерними, образованными из выселок»²⁶⁵. Возможно, именно такие поселения и нанесены на карту Птолемея.

Карта распространения культур во II в. до н. э. — II в. н. э.²⁶⁶ позволяет, в какой-то мере, ответить и на вопрос о наименовании племен этого региона в античной традиции. Выше уже отмечалась связь культуры Поянешти-Лукашевка с бастарнами, смешавшимися с фракийцами, по свидетельству Страбона²⁶⁷. Птоломей помещает в этом районе тирагетов-сарматов. На карте распространения культур ясно видно, что ареал распространения культуры Поянешти-Лукашевка отчасти перекрывает территорию распространения сарматских памятников, причем граница между этим районом и более южным, где представлены чисто сарматские памятники, проходит как раз по верхнему течению реки Когильник, т. е. по древнему Гиерасу, что вполне соответствует положению, описанному в «Географическом руководстве»: «Поморье от самого устья Истра до устьев реки Борисфена и область внутри материка до реки Гиераса занимают гарпии ниже тирагетов-сарматов...» (Ptol., III, 10, 7).

С какой именно археологической культурой следует соотнести тирагетов-сарматов Птолемея, сказать довольно трудно. Культура Поянешти-Лукашевка по времени как будто бы ближе к страбоновским бастарнам. В то же время на памятниках в слоях, относящихся к I—II вв. н. э., присутствуют материалы липецкой культуры, распространенной в верховьях Днестра²⁶⁸, а во II в. н. э. усиливается черняховский элемент. Возможно, столь сложное двойное название — тирагеты-сарматы — как раз и отражает сложные этнические процессы, происходившие в этом районе в I—II вв. н. э.? Во всяком случае, помещение тирагетов-сарматов именно на этой территории кажется нам вполне оправданным.

Глава III
МЕЖДУРЕЧЬЕ
ГИПАНИСА (ЮЖНОГО БУГА) И БОРИСФЕНА
(ДНЕПРА), КАРКИНИТСКИЙ ЗАЛИВ
И ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ
(КРЫМСКИЙ ПОЛУОСТРОВ)
В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ

Район Днепро-Бугского лимана в античный период примечателен общей дельтой античных Борисфена (Днепра) и Гипаниса (Южного Буга), сливавшихся западнее мыса Гипшолая, однако это, пожалуй, и все, что объединяет картину береговой линии в этом районе в античное время и сейчас.

Прежде всего, по крайней мере в середине I тыс. до н. э. к востоку от Днепровско-Бугского лимана, практически у входа в него, на месте современной Одесской банки находилась длинная и узкая песчаная коса, вытянутая в широтном направлении; возможно, она являлась своего рода продолжением Кинбурнского полуострова. Кинбурнский полуостров, в свою очередь, является реликтом большого дельтового острова в устьях Днепра и Южного Буга. Между ним и песчаной косой существовал достаточно широкий пролив, где проходил основной сброс днепровско-бугских вод (возможно, именно здесь ранние источники помешали устье Борисфена?).

Острова Березань, по крайней мере до V в. н. э., скорее всего, не существовало. Он соединялся с материком, причем затопленная часть суши находится между нынешним островом и очаковским берегом.

Иначе выглядел и нынешний Ягорлыцкий залив. Его площадь была значительно меньше, а контуры береговой линии совершенно иными. Тендровской косы в доримский период, вероятно, не существовало, за исключением северо-западной оконечности. Севернее современного острова Долгий проходил старый рукав Днепра, с которым в районе Ягорлыцкого поселения соединялось еще одно, вероятно, самое

юго-восточное ответвление основного русла реки. Площадь Каркинитского залива была значительно меньше, и береговая линия здесь проходила мористее в среднем на 3—5 км, так что реки, впадавшие в него, значительно вдавались в нынешнюю акваторию залива¹.

Изменения берегов Северо-Западного и Южного Крыма не столь значительны; кроме того, они были неоднозначны на разных участках побережья, и потому здесь мы на них останавливаться не будем².

Античные свидетельства в описании этого района довольно обширны, хотя и неоднозначны как по характеру, так и по плотности освещения отдельных территорий. Наиболее ранние из них восходят к Гекатею Милетскому (Hecat., 153) и Геродоту (Herod., IV, 55; IV, 17 и др.). В основном это описание физико-географического и этногеографического плана. Названий населенных пунктов дается немного. Самые подробные сведения сохранились в изложении Клавдия Птолемея, особенно в части описания внутренних частей материка и полуострова (Ptol., III, 5, 13—15).

Кроме автора «Географического руководства», населенные пункты внутри Крымского полуострова называют еще Страбон (Strabo, VI, 4, 7) и Плиний (Plin., NH, IV, 85). Впрочем, в отличие от Птолемея, ни тот ни другой не дают никаких линейных измерений, поэтому локализация этих пунктов весьма проблематична.

Самое подробное описание района Ольвии оставил Дион Хрисостом (Dion, 48), района Херсонеса — Страбон (Strabo, VII, 4, 2). Довольно подробное описание Крымского побережья оставили Арриан (Arr., PFE, 30) и Псевдо-Арриан (Ps.-Arr., PFE, 82—83).

Сведения других авторов менее значительны, хотя и не безынтересны. Всего античные авторы сохранили по этой зоне 40 наименований, из которых 29 (в том числе 26 — не на побережье) встречаются в единичном варианте, причем зачастую у разных авторов.

Направление описания, так же как и в предыдущей зоне, у разных авторов различно. Арриан и Псевдо-Арриан по-прежнему следуют с востока на запад. Птолемей же в изложении сведений по побережью направление поменял на противоположное. В то же время по суше он сохраняет прежнюю ориентацию. У Страбона направление движения прежнее — с запада на восток.

Пространственные рамки второй зоны довольно обширны. Обилие населенных пунктов, неоднозначность освещения античными авторами отдельных территорий и различия в палеогеографической ситуации вынуждают рассматривать ее, хотя и в определенной последователь-

ности, но все же по частям. Таких частей или районов можно выделить пять:

- 1) Внутренние районы материка между реками Тирой (Днестром) и Борисфеном (Днепром).
- 2) Нижнее Побужье и Поднепровье.
- 3) Район Каркинитского залива до Евпатории включительно.
- 4) Южный берег Крыма от Херсонеса до Феодосии.
- 5) Внутренние районы Центрального Крыма.

В этой последовательности мы и будем анализировать сведения античных авторов. Напомним, что по второй зоне 1' долготы у Птолемея, по нашим расчетам, составляет 0,83 км, а 1' широты — 1,875 км².

Первый район включает населенные пункты, названные в «Географическом руководстве» по рукаву Борисфена (Ptol., III, 5, 15) и «по реке Борисфен» (Ptol., III, 5, 14). Названный между ними «выше реки Аксимака» Ордеес (Ptol., III, 5, 14) уже нами рассматривался, а о причинах помещения «внутри страны» будет сказано ниже.

Успешная локализация девяти городов, включая Ольвию или Борисфен, во многом зависит от правильности определения местоположения рукава Борисфена на современной карте. В литературе по этому вопросу сложилось два мнения. С одной стороны, он как будто бы должен быть отождествлен с правым притоком Днепра Ингульцом⁴, с другой, высказывалось предположение, что «речь идет, быть может, не о рукаве Днепра, а о Южном Буге»⁵. Основываясь на данных Птолемея и опираясь на предложенную нами методику пересчета его координат⁶, мы считали возможным понимать под рукавом Борисфена Ингулец, поскольку как будто бы именно на него ложился самый удаленный от устья Борисфена Лени город⁷. Между тем, если высказанное нами выше предположение о наличии пути от устья Дуная в сторону верховьев Днепра верно, появляется возможность проверить отождествление Ингульца с птолемеевским «рукавом Борисфена», определив для этого расстояние между Вибантоварием или Клепидавой на Днестре (напомним, что здесь, вероятно, в древности была переправа) и крайним северо-западным пунктом по рукаву Борисфена городом Лени.

В «Географическом руководстве» Клепидаву и Лени город разделяют 193 км, а Вибантоварий и Лени город — 200 км (Ptol., III, 5, 15). Оба эти расстояния приводят нас к Южному Бугу (причем от Клепидавы более точно). Следовательно, именно Южный Буг (Гиланис) определялся в данном случае как рукав Борисфена.

Однако значит ли это, что и все названные по этому рукаву города следует помещать именно по Южному Бугу? Попробуем разобраться в этой ситуации. Первое, что сразу бросается в глаза, — это явное несоответствие между положением Ольвии и устьем реки Гипаниса (Южного Буга) в «Географическом руководстве» и их реальным положением в действительности. Гипанис и Ольвию, которая была расположена на Гипанисе, в месте, где он сливается с Борисфеном, согласно данным Птолемея, разделяют 1° и $30'$ широты, т. е. 75 км (Ptol., III, 5, 2 и 14), что никак нельзя объяснить простой ошибкой, как это делалось ранее в отношении устьев рек Гипаниса и Борисфена⁸. К тому же Ольвия помещена в «Географическом руководстве» не на Гипанисе, а на Борисфене. Между тем именно Ольвия, точно так же как город Тира в Нижнем Поднестровье, была ключевым, опорным пунктом в Нижнем Побужье и Поднестровье, и, следовательно, ее пространственное положение должно было быть неизменным. Что же повлияло на выбор Птолемея, который привел к столь серьезному искажению общей картины в регионе?

Прежде всего, этому способствовало положение самой Ольвии, точнее, ее роль в этом районе⁹. К Ольвии сходились различные торговые пути и дороги. Естественно, что все они либо начинались с этого города, либо заканчивались на нем. В условиях, когда античная традиция помещала Ольвию то на Борисфене, то на Гипанисе, когда второе название Ольвии было Борисфен (а не Гипанис, что было бы логичнее), а устье Гипаниса в отдельных случаях вообще могло не обозначаться, человеку, никогда не бывавшему в этих местах, очень трудно было представить истинное положение вещей. И Птолемей в этом плане не стал исключением. Однако, к чести географа, надо сказать, что он максимально попытался совместить несовместимое.

Если две дороги, идущие в противоположных направлениях, сходятся в Борисфене (Ольвии), а устье Гипаниса при этом не называется, то логично было предположить, что все пункты, называемые по ним, расположены по Борисфену, но на разных его рукавах. Так у Птолемея появился «рукав Борисфена», под которым он понимал не какой-либо из его притоков, а именно сам Борисфен. Естественно, что Ольвия при этом должна была располагаться на главном рукаве Борисфена. Однако под ним-то в действительности подразумевался Гипанис! Следовательно, города, названные в «Географическом руководстве» по реке Борисфену, были расположены на самом деле не по Днепру, а по Южному Бугу, и в этом случае помещение Ольвии как

крайнего южного пункта вполне оправданно. Рукав же Борисфена следует в этом случае отождествить, напротив, с основным руслом Днепра. При этом Гипанис и Борисфен как бы поменялись местами. Основное русло Днепра оказалось к западу от Южного Буга, практически заняв его место (отсюда совпадение расстояний Клепсидавы — Лени город и Днестр — Южный Буг на этом же участке), устье Борисфена, под которым понималось совместное устье Южного Буга и Днепра, сместилось по отношению к Ольвии к востоку, отодвинув в том же направлении и устье Гипаниса. Местоположение же Ольвии осталось неизменным.

Определенным подтверждением этому может служить и сравнение расстояний, указанных на карте Птолемея между Ольвией и крайними северными пунктами, соответственно по Борисфену и его рукаву. Ольвию и Лени город на рукаве Борисфена разделяет 205 км (Ptol., III, V, 14—15). Это приводит нас на одну из крупнейших городищ в низовьем Приднепровье — Знаменское (акрополь Каменского городища).

Крайний северный пункт по Борисфену — Азагарий — отделяет от Ольвии 212,3 км (Ptol., III, V, 14). Однако по сумме расстояний между пунктами получается 226,5 км. Эта разница связана с тем, что в «Географическом руководстве» в какой-то мере учитывалась определенная извилистость реки, с той лишь разницей, что отклонения к востоку в районе Николаева стало отклонением к западу. Впрочем, разница столь незначительна, что в расчетах ею можно пренебречь, учитывая, что 5' погрешности для этой зоны составляет 10,3 км.

Отложив полученное расстояние на карте, мы попадем в район современного населенного пункта Саврань в среднем течении Южного Буга, почти напротив Вибантовария и Клепсидавы, что локализуется на Днестре.

Днестр и Южный Буг в этом месте сближаются, и, видимо, именно здесь проходила дорога, соединяющая в древности эти реки. От Азагария же она поворачивала к югу в сторону Ольвии. Обращает на себя внимание и тот факт, что наименование «Азагарий» сходно с расположенным напротив него наименованием города Вибантоварий, что указывает на общие, возможно, кельтические корни.

Итак, проведенный анализ сообщений Птолемея о городах по Борисфену и его рукаву позволяет сделать вывод о том, что в результате совмещения различных источников, в данном случае, вероятно, одновременных, конечным пунктом в которых являлась Ольвия, в «Географическом руководстве» оказались взаимно замененными в своем

положении Гипанис (Южный Буг) и Борисфен (Днепр). Отсюда следует, что пункты, указанные Птолемеем по Борисфену, необходимо локализовывать по Южному Бугу, а пункты, указанные по рукаву Борисфена, — соответственно по Днепру.

Возможно, что координаты Ордесса у Птолемея как пункта, расположенного внутри страны «выше реки Аксимака» (Ptol., III, V, 14), также объясняются сложным пересечением сухопутных и морских трасс в районе Ольвии. Судя по всему, после реки Аксимака, где, как уже отмечалось, зафиксирован римский лагерь в районе Хаджибейского лимана¹⁰, сухопутная дорога к Ольвии шла через Ордесс. Перилл же побережья в этом месте ограничивался лишь указанием на устье реки Аксинак. Сопоставление этих источников определило положение Ордесса на карте Птолемея.

Разобравшись с реками, можно попробовать определить местоположение указанных по ним городов.

Лени город, Сарбак, Ниосс. В «Географическом руководстве» Клавдия Птолемея об этих городах сообщается следующее (Ptol., III, 5, 15).

По рукаву Борисфена:

Лени город	54° — 50°15'
Сарбак	55° — 0°
Ниосс	56° — 49°40'

Как уже говорилось выше, локализация их зависела от того, что понимали исследователи под рукавом Борисфена. Исходя из этого, Ф. А. Браун определял положение Ленина города у внешнего Кривого Рога, Сарбака — у села Никольского, при устье реки Ингулец¹¹, Ю. А. Кулаковский помещал Ниосс у современного Чернобыля¹². Мы же отождествляли с городом Лени поселение у села Снегиревки на Ингульце, Сарбак помещали в районе села Елизаветовки на той же реке и, наконец, Ниосс — в районе села Никольского вблизи слияния рек Ингульца и Днепра¹³, как раз там, где в районе села Дарьевка были обнаружены остатки римского каструма¹⁴. Определение местоположения этих населенных пунктов непосредственно по Днепру никак не рассматривалось, и такие попытки до сих пор не предпринимались.

Итак, согласно уже проведенным выше расчетам, Лени город может быть отождествлен по этой версии с крупным позднекифским городищем Знаменское. Сарбак расположен по отношению к Ленину городу в 57,2 км вниз по течению. Это приводит нас к еще одному крупному городищу того же времени — Консуловскому, расположен-

кому, правда, в отличие от Знаменского городища, на правом берегу Днепра. Однако из всех городищ, обнаруженных в этом районе как на правом, так и на левом берегу, Консуловское городище является самым внушительным по своим размерам, и потому, на наш взгляд, именно оно должно быть сопоставлено с древним Сарбаком. Что касается Ниосса, то он располагался еще ниже по течению, примерно в 62,3 км от Сарбика. И вновь мы попадаем в район, где выявлены два позднескифских городища. Более точно расстояние указывает на городище Поятовка, однако более крупным является Николаевское городище, расположенное за ним ¹⁴. Впрочем, принципиального значения это в данном случае не имеет. Важно, что в непосредственной близости от Поятовки находился уже упоминавшийся выше римский каструм. Его расположение именно здесь, в месте впадения Ингульца в Днепр, скорее всего, свидетельствует о наличии военного прикрытия Ольвийского района, где сходились важнейшие стратегические римские дороги и торговые пути, от варваров, а вовсе не о проходе-нии здесь магистрали через Перекопский перешеек к Херсонесу ¹⁵. Впрочем, одно другого не исключает. Дальнейшее следование по маршруту Птолемея, вернее сказать, по маршруту его источника позволит проследить эту дорогу на всем ее протяжении.

Позднескифские городища располагались на выгодных в стратегическом отношении высоких участках берегов Днепра и его притоков, возвышающихся над уровнем воды. Они состояли из акрополя и укрепленного внешнего города. Акрополь, в зависимости от рельефа местности, имел прямоугольную, трапециевидную или треугольную форму, занимая площадь от 1,3 до 3,6 га. Вокруг акрополя возвышалась каменная стена и выкапывался ров. Пригород, или внешний город, в плане обычно повторяет планировку акрополя. Внешний город укреплялся валом или каменной стеной. Почти на всех городищах обнаружены рвы ¹⁷. Некоторые из них (Гавриловское и Саблуковское) имели по три линии обороны. На Николаевском и Гавриловском выявлены квадратные башни, примыкавшие к стенам и фланкировавшие ворота.

На поселениях встречается довольно много античной посуды, что служит важным показателем торговых связей, и то же время находки монет редки. Главным образом, это серебряные денарии римских императоров II в. н. э. ¹⁸ Интересно, что, по-видимому, около середины II в. н. э. скифы теряют господство над Ольвией ¹⁹. Возможно, именно к этому времени относится появление в нижнем течении Ингульца римского каструма, а также те сведения, которые сообщает Птолемей

по этому региону. Впрочем, как показывают археологические исследования, жизнь на поселениях северной группы, в которую входит и Знаменское городище, прекращается в конце I — начале II в. н. э.²⁰, поэтому не исключена возможность, что сведения Птолемея в данном случае синхронны его же сведениям по Нижней Мезии, о чем говорилось выше.

Азагарий, Амадока, Сар, Серим, Метрополь. В «Географическом руководстве» эти города названы «по реке Борисфену» (Ptol., III, 5, 14):

Азагарий	56°	—	50°40'
Амадока	56°	—	50°30'
Сар	56°	—	50°15'
Серим	57°	—	50°
Метрополь	56°30'	—	49°30'

Что касается Ольвии, которая названа последней по Борисфену, то о ней речь пойдет отдельно и здесь мы этот вопрос не затрагиваем.

Локализация этих населенных пунктов большинством исследователей связывается либо с верхним течением Днепра, либо с его нижней частью. Так, Ф. А. Браун локализует Амадоку и Метрополь в низовьях Днепра, отождествляя первую со Знаменским городищем²¹. К. Мюллер помещает Метрополь значительно выше по Днепру, на месте современного Киева²². Томашек определяет местоположение Азагария у днепровских порогов²³, а Кречмер вообще локализует Серим при слиянии рек Сейма и Снови²⁴. Во всех случаях применяли метод простого пересчета координат в линейные расстояния или же примерное пространственное положение перечисленных топонимов по отношению друг к другу и к Днепру (Борисфену).

Широкое исследование городищ Нижнего Днепра в 50-х гг. нынешнего столетия в связи со строительством Каховской ГЭС вновь поставило вопрос об отождествлении их с населенными пунктами, о которых писал Птолемей. Н. Н. Погребова предложила локализацию Амадоки на Каменском городище, Сара — на Гавриловке²⁵. Принятая нами локализация перечисленных по Борисфену городов также была ориентирована на их положение по Днепру. Азагарий отождествлялся со Знаменским городищем, Амадока — с городищем Золотая Балка, Сар — с Гавриловским городищем, Серим — с Николаевским городищем, Метрополь — с городищем Широкая Балка или на мысу Станислав²⁶. Возможность определения местоположения этих пунктов по Южному Бугу никем не рассматривалась.

При определении реки, соответствующей на современной карте рукаву Борисфена, мы уже выяснили местоположение Азагария. Его следует локализовать в районе современного населенного пункта Саврань в среднем течении Южного Буга, напротив Вибантовария и Клепидавы на Тирасе (Днестре). В этом месте Южный Буг сближается с Днестром, и в древности здесь, вероятно, существовало какое-то сообщение.

Следующий за Азагарием пункт — Амадока — на карте Птолемея расположен примерно в 19 км, что приводит нас несколько юго-восточнее той же Саврани (река здесь начинает отклоняться к востоку, делая петлю).

В конце же этой петли, к северу от города Первомайска, там, где река поворачивает к югу, был расположен древний Сар (прямое расстояние от Амадоки — 28 км).

Обращает на себя внимание тот факт, что в общем-то на небольшом участке протяженностью всего 47 км на карте Птолемея указаны сразу три населенных пункта. Аналогичная ситуация и напротив, на Тирасе (Днестре). Здесь на участке в 50 км расположены также три города: Эракт, Вибантоварий и Клепидава. Причем предыдущий и последующий пункты, точно так же как указанный на Южном Буге после Сара город Серим, удалены уже на значительно большее расстояние. Возможно, столь плотное нанесение населенных пунктов на карту Птолемеем свидетельствует о важности этого района в системе коммуникаций или межплеменных отношений древности.

Четвертый город, координаты которого указаны вслед за Саром, — город Серим расположен от него в 57 км вниз по течению Южного Буга. Мы попадаем в район современной Александровки, где и следует, по-видимому, искать развалины этого города.

Пятый город, Метрополь, отделяет от Серима чуть меньше 62 км. В этом случае местоположение его следует определить в районе современной Новой Одессы.

К сожалению, из-за недостаточной изученности среднего течения Южного Буга, более конкретная локализация указанных по нему пунктов пока невозможна.

Как было отмечено выше, оба пути — и по Южному Бугу, и по Днепру сходились в Ольвии. И действительно, расстояния, отложенные от мест локализации последних, самых близких к Ольвии населенных пунктов — Метрополя и Ниосса, приводят нас точно к указанному пункту назначения.

Ольвия или Борисфен. Античная традиция сохранила довольно многочисленные свидетельства об этом крупнейшем полисе Северо-Причерноморья, дающие представления как о его местоположении, так и о нем самом.

Наиболее раннее упоминание Борисфена как пункта, который находился возле устья Днепровско-Бугского лимана, принадлежит, по видимому, Геродоту. В IV книге он говорит о «гавани борисфенитов (она ведь находится в самой середине побережья всей Скифии)» (Herod., IV, 17), об эллинах, живущих «у реки Гипанис», которые называют себя «ольвиополиитами» (Herod., IV, 18), эллинах из гавани «Борисфена» (Herod., IV, 24). В рассказе о Скиле упоминается «город борисфенитов», причем подчеркивается его милетское происхождение («борисфениты эти говорят, что они милетяне») (Herod., IV, 78). Дом Скила в «городе борисфенитов» упоминается также в следующем параграфе (Herod., IV, 79). Кроме того, Геродот сообщает также о «храме Деметры. Напротив храма у Гипаниса обитают борисфениты» (Herod., IV, 53).

У Аристотеля в отрывке «О справедливости» упоминаются «приезжающие из Борисфена» (Arist., p 1487, фр. 72). Ясное указание на местоположение Ольвии дает Псевдо-Скимн (Pz.-Skymn., 804—812): «При слиянии рек Гипаниса и Борисфена лежит город, прежде называвшийся Ольвией, а затем эллинами переименованный в Борисфен. Этот город основали милетяне во время мидийского владычества. До него 240 стадиев от моря вверх по течению Борисфена».

Страбон сообщает об Ольвии следующее: «Затем следует река Борисфен, судоходная на протяжении шестисот стадиев, и неподалеку от нее другая река Гипанис и остров перед устьем Борисфена с гаванью. В двухстах стадиях по Борисфену лежит одноименный с рекою город. Он называется также Ольвией и представляет собой большой торговый порт, основанный милетянами» (Strabo, VII, 3, 17). Впрочем, М. В. Агбунов предлагает начало этого отрывка интерпретировать следующим образом: «Затем, в 600 стадиях судоходная река Борисфен»²⁷.

Подробнее описание местности вокруг Ольвии и описание самого города оставил Дион Хрисостом (XXXVI, II, 48). Арриан сообщает об Ольвии, что она является эллиническим городом и расположена вверх по Борисфену (Ari., PPE, 31). Птолемей, как уже говорилось выше, дает координаты Ольвии или Борисфена «по реке Борисфену» (Ptol., III, 5, 14). Псевдо-Арриан почти дословно повторяет сообщение Псев-

до-Скимна, добавляет лишь новое название реки Борисфена — Данаприй (Ры.-Арт., PPE, 86).

Латинские авторы ничего нового к этим сообщениям об Ольвии не добавляют, в скорей вносят некоторую путаницу. Так, Помпоний Мела говорит о двух греческих городах, Борисфениде и Ольвии, помещая их в месте впадения реки Борисфена в море (Mela, II, 6). Плиний добавляет к названию города Борисфена и Ольвиополя еще и название Милетополя (Plin., NH, IV, 82), а Аммиан Марцеллин при описании Борисфена сообщает, что «на его лесистых берегах лежит город Борисфен» (Amm. Marc., XXII, 8, 40).

Кроме перечисленных выше авторов, Ольвию упоминает в своей работе «Об общей просодии» Элий Геродан (XI, 289, 27). Лукиан Самосатский в рассказе о подвиге некоего Абава называет «город борисфенитов» (Токсарис, или «Дружба», 61). Стефан Византийский говорит, что «Борисфен — город и река Понта у Меотийского озера и реки Тананса; так же назывался и Геллеспонт раньше Геллы; есть эллинский город к западу [от Гипаниса?], милетская колония, которую другие называют Борисфеном, а сами жители — Ольвией; [он лежит против Гипполева мыса?], который образуют Борисфен и Гипанис...» (з. ч. Βορυσθένης). И у него же читаем: «Ольвия... вторая — город в Понте» (з. ч. Ὀλβίαί ... δεύτερα πάλι ἐν Πόντῳ). Наконец, у Евсевия мы находим возможное время основания города возле устья Днепровско-Бугского лимана — 645/644 г. до н. э. (Euseb., Chron. Cap., II, 88).

Таковы сведения античных авторов об Ольвии. Ее местоположение было установлено более двухсот лет назад — академиком Палласом в 1794 г. и Павлом Сумароковым в 1799 г., во время их путешествия по Северному Причерноморью²⁸, и с тех пор неоднократно подтверждено эпиграфическим материалом²⁹. Развалины Ольвии находятся на западном берегу Бугского лимана к югу от нынешнего села Парутина. Рельеф местности обусловил форму города в виде неправильного треугольника. Ольвия занимала плато, состоящее из трех частей: верхней — так называемый Верхний город, средней (склоны) и прибрежной — Нижний город. Нижний город постоянно подмывается и в наше время частично находится под водой³⁰.

Археологический материал позволяет подтвердить целый ряд данных античной письменной традиции. Так, найдены, бесспорно, оборонительные стены и агора геродотовского времени, возможно, нащупываются следы дома-дворца царя Скила, а также подтверждена

реальность личности этого царя³¹. При раскопках так называемого Зевсова кургана Б. Ф. Фармаковским были обнаружены многочисленные культурные напластования, начиная с VI в. до н. э. и кончая I в. до н. э. В середине I в. до н. э. все постройки, находившиеся на этом участке, были разрушены, после чего городская жизнь на этом месте навсегда прекратилась³². Это вполне согласуется со свидетельством Диона Хрисостома о том, что после гетского разгрома площадь Ольвии значительно сократилась (XXXVI, II, 48).

Однако, несмотря на кажущуюся на первый взгляд картину полного соответствия данных археологии и свидетельств античных авторов, целый ряд проблем по-прежнему остается нерешенным.

В первую очередь, это касается вопроса — один или два города упоминаются в Днепровско-Бугском лимане под такими наименованиями, как: «гавань борисфенитов», «город борисфенитов», Ольвия, Борисфен, Борисфенида, Ольвиополь и Милетополь. Возможно, что и путаница в источниках по поводу местоположения Ольвии то на Гипанисе (Южном Буге), то на Борисфене (Днепре) связана не только с тем, «что Ольвия действительно находилась недалеко от реки Борисфен, красотой и величиной которого древние греки всегда восхищались; к тому же было принято считать, что Днепровско-Бугский лиман, в непосредственной близости от которого лежала Ольвия, является продолжением Днепра, а не заливом, образуемым низовьями двух рек — Днепра и Буга»³³, но также и с тем, что какое-то время здесь действительно существовало два города, один из которых носил название Ольвия, а другой Борисфен?

В литературе по этому вопросу единой точки зрения нет. Прежде всего, это касается сведений Геродота. Одни полагают, что *Βορυσθάνης ἕλιος* Геродота — это не Ольвия, а какое-то отдельное поселение, приморский торговый пункт. Обычно его отождествляют с поселением на острове Березань. Этой точки зрения придерживались С. Д. Паданимтриу³⁴, А. А. Нессен³⁵, К. К. Марченко³⁶, Ю. Г. Виноградов³⁷, А. С. Русыева и М. В. Скрыжанская³⁸. В. В. Лапин понимал под эмпорием борисфенитов не какой-либо конкретный пункт, а вообще освоенную греками территорию Нижнего Побужья, посещаемую приезжими греческими купцами и путешественниками³⁹. Сторонники указанной точки зрения ссылаются, в частности, на то, что согласно Геродоту гавань борисфенитов находится в самой середине побережья Скифии, а это, по их мнению, неприложимо к Ольвии, так как город лежал на берегу Бугского лимана, на значительном расстоянии от моря⁴⁰. Од-

нако в данном случае Геродот, вероятно, заранее выбрал по карте Ольвию как наиболее важное греческое поселение для знакомства со Скифией, и «географические описания строились на последовательном перечислении городов, стран, земель и других объектов, увиденных как бы из центральной точки ойкумены, где подразумевалось место нахождения автора»⁴², поэтому цифровые данные здесь (10 дней сухопутного пути в обе стороны) не основаны на реальных данных⁴³.

Сторонники другой точки зрения, напротив, полагают, что Ольвия и Борисфен, так же как и гавань борисфенитов, относятся к одному и тому же городу. Роулинсон⁴⁴ считал, что Ольвия, подобно многим поселениям, была первоначально названа Борисфеном по имени ближайшей большой реки. Достигнув процветания, город получил название Ольвия. В. В. Латышев⁴⁵ предполагал, что оба названия были в ходу у самих жителей в IV в. до н. э., при этом название Борисфен было распространено между иноземцами. Томашек, напротив, считал, что название Борисфен стало синонимом Ольвии со времен Геродота⁴⁶, а по мнению С. А. Жебелева, название Борисфен было введено самим Геродотом и благодаря его авторитету прочно укрепилось в литературных памятниках параллельно с названием Ольвия⁴⁷. А. О. Белецкий в примечаниях к переводу «Истории» Геродота на украинский язык однозначно трактует гавань или порт борисфенитов как милетскую колонию Ольвию на правом берегу Днепровско-Бугского лимана⁴⁸. Точно так же рассматривает ее и М. В. Агбунов⁴⁹. Наиболее полно эта точка зрения, впрочем, аргументирована П. О. Кардышевским⁵⁰.

В целом вторая точка зрения в настоящее время имеет значительно большее количество сторонников. Однако считать данную проблему решенной, на наш взгляд, пока преждевременно. И ситуация здесь не намного яснее, чем в вопросе соотношения названий Офиусса и Тира применительно к территории Днестровского лимана.

С одной стороны, не вызывает сомнения тот факт, что Ольвия с какого-то времени стала называться Борисфеном (причем именно так, а не наоборот), о чем недвусмысленно пишет Псевдо-Скимп: «При слиянии рек Гипаниса и Борисфена лежит город, прежде называвшийся Ольвией, а затем задлинами переименованный в Борисфен...» (Ps.-Skymn., 804—812). С другой стороны, это вовсе не означает, что другого города, носящего наименование, созвучное названию реки, не было. Тем более, если учитывать, что этноним Борисфен имеет отнюдь не греческое происхождение. Причем в данном случае для нас не важно, какова истинная этимология этого названия. Имеет

ли оно древнеиранское происхождение, будучи сильно эллинизированным производным слова *uagu-slapa*, означающее «широкое место, широкую область»²⁰, или же, как его объясняет Г. Шрамм, от используемого для обозначения морского залива слова с семантикой «грудь»²¹. Важно, что оно не греческое и могло изначально относиться прежде всего к негреческому населению, а уже потом распространиться на эллинов, поселившихся в этом месте. Возможно, именно поэтому местные греки так упорно держались прежнего названия города — Ольвия, а себя именовали ольвиополитами, чтобы провести четкую грань по отношению к варварам-борисфенитам?

Что касается отличного от Ольвии населенного пункта, расположенного на Борисфене, то в решении этого вопроса определенную помощь могут оказать свидетельства Страбона и Плиния. В литературе уже высказывалась мысль, что гавань, упомянутая Страбоном на острове перед устьем Борисфена, должна быть помещена на Книбурне, который является реликтом обширного острова в устьях Днепра и Южного Буга²², и отождествлена с Ягорлыкным поселением, на котором выявлены следы существования гавани²³. Возможно, именно эту гавань имеет в виду и Плиний под названием Ахейская гавань (*Πήλιον*, NH, IV, 83), учитывая ее пространственное положение по тексту «Естественной истории». В этом случае исчезает необходимость объяснять появление этого, нигде больше не упоминаемого пункта ошибкой Плиния, перенесшего к Южному Бугу ряд географических названий из района реки Кубани, так как обе названные реки в античности носили одно и то же имя — Гипанис, как это делалось ранее²⁴. Само же название может быть связано с последующим описанием острова Ахилла и Бета Ахилла общностью мифологического сюжета. А помещение вслед за этим Гилен вполне согласуется с положением Ягорлыкского поселения.

Торговый эмпорий на нынешнем острове Березань вряд ли имеет какое-либо отношение к гавани Страбона, поскольку гавань у него расположена на острове, и у Птолемея топоним «Борисфенида» также прочно связан с островом (*Ρήσιον*, III, 10, 8), в то время как Березань отделилась от материка не ранее V в. н. э.²⁵ Что касается Ахейской гавани Плиния, то ее положение и положение Березанского поселения явно не соответствуют друг другу.

Археологический материал свидетельствует о том, что Ягорлыкское поселение было и крупным ремесленным центром. Здесь открыты остатки ремесел, связанных с литьем и обработкой цветных металлов

и ориентированных на скифский рынок. Здесь же найдены остатки мастерской по изготовлению стеклянных бус, действовавшей не позднее середины VI в. до н. э.³⁶

Хронологические рамки существования Ягорлыцкого поселения — вторая половина VII — первая половина VI в. до н. э. Причем если нижняя граница еще может быть скорректирована, то верхняя дата вряд ли может быть подвергнута существенному изменению³⁷. Сопоставление этой даты с ситуацией в Ольвии, раскопки которой показали единичность фрагментов керамики последней четверти VII в. до н. э. и массовость материала, относящегося к VI в. до н. э., в основном к его второй половине³⁸, позволяет предположить прямую связь прекращения функционирования Ягорлыцкого поселения с основанием Ольвии. Заметим при этом, что греческое поселение на острове Березань продолжало существовать и в V—III вв. до н. э., хотя и в сильно сокращенных размерах³⁹.

Ко времени Геродота в регионе был уже один крупный центр и, если только историк не воспользовался здесь каким-то более ранним источником, именно Ольвию имеет он в виду во всех случаях упоминания гавани или города борисфенитов. Напротив, в сочинениях более поздних авторов — Страбона, Плиния, Мелы и Птолемея — ясно видно наложение современной им ситуации на значительно более ранний источник, что и привело в конечном итоге к искажающей картину компиляции, причем наиболее близкими к ранней картине, вновь, как и по первой зоне, оказываются сведения Плиния.

С районом Ольвии связан еще один географический топоним — Укрепление Алектора. Единственный автор, сообщающий о нем, — Дион Христом пишет, что «реки впадают в море у Укрепления Алектора, принадлежащего, как говорят, супруге царя савроматов» (XXXVI, II, 48). В комментарии к этому месту в «Известиях древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе» В. В. Латышевой в качестве возможного места локализации указано черноморское побережье между Тамиракой и Ольвией⁴⁰, в соответствии со сведениями «Географии» Равеннского анонима (Geogr. Rav., IV, 5; V, 11). М. В. Агбунов считает, что это укрепление находилось у устья Днепро-Бугского лимана, т. е. на месте современного г. Очакова⁴¹. Между тем, судя по реконструкции береговой линии северо-западной части Черного моря в середине I тыс. до н. э.⁴², даже с учетом последовавшей затем «нимфейской трансгрессии» Очаковский мыс был, по существу, закрыт мысом, на котором находилось Березанское поселе-

ние. Если во II—I вв. до н. э. остров, по-видимому, был совершенно заброшен, то в первые века нашей эры там возникает новое поселение, значительно меньших размеров, чем прежде⁶¹. На наш взгляд, именно его и следует отождествить с упомянутым у Диона Хриостома Укрепленным Алектора.

Анализ сведений античных авторов по Ольвийскому региону позволяет сделать еще одно, хотя, возможно, и несколько условное предположение. Речь идет об определении возможных границ Ольвийского влияния по данным «Географического руководства» Клавдия Птолемея. Здесь обращает на себя внимание то, что пункты, перечисленные по Южному Бугу и Борисфену (Днепру), а также расположенный выше реки Аксимах Ордесс отстоят от Ольвии на довольно значительное расстояние. Между тем и побережье Бугского лимана к югу от современного Николаева, и правый берег Днепровского лимана к западу от реки Ингулец были отнюдь не безлюдны. Можно предположить, что первыми в перечне ближайших к Ольвии населенных пунктов были те, которые уже находились вне сферы ее прямого влияния. В этом случае границу Ольвийского района к северу от Днепровского лимана можно было бы обозначить следующим образом: Тилигульский лиман (древний Ордесс) на западе, район Новой Одессы (древний Метрополь) на севере по Южному Бугу и где-то в районе впадения Ингульца в Днепр на востоке (Ниосс). Естественно, определяемая площадь была меньше и, вероятно, не совпадала с перечисленными пунктами, однако то, что она входила в указанные рамки, кажется нам вполне допустимым. В рамках же Ольвийской территории Птолемей указывает координаты лишь одного, доминирующего города, которым и являлась Ольвия.

Следующая группа населенных пунктов, названия которых дошли до нас в сообщениях античных авторов, связана с районом Северо-Западного Крыма. Днепровско-Бугский лиман (Ольвийский район) и Северо-Западный Крым разделяет пространство Каркинитского залива. Проведенный выше анализ физико-географических топонимов показал, что его границами в античное время на северо-западе служила современная Теңдровская коса (или, по крайней мере, часть ее), а на юго-востоке — мыс Тарханкут, в древности носивший имя «Тамирака». Площадь Каркинитского залива в районе Перекопского перешейка была значительно меньше, а реки, впадающие в него, достаточно далеко вдавались в нынешнюю его акваторию⁶².

Описание Каркинитского залива античными авторами настолько противоречиво, что зачастую создается впечатление, что речь идет о разных территориях. Так, у одних Тамирака завершает материковый участок побережья (Страбон, Птолемей), у других она в Крыму (Арриан, Псевдо-Арриан). У Птолемея Прекрасная гавань расположена на материке (Ptol., III, 5, 2), а у Арриана — в Крыму (Arr., PPE, 30). То же самое можно сказать и в отношении Керкинитиды и Каркины города, причем в последнем случае расхождения столь велики, что нет даже полной уверенности, об одном или о двух разных городах идет здесь речь. Существенные расхождения в оценке линейных расстояний, несоответствие в последовательности перечисляемых объектов, различие в определении пространственно-территориального расположения соответствующих топонимов — все это позволяет предположить, что в данном месте мы имеем дело с компиляцией целого ряда источников, причем как разновременных, отражающих меняющуюся палеогеографическую ситуацию в регионе, так и близких по времени, но дающих описание различных маршрутов следования.

Наиболее подробный перипл Каркинитского залива содержится в «Географическом руководстве» Клавдия Птолемея в описании береговой линии Понта до реки Каркиниты (Ptol., III, 5, 2):

устья реки Борисфена	57°30'	—	48°30'
устье реки Гиланис	58°	—	48°30'
Роша Гекаты, мыс	58°30'	—	47°30'
перешеек Ахиллова Бега	59°	—	47°40'
западный мыс Ахиллова Бега, который называется			
Священный мыс	57°50'	—	47°30'
восточный мыс, называющийся Мисаридой	59°45'	—	47°30'
Кефалонес	59°45'	—	47°50'
Прекрасная (гавань)	59°30'	—	47°45'
Тамирака	59°20'	—	48°30'
устье реки Каркиниты	59°40'	—	48°30'

За этим устьем следует перешеек, отделяющий Херсонес Таврический; береговая его линия у Каркинитского залива находится под 60°20' — 48°20'...».

За этим перешейком, под которым в данном случае, вне всякого сомнения, понимался район нынешнего Перекопа, в «Географическом руководстве» следует описание береговой линии Северо-Западного

Крыма, однако первый пункт — Евпатория город, который называется здесь, в пространственно-территориальном отношении расположен уже к юго-востоку от Тарханкута (Ptol., III, 6, 2). Таким образом, у Птолемея обозначилась явная лакуна: отсутствие северо-западного участка Тарханкутского полуострова. Этот участок, как показал анализ общих параметров физико-географических объектов Азово-Черноморского бассейна, оказался в «Географическом руководстве» на материке (рис. 4.3; Приложение 1). Учитывая тот факт, что Прекрасная гавань территориально располагалась в Северо-Западном Крыму, можно предположить, что и объекты, перечисленные после нее, также относятся к Крымскому побережью Каркинитского залива. Исходя из этого, мы и попробуем проследовать маршрутом Птолемея, начав движение вслед за ним от устья реки Борисфена (Днепра) в сторону Херсонеса Таврического (Крымского полуострова).

Выше уже говорилось о как будто бы имеющемся несоответствии в координатах устьев Борисфена (Днепра) и Гипаниса (Южного Буга), однако если под устьем Борисфена имеется в виду совместное устье Борисфена и Гипаниса, то их пространственное расположение полностью согласуется с реальностью. Более того, обращает на себя внимание то, что Птолемей говорит об устьях реки Борисфена, а не об одном устье, как это следует из других источников (Strabo, VII, 3, 18), а это, вероятно, относится к тому времени, когда юго-восточный рукав Борисфена в районе Ягорлыцкого поселения был судоходен. Отсюда следует, что маршрут источника Птолемея пролегал вокруг нынешней Клибурнской косы (в древности острова) по двум рукавам Борисфена мимо Ягорлыцкого поселения и далее вокруг Ахиллова Бега (отсюда и столь подробное описание последнего). Отсутствие в «Географическом руководстве» координат Ягорлыцкого поселения подтверждает нашу мысль о связи этого поселения с последующим основанием Ольвии (вероятно, после того как юго-восточный рукав Борисфена утратил судоходность) и объясняет помещение Ольвии по Борисфену, а не Гипанису, как это было во времена Птолемея.

Итак, между устьями реки Борисфена и устьем реки Гипаниса 30' долготы, или около 25 км, что вполне соответствует действительности. За устьем реки Гипаниса в «Географическом руководстве» назван мыс Роца Гекаты на расстоянии 61,5 км. Если наше предположение о двух рукавах Борисфена верно, то этот мыс должен был находиться где-то в районе впадения юго-восточной протоки в море. Судя по реконструкции береговой линии⁶², происходило это примерно в районе за-

падной оконечности современного острова Долгого. Если следовать от Южного Буга сначала по северо-западной, а затем по юго-восточной протокам Днепра, то расстояние до острова Долгого вполне согласуется с координатами мыса Роша Гекаты. Таким образом, можно предположить, что в древности это название носил приустьевый мыс по левой стороне от юго-восточного устья Борисфена, реликтовым остатком которого, вероятно, является современный остров Долгий.

Сразу за этим мысом у Птолемея обозначен перешеек Ахиллова Бега на расстоянии чуть больше 31 км, что приводит нас к современной Тендровской косе в ее западной части. Как показывают палеогеографические исследования, Тендровской косы в доримский период не существовало, за исключением несколько видоизмененной северо-западной оконечности⁶⁶. Видимо, район стыка этой оконечности с материком и обозначен в «Географическом руководстве» в качестве перешейка Ахиллова Бега.

В этом случае западный, Священный мыс Ахиллова Бега не может быть соотнесен с западной оконечностью Тендровской косы. Расстояние от перешейка до этого мыса, равное примерно 61 км, для этого слишком велико. Тогда где же должен быть локализован Священный мыс? Указанное расстояние приводит нас в район современной Одесской банки, где в древности существовала песчаная коса, которая по своему строению была совершенно аналогична Тендровской⁶⁷. Скорее всего, именно ее западная оконечность и обозначена у Птолемея как западный мыс Ахиллова Бега, называемый Священным.

Восточный мыс, называвшийся Мисаридой, отделяет от западного мыса расстояние в 95,5 км, а от перешейка Ахиллова Бега — примерно 42 км. Это приводит нас к восточной оконечности современной Тендровской косы, где, видимо, и находился искомый мыс.

В этом случае Кефалонес должен быть локализован на месте современного острова Джарылгач, ближе к его западной части. В середине I тыс. до н. э. здесь был устьевый мыс в месте впадения современной речки Каланчак⁶⁸. Правда, Плиний определяет Кефалонес как остров (Plin., NH, IV, 93), однако это уже может быть отражением более поздней картины, когда вследствие подъема уровня моря на этом месте перешеек ушел под воду и образовался остров⁶⁹.

Определенной поддержкой в пользу предлагаемой локализации Кефалонеса может служить взаиморасположение Кефалонеса и Тамнараки. В соответствии с координатами «Географического руководства», их разделяют чуть меньше 78 км. Практически такое же расстояние —

между островом Джарылгач и мысом Тарханкут, с которым мы отождествляем древнюю Тамираку. Точно так же и расстояние между Кефалонессом и устьем реки Каркинит (75 км) соответствует расстоянию до современной реки Чатырлык, которая сопоставляется нами с Гипакирисом Геродота и Каркинитом более поздних авторов. Таким образом, ключевые расстояния между тремя крайними точками по Каркинитскому заливу близки к действительным по отношению к Кефалонессу, и в то же время расстояние «Тамирака — устье реки Каркинит» явно не вписывается в этот треугольник (около 17 км). Объяснение этому следует искать в положении Прекрасной гавани, с которой мы и начнем анализ сведений античных авторов по населенным пунктам Херсонеса Таврического (Крымского полуострова).

Прекрасная гавань (Калос Лимен). Античная информация о ней очень скудная. Арриан указывает ее местоположение по отношению к Керкинитиде и Тамираке (Агг., PPE, 30). У Птолемея, как уже говорилось выше, она помещена на материке (Ptol., III, 5, 2). Псевдо-Арриан повторяет информацию Арриана (Ps.-Агг., PPE, 83) и чуть раньше (§ 82) сообщает расстояние от гавани Афиниона до Прекрасной гавани, которое составляет 2600 стадиев. Помпоний Мела указывает, что выше тавров «залив с удобными гаванями, называемый поэтому Прекрасной гаванью» (Mela., II, 3). Впрочем, подробности, которые Мела добавляет здесь же об этой гавани, явно к ней не относятся, так как скорее соответствуют другой гавани — гавани Символов вблизи Херсонеса.

Возможно, Калос Лимен обозначена у Страбона, который заканчивает описание Ахидлова Бегга мысом Тамиракой и называет «пристань, обращенную к матерiku...» (Strabo, VII, 3, 19). Сопоставив это место с другим, где говорится: «Если плыть из Тамиранского залива, то влево будет городок и другая гавань херсонессцев» (Strabo, VII, 4, 2), «пристань, обращенную к матерiku», можно было бы отождествить с Прекрасной гаванью. «Городок и другую гавань херсонессцев» в этом случае логично будет соотносить с Керкинитидой других авторов.

Прекрасная гавань упомянута в херсонесской присяге, и ее локализация у Ак-Мечетской бухты на северной окраине современного пгт. Черноморское как будто бы ни у кого не вызывает сомнения⁷⁹. Вместе с тем целый ряд несоответствий у античных авторов в отношении этого пункта требует объяснения, и ограничиться здесь констатацией ошибки или неточности в передаче информации было бы, наверное, недостаточно.

Прежде всего, это касается координат и линейных расстояний Прекрасной гавани по отношению к другим населенным пунктам и физико-географическим топонимам.

Арриан и Псевдо-Арриан определяют расстояние между Прекрасной гаванью и Тамиракой в 300 стадиев (Алт., PPE, 31; Pz.-Алт., PPE, 83), что в современном исчислении составляет от 47,3 км до 63 км. Единственный достойный внимания объект на этом участке — современная Бакальская коса. В случае ее отождествления с Тамиракой, как это делалось раньше⁷¹, расстояние вполне согласуется с действительностью. Если же под Тамиракой понимать Тарханкут, то оно явно завышено. Между тем если Тамирака — все-таки Бакальская коса, то трудно объяснить, почему античная лоция называет мыс в глубине Каркинитского залива и ничего не говорит о Тарханкуте, который был важнейшим ориентиром на маршруте «Ольвия — Херсонес». К тому же и Арриан, и Псевдо-Арриан, и Страбон говорят об озере внутри Тамираки. Как будто бы это вполне соответствует Бакальскому озеру, но тогда до устья какого озера Арриан называет 300 стадиев от Тамираки?

Расстояние между Тамиракой и Прекрасной гаванью в «Географическом руководстве» Птолемея — почти 85 километров, что явно не соответствует ни одному из возможных вариантов локализации Тамираки. В то же время точно такое же расстояние разделяет Тамираку с устьем реки Каркиниты, и это соответствует действительности, если с последним отождествляется Четырлык. Тамирака же, по координатам Птолемея, отстоит от устья Каркиниты всего на 16,6 км, и почти на столько же отстоит Прекрасная гавань от Кефалонеса (15,7 км). В действительности же это соответствует расположению от м. Тарханкут до городища на окраине пгт. Черноморское, отождествляемого с Прекрасной гаванью. Создается впечатление, что Прекрасная гавань в перечне «Географического руководства» находится явно не на своем месте. Расстояние «Кефалонес — Тамирака», «Кефалонес — устье реки Каркиниты» и «Прекрасная гавань — устье реки Каркиниты» полностью согласуются с действительностью. Промежуточные же координаты явно завышены («Прекрасная гавань — Тамирака») или занижены («Кефалонес — Прекрасная гавань» и «Тамирака — устье реки Каркиниты»). Подобная ситуация стала следствием компиляции разновременных и разнонаправленных периплов. Самый ранний из них называл по Каркинитскому заливу только три пункта, соответственно дающих представление о его размерах: Кефалонес со стороны материка, устье реки

Каркиниты со стороны перешейка и Тамирака как крайняя южная точка залива. Позднее к ним, вероятно, добавилась Керкинитида, расположенная к юго-востоку от Тамираки (Тарханкута). Периплы заливно-стического времени прибавили к этому и Прекрасную гавань. Дополним еще и встречную направленность описания и получим ту самую последовательность, что присутствует у Птолемея:

1) Кефалонес — устье реки Каркиниты — Тамирака (полный объезд Каркинитского залива).

2) Тамирака — Прекрасная гавань — Кефалонес (встречный путь, минуя устье реки).

3) Кефалонес — Прекрасная гавань — Тамирака — устье реки Каркиниты (итоговая компиляция Птолемея, за вычетом дублирующего пункта).

Кефалонес и река Каркинит не изменили своего положения относительно друг друга, а Прекрасная гавань и Тамирака поменялись местами, оказались приближенными к двум ключевым точкам и к тому же переместились на материк. Заметим попутно, что аналогичная, как бы перевернутая картина наблюдается и в описании района Херсонеса (Рюл., III, 6, 2).

Отсюда следует, что расстояние между Прекрасной гаванью и Тамиракой по отношению к Кефалонесу включает в себя сумму расстояний «Прекрасная гавань — Тамирака» и «Тамирака — Кефалонес», а по отношению к устью реки Каркинит — только расстояние «Прекрасная гавань — устье реки Каркинит». В первом случае из него следует вычесть отрезок «Кефалонес — Прекрасная гавань», во втором — прибавить отрезок «Тамирака — Каркинит». И тот и другой отрезок соответствуют расстоянию между Прекрасной гаванью и Тамиракой.

Та же самая картина наблюдается и в периплах Арриана и Псевдо-Арриана. Прежде всего, обращают на себя внимание явно завышенные линейные расстояния на участке от Керкинитиды до Прекрасной гавани. Оба автора определяют путь между этими пунктами в 700 стадиев, т. е. от 110,4 км до 147 км. В действительности прямое расстояние между Евпаторией, на месте которой локализуется Керкинитида, и Черноморским, на месте которого локализуется Прекрасная гавань, чуть больше 65 километров, а полный объезд побережья — около 100 км, если считать почти каждую извилину береговой линии. Какое расстояние указывают периплы?

Если последовательность не нарушена (т. е. если Тамирака — это Бакальская вова), то, вероятнее всего, это — каботажный объезд по-

бережья. Но тогда без ответа остаются поставленные выше в связи с подобной локализацией вопросы. Если же последовательность нарушена (т. е. если Тамирака — это мыс Тарханкут), то, вне всякого сомнения, речь идет о прямом расстоянии между Керкинитидой и Калос Лименом. В этом случае Арриан, после того как указал прямое расстояние, вместо того чтобы двигаться по направлению к устью Борисфена, идет в обратном направлении, но уже каботажным маршрутом вдоль побережья. Псевдо-Арриан дополняет сведения Арриана подробным описанием Ахиллова Бега и каботажным объездом Керкинитского залива, однако связка Керкинитиды — Прекрасная гавань — Тамирака оставлена у него без изменений. В то же время из описания исчезло расстояние до устья озера, и вместо него появилось прямое расстояние через устье Керкинитского залива (Ры.-Ал., РРЕ, 83).

Казалось бы, определенным подтверждением первого варианта интерпретации сведений Арриана может служить предложенная М. В. Агбуновым величина стадия Арриана — 157,7 м²². В этом случае расстояние в 700 стадиев между Керкинитидой и Прекрасной гаванью довольно близко каботажному объезду этого участка побережья. Но тогда неверно указано расстояние от Тамираки до устья Борисфена. По сумме промежуточных расстояний у Арриана оно составляет 830 стадиев, или около 131 км, при стадии в 157,7 м. Ни из какой точки Северо-Западного Крыма на таком расстоянии мы не попадем к устью современного Днепровского лимана, в то время как при стадии в 197 м мы получаем расстояние, практически точно совпадающее с прямым путем от мыса Тарханкут до устья Днепровского лимана в районе современного Очакова. На наш взгляд, именно это расстояние в перипле Арриана являлось стержневым. Все остальные, более подробные сведения согласовывались и увязывались с ним. Встречное направление в описании участка Керкинитиды — Калос Лимен привело к ошибочному включению в рамки прямого пути через Керкинитский залив каботажного объезда побережья от Калос Лимена к Керкинитиде, т. е. движение в обратном направлении. При этом все линейные расстояния между отдельными пунктами оказались завышенными примерно в два раза (разница получена на основе сравнения расстояния по Арриану между Керкинитидой и Калос Лименом при стадии в 197 м с действительным расстоянием между этими пунктами). Если наше предположение верно, то описание Арриана, начавшись от Керкинитиды, примерно здесь же должно и закончиться. В этом мы и попробуем убедиться.

Итак, расстояние между Керкинитидой и Прекрасной гаванью по Арриану составляет 700 стадиев. Двукратное уменьшение дает 350 стадиев, или около 69 км, что вполне соответствует прямому пути между этими пунктами. Вслед за Калос Лименом в перипле обозначена Тамирака на расстоянии в 300 стадиев. Двукратное уменьшение дает 150 стадиев, или 29,6 км, что приводит нас в район мыса Гарханкут, который и назывался в древности Тамиракой. Далее у Арриана на расстоянии в те же 300 стадиев, т. е. в действительности в 29,6 км, расположено устье озера, под которым в данном случае следует понимать современное озеро Донгузлав. И наконец, последними в цепочке пунктов перед устьем Борисфена помещены так называемые Эионы на расстоянии в 380 стадиев или, при двукратном уменьшении, в 190 стадиев (37,4 км). На указанном расстоянии как раз расположена песчаная пересыпь, тянущаяся от Евпатории к югу, что вполне согласуется с этимологией слова «Эионы», т. е. береговые отмели. Возможно, именно схожесть названий материкового и крымского Ахиллова Бега, о чем говорилось выше, и привела к итоговой компиляции источников в перипле Арриана. Наше предположение о том, что в случае обратного отсчета расстояний от Прекрасной гавани перечисление пунктов между ней и устьем Борисфена должно вновь привести к начальной точке маршрута — Керкинитиде, полностью подтвердилось, и данная интерпретация сведений Арриана кажется нам наиболее приемлемой.

Прекрасная гавань (Калос Лимен) локализуется, таким образом, на северной окраине пгт. Черноморское, в глубине Ак-Мечетской бухты, открытой в Керкинитский залив. Городище расположено на невысоком скалистом мысу, слабо выдающемся в сторону моря. Памятник представляет собой в плане вытянутую с востока на запад трапециевидную площадку около 2,3 га. В его истории в настоящее время выделяются три основных периода: греческий (с середины IV в. до н. э. по середину II в. до н. э.), скифский, включающий три этапа, различных по своей продолжительности (середина II в. до н. э. — последнее десятилетие данного столетия; начало I в. до н. э. — первая половина II в. н. э.; вторая половина II в. н. э. — III в. н. э.), и, наконец, салтовский (IX—X вв. н. э.)⁷⁹. Сведения Арриана, определяющего Прекрасную гавань как скифскую (Аг., РРЕ, 30), относятся, скорее всего, к скифскому периоду в истории Прекрасной гавани, возможно, к его второму этапу. Сведения же Страбона восходят к более раннему времени, так как если под «пристанью, обращенной к материку», понимать Ка-

лос Лимен других авторов, то из последующего текста «Географии», сообщающего о «другой гавани херсонесцев» (Strabo, VII, 4, 2), т. е. о Керкинитиде, следует, что и первая гавань — Калос Лимен — также принадлежала им.

Керкинитида. Сообщения античных авторов об этом населенном пункте хотя и более обширны, но не менее противоречивы, чем о Прекрасной гавани.

В «Землеописании» Гекатея Милетского Керкинитида определяется как «город скифский» (Hekat., 153).

Геродот упоминает Керкинитиду дважды. Первый раз при описании шестой скифской реки Гипакириса: «Шестая река — Гипакирис, которая, устремляясь из озера и протекая посередине [области] скифов-кочевников, впадает [в море] близ города Керкинитиды, направо от себя оставляя Гилею и так называемый Ахиллов Бег» (Herod., IV, 55).

Второй раз Керкинитиды упоминается в связи с описанием древней Скифии и земля тавров: «... От Истра идет уже древняя Скифия, лежащая к югу в направлении южного ветра до города, называемого Керкинитидой. Далее — от этого города обращенную к этому же морю страну, гористую и выступающую к Понту, населяет племя тавров до полуострова, называемого Скалистым; этот полуостров выдается в море, обращенное в сторону восточного ветра» (Herod., IV, 99).

Арриан и Псевдо-Арриан указывают местоположение Керкинитиды (или еще Коронитиды у Псевдо-Арриана) по отношению к Херсонесу (Херсону) на расстоянии в 600 стадиев, а по отношению к Прекрасной гавани — в 700 стадиев (Арт., PPE, 30; Pв.-Арт., PPE, 83).

Кроме того, Керкинитиды в качестве скифского города упомянуты у Элия Геродиана в работе «Об общей просодии» (105, 21) и у Стефана Византийского (з. в. Καρκινίτις).

В «Географическом руководстве» Клавдия Птолемея название города звучит как Каркина и он помещается первым по реке Каркиниту с координатами 59°30' долготы и 48°45' широты (Ptol., III, 5, 13).

Точно такое же название дает и Помпоний Мела: «... Местность между Болотом и заливом называется Тафры (Taphrae), а залив — Каркинитским. При нем лежит город Каркина, омываемый двумя реками — Герром и Илваром, которые изливаются одним устьем, но вытекают из разных источников и в разных местах...» (Mela, II, 4).

Наконец, Плиний также определяет местоположение Каркины при Каркинитском заливе: «Море выдвигается большим заливом, так, что от Меотиды отстоит всего на 5000 шагов и омывает обширные про-

странства и земли многих народов. Этот залив называется Каркинитским. Здесь же река Пакирис; города Навар (Navarum) и Каркина. Сзади лежит озеро Бук (Buces), соединенное с морем посредством рва» (Plin., NH, IV, 84).

Возможно, Керкинитиды упомянуты также и в «Географии» Страбона как «городок и другая гавань херсонесцев» (Strabo, VII, 4, 2), о чем уже говорилось выше. Долгое время единой точки зрения в вопросе локализации Керкинитиды не было, причем первоначально полемика главным образом базировалась на литературной традиции. Ф. Э. Байер располагал Керкинитиду в устье современной реки Каланчак⁷⁴. Этой же точки зрения придерживались позже французские послы к Крымскому хану Пейсонель⁷⁵ и д'Анвилль⁷⁶. Немецкий исследователь Теимани размещает позднейшую Керкинитиду Арриана и Псевдо-Арриана у современной Евпатории⁷⁷. Принципиально новым дополнением к этим основным позициям явилось предположение немецкого ученого Г. Фридендера о существовании в Причерноморье двух соименных городов, различающихся в написании первой гласной буквы: одного — на побережье Каркинитского, или Тамиранского, залива и другого — на западном побережье Крыма⁷⁸. Версию о существовании в древности двух различных городов поддерживали Ноймани⁷⁹, Бурачков⁸⁰, Браун⁸¹ и другие⁸². Так, Ф. Браун Керкинитиду Геродота и Евката помещал у устья р. Каланчак, на берегу современного Каркинитского залива, а Керкинитиду (Коронитиду) — в Крыму.

Напротив, Г. И. Спасский считал, что Керкинитиду, Керкинитиду и Коронитиду следует принять за один город, находящийся у устья Каланчака⁸³. В. В. Латышев⁸⁴ и Ю. Кулаковский⁸⁵, соглашаясь с тем, что это один и тот же город, помещали его в Западном Крыму. Все последующие ученые, писавшие о Керкинитиде, в конечном итоге присоединялись к одной из двух сформулированных точек зрения: часть из них, следуя за Г. Фридендером, допускала существование двух соименных городов в Северном Причерноморье. Другие, напротив, вслед за Г. Спасским, признавали наличие только одного города, располагая его либо на севере Каркинитского залива, либо в Западном Крыму. Попыткой свести эти две противоположные точки зрения явилось предположение В. Ф. Гайдукевича о том, что указанный населенный пункт в IV в. до н. э. был перенесен из местности за пределами Крыма на полуостров в связи с передвижением части скифского населения⁸⁶.

Попытки локализации Керкинитиды в других местах — например, возле г. Николаева⁸⁷, на Кинбурнской косе⁸⁸ или даже южнее Ду-

ная⁸⁸ — носила единичный характер и не получала сколь-либо заметной поддержки.

Из последних работ, специально посвященных проблемам истории Керкинитиды, следует отметить монографию В. А. Кутайсова «Античный город Керкинитиды», в которой автор, как бы подводя итоги многолетней дискуссии, опираясь на весь спектр литературных, археологических, нумизматических и лингвистических данных, относит все эти сведения к одному и тому же пункту Северного Причерноморья — античному городищу в Евпатории⁸⁹.

Между тем констатация этого факта не объясняет в полной мере причину явного несоответствия в координатах Керкинитиды у различных авторов. Так, В. А. Кутайсов весьма убедительно объясняет противоречие между данными Геродота и Плиния местоположением отождествляемого с Керкинитидой городища в Евпатории⁹⁰ и в то же время обходит стороной вопрос о координатах Каркины города у Птолемея, а также явно завышенном расстоянии у Арриана по отношению как к Прекрасной гавани, о чем уже говорилось выше, так и к Херсонесу.

Анализируя данные «Географического руководства» Клавдия Птолемея, мы, исходя из отождествления реки Каркиниты с современной рекой Чагырлык, что протекает в Северном Крыму и впадает в угол Каркинитского залива к югу от Перекопского перешейка, считали возможным локализовать здесь и город Каркину примерно в районе села Воинка, правда, с оговоркой о невозможности пока точной идентификации⁹¹. Однако в настоящее время, как уже говорилось выше, от этой идеи следует отказаться, т. к. не был учтен фактор смещения к северу данного участка побережья, что, по-видимому, привело к сближению Каркины и устья реки. Кроме того, неверно были выделены составляющие компиляции Птолемея по Крымскому полуострову, что привело к ошибке в определении местоположения ряда географических объектов, в том числе и города Каркины.

В «Географическом руководстве» город Каркина помещен в 10' к западу и в 15' к северу от устья реки Каркиниты (Ptol., III, 5, 2 и III, 5, 13). Следовательно, прямое расстояние до этого города составляет 29,3 км, но не к северо-западу, как у Птолемея, а к юго-западу, в соответствии с отождествлением Каркиниты с рекой Чагырлык в Крыму. Таким образом, юго-западное положение по отношению к устью реки Евпаторийского городища как будто бы соответствует действительности, однако расстояние явно незначительно для того, чтобы локализовать Каркину Птолемея именно здесь. Не может в данном

случае оказать помощь и ориентация на течение реки Чатырлык. Расположение городов по реке Каркинитту в «Географическом руководстве» весьма условно. Реки у Птолема часто служили лишь в качестве общего ориентира (вспомним Ордесс выше реки Аксимака или города выше Тиры около Дакии), и в данном случае устье реки Каркинитта являлось, скорее всего, лишь начальной точкой отсчета сухопутной дороги в Крыму после Перекопского перешейка. Поэтому в первую очередь необходимо выяснить маршрут этой дороги, и уже после этого возможно говорить об определении местоположения населенных пунктов, указанных вдоль нее, в том числе и об определении местоположения города Каркины.

От Перекопского перешейка дорога могла проходить к Херсонесу через территорию Центрального Крыма. Однако это направление было довольно опасно и здесь не было сколь либо надежных опорных пунктов (по крайней мере, до сих пор здесь не выявлены поселения римского времени). Кроме того, вряд ли в этом случае отправной точкой было бы выбрано устье реки Каркинитта. Другое дело, если дорога шла по побережью от устья реки Каркинитта (Чатырлыка) через Прекрасную гавань, Каркину (Каркинитиду) и далее к Херсонесу. Определенным подтверждением такому предположению может служить зафиксированный несколько лет назад пост бенефициариев на пересыпи Сакского озера у Евпатории ⁶³. Кроме того, римские отряды могли находиться и в Калос Лимене, и в Керкинитиде, о чем в литературе высказывал предположение В. Н. Дьяков ⁶⁴, однако это пока не подтверждено археологически ⁶⁵. Во всяком случае, именно наличие сухопутной приморской дороги в сочетании с морским объездом этого побережья и могло внести столь существенную путаницу в компилятивные работы античных географов римского времени.

Как уже отмечалось, расстояние от устья реки Каркинит до Прекрасной гавани соответствует действительности или, по крайней мере, очень близко к этому. В то же время, расстояние между Прекрасной гаванью и городом Каркиной, равное 112,5 км, соответствует расстоянию от устья Чатырлыка до м. Тарханкут на современной карте, а 29,3 км, разделяющие Каркину с устьем Каркинитта в «Географическом руководстве», тождественны расстоянию между Ак-Мечетским городищем (Калос Лимен) и мысом Тарханкут (Тамирикл) (сравним аналогичное расстояние у Арриана!!). Наконец, к этому можно добавить, что прямое расстояние, разделяющее ныне устье реки Чатырлык и Евпаторию, составляет 85 км, т. е. примерно столько, сколько разде-

даст на карте Птолемея устье реки Каркиниты и Прекрасную гавань. Таким образом, складывается ситуация, при которой практически ни одно из указанных в «Географическом руководстве» линейных расстояний не соответствует действительному для названных в паре топонимов и в то же время имеет аналог на местности при ином расположении этих же топонимов.

Северо-Западное побережье Крымского полуострова на карте Птолемея оказалось на материке за пределами полуострова, однако географ сохранил его общую протяженность, развернув несколько к северо-западу (возможно, именно это в дальнейшем заставило Птолемея развернуть и вытянуть к западу населенные пункты по Тирасу и другим рекам Северо-западного Причерноморья, о чем говорилось раньше). Крайним южным пунктом в итоге стала Прекрасная гавань ($47^{\circ}45'$), а крайним северным — Каркина город ($48^{\circ}45'$). Устье реки Каркиниты и Тамирака оказались размещенными между ними на одной широте ($48^{\circ}30'$), но на разной долготе (Тамирака на $20'$ западнее). Все остальные города по реке Каркините попали на карту еще севернее города Каркины, однако в реальности они, вероятно, располагались южнее его и на большем удалении от побережья, а потому в данном случае могли не учитываться Птолемеем. Последний сохранил неизменным расстояние между Прекрасной гаванью и устьем реки Каркиниты, а также общую протяженность северо-западного побережья Крыма относительно Тарханкута до перешейка (участок м. Тарханкут — Прекрасная гавань перенесен к северу от устья Каркиниты, и ему соответствует на карте Птолемея расстояние между устьем реки и Каркиной городом). Участок же побережья между Прекрасной гаванью и Каркиной городом оказался разделенным между парами «Тамирака — Каркина город», «Тамирака — устье реки Каркиниты» и «Прекрасная гавань — Кефалонес», расстояние между которыми в сумме составляет $61,5$ км, что весьма близко к данным Арриана. Таким образом, в «Географическом руководстве» под городом Каркиной имеется в виду именно Каркинитиды Арриана.

Каркинитиды была наиболее ранним из древних городов, основанных на территории Северо-Западного Крыма. Она находилась на месте современной Евпатории, на Карантинном мысу. Возникла Каркинитиды в конце VI в. до н. э. До середины IV в. до н. э. она была самостоятельным полисом и имела свою сельскохозяйственную территорию. Войдя в состав Херсонесского государства в IV в. до н. э., город сохранил право на самоуправление и до II в. до н. э. чеканил свою

монету. Во II в. до н. э. город сильно пострадал от скифо-херсонесских войн⁹⁶. По-видимому, на месте греческой Керкинитиды существовало позднее скифское укрепленное поселение. Однако характер укреплений скифской Керкинитиды и ее площадь неизвестны⁹⁷. В. А. Кутайсов считает, что скифы не успели обнести свое поселение оборонительной стеной и войсками Диофанта был отвоеван «уже не город, а лишь то место, на котором он когда-то находился. Никаких следов восстановления Керкинитиды после похода Диофанта не обнаружено»⁹⁸. Что касается продолжающегося позднее упоминания Керкинитиды в римских периплах, то, по мнению В. А. Кутайсова, это связано с «использованием Евпаторийской бухты при каботажном плавании»⁹⁹. И это было бы справедливо по отношению к Арриану и Псевдо-Арриану, но в отношении Птолемея и, возможно, Плиния это не так, поскольку здесь мы имеем дело с сухопутной дорогой. Несмотря на то что предположение о расквартировании в городе римских войск пока не подтверждается археологическими материалами, обнаруженный у Евпатории пост бенефициариев¹⁰⁰ свидетельствует о пребывании римлян в этом районе. Можно предположить и то, что новое поселение размещалось не поверх руин древнего города, а в другом месте — на побережье Евпаторийской бухты, сохранив при этом прежнее, правда, несколько видоизмененное на Каркину, название.

Евпатория город. Этот город известен нам по сообщениям трех авторов: Страбона, Птолемея и Аммиана Марцеллина.

Страбон пишет о нем следующее: «... Был также и Евпаторий, основанный Диофантом, полководцем Митридата...» (Strabo, VII, 4, 7).

В «Географическом руководстве» даются координаты Евпатории города (Ptol., III, 6, 2): «За перешейком у реки Каркинитиды в Понте лежат: Евпатория город 60°45' — 47°20'».

Наконец, Аммиан Марцеллин свидетельствует: «В Таврике есть несколько городов, между которыми выдается Евпатория, Дандака, Феодосия и другие меньшие, не запятнанные никакими человеческими жертвами» (Amm. Marc., XXII, 8, 36).

Таким образом, только Птолемей дает конкретное местоположение этого населенного пункта. Остальные источники указывают лишь на общее пространственное положение — в Крыму, и на то, что Евпаторий был основан Диофантом.

Помимо литературной традиции, сообщения об обосновании этой крепости содержит и херсонесский декрет в честь Диофанта¹⁰¹.

Проблемой локализации Евпатория занимались многие исследователи, однако этот вопрос до сих пор не может считаться окончательно решенным. Прежде всего, трудности возникают при определении местоположения этого города относительно Херсонеса. Часть исследователей склоняется к тому, чтобы поместить Евпаторий вблизи нынешнего Севастополя или даже непосредственно на его месте, как это делал Ф. Браун¹⁰². По В. Юргевичу, он находился в Инкермане¹⁰³. Брандис локализовал Диофантов Евпаторий к востоку от Херсонеса, однако при этом высказал предположение, что в Крыму было два одноименных пункта¹⁰⁴. С. А. Жебелев помещал покоренных Диофантом тавров на южном побережье Крыма¹⁰⁵, тем самым определяя и возможную для поисков Евпатория территорию — к югу от Севастополя. Г. А. Стратановский в комментарии к этому месту в «Географии» Страбона помещает Евпаторий «к востоку от Севастополя или на противоположном мысе между гаванью Севастополя и Артиллерийской бухтой»¹⁰⁶.

Другая часть исследователей относит Евпаторию к Северо-Западному Крыму. П. Бурячков исходит при этом из соотнесения переправы Диофанта с переправой через Каламитский залив¹⁰⁷. Это положение полностью разделяется Д. С. Раевским, предпринявшим, пожалуй, самую серьезную попытку окончательного решения вопроса локализации древнего Евпатория¹⁰⁸. Переправа через Каламитский залив, по мнению Д. С. Раевского, означала не что иное, как переправу «из одной части государства в другую», и не требовала дополнительной конкретизации. Противоречие с общепринятой точкой зрения на территорию расселения тавров, возникающее при этом, разрешается на основе анализа письменных источников и данных археологии. Таврская территория не ограничивалась Горным и Южнобережным Крымом, а включает в всю или почти всю степную часть полуострова¹⁰⁹. Перенеся, вслед за П. Бурячковым, район поисков Евпатория в Северо-Западный Крым, Д. С. Раевский использует в дальнейшем данные Птолемея. В работе с координатами «Географического руководства» исследователь опирается на метод Ф. Брауна, который, как мы уже отмечали, не учитывает многих особенностей компилятивного труда Птолемея и основан на простом пересчете градусов в линейные меры длины¹¹⁰. Не может безоговорочно служить подтверждением размещения Евпатория в окрестностях современного города и ориентация по сторонам света. Как мы уже неоднократно убеждались, она может быть существенно изменена. Наконец, для определения размера ста-

дия Птолемея недостаточно сравнения одной пары хорошо известных топонимов, тем более разделенных водным пространством, так как это может привести к неверному результату, не учитывающему всей сложности искажений того или иного района в «Географическом руководстве». Исходя из размера стадия в 158 м, Д. С. Раевский определяет расстояние между Херсонесом и Евпаторием в 54,2 км и в соответствии с этим отождествляет с Евпаторием городище Кара-Тобе, расположенное на южной оконечности пересыпи озера Сасык¹¹¹. В пользу этого, по мнению автора, говорит и тот факт, что «остальные городища побережья вряд ли могут претендовать» на эту роль, «так как не имеют ни гаваней, ни выгодного стратегического положения — это рядовые торгово-земледельческие поселения»¹¹². Впрочем, Д. С. Раевский в заключение совершенно справедливо подчеркивает, что «подтверждение или опровержение этой версии должно дать археологическое исследование, в первую очередь, эпиграфические находки»¹¹³.

Наши расчеты, учитывающие характер искажения Тарханкутского полуострова у Птолемея, как будто бы подтверждают расчеты Д. С. Раевского и также позволяют соотносить Евпаторий с городищем Кара-Тобе¹¹⁴. Однако А. Н. Щеглов вновь в качестве основных возражений против такой локализации приводит доводы о переправе «через относительно неширокую водную преграду» на ту сторону «от города» и то, что «окрестные тавры» могут быть локализованными «только в Юго-Западном Крыму». Кроме того, «в описании первого похода нет ничего, что говорило бы о продвижении Диофанта в Северо-Западный Крым»¹¹⁵. Версия о местоположении Евпатории в Юго-Западном Крыму по-прежнему имеет широкое распространение. Так, например, в комментариях к «Книге картины Земли» арабского ученого ал-Хорезми Т. М. Калинина приводит только одну точку зрения о локализации Евпатории около современной Балаклавы¹¹⁶. Все это свидетельствует о том, что вопрос о местоположении древнего Евпатория далеко не исчерпан.

Уточненная картина Северо-Западного Причерноморья на карте Птолемея, полученная в ходе анализа сведений «Географического руководства» по Прекрасной гавани и Керкинитиде, позволяет внести некоторые коррективы в предложенную нами ранее локализацию города Евпатории.

Учитывая тот факт, что Тарханкутский полуостров на карте Птолемея вынесен на материк, при локализации Евпатории мы исходим из

того, что так как с этого пункта вновь начинается обратное движение, то вряд ли Птолемей стал повторно включать северо-восточную часть полуострова в расстояние между перешейком и Евпаторией. В этом случае координаты Евпатории в «Географическом руководстве» соответствуют расстоянию между Прекрасной гаванью и Евпаторией¹¹⁷. Однако это имело бы место только в том случае, если местонахождение перешейка у Птолемея оставалось бы неизменным. Между тем выше мы выяснили, что фиксированным, ключевым расстоянием в «Географическом руководстве» был отрезок между устьем реки Каркинит и Прекрасной гаванью. Отсюда следует, что именно исходя из координат Евпатории по отношению к этим пунктам, возможно определение ее местоположения. Причем в связи с переносом побережья Северо-Западного Крыма на материк изменилось положение реки Каркинит по отношению к перешейку: они фактически поменялись местами. Исходя из этого, можно предположить, что расстоянию «устье реки Каркинит — Евпатория» в «Географическом руководстве» в действительности соответствует отрезок от северной части перешейка до Евпатории. Кроме того, в данном случае линейные расстояния между этими пунктами, в силу все того же переноса побережья на материк, соответствуют прямому пути между ними.

Для более точной локализации Евпатории необходимо также определить ее местонахождение по отношению к объектам, расположенным южнее нее. Можно предположить, что здесь ключевыми являлись расстояния по отношению к Херсонесу. Кроме того, несмотря на неверные пространственные координаты гавани Ктенунт по отношению к Херсонесу (картина в этом месте оказалась у Птолемея как бы перевернутой), ее положение по отношению к Евпатории, вероятнее всего, сохранено, так как при следовании от Херсонеса через Каламитский залив миновать Ктенунт гавань невозможно. Отождествление этой гавани с Севастопольской бухтой на основе сведений других источников, в частности Страбона, не вызывает никаких сомнений, а потому ее координаты также могут быть использованы при определении местоположения города Евпатория. Это местоположение будет там, где в одной точке сойдутся все четыре расстояния до Евпатории: от устья реки Каркинита (в действительности от перешейка), от Прекрасной гавани, от Ктенунт гавани и от Херсонеса. Приведенные нами расчеты приведены в таблице.

Единственная точка, где все эти расстояния стыкуются, — это Евпаторийский мыс. Причем три первых расстояния — прямые, а

последнее, по-видимому, является каботажным объездом Каламитского залива.

№	Определяемое расстояние	Расстояние в минутах по Птолемею по:		Соответствующие им прямые расстояния в пересчете на км
		широте	долготе	
1	Устье реки Каркинит — Евпатория (сев. часть перешейка — Евпатория)	50	65	108,2
2	Прекрасная гавань — Евпатория	5	75	63
3	Ктекуит гавань — Евпатория	30	30	61,5
4	Херсонес — Евпатория	40	15	76

Начиная от Евпаторийского мыса к Тарханкуту, по берегу моря расположена целая цепочка поселений. Наиболее крупным является Чайкинское городище, местоположение которого на Евпаторийском мысу у санатория «Чайка» вполне позволяет отождествить его с древней Евпаторией ¹¹⁸.

Площадь городища довольно большая (более 5000 м²). Возникло оно во II в. до н. э. на месте греческих усадеб, занимало выгодное в стратегическом положении место и существовало, по крайней мере, до середины I в. до н. э. ¹¹⁹ Возможно, именно основание этого городища привело в конечном итоге к запустению Керкинитиды и объясняет отсутствие на ней каких-либо следов восстановления после похода Дюофанта ¹²⁰.

Обращает на себя внимание и то, что в «Географическом руководстве» расстояние между Прекрасной гаванью и городом Каркиной (напомним, что ему соответствует сумма расстояний «Тамирака — Каркина город», «Тамирака — устье реки Каркиниты» и «Прекрасная гавань — Кефалонес») очень близко расстоянию между Прекрасной гаванью и Евпаторией (соответственно 61,5 км и 63 км). Возможно, речь идет об одном и том же пункте, имеющем двойное название? Одно — Евпатория, данное Дюофантом, а другое, Каркина — местное, перенесенное в несколько искаженном виде с расположенной по соседству Керкинитиды после ее разрушения. Во всяком случае, исключать такую возможность нельзя, и вполне вероятно, именно это явилось одной из причин существенного искажения картины Северо-Западного Крыма в компиляционном труде Клавдия Птолемея.

Дандака. Этот географический топоним упоминается античными источниками дважды. Впервые он встречается у Птолемея в описании Понтийского побережья «за перешейком у реки Каркинитас» после города Евпатории. Его координаты в «Географическом руководстве» 60°45' долготы и 47°20' широты (Ptol., III, 6, 2). Позднее его называет Аммиан Марцеллин среди городов, выделяющихся в Таврике, также после Евпатории (Аmm. Marc., XXII, 8, 36).

Долгое время в вопросе локализации Дандаки исследователи ограничивались лишь определением ее местоположения в Западном Крыму, считая более точное отождествление невозможным¹²¹. Попытку отождествления Дандаки с конкретным поселением предпринял впервые А. Н. Щеглов¹²². Проведенные им вычисления по данным Птолемея позволили ему локализовать Дандаку на Усть-Альминском городище¹²³. Однако эта версия встретила возражение со стороны Т. Н. Высотской, которая помещает в устье Альмы древний Палакий¹²⁴. В статье, посвященной проблемам локализации Палакия, она указывает, что аргументация А. Н. Щеглова по отождествлению Усть-Альминского городища неубедительна. Во-первых, этимология слова («зуб»), по В. И. Абазу, не единственная. О. Н. Трубачев производит его от таврского слова *danda* — палка, *dandana* — вид тростника. Во-вторых, мыс треугольной формы, обращенный вершиной в сторону моря и напоминающий зуб, мог образоваться и в более позднее время в результате размывания берега морем, уничтожившим часть городища (по подсчетам геоморфологов, сейчас ежегодно уничтожается 0,6 м береговой полосы). В-третьих, Т. Н. Высоцкая полагает, что то, что название этого пункта нигде не упоминается до Птолемея, не может служить основанием для отождествления Дандаки с городищем в устье Альмы, так как этот город возник до Диофантовых войн и особенно процветал в I — первой половине II в. н. э.¹²⁵ Однако последнее не может служить доказательством ни в том ни в другом, учитывая комплятивный характер труда Птолемея. Точно так же как и сведения Аммиана Марцеллина, который, по мнению Э. Минца¹²⁶, полностью следует за Птолемеем, не могут быть основанием для утверждения, что «Дандака не только существовала, но и процветала во времена Аммиана Марцеллина, в IV в. н. э.»¹²⁷ Предпринятая нами попытка локализации Дандаки опиралась на отождествление Евпатории с городищем Кара-Тобе и позволяла соотносить этот пункт с Усть-Альминским поселением¹²⁸. Иная версия локализации Евпатории вынуждает нас пересмотреть эту точку зрения.

В качестве опорных точек при определении местоположения Дандаки мы используем на севере город Евпаторию, а на юге — Ктенут гавань и Херсонес. При этом локализация Дандаки возможна там, где полученные между этими пунктами и Дандакой расстояния встретятся в одной точке. Кроме того, следует иметь в виду, что если у Аммиана Марцеллина статус Дандаки как города определен достаточно ясно, то в «Географическом руководстве» статус Дандаки не определен и может относиться как к городу, так и к названию какого-либо иного топонима, расположенного вблизи. Произведенные нами расчеты дали следующие результаты:

№	Определяемое расстояние	Расстояние в минутах по Птолемею по:		Соответствующие им прямые расстояния в пересчете на км
		широте	долготе	
1	Евпатория — Дандака	20	—	37,5
2	Ктенут гавань — Дандака	10	30	31,2
3	Херсонес — Дандака	20	15	39,5

Все три отрезка соединяются в районе устья современной реки Западный Булганак. Так как поселений непосредственно в устье Булганака нет, то, по-видимому, на карте Птолемея топоним Дандака обозначает именно реку, а не город, который был расположен выше по течению и носил одноименное с рекой название. Возможно, именно этим объясняется и этимология слова Дандака — «тростник», если придерживаться точки зрения О. Н. Трубочева о его таврском происхождении ¹²⁹.

Наиболее близко к устью Западного Булганака расположены два городища: Кольчутино и Булганакское. По-видимому, именно Булганакское городище контролировало пути по долине Западного Булганака, защищая подступы к Неаполю ¹³⁰. Д. С. Раевский, правда, считает возможным отождествление Булганака с Хабемия Страбона, однако обстоятельства, которые заставляют его «отказаться от мысли о тождестве Усть-Альминского городища с Хабемия и помещать этот последний город на Булганак», довольно зыбкие ¹³¹. Локализация А. Н. Щегловым на городище Алма-Тамах Дандаки далеко не бесспорна, о чем говорилось выше, а ссылка на то, что Хабии были расположены «в середине Скифии», а не на побережье, как Усть-Альминское городище, требует вначале определения понятия «середины Скифии» ¹³².

Булганакское городище — четвертый по величине подэскифский город Крыма, он вполне мог носить в древности название Дандака. Впрочем, нельзя исключать и возможность того, что топоним «Дандака», по крайней мере, в литературной традиции, обозначал только название реки (Западный Булганак), — ведь по версии Аммиана Марцеллина и Кефаловес назван городом, хотя таковым и не являлся (Amm. Marc., XXII, 8, 40).

Что касается области Таврики как территории расселения тавров, которую обычно ограничивают Горным и Южнобережным Крымом, то, как совершенно справедливо отмечает Д. С. Разевский, древние авторы вовсе не ограничивают ее этим районом¹¹³. У Геродота территория тавров простирается от Каркинитиды до полуострова Скалистый (Керченского): «От Истра идет уже древняя Скифия, лежащая к югу в направлении южного ветра до города, называемого Каркинитиды. Далее — от этого города обращенную к этому же морю страну, гористую и выступающую к Понту, населяет племя тавров до полуострова, называемого Скалистым» (Herod., IV, 99). То же самое у Страбона: «Раньше боспорские тираны владели лишь небольшой областью при устье Меотиды и при Пантикапее до Феодосии, а наибольшую часть стран до перешейка и Каркинитского залива занимало скифское племя тавров» (Strabo, VII, 4, 5). И у Псевдо-Ариана «от Афинеона до Кют живут скифы» (Ps.-Agt., 76), а после Афинеона или гавани скифотавров до Прекрасной гавани живут тавры (Ps.-Agt., 78—79; 83). Причем для Феодосии, расположенной перед Афинеоном, в 200 стадиях от него, дается второе название на аланском или таврском наречии — Ардабла (Ps.-Agt., 77).

Таким образом, никакого противоречия между предлагаемой локализацией Евпатории и Дандаки и античной письменной традицией нет, как нет противоречия и с данными археологии. Как убедительно показывает В. А. Колотухин, «освоение скифами предгорий происходило скорее мирным путем и сопровождалось культурной нивелировкой и, очевидно, ассимиляцией тавров. Эти процессы наиболее интенсивно протекали в контактной зоне, которая не позднее V в. до н. э. переместилась из степей в предгорье. Кизил-кобинские поселения II в. до н. э. свидетельствуют о сосуществовании здесь скифов и тавров, одновременно отдельные группы тавров, по-видимому, прежде всего жителей контактной зоны, переселяются в степь и в античные центры Крыма»¹¹⁴, т. е. население здесь было довольно смешанным. Что касается отсутствия у Аммиана Марцеллина в перечне городов в Таври-

ке Херсонеса, который должен был бы быть назван между Дандакой и Феодосией, то, во-первых, автор «Истории» ранее уже сообщает о греческих колониях («к левой стороне Меотиды близок Херронес, изобилующий греческими колониями») (*Ashm. Magc.*, XXII, 8, 32), а во-вторых, в данном отрывке речь идет о городах, к тому времени уже не греческих или с большой долей варварского элемента среди населения, и главное, что здесь подчеркивается, — это отсутствие у них связи с принесением человеческих жертв («не запятанные никакими человеческими жертвами») (*Ashm. Magc.*, XXII, 8, 36), в отличие от обычаев, приписываемых античной традицией таврам.

Херсонес и Гераклеийский полуостров. После Дандаки наш путь лежит на Гераклеийский полуостров, где расположился древний Херсонес. Упоминание Херсонеса в античных источниках встречается довольно часто, однако в большинстве случаев характеристика его предельно сжата и в целом история освещена довольно слабо.

Самое раннее упоминание Херсонеса содержится у Псевдо-Скилака, где статус Херсонеса определяется как эмпорий (*Pz.-Scyl.*, 68). У Псевдо-Скимна он назван уже «эллиническим городом, основанным гераклеотами и делосцами вследствие данного гераклеотам, живущим в Азии внутри Кианей, прорицания вместе с делосцами заселить и Херсонес» (*Pz.-Skymn.*, 822—830). Это сообщение Псевдо-Скимна много позже повторяет Псевдо-Арриан (*Pz.-Agt.*, PPE, 80).

Самое подробное описание Гераклеийского полуострова оставил Страбон (*Strabo*, VII, 4, 2). Кроме того, в следующем параграфе Страбон кратко касается истории города (*Strabo*, VII, 4, 3).

У Арриана указаны расстояния до Херсонеса от порта Символа и от Херсонеса до Керкинитиды (*Agt.*, PPE, 30). Псевдо-Арриан добавляет к этому, помимо уже упоминавшейся цитаты из Псевдо-Скимна, расстояния до Херсонеса от деревни Портмитиды и Пантикапея (*Pz.-Agt.*, PPE, 82), а также от Херсонеса до реки Тиры (*Pz.-Agt.*, PPE, 89). Птолемей сообщает координаты Херсонеса (61°—47°), однако общая картина Гераклеийского полуострова на карте у него как бы перевернута (*Ptol.*, III, 6, 2).

Помпоний Мела называет Херсонес при описании Крымского полуострова и свидетельствует, что, по преданию, он был основан Дяной и славится «особенно нимфейской пещерой, которая посвящена нимфам в его кремле» (*Pompr. Mela*, II, 3).

Плиний, с одной стороны, говорит о Херсонесе Новом, граничащем со скифо-таврами, а с другой стороны, о Гераклее — Херронесе,

«которому дарована свобода римлянами», и сообщает, что раньше он «связывался Мегарикой и был самым блестящим пунктом на всем этом пространстве, благодаря сохранению греческих обычаев; стены его имеют 5000 шагов в окружности (Plin., NH, IV, 85).

Кроме того, Херсонес упоминает Флегонт Траллидский («Олимпиады или хроники», XV, фр. XXII) и Стефан Византийский (з. в. *Xapδόνητος*). У Полибия в отрывке о договоре 179 г. до н. э. среди включенных в него из числа автономных общин названы херсонеситы (Polib., XXV, 2, 12).

Местоположение Херсонеса установлено достаточно точно и давно подтверждено эпиграфически, поэтому нет необходимости останавливаться на этом вопросе. Город Херсонес был основан на скалистом мысу, к восточной стороне которого примыкает глубоко врезающаяся в материк бухта (ныне Карантинная), с пологим берегом, удобным для причала кораблей. В его истории выделяются классический (V—IV вв. до н. э.), эллинистический (III—II вв. до н. э.) и римский (I—IV вв. н. э.) периоды. В отличие от многих других греческих северо-понтийских городов, Херсонес не погиб на рубеже античности и средневековья и продолжал существовать и позже¹⁴⁵.

Если в отношении местоположения этого города никаких сомнений нет, то по поводу локализации упомянутого у Страбона «Старого» Херсонеса давно ведется дискуссия. В литературе по этому вопросу сложились две основные точки зрения. Одни исследователи считают, что «старый» Херсонес занимал весь Маячный полуостров и представлял собой разбросанное по указанной территории сельское поселение, состоявшее из изолированных усадеб с земельными участками при них. От Гераклеяского полуострова это поселение было отделено двойной линией крепостных стен с башнями, пересекавшей перешеек Маячного полуострова у Казычьей бухты. Пространство между стенами служило убежищем для населения и не было застроено. Эта точка зрения впервые была высказана Палласом¹⁴⁶ и поддерживалась К. Григориенцом¹⁴⁷, Г. Д. Беловым¹⁴⁸, В. Ф. Гайдукевичем¹⁴⁹, который считал, что в «действительности же Херсонес Таврический, колония гераклеяцев, изначально связан был с бухтой Карантинной. Лишь в результате роста города в его окрестностях, на мысе Херсонесском, возник обширный сельский район с усадьбами, виноградниками и т. д.; наиболее густо заселенная часть его образует своего рода поселок, огражденный к тому же на перешейке двойными оборонительными стенами»¹⁴⁶. В современных работах эта точка зрения нашла отражение в

Малом энциклопедическом справочнике «Города и поселения Причерноморья античной эпохи», хотя типологически «древний» Херсонес определен здесь как город ¹⁴¹.

Вторая точка зрения, впервые высказанная А. Л. Бертье-Делагардом ¹⁴², заключается в том, что «старый Херсонес лежал на перешейке у Казачьей бухты между двумя линиями оборонительных стен и был поселением городского типа, а территорию Маячного полуострова занимала его сельская округа, поделенная на наделы, занятые загородными усадьбами». Эта гипотеза разделяется большинством современных ученых и, как окончательно решенная, излагается А. Н. Щегловым в 20-томной «Археологии СССР» ¹⁴³.

В отношении типологической характеристики памятника в литературе существуют четыре точки зрения ¹⁴⁴:

1. Городище интерпретируется как остатки города.
2. Городище на перешейке определяется как одно из херсонесских укреплений, упомянутых в Присяге (IRE, P, 401).
3. Памятник относится к типу городищ-убежищ для окрестных жителей.
4. Фортификационные сооружения на перешейке не несли никаких функций, кроме предотвращения доступа на заселенный полуостров, и в этом случае памятник не является городищем.

А. Н. Щеглов на основе анализа данных раскопок и разведок приходит к заключению, что наиболее приемлемой является вторая точка зрения. «Укрепление на перешейке, вероятно, сочетало в себе функции военной крепости, направленной в сторону Гераклеяского полуострова, земледельческой территории, жилого района... то есть, поселения с, возможно, специально выделенным священным участком на юге и гаванью на севере» ¹⁴⁵. Анализ археологического материала позволяет уточнить дату существования этого поселения. Нижнюю временную границу пока можно определить концом V — началом IV в. до н. э. ¹⁴⁶ Прекратила же свое существование оборонительная система на Маячном полуострове в результате военных действий либо в самом конце IV, либо на рубеже IV—III в. до н. э. ¹⁴⁷ А. Н. Щеглов высказывает предположение, что это являлось результатом «по сути гражданской войны», которая и привела к установлению в Херсонесском государстве демократического строя ¹⁴⁸.

Предложенная А. Н. Щегловым версия кажется довольно убедительной, однако существует одно обстоятельство, которое не позволя-

ет пока считать вопрос о «старом» Херсонесе решенным. У Страбона мыс Парфений находится на расстоянии ста стадиев от города. Коль скоро этот мыс тождествен современному Херсонесскому, то это расстояние существенно завышено, даже если предположить, что географ воспользовался коротким Эратосфеновым стадием (157,7 м). Между тем, по крайней мере здесь, это не так. При описании Малого Херсонеса Страбон сообщает еще и длину перешейка между бухтой Символов (Балаклавская) и Ктенунтом (Севастопольская) — 40 стадиев, т. е. более чем в два раза меньше, чем расстояние между Херсонесом и мысом Парфений. Эту же цифру в 40 стадиев (5000 шагов) называет и Плиний, правда, применительно к окружности стен Херсонеса (Plin., NH, IV, 85). Если и в этом случае использовать Эратосфенов стадий, то полученное расстояние будет сильно занижено. Таким образом, либо мы должны признать, что линейные расстояния Страбона по Гераклейскому полуострову неверны, либо Херсонесский мыс не может быть отождествлен со Страбовым Парфением.

Кроме Страбона, мыс Парфений упомянут у Птолемея (III, 6, 2), Помпония Мелы (II, 3) и Плиния (IV, 86). Точные координаты есть только в «Географическом руководстве». Попробуем опереться в определении местоположения м. Парфений на координаты ближайших к нему объектов — Херсонеса и гавани Символов. На карте Птолемея Херсонес и м. Парфений разделяют 20' долготы, или, в пересчете на современные меры длины, 16,6 км. Даже если учитывать довольно сильную изобразу берега в этом месте¹⁴⁹, цифра слишком велика для того, чтобы соотносить Парфений с Херсонесским мысом. Еще большую неясность вносит подсчет расстояния от гавани Символов (20' долготы и 15' широты, или 32 км), которое уводит нас далеко в море. Более того, эти расстояния вообще не могут сойтись в одной точке. Следовательно, в данном случае они не являются ключевыми и не соответствуют действительным расстояниям между рассматриваемыми объектами. Чтобы выяснить, какие же расстояния были здесь для Птолемея базовыми, необходимо разобраться в причине перевернутой картины Гераклейского полуострова в «Географическом руководстве», на что обратил внимание еще В. В. Латышев¹⁵⁰.

Как мы убедились выше, Херсонес и Ктенунт гавань по отношению к Дандаве и Евпатория свои координаты не изменили. С мыса Бараний Лоб начинается уже южное побережье Крыма. Можно предположить, что его положение также не менялось. Следовательно, изменено местонахождение гавани Символов и мыса Парфений, что и

отразилось на приведенных выше расстояниях. Причиной этого, на наш взгляд, является совмещение в районе Гераклийского полуострова сухопутных и морских трасс разного направления и полноты в перечислении топонимов. Компильция, получившаяся в результате обработки Птолемея, вероятнее всего, возникла из слияния двух таких маршрутов:

1. Сухопутная дорога от мыса Бараний Лоб (возможно, от Харакса?) к гавани Ктенунт.

2. Объезд по периметру Гераклийского полуострова в обратном направлении: Ктенунт гавань — Херсонес — мыс Парфений — гавань Символов — Ктенунт гавань.

Повтор Ктенунт гавани был изъят, а направление выбрано от мыса Бараний Лоб. Если эта гипотеза верна, то на карте Птолемея базовыми должны были стать расстояния от м. Бараний Лоб до гавани Ктенунт и до Херсонеса (его неизменное положение, вероятно, аналогично Ольвии в Приднестровье), а также отрезок пути между гаванью Символов и Ктенунт гаванью. Большая часть остальных расстояний должна была быть увязана с ними и, как правило, не соответствует действительности. Произведенные расчеты, учитывающие все возможные сочетания топонимов в рамках «гавань Символов — Бараний Лоб, мыс» (последовательность Птолемея), дали следующие результаты:

№	Определяемое расстояние	Расстояние в минутах по Птолемею по:		Соответствующие им прямые расстояния в пересчете на км
		широте	долготе	
1	гавань Символов — м. Парфений	15	20	32
2	гавань Символов — Херсонес	15	—	28,1
3	гавань Символов — Ктенунт гавань	5	15	15,5
4	гавань Символов — м. Бараний Лоб	25	60	68,4
5	м. Парфений — Херсонес	—	20	16,6
6	м. Парфений — Ктенунт гавань	10	35	34,6
7	м. Парфений — м. Бараний Лоб	20	80	46,2
8	Херсонес — Ктенунт гавань	10	15	22,5
9	Херсонес — м. Бараний Лоб	20	60	62,3
10	Ктенунт гавань — м. Бараний Лоб	30	45	67,5

Сравнение полученных данных с реальными расстояниями на местности полностью подтверждает предложенную выше интерпретацию сведений Птолемея даже без учета 5' погрешности. Очень точно указано расстояние между двумя гаванями, т. е. протяженность перешейка, отделяющего по Страбону Малый Херсонес от Большого. Сопоставление этого расстояния со сведениями Страбона (40 стадиев, или, в зависимости от величины стадия, от 6,3 км до 8,4 км) позволяет сделать вывод, что либо Страбон неверно определяет величину соответствующего отрезка, либо, что, на наш взгляд, наиболее вероятно, дает не расстояние между гаванями Символов и Ктенунт, а между гаванью Символов и современной речкой Черной, впадающей в Севастопольскую бухту. Реальное расстояние от этой речки в районе населенного пункта Черноречье до Балаклавской бухты составляет примерно 7,2 км, т. е. практически столько же, сколько и в «Географии» Страбона, если исходить из размера стадия в 185 м — 7,4 км. Таким образом, под перешейком Гераклейского полуострова в изложении Страбона следует понимать не отрезок между Севастопольской и Балаклавской бухтами, а более узкий участок в районе Черноречья — Балаклава.

Что касается расстояний от Херсонеса и Ктенунт гавани, то они также весьма близки к реальным и приводят в район м. Ай-Тодор. Это вполне согласуется с высказанной уже нами ранее возможностью отождествления м. Бараний Лоб не с каким-либо конкретным мысом на участке от м. Сарыч до м. Аю-Даг, а со всем участком этого побережья. В зависимости же от направления и целей плавания в качестве ориентира и точки отсчета служила то его крайняя западная точка (м. Сарыч), то крайняя восточная (м. Аю-Даг), то средняя (м. Ай-Тодор). Ни одно ни другое из приведенных в таблице расстояний, за исключением, может быть, отрезка «гавань Символов — Херсонес», если считать в объезд Херсонесского мыса, не согласуется с действительностью. Между тем реальные расстояния между пунктами должны были каким-то образом включаться в компиляцию Птолемея.

Рискуем предположить, что эти расстояния входят в качестве составляющих в отрезки пути между соответствующими пунктами и м. Бараний Лоб. Базой для такого предположения является тот факт, что вне зависимости от координат пунктов эти расстояния очень близки между собой и, что очень важно, по-видимому, включают в себя прежде всего расстояние между Херсонесом и м. Бараний Лоб (62,3 км). Последовательно вычитая это расстояние из соответствующих отрез-

ков пути, мы теоретически должны получить расстояние между соседними пунктами.

Итак, вот эти отрезки и соответствующие им расстояния:

№	Исходный участок	Расстояния в км, полученные за вычетом участка Херсонес — Бараний Лоб (62,3 км)	Соответствующие этому расстоянию отрезки пути
1	гавань Символов — м. Бараний Лоб	6,1	гавань Символов — м. Парфений
2	м. Парфений — м. Бараний Лоб	13,9	м. Парфений — Херсонес
3	Ктенунт гавань — м. Бараний Лоб	5,2	Херсонес — Ктенунт гавань

Исходя из этого, попробуем соотнести данные наименования с современными физико-географическими топонимами, опираясь при этом на абсолютно точную локализацию Херсонеса. Во-первых, в качестве претендента на такую роль сразу же отпадает Херсонесский мыс. Расстояния «гавань Символов — м. Парфений» и «м. Парфений — Херсонес» ни при каком варианте не могут встретиться в этой точке. Зато под это вполне подходит мыс Фиолент, где эти расстояния соединяются, причем дорога от Херсонеса указана не в объезд Херсонесского мыса, а прямая по суше. При такой локализации м. Парфений становятся понятны и 100 стадиев Страбона. В его «Географии» указан не прямой, а объездной, вокруг Херсонесского мыса, маршрут. Что касается расстояния в 5,2 км между Херсонесом и гаванью Ктенунт, о котором сообщает Страбон: «...на расстоянии около пятнадцати стадиев от стены херсонессцев есть мыс, образующий залив порядочной величины, направляющийся к городу. [Отметим, что речь здесь явно идет о Херсонесском мысе, названия которого, в отличие от м. Парфений, Страбон не дает.] Выше него лежит морское болото с солеварней. Здесь был и порт Ктенунт. Для того чтобы бороться со скифами, царские военачальники во время осады поставили на упомянутом мысу гарнизон, оградив это место стеной [может быть, как раз здесь Страбон говорит о стенах на Маячном полуострове, ошибочно приписывая их возведение царским военачальникам?], и засыпали вход в залив до самого города, так что можно было без затруднений переправ-

латься сухим путем и из двух городов сделался как бы один. С этих пор они легче отражали скифов. Когда же последние напали и на укрепление перешейка при Ктенунте и стали заваливать ров тростником, то царские солдаты ночью сожгли часть плотины, выстроенной днем, и таким образом сопротивлялись до тех пор, пока не победили» (Strabo, VII, 4, 7).

Локализация порта Ктенунт в глубине Севастопольской бухты не вызывает сомнения¹²¹. Расстояние, полученное на основе координат Птолемея, позволяет более конкретно подойти к району поиска этого объекта. Порт Ктенунт был расположен в районе бухты Южной, на территории современного Севастополя со стороны древнего Херсонеса. Археологически территория практически не изучена. В настоящее время здесь расположен завод. Аналогичный порт, вероятно, существовал и в гавани Символов. Эта гавань, кроме Страбона и Птолемея, упоминается также у Арриана (Ант., PPE, 30), Псевдо-Арриана (Ръ.-Ант., PPE, 81), Плиния (Plin., NH, IV, 86) и, вероятно, у Помпония Мелы (Mela, II, 3), который ошибочно переносит на нее название Прекрасной гавани. Свидетельство Помпония Мелы дает некоторую почву для размышлений по поводу того, что древние авторы вкладывали в определение гавани Символов. «...Со стороны Евксинского моря живут тавры. Выше них залив с удобными гаванями, называемый поэтому Прекрасной гаванью, ограничивается двумя мысами: один из них, прямо противоположный упомянутому нами Карамбийскому в Азии, зовут Бараний Лбом, другой — Парфением» (Mela, II, 3). Если принять во внимание, что речь в данном случае идет именно о гавани Символов, а под мысом Парфений следует понимать современный мыс Фиолент (быть может, косвенным подтверждением этому служит название грота Дианы и связанная с этим мысом легенда об Ифигении?¹²²), то, возможно, в широком смысле под гаванью Символов понимали весь залив между мысами Фиолент и Аяя или даже м. Сарыч. В Балаклавской же бухте находился порт Символов, от которого 180 стадиев до Херсонеса, согласно Арриану (Ант., PPE, 30), и 300 стадиев до мыса Бараний Лоб, согласно Псевдо-Арриану (Ръ.-Ант., PPE, 81). Последнее расстояние в зависимости от размера стадия в пересчете на современные меры длины составляет от 47,3 км до 63 км. Сравним с данными Птолемея. Напомним, что в «Географическом руководстве» все расстояния от топонимов, расположенных на Гераклеийском полуострове до м. Бараний Лоб, включают в себя отрезок пути между последним и Херсонесом (62,3 км) и расстояние между самими топонима-

ми. Поэтому для того чтобы получить расстояние между гаванью Символов и м. Бараний Лоб, из отрезка пути между Херсонесом и указанным мысом нужно вычесть сумму всех наложенных расстояний, т. е. 25,2 км (6,1 + 13,9 + 5,2). Таким образом, отрезок пути между гаванью Символов и мысом Бараний Лоб составит 37,1 км, что приводит нас все в тот же район мыса Ай-Тодор. Как видим, различие в расстояниях по Псевдо-Арриану и Птолемею составляет как минимум 10,2 км. Что касается отрезка пути между Херсонесом и гаванью Символов, то у Птолемея он равен 20 км (6,1 + 13,9), а у Арриана — от 28,4 км до 37,8 км, т. е. расхождение вновь как минимум на 8,4 км. Подобная разница легко объясняется тем, что автор «Географического руководства» использовал при составлении карты сухопутные маршруты, а в периплах даются морские объезды. При этом любопытно, что расстояние, указанное Аррианом, весьма точно совпадает с аналогичным расстоянием на карте Птолемея, если исходить из указанных на ней координат гавани Символов и Херсонеса по отношению друг к другу (28,1 км). Возможно, что в данном случае в «Географическом руководстве» отражен как морской (вокруг Херсонесского мыса) маршрут, совпадающий с периплом Арриана, так и короткий сухопутный без захода на Маячный полуостров.

В любом случае порт Символов, по-видимому, локализуется где-то в районе Балаклавской бухты, скорее всего, по аналогии с портом Ктенунт, в глубине ее. Предлагаемая нами интерпретация вполне согласуется с местами дислокации римских войск в Юго-Западной Таврике и древними дорогами, соединяющими их¹¹³, а место стоянки римских войск в районе Балаклавы, возможно, и совпадает с местоположением порта Символов Арриана. В заключение анализа топонимов Гераклейского полуострова вернемся к проблеме старого Херсонеса Страбона. отождествление мыса Парфений с мысом Фиолент практически исключает возможность его локализации на перешейке Маячного полуострова, если только Страбон ошибочно не повернул от м. Парфений обратно, что, впрочем, маловероятно. Поэтому искать «старый» Херсонес следует на участке между мысом Фиолент и Балаклавской бухтой, хотя вполне возможно, что за развалины «старого» Херсонеса принимались и причудливые скалы у Фиолента, видимые со стороны моря¹¹⁴.

Харакс. Единственный античный автор, сообщаящий это название, — Птолемей, который указывает его координаты в перечислении

топонимов «за перешейком у реки Каркинита в Понте» после мыса Бараний Лоб — 62° долготы и $46^\circ 50'$ широты (Ptol., III, 6, 2).

В. В. Лятышев¹²⁵ и Ф. Браун¹²⁶ помещали Харакс на мысе Ай-Тодор. Эту точку зрения поддержал и М. И. Ростовцев¹²⁷. Касаясь характеристики укрепления на мысе Ай-Тодор, он пишет: «Мы имеем дело с поселением римского времени, поселением укрепленным, то есть с римской крепостью на берегу моря». Это поселение «носит характер укрепленной стоянки римских войск»¹²⁸ и может быть отождествлено с «Хараксом» Птолемея¹²⁹. С этой же крепостью соотносят Харакс В. Д. Блаватский¹³⁰ и В. Ф. Гайдукевич¹³¹. В настоящее время эта версия является общепризнанной¹³². Судя по клеймам на черепице, во второй половине I в. н. э. здесь размещалась vexillatio моряков Равенской эскадры, во II в. н. э. в Хараксе стояла vexillatio I Италийского легиона, опять же судя по клеймам на кирпичях и черепицах; в последние десятилетия II в. н. э. там стоял гарнизон из солдат XI Клавдиева легиона. Это был последний гарнизон Харакса, покинувший его в середине III в. н. э.¹³³

В «Географическом руководстве» Харакс и м. Бараний Лоб разделяют $10'$ широты, или, в пересчете на современные меры длины, 18,75 км. Если в данном случае под мысом Бараний Лоб понимать современный мыс Ай-Тодор, то полученное расстояние приводит нас к крайней восточной точке на участке, определяемом нами совокупным названием «Бараний Лоб», — к м. Аю-Даг, однако крепость, построенная здесь, как будто бы не имеет отношения к античному времени и возникла уже в средневековую эпоху¹³⁴.

Возможен и другой вариант: в «Географическом руководстве» даны координаты не м. Ай-Тодор, а другой точки на побережье между м. Сарыч и м. Ай-Тодор, т. е. на том же Бараньем Лбу. Судя по расстоянию, эта точка находится где-то в районе современных населенных пунктов Береговое — Понизовка. В таком случае мы вновь столкнулись с тем, что на карте Птолемея нашли отражение как морской каботажный маршрут от Херсонеса и гавани Символов к м. Бараний Лоб, так и сухопутная дорога, которая, вероятно, выходила к побережью в районе «Береговое — Понизовка» и шла далее вдоль него к Хараксу. Это даже более точно согласуется с протяженностью отрезков пути «Херсонес — м. Бараний Лоб», чем предложенный ранее сухопутный вариант к м. Ай-Тодор. Кроме того, этим же объясняется и разница в расстояниях на данном отрезке у Птолемея и Псевдо-Арриана и, вполне вероятно, отсутствие в перипле Апонима упомина-

ния Харакса, так как Ай-Тодорский мыс обозначен у него в качестве мыса Бараний Лоб. На карте же Птолемея, напротив, сухопутная дорога выводила к Хараксу, поэтому прибрежный и придорожный пункты названы раздельно.

Городище, отождествляемое с Хараксом, расположено на холме Ай-Тодорского мыса и занимает площадь около 6 га. «Сооружение крепости на Ай-Тодоре могло быть вызвано необходимостью контроля прибрежного морского пространства, благодаря широкому обзору побережья от г. Аю-Даг на востоке до г. Кошка на западе. С другой стороны, мыс был наиболее удобным местом побережья, где можно установить постоянный ночной указатель, который был необходим для обеспечения каботажного плавания и захода в гавань римских военных и торговых судов. Таким надежным навигационным комплексом, прежде всего маяком (остатки его световой башни, видимо, находились рядом с аналогичной современной башней), очевидно, и являлся Харакс. С уходом римских войск и флота из Таврики нужда в стационарном световом ориентире отпала; изменившаяся историческая ситуация не способствовала его восстановлению и поддержанию»¹⁶⁶.

Лагира. Следующий за Хараксом пункт также известен только в изложении Птолемея. Его координаты в «Географическом руководстве» — 62°30' долготы и 47° широты (Ptol., III, 6, 2). Правда, существует мнение, что вместо Ассиранты у Плиния следует читать *Lagutapu*¹⁶⁶, и тогда Лагира названа еще у Плиния в перечислении варварских городов (Plin., IV, 85). Однако подобное утверждение, на наш взгляд, лишено основания, так как Лагира названа в числе приморских пунктов, а у Плиния Ассираны расположены внутри страны.

Локализуется Лагира предположительно где-либо в районе Ливадии¹⁶⁷. Это было бы верно, если бы Харакс находился на м. Сарыч, однако его местоположение определяется на Ай-Тодоре. Расстояние между Хараксом и Лагирой 10' по широте и 30' по долготе, или в современных измерениях 31,2 км. Отмерив это расстояние от м. Ай-Тодор, мы попадаем в район поселка Малый Маяк и г. Костель. М. В. Албунов локализует в этом месте Лампаду Арриана, опираясь как на произведенные расчеты, так и на этимологию этого слова. «В переводе с древнегреческого это название означает "факал, светильник". Поэтому надо полагать, что речь идет о маяке. Об этом свидетельствуют и более поздние названия этого пункта — Кутук Лампад, Малый Маяк. Этот античный маяк служил важным ориентиром на таком сложном участке плавания. Здесь была и стоянка для кораблей,

где мореплаватели в случае необходимости могли найти пристанище»¹⁶⁸. Возможно, речь идет о двойном названии одного и того же пункта, но, может быть, и нет, так как вопрос о стадии Арриана, несмотря на уверенность М. В. Агбунова, не считается окончательно решенным. К тому же и при стадии в 157,7 м полученное им расстояние (около 95 км) от пос. Курортное (по мнению М. В. Агбунова, порта Скифо-тавров) все-таки несколько завышено, так же как и последующее расстояние до м. Ай-Тодор, с которым отождествляется м. Бараний Лоб¹⁶⁹. Если же заезжать в каждую бухту, то оно получится несколько больше, поэтому в связи с неоднозначностью решения вопроса обратимся к проблеме локализации Лампады.

Лампада. Это наименование известно нам только по сообщениям Арриана (Агт., PPE, 30) и Псевдо-Арриана (Рх.-Агт., PPE, 78). Лампада и ранее помещалась в районе Малого Маяка, несколько к востоку от него, и отождествлялась с прежним Бизок Ламбатом, «где еще Дюбуа де Монпере видел остатки древних сооружений»¹⁷⁰. Здесь же, как уже говорилось выше, локализует Лампаду и М. В. Агбунов¹⁷¹. М. В. Скрижинская считает Лампаду гаванью, но попыток ее локализации не предпринимает¹⁷².

Указанное в периплах расстояние от м. Бараний Лоб (от 35 км до 46,2 км в зависимости от размера стадия), действительно, при величине стадия в 157,7 м приводит нас примерно в этот район, правда, при условии захода в отдельные бухты. При прямом расстоянии местоположение Лампады определяется на окраине современной Алушты. Однако если считать от Феодосии, то район локализации Лампады даже при Эратосфеновом стадии окажется много западнее (800 стадиев, или 126,2 км). Между тем, как показал анализ данных Арриана и Псевдо-Арриана по Западному Крыму, береговая линия между Херсонесом и Керкинитидой увеличена примерно в 2 раза (в 1,8 раза при стадии 197 м). Вероятно, в данном случае речь идет не о частном увеличении Западного Крыма, а о растяжении всей области Таврики, т. е. ее восточная часть от м. Ай-Тодор (Бараний Лоб) по направлению к Феодосии должна сохранить симметрию по отношению к западной или, иными словами, также увеличена в периплах Арриана и Псевдо-Арриана, по крайней мере, в 1,8 раза. Но до каких пределов на северо-востоке: до Феодосии или ближе, до гавани Скифо-тавров? Ответить на этот вопрос невозможно без определения местоположения гавани Скифо-тавров, или Афинейона (последнее название известно по периплу Псевдо-Арриана).

Гавань Скифо-тавров (Афинсон). Этот пункт известен только по периплам Арриана и Псевдо-Арриана. Располагался он, по Арриану, между Феодосией (в 200 стадиях от нее) и Лампадой (в 600 стадиях от нее) (Арт., PPE, 30). Псевдо-Арриан добавляет к этому второе название гавани — Афинсон (Рз.-Арт., PPE, 78).

В вопросе локализации гавани Скифо-тавров нет единой точки зрения, и он по-прежнему считается открытым. В. В. Латышев¹⁷³ и М. И. Ростовцев¹⁷⁴ считали возможным определение его местоположения на месте современного Судака¹⁷⁵. Этой же точки зрения придерживается М. В. Скржинская, оставляя, впрочем, это утверждение под вопросом¹⁷⁶. М. В. Агбунов локализует гавань Афинсон в районе современного пос. Курортное, исходя из размера стадия в 157,7 м¹⁷⁷. В том и в другом случае точное местоположение гавани остается неизвестным ввиду отсутствия в этих районах поселений античной эпохи. П. Н. Шульдц определил местоположение Афинсона на территории г. Судака, опираясь на найденный здесь клад боспорских монет¹⁷⁸, однако это скорее говорит о проходившей здесь в древности дороге, чем о наличии поселения. Кроме того, предлагаемая М. В. Агбуновым локализация верна лишь в том случае, если очень тщательно измерять извилистую береговую линию между Феодосией и пос. Курортный.

Несколько иную версию интерпретации сведений Арриана предлагает С. Б. Ланцов, считающий возможным соотнесение Афинсона с Кутлакской крепостью, которая, «хотя и находится в 60 км от Феодосии, а не в 32—42 км, по Арриану, является единственным известным античным пунктом в Юго-Восточном Крыму, существовавшим до составления перипла Понта Евксинского»¹⁷⁹. Точка зрения С. Б. Ланцова весьма заманчива, так как впервые появляется возможность отождествления гавани Афинсон с конкретным археологическим объектом, однако существенное расхождение в расстоянии от Феодосии требует дополнительного разъяснения и не может быть списано на простую погрешность. К тому же, как уже отмечалось выше, в перипле Арриана размеры Таврики скорее увеличены, чем уменьшены.

Таврика, по Псевдо-Арриану, начинается от Афинсона, в противоположную сторону живут скифы (Рз.-Арт., PPE, 86). Логично будет предположить, что именно участок от м. Бараний Лоб до Афинсона (Восточная Таврика) синхронно с западной частью увеличен в перипле как минимум в 1,8 раза. В то же время расстояние от гавани Скифо-тавров до Феодосии осталось неизменным. Отсюда следует, что расстояние «м. Бараний Лоб — Лампада» и «Лампада — Афинсон» сле-

дуст уменьшить в 1,8 раза, т. е. от Бараньего Лба до Лампады в действительности было чуть больше 24 км (против 43,3 км у Псевдо-Арриана при стадии в 197 м), а от Лампады до Афинееона — около 66 км (против 118,2 км). В этом случае Лампада локализуется в районе современного поселка Фрунзенское к северо-востоку от м. Аю-Даг: Бухта между поселком Фрунзенское и м. Плака, что к северо-востоку от него, вполне могла служить «стоянкой для кораблей» (Рз.-Авт., РРЕ, 78), а на м. Плака, скорее всего, находился маяк (отсюда и название «Лампада»). Если же здесь было, помимо маяка и удобной гавани, одноименное поселение, то его следует искать на пространстве от пос. Фрунзенское до м. Плака. Археологически этот район изучен недостаточно, и более точной локализации Лампада пока не поддается.

Гавань Скифо-тавров, или Афинееон, располагалась тогда к северо-востоку от м. Меганом, примерно в районе современного населенного пункта Прибрежное. Сюда же приводит нас и расстояние от Феодосии, если оно не менялось (39,4 км при стадии в 197 м). На м. Меганом встречается античный материал, хотя в целом и здесь что-либо более определенное сказать пока невозможно. Впрочем, если увеличение Таврики от Афинееона до м. Бараний Лоб сказалось на расстоянии «Афинееон — Феодосия» в сторону его уменьшения, то гавань вполне может быть соотнесена и с Кутлакской крепостью. Однако, на наш взгляд, это было бы справедливо, если бы описание побережья в перипле велось с запада на восток, а не наоборот, как у Арриана и Псевдо-Арриана. При описании же с востока на запад логичнее было бы указывать ориентиры с восточной стороны. Вероятно, именно поэтому, а не только из-за разницы во времени на одном и том же участке берега у Арриана названы одни ориентиры, а у Птолемея, который следует в описании с запада на восток, другие. В пользу помещения гавани Афинееон в районе м. Меганом — Прибрежное говорит и то обстоятельство, что упомянутый в «Географическом руководстве» м. Коракс, отождествляемый нами с м. Меганом, отстоит от Феодосии примерно на 41 км, что очень близко к расстоянию от Феодосии до Афинееона по периплу Арриана.

Выяснив местоположение пунктов, названных у Арриана и Псевдо-Арриана на участке берега от м. Бараний Лоб до Феодосии, вернемся вновь к Лагире Птолемея. Ясно, что этот населенный пункт в силу своего более восточного положения по отношению к м. Бараний Лоб, не может быть соотнесен с Лампадой Арриана. В то же время и его локализация в районе Малый Маяк — г. Кабель по расстоянию в

31,2 км от Харакса остается под вопросом. Дело в том, что обратный отсчет от м. Коракс (м. Меганом) приводит нас в район несколько южнее с. Приветное, к Карасубазарской балке, т. е. на карте Птолемея «исчез» довольно значительный участок побережья между горой Кастель и Карасубазарской балкой (около 29 км), и мы оказываемся перед выбором определения возможного местоположения Лагиры либо к западу от этого участка (г. Кастель), либо к востоку от него (Карасубазарская балка). Разобраться в этом вопросе невозможно без предварительной интерпретации сведений Птолемея по населенным пунктам, расположенным по реке Каркиниту, т. е., как мы предполагаем, по пунктам, лежащим на сухопутной дороге, ведущей от Северо-Западного Крыма к Феодосии.

Тарокка, Пасирида, Эркаб, Тракана, Навар. Ранее мы уже касались сухопутной дороги на Феодосию, отметив, что от «перешейка» (Перевоза) она шла вдоль берега через устье Каркинита (Чатырлык), Калос Лимес (или минуя его) и Каркину город (Евпаторийское городище). Дальнейшее ее направление могло быть различным: как вдоль побережья, так и вглубь через Центральный Крым. На карте Птолемея береговая линия Каламитского залива охарактеризована довольно подробно: Евпатория город (Чайка) — Дандака (Зап. Булганак) — Ктенунт гавань (Севастопольская бухта) — Херсонес. Вряд ли одновременно с этим в «Географическом руководстве» нашла отражение какая-либо иная прибрежная дорога к Херсонесу. Скорее всего, от Каркины города дорога все-таки поворачивала к востоку, в сторону Феодосии. В пользу этой точки зрения говорит и то, что известные по другим источникам (Страбон, Плиний) наименования населенных пунктов внутри Крымского полуострова к югу от Керкинитиды (Каркины горы) не совпадают со сведениями Птолемея. Исключением является только Навар, названный также в «Естественной истории» Плиния. Именно это обстоятельство может помочь в определении маршрута сухопутной трассы и местоположения расположенных на ней населенных пунктов.

Навар. Плиний сообщает об этом населенном пункте: «Море выдвигается большим заливом, так что от Меотиды отстоит всего на 5000 шагов и омывает обширные пространства и земли многих народов. Здесь же река Пакирис, города — Навар (Navagum) и Каркина. Сзади лежит озеро Бук (Vices), соединенное с морем посредством рва» (Plin., NH, IV, 84). Из этого описания следует, что Навар и Каркина были расположены со стороны Каркинитского залива, и если Кар-

кина город сопоставим с Евпаторийским городищем, то, видимо, где-то здесь же следует искать и Навар. Между тем на карте Птолемея Каркину город и Навар разделяет значительное пространство (координаты Навара 58°30' долготы и 50° широты против 59°30' долготы и 48°45' широты Каркины города) (Ptol., III, 5, 13).

Так как большинство исследователей связывали реку Пакирис (Каркинит) с рекой Каланчак, то и Навар помещался ими в глубине материка. По расчету Мюллера, он локализуется у современного села Лепетиха на Конке¹⁰⁹. Здесь же, на Конке, однако северо-западнее Лепетихи, у села Балки помещает Навар и Ф. Браун¹¹⁰. Помещение реки Каркинита в Крыму требует иного подхода при определении местоположения пунктов, привязанных к ней. В «Географическом руководстве» выдержаны общие параметры между конечными или же промежуточными, но ключевыми базовыми объектами, в чем мы уже неоднократно убеждались. Каркину город и Феодосию на карте Птолемея разделяют 230' долготы (190,9 км) и 85' широты (159,4 км). Прямое расстояние между ними составляет 248,7 км. Из этих трех цифр две могут быть соотносены с реальными отрезками между Евпаторийским городищем и Феодосией. 159,4 км — примерно таково прямое расстояние между ними по суше. 248,7 км — примерно столько между ними, если следовать вдоль побережья. Таким образом, в данном случае географ, по-видимому, сохранил параметры сухопутной трассы (отсюда при определении координат расположенных на ней пунктов следует учитывать только широтные расстояния), а береговой объезд разложил на долготу и широту, получив первую из разницы объездного и «короткого» сухопутного пути.

Ранее, опираясь только на сведения Клавдия Птолемея, мы считали возможным локализацию Каркины города в районе с. Воника, а расположенные по реке Каркиниту населенные пункты помещались нами в Центральном и Юго-Западном Крыму¹¹¹. Предлагаемая версия проложения сухопутной трассы заставляет взглянуть на локализацию этих пунктов иначе. Сопоставление данных «Географического руководства» со сведениями Плиния по Навару, как уже говорилось выше, выявило существенное противоречие между ними. По Плинию Навар расположен, по-видимому, рядом с Каркиной, по Птолемею — на значительном удалении. На наш взгляд, это противоречие снимается, если допустить, что на карте Птолемея участок дороги, следующий за Каркиной городом, перевернут (подобно Гераклеяскому полуострову). Определенным подтверждением этому может служить то, что расстояние меж-

ду Каркиной городом и Наваром в «Географическом руководстве» практически точно совпадает с расстоянием между Евпаторийским городищем и Феодосией на современной карте, т. е. у Птолемея участок дороги «Каркина — Феодосия» заключен между Каркиной и Наваром и развернут к северу. При этом последнее расстояние — между пунктами Тракана и Навар соответствует в действительности сразу двум отрезкам: «Каркина — Навар» и «Тракана — Феодосия». Именно это обстоятельство привело к «исчезновению» на карте Птолемея участка побережья между горой Кагель и Карасубазарской балкой, который по протяженности (около 29 км) соответствует расстоянию между Траканой и Наваром (28,13 км). Вероятно, в этом месте в компиляции Птолемея были «состыкованы» два разнонаправленных источника, и это отразилось на положении Лагиры, которая сохранила свое действительное положение при движении с запада на восток (в данном случае от Харакса), но оказалась сближенной с м. Кораксом при следовании в обратном направлении, так как отрезок пути «Тракана — Феодосия» на карте Птолемея совмещен с отрезком «Каркина — Навар» и перенесен к северо-западу.

Таким образом, действительному местоположению Лагиры соответствует район от Малого Маяка до г. Кагель. Как уже отмечалось выше, Дюбуа де Монпере видел здесь остатки каких-то древних сооружений¹⁶⁵, — возможно, это и были развалины древней Лагиры, хотя окончательный ответ на этот вопрос могут дать лишь детальные археологические исследования.

Но вернемся к Навару. На расстоянии, близком к указанному Птолемеем между Траканой и Наваром (по нашей версии, между Каркиной и Наварой), к северу от Евпаторийского городища расположено Южно-Донузлавское городище. Поселение здесь возникло в конце IV или на рубеже IV—III вв. до н. э. и на первом этапе существовало как греческий, херсонесский населенный пункт. Во II в. до н. э. поселение погибает, разрушается и на его месте возводится скифская крепость, меньшая по площади, просуществовавшая до начала II в. н. э. или же до конца I в.¹⁶⁶ Вероятно, это и был древний Навар. Его положение к северу от Каркины вполне согласуется с последовательностью перечисления объектов в этом районе у Плиния: сначала река Пакирис (современный Чатырлык), затем Навар (Южно-Донузлавское городище) и Каркина (Евпаторийское городище). При этом озеро Бук (Сиваш) действительно расположено «сзади», на что указывает автор «Естественной истории» (Plin., NH, IV, 84). Все остальные города «по

Каркиниту» реально находились между Каркиной городом (Евпаторийским городищем) и Феодосией.

Тарокка. Этот населенный пункт известен только в изложении Птолемея. Так же как и Навара, определение его местоположения на материке было связано с локализацией здесь реки Каркинита. При этом использовалось и определенное фонетическое сходство с упоминаемыми у Птолемея торрекадами (Ptol., III, 5, 11), локализуемыми Ф. Брауном у села Торговки по реке Каланчак¹⁹². Между тем перечисленные торрекадов в сочетании с тавро-скифами не исключает их локализацию и в Северном Крыму, в Присивашье (возможно, в этом случае под Ахилловым Бегом следует понимать его крымский аналог, о чем мы уже ранее говорили). Следует признать неверным и наше определение местонахождения Тарокки в районе слияния рек Вульча и Салгир¹⁹³ в связи с иной версией локализации Каркины и Навара.

В «Географическом руководстве» Каркину город и Тарроку разделяют 57,2 км (60' долготы и 15' широты) (Ptol., III, 5, 13). Примерно на таком расстоянии по направлению к Феодосии расположено городище Кермен-Кыр. Городище Кермен-Кыр (Красное) является наиболее значительным среди городищ третьей грады Крымских гор¹⁹⁴. Площадь его — 4 га, оно имело внешнюю и внутреннюю линию обороны, в которой сочетались рвы, валы, стены; акрополь защищала каменная стена¹⁹⁵. Время существования — III—II вв. до н. э. — первые века н. э.¹⁹⁶ С этим городищем и следует, на наш взгляд, соотносить птолемеевскую Тарокку.

Пасирида. Этот пункт также известен только из «Географического руководства» (Ptol., III, 5, 13). В комментарии к этому месту говорится, что «в этом наименовании следует видеть отголосок исчезнувшего у Птолемея наименования Геродотовой реки Гипакирис, идентичной реке Каркиниту (современный Каланчак)»¹⁹⁷, что и определяло район поиска. В нашей прежней интерпретации Пасирида отождествлялась с Зуйским городищем¹⁹⁸. Здесь же локализуется она и по новой версии, хотя и при отличном от предыдущего варианте отсчета. Зуйское городище расположено на треугольном мысу с крутыми склонами и защищено с западной стороны одной стеной¹⁹⁹. Возможно, именно оно носило в древности название Пасирида. Впрочем, в этом районе находятся еще несколько поселений, аналогичных по типу Зуйскому²⁰⁰, и окончательный ответ на вопрос, с каким из них следует соотносить Пасириду, могут дать только дальнейшие археологические исследования.

Эркаб. Его координаты в «Географическом руководстве» — $58^{\circ}30'$ долготы и $49^{\circ}15'$ широты (Ptol., III, 5, 13). Из других источников этот населенный пункт не известен. Ф. Браун локализовал Эркаб у села Нижние Серогозы, известного своим курганным некрополем, основываясь при этом на простом пересчете координат Птолемея в линейные меры¹⁹⁴. Эта точка зрения предполагает материковую версию указанных по Каркиниту населенных пунктов. В свою очередь, мы, основываясь на крымском варианте Каркинита, предлагали ранее соотнесение Эркаба либо с Красногорским городищем (Нейзац), либо с городищами Новокленово и Аргин¹⁹⁵. Это не противоречит и новой версии. Более того, становится возможным хотя бы предварительно объяснить, почему на небольшом участке дороги на карте Птолемея сосредоточено сразу три населенных пункта, в то время как Каркину на западе и Трокану на востоке отделяет от них значительно большее расстояние (соответственно 57,2 и 56,25 км).

В «Географическом руководстве» обозначены координаты тех пунктов, от которых или вблизи которых дороги расходились в разные стороны, т. е. места развилок. От Тарокки дорога ответвлялась к Неаполису и далее в сторону Херсонеса, а в районе Пасириды поворачивала к югу (Эркаб) и отсюда продолжалась к Феодосии и на юг, к Лагире. Определенным подтверждением последнему может служить наличие здесь цепочки позднескифских городищ, вытянувшейся по направлению к побережью¹⁹⁶. При этом вполне допустимо, что по аналогии с Дандакой (Булганажским городищем) Лагира располагалась на определенном удалении от побережья.

Если данное предположение верно, то наиболее вероятным является соотнесение Эркаба с Красногорским городищем (Нейзац). Это городище расположено в 1,5 км к северо-востоку от села Красногорское и датируется I—IV вв. н. э.¹⁹⁷

Тракиа. Следующий за Эркабом населенный пункт, согласно сведениям Птолемея, имел координаты $58^{\circ}30'$ долготы и $49^{\circ}45'$ широты (Ptol., III, 5, 13). Ничьих свидетельств о нем не сохранилось. По версии Ф. Брауна, его следует локализовать у села Большая Белозерка, т. е. еще дальше в глубь материка¹⁹⁸. Мы в своих расчетах исходили из того, что, поскольку прямое расстояние от Эркаба к Торкане приводит в открытое море, то здесь следует сместиться к юго-западу, вслед за конфигурацией Крымского полуострова¹⁹⁹. В этом случае Трокана соотносилась с Краснозоринским городищем²⁰⁰. Новая версия направления дороги к Феодосии заставляет откинуться от подобной локализации.

Эраб и Торкану разделяют 56,25 км. Это расстояние, отложенное в сторону Феодосии, приводит нас в район Старого Крыма. Здесь позднескифское городище обнаружено в горном массиве Агармыш на вершине г. Яман-Таш. Его площадь — 3 га, а предположительное время существования — I—III вв. н. э.²⁰¹ Возможно, это и была Трокана Птолемея. Впрочем, окрестности Старого Крыма довольно насыщены археологическим материалом, в том числе и античным, и поэтому дальнейшие археологические исследования могут внести определенные коррективы в соотношение Троканы с конкретным археологическим памятником.

Феодосия. Это конечный пункт сухопутной дороги от города Каркины. Расстоянию от Троканы до Феодосии, как уже говорилось, соответствует на карте Птолемея отрезок «Трокана—Навар». Упоминание Феодосии в античной литературной традиции встречается нечасто. Кроме Птолемея, сообщающего ее координаты (Ptol., III, 6, 2), ее называют Демосфен в «Речи против Лептина о беспомощности» (XX, 33) и «Против Лакрита» (XXXV, 31); Скилак Кариядский в перечислении греческих полисов после Бараньего Лба, перед Китеем (Skyl., 68); Аппиан в «Митридатых войнах» среди городов и укреплений, которые «отложились от Митридата» (App., 108); Полиен в «Военных хитростях» (V, 23); Элий Геродиан («Об общей просодии», XI, 292, 19); Стефан Византийский (s. v. *Φεοδοσία*); Помпоний Мела (Mela, II, 3); Плиний (Plin., NH, IV, 86 и 87); Аммиан Марцеллин (XXII, 8, 36); Павел Оросий в «Истории против язычников в 7 книгах» (I, 2, 4—6). Феодосия как местечко Боспора названа также в схолиях Ульпиана на речь Демосфена против Лептина (33) (IX, 477D) и в «Речениях десяти ораторов» Гарпократона. Последний сообщает, что «это местечко, лежащее близ скифов, при осаде которого умер Сатир». Страбон называет Феодосию как город, ограничивающий на востоке Таврическое побережье (Strabo, VII, 4, 3), и сообщает о ней следующее: «За вышеупомянутой горной областью лежит город Феодосия с плодородной равниной и гаванью, пригодной даже для сотни судов. Он был прежде границей владений боспорцев и тавров...» (Strabo, VII, 4, 4). По Арриану Феодосия располагалась между местечком Казека («отсюда 280 стадиев до опустевшего города Феодосии; и это был древний эллинский город, ионический, колония милетцев; упоминания о нем имеются во многих литературных памятниках») и портом скифотавров, до которого от Феодосии 200 стадиев (Agt., PFE, 30). Псевдо-Арриан повторяет это сообщение (Pz.-Agt., PFE, 77 и 78) и добавляет:

«Ныне же Феодосия на аланском или таврском наречии называется Ардабда, т. е. Семиможный. В этой Феодосии, говорят, жили некогда и изгнанные из Боспора» (Рз.-Арт., PPE, 77).

Локализация Феодосии на современном Карантинном холме в одноименном городе ни у кого не вызывает сомнения. Археологические раскопки здесь были проведены И. Б. Зеест в 1949, 1951 и 1952 гг. В результате этих работ были открыты остатки средневековых и античных сооружений и определена общая стратиграфия памятника. На востоке поселение ограничено оврагом и стенами генуэзской средневековой цитадели. Поверхность городища в настоящее время застроена домами²⁰². Время основания Феодосии, по всей видимости, относится к середине или второй половине VI в. до н. э. Горы и море защищали Феодосию от возможных опасностей, а удобную небольшую Карантинную горку нетрудно было окружить кольцом оборонительных стен²⁰³. В целом масштабы археологических работ в Феодосии незначительны. Это и мощные средневековые напластования являются причиной слабой изученности города.

«Географическое руководство» Клавдия Птолемея — не единственный источник, где сохранены названия городов во внутренней части Крымского полуострова. Сведения об этом содержатся также в «Естественной истории» Плиния (Plin., VII, 4, 7). Почти полное несовпадение наименований, сохраненных этими авторами, связано, вероятно, с разными участками полуострова, ставшими объектами их описания. Исходя из этого, рассмотрим далее сведения Плиния о шести варварских городах внутри Таврии.

Оргокины, Харакены, Ассираны, Стактары, Акисалиты, Калворды. Плиний не сообщает никаких дополнительных координат этих городов, кроме их положения внутри страны (Plin., NH, IV, 85). В комментарии к данному отрывку Харакены сопоставляются с Хараксом Птолемея, Стактары с его же Сатаркой, а вместо Ассираны предлагается читать *Lagurani*, что позволило бы отождествить это наименование с Лагирой Птолемея²⁰⁴. М. И. Ростовцев считал, что эти города принадлежали таврам²⁰⁵. В. Н. Дьяков, напротив, считал их не таврскими²⁰⁶. Попытки конкретной локализации этих пунктов предпринимались лишь в связи с отождествлением некоторых из них со слободными наименованиями у Птолемея. М. В. Скржинская не разделяет этой точки зрения и приходит к заключению, что все эти города пока не поддаются локализации²⁰⁷. Однако так ли это?

У Плиния есть два общих с Птолемеем наименования: Навар и Каркина. Шесть варварских поселений перечисляются в «Естественной истории» после них, но раньше Херсонеса и Плакия (Палакия). Можно предположить, что эти города располагались где-то там же, где проходила дорога, отмеченная на карте Птолемея. С. Г. Колтухов отмечает на севере, на протяжении 60 км по внешнему краю предгорий семь поселений: Бурундукское, Вишенное, Меловое, Борут-Хане, Дмитрово, Мазанка, Беки-Эли²⁹⁸. Пять из этих семи памятников являются селищами с убежищами-акрополями²⁹⁹. Характер поселений Дмитрово и Мазанка не определен, однако первое из них находится несколько севернее Мазанки и отнесение его к числу упомянутых Плинием кажется более предпочтительным.

Таким образом, мы имеем шесть наименований варварских городов у Плиния и шесть археологических объектов, с которыми их можно соотносить в той последовательности, как они перечислены в «Естественной истории».

Оргокины — поселение Беки-Эли. Расположено на реке Чуюнча. Представляет собой селище, примыкающее к небольшому акрополю-убежищу, площадью 1 га.

Харакены — поселение близ с. Дмитрова. Характер поселения не определен. Здесь же имеется могильник I в. до н. э.

Ассираны — поселение Борут-Хане. Представляет собой селище с убежищем. Расположено на реке Зуя, площадь 1,2 га. Возникло в конце III—II в. до н. э.

В том же месте, что и Ассираны, локализуется Пасирнда Птолемея. Возможно, речь идет об одном и том же объекте либо об объектах, расположенных в непосредственной близости друг от друга. Во всяком случае, именно здесь мы обозначили поворот дороги на карте Птолемея к югу и юго-востоку в сторону Феодосии. Плиний же продолжает перечисление в прежнем направлении.

Стактары — поселение Меловое. Расположено на реке Бурульча. Представляет собой селище с убежищем площадью 0,8 га, возникшее в конце III—II в. до н. э.

Акксалиты — поселение Вишенное. Расположено на Бююк-Карасу, на отроге массива Ак-Кая. Поселение многослойное, с двумя линиями обороны. Оградой скифского убежища-акрополя площадью 1,1 га служила внутренняя линия обороны. К акрополю примыкало селище. Наиболее ранний материал относится к III—II в. до н. э.

Калиоры — Бурундукское поселение. Представляет собой селище, примыкающее к убежищу площадью 2 га, возникшее не позднее конца II в. до н. э.²¹⁰

По мнению С. Г. Колтухова, «в укреплениях могли находиться культовые центры, жить отдельные семьи, но основной их функцией была защита членов общины в случае нападения врага»²¹¹. Возможно, именно с этой функцией связан и характер названий, напоминающих племенные наименования, на что обращалось внимание и ранее²¹². Кроме того, вполне вероятно прохождение через эти пункты самой северной, пограничной со степью дороги, ведущей к Паитикалею, минуя Феодосию. К этому вопросу мы вернемся еще раз несколько позже в связи с локализацией города Тафра. Пока же ограничимся констатацией того факта, что данные укрепленные убежища, возникшие по северной границе предгорья, служили для защиты населения от возможных столкновений с сарматами²¹³.

Палакий, Хаб, Неаполь. В такой последовательности эти города перечислены Страбоном: «... в Херсонесе существовали и укрепления, которые построил Сципур и его сыновья и которые служили для них опорными пунктами в военных действиях против митридатовых военачальников, именно Палакий, Хаб и Неаполь...» (Strabo, VII, 4, 7). Палакий — правда, в несколько ином написании — упоминает, помимо Страбона, еще и Плиний в перечислении пунктов за Гераклеей — Херронесом: «Затем следуют: мыс Партений, таврский город Палакия, порт Символов...» (Plin., NH, IV, 86). Достоверность сведений об этих городах засвидетельствована и эпиграфическими источниками: крепости Хабей и Неаполь, расположенные «в середине Скифии», упоминаются в херсонесском декрете в честь Диофанта (IOSPE, P, 353). Палакий же назван в одной из херсонесских эпитафий²¹⁴.

Вопрос локализации этих пунктов долгое время привлекал внимание исследователей. И. П. Блаرامберг предположил отождествление Неаполя с позднескифским городищем Керменчик, расположенном на юго-восточной окраине современного Симферополя²¹⁵. Он же предложил локализацию Паланья и Хабей соответственно в окрестностях Балаклавы и Феодосии. Однако если версия в отношении Неаполя в дальнейшем получила широкое распространение, то в отношении Палакия и Хабей она была отвергнута²¹⁶, хотя местоположение Палакия в окрестностях Балаклавы как будто бы не противоречит сведениям Плиния. Основная дискуссия в дальнейшем развернулась вокруг вопроса, какая из трех названных Страбоном крепостей являлась столицей

позднескифского царства. То, что столица располагалась на городище Керменчик, считается установленным фактом и никем не оспаривается. О. Д. Дашевская и вслед за ней Д. С. Раевский предлагают в качестве названия скифской столицы Палакий. В этом случае с Хабями следует отождествить Булганакское городище, а с Неаполем — городище Кермен-Кыр²¹⁷. Однако эта точка зрения была довольно убедительно опровергнута Т. Н. Высотской, предложившей локализацию Палакия на месте Усть-Альминского городища²¹⁸. Эта версия в какой-то мере подтверждается характером сведений Плиния. Кроме специально выделенных во внутренней части шести варварских городищ, все остальные пункты располагались в непосредственной близости от побережья (Навар, Каркина). Не был исключением, по-видимому, и Палакий. Именно поэтому в «Естественной истории» отсутствует упоминание Хабей и Неаполя. Плиний перечислил населенные пункты по северной границе, на юге же ограничился наименованием лишь первого, наиболее близкого к морю объекта — Палакия. Птолемей же вообще опустил эту линию, используя в качестве ориентира другой пункт — Дандаку. Что же касается последовательности перечисления пунктов у Плиния, то он, по-видимому, показывает после Херсонеса наиболее близко расположенные к нему топонимы, два из которых находились к югу от него, а один — к северу.

Итак, если Палакий соотносится с Усть-Альминским городищем, а Неаполь — с городищем Керменчик, то на каком из известных поселений следует локализовать Страбоновский Хаб? Ни Булганакское городище (оно отождествляется с Дандакой), ни Кермен-Кыр (отождествляется с Тароккой) в данном случае не подходят. В то же время почти по прямой линии от Херсонеса к Неаполю расположено менее значительное, но стратегически важное укрепленное поселение Алма-Кермен. Идя через него на Неаполь, можно миновать и Усть-Альминское городище, и Булганакское городище. Значимость этого пункта подтверждается тем, что на этом городище размещался отряд XI Клавдиева легиона²¹⁹. Не вызывает сомнения и «срединное» положение Алма-Кермен в Скифия. На наш взгляд, именно эту крепость следует отождествлять с Хабями.

Итак, три скифские крепости, упомянутые Страбоном, могут быть локализованы следующим образом:

1. **Палакий** — Усть-Альминское городище. Оно расположено близ с. Песчаное Бахчисарайского района, в устье р. Альмы, на крутом левом берегу, поднятом над уровнем моря на 30 м. В настоящее

время городище имеет форму равнобедренного треугольника, обращенного вершиной к морю. В древности территория городища была значительно больше. С запада и юго-запада к нему примыкало крупное поселение, которое примерно в четыре раза превосходило его по площади ²²⁰.

2. **Хаб** — городище Альма-Кермен. Расположено в среднем течении реки Альма на треугольном мысу. С напольной стороны было защищено стеной. Площадь городища чуть больше 1 га ²²¹.

3. **Неаполь** — городище Керменчик. Расположено на юго-восточной окраине современного Симферополя, на северо-восточной окраине Петровской балки, между улицами Археологической и Батаева. Площадь городища 20 га. Оно было укреплено каменной стеной с башнями, бастионами, фланкирующими выступами, протейхизмами. Внутри находился акрополь ²²². Столичный статус данного городища подтверждается и характером его памятников: царская усыпальница — мавзолей, надписи, содержащие имена скифских царей, богатый декор общественных зданий ²²³.

Анализ античной литературной традиции по современному Крымскому полуострову (в древности Херсонесу Таврическому) показал, что в ее основе лежат как периплы, дающие описание (подробное или краткое) береговой линии от Каркинитского залива до Феодосии, так и данные перизгез, отчасти совпадающие с трассами римских дорог, а отчасти отражающие систему обороны позднескифских поселений. Несмотря на кажущиеся, на первый взгляд, несовпадения в топонимике различных источников, в большинстве случаев, особенно в части компиляции, имеются определенные точки соприкосновения, позволяющие говорить об общности исходного материала и определенной традиционности в выборе ориентационных точек. Наглядным примером этому могут служить сведения Страбона, Плиния и Птолемея по населенным пунктам внутри Херсонеса Таврического. Как и в предыдущих случаях, наибольшая степень компиляции присуща работе Плиния. Именно поэтому в «Естественной истории» отдельные топонимы находят аналоги как в «Географии» Страбона, так и в «Географическом руководстве» Птолемея. Сведения Страбона в этой части, по-видимому, восходят ко времени греко-скифских войн и походов Диофанта. Отсюда столь пристальное внимание к Гераклевскому полуострову (напомним, что Страбон оставил самое подробное его описание) и перечисление скифских крепостей Палакия, Хаба и Неаполя. Географическая картина служит здесь скорее определенным конкретизирую-

шим фоном для исторических событий и, по-видимому, отражает соответствующие им реалии. Обращает на себя внимание и тот факт, что в «Географии» Страбона упомянуты в Северо-Западном Крыму две гавани херсонеситов, в которых мы считаем возможным видеть Калос Лимен и Керкинитиду. Вероятно, это отражает ситуацию после второго похода Днофанта, на что уже обращалось внимание и раньше ²²⁴. Сведения Птолемея по Крымской Скифии относятся к более позднему времени и преследуют иную цель. Города, помещенные им по реке Каркиниту, продолжают цепочку населенных пунктов вдоль дороги, ведущей из Нижней Мезии к Херсонесу Таврическому. Не случайно их помещение на карте Птолемея перед пунктами, расположенными «по реке Борисфену», — как было показано выше, в действительности по Южному Бугу. Следовательно, хронологически источник Птолемея если и не один и тот же, то, по крайней мере, относится к одному периоду и связан с активной политикой Рима в Крыму.

Причем вряд ли отраженная в «Географическом руководстве» картина может быть отнесена к I в. н. э., когда под контролем римских войск и Херсонеса «находились лишь Гераклеийский полуостров с расположенной на нем сельскохозяйственной округой и территория, прилегающая к мысу Ай-Тодор» ²²⁵. Иное дело — вторая половина II в. н. э. К этому времени римские войска размещаются не только в Херсонесе, но и в целом ряде пунктов Юго-Западного Крыма. В результате обширные территории были включены в сферу военно-политического и экономического влияния Римской империи и Херсонеса ²²⁶, и отражение этого процесса на географических картах выглядит вполне естественно.

С другой стороны, если топонимика Крыма Птолемея единовременна, то как объяснить явную нестыковку отдельных мест в описании географа, отражающую несомненную компилятивность его работы? На наш взгляд, это связано с тем, что именно Крым стал той точкой, в которой сомкнулись два пути продвижения римских вооруженных сил к северным берегам Понта. Первый путь был связан с восточной политикой Рима и шел через Малую Азию, Кавказ на Боспор. Другой путь связан с продвижением Рима вдоль Дуная в сторону варварского мира, с подчинением варварских царств и защитой собственных рубежей ²²⁷. Таким образом, Северо-Западный и Юго-Западный Крым, по-видимому, находился в сфере влияния и под контролем римских войск, дислоцированных в Нижней Мезии, а Восточный Крым — римских войск, дислоцированных в Вифинии. Именно это обстоятельство предопределило сложность компилятивной работы Птолемея и приве-

ло в конечном итоге к тем искажениям, которые, с одной стороны, перенесли топонимы Юго-Западного Крыма на митерик, а города Европейского Босфора растянули на весь Херсонес Таврический.

Стержень карты Птолемея, по крайней мере в этой части, составляют сухопутные магистрали. Прибрежные топонимы, подобно Северо-Западному Причерноморью, играют второстепенную роль и, вероятно, были связаны с дорогами. Это обстоятельство привело к тому, что часть явно прибрежных населенных пунктов оказалась в глубине суши (Ордесс, Киммерия, Порт-Акра и др.), и, наоборот, пункты, расположенные на определенном удалении от берега, стали прибрежными (Дандака, Лагира). Это же обстоятельство объясняет и разноименность топонимов в периплах Арриана и Псевдо-Арриана, с одной стороны, и в «Географическом руководстве» Птолемея, с другой, в тех случаях, когда речь идет об одном и том же отрезке побережья. В периплах главным было указание на удобные бухты для стоянки кораблей и обозначение наиболее сложных участков плавания. В то же время, как показывает анализ сведений этих авторов по вожному берегу Крыма, несмотря на разницу в целях и принципах отбора, основные районы опорных точек совпадают (Лагира — Лампада; м. Коракс — гавань Скифо-тавров — р. Истриан), что свидетельствует об устойчивой традиционности в маршруте плавания вдоль этого побережья.

Сведения Арриана, по-видимому, значительно более ранние, чем сведения Птолемея. Как уже отмечалось, М. В. Албунов считает, что в их основе лежат перипл неизвестного автора конца IV — начала III в. до н. э.³²⁸ Возможно, это отчасти верно в отношении Северо-Западного Причерноморья, однако сведения по Крыму, скорее всего, следует отнести ко II в. до н. э., до походов Диофанта. На это, в частности, указывает скифская принадлежность Керкинитиды и Калос Лимена, отмеченная в перипле Арриана. Псевдо-Арриан при описании крымского побережья в основном повторяет сведения Арриана, относящиеся ко II в. до н. э. В то же время не исключена возможность определенной корректировки этих данных в соответствии с новыми для его времени реалиями. Так, дается новое название Феодосии — Ардабда, иное произношение Херсонеса — Херсон. Вполне вероятно в этой связи, что и название Афинсон связано с гаванью Скифо-тавров лишь территориальной близостью, но не тождественностью объектов. Обращают на себя внимание два обстоятельства при сравнении текстов Арриана и Псевдо-Арриана. Во-первых, в изложении последнего нет определения гавани Скифо-тавров как «повинутого порта», хотя гавань Афинсо-

она характеризуется как пустынная (что, скорее всего, перенесено на нее из текста Арриана). Аноним добавляет к этому: «Здесь спокойная стоянка для кораблей» (Рх.-Ал., PPE, 78). В § 82, который, судя по топониму «Херсон», относится ко времени, близкому к Анониму, гавань Афинейона не характеризуется как пустынная. Во-вторых, в подавляющем большинстве случаев новые наименования применительно к названным в перипле Арриана пунктам даются в качестве уточняющего пояснения, т. е. после наименования Арриана. Здесь же вначале вводится новое название, а уже потом оговаривается его прежнее. Исходя из этого, мы не исключаем того, что Афинейон Псевдо-Арриана следует разделить с гаванью Скифо-тавров Арриана и возникновение первого отнести к более позднему времени — возможно, к V в. н. э.

Наиболее сложной, с точки зрения компиляции разновременных источников по Крыму, является «Естественная история» Плиния. Совпадение ряда наименований с данными Страбона и Птолемея свидетельствует об определенной временной близости источника Плиния по внутренней части полуострова. Скорее всего, его следует отнести ко времени между военными действиями Диофанта и походом Т. Плавтия Сильвана в Таврику. На нижнюю границу указывает отсутствие у Плиния упоминания Хаба и Неаполя, взятых Диофантом. На верхнюю границу — наличие Навара (Южно-Донузлавского городища), погибшего в середине I в. н. э., и отсутствие Харакса, возникшего в третьей четверти I в. н. э. Гибель в это же время городища «Чайка», отождествляемого нами с Евпаторией, и следы пожаров и разрушений на Усть-Альминском городище (Палакий) позволяют предположить, что к этому же времени относятся и сведения Птолемея по Северо-Западному Крыму. Напротив, расхождения в описании центрального участка Крымской Скифии предполагают разновременность лежащих в их основе источников. У Плиния назван Палакий, а у Птолемея — Данлака (Булганакское городище). В «Естественной истории» обозначена северная граница по линии скифских городищ-убжищ, а в «Географическом руководстве» даны координаты узловых точек вдоль дороги на Феодосию. Отсутствие на карте Птолемея Неаполя, несмотря на явную близость проходившей здесь дороги, свидетельствует в пользу упадка Скифии во второй половине II в. и подчинение населения Юго-Западной Таврики с помощью римских войск римской администрации²²⁹. Возможно, именно этот процесс нашел отражение на карте Птолемея в виде обозначенной северной границы римского ваяния и проходившей вдоль нее дороги на Феодосию.

Помимо сведений, близких или синхронных со сведениями Птолемея, Плиний сообщает и данные, относящиеся к значительно более раннему периоду. В данном случае это касается Гераклеяского полуострова. Возможно, здесь мы имеем дело с тем же перипломом, что и по Северо-Западному Причерноморью, сохранившим названия реки Рода, залива Саггарийского и некоторых других топонимов. Обращает на себя внимание последовательность в описании пунктов, следующих за Херсонесом: мыс Партеий, таврский город Плакия, порт Символов, мыс Бараний Лоб (Plin., NH, IV, 85). Ранее мы высказали версию, что после Херсонеса Плиний называет один пункт к северу от него (Плакий), а один к югу — мыс Партеий, однако причину такого нарушения последовательности не указали. Между тем в данном случае мы вновь сталкиваемся с проблемой так называемого «старого» Херсонеса Страбона в сочетании с Херсонесом Новым Плиния, название которого дается в том же параграфе. На наш взгляд, упомянутый затем Гераклея — Херронес есть не что иное, как «старый» Херсонес Страбона. В этом случае последовательность дальнейшего описания в части м. Парфений (м. Фиолент) — Плакий (Усть-Альминское городище) полностью соответствует действительности. В то же время, два последующих пункта — гавань Символов и м. Бараний Лоб — вполне согласуются с отсчетом от Херсонеса Нового у Карантинной бухты. Фактическое совмещение двух разных объектов в одном привело в конечном счете к той самой картине, которую изложил Плиний.

Локализация населенных пунктов в Северо-Западном и Юго-Западном Крыму позволяет несколько иначе взглянуть и на проблему определения местоположения района Тафры, бесспорно относящегося к Крымскому полуострову. И. И. Вдовиченко и С. Г. Калтухов однозначно считают, что «местность Тафры — несомненно древнее название Присивашья, лежащего между Перекопом и Чонгаром». Упоминание этой местности у писателей позднеэллинистического времени они связывают с «сооружением рва и вала на Перекопском перешейке в конце III—II в. до н. э.», отождествляя с этими объектами стену Асаандра²⁰. Между тем тот же С. Г. Калтухов в другой статье совершенно справедливо указывает, что, начиная «со второй трети III в. до н. э., степь использовалась скифами в лучшем случае как отгонные пастбища, а «по северной границе предгорья, где основным противником были сарматы, для защиты населения строились укрепленные убежища»²¹. Именно эта последняя линия и присутствует в работе Плиния. Возникает вопрос, что же такого необычного было в «Степ-

ной стратегической линии», если «она была создана в начале III в. до н. э.»²³² и вскоре была оставлена, не сыграв, по сути дела, сколь либо заметной роли, чтобы столь прочно закрепиться в античной литературной традиции? И в то же время неизмеримо больший участок собственно Степного Крыма попросту игнорируется античными авторами. Нельзя согласиться с мнением И. И. Вдовиченко и С. Г. Колтухова в отношении локализации стены Асандра на Перекопском и Чонгарском перешейках уже хотя бы потому, что Асандр отгородил стеной земледельческий район (Strabo, VII, 4, 6), в то время как за Перекопом и Чонгаром простирается Степной Крым, служивший в качестве отгонных пастбищ и бывший местом обитания кочевников. Предложенная нами в связи с локализацией «перешейка у Каркинитского залива» версия наличия в античной традиции упоминания, по крайней мере, двух перешейков — Перекопского и Узуларского, совмещенных в одном, позволяет решить эту проблему иначе. И. И. Вдовиченко и С. Г. Колтухов, убедительно опровергнув точку зрения В. С. Ольховского, помещавшего местность Тафры между Перекопом и Акмоном²³³, в то же время даже не предприняли попытку рассмотрения в этой связи Узуларского вала на Керченском полуострове, отвергнув лишь возможность отождествления с ним стены Асандра, т. к. в I в. до н. э. «центр Крымской Скифии переживал не самые лучшие времена», а именно предположение об усилении военной мощи позднескифского государства в послемитридатовский период подкрепляет мнение о сооружении вала для защиты от крымских скифов²³⁴. Кроме того, авторы обращают внимание на свидетельство Страбона, который локализует номадов за пределами полуострова²³⁵. Однако если в данном случае речь идет об Узуларском перешейке, то противоречие снимается, а под полуостровом здесь следует понимать Керченский полуостров. Впрочем, даже если сарматские племена (номады) по большей части обитали в это время на материке, угроза с их стороны была все-таки велика, и уж если крымские скифы возводили против них городища-убежища на северных отрогах Крымских гор, то почему то же не могли сделать боспоряне, обезопасив тем самым земледельческий район Европейского Боспора?

Локализация страны Тафры, окруженной рвами, между Перекопом и Узуларским валом заполняет обширную лагуну в античной географии Крымского полуострова, возвращая на его карту район Степного Крыма. Неточные сведения о его размерах приводили зачастую к сужению границ и даже к совмещению Перекопа с Узулар-

ским валом, что породило впоследствии устойчивую тенденцию к отождествлению местности Тафры исключительно с районом Перекопского перешейка. Между тем совокупный анализ античной литературной традиции позволяет говорить о том, что в ней сохранились описания как двух районов заселения поздних скифов (предгорного Крыма и Северо-Западного Крыма), так и Степного Крыма, носившего, по крайней мере в позднесллинистическое и римское время, название Тафры.

Глава IV
ЕВРОПЕЙСКИЙ БОСПОР
(КЕРЧЕНСКИЙ ПОЛУОСТРОВ)
И ЗАПАДНАЯ МЕОТИДА (ЗАПАДНОЕ ПРИАЗОВЬЕ)
В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ

Античная традиция сохранила по крайней мере 28 наименований населенных пунктов, которые территориально должны быть отнесены к Керченскому полуострову. Часть из этих наименований, возможно, относится к одному и тому же пункту, имеющему двойное название. Не исключено также, что отдельные топонимы, указанные на карте Клавдия Птолемея после Новой Крепости, также должны быть локализованы на Керченском полуострове, однако об этом речь пойдет несколько позже. Из 28 наименований в единственном варианте сохранилось 14, из них 13 — в изложении Клавдия Птолемея. Именно автор «Географического руководства» оставил нам самое подробное описание территории Европейского Боспора, включая названия городов глубинки, за исключением Тафра никем более не упоминаемых. Достаточно сказать, что на карте Птолемея даются координаты 21 из 28 наименований, в то время как у Страбона обозначено только 6, у Плиния — 8, у Псевдо-Арриана — 7, у Стефана Византийского — 6, у Псевдо-Скилака — 4, у Помпония Мелы — 3, у Элия Геродиана — 3. У других авторов наименования единичны.

Направление описания у Псевдо-Арриана — по-прежнему с востока на запад, у Птолемея и Плиния — в обратном направлении. Особенностью изложения Страбона является то, что ряд населенных пунктов называется им в контексте описания Азии (Гераклий, Акра), в то время как в описании Европы они отсутствуют. Направление описания у Страбона сохраняется с запада на восток.

В том же направлении продолжим следовать и мы, начав анализ с приморских городов Керченского полуострова.

Казека. Этот населенный пункт известен только по сообщениям Арриана и Псевдо-Арриана. В перипле Арриана говорится, что «от Пантикалея до местечка Казека, лежащего при море, четыреста двадцать стадиев; отсюда двести восемьдесят стадиев до опустевшего города Феодосии» (Арт., PPE, 30). Псевдо-Арриан повторяет эти сведения, указывая, правда, перед Казекой еще один пункт — Киммерик (Рз.-Арт., PPE, 76—77).

К. Мюллер, Келер и де Мариньи помещали Казеку на месте Таш-Качика¹ (современный м. Чауда). Здесь же локализируют Казеку М. В. Агбунов² и А. А. Масленников³, и если А. А. Масленников определяет местонахождение этого городка непосредственно на м. Чауда, то М. В. Агбунов помещает его несколько восточнее, близ устья оз. Качик, исходя из расстояния, указанного в перипле Псевдо-Арриана между Киммериком и Казекой в 180 стадиев, или примерно 28 км (напомним, что М. В. Агбунов при расчетах линейных расстояний у Арриана и Псевдо-Арриана использует Эратосфенов стадий).

Для более уверенного определения местонахождения античной Казеки воспользуемся линейными расстояниями до нее от двух городов, Феодосии и Пантикалея, расположенных соответственно к западу и к востоку от нее, локализация которых не вызывает никакого сомнения. При величине стадия 157,7 м от Феодосии мы попадем в район озера Качик (примерно 44 км), а от Пантикалея — на 6 км восточнее (примерно 66 км). Не согласуется при этой величине стадия и общее расстояние между Пантикалеем и Феодосией. В перипле оно составляет 700 стадиев (420 × 280), или, в пересчете на километры, 110,4 км. Так как в данном случае мы имеем дело с периплом, этому расстоянию соответствует морской путь от современной Керчи к Феодосии, протяженность которого на современной карте 140 км, что весьма близко к сведениям Арриана при величине стадия в 197 м — 137,9 км.

Точно так же определяется расстояние между Пантикалеем и Феодосией у Плиния — 700 стадиев (87500 шагов) (Plin., NH, IV, 87). В то же время Страбон называет только 530 стадиев («от Феодосии до Пантикалея около пятисот тридцати стадиев») (Strabo, VII, 4, 4). При величине стадия 185 метров это соответствует примерно 98 км, что вполне согласуется с прямым расстоянием между Феодосией и Пантикалеем по суше. Вот почему, в отличие от Арриана и Плиния, Страбон не указывает топонимов по южному побережью Керченского полуострова между Феодосией и современным м. Такыл, а Акра упомянута им лишь в связи с описанием современного Таманского полуострова (Strabo, XI, 2, 8).

В «Географическом руководстве» Клавдия Птолемея Феодосию и Пантикапей разделяют всего 73,5 км (реальная величина 1° широты и 1° долготы в данном случае, вероятно, соответствует II зоне, так как данные города на карте Птолемея сохранили свое положение и на них не распространяется коэффициент искажения городов глубинки к востоку от Узунарского вала). Несомненно, что уменьшение реального расстояния связано с отсутствием на карте Птолемея части юго-восточного побережья Керченского полуострова к востоку от Узунарского вала, о чем уже говорилось выше. Однако, как мы уже неоднократно убеждались, в «Географическом руководстве» ничего «не исчезает» бесследно. Не является исключением и данный случай. Найти на современной карте отрезок побережья, эквивалентный отсутствующему у Птолемея, возможно, только проанализировав координаты всех топонимов «Географического руководства» по этому району, и потому речь об этом пойдет ниже. Здесь же ограничимся лишь констатацией того факта, что существенное искажение Керченского полуострова на карте Птолемея связано с компиляцией периплога сухопутных дорог и перипла побережья от Феодосии до Пантикапей.

У Арриана и Псеудо-Арриана перипл излагается в чистом виде, и потому расстояние в 137,9 км между Пантикапеем и Феодосией кажется нам более предпочтительным, и при определении местоположения Казеки мы будем исходить из 197-метрового стадия.

По этой версии, Пантикапей и Казеку разделяет отрезок пути около 83 км, в то время как между Казекой и Феодосией примерно 55 км. Первое расстояние приводит нас на м. Чауда, второе кажется явно завышенным. Возможно, речь здесь идет о каботажном объезде Феодосийского залива? Однако и при таком варианте названная в перипле цифра несколько великовата. Между тем ранее мы выяснили, что в перипле Арриана некоторые расстояния, преимущественно связанные с крупными заливами, растянуты (район Каламитского залива, участок побережья между мысом Аю-даг и мысом Меганом) в среднем в 1,5—2 раза. Не стал исключением и Феодосийский залив. Учитывая западную направленность перипла Арриана, возможно, именно увеличение расстояния между Казекой и Феодосией вызвало последующее увеличение юго-восточного побережья Таврики и эквивалентную ему растяжку Каламитского залива.

Итак, местоположение Казеки должно быть определено именно на м. Чауда. Сам мыс «невысок, но бронирован крупными плитами ракушечника, цементированного в плотную породу, и поэтому разруша-

ется морем очень слабо»⁴. Серьезные археологические исследования здесь не велись, за исключением разведок Восточно-Крымской экспедиции и исследования нескольких плохо сохранившихся захоронений отрядом экспедиции И. Т. Крутливковой в 1954 г. Опираясь на материалы разведок, А. А. Масленников приходит к заключению, что «городок Казека и его некрополь... почти совершенно разрушен»⁵. Впрочем, ответить на вопрос, так ли это, может лишь тщательное исследование территории, прилегающей к м. Чауда, как к востоку, так и к западу от него.

Киммерик. Наименование этого населенного пункта известно по сообщениям двух авторов. Птолемей помещает его внутри Херсонеса Таврического под координатами 62° долготы и 48° широты и называет его Киммерий (Ptol., III, 6, 5). Псевдо-Арриан сообщает, что от деревни Казека до Киммерика 180 стадиев (Ps.-Arr., PPE, 77), а от Пантикапея — 240 стадиев (Ps.-Arr., PPE, 76). Здесь была «стоянка для кораблей, защищенная от западных ветров, напротив него в море, в недалеком расстоянии от материка, два скалистых, не очень больших острова» (Ps.-Arr., PPE, 76).

Проблема локализации Киммерика в настоящее время как будто бы не вызывает разногласий. Еще первые исследователи однозначно определили, что данный населенный пункт располагался у западного склона г. Опук, недалеко от оз. Элькен. Этой точки зрения, в частности, придерживались И. П. Бларамберг⁶ и П. Дюбриокс⁷. Точка зрения П. С. Палласа⁸ и И. М. Муравьева-Апостола⁹ о местоположении Киммерика в Северном Крыму, вероятно, опиралась исключительно на координаты Птолемея и была опровергнута еще Ю. А. Кулаковским¹⁰. Из современных исследователей Киммерик в районе г. Опук однозначно помещают М. В. Агбунов¹¹, А. А. Масленников¹², А. А. Завойкин¹³. Здесь же находился этот населенный пункт и по нашим расчетам¹⁴.

Свидетельство Псевдо-Арриана в части линейных расстояний указывает, что древний Киммерик располагался в районе г. Опук. Именно здесь пересекаются расстояния от Казеки (35,5 км) и от Пантикапея (47,3 км). Сведения же Птолемея более противоречивы и требуют определенного пояснения.

Наши прежние расчеты в определении местоположения Киммерия Птолемея строились на определении расстояния между Порт-Акрой, которую мы помещали на мысу Кыз-Аул¹⁵, и Киммерием. Сближение этих населенных пунктов между собой объяснялось тем, что район

Таманского полуострова (Гермонасса) оказался на карте Птолемея отодвинут к востоку на $45'$, что привело к изменению положения и пунктов юго-восточного побережья Керченского полуострова, в том числе, по-видимому, и Киммерия. Причем последний, возможно, в качестве компенсации за в целом увеличившееся расстояние был на ту же величину приближен к Порт-Акре. В этом случае прямое расстояние до Киммерия от Порт-Акры составит $11,1$ км, т. е. почти точно до места традиционной локализации Киммерика (Киммерия)¹⁴. Другие варианты расстояний, имеющихся в «Географическом руководстве», не рассматривались. Между тем, учитывая положение Киммерия по отношению к Узунарскому валу, можно предположить его значимость в качестве ориентира или опорной точки на карте Птолемея. Исходя из этого, определим расстояние по «Географическому руководству» между Феодосией и Киммерием.

Эти населенные пункты разделяют $80'$ долготы и $40'$ широты (Ptol., III, 6, 2 и III, 6, 5), что в современных мерах длины составляет $67,4$ км по прямой и что приводит нас вновь в район г. Опук. Расположение Киммерия в непосредственной близости от Узунарского вала, вероятно, сказалось лишь на широтном коэффициенте искажения, который в данном случае идентичен городам внутри Херсонеса Таврического, т. е. соответствует IV зоне. По долготе же этот коэффициент относится ко второй зоне, т. е. отрезок «Феодосия—Киммерий» расположен к западу от Узунарского вала. Отсюда по широте $1'$ равна $0,29$ км, а по долготе — $0,83$ км, что и дает данный результат. Таким образом, на карте Птолемея расстояние «Феодосия—Киммерий» сохранено, однако весь этот отрезок развернут к западу от Феодосии. Но тогда Феодосия фактически оказывается на месте Киммерия по отношению к Керченскому проливу, а отрезку пути между Феодосией и Нимфеем на карте Птолемея в реальности должен соответствовать какой-то участок к востоку от г. Опук, где определяется местоположение Киммерия.

Остатки древнего города обнаружены в 50 км к югу от Пантыкалея на мысу, расположенном между берегом Черного моря и озером Элькен. В 20-х гг. XX в. раскопки проводил Ю. Ю. Марти, позднее — И. Б. Зеест и И. Т. Крутикова. В последнее время работы в окрестностях г. Опук ведутся Южно-Боспорской экспедицией (яч. экспедиции В. К. Голецко). Судя по материалам раскопок, город существовал как в эллинистическое, так и в римское время. В римское время в восточной части плато на горе Опук находилось укрепление. В его северной части была цитадель, прямоугольная в плане, с мощными стенами тол-

щиной более 4 м из блоков известняка¹⁷. Время существования крепости определяется большинством исследователей в интервале от I в. до н. э. до III в. н. э.¹⁸ Предполагается, что во второй половине — конце III в. н. э. Киммерик прекратил свое существование¹⁹. Однако работы Южно-Боспорской экспедиции позволяют внести в это положение некоторые коррективы. В частности, «в верхнем слое городища были выявлены остатки построек II—IV и, возможно, IV—VI вв. н. э. У внешней стороны стены цитадели обнаружены мусорные напластования II—III и IV—VI вв. н. э.»²⁰ Кроме того, исследования цитадели показывают, что время ее возведения следует, скорее всего, отнести к IV в. н. э.²¹ Если это так, то, возможно, у Птолемея название Киммерий относится только к городищу на западном склоне, в то время как Псевдо-Арриан имеет в виду уже и цитадель Киммерик. Отсутствие же упоминания Киммерика (Киммерия) у авторов эллинистического времени (в том числе и в источнике Арриана) объясняется тем, что, хотя здесь и существовало поселение, оно не играло столь важной роли, как во времена Птолемея и Псевдо-Арриана.

Акра и Порт-Акра. В прежней своей трактовке мы склонны были считать Порт-Акру Птолемея и Акру других авторов различными населенными пунктами. Однако высказанная выше версия разворота отрезка «Феодосия — Киммерий» к западу от Феодосии и предположение о соответствии расстояния «Феодосия — Нимфей» какому-то участку к востоку от г. Опук, заставляют еще раз вернуться к этому вопросу.

Наименование населенного пункта в варианте «Порт-Акра» встречается только в «Географическом руководстве». Его координаты на карте Птолемея — 61°50' долготы и 47°40' широты (Ptol., III, 6, 5), т. е. от Киммерия Порт-Акра отстоит на 10' по долготу и 20' по широте. Так как Порт-Акра располагалась к востоку от Узунларского вала и помещена на карте Птолемея среди городов глубинки, то здесь действуют параметры IV зоны, для которой 1' широты равна 0,29 км, а 1' долготы — 0,172 км. Отсюда прямое расстояние составляет 6 км.

Для того чтобы понять, где же все-таки находилась Порт-Акра, нужно определить, какой именно участок побережья от г. Опук (Киммерия) до Нимфея соответствует расстоянию «Феодосия—Нимфей» на карте Птолемея. Координаты Нимфея даны в «Географическом руководстве» в описании береговой линии Понта сразу за Феодосией (Ptol., III, 6, 2). Следовательно, на него в данном случае распространяются параметры II зоны, и прямое расстояние между ним и Феодосией составит 28 км. Местоположение Нимфея у современного по-

селка Героевка не вызывает сомнения, однако, если двигаться вдоль береговой линии от Киммерия, мы на это городище не попадем. В то же время если направиться к Нимфею, минуя м. Такыл через известное поселение у с. Заветное, отождествляемое с Акрой других авторов, то полученное расстояние вполне согласуется с действительностью. Отрезок же пути между Киммерием и Порт-Акрой, равный 6 км, может быть соотнесен с береговой линией между поселением у с. Заветное и м. Такыл. Если это так, то между Киммерием и Порт-Акрой существовала сухопутная дорога, оставляющая в стороне Китей и Тазос, в то время как морской объезд включал и эти пункты.

Становится понятным, почему явно приморские города оказались в глубине полуострова. Киммерий и Порт-Акра были, по-видимому, названы в источнике Птолемея как города, соединенные дорогой по суше. Следующие же в описании вслед за Порт-Акрой Китей и Тазос выпали из числа приморских, так как этот участок побережья уже был включен в расстояние между Феодосией и Нимфеом. Таким образом, возникла ситуация, напоминающая описание в «Географическом руководстве» современного Гераклийского полуострова, где картина оказалась в конечном итоге как бы перевернутой.

Итак, Порт-Акра Клавдия Птолемея — это известная по другим источникам Акра. По сообщению Страбона, она располагалась против Корокоидамы, что на азиатской стороне Боспора, и была отделена «семидесятью стадиями водного пути» (Strabo, XI, 2, 8). Это наименование встречается у Элия Геродинана (XI, 265, 5) и у Стефана Византийского (в. ч. "Акра), который подчеркивает, что городов этого имени в Скифии было шесть. Псевдо-Арриан указывает, что Акру отделяют от Нимфея 63 стадия, а от Китей — 30 стадий (Ps.-Arr., PPE, 76). Наконец, ее называет Плиний в перечислении городов между Зефирием и Нимфеом (Plin., NH, IV, 86).

Большинство исследователей, начиная с И. Бларамберга, помещала городок Акру на мысе Такаль, крайней юго-западной точке Керченского полуострова²². Однако К. К. Шилик пришел к выводу, что Акра находится в настоящее время под водой в районе пересыли небольшого озера у с. Заветное²³. Эта точка зрения нашла как сторонников, так и противников. К числу последних, бесспорно, следует отнести М. В. Агбунова, который считает, что подобная локализация Акры «противоречит как традиции размещения античных городов и поселений, так и толкованию слова "акра" в связи с конкретной топографией района»²⁴. Кроме того, по мнению М. В. Агбунова, местоположение

Акры «на высоком, выдающемся далеко в море и хорошо заметном мысу» подтверждается и тем, что, по сообщению античных авторов (имеется в виду Страбон), Акра находилась у оконечности Боспора Киммерийского и именно здесь кончался пролив и начинался Понт Евксинский. Однако это вовсе не следует из античных свидетельств. Во-первых, потому, что античные авторы несколько иначе определяли параметры современного Керченского пролива (об этом уже говорилось выше). Во-вторых, в данном случае мы имеем ситуацию, аналогичную северу Боспора Киммерийского. Ведь несмотря на то что античная традиция помещает Мирмекский в устье Боспора, расположен то он был не на мысе Фонарь.

Нельзя согласиться и с критикой М. В. Агбуновым методики расчетов К. К. Шилика, поскольку в данном случае, как показал предыдущий анализ, использовался именно 197-метровый стадиий и, следовательно, расчеты расстояний по милям соответствуют расстоянию по стадиям.

В поддержку версии К. К. Шилика в последнее время выступили А. В. Куликов²⁵ и А. А. Масленников²⁶. Последний, в частности, в доказательство использует название этого города у Клавдия Птолемея — «Порт-Акры», «свидетельствующее, что здесь имелся хотя бы маленький порт или, возможно, (южная) переправа на Таманский полуостров. Район же мыса Такиль совершенно лишен не только гаваней, но и опасен для мореплавания»²⁷. Однако до настоящего времени этот довод мог опираться лишь на признание ошибочности координат Порт-Акры в «Географическом руководстве», так как расчеты не позволяли отождествить ее с Акрой других авторов. Не поддерживали эту точку зрения и мы, локализуя Порт-Акру в районе мыса Кыз-Аул²⁸. Новая интерпретация сведений Птолемея позволяет снять данное противоречие и придает большую убедительность предлагаемой локализации Акры (Порт-Акры).

Городище было расположено на низком береговом мысе, образованном с севера и востока морем, а с запада оз. Ялыш. Общая площадь поселения оценивается в 3,5 га, около 2 га затоплено морем. Керамика, развалы камней и остатки сооружений встречаются на глубинах до 4 м на расстоянии до 100—150 м от современной береговой линии. Подъемный материал и богатая нумизматическая коллекция позволили датировать поселение периодом с IV в. до н. э. по начало IV в. н. э.²⁹

Китей. Сведения об этом городе сохранились в изложении четырех авторов. Псевдо-Скилак называет его среди греческих полисов после Феодосии (Ры.-Scyl., 68). Птолемей сообщает координаты Китея ($62^{\circ}15' — 47^{\circ}30'$) среди городов внутри Таврического Херсонеса (Ptol., III, 6, 5). Псевдо-Арриан определяет расстояние между Акрой и «городом Кит, раньше называвшимся Кидеакками», в 30 стадиев (Ры.-Arr., PPE, 76). Плиний называет город Киты после Феодосии (Plin., NH, IV, 86).

Местоположение Китея не вызывает сомнения, благодаря находке храмового стола с надписью III в. н. э., сообщающей о сооружении общиной города Китея храма «богу гремящему»²⁰. Однако имеющиеся в источниках линейные расстояния требуют некоторого пояснения. Обращает на себя внимание тот факт, что у Птолемея и у Псевдо-Арриана расстояние между Акрой (Порт-Акрой) и Китеем очень близко: соответственно 5,2 км и 5,9 км. Поскольку в обоих случаях речь идет о морском пути вокруг мыса Такыл, становится ясно, что эти цифры не соответствуют действительности, если отталкиваться от предлагаемой локализации Акры. В «Географическом руководстве» отрезок «Порт-Акра — м. Такыл» соответствует расстоянию между Киммерием и Порт-Акрой — 6 км (о причинах этого говорилось выше). В то же время 5,2 км вполне соответствуют отрезку пути от м. Такыл до Китея. Таким образом, в сумме (11,2 км) эти расстояния не противоречат реальной ситуации.

Исходя из этого, можно предположить, что в перипле Псевдо-Арриана также отсутствует часть береговой линии, точнее, даже не сама береговая линия, а соответствующее ей расстояние. Так как общее расстояние между Пантикапеем и Феодосией у Анонима близко к реальному, а протяженность Феодосийского залива увеличена, то где-то в другом месте это увеличение должно быть компенсировано некоторым сокращением. Именно поэтому конечный пункт Черноморского побережья Керченского полуострова в перипле Псевдо-Арриана — Китей — оказался фактически на современном мысе Такыл. И если на карте Птолемея расстояние между Порт-Акрой и Китеем соответствует отрезку побережья между м. Такыл и Китеем, то у Псевдо-Арриана — между м. Такыл и Акрой.

Однако такое смещение вызвало сближение с Китеем следующего за ним в перипле Киммерика. На явное несоответствие расстояния между этими городами и данными Псевдо-Арриана обращалось внимание и ранее. А. А. Масленников считает, что между Киммериком и

Китеем «был какой-то небольшой боспорский городок», на что, в частности, указывает Кыз-Аульский могильник, и Киммерик по ошибке был поставлен вместо него¹¹. Однако Авоним столь недвусмысленно указывает именно на район современного Опука («два скалистых, не очень больших острова» в море напротив Киммерика) и сообщает довольно точное расстояние до него от Казеки, что данное объяснение кажется маловероятным.

Предлагаемое нами объяснение устраняет противоречие в данных перипла Псевдо-Арриана и вполне согласуется с характером этого источника.

Китей находился на высоком обрывистом морском берегу у небольшой бухты. В настоящее время сохранившиеся руины города занимают площадь в 4,5 га. Большая часть города разрушена морем. В целом время жизни Китея определяется примерно с V в. до н. э. до V в. н. э.¹²

Тазос (Ταζός). Этот населенный пункт известен только по сообщению Клавдия Птолемея, который помещает его внутри Таврического Херсонеса после Китея под координатами 62°40' долготы и 47°30' широты (Ptol., III, 6, 5).

В комментарии к «Известиям» В. В. Латышева место локализации этого города определяется довольно широко — «в юго-восточной части полуострова»¹³. Мы определяли его местоположение в районе с. Заветное, считая возможным отождествление с ним, а не с Порт-Акрой, расположенного здесь городища¹⁴. При этом мы следовали за конфигурацией береговой линии, но не учитывали как бы перевернутую картину в описании этого района у Птолемея.

На карте Птолемея Китей и Тазос разделяют 25' долготы, или, в пересчете на километры, 4,3 км. Это расстояние приводит нас в район современного мыса Кыз-Аул, где в прежней интерпретации мы помещали Порт-Акру¹⁵. В отличие от окружающего берега, мыс сложен из устойчивых каменных пород и представляет собой возвышенность. Возможно, в античное время он имел еще большую протяженность. Мыс издавна сильно застраивался, поэтому до сих пор следов античного поселения на нем не найдено. Между тем наличие в этом районе к западу от Кыз-Аульского мыса грунтового могильника первых веков нашей эры¹⁶ бесспорно свидетельствует о существовании здесь античного поселения, возможно, ныне полностью разрушенного морем. Во всяком случае, можно предположить, что Кыз-Аульский могильник принадлежал именно древнему Тазосу.

Подтверждением такой версии локализация Тазоса может служить и расстояние от него до Киммерия по «Географическому руководству». На карте Птолемея эти населенные пункты разделяют 11,1 км, что приводит нас в район г. Опук. Таким образом, круг замкнулся. Начав с сухопутной дороги между Киммерием и Порт-Акрой, Птолемей вернулся к Киммерию по морю. Разворот Киммерия к западу от Феодосии привел к сближению последней с Боспором Киммерийским (Керченским проливом), что отразилось на расстояниях от Феодосии до Нимфея и Пантикапея в сторону их уменьшения. Феодосия оказалась как бы на месте Киммерия, и расстояние между ней и Нимфеем стало тождественно участку «Киммерий — Порт-Акра — Нимфей». Недостающее же расстояние до Пантикапея соответствует отрезку «Киммерий — м. Такыл», если речь идет о сухопутной дороге, и береговой линии от Киммерия до Пантикапея, если о морском пути. В первом случае к 73,5 км следует добавить 20,6 км (11,2 + 4,3 + 5,2). Полученное расстояние 94,2 км вполне согласуется с данными Страбона (98 км). Определение протяженности морского пути связано с локализацией населенных пунктов к северу от Порт-Акры, поэтому здесь мы этого вопроса касаться не будем. Однако прежде чем вернуться к Боспору Киммерийскому, остановимся еще на одном городе, территориальное местоположение которого как будто бы связано с юго-восточным отрезком побережья Керченского полуострова.

Зефирий. Это наименование известно из сообщений двух авторов. Плиний называет Зефирий в перечислении городов после Феодосии: «Далее были города: Киты, Зефирий, Акры, Нимфей и Дия» (Plin., NH, IV, 86). Стефан Византийский характеризует его как «местечко в Скифии» (з. ч. *Zephyrius*). Ни в одном из сообщений нет ничего, кроме общего указания на местоположение Зефирия где-то между Китеем и Акрой, что значительно затрудняет локализацию этого населенного пункта.

А. А. Масленников в связи с определением местоположения Акры высказывает предположение о возможности помещения Зефирия непосредственно на мысе Такыл²⁷, что вполне согласуется со сведениями Плиния. Никаких следов поселения пока здесь не обнаружено, однако фрагменты античной посуды, в том числе и первых веков нашей эры, попадаются²⁸. Можно согласиться с мнением А. А. Масленникова, что Зефирий был невелик, вероятно, меньше Акры и тем более Киты. Возможно, Зефирий входил в состав хоры того или другого города, и именно это обстоятельство способствовало их смещению в

сторону м. Такыл. Во всяком случае, в настоящий момент предложенная А. А. Масленниковым локализация Зефирия кажется наиболее вероятной.

Нимфей. Однако вернемся к городам Боспора Киммерийского. Следующий за Акрой Нимфей встречается в античной письменной традиции значительно чаще предыдущих населенных пунктов, хотя в целом сведения о нем довольно отрывочны. Псевдо-Скилак называет его в перечислении полисов между Китеем и Пантикапеем (Ps.-Scyl., 68). Страбон характеризует Нимфей как «город с хорошей гаванью», расположенной между Феодосией и Пантикапеем (Strabo, VII, 4, 4). У Алпиана в «Митридатых войнах» Нимфей назван в числе укреплений, отложившихся от Митридата вслед за фанаторийцами (App., 108). На карте Клавдия Птолемея этот населенный пункт помещен под координатами 63°45' долготы и 47°30' широты (Ptol., III, 6, 2). Стефан Византийский характеризует Нимфей как «таврический город между столицей Пантикапеем и Феодосией» со ссылкой на Страбона (s. v. *Nímfeion*). Псевдо-Арриан помещает Нимфей в 65 стадиях от Акры (Ps.-Arr., PPE, 76). В «Естественной истории» Плиния он назван в перечислении городов между Акрой и Дией (Plin., NH, IV, 86). Эскин в «Речи против Ктесифонта» сообщает некоторые подробности из истории Нимфея, из которых становится известно, что одно время им владели афиняне (Aeschin. c. Ctes., 171). Этот эпизод повторяется также в схолиях к Эскину у Зосима Аскалонского (Zos. Asc., Vita Dem., VIII, 18). Гарпократион в «Речении десяти ораторов» добавляет со ссылкой на Кратера, что «Нимфей платил афинянам талант [дани]».

Местоположение Нимфея установлено достаточно точно и не вызывает никакого сомнения. Дискуссионными являлись лишь вопросы о местоположении Нимфейской гавани и о вхождении Нимфея в Афинский союз, однако они выходят за рамки нашего исследования и останавливаться на этом мы не будем³⁹. Напротив, имеющиеся у античных авторов (а это вновь Птолемей и Псевдо-Арриан) цифровые данные, определяющие местоположение Нимфея, заслуживают внимания.

В перипле Псевдо-Арриана Акру и Нимфей разделяют 65 стадиев, или 12,8 км, при величине стадия в 197 м. Это несколько больше реального, однако вполне согласуется с общей тенденцией Анонима к увеличению протяженности морского пути.

На карте Птолемея Порт-Акру и Нимфей разделяют примерно 20 км. Ясно, что это нереально, хотя и объяснимо. При характеристике общих параметров III и IV зон мы отмечали, что Нимфей оказался бли-

же к Пантикапею на $10'$ по долготе и на $20'$ по широте, т. е. прямое расстояние между ними сократилось, по крайней мере, на 6 км. Кроме того, на карте Птолемея для данного района характерно перемещение широтных и долготных расстояний городов, оказавшихся вместо побережья в глубине полуострова по отношению к Нимфею. Отсюда следует, что $115'$ по долготе между Порт-Акрой и Нимфеем соответствуют примерно $63'$ широты (напомним, что $1'$ долготы для этого района в «Географическом руководстве» составляет $\frac{1}{2}$ от $1'$ широты), а $10'$ по широте — $18'$ по долготе. Проведенные расчеты дают расстояние между этими городами в 18,5 км. За вычетом 6 км получаем 12,5 км, что практически точно совпадает с данными Псевдо-Арриана. Видимо, такова и была протяженность морского пути между Порт-Акрой (Акрой) и Нимфеем.

Нимфей был расположен у современного пос. Геросевка на берегу моря и Чурубашского озера, в древности являвшегося морским заливом. Основан он был в начале VI в. до н. э. ионийцами и просуществовал, по крайней мере, до III в. н. э. Город являлся крупным торговым и экономическим центром Боспорского царства ⁴⁰.

Тиритака. Этот населенный пункт известен из сообщений Птолемея, Стефана Византийского и Псевдо-Арриана. Птолемей поместил его на своей карте в Киммерийском Боспоре под координатами $63^{\circ}30'$ и $47^{\circ}40'$ широты (Рyо., III, 6, 3). Стефан Византийский определяет ее как «континийский город» (σ. ν. Τυρτάκ). Псевдо-Арриан сообщает, что «от города Тиритаки до города Нимфея 25 стадиев» (Рy.-Агг., PPE, 76).

Тиритака локализуется В. Ф. Гайдукевичем у мыса Камыш-бурун возле современного поселка Аршицево ⁴¹. Эта точка зрения считается общепринятой ⁴². Впрочем, при определении местоположения этого города сведения Птолемея практически не использовались, по крайней мере в части пересчета его координат. М. В. Скржинская вообще опускает свидетельство географа о Тиритаке, ограничиваясь упоминанием только двух авторов ⁴³.

В прежних расчетах мы исходили из того, что, так как Нимфей поднят на $20'$, следовательно, смещена и Тиритака, вероятно, тоже на $20'$ по широте. Аналогично и по долготе смещение составляло $10'$ ⁴⁴. Однако, как показал анализ ситуации в Нижнем Подниестровье, изменение положения одного из пунктов в общей цепочке приводило к изменению положения следующего за ним и вынуждало географа увеличивать разрыв, чтобы сохранять соотношение между крайними пунктами. Синхронное сближение возможно лишь в том случае, если про-

межуточными расстояниями сохраняются неизменными. Мы не учли этого обстоятельства и вынуждены были искать объяснение явному нарушению пропорций расстояний на этом участке. В действительности расстояние «Тиритака — Нимфей» должно было остаться неизменным. В этом случае на карте Птолемея на 20' широты и 10' долготы увеличено расстояние между Порт-Акрой и Нимфеем и на ту же величину уменьшено расстояние между Нимфеем и Тиритакой. Прямое же расстояние между Нимфеем и Тиритакой в пересчете на современные меры длины составит 3,9 км. Это несколько меньше, чем у Псевдо-Арриана (4,9 км), но вполне сопоставимо с ним, если вспомнить о 5' погрешности, допустимой на карте Птолемея.

Руины Тиритаки открыты на северном берегу Чурубашского озера, в древности морского залива. Площадь города около 4,5 га. Основан он был ионийскими переселенцами и имел форму неправильного четырехугольника, острым углом обращенного к югу. Существовала Тиритака, по крайней мере, до IV в. н. э.⁴³

Дия. Это наименование известно только по «Естественной истории» Плиния (Plin., NH, IV, 86). Локализация Дии напрямую связана с Тиритакой. У Плиния отсутствуют какие-либо указания на линейные расстояния между Дией и соседними городами, однако указание на ее положение между Нимфеем и Пантикапеем, вне всякого сомнения, указывает на район Тиритаки. В. Ф. Гайдукевич полагал, что Дия — название Тиритаки в римское время⁴⁴, хотя и допускал возможность ее локализации на месте одного из двух поселений, известных поблизости⁴⁵. По мнению В. Д. Блаватского, «Дия» — греческое наименование города, а «Тиритака» — местное, восходящее к древнейшему догреческому поселению⁴⁶. Этой же точки зрения придерживается и М. В. Скржинская⁴⁷. Однозначно ответить на этот вопрос невозможно, однако тот факт, что Плиний в перечислении городов называет Китей, Акру, Нимфей, Пантикапей, добавляя к ним отсутствующий у других авторов Зефирий, и при этом не упоминает Тиритаку (что кажется маловероятным), говорит в пользу того, что город этот имел двойное название Тиритака — Дия.

Пантикапей. Столица Боспорского царства располагалась на месте современной Керчи, на нижней приморской террасе, на горе Митридаг и на ее склонах. По свидетельству Страбона, она представляла «собой холм, со всех сторон заселенный, окруженный в двадцать стадиев; с восточной стороны от него находится гавань и доки приблизительно для тринадцати кораблей, есть также акрополь; основан он милетяна-

ми» (Strabo, VII, 4, 4). Здесь же Страбон сообщает расстояние между Феодосией и Пантикапеем (530 стадиев), соответствующее, как мы убедились выше, сухопутной дороге между этими городами. Кроме этого, в следующем параграфе «Географии» Пантикапеем упоминается в связи с описанием Киммерийского Боспора. Из его окрестностей переправляются в Фанагорию (ширина пролива в этом месте около 70 стадиев). Судя по сравнению с Тавансом, Пантикапеем — самый большой в этом районе торговый центр (Strabo, VII, 4, 5). Во второй главе XI книги Пантикапеем называется как «столица европейских боспорян» (Strabo, XI, 2, 10).

Сообщения о Пантикапее у других авторов более отрывочны. Псевдо-Скилак упоминает Пантикапеем в перечислении греческих полисов и сообщает расстояние от Бараньего Лба до Пантикапеем (день и ночь плавания) и от последнего к устью залива Меотиды (20 стадиев) (Ps.-Scyl., 68). Любопытно, что последняя цифра совпадает с расстоянием, указанным Страбоном между Пантикапеем и Мирмекеем (Strabo, VII, 4, 5). Видно, эта точка и считалась в древности устьем Керченского пролива.

Псевдо-Скимн называет Пантикапеем «столицей Боспора» и характеризует его как наиболее отдаленный город (Ps.-Skymn., 835—840).

Арриан сообщает расстояние от Сидики до Пантикапеем (540 стадиев) (Алт., PPE, 29) и от него до Казеки (420 стадиев) (Алт., PPE, 30). Последнее расстояние, отличаясь от сведений Страбона, соответствует морскому пути к Феодосии. Псевдо-Арриан конкретизирует маршрут Арриана (Ps.-Алт., PPE, 76, 82) и сообщает о том, что Пантикапеем был «важным боспорским городом и имел обширную гавань и верфи» (Ps.-Алт., PPE, 76).

Пантикапеем назван как киммерийский город в перечислении городов у Помпония Мелы (Mela, II, 3). Плиний характеризует его как «самый сильный город, колония милетцев, расположенный у самого входа в Боспор и отстоящий от Феодосии на 87500 шагов» (Plin., IV, 87). Эта цифра, как мы уже отмечали, соответствует оценке Арриана (700 стадиев), т. е., по-видимому, также отражает морской путь.

У Птолемея Пантикапеем помещен в Киммерийском Боспоре под координатами 64° долготы и 47°55' широты (Ptol., III, 6, 3), а Аммиан Марцеллин называет столицу Боспорского царства как бы матерью всех милетских городов (Амм. Марс., XXII, 8, 26).

Местоположение Пантикапеем давно и надежно определено, а первые шаги в изучении его археологической топографии были сделаны

П. Дюбрюксом и И. П. Бларамбергом, при участии И. А. Стемпковского²⁰. В настоящее время исследование на горе Митридат ведутся экспедицией ГМИИ под руководством В. П. Толетикова. Возникновение города, по-видимому, относится к VI в. до н. э. В IV в. н. э. при нашествии гуннов город подвергается разрушению, но вскоре восстанавливается и существует в средневековое время²¹.

Однако вернемся еще раз к Тиритаке, точнее, к тому расстоянию, что разделяет этот город и столицу Боспора. В «Географическом руководстве» прямое расстояние между ними составляет 6,7 км. Добавим к нему 6 км, на которые связка Нимфей — Тиритака приближены к Пантикапею, и получим 12,7 км. На сей раз это больше, чем у Псевдо-Арриана (11,8 км), однако по сумме расстояний от Нимфея до Пантикапея оба автора сообщают практически одну и ту же цифру — 16,7/16,6 км. Столь близкое совпадение в линейных расстояниях в сочетании с абсолютно одинаковым перечнем городов от Киммерия к Пантикапею свидетельствует об общности источника, использованного в компилятивных трудах Псевдо-Арриана и Птолемея.

У Псевдо-Арриана § 76 предположительно взят из Мениппа²². Возможно, его же использовал и Птолемей, по крайней мере в описании этой береговой линии. Однако, в отличие от автора Анонимного перипла, он совместил его с картой сухопутных дорог внутри Керченского полуострова, что в конечном итоге отразилось на общей карте.

Итак, античная литературная традиция сохранила как подробное описание береговой линии между Феодосией и Пантикапеем, восходящее отчасти к Мениппу, так и описание внутренней части Керченского полуострова, восходящее, возможно, к римским дорожным картам. Общая протяженность морского пути оценивалась античными авторами в пределах 126—138 км (Арриан, Псевдо-Арриан, Птолемей, Плиний). Протяженность сухопутной трассы составляла 94—98 км (Страбон, Птолемей). Единственным источником, в рамках которого, по-видимому, была осуществлена компиляция морского пути и сухопутной трассы, является «Географическое руководство» Клавдия Птолемея.

Мирмекий. Этот город территориально был расположен уже в северо-восточной части Керченского полуострова. Античная традиция сообщает о нем немного, однако достаточно для того, чтобы определить его местоположение. У Псевдо-Скилака Мирмекий назван в перечислении полисов после Пантикапея (P_h-Scyl., 68). Страбон сообщает точное расстояние до него от столицы Боспорского царства: «Влево

для въезжающего в Босфор Киммерийский лежит городок Мирмекский в двадцати стадиях от Пантикапея...» (Strabo, VII, 4, 5). Кроме того, в описании Азиатского Боспора географ указывает, что Мирмекский располагался на противоположном от Ахиллова селения берегу, в самом узком месте в устье Меотиды (Strabo, XI, 2, 6). Псевдо-Арриан определяет расстояние между Пантикапеем и Мирмекием в 25 стадиев (Ры.-Алт., РРЕ, 76). Помпоний Мела называет Мирмекский в перечне киммерийских городов перед Пантикапеем (Mela, II, 3). Плиний помещает этот город в Боспоре Киммерийском (Plin., NH, IV, 87). Мирмекский упомянут также у Элия Геродиана (XIII, 373, 26) и Стефана Византийского (з. в. *Μιρμηκίον*). Наконец, аналогичное название, правда, применительно к мысу, отмечено на карте Клавдия Птолемея под координатами 64° долготы и 48°30' широты (Ptol., III, 6, 3).

Данные Страбона в этом месте настолько точны, что местоположение Мирмекия ни у кого не вызывает сомнения²¹. Город располагался на северном берегу современной Керченской бухты, на скалистом мысу в 4 км от Пантикапея (3,7 км по Страбону). В перипле Псевдо-Арриана аналогичная цифра получается при величине стадия 157,7 м (3,9 км), однако основой сообщения Анонима являлся отличный от Страбона источник, т. к. последний называет здесь два пункта — Мирмекский и Парфений (Strabo, VII, 4, 5), добавляя позднее к ним Гераклий (Strabo, XI, 2, 6), в то время как Псевдо-Арриан называет Мирмекский и местечко Порфмий (Ры.-Алт., РРЕ, 76). Поэтому расстояние могло быть и несколько завышено (4,9 км при стадии 197 м). А вот по отношению к сведениям Птолемея данные Страбона, вероятно, имеют некоторые общие корни. Во всяком случае, только они сообщают такие наименования, как Парфений и Гераклий. С другой стороны, в «Географии» Страбона наименование Мирмекский относится к городу, а в «Географическом руководстве» — к мысу, причем сходство названий вовсе не обязательно должно означать тождественность объектов.

В прежней локализации м. Мирмекия мы исходили из предположения, что по той же причине, что и Нимфей, этот мыс поднят в «Географическом руководстве» на 20', но если Нимфей оказался в результате приближен к Пантикапею, то Мирмекский, наоборот, удален. Следовательно, истинное расстояние определялось нами всего лишь в 15', что и позволяло соотнести м. Мирмекский с мысом Карантинный²². Однако в данном случае у Птолемея было определенное пространство для маневра в виде северо-восточного выступа Керченского полуострова, который на его карте развернут к северу. Его параметры, а имен-

но расстояние между указанными в логии конечными пунктами Пантикапеем и Парфением, можно было сохранить благодаря такому развороту, а отрезок «м. Мирмекий — Парфений» вынести за его пределы. Отсюда следует, что 35' широты между столицей Боспора и м. Мирмекий (равно как и Парфением, т. к. широта у них одинаковая) соответствует отрезку «Пантикапей — Парфений», а 30' долготы между м. Мирмекий и Парфением и есть действительное расстояние между ними. Расстояние «Пантикапей — м. Мирмекий» на карте Птолемея включено в 35' широты, которые соответствуют примерно 64' долготы (напомним, что 1' широты, по Птолемею, равен $\frac{11}{20}$ минут долготы). За вычетом из них 30' долготы между Парфением и м. Мирмекий мы получили реальное расстояние от Пантикапея до м. Мирмекий, равное 34', или, в современном исчислении, 5,8 км. На этом расстоянии от Пантикапея находится современный мыс Змеиный, который, видимо, и назывался в античное время Мирмекием.

Таким образом, м. Мирмекий Кладия Птолемея не тождественен местоположению города Мирмекий, и, возможно, схожесть в названии оказалась на несколько завышенном расстоянии между городами Пантикапеем и Мирмекием в перипле Псевдо-Арриана.

Город Мирмекий занимал площадь около 6 га и был вытянут вдоль берега. Время основания определяется второй четвертью — серединой VI в. до н. э. Существовал город, по крайней мере, до III в. н. э. Это был крупный центр виноделия (на городище открыто 10 виноградных хозяйств). Систематические (с перерывами) и планомерные раскопки Мирмекия ведутся с 1934 г. Вскрыты остатки оборонительной стены, улиц и жилых домов. Из производственных зданий открыты рыбозасоленное хозяйство, остатки гончарного и литейного производства²².

Парфений. Лишь два автора, Страбон и Птолемей, сообщают название этого города. Первый указывает, что деревня Парфений, «у которой самая узкая часть пролива, всего около двадцати стадиев», отстоит от Мирмекия вдвое дальше, чем Мирмекий от Пантикапея, т. е. на 40 стадиев (Strabo, VII, 4, 5). Второй помещает Парфений по Меотидскому озеру под координатами 63°30' долготы и 48°30' широты (Ptol., III, 6, 4). Страбон упоминает Парфений еще раз при описании азиатской части Боспора (XI, 2, 6).

Относительно локализации, вернее, отождествления Парфения существуют две точки зрения. П. Дюбрюкс считал возможным помещать его в район мыса Борзовки на побережье Азовского моря²⁴. В. В. Веселов локализовал Парфений на северной окраине пос. Опас-

ное³⁹. Эта локализация была принята и Е. Г. Кастанаян⁴⁰. Однако недавно вопрос о локализации Парфения и Порфмия вновь был поднят Н. Ф. Федосеевым⁴¹. Проведенный им анализ позволил сделать вывод, что Парфений следует отождествить с городищем у пос. Жуковка, которое традиционно определялось как Парфений⁴². Однако линейные расстояния, известные нам как по Страбону, так и по Птолемею, не позволяют согласиться с этой точкой зрения. В «Географии» Страбона городá Мирмекский и Парфений разделяют 40 стадиев, или 7,4 км. Согласно Птолемею, от мыса Мирмекский (м. Зменный) около 5,2 км. Оба расстояния однозначно указывают на городище, расположенное на северной окраине пос. Опасное. Не может служить бесспорным доказательством тождественности городища у поселения Жуковка и Парфения и находка граффити [...] с Парфения [...], так как оно могло попасть сюда из другого места. Кроме того, городище у пос. Жуковка прекращает свое существование в начале I в. до н. э.⁴³, в то время как сведения Птолемея и, возможно, Страбона относятся к более позднему времени. На городище же у с. Опасное зафиксирован материал с VI в. до н. э. по II в. н. э.⁴⁴

Городище имело площадь 150 × 85 м и в настоящее время застроено современными постройками. Отождествление с ним Парфения кажется нам более предпочтительным.

Порфмий. Этот населенный пункт, согласно сведениям античных авторов, располагался в конце европейской части Понта, в самом узком месте пролива. Как Порфмийская деревня он упоминается в сохранившихся к Дионисию (718) и в «Измерении всей населенной земли в сокращении» Безымянного автора⁴⁵, как Порфмий — у Элия Геродотана (XIII, 360, 17) и Стефана Византийского (s. v. *Πορφύμις καὶ Πορφύμιον*). Псевдо-Арриан сообщает расстояние между Мирмексом и Порфмием — 60 стадиев (Ps.-Arr., PPE, 76) и, кроме того, еще трижды обращается к этому наименованию (Ps.-Arr., PPE, 69; 82 и 117). Причем, если сравнить между собой § 76 и § 82, то выявляется очень интересное противоречие. В § 82 сообщается расстояние от деревни Портмитиды до Херсона (2260 стадиев) и от Пантикалея до Херсона (2200 стадиев), т. е. между Пантикалеем и Портмитидой 60 стадиев. Однако в § 76 60 стадиев разделяют Порфмий и Мирмекский, от которого до Пантикалея еще 25 стадиев. Таким образом, здесь Пантикалеем и Порфмий разделяют уже 85 стадиев! 60 стадиев при переводе в километры дают 11,8 км (при стадине 197 м). Это близко к цифре Страбона и Птолемея по Парфению, если считать от столицы Боспорского царства. А это

значит, что в § 82 указаны координаты, скорее всего, именно Парфения. Путаница же возникла, вероятно, вследствие созвучности в наименовании и близости их расположения.

До недавнего времени локализация Порфмия на городище у поселка Жуковка считалась общепринятой и приведена как в 20-томной «Археологии СССР»⁴⁴, так и в справочнике античных городов Северного Причерноморья⁴⁵. Однако, как уже говорилось в связи с локализацией Парфения, Н. Ф. Федосеев предложил иную версию локализации этого города. Прежде всего, он исходит из определения самой северной части Керченского полуострова, т. е. той части, где античные авторы помещают Порфмий. В качестве таковой Н. Ф. Федосеев предлагает район м. Фонарь⁴⁶ и именно здесь локализует Порфмий⁴⁷. Однако указания античных авторов относительно нахождения Порфмия «у устья озера Меотиды» и определение его статуса как «конечного пункта Европы» (Рз.-Авт., РРЕ, 69) не следует понимать буквально, применяя его к современным параметрам Керченского пролива. У Страбона, например, в самой узкой части пролива, напротив Ахиллова селения, что на Азиатской стороне, назван Мирмекий и Парфений (Strabo, XI, 2, 6). В первой главе мы уже отмечали существенное расхождение в определении длины Керченского пролива в современных измерениях (40 км) и у античных авторов (от 10,7 до 18,5 км) и связывали его с разницей в определении черноморского устья пролива. Но такая же разница существовала и в определении северного устья (не случайно у Птолемея Мирмекий — крайний северный пункт в проливе). Учитывая, что крайним пунктом на юге была Акра, локализуемая в районе с. Заветное, помещение Порфмия на м. Фонарь приходит в резкое противоречие с античными свидетельствами о длине Керченского пролива.

Для локализации Порфмия мы можем использовать только одну цифру — 60 стадиев, определяющую расстояние между ним и Мирмекием. При стадии 197 м в современном исчислении это составит примерно 11,8 км, что не может соответствовать ни одной точке на побережье между мысами Карантинный и Фонарь. При стадии 157,7 м полученная цифра — около 9,5 км — приводит нас к городищу у с. Жуковки (с учетом необходимости при плаваньи обогнуть м. Еникале). Тот же результат, но несколько более точно, получается и при условии растяжки расстояний в перипле Псевдо-Арриана по аналогии с отрезком «Пантикапей — Мирмекий». По сравнению со сведениями Страбона, последний растянут примерно в 1,3 раза, что применительно к последующему расстоянию до Порфмия дает цифру около 9,1 км.

Таким образом, Порфмий следует соотносить именно с городищем у с. Жуковка. Его площадь — около 0,65 га. Время существования — с конца VI — начала V в. до н. э. по первые десятилетия I в. до н. э. Обилие амфор, разнообразие импортной керамики и терракот, множество монет свидетельствуют о том, что Порфмий, по-видимому, играл роль складского и перевалочного пункта⁶⁶. Время существования городища у с. Жуковка объясняет, почему в перипле Псевдо-Арриана назван Порфмий, а у Страбона и Птолемея его нет. Источник Псевдо-Арриана по времени, скорее всего, относится ко II в. до н. э., Страбон же и Птолемей пользовались в этой части более поздними периплами, относящимися ко времени, когда Порфмий уже прекратил свое существование и его место, возможно, занял Парфений. Определенным подтверждением такой временной оценке может служить отсутствие у Псевдо-Арриана Тазоса, локализуемого в районе Кыз-Аульского мыса, при полной аналогии с «Географическим руководством» в описании остальных пунктов юго-восточного побережья Керченского полуострова. Кыз-Аульский некрополь, относящийся, вероятно, к Тазосу, дает материал I—III вв. н. э., в то время как другие города (Киммерик, Китей, Акра, Нимфей, Тиритака) существовали как в эллинистическое, так и в римское время.

Гермисий. Это наименование известно только из сообщений римских авторов. Помпоний Мела называет его в перечислении городов после Феодосии: Мирмекий, Пантикапей, Феодосия, Гермисий (Mela, II, 3). Напротив, Плиний помещает его в Боспоре Киммерийском: «Длина Боспора Киммерийского 12500 шагов; здесь лежат города Гермисий и Мирмекий» (Plin., NH, IV, 87). Данное противоречие можно разрешить, если предположить, что в этом месте у Мелы налицо компиляция из двух источников: одного, общего с Плинием, называющего Мирмекий и Гермисий, и другого, общего со Страбоном, называющего Пантикапей и Феодосию в качестве конечных пунктов сухопутной дороги.

Попытки локализации Гермисия предпринимались, однако все они носили весьма гипотетический характер.

Так, в комментариях к Плинию обозначен лишь общий район поиска: «на месте современного города Керчь, где-либо в северо-восточной его части»⁶⁷. С. А. Шестаков локализует Гермисий на мысе Ак-Бурун⁶⁸. Однако это явно противоречит сведениям Плиния и, как справедливо замечает Н. Ф. Федосеев, требует дополнительных доказательств⁶⁹. А. А. Масленников предполагает местонахождение Гермисия

у Змеиного мыса или далее к северо-востоку, связывая с ним некрополь в районе пос. Капканы⁷². В целом же вопрос до сих пор остается открытым.

Между тем данные Плиния в какой-то мере позволяют определить местоположение Гермисия. Нимфей и Дия (Тиритака) называются Плинием вне связи с Боспором Киммерийским. Нимфей у целого ряда авторов обозначен как город на Понте (Ptol., III, 6, 2; Ps.-Scyl., 58; *Herodial.*, XIII, 369, 14; *Agrian.*, 108; Ps.-Agr., PPE, 76). Длина Боспора Киммерийского, по Плинию, 12500 шагов, или 100 стадиев (18,5 км при стадии 185 м). Если, с одной стороны, отложить это расстояние от Дии (Тиритаки), а с другой стороны, от м. Тузлы, где традиционно располагают Короюндаму⁷³, то оба они сойдутся в одной точке в районе м. Фонарь. Именно здесь и был расположен древний Гермисий.

Развалины античного поселения недалеко от Еникальского маяка описывал П. Дюбрюкс, отождествлявший его с Парфением. И. Т. Крутлыкова помещала в этом месте поселение Глейки⁷⁴. Однако, судя по всему, большая часть поселения в настоящее время уничтожена в результате выборки камня для строительства портов «Крым» и «Кавказ»⁷⁵, и от древнего Гермисия остались лишь незначительные места, где еще прослеживается культурный слой.

Зенонов Херсонес. Этот город, известный только из «Географического руководства» Птолемея (Ptol., III, 6, 4), достаточно убедительно локализуется на мысе Зюк близ современного села Курортное⁷⁶. Впрочем, нужно отметить, что в литературе существовала и другая точка зрения, высказанная К. Мюллером, считавшим возможным помещение Зенонова Херсонеса на мысу Казантип⁷⁷. Однако именно мыс Зюк является самой северной точкой азовского побережья Керчевского полуострова, что соответствует координатам Птолемея. Кроме того, прямое расстояние, просчитанное от Пантикалея (17,8 км), достаточно точно указывает на городище, расположенное на м. Зюк. В то же время Зенонов Херсонес помещен на карте Птолемея вслед за Парфением, однако расстояние между ними явно не соответствует действительности (6,7 км).

Подобные случаи в «Географическом руководстве» нередки, и связаны они с компиляцией нескольких источников, либо различных во времени, либо, что бывает чаще, отражающих движение по различным маршрутам. Исходя из этого, попробуем разобраться в данной ситуации. Ясно, что между Пантикалесом и Зеноновым Херсонесом существовала сухопутная дорога, и именно ее протяженность отмече-

на на карте Птолемея. Однако Зенонов Херсонес — приморский город и, вероятно, с ним было и сообщение по морю. Судя по координатам Парфения в «Географическом руководстве», осуществлялось оно не от Пантикапея (во всяком случае, не это расстояние отражено на карте). Но тогда откуда шел морской путь, параметры которого включены в описание этого побережья? Характер описания как будто бы подсказывает, что движение осуществлялось со стороны азиатской части или, что более вероятно, данный отрезок был включен в полный периметр Меотийского озера без заезда в Киммерийский Боспор. В этом случае должно быть сохранено расстояние между м. Киммерий, что со стороны Тамани, и Зеноновым Херсонесом, первым с европейской стороны пунктом по Меотиде (м. Мирмекий и Парфений располагались в проливе). На карте Птолемея эти топонимы разделяют 210' по долготе и 15' по широте. Прямое расстояние в пересчете на километры составит 36,4 км. Мыс Киммерий отождествляется нами с мысом Каменный на севере Таманского полуострова⁷⁴. Расстояние между ним и м. Зюк почти точно соответствует полученному нами. Таким образом, два пути мы определяли. Один — морской, минуя Пантикапей. Другой — сухопутный, идущий от Пантикапея. Третий путь шел по проливу к столице Боспорского царства через Парфений и Мирмекий. Соединение этих путей и привело к той картине, что нашла отражение в «Географическом руководстве».

Зенонов Херсонес находился на крайней северо-восточной части мыса. Хорошо заметные ныне ров и вал прикрывали его с запада, обрывистые берега делали городище неприступным с востока и юга. Площадь городища — 0,9—1,1 га. Время существования — рубеж VI—V вв. до н. э. — VI в. н. э. Раскопки проводились с 1978 по 1984 г. Вскрытая площадь — 2900 квадратных метров⁷⁵.

Гераклий. Несмотря на то что сведения об этом населенном пункте сохранились только в изложении Страбона и Птолемея, его локализация вызывает определенные затруднения, связанные с явным противоречием в свидетельстве двух авторов. Страбон упоминает Гераклий вскользь, помещая его рядом с Мирмекием: «...на противоположном берегу лежит селение Мирмекий (вблизи Гераклия) и Парфений» (Strabo, XI, 2, 6).

Обращает на себя внимание тот факт, что при описании Европы у Страбона Гераклий отсутствует. Возможно, в данном случае «вблизи» вовсе не означает рядом? Если сопоставить имевший в древности место морской путь вдоль северного побережья Керченского полуострова, о

чем говорилось выше, с явным незнанием его Страбоном («Весь этот берег, мимо которого приходится плыть, со стороны Европы пустынный...» (Strabo, VII, 4, 5), то прочитанные или услышанные сведения о каком-либо городе с европейской стороны (в данном случае о Гераклии) неизбежно должны были быть связаны в представлении Страбона с Боспором Киммерийским (ведь дальше-то берег пустынен!). Отсюда несвойственная в целом Страбону неточность.

Большинство попыток локализации Гераклии основаны на безусловной вере в истинность сообщения Страбона и на столь же безусловном признании ошибочности координат Птолемея⁶⁰. Приятным исключением в этой связи является В. В. Латышев, однако его локализация Гераклии на мысе Зюк⁶¹ не может быть принята в силу явного несоответствия со сведениями Птолемея в части конкретных координат. Из последних попыток локализации Гераклии следует отметить версию Н. Ф. Федосеева, определяющего местонахождение Гераклии на месте Еникале⁶². Однако автор этой версии даже не попытался объяснить явное расхождение в свидетельствах Страбона и Птолемея и, судя по всему, вообще игнорирует последнего. Между тем, на наш взгляд, следует прислушаться к мнению того автора, который, в отличие от Страбона, не считал европейское Приазовье безлюдным.

Зенонов Херсонес и Гераклий на карте Птолемея разделяют 60' по долготе и 15' по широте. Отсюда прямое расстояние между ними составит 11,2 км. В буквальном пересчете Гераклий оказывается в степи, но поскольку есть прямое указание, что Гераклий — прибрежный город, сдвинем район его поисков на побережье, тем более что для Птолемея важны были лишь прямые расстояния. Это почти в точности соответствует большому, хорошо укрепленному городищу первых веков нашей эры, которое было открыто в 1977 г. и известно в литературе под названием Генеральское (восточное). Расположено оно на небольшом каменистом плато в восточной оконечности. Площадь городища — 1,2 га. Время существования — I в. до н. э. — VI в. н. э. Раскопки проводились ВКАЭ (явч. экспедиция А. А. Маслеников) в 1979 и 1993 гг. Вскрытая площадь составляет 500 квадратных метров⁶³.

Обращает на себя внимание время возникновения города — I в. до н. э. Возможно, именно факт появления нового города с европейской стороны был отмечен в источнике Страбона? Тогда становится понятным, почему назван именно Гераклий, а, например, не Зенонов Херсонес, который существовал задолго до этого времени.

Новая Крепость. Этот пункт расположен на карте Птолемея «за перешейком, находящимся у реки Каркиниты», «у Меотидского озера» под координатами $60^{\circ}30'$ долготы и $48^{\circ}40'$ широты (Ptol., III, 5, 4). Из других источников Новая Крепость не известна.

В примечаниях к переводу И. П. Цветкова высказывается предположение, что «по своему наименованию пункт этот должен быть сближен с Неаполисом других авторов и локализован близ города Симферополя в Крыму»⁸⁴. Однако это полностью противоречит данным Птолемея, а некоторое сходство в наименовании не может являться основанием для подобной локализации.

По нашей версии, Новая Крепость была расположена на Керченском полуострове и могла бы в этом случае соотноситься с поселением Казантип (восточное)⁸⁵. Расчеты, которые привели к такой локализации, опирались на величину $1'$ применительно к V зоне (Европейское побережье Меотиды (Азовского моря))⁸⁶. Между тем если Новая Крепость территориально соотносится с Керченским полуостровом, а именно с его Азовским побережьем, то более вероятно было бы предположить, что коэффициент искажения для всех пунктов, расположенных на этом побережье, одинаков (в противном случае оказываются нарушенными общие пропорции), т. е. соответствует III и IV зонам. Отсюда следует, что перешеек у озера Бики и Новую крепость разделяют не 17,4 км, как мы считали ранее⁸⁷, а всего лишь 2,9 км, что по отношению к Узунларскому валу указывает на район с. Золотое.

Однако проверим этот вариант локализации по отношению к еще двум населенным пунктам, координаты которых указаны в «Географическом руководстве», — Гераклию и Тафру.

Гераклий, который отождествляется нами с городищем Генеральское (восточное), разделяют с Новой Крепостью 15,7 км. Это приводит нас в Казантипский залив. Если же следовать за конфигурацией берега, то мы вновь попадем в район с. Золотое. Впрочем, возможно, на координатах Новой Крепости у Птолемея отразилось $20'$ поднятие Керченского полуострова к северу от Киммерия. Но и в этом случае вектор, опущенный на соответствующее расстояние в сторону побережья, коснется его именно в районе с. Золотое.

Тафр локализуется нами на Белинском городище⁸⁸. С Новой Крепостью его разделяют $10'$ по долготы и $25'$ по широте, что в пересчете на километры соответствует прямому расстоянию 7,5 км. И вновь мы попадаем в район с. Золотое.

Этот район довольно богат античными памятниками. Здесь обнаружены три городища: Золотое—Восточное, Золотое—Берег, Золотое—Восточное в бухте, и одно селище—Золотое Плато⁸⁸. Учитывая характер названия — Новая Крепость — это могло быть одно из трех городищ. Золотое—Восточное, хотя и самое крупное из них (2,1 га), по времени относится к III—II вв. до н. э.⁸⁹ и, следовательно, должно быть исключено из перечня возможных претендентов на данное название. Городище Золотое—Восточное в бухте по времени относится к I в. до н. э. — VI в. н. э.⁹⁰, однако его площадь (0,5 га) меньше площади городища Золотое—Берег (1,1 га)⁹¹. Кроме того, время возникновения городища Золотое—Берег — II в. до н. э. совпадает со временем прекращения существования городища Золотое—Восточное⁹², что, возможно, и отразилось на его названии. Исходя из этого, отождествление Новой Крепости с городищем Золотое—Берег кажется нам более предпочтительным, хотя и вариант с городищем Золотое—Восточное в бухте полностью исключать нельзя.

Городище Золотое—Берег расположено на 0,6 км южнее мыса Чегене, севернее пансионата Керченского рыбколхоза, на окраине с. Золотое. Находится оно на мысу, с трех сторон ограничено резкими перепадами древнего берегового клифа. С незащищенной восточной стороны имеются сильно заплывшие ров и вал. Центральная часть поселения повреждена разновременными перекопами, захламлена мусором, а на севере частично застроена⁹³.

Новая версия локализации Новой Крепости позволяет иначе взглянуть и на последующую картину побережья Меотиды на карте Клавдия Птолемея. Поскольку координаты населенных пунктов к востоку от Новой Крепости (Золотое—Берег) уже даны в «Географическом руководстве» в другом месте (Ptol., III, 6, 4), то все топонимы, расположенные у Птолемея к западу от нее, территориально следует искать именно в этом направлении. В то же время река Герр отождествляется с современной рекой Молочной, что на северном побережье Меотиды. Следовательно, район поиска двух рек и двух городов, помещенных в «Географическом руководстве» между Новой Крепостью и устьем реки Герр, может быть ограничен отрезком побережья от современного с. Золотое до реки Молочной и, скорее всего, должен быть привязан к Крымскому Приазовью.

Расположение реки Молочной к востоку от Перекопа, а Новой Крепости (Золотое—Берег) к востоку от Узундарского вала (перешейка) в сочетании с явным совмещением двух перешейков в одном на

карте Птолемея, возможно, позволяют объяснить причину искажения в компиляции географа.

Одним из ключевых ориентиров, по крайней мере в восточной части Азовского моря, являлись координаты реки Герр. На это указывают довольно близкие к реальным расстояния от Перекопа и от Узунарского вала до реки Молочной (соответственно 161 и 142 км). Дойдя до перешейка у Каркинитского залива, Птолемей в своем описании двинулся не в Крым, а на северное побережье Меотиды, где первым пунктом было устье реки Герр. Однако в этом месте, по-видимому, ему пришлось соединить данные нескольких источников: полного перипла Меотиды, дороги через Перекопский перешеек и, наконец, карту римских дорог в Крыму, связанных как с районом Ольвии, так и с Боспорским царством. Совмещение двух перешейков в одном привело к переносу Новой Крепости и всех указанных между ней и устьем реки Герр пунктов на материк, к востоку от Перекопа. Одновременно с этим сухопутные дороги в Крыму (в изложении Птолемея, по реке Каркинит) оказались также на материке, но к западу от Перекопа, а города глубинки к востоку от Узунарского вала были растянуты на весь Крымский полуостров. Эти изменения, вызванные наложением двух разных перешейков, позволили в конечном итоге сохранить неизменными общие пропорции и расстояния между ключевыми объектами, бывшими, как мы уже неоднократно убеждались, главными ориентирами на карте Клавдия Птолемея.

После этих предварительных замечаний попробуем определить местоположение четырех топонимов, расположенных в «Географическом руководстве» между Новой Крепостью и устьем реки Герр.

Если придерживаться той последовательности, что указана в «Географическом руководстве» в перечислении этих топонимов, то возникает явное противоречие как с данными археологии (отсутствие каких-либо следов античного времени в местах предполагаемой локализации двух городов), так и с фактико-географической ситуацией в районе (отсутствие каких-либо рек в местах предполагаемой локализации двух устьев). По-видимому, здесь мы вновь столкнулись с ситуацией, когда компиляция нескольких источников, имеющих общие топонимы, но различных как по полноте, так и по характеру описания, привела к изменению положения некоторых топонимов относительно друг друга при сохранении в рамках их перестановки действительных расстояний (вспомним аналогичную картину по Гераклеяскому полуострову или по юго-восточному побережью Керченского полуострова).

Мы и ранее предполагали, что в этом месте можно выделить, по крайней мере, три источника:

1. Объезд Каркинитского залива от Прекрасной гавани до города Лиан.
2. Путь от Перекопского перешейка через озеро Бик к Акре и Новой Крепости.
3. Объезд Меотиды от Пантикапея⁹⁹.

Однако отождествление Новой Крепости с городищем Золотое—Берег вынуждает нас отказаться от первых двух направлений, предложив иную реконструкцию для этого отрывка в описании Птолемея. Прежде всего уточним маршрут объезда Меотийского озера. Мы предположили, что конечным пунктом на Крымском Приазовье являлась Новая Крепость, с которой отождествлялся Казантип (восточный) и это вынуждало нас определять территориально местоположение расположенных за ней пунктов либо на побережье Каркинитского залива, либо возвращаться затем обратно в Крым. Между тем город, непосредственно предшествующий реке Герр, — это Акра, и логично предположить, что именно через него шел прямой путь к северному побережью Меотиды. Таким образом, краткий объезд этого участка может быть представлен следующим образом:

- 1) Новая Крепость — город Акра — устье реки Герр.

Полный объезд включал район современного Присивашья и шел по направлению к перешейку (современный Перекоп). Начинался он соответственно от города Акры:

- 2) Город Акра — устье реки Бик — устье реки Пасиак.

Третий источник отражал сухопутную дорогу от Крымского побережья Меотиды вглубь Крымского полуострова. Учитывая тот факт, что города, расположенные в «Географическом руководстве» по реке Каркинит, явно взаимосвязаны с рассматриваемыми топонимами общим смещением на материк, логично будет предположить, что их связывала в древности какая-то дорога. И дорога эта соединяла конечный пункт в глубине Крымского полуострова (Тракану) с городами Лианом и Акрой.

Трокану и Лиан на карте Птолемея разделяют 90° по долготе и 30° по широте. Какой коэффициент искажения следует применять в данном случае? Ясно, так как мы выходим за рамки Керченского полуострова, что это — либо коэффициент второй зоны (Херсонес Таврический), либо пятой (побережье Меотиды). В обоих случаях полученные расстояния по прямой приводят нас к востоку от Узунларского вала,

что маловероятно. Учитывая, что мы имеем дело с сухопутной дорогой, для правильной локализации необходимо знать, как именно она проходила. Установить это сейчас, без предварительной локализации города Лиана, невозможно. Однако ясно, что дорога шла не прямо, а через какой-то еще один или несколько пунктов. Между городами Лиан и Акра расположено устье реки Бик. Если дорога проходила мимо него, то третий источник по этому участку может быть представлен так:

3) Трокана — устье реки Бик — город Лиан — город Акра.

При составлении компиляции за основу была взята связка «Новая Крепость — город Акра — устье реки Герр». Устье реки Паснак, за которым следовал «перешеек», было помещено за Новой Крепостью, т. е. недалеко от «перешейка». Устье реки Бик оказалось между городом Лиан и городом Акрой, т. е., возможно, крайняя Акра в последнем источнике не была названа и общим со вторым источником было только устье реки Бик.

Наконец, город Акра сохранил свое положение по отношению к устью реки Герр. В результате получилась именно та картина, что представлена на карте Птолемея. Если это так, то отвечающая действительности последовательность топонимов на участке от Новой Крепости к устью реки Герр выглядела следующим образом:

Новая Крепость	60°30'	—	48°40'
город Акра	60°30'	—	49°40'
город Лиан	60°	—	49°15'
устье реки Бик	60°20'	—	49°30'
устье реки Паснак	60°20'	—	48°50'
устье реки Герр	61°	—	49°50'

При локализации отдельных топонимов следует учитывать, что на пункты, расположенные в рамках Керченского полуострова, распространяется соответствующий коэффициент искажения, т. е. 1' по широте равна 0,29 км, а 1' по долготе — 0,172 км. Вероятнее всего, это распространяется на Акру и Лиан, учитывая направление третьего источника Птолемея. При определении же местоположения устьев рек действуют уже параметры пятой зоны — соответственно 1,74 км и 1 км.

Город Акра. В примечании к переводу И. П. Цветкова этот город локализуется у местечка Горелая, расположенного на обрывистом берегу в восточной части Утлукского лимана⁹⁶. Мы ранее считали возможным отождествление его с городищем у села Семеновка⁹⁷.

Новую Крепость и город Акру в «Географическом руководстве» разделяют 17,4 км. Это почти точно соответствует прямому расстоя-

нию через Казантипский залив между городищем у с. Золотое и городищем Казантип (восточный), с которым мы ранее соотносили Новую Крепость⁹⁸.

Городище Казантип—Восточный (Афанасьевка) было обнаружено в 1953 г. в 1 км к северо-востоку от с. Мысовое на высоком холме над обрывистым берегом моря, у основания холмистой возвышенности, венчающей с севера Казантипский полуостров. Это поселение было хорошо защищено скалами с севера, юга и запада, а с востока к нему затруднял доступ обрывистый берег моря. На поселение можно было проникнуть с юга между высокими скалами, по довольно узкому проходу, который легко было оборонять. Кроме того, обнаружен подземный ход, заканчивающийся у подножия скал на берегу моря. По-видимому, само плато, где расположено поселение, было еще дополнительно перегорожено стеной, отделявшей его восточную часть, находившуюся на берегу моря и занятую домами, от западной, где размещались зольники и, может быть, огороды. Возникло поселение в самом конце III в. до н. э. или во II в. до н. э. Наиболее мощные культурные слои относятся ко II—III в. н. э. Жизнь на этом поселении прекратилась в III в. н. э.⁹⁹ Его, вероятно, и следует отождествить с древней Акрой. Данному наименованию как будто бы соответствует и местоположение городища.

Город Лиан. Ф. Браун локализовал этот населенный пункт у современного г. Генничевка¹⁰⁰. Мы определяли его положение к западу от Перекопа в районе сел Владимировка и Лазурное¹⁰¹.

На карте Птолемея города Лиан и Акру разделяют примерно 8,9 км, что указывает на городище у села Семеновка, где ранее мы помещали Акру.

Городище расположено у Романовой бухты и было хорошо укреплено. Укрепленная часть поселения помещалась на выступающем в море каменном мысе и в настоящее время занимает около 5 тыс. кв. м. Неукрепленная часть была менее плотно заселена, и дома стояли там на некотором расстоянии друг от друга. Поселение возникло в конце III — начале II в. В I в. до н. э. оно перестраивается: сооружаются новые оборонительные стены, отделяющие выступающий в море мыс от остальной части поселения. Однако вскоре поселение пострадало от большого пожара. На нем вновь производятся земляные работы. Существенно повышается уровень земной поверхности, производится подсыпка мощного земляного слоя, сделавшая оборонительные стены менее уязвимыми для стенобитных орудий. Еще раз большие рабо-

ты на городище были проведены уже в III в. н. э. Но восстановленные насипы укрепления не устояли против натиска врагов, и около 270 г. поселение было разрушено. В конце III в. н. э. жизнь на нем едва теплилась¹⁰⁰.

Устье реки Бик. Локализация этой реки напрямую связывается с отождествлением озера Бик с Сивашем¹⁰¹. Это обстоятельство позволило нам соотносить реку Бик с современным Салгиром¹⁰². Река со сложным названием упомянута у Плиния (Plin., NH, 84) и у Помпония Мелы (Mela, II, 2).

Устье реки Бик и город Лианя в «Географическом руководстве» разделяют примерно 32,9 км (в данном случае уже действуют параметры пятой зоны). На этом расстоянии в настоящее время находится устье реки Мокрый Индол, которая в древности, по-видимому, и называлась Биком. Не противоречат этому и сведения Помпония Мелы: «...за ними живут эседоны до самой Меотиды. Изгиб ее рассказывает река Букез (Bucisz)... Затем косая полоска земли, спускающаяся к Босфору, ограничивается Понтом и Меотидой. Сторону ее, обращенную к Болоту, занимают сатархи, со стороны Босфора лежат киммерийские города Мурмексий, Пантикапей, Феодосия, Гермисий, со стороны Евксинского моря живут таврики» (Mela, II, 2—3). В комментарии к этому описанию говорится, что речь идет о степном пространстве, ограниченном южным течением Днепра, Черным и Азовским морем¹⁰³. Отсюда и река Бик отождествляется с речкой Ногайкой или рекой Молочные Воды, впадающими с северо-запада в Азовское море¹⁰⁴. Между тем совершенно очевидно, что это больше похоже на Крым, и в этом случае местоположение реки Мокрый Индол вполне соответствует описанию Мелы. Согласуется такая версия локализации реки Бик и с замечанием Плиния о том, что реки Бик (Мокрый Индол), Герт (Молочная) и Гипанис (в данном случае Кубань) впадают в Меотиду (Азовское море) «с разных сторон» (Plin., NH, IV, 84).

Устье реки Паснак. Локализация этого топонима до сих пор прочно была связана с северным побережьем вблизи современного Перекопа. К. Мюллер изменял это название на «Акснак» и отождествлял его с речкой Аднш-Улук¹⁰⁵. Здесь же, на севере, помещал Паснак и Ф. Браун¹⁰⁶. Наша локализация предполагала соотношение реки Паснак с Каланчакским лиманом и рекой Каланчак¹⁰⁷.

Устья рек Паснак и Бик разделяют на карте Птолемея 40' по широте или 69,6 км. Единственная река, заслуживающая внимания на этом отрезке, — это Салгир. Однако полученное расстояние явно больше,

чем то, что сейчас разделяет устья Мокрого Индола и Салгира. Связано это расхождение с неточностью определения величин 1' широты и 1' долготы по пятой зоне, т. к. здесь, к сожалению, пока отсутствуют топонимы, местоположение которых не вызывает сомнения и определено достаточно точно. Сравнение координат устьев рек Паснак (Салгир) и Герр (Молочная) показывает, что и в этом случае мы имеем явное превышение, причем почти такое же, как и по отношению к реке Бик (Мокрый Индол). Исходя из этого, можно попробовать несколько скорректировать показатели параметров по пятой зоне.

Устья рек Герр и Паснак разделяют 40' по долготе и 60' по широте. Соответствующие им действительные расстояния определяются в 26 км и 85 км.

Устья рек Паснак и Бик разделяют только 40' по широте, которые, вероятно, соответствуют прямому расстоянию между этими реками в действительности, а именно 52 км.

Устье реки Бик и город Лиан разделяют 20' по долготе и 15' по широте. В действительности это соответствует 30 км и 18 км.

Отсюда значение 1' по широте составляет 1,4 км; 1,275 км; 1,2 км. По долготе: 0,65 км и 1,5 км. Таким образом, средние величины по пятой зоне для широтных направлений равны примерно 1,3 км, а для долготных — 1,1 км. Впрочем, это уточнение, хотя и ближе к действительности, все-таки имеет достаточно высокую степень погрешности, так как мы не знаем, где именно находились устья трех рассматриваемых рек в древности. Однако бесспорно то, что тогда они были намного полноводнее. Так, например, еще в конце XVIII в. Салгир при впадении в восточный Сиваш был настолько многоводен, что в его устье водилась рыба — морская форель, шемал и бычок¹²⁹.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в «Географическом руководстве» названы координаты устьев рек, которые связаны с расположенными в глубине городами, в частности, с Тароккой, отождествляемой нами с городищем Кермен-Кыр, и с Траканой, локализуемой в районе Старого Крыма.

Одны из наиболее сложных частей «Географического руководства» в плане локализации — внутренняя часть Херсонеса Таврического. Подавляющее большинство названных здесь пунктов традиционно помещалось в Центральном и Юго-Западном Крыму. Мы предлагаем иную версию интерпретации сведений Птолемея, определив местоположение всех перечисленных в «Географическом руководстве» пунктов к востоку от Узунларского вала¹³¹. Не отказываясь в целом от этого

варианта локализации, мы все-таки считаем необходимым несколько уточнить предложенную схему, внося в нее некоторые дополнения.

Тафр. К вопросу о местности «Тафры» в античной литературной традиции мы уже обращались неоднократно и, в частности, пришли к заключению, что такое название, по крайней мере в римское время, носила местность Степного Крыма, ограниченного, с одной стороны, Перекопским перешейком, а с другой — Узундарским валом. Такая локализация снимает противоречие между традиционно связываемыми между собой местностью и городом, имеющими сходное название. Интересно в этой связи последнее предположение А. А. Масленикова о соотношении цифры в 360 стадиев Страбона в отношении стены Асандра (Strabo, VII, 4, 6) с совокупной линией обороны, состоящей из нескольких валов, расположенных именно в Восточном Крыму¹¹².

Для более точного определения местоположения Тафра воспользуемся координатами трех топонимов, уже локализованных нами: Пантикалей (его местоположение на территории современной Керчи известно хорошо, и, видимо, именно столица Боспора была конечным пунктом на этом отрезке); «перешеек у озера Бик» (мы соотносим его с районом Узундарского вала, поэтому положение Тафра по отношению к нему очень важно для подтверждения нашей версии); Новая Крепость (уточненный вариант локализации на городище Золотое—Берег предполагает определенную долю участия этого пункта в системе обороны и коммуникаций Европейского Боспора, и, следовательно, взаиморасположение его и Тафра также может помочь в вопросе локализации последнего). При расчетах по-прежнему действуют параметры третьей и четвертой зон, т. е. 1' широты в реальном исчислении составляет 0,29 км, а 1' долготы — 0,172 км. Полученный результат может быть представлен в виде таблицы:

Сравниваемые пункты	Расстояние в минутах		Прямое расстояние в км
	широта	долгота	
1 Пантикалей — Тафр	20	200	34,9
2 «Перешеек» — Тафр	15	10	4,7
3 Новая Крепость — Тафр	25	10	7,5

Последние два расстояния довольно точно складятся на Белинском городище, с которым мы и ранее отождествляли город Тафр, причем под «перешейком» в данном случае явно воспринималась северная оконечность Узундарского вала. Что касается расстояния от Пантика-

поя, то оно завышено. Причиной этого, на наш взгляд, является подъем на карте Птолемея побережья современного Казантипского залива до уровня, по крайней мере, широты Гераклия (результат незнания конфигурации берега). Однако, судя по точным расстояниям двух последних пар, Тафр (достаточно, видимо, прочно привязанный к Узуларскому валу) был поднят вместе с ними. Прочие же пункты остались на своем месте. Сдвиг этот, как уже неоднократно говорилось, составлял 20' широты, или 5,8 км. Это и привело к увеличению расстояния между Пантикапеем и Тафром.

Итак, Тафр следует отождествить с Белинским городищем. Расположено оно на южной окраине села Державино (ныне нежилого), в 1,5 км от села Белинское. Поселение известно с начала 50-х гг. Время существования — по крайней мере с IV—III вв. до н. э. по V в. н. э. Площадь городища довольно велика (12,4 га). Однако в разное время плотность его застройки была, очевидно, не одинаковой, и определить его границу в первые века н. э. пока не представляется возможным. Вместе с тем, как показали раскопки последних лет, городище имело мощную оборонительную стену (2,5 м) и довольно плотную застройку даже в позднесаянтинское время. Обилие амфорного материала свидетельствует о развитых торговых отношениях¹¹². Расположение городища вблизи Узуларского вала (прямое расстояние около двух километров), а также наличие групп курганов с обеих сторон вала по направлению к нему (возможное направление дороги) делает соотношение его с Тафром вполне обоснованным.

Тарона. Ее координаты на карте Птолемея почти точно приводят нас на городище Багерovo—Северное. Это городище находится в двух километрах к северу от пгт. Багерovo, на господствующем над местностью древнем береговом клифе. Его площадь — не менее 7—10 га. Поверхность террасирована. Найдено поселение в 1986 г. во время разведки ВКЭ ИА АН СССР (отметим, что к тому времени предварительные расчеты, сделанные автором этой работы, довольно точно указывали на местоположение здесь Тароны). Время существования городища — I в. до н. э. — III в. н. э.¹¹⁴

Поэтия. Расположение этого города на одной широте с Тафром и Тароной, на первый взгляд, предполагает, что этот населенный пункт следует искать дальше по дороге к Пантикапее. В этом случае полученное расстояние (6 км) приводит нас на довольно большое поселение первых веков нашей эры несколько севернее кургана Кара-Оба. Однако, как показывает анализ сведений Птолемея по другим райо-

нам, в тех случаях, когда речь идет о сухопутных дорогах, на карту наносились лишь те объекты, которые являлись узловыми либо в системе обороны, либо в определении направления трассы. Поселение у Кара-Обы как будто бы не попадает под эту категорию (расстояние до Пампикадеса не так уж велико, чтобы указывать промежуточный путь, а по отношению к Тароне слишком близко, чтобы указывать на развилку). В то же время в районе Тароны (Багеро-Северное) вполне могло происходить разделение дорог, одна из которых шла к северу, в сторону Зенонова Херсонеса, а другая продолжалась в сторону столицы Боспора. Кроме того, могло быть и южное ответвление в сторону, например, Илурата. В этом случае искать Постигию следует где-то в районе Чокракского озера. Ранее мы считали возможным отождествление Постигии с обнаруженным в 1983 г. поселением Чокракский мыс. Однако, как показали планомерные раскопки в последующие годы, от этой идеи, по-видимому, необходимо отказаться. Поселение на Чокракском мысу ни по характеру (скорее всего, крупная усадьба), ни по времени существования не подходит к данному случаю ¹¹², так же, впрочем, как и поселение Чокракский родник, относящееся ко времени кон. VI—IV в. до н. э. Между тем подходящий для Постигии объект здесь все-таки есть. Это небольшое по площади поселение Кезы, расположенное на вершине высокого холма к востоку от Чокракского озера, почти напротив Зенонова Херсонеса ¹¹³. Поселение практически не исследовалось, однако подъемный материал указывает на первые века нашей эры.

Пароста. В комментарии к переводу И. П. Цветкова это название сопоставляется с упомянутым у Plin., NH, II, 210, Паразинном в Крыму, земля которого целебна для рая ¹¹⁴. Э. В. Грантовский ¹¹⁵ и В. А. Яйденко ¹¹⁶ предлагают этимологию этого наименования как «стоящая впереди, передовая».

Координаты Паросты ясно указывают на то, что со стороны Тафра шла еще одна дорога. Исходя из того, что к северу были сдвинуты лишь прибрежный участок и связанная с ним «северная» дорога от Тафра, мы предположили, что Пароста при этом оставалась на своем месте, т. е. в действительности была расположена не к югу, а к северу от Тафра ¹¹⁷. Таким образом, от Тафра шли как бы две дороги к северу. Это не совсем логично, однако не лишено основания, если учитывать выходы на прибрежные пункты. Выдвинутое предположение позволило нам отождествить Паросту с открытым нами же в 1986 г. городищем Артезиан. Однако более внимательное прочтение текста

«Географического руководства» в части, касающейся следующих за Паростой пунктов, свидетельствует о том, что от нее шла дорога не к северу, а к юго-востоку, в сторону Илурата. Кроме того, хотя версия о смещении к северу верхней дороги, идущей от Тафра, по-видимому, верна, корректировка этого смещения по отношению к оставшейся на месте Паросте сделана неверно. Дело в том, что этот перенос не уменьшил, как мы предполагали, а, напротив, увеличил расстояние между Паростой и Тафром на карте Птолемея, поскольку в результате к действительному расстоянию добавилось еще и дополнение в виде северного смещения. Таким образом, сложилась ситуация, аналогичная с отрезком дороги от Пантикапея, когда искажение коснулось не только или даже не столько широтного направления, сколько отразилось на прямом расстоянии. В этом случае действительное пространство, разделявшее Тафр и Паросту, не превышало 3 км, но не к югу, а к северу от Тафра. Ни одного поселения в этом радиусе к северу от Белинского городища (впрочем, так же как и к югу), кроме поселения у деревни Ново-Отрадное, нет. Более того, если отмерить расстояние от поселения Ново-Отрадное до городища у села Ивановка, с которым отождествляется Илурат, то оно почти точно совпадает с указанным в «Географическом руководстве» (20,3 км), а ведь именно к Илурату шла дорога от Паросты.

Поселение у деревни Ново-Отрадное расположено у северо-восточной окраины современной деревни Ново-Отрадное, на берегу Азовского моря, на высоком холме, около 500 м от устья реки Аджиэли, в 1,5 км к востоку от северного конца Узунларского вала. Поселение многослойное, оно не раз меняло свое функциональное назначение и характер укреплений ¹²¹. С Паростой, вероятно, может быть соотнесен комплекс четвертого строительного периода, относящегося по времени к I—II вв. В это время сооружается совсем новое, почти квадратное в плане укрепление с мощными стенами. Площадь внутри стен — 19,5 × 19,5 м. Толщина стен крепости достигала 3 м, что вдвое превосходило толщину стен предшествующего периода ¹²². Бесспорно, что это поселение играло особую роль в общей системе укреплений Боспора, а его расположение значительно в большей степени, чем городище Артезиан, соответствует этимологии слова Пароста — «стоящая впереди, передовая».

Локализация следующих за Паростой городков глубинки существенно осложняется включением в их перечень явно приморских городов юго-восточного побережья Керченского полуострова. Ясно, что

подобная картина явилась результатом компиляции, в первую очередь, карт сухопутных дорог, проходивших по территории Европейского Боспора и связывающих города глубинки с различными участками побережья. Однако в любой, даже самой невероятной компиляции должна присутствовать определенная логика. Место, которое заняли приморские города в перечне населенных пунктов глубинки, вряд ли было произвольным и не зависело от прихоти географа. Киммерий, оказавшийся на карте сразу за Паростой, был связан с ней, по крайней мере, общностью оборонительной линии Узундарского вала (Пароста — на севере, Киммерий — на юге). Можно предположить, что именно на стыке «Киммерий — Порт-Акра» в тексте «Географического руководства» произошло соединение как бы кругового объезда территории Европейского Боспора, идущего во встречном направлении: с севера, от Тафра, и с юга, от Сатарха. Следующая за Киммерием Порт-Акра завершала движение вдоль южного берега, и от нее дорога поворачивала вглубь полуострова, вероятнее всего, к Илурату, где и замыкался своеобразный «круг». В связи с этим очень важно определить местоположение Биона: являлся ли он промежуточным пунктом при движении к Илурату от Паросты или же играл аналогичную роль с южной стороны, от Порт-Акры.

Бион. Этот населенный пункт известен только из сообщения Клавдия Птолемея (Ptol., III, 6, 5). В примечаниях к переводу И. П. Цветкова Бион локализуется предположительно к северу от Феодосии¹²². Мы считали возможным отождествление Биона с Тасуновским городищем¹²³. При этом мы исходили из северного, по отношению к Илурату, положения Биона, а помещение его в «Географическом руководстве» сразу вслед за Порт-Акрой учитывали при определении расстояния по дуготе между Паростой и Бионом, исключая из него отрезок «Порт-Акра — Бион», равный 60'¹²⁴. Южный вариант при этом не рассматривался.

Между тем если новая версия локализации Паросты верна, то отождествление Биона с Тасуновским городищем становится весьма проблематичным, даже если соотносить Паросту с большим городищем у села Либвехтовка (версия А. А. Масленникова)¹²⁵. Кроме того, если расстояние «Пароста — Бион» на карте Птолемея было увеличено из-за включения в него отрезка «Порт-Акра — Бион», то это должно было сказаться и на расстоянии от Биона до Илурата в сторону сужения — ведь общая-то протяженность дороги была сохранена. Наконец, именно это сближение Биона и Илурата становилось просто неизбежным вследствие включения в текст приморских городов, если именно к

Илурату сходились южная и северная дороги. Учет всех этих обстоятельств делает нахождение Биона в промежутке от Ново-Отрадного до Ивановки маловероятным.

Рассмотрим теперь южный вариант. На карте Птолемея Порт-Акру и Бион разделяют $60'$ по долготе и $5'$ по широте. Прямое расстояние между ними в пересчете на километры составляло 10,4 км. По направлению к Илурату практически точно на этом расстоянии находится античное поселение у с. Огоньки, что на берегу Тобечикского озера. Расположено оно на западной окраине села. Площадь — 200×150 м. Раскопки И. Т. Крупниковой 1956 г. показали здесь наличие как эллинистического материала, так и материала I—III вв. н. э. Наличие на севере у Чокракского озера античного поселения Кезы, отождествляемого нами с отмеченной на карте Птолемея Постигней, делает локализацию именно на этом поселении городка Бион вполне убедительной.

Илурат. Это наименование известно также только из «Географического руководства» Клавдия Птолемея (Ptol., III, 6, 5). В. Ф. Гайдукевич отождествил с ним городище у с. Ивановка¹⁷⁷. С тех пор эта точка зрения считается общепризнанной.

На карте Птолемея Бион и Илурат разделяют $30'$ по долготе, или 5,2 км, что значительно меньше расстояния между поселением у с. Огоньки и Ивановским городищем. Однако, как мы уже отмечали, на этом расстоянии сказалось включение в перечень городов глубинки приморских населенных пунктов, в результате чего города оказались сближены между собой. Но насколько? Так как Бион и Илурат разделяют минуты только по долготе, то логично предположить, что именно долготные расстояния между приморскими городами следует учитывать при определении действительного расстояния от Биона до Илурата. Порт-Акру и Киммерий на карте Птолемея разделяют по долготе $10'$, Китей и Тазос — $25'$. Общее расстояние составит $35'$, или, в пересчете на километры, 6,02 км. Добавив это расстояние к 5,2 км, разделяющим Бион и Илурат по версии «Географического руководства», мы получим отрезок пути в 11,2 км, который и соответствует действительности. И верно, именно это расстояние разделяет поселение у с. Огоньки и Ивановское городище, с которым и соотносится Илурат.

Город, основанный в середине I в. н. э., расположен на высоком плато, которое имеет наклон к северо-востоку и занимает площадь около 2 га. По периметру город был окружен оборонительными стенами, фланкированными башнями. Ворота находились посередине юго-вос-

точной и юго-западной стен. Погиб Илурат при нашествии готов в 70-х гг. III в. н. э.¹²⁸

Итак, включение приморских городов в перечень городков глубинки, с одной стороны, отразилось на подъеме северного участка дороги «Тафр — Тарона — Постигия» на 20', адекватных широтному расстоянию между Киммерием и Порт-Акрой, а с другой стороны, привело к сближению Биона и Илурата на 35', адекватных долготным расстояниям между Киммерием и Порт-Акрой, а также Китеем и Тазосом. Ключевые, базовые расстояния между Паростой и Илуратом на севере и Сатархой и Илуратом на юге сохранились неизменными. Что касается южной дороги, то она оказалась разбитой на два участка: восточный — Порт-Акра — Бион — Илурат; западный — Сатарха — Бадатий — Аргода — Табана с соответствующим выходом на Тазос и Китей. Именно эти выходы, идущие не со стороны моря, а со стороны внутренней части полуострова, и привели, по-видимому, к перенесению приморских городов вглубь Керченского полуострова.

Обратимся теперь к городам южного участка.

Сатарха. Этот населенный пункт, известный только из сообщения Клавдия Птолемея, играл, по-видимому, на юге ту же роль, что и Тафр на севере. В примечании к переводу И. П. Цветкова наименование «Сатарха» сопоставляется с племенем сатархеев, засвидетельствованных эпиграфически (IOSPE, I, 224), упомянутых у Плиния (Plin., VI, 91), Помпония Мелы (Mela, II, 1, 3), Стефана Византийского (з. в. Σατάργαι), и локализуется в северном Крыму¹²⁹.

В «Географическом руководстве» Илурат и Сатарху разделяют 125' по долготе и 25' по широте (Ptol., III, 6, 5). В прежнем варианте локализации Сатархи мы исходили из того, что Тафр и Сатарха — два противоположных пункта: один — на севере, другой — на юге, поэтому, подобно Тафру, Сатарха была сдвинута на 20' севернее, так как Птолемей стремился сохранить общие соотношения. Это позволяло локализовать Сатарху в районе с. Тамарино¹³⁰. Однако, как выяснилось, включение приморских городов в перечень городков глубинки отразилось только на северном участке дороги и на отрезке Илурат — Бион. Более того, положение Илурата по отношению к конечным пунктам на севере Узуунларского вала и на юге было ключевым, и потому расстояние «Илурат — Сатарха» оставалось неизменным. Таким образом, прямое расстояние между этими пунктами в пересчете на километры определялось в 22,7 км, что весьма точно приводит нас на городище Атаманская Гора, что у южной оконечности Узуунларского вала. Это и

была античная Сатарха. Расположено поселение на вершине г. Атаманской. Площадь — 0,12—0,18 га. Время возникновения — по-видимому, середина — вторая половина I в. до н. э.¹²¹ Судя по расположению, выполняло оно те же функции, что и Пароста на севере, а не Тафр, как мы предполагали ранее, и было по типу близко к поселению у села Ново-Отрадное.

Бадатий. Этот населенный пункт в «Географическом руководстве» расположен к северо-востоку от Сатархи в 15' по долготе и в 10' по широте (Ptol., III, 6, 5). К. Мюллер читает это наименование как Палакий, упомянутый у Страбона (Strabo, VII, 5, 7)¹²². Наша прежняя локализация учитывала включение приморских городов в перечень городов внутренней части и предполагала местоположение Бадатия в районе Сокольского (ныне нежилого), примерно в 1,5 км западнее его¹²³. По указанным выше причинам от этого варианта следует отказаться.

Итак, Сатарху и Бадатий разделяют примерно 3,9 км. Именно такое расстояние разделяет поселение на горе Атаманской и южный проход в Узунларском валу в районе села Тамарино. Обращает на себя внимание удивительное совпадение в расстояниях, разделяющих Паросту и Тафр на севере Узунларского вала (3 км) и Сатарху и Бадатий (3,9 км) на юге. Вероятно, такое их размещение связано с особенностями фортификации на этих участках.

В районе Тамарино действительно имеется почти полностью разрушенное поселение. Из отчета Ю. Ю. Марти следует, что площадь, где встречается керамика, — около 1 га. Керамика эллинистическая, первых веков нашей эры. С холма виден Савроматий на севере и гора Огук на юге. Культурный слой полностью уничтожен устроенной здесь каменоломней. В восточной части — видимо, перемешанный зольник¹²⁴. При въезде в село Тамарино есть проход в валу. По свидетельству Р. В. Шмидта, «ява представляет в этом месте естественный горный край, приспособленный в древности для оборонительных целей. С внешней стороны гребня гора на всем протяжении окаймлена равн. ... местами, на гребне горы можно видеть крупные возвышения по обеим сторонам входа. Можно предположить, что на этих крупных площадках, усыпанных черепками, возвышались в старину сторожевые башни»¹²⁵. Очень интересна в этой связи этимология слова Бадатий — «сидящий», вероятно, на проходе, въезде в оборонительном валу, точно так же как название «Бион» (скорее всего, «жизненно важный») связано с тем, что он прикрывал стратегически важное направление во втором эшелоне обороны.

Аргода. Этот населенный пункт, известный также только по сообщению Клавдия Птолемея, сопоставлялся в примечании к переводу И. П. Цветкова с *Ergoda* у Равенского Анонима (*Анон. Rav.*, IV, 3) и наименованием племени *Ogrusuni* у Плиния (*Plin.*, NH, IV, 85)¹³⁸. В нашей прежней интерпретации мы предлагали два варианта локализации Аргоды: в районе села Пташкино, если на положения Аргоды не отразилось включение в список городов внутренней части приморских топонимов, и в районе села Марьевка, если Аргода была поднята на 20° как крайний пункт на юге¹³⁷. В новой версии второй вариант следует признать ошибочным и остановиться именно на первом варианте.

Итак, Аргода находилась от Балатия в 5,1 км (15° по долготе и 15° по широте) (*Ptol.*, III, 6, 5), а от Сатархи — в 3,4 км (30° по долготе и 5° по широте) (*Ptol.*, III, 6, 5). Оба расстояния очень точно складятся в районе села Пташкино. Где-то здесь, по видимому, и находилась Аргода.

Памятников первых веков нашей эры здесь как будто бы не обнаружено. На карте И. Т. Кругликовой в этом районе показано селище эллинистического времени площадью примерно 750 × 200 м¹³⁸. В то же время, возможно, точно так же как и поселение у Тамарино, Аргода полностью уничтожена в результате работ на алебастровом карьере. Этимология слова Аргода — «славная, священная, блестящая»¹³⁹ — во всяком случае, вполне согласуется с наличием здесь богатых залежей алебастра.

Табана. Это наименование известно также только по «Географическому руководству» Клавдия Птолемея (*Ptol.*, III, 6, 5). В примечании к переводу И. П. Цветкова высказывается предположение о возможности отождествления этого населенного пункта с *Teagines* у Равенского Анонима (*Анон. Rav.*, IV, 3)¹⁴⁰. Мы считали возможным отождествление Табаны с городищем у села Костырино, исходя из последствий перенесения приморских городов вглубь полуострова¹⁴¹. В действительности, как уже неоднократно отмечалось, в данном случае расстояние не нарушалось.

Аргоду и Табану на карте Птолемея разделяют 35° по долготе, что в пересчете на километры соответствует 6 км. Строго на запад в сторону Тобечикского озера мы попадаем в район как будто бы ничем особо не примечательный. В то же время помещение в «Географическом руководстве» Тазоса и Китея в сочетании с Аргодой и Табаной предполагает, что дорога шла, скорее всего, к ним, и тогда район поиска следует сместить к югу. Это приведет нас к селу Марьевка, где на карте И. Т. Кругликовой показано сразу несколько поселений, од-

нако только одно из них дает материал I—III вв. н. э.¹⁴² Поселение Марьевка V расположено на южной окраине с. Марьевка, площадь его не определена, а поверхность сильно повреждена в результате антропогенного воздействия. Интересно, что Марьевское поселение входит в цепочку пунктов, начинающихся от южного прохода в валу, расположенных примерно на одинаковом расстоянии друг от друга (5—6 км) и прикрывающих юго-западное направление к Пантикапею от южной оконечности Узуларского вала до Киммерия, который и был следующим после Табаны (поселение Марьевка V).

Локализацией Табаны мы завершаем анализ сведений античных письменных источников о Керченском полуострове, в древности входившем в состав Боспорского царства. Несмотря на отрывочность этих сведений, в совокупности они дают довольно подробную картину этого района.

Наиболее полное описание юго-восточного побережья содержится в работах Псевдо-Арриана, Птолемея и Плиния. В «Географии» Страбона этот участок опущен, т. к. географ воспользовался сухопутным маршрутом от Феодосии к Пантикапею. Сравнительный анализ сведений Псевдо-Арриана и Птолемея свидетельствует о явной общности их источника по юго-восточному побережью (возможно, это был Менипп?), хотя, в отличие от Анонима, Птолемей имел в распоряжении, помимо перипла, еще и перизету, в которой приморские города были указаны в качестве конечных пунктов сухопутных дорог. Доверяя, по-видимому, в большей степени последней, автор «Географического руководства» ошибочно поместил их на карте внутри полуострова. Отсутствие в перипле Псевдо-Арриана упоминания Тазоса, локализуемого в районе Кыз-Аульского маяка, в сочетании с известным близостью некрополей первых веков н. э., подтверждает предположение об отнесении сведений Псевдо-Арриана не ранее чем ко II в. до н. э., в то время как Птолемей пользовался более поздними источниками.

Северо-восточное побережье Керченского полуострова наиболее подробно освещено в «Географии» Страбона, перипле Псевдо-Арриана, у Плиния и Птолемея. Сведения Помпония Мелы по Керченскому полуострову, так же как и сообщения других авторов, могут служить лишь некоторым дополнением к этому и в основном перекрываются наиболее полными источниками. Анализ сведений античных авторов по этому району показал, что их полнота во многом зависела от целей, которые ставили перед собой информаторы. Так, Страбон дает очень подробное описание района Пантикапея, а, например, Акру упоминает

лишь в контексте определения параметров Керченского пролива. Наличие среди топонимов Гераклия, отождествляемого нами с городищем Генеральское—Восточное, свидетельствует о том, что данный текст не может быть отнесен ранее чем к I в. до н. э. — времени основания городища, а не свойственный для Страбона характер упоминания (как бы вскользь, мимоходом) говорит о недостаточном владении материалом (не случайно, по мнению Страбона, все северное побережье Керченского полуострова пустынно и безлюдно).

Сведения Псевдо-Арриана в целом носят прежний характер, а упоминание в тексте Порфмия при отсутствии Парфения лишний раз подтверждает временные границы его источника. Городище у с. Жуковка, с которым мы отождествляем Порфмий, прекращает свое существование в первые десятилетия I в. до н. э., в то время как городище у с. Опасное, где локализуется Парфений, существовало, по крайней мере, до II в. н. э.

Очень важные дополнения содержатся в «Естественной истории» Плиния, где названы два самых крайних по Керченскому проливу пункта: Зефирий — на юге, на м. Такыл и Гермисий — на севере, на м. Фонарь. Однако в части определения длины Боспора Киммерийского (Керченского пролива) Плиний не выходит за рамки традиции, ограничивая его на юге где-то в районе Нимфея. Кроме того, Плиний сообщает и второе название Тиритаки — Дия.

Сведения Клавдия Птолемея по территории Европейского Боспора, пожалуй, наиболее обширны. Часть Керченского пролива к северо-востоку от столицы Боспорского царства, по-видимому, отражена лишь в контексте сообщения между двумя его частями — Азиатской и Европейской. Назван лишь ориентир в виде м. Мирмекий (м. Зменный) и один город Парфений, в районе которого, вероятно, и находилась переправа. Другое дело — Керченское Приазовье. Сведения о нем у Птолемея поистине уникальны, однако названные здесь три населенных пункта — Зенонов Херсонес, Гераклий и Новая Крепость — напрямую связаны с еще более интересным описанием внутренней части Европейского Боспора.

Города глубинки выбраны автором карты отнюдь не случайно. Это не только система сообщений между населенными пунктами Европейского Боспора, но и единственное в своем роде описание системы обороны восточной его части, которое позволяет существенно уточнить реконструкцию, предложенную А. А. Масленниковым ¹⁴³.

Анализ сведений Птолемея показывает, что во времена его источника в Европейской части Боспора были только две линии обороны. Первая была связана с Узунарским валом. С обоих его концов — с севера и с юга — фланги были защищены хорошо укрепленными городищами. На севере их названо три, по-видимому, наиболее важные. Это, начиная от вала, — Пароста (городище у села Ново-Отрадное), Новая Крепость (городище Золотое—Берег) и Гераклий (городище Генеральское—Восточное). На юге их четыре — Сатарха (городище на Атаманской горе), Аргода (локализуется в районе с. Пташкино), Табна (поселение у с. Марьевка) и Киммерий (на горе Олук). Оборонительная система с флангов Узунарского вала на севере и на юге несколько различна и соответствует характеру местности. На севере вал практически выходит к морю, и все перечисленные здесь объекты — приморские. Причем между Новой Крепостью (Золотое—Берег) и Гераклием (Генеральское—Восточное) были расположены промежуточные пункты, такие как Золотое — Восточное в бухте и Кюль-Тепе. Они играли вспомогательную роль, и на карте Птолемея не отмечены. На юге оконечность вала и побережье моря разделены Узунарским озером, поэтому этот участок перекрыт городками, расположенными на приблизительно равном удалении друг от друга (5—6 км) и находившимися, за исключением Киммерия, в глубине полуострова.

Кроме обозначенной фланговой защиты, и на севере, и на юге в валу имелись проходы, вблизи которых были расположены города. На севере это был Тафр (Белинское городище), а на юге — Бадатий (поселение у с. Тamarinno). Отсюда шли дороги вглубь полуострова.

Вторая линия обороны также, по-видимому, была связана с оборонительным валом, проходившим между двумя современными озерами — Чокракским на севере и Тобечикским на юге. Скорее всего, это был так называемый вал «Безкровного»¹⁴⁴. Так же как и в первой оборонительной линии, его фланги с севера и юга были прикрыты. На севере это была Постигия (Кезы), а на юге — Бион (городище у с. Огоньки). На севере оборонительная линия выходила к Зенонову Херсонесу (городище на мысе Зюк), а на юге — к Порт-Акре (городище у села Заветное). Береговая линия между Гераклием и Зеноновым Херсонесом перекрывалась промежуточными небольшими пунктами типа городищ Сиреневая бухта и Полянка. На юге между Киммерием и Порт-Акрой находились Тазос (район Кыз-Аульского маяка) и Китей. Таким образом, столица Боспора была надежно защищена. Обе оборонительные линии были связаны дорогами. На севере дорога, начи-

наясь от Тафра (Белинское городище), шла через Тарону (Багерово—Северное), от которой, вероятно, она отходила в сторону Гераклия, к Постигии (Желы) и далее к Зенонову Херсонесу (м. Зок). Возможно, от Тароны дорога шла и к Пантикапею.

На юге дорога шла от Бадатия (поселение у с. Тамарино) через Аргоду (в районе с. Пташкино) и Тобану (поселение у с. Марьевка) к Киммерию и далее вдоль побережья в сторону Керченского пролива.

Кроме того, и от Тафра, и от Бадатия, равно как и от фланговых городков второй линии обороны, дороги сходились к Илурату (Ивановское городище), который, вероятно, играл ключевую роль во всей системе обороны восточной части Европейского Боспора.

Что касается Тиритакского вала, то либо его не существовало во времена источника Клавдия Птолемея, либо его роль не была так велика и не заслуживала внимания.

Предлагаемая реконструкция системы обороны Европейского Боспора позволяет ответить и на вопрос о так называемой стене Асандра, которого мы уже касались в связи с локализацией местности Тафра. Среди новейших исследований в этой области можно отметить версию А. А. Масленникова о том, что под стеной Асандра следует понимать совокупную протяженность Узунарского, Тиритакского валов и Арабятской линии, оцениваемую примерно в 68—73 км¹⁴⁵. Однако если доказательства, остающиеся в качестве возможного претендента на стену Асандра только территорию Восточного Крыма¹⁴⁶, кажутся убедительными, то сделанный на их основе вывод требует дополнительных доказательств. Во-первых, у Страбона речь идет о стене Асандра, а не о стенах (Strabo, VII, 4, 6), а Страбон обычно достаточно точен в выражениях. Во-вторых, нет никакой уверенности, что Тиритакский вал существовал во времена Асандра. Наконец, в-третьих, все башни Страбона вполне уместятся в рамках Узунарского вала даже при минимальном значении его длины — в 32 км¹⁴⁷. Причем именно эти башни, вероятно, и служили определенным дополнением к фланговой системе обороны и могли, например, перекрывать центральный участок вала между Тафром и Бадатием. Но как же быть с 360 стадиями, в которые Страбон оценивает длину стены Асандра?

В «Географическом руководстве» между Паростой и Гераклием — примерно 20,2 км, а между Сатархой и Табаной — 11,4 км. Добавим к этому расстояние между Табаной (поселение у с. Марьевка) и Киммерием (с. Опух) (примерно 6 км) и получим цифру 37,6 км. В сочетании с длиной Узунарского вала (32 км) это дает общую протяжен-

ность 69,6 км, что фактически и составляет 360 стадиев (у Страбона длина стены Асандра при стадии 185 м оценивается в 66,6 км). Таким образом, под стеной Асандра, отгородившей от кочевников «перешеек у Меотиды», античная традиция понимала первую линию обороны Европейского Боспора, включающую в себя Узулларский вал и два фланговых прикрытия, — на севере от Паросты (Ново-Отраденское городище) до Гераклия (городище Генеральское—Восточное), а на юге — от Сатархи (городище на горе Атаманской) до Киммерия (городище на горе Опук). Примечательно, что в пространственном отношении крайние точки в линии обороны практически находятся друг против друга.

Несколько слов в отношении времени, к которому относится источник Птолемея. В данном случае его можно определить довольно точно. На карте Птолемея отсутствует Савроматий, бесспорно игравший важнейшую роль в первой линии обороны Европейского Боспора. Именно во времена Савромата II была укреплена центральная часть первой линии обороны. В это же время, вероятно, возводится и поселение Андреевка—Северное. Дороги, показанной в системе обороны восточной части хоры Европейского Боспора у А. А. Масленникова, проходящей от Белинского городища через городище Андреевка—Северное, во времена Птолемея не существовало, как не существовало и дороги, начинающейся от Савроматия¹⁴⁸. Зато на карте Птолемея есть Илурят, и это весьма показательно, так как основные укрепления Илурата возводились в середине I в. н. э., причем не исключено, что под наблюдением и руководством римских инженеров (не отсюда ли подробные сведения Птолемея о территории Европейского Боспора?¹⁴⁹). Вполне возможно, что именно в это время создается или укрепляется вторая линия обороны. По крайней мере, Страбон о ее существовании не знал, в то время как о первой был осведомлен, что нашло отражение в сообщении о строительстве Асандром стены, а также в упоминании Гераклия (северная оконечность оборонительной системы) и, возможно, г. Киммерия в Крыму (южная ее оконечность). Таким образом, сведения Страбона не могут быть отнесены ко времени ранее середины — второй половины I в. до н. э., а сведения Птолемея — ко времени ранее середины — второй половины I в. н. э. Отсюда временная дистанция между двумя античными географами составляет почти целое столетие.

Уникальными являются сведения Птолемея и по части территории к западу от Узулларского вала. По-видимому, здесь отмечена дорога,

ведущая из Центрального Крыма к Азовскому побережью Керченского полуострова в район Казантипского полуострова, откуда шел прямой морской путь к северным берегам Меотиды. Отправными точками здесь служили города Акра (Казантип—Восточный) и Лиан (Семеновское городище). Кроме того, Птолемей дает координаты устьев двух рек — Бика (Мокрый Индол) и Паснака (Салгир), в верховьях которых были расположены города Тароква (городище Кермен-Кыр) и Тракана (район Старого Крыма).

Наличие дороги, пересекающей на сей раз Ак-Монайский перешеек, возможно, объясняет, почему в компиляции Птолемея крымские города и реки оказались на материке. Ак-Монайский перешеек ассоциировался у географа с Перекопом, и города оказались по разные стороны от последнего. Те, что были к юго-западу от Ак-Моная, оказались к западу от Перекопа (города по реке Каркиниту). Те же, что были к северо-востоку от него, оказались к востоку от Перекопа на побережье севера Меотиды.

Глава V
СЕВЕР И ЮГО-ВОСТОК
МЕОТИДЫ (АЗОВСКОГО МОРЯ)
В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ

Территория Приазовья от Перекопа до низовьев Дона довольно слабо освещена в античной литературной традиции. По-видимому, греческое проникновение здесь ограничивалось воинственностью местных племен, ведущих преимущественно кочевой образ жизни, слабой защищенностью территории и не очень благоприятным климатом. Вряд ли здесь были крупные города — скорее небольшие эмпории и промежуточные стоянки. В целом греческое проникновение на север Меотиды носило прибрежный характер. Исключение составлял лишь район нижнего течения Дона. В то же время бесспорно и то, что где-то здесь проходил древний торговый путь на восток, а также должно было существовать прямое сообщение между Ольвией и районом Танаиса.

Учитывая тот факт, что подавляющее большинство известных нам топонимов — это устья рек и мыса, можно предположить, что сообщение это осуществлялось морем и вдоль побережья. От Перекопского перешейка до устьев Дона античные авторы называют только три населенных пункта: Кремны, деревня Кария и город Гигрей. Возможно, какой-то населенный пункт связан с топонимом «Роца Рыболова Бога». В нижнем течении Дона, кроме Танаиса, упомянуты города Эксополь и Наварис. Кроме того, ниже поворота реки отмечены Александровы и Кесаревы Алтари. Пять из перечисленных наименований — Роца Рыболова Бога, деревня Кария, город Гигрей, Эксополь и Наварис известны только из сообщения Птолемея.

Кремны. Наиболее раннее упоминание этого населенного пункта содержится в «Истории» Геродота. Описывая владения царских скифов, Геродот сообщает: «Доходят они на юге до Таврики, а на востоке именно до того рва, который вырыли сыновья слепых, и до гавани на берегу озера Меотиды, которую называют Кремны» (Herod., IV, 20).

Кроме того, Кремены упомянуты Геродотом в связи с описанием амазонок: «И прибывают они к берегам Меотийского озера — к Кременам. А Кремены находятся на земле свободных скифов» (Herod., IV, 110).

В «Географическом руководстве» Клавдия Птолемея город Кремены назван у Меотийского озера после устья реки Гетра. Его координаты — 62°30' по долготе и 49°45' по широте (Ptol., III, 5, 4).

Наконец, возможно, Кремены упомянуты у Стефана Византийского в качестве города Понта, однако в несколько ином звучании — «Кремная».

История вопроса локализации Кремн довольно обширна, и мнения исследователей здесь весьма различны. Практически Кремены помещали в пределах всего северного побережья Азовского моря. Единственным исключением является мнение Ф. Вестберга, считавшего, что Геродот поместил Кремены у Азовского моря ошибочно, и отождествлявшего их с г. Старый Крым¹. На отрезке побережья от города Генническа до Утлюковского лимана локализовали Кремены Ф. Брун², С. А. Жабелев³, Э. Миниз⁴, Д. Реншель⁵, В. В. Латышев⁶.

Большинство исследователей помещает Кремены в средней части северного побережья Азовского моря вблизи бухт, удобных для стоянки кораблей, с высокими скалами в окрестностях. Так поступает, например, Б. И. Грязов, считавший, что Кремены находились где-то во владениях царских скифов за р. Молочной⁷. Используя данные Птолемея, К. Ноймана⁸, Х. Штейн⁹, Г. Киперт¹⁰, Ф. Г. Мищенко¹¹, Ф. А. Браун¹² помещают Кремены вблизи Ногайска (современный Приморск). М. Никк¹³ и К. Кречмер¹⁴ локализируют их вблизи Мариуполя, Н. И. Надеждин — в устье реки Берды¹⁵. У Таганрога помещали Кремены К. Маннерт¹⁶, К. Бэр¹⁷, Абихт¹⁸. Ф. Беер определяет местоположение Кремн в устье Дона¹⁹. Б. А. Рыбаков, используя в качестве реперных точек устья Дона (Танаиса) и Перекопа, накладывает, с соответствующей корректировкой, координаты Птолемея для северного побережья Меотиды на современную карту и локализует Кремены у самого устья р. Домузлы на левом берегу, где действительно есть крутые склоны²⁰. Однако, как мы уже убедились, ситуация на карте Птолемея намного сложнее, и Перекоп вовсе не однозначно может служить в качестве репера.

Единственной работой, специально посвященной локализации Кремн, до настоящего времени является статья Ю. В. Болтрик и Е. Е. Филалко²¹. Авторы в определении местоположения гавани опираются на три положения: первое — наличие следов сухопутных дорог близ побережья Меотиды, по которым товары перемещались вглубь

материка; второе — наличие необходимой естественной удобной гавани; третье — в месте предполагаемой локализации эмпория необходимо наличие следов поселения соответствующего хронологического диапазона²². Все три условия имеются в наличии у села Вотнево, где, по мнению авторов, и находилась Кремны²³. Здесь локализуются Кремны и по нашим расчетам²⁴.

Определенным подтверждением этой версии может служить взаимное расположение Акры (Казантип—Восточный) и предполагаемого местоположения Кремн. На карте Птолемея их разделяют 132,6 км, что очень точно соответствует расстоянию между м. Казантип и районом современного с. Вотнево в устье р. Корсак (фактически эти пункты расположены друг напротив друга). Таким образом, предположение о наличии именно здесь переправы через Меотиду можно считать подтвержденным.

В устье р. Корсак и выше его, в окрестностях с. Вотнево, зафиксировано четыре пункта, расположенных близко друг от друга (100—150 м), где встречалась лепная керамика эпохи бронзы и скифского времени, а также фрагменты эллинистических и римских амфор. Наиболее крупным является пункт к северу от села, в 1,25 км от пересечения дорог-лучей, обозначенных «курганными аллеями». Судя по современному заболоченному участку устья, залив в древности вклинивался в сушу на глубину 4—5 км при ширине 2 км²⁵.

Город Гигрей. Известен только по сообщению Клавдия Птолемея. Его координаты в «Географическом руководстве» — 63°30' по долготе и 52°30' по широте (Ptol., III, 5, 4). В примечаниях к переводу И. П. Цветкова наименование этого пункта связывается с наименованием реки Гиргис или Сиргис, засвидетельствованной у Геродота (Herod., IV, 123), а район локализации определяется у реки Кривой²⁶. Б. А. Рыбаков, судя по карте, составленной на основании данных Птолемея по северному побережью Меотиды, определяет местоположение Гигрей у восточного основания косы Обиточной²⁷. Наши расчеты позволили локализовать город Гигрей в устье реки Берда²⁸.

Между Кремнями и Гигреями на карте Птолемея указаны координаты четырех физико-географических топонимов. Столь подробное описание побережья свидетельствует о прохождении вдоль него каботажного маршрута плавания. В то же время еще раз отметим, что измененные параметры Керченского полуострова неизбежно должны были сказаться и на северном побережье Меотиды (Азовского моря). Но как и, что особенно важно, на каком отрезке?

Определенную помощь в решении этого вопроса могут оказать сведения самого Птолемея, точнее сказать, координаты топонимов северного побережья в долготном направлении в сопоставлении с аналогичными координатами Керченского полуострова. Как мы уже убедились, параметры западной части Азовского моря не связаны с искажением территории Европейского Боспора на карте Птолемея (отрезок пути «Акра — Кремны» соответствует пятой зоне). Однако расстояние между Кремнями и рекой Герр (Молочной) явно завышено (90,4 км).

Расстояние между устьем Герра и устьями Танаиса у Птолемея равно 570 км (466,4 км по широте и 320 км по долготе). Попробуем найти соответствующие им отрезки пути на современной карте. 320 км — это примерное расстояние от Узундарского вала, точнее, от Акры (Казантипа—Восточного) до Танаиса, т. е. фактически это протяженность Боспорского царства от его западных границ. 466,4 км — примерно столько разделяет Перекоп и район Танаиса. Таким образом, на карте Птолемея оба этих расстояния совмещены в одном, хотя при этом и разложены по широте и по долготе. Вследствие этого Азовское море оказалось вытянутым к северу. Кроме того, поскольку оба расстояния указаны от реки Герр, то в них должен был быть включен участок побережья между Узундарским валом и рекой Герр. На карте Птолемея ему соответствует сумма расстояний по долготе между «Перешейком» и «Акрой», с одной стороны, и «Акрой» и «рекой Герр» — с другой. Это расстояние составляет 40'. Но так как путь от Акры шел напрямую к Кремням, то именно они и были отодвинуты на соответствующее расстояние. С учетом этого обстоятельства, устья реки Герр и город Кремны в действительности разделяли только 55,4 км, что практически тождественно отрезку побережья от современного лимана Молочный до села Вотнево, где в древности находилась гавань Кремны.

Следующий за Кремнями топоним — мыс Агар отстоял от Кремни примерно на 33,6 км (Ptol., III, 5, 4). Это расстояние очень точно указывает на северо-запад оконечности Обиточной косы, которая в древности, видимо, носила название Агар. С другой стороны, в «Географии» Страбона содержится очень любопытное указание на то, что селение Киммерийское, что на Азиатской стороне Боспора, «служит местом отправления плывущих по озеру» (Страбон, XI, 2, 4). В «Географическом руководстве» нет такого селения, а есть лишь одноименный мыс, однако его координаты не могут нам помочь, т. к. мы уже не раз убеждались, что обозначенные на карте Птолемея мысы, одноименные городам других авторов, не тождественны им (м. Мирмекий —

г. Мирмекий). В то же время Птолемей называет Ахиллий при устье Боспора, расстояние до которого от Киммерийского селения согласно Страбону всего лишь 20 стадиев (3,7 км) (Strabo, XI, 2, 6), которыми в данном случае можно пренебречь. Ахиллий при устье Боспора и м. Агар на карте Птолемея разделяют $70'$ по широте и $90'$ по долготе (Ptol., III, 5, 4 и V, 8, 5). Таким образом, прямое расстояние между ними составляет около 135 км, что почти тождественно отрезку пути между Обиточной косой и северо-западной оконечностью Таманского полуострова. Таким образом, кроме морского пути из Крыма («Акра — Кремны»), существовал и морской путь с Азиатской части Боспора, который также вел к Северо-Западному Приазовью. Опорным пунктом и, по-видимому, центром торговли между греческим миром и варварами в этом районе были Кремны, однако важнейшим ориентиром на пути к ним с азиатской стороны Боспора был м. Агар (северо-западная оконечность Обиточной косы), что и нашло соответствующее отражение на карте Клавдия Птолемея.

С другой стороны, коль скоро расстояние между Ахиллием при устье Боспора и м. Агар соответствует параметрам пятой зоны, то, следовательно, искажение параметров Европейского Боспора в «Географическом руководстве» полностью компенсировано (в противном случае расстояние «Ахиллий — м. Агар» было бы нарушено) адекватным изменением параллельного ему отрезка северного побережья Меотиды, заключенного на карте Птолемея между м. Агар и устьем реки Порит, координаты которого по долготе совпадают с координатами Ахиллия при устье Боспора. Следовательно, на этом отрезке реальная величина Γ как по широте, так и по долготе тождественна той, что действует по Европейскому Боспору. При этом следует оговориться, что Ахиллий расположен за пределами Керченского полуострова, крайней точкой которого, по нашей версии, был Парфений, а долготные координаты последнего — $63^{\circ}30'$, что по северному побережью соответствует долготе города Гитрен (Ptol., III, 5, 4), поэтому возможно, что коэффициент искажения Керченского полуострова действует только до этого города.

После этих предварительных замечаний можно приступить к локализации конкретных топонимов, расположенных в «Географическом руководстве» к северо-востоку от м. Агар.

Устье реки Агар. Его координаты к северо-западу от м. Агар (Ptol., III, 5, 4) в сочетании с конфигурацией Обиточной косы, с которой отождествляется м. Агар, фактически предопределили район поиска.

В то же время известна точка зрения, вообще отрицавшая возможность локализации обозначенных в античной традиции топонимов северного побережья Азовского моря. В частности, Ф. Браун считал, что «это был бы совершенно бесполезный труд»²⁸. В примечаниях к переводу И. П. Цветкова река Агар отождествлена с речкой Берда²⁹, однако это слабо согласуется с координатами Птолемея. Б. А. Рыбаков соотносит ее с рекой Корсак³¹ и считает тождественной реке Оар Геродота³². Однако его реконструкция береговой линии на основе данных Птолемея неверна, т. к. в «Географическом руководстве» побережье Меотиды после м. Агар развернуто к северо-западу, и именно это предопределило северо-западное (а не северо-восточное, как в действительности) положение устья реки Агар по отношению к одноименному мысу. Кроме того, как мы убедились, на карте Птолемея указаны по Меотиде те координаты, которые в первую очередь связаны не с каботажным, а с прямым путем от южного побережья к северному.

Каботажный же объезд давался лишь в непосредственной близости от опорных пунктов или же в контексте сообщения между ними. В этой связи в местах стыковки различных путей в компиляции Птолемея могла возникать обычная в таких случаях пространственная путаница вокруг общего топонима. В данном месте это, безусловно, был м. Агар.

Прямое расстояние от м. Агар к одноименной реке составляет 19,6 км (напомним, что здесь действует коэффициент искажения Керченского полуострова), что приводит нас к современной реке Обиточной.

Отождествление реки Агар с рекой Обиточной ставит вопрос о направлении последующего движения. Если следовать за Птолемеем, то мы должны были бы вновь возвратиться на м. Агар и, обогнув его, оказаться на побережье Бердянского залива в месте, ничем как будто бы не примечательном. С другой стороны, примерно те же 19,6 км разделяют Обиточную косу и устье реки Лозоватка. Не это ли был древний Агар? Отождествление Агара с Лозоваткой полностью соответствует последовательности описания этого участка побережья. Кроме того, это объясняет и то, почему после мыса Агар географ вернулся обратно к Кремням. Вначале был обозначен прямой маршрут в сторону восточной части Босфора, а затем продолжено движение вдоль северного побережья. Таким образом, наша прежняя локализация реки Агар была верна, хотя и не столь точна, как в этот раз³³.

При такой локализации реки Агар не может быть и речи о соотношении ее с Оаром Геродота, у которого описание рек дано в следую-

шем порядке: «Выше этой пустыни живут тиссагеты, а из их земли берут начало четыре большие реки, протекающие через землю меотов; они впадают в озеро, именуемое Меотидой, им даны следующие имена: Лик, Оар, Танаис, Сиргис» (Herod., IV, 123). Таким образом, Оар расположен после реки Лика, а отсутствие его у Птолемея объясняется тем, что, во-первых, скорее всего, эта река должна быть локализована где-то после деревни Карин, на участке побережья до Танаиса, а во-вторых, Геродот описывал побережье в контексте похода Дария, а Птолемей — с точки зрения морского сообщения Боспорского царства с северным побережьем Меотиды, в котором река Оар могла не значиться. Наконец, несмотря на сходство, в основе описания северного побережья Меотиды у Птолемея лежат не «географические заметки Геродота», как это считает Б. А. Рыбаков²⁴, а источник, очень близкий ко времени Птолемея и связанный непосредственно с географией Боспорского царства (на это, в частности, указывает то, что целый ряд топонимов Южного Приазовья связан координатами с топонимами севера). Таким образом, отождествление Оара с какой-либо из рек Северного Приазовья становится возможным только после локализации всех топонимов, указанных в «Географическом руководстве» между устьем реки Агар и Танаисом.

Роша Рыболовля Бога. Этот пункт, известный также только из сообщения Птолемея (Ptol., III, 5, 4), К. Мюллер считал возможным отождествлять с современным Белым Сарсем²⁵. Б. А. Рыбаков помещает его на р. Лозоватка, указывая при этом на связь с топонимом «Лозоватка», т. е. «заросшая ивняком, лозами»²⁶. Ю. В. Болтрик и Е. Е. Фналко локализуют рошу «Рыболовля Бога» на слабовыраженном безымянном мысу — не типичном для этого берега. Склоны мыса задернованы, а у самого моря есть группа вековых деревьев. Здесь обнаружены фрагменты амфор римского времени и курган, находящийся на краю террасы коренного берега. Обилие морской травы и мелководье делают это место весьма удобным для ловли рыбы²⁷. Здесь же помещали этот пункт и мы²⁸.

Устье реки Агар и рошу «Рыболовля Бога» разделяют на карте Птолемея 13,2 км. По отношению к реке Агар Роша Рыболовля Бога расположена к северо-востоку. Все это полностью соответствует локализации этого пункта на безымянном мысу между реками Лозоваткой и Обиточной.

Устье реки Лик. Название этой реки, кроме Птолемея, упоминает Геродот (Herod., IV, 123). Ареал локализации этой реки довольно об-

ширный: от реки Обиточной (Рыбаков Б. А.³⁹) до реки Урала (Мищенко Ф. Г.⁴⁰). В качестве претендентов на это наименование в этом промежутке выступали реки Берда (Брун Ф.⁴¹), Кальмиус (Германн А.⁴²), приток Урала Плек (Хансен А.⁴³) и некоторые другие⁴⁴. Наши расчеты позволяют отождествить реку Лик с рекой Обиточной, однако в прежнем варианте в качестве ее устья мы определяли район к востоку от Обиточной косы, где течение рек Обиточной и Кильгичьей очень близко подходит к морю. Исходя из этого, мы считали, что в древности название «Лик» носила либо река Обиточная, либо Кильгичья, если последняя имела самостоятельное устье⁴⁵. Уточненное расстояние между Рощей Рыболовля Бога и устьем реки Лик составляет 10,7 км, что очень точно указывает на современное устье реки Обиточной. Таким образом, от м. Агар мы как бы совершили объезд Обиточного залива и вновь вернулись к исходной точке — м. Агар, координаты которого повторно Птолемей уже не дает. Однако за вычетом из 37,7 км, разделяющих на карте Птолемея устье реки Лик и м. Агар, отрезка «устье реки Агар — устье реки Лик» мы получим то, что в действительности разделяло устье реки Лик и мыс Агар — 13,8 км. Дальнейший путь от м. Агар лежал, если плыть вдоль северного побережья, к городу Гигреи.

Бесспорно, что район «Кремны — м. Агар» играл очень важную роль в процессе греческого и, позднее, римского проникновения в Северную Меотиду, поэтому столь пристально внимание к нему Клавдия Птолемея. Возможно также, что место, обозначенное в «Географическом руководстве» как Роща Рыболовля Бога, было связано с каким-либо событием, требующим особого отношения (вспомним, что столь подробное описание физико-географических объектов Птолемей дает еще только применительно к Ахиллову Бегу, и там тоже фигурирует Роща Гекаты, мыс). Наконец, может быть, именно с этим местом следует связать предание о волках, прирученных рыбаками у местечка Конопия у Меотиды, дошедшее до нас через Аристотеля (Arist., Hist. anim., IX, 36), Клавдия Элиана (VI, 65) и Стефана Византийского (s. v. *Καλιόπη*).

Город Гигреи. Расстояние между м. Агар и городом Гигреи на карте Птолемея составляет около 50 км, что приводит нас в район современного города Бердянска. Здесь имеется группа курганов, однако сколь-либо заметных поселений пока не обнаружено. Возможно, этот город уже разрушен морем или вследствие антропогенного воздействия.

Устье реки Порит. Координаты этой реки, известной только в изложении Клавдия Птолемея, указывают на ее расположение за пределами долготных границ Керченского полуострова — следовательно, здесь действует уже иной коэффициент искажения (1' по долготе равна 1,1 км, а по широте — 1,3 км). Ю. Куляковский отождествляет эту речку с современным Кальмиусом⁴⁶. Б. А. Рыбаков сопоставляет ее с рекой Берда⁴⁷. Наши расчеты позволяют считать, что в древности название Порит носила все-таки река Кальмиус. По крайней мере, уточненные данные (66,8 км от г. Гигрей) указывают на устье Кальмиуса еще более точно, чем прежде, когда имелся довольно большой интервал допуска⁴⁸.

Район Кальмиуса весьма примечателен в археологическом плане. Здесь имеются курганы, относящиеся к сарматской эпохе⁴⁹, а также весьма плотно расположены памятники Срубной культуры⁵⁰, т. е. район не был пустынным на протяжении длительного времени, и торговое сообщение с глубинными районами вполне могло осуществляться по Кальмиусу.

Деревня Кария. Этот населенный пункт, отмеченный только на карте Птолемея, в этом случае должен быть локализован где-то в районе Кривой косы, между реками Грузский Еланчик и Мокрый Еланчик (примерно здесь же мы определяли его местоположение и ранее⁵¹). Здесь отмечено наличие курганов, но поселений пока не обнаружено. Вообще следует отметить, что археологически этот район побережья Азовского моря изучен недостаточно.

Следующим за деревней Карией топонимом, отмеченным на карте Птолемея, является западное устье реки Танаиса. Их разделяет расстояние, равное 102,2 км. Это значительно уводит нас вглубь материка, тем более, если вспомнить, что в начале маршрута вдоль северного побережья Азовского моря Кремны были на 40' по долготе отодвинуты от устья реки Герр. В качестве компенсации крайний пункт на востоке должен быть адекватно приближен к устьям Танаиса. Если учитывать этот факт, то положение западного устья реки Танаис становится просто нереальным.

Определяя границы отрезка побережья Северного Приазовья, который имеет адекватный с Европейским Боспором коэффициент искажения, мы оговорились, что на востоке такой границей может быть либо город Гигрей (по долготе Парфения), либо устье реки Порит (по долготе Ахиллия при устье Боспора, от которого шел прямой путь к

м. Агар и далее к Кремнам). Первый вариант мы рассмотрели, обратимся теперь ко второму.

Устье реки Порит. С учетом коэффициента искажения по Европейскому Боспору его разделяют с городом Гигрей 13,5 км, что соответствует устью реки Берда.

Деревня Кария. В этом случае эта деревня попадает в район между населенными пунктами Мелекино и Ильичевское к югу от Жданова. Археологическую ситуацию здесь мы уже описывали в связи с локализацией устья реки Порита по первому варианту.

Западное устье Танаиса оказывается тогда где-то в районе Таганрога. Однако с учетом 40' по долготе все становится на свои места, и координаты Птолемея очень точно указывают на современный Мертвый Донец.

В пользу второго варианта говорит как будто бы и взаимное расположение топонимов северного и южного побережий Азовского моря. Устье реки Берда действительно находится почти напротив северо-западной оконечности Таманского полуострова, а местоположение деревни Кария к югу от Жданова как будто бы согласуется с морскими путями, проходившими в этой части Азовского моря мимо косы Долгой по направлению к Танаису⁵². Деревня Кария в этом случае занимала очень выгодное положение при входе в Таганрогский залив. Впрочем, окончательно ответить на вопрос о том, какой из двух вариантов предпочтительнее, можно лишь после локализации топонимов Юго-Восточного Приазовья и их сопоставления с Севером.

Устья Танаиса и остров Алопекия. Река Танаис представлена в античной традиции довольно широко. Глубокий Танаис упоминает в «Эпиграмме» Симонид. В схолиях к Эсхилу («Прометей», 790) Танаис рассматривается как граница Европы и Азии.

Геродот упоминает эту реку несколько раз: в IV, 20 при описании границ племен; в IV, 45 в качестве границы Европы и Азии; в IV, 47 в перечислении рек после Герра. Подробное ее описание он дает в IV, 57: «Восьмая река — Танаис, которая течет сверху, устремляясь из большого озера, впадет же в еще большее озеро, называемое Меотийским, которое разделяет царских скифов и савроматов. В этот Танаис впадает другая река, название которой Гиргис».

Танаис упоминает Аристотель («Метеорология», I, 13, 15). Псевдо-Скилак отмечает его как одну из величайших рек в Европе («Европа», 69), являющейся границей с Азией («Европа», 68).

Ликофрон в «Алекса́ндре» (1283—1290) называет Танаис границей Европы и Азии. Псевдо-Скимн (865—873) сообщает, что Танаис «впадает двумя устьями в так называемую Меотиду и в Киммерийский Боспор», явно рассматривая в качестве рукава Танаиса современную Кубань.

Довольно много места Танаису отводит Страбон (II, 4, 5; II, 4, 6; II, 5, 25). В VII, 4, 5 указано расстояние от Киммерийского Боспора по прямому пути — 2200 стадиев, а в XI, 2, 2 дается описание устьев Танаиса: «Что касается Танаиса, то устья его мы знаем (их два, в самой северной части Меотиды, на расстоянии шестидесяти стадиев одно от другого), а выше устьев известна лишь небольшая часть».

Псевдо-Плутарх (XIV, 1—4) описывает особенности Танаиса, окрашенные мифами.

В качестве границы материков рассматривает Танаис Дионисий Перизетт («Землеописание», 14—22).

Арриан в «Походе Александра Великого» (III, 3, 6) отличает Танаис (Сыр-Дарью) от Танаиса, впадающего в Меотиду и делящего материки. В то же время в перипле Понта Евксинского (Агг., 29) он явно путает Танаис с современной Кубанью. От Пантикалея он указывает всего 60 стадиев до Танаиса и добавляет: «Она вытекает из Меотийского озера и впадает в море Евксинского Понта». Впрочем, если соединить приведенное выше свидетельство Псевдо-Скимна и расстояние между устьями Танаиса, указанное у Страбона, то полученная картина почти совпадет с Аррианом.

Арриана повторяет Псевдо-Арриан (Рь.-Агг., 70), добавляя к этому упоминание Танаиса при описании племен (Рь.-Агг., 72).

В «Географическом руководстве» Клавдия Птолемея даются подробные координаты устьев Танаиса, а также поворота этой реки и ее истоки (Ptol., III, 5, 4).

Помпоний Мела описывает скорее какую-то горную речку, чем Танаис — Дон: он «несется так стремительно», что «одинаково перенося зной и холод, всегда остается одинаковым и несется в быстром течении» (Mela, I, 19, 115).

Танаис упоминают также Аппиан («Митридатовы войны», 15), Плиний (NH, VI, 20), Присциан («Землеописание», 644—721) и Павел Оросий (I, 2, 4—6).

Очевидно, что название Танаис прилагалось в античности к трем рекам — Сыр-Дарье, Кубани и Дону²². Естественно, что в данном

случае нас интересует только Танаис — Дон, наиболее конкретные сведения о котором содержатся у Страбона и Птолемея.

Метрические данные Страбона приводят нас (от устья Босфора) в район современного южного устья Дона, примерно к станции Елизаветинской. В этом случае второе устье следует поместить в район современного Мертвого Донца (расстояние между устьями, по Страбону, 60 стадиев, или 11,1 км).

По данным Птолемея, расстояние от реки Порит (Кальмиуса или Берды) приводит нас к устью Мертвого Донца. Однако промежуток между устьями, просчитанный по пятой зоне, явно не соответствует действительности (чуть больше 40 км). Следовательно, здесь действует, как мы и предполагали, иная система, относящаяся уже к шестой зоне (величина 1' широты 0,54 км, 1' долготы — 0,51 км). В этом случае полученное расстояние в 23 км приводит нас в район станции Елизаветинской. Причем, если у Страбона расстояние между устьями — это расстояние между протоками, то у Птолемея, вероятно, это расстояние между устьями в месте их впадения в Меотийское озеро, отсюда и разница в значении.

Таким образом, дельта Дона в античное время выглядела несколько иначе, хотя Дон впадал в Меотийское озеро двумя устьями, как и сейчас. Первое устье соответствовало нынешнему Мертвому Донцу, впадавшему в море примерно там же, где и сейчас. Второе же заканчивалось где-то в районе нынешней станции Елизаветинской.

Остров Алопекия. Этот остров античные авторы в большинстве своем помещают в дельте Танаиса. Исключение составляет только Плиний, определивший местоположение острова Алопека внутри Керченского пролива и, вероятно, спутавший его с островом Фанагора (Plin., NH, IV, 87).

Страбон в VII, 4, 5 указывает одинаковое расстояние до Танаиса и до острова, «лежащего между его устьями»; в то же время в XI, 2, 3 он сообщает: «При впадении реки в озеро лежит соименный реке город Танаис, основанный эллинами, владеющими Боспором (...) Перед городом на расстоянии ста стадиев лежит остров Алопекия, имеющий смешанное население; неподалеку на озере есть и другие островки».

Координаты острова дает Птолемей (Ptol., III, 5, 16).

Этот остров упоминается у Дионисия Перизгета (Dion. Per., 533) и у Стеофана Византийского (з. ч. *Ἀλωπηκία*).

И сведения Страбона, и данные Птолемея указывают на одну и ту же точку — район современной дельты, напротив станции Елизаветинской. Здесь, видимо, и следует локализовать остров Алопекию.

Проблема локализации о. Алопекия имеет обширную историографию. Довольно долго за него принимали небольшой остров Черепаха, лежащий перед Тагаирогским мысом²⁴. При этом одним из главных аргументов являлись данные Птолемея, не учитывающие, однако, степень искажения этого района на его карте. Кроме того, физико-географические параметры острова Черепахи, как убедительно показал Д. Б. Шелов, не могут соответствовать острову Алопекии²⁵. Идею о том, что о. Алопекию следует искать в самом устье реки, среди архипелага, образующего донскую дельту, впервые высказал П. М. Леонтьев²⁶. Эта идея была поддержана некоторыми исследователями²⁷, но убедительное обоснование она получила лишь у Д. Б. Шелова, который отождествляет с островом Алопекией Елисаветовское городище²⁸. Впрочем, Д. Б. Шелов не берет в расчет координаты о. Алопекии у Птолемея, считая, что «строить какую-либо детальную локализацию на основании градусов Птолемея невозможно»²⁹. Наши расчеты как будто бы устраняют этот пробел, подкрепляя версию о нахождении Алопекии в районе именно Елисаветовского городища.

Координаты поворота реки (Ptol., III, 5, 4) по отношению к западному устью (Мертвый Донец) приводят нас в район современного поворота реки к северу (197,8 км), что опровергает мнение о том, что Танаис у Птолемея — это нижнее течение Дона в Северный Донец³⁰.

Город Танаис. Сведения античной литературной традиции об этом городе довольно скудные и никак не соответствуют той роли, которую он играл в Северном Причерноморье. Александр Полигистор сообщает, что «при впадении Танаиса в Меотийское озеро построен эллинистический город Танаис, который называется Эмпорион» («Об Евксинском Понте», фр. 36). Страбон при описании реки Танаис указывает, что «есть город, соименный реке, самое большое торговое место у варваров после Пантикапея» (Strabo, VII, 9, 5). Далее в XI главе он писал: «При впадении реки в озеро лежит соименный реке город Танаис, основанный эллинами, владеющими Боспором. Недавно его разрушил до основания царь Пелемон за неповиновение; раньше он служил общим торговым местом для азиатских и европейских кочевников и для приезжающих по озеру из Боспора; первые доставляли рабов, шкуры и разные другие товары кочевников, а другие взамен привозили на судах платье, вино и прочие предметы, свойственные цивилизованному образу жизни. Перед городом на расстоянии ста стадиев лежит остров Алопека, имеющий смешанное население ...» (Strabo, XI, 2, 3).

В «Географическом руководстве» координаты города даются дважды (Ptol., III, 5, 12 и V, 8, 16), причем его местоположение определяется в первом случае между устьями Танаиса, а во втором случае — среди городов Сарматии.

Стефан Византийский определяет Танаис как «город, одноименный с рекой», и повторяет текст Александра Полигистора (з. ч. Τάναϊς). Наконец, Плиний добавляет ко всему этому, что городом при устье Танаиса «владела сначала карийцы, затем клазоменцы и меоны, потом пантикапейцы...».

Это практически вся информация, которой мы располагаем по данным письменных источников.

Впервые версии об отождествлении Танаиса с Недвиговским городищем были высказаны И. А. Стемпковским⁴¹. Это предположение подтвердилось находками на Недвиговском городище и в его некрополе подписей с упоминанием Танаиса и танаитов⁴². Однако тогда же возникла проблема временных границ существования Недвиговского городища, результатом чего явилась концепция существования двух Танаисов: раннего, до разгрома города царем Полемоном (с ним отождествлялось Елизаветовское городище), и позднего, первых веков н. э., под которым следовало понимать Недвиговское городище. Однако последующие археологические исследования как Недвиговского, так и Елизаветовского городищ показали, что время существования жизни на месте Недвиговского городища — с III в. до н. э. по IV в. н. э. — и именно с ним следует соотносить античный Танаис⁴³.

Проведенные нами расчеты дали довольно любопытные результаты. Согласно им, город Танаис отстоял на 21,1 км от западного устья реки Танаиса и на 5,4 км от устья восточного. Это очень точно соответствует положению Недвиговского городища, но только в том случае, если в качестве западного устья в «Географическом руководстве» указаны координаты южного устья (в древности в районе ст. Елизаветинской), а в качестве восточного устья — координаты устья Мертвого Дона. Иными словами, на карте Птолемея топонимы вновь поменялись местами, а это происходит всякий раз, когда в компиляции встречаются разнонаправленные маршруты. В данном случае речь, вероятно, идет о пути к Танаису вдоль северного побережья и пути в том же направлении вдоль юго-восточного побережья. Вполне возможно, что часть топонимов северного побережья, по крайней мере в районе современного Таганрогского залива, оказалась на противоположном берегу, или же наоборот. Это обстоятельство необхо-

димо учитывать в дальнейшем анализе топонимов Приазовья по данным Клавдия Птолемея.

Итак, вне всякого сомнения, на карте Птолемея под координатами города Танаиса отмечено именно Недвиговское городище (кстати, общая долгота восточного устья реки Танаиса и города Танаиса подтверждает нашу версию о соотношении этого устья с устьем современного Мертвого Донца).

Древний Танаис располагался на территории современного хутора Недвиговки на правом, коренном берегу р. Мертвого Донца. В его истории прослеживаются три хронологических периода: III—I вв. до н. э., I в. н. э. — первая половина III в. н. э., последняя треть IV — начало V в. н. э.

В начале II в. н. э. город превращается в крепость почти квадратной формы, со сторонами 225—240 м. Вокруг города сооружается ров шириной 10—13 м, частично вырытый в глинистом грунте, частично вырубленный в материковой скале, глубиной 7—8 м. Возводятся оборонительные стены, сооружаются новые четырехугольные башни, выступающие далеко за линию стены⁶⁴.

Эта новая планировка города весьма напоминает планировку римских крепостей и лагерей. В литературе уже высказывалась мысль, что и в Танаисе в какой-то период стояли римские части⁶⁵, а так как именно с римским присутствием в Северном Причерноморье связаны по большей части сведения о нем у Клавдия Птолемея, то и в этом случае вряд ли имело место исключение. Это подтверждает выдвинутое нами ранее предположение о времени источника Птолемея, равно как и отсутствие в «Географии» Страбона какого-либо упоминания о восстановлении города после событий, связанных с именем царя Птолемея, указывает, что его сведения следует отнести к концу I в. до н. э. Таким образом, вновь подтверждается тот факт, что временной разрыв между сведениями двух античных географов составляет не менее ста лет.

Эксополь и Наварис. Оба города названы в «Географическом руководстве» в перечислении городов Сарматии вместе с Танаисом (Ptol., V, 8, 16). Отсюда становится понятным, что эти города были связаны между собой. Коль скоро город Танаис располагался в устье Дона, то связь эта, вероятнее всего, определялась общим положением на этой реке. Однако Эксополь и Наварис удалены на карте Птолемея на значительное расстояние к северо-востоку, причем Эксополь располагался недалеко от поворота реки. В то же время юго-восточное

побережье Азовского моря в «Географическом руководстве» после Танаиса резко развернуто к востоку (по отношению к Танаису на 3° по долготе). Кроме того, очень интересны координаты еще двух пунктов, связанных с Танаисом, — Александровых и Кесаревых Алтарей. В частности, Александровы Алтари на карте Птолемея расположены на 4° к западу от г. Танаиса и в то же время ниже поворота реки, который обозначен под 72°30' долготы! Явное несоответствие. Возможно, именно ошибочное помещение Алтарей (по крайней мере, Александровых) в привязке к Танаису привело к столь качественному изменению общей картины в юго-восточном Приазовье? В.Томашек полагает, что они упомянуты здесь вследствие совмещения представлений о Яксарте и Танаисе⁶⁶. Однако такое объяснение кажется нам несколько упрощенным. Ведь не только Птолемей допускает подобную ошибку. У Аммиана Марцеллина Алтари, посвященные Александру Великому и Цезарю Августу, помещены на реке Борисфене (Amn. Marc., XXII, 8, 40). Возможно, в тех или других местах дислокации Римской армии действительно имелись алтари, посвященные Цезарю, и это обстоятельство ввело в заблуждение Птолемея или его информатора? Любопытно, что широта алтарей соответствует Ольвийскому региону, долгота Александровых Алтарей — Европейскому Боспору, а долгота Кесаревых Алтарей — району Танаиса. Добавим к этому свидетельство Павла Оросия, который пишет, что река Танаис, «протекла мимо алтарей и рубежей Александра Великого, находящихся в пределах робосков, увеличивает своими водами Меотийские болота...» («История против язычников», 7 книг, 1, 2, 4—6).

Птолемей упоминает это племя, именуя его робосками, и помещает его к востоку от истоков реки Ра (Волги) (Ptol., VI, 14, 9). В результате совмещения всех этих объектов картина Юго-Восточного Приазовья оказалась измененной почти до неузнаваемости. Однако промежуточные расстояния между топонимами Птолемей по преимуществу сохранил. В этом случае включение в общий перечень Алтарей, по всей видимости, ошибочно, где-то должно было быть компенсировано (как мы убедились, это характерно для автора «Географического руководства»). Во-первых, это привело к смещению юго-восточного побережья Меотиды к востоку. Во-вторых, это отразилось на координатах крайних пунктов. В данном случае это Эксоволь и Наварис. Можно предположить, что реальные расстояния между ними, равно как и Танаисом, заключены в широтных значениях, а долгота дается лишь в качестве компенсации для сохранения общих параметров (вспом-

ним аналогичную ситуацию по северному побережью). Коль скоро положение города Танаиса оставалось неизменным, то смещенным оказались г. Эксополь и Наварис. Из этого мы и будем исходить при их локализации.

Наварис. По Германну, этот пункт локализуется у современного Ростова-на-Дону⁶⁷. По широте его отделяют от Танаиса 21,6 км. Это действительно приводит нас к окраине Ростова-на-Дону, немного к северу от места отъезда Мертвого Донца. Здесь расположены сразу несколько укрепленных городищ, одно из которых — Темерницкое — выделяется своими размерами. Оно имело вид вытянутого с севера на юг прямоугольника, окруженного рвами и рвами разделенного на четыре части. Ведь более или менее достоверный материал, происходящий с Темерницкого городища, укладывается в хронологические рамки I—III вв. н. э. Аналогичным было и Нижне-Гиловское городище⁶⁸. Погрешность в 5', допустимая у Птолемея, в равной степени позволяет отождествить Наварис как с тем, так и с другим городищем. Во всяком случае, именно в этом районе был расположен древний Наварис.

Эксополь. В примечании к переводу П. И. Прозорова этот пункт локализуется близ станции Нижне-Чарской, на что указывает его имя⁶⁹. Согласно нашей версии Эксополь и Наварис разделяет то же расстояние, что Танаис и Наварис, т. е. 21,6 км. Наиболее близко к этому, с учетом возможной погрешности, подходит крайнее в цепочке нижнедонских поселений городище Кобяковское (что вполне согласуется и с этимологией наименования). Становится понятным и сближение Эксополя с поворотом реки Танаис (вероятно, на 2° по долготе). Если следовать от г. Танаиса, то после Навариса в месте отъезда Мертвого Донца имеется поворот по основному руслу реки к Эксополю. Расстояние между местом поворота Танаиса и Эксополем на карте Птолемея 18,7 км, что близко к действительности, если в данном случае рассматривать под поворотом отъезд Мертвого Донца.

Можно считать твердо установленным, что хронологические рамки поселения ограничиваются античным временем, а точнее, I—III вв. н. э. Очень сильное разрушение Кобяковского городища объясняет тот факт, что при последних раскопках не найдено никаких остатков оборонительных сооружений, однако материалы об обороне других нижнедонских городищ первых веков нашей эры позволяют предположить наличие вокруг Кобяковского городища древних оборонительных валов⁷⁰.

Юго-восточное побережье Азовского моря чрезвычайно сложно с точки зрения интерпретации имеющихся о нем сведений в античной литературной традиции. Наиболее полная информация содержится в «Географическом руководстве» Клавдия Птолемея (Ptol., V, 8, 2), однако даже без детального разбора становится ясно, что картина эта крайне запутанна и представляет собой компиляцию различных источников. По крайней мере один из них, бесспорно, имеет общую основу с «Географией» Страбона. В то же время и сведения Страбона по этому району далеко не просты и вызывают определенные сложности и разночтения в процессе работы с ними. Прежде всего, Страбон значительно завышает протяженность этого участка как по прямой (407 км), так и в полном объезде по сумме промежуточных расстояний (432,9 км) (Strabo, XI, 2, 3 и XI, 2, 4—6). Современные измерения дают соответственно 290 и 360 км. Однако, как выяснилось, завышение это касается только отрезка от Танаиса (Дона) до реки Малый Ромбит, т. е. фактически района Таганрогского залива. Расстояние между рекой Малый Ромбит и рекой Антикит (Кубань) сообщено в «Географии» довольно точно (600 стадиев).

В «Географическом руководстве» Клавдия Птолемея, как было показано в первой главе, Меотида вытянута в северном направлении, однако, как мы уже неоднократно убеждались, среди нанесенных на карту топонимов в каждом конкретном случае имелись опорные точки, расстояния между которыми при любых компиляциях оставались адекватными действительности и могли изменяться лишь в общем контексте изменения основных параметров. На наш взгляд, такими опорными пунктами по юго-восточному побережью могли быть м. Киммерий (вспомним, что он сохранил свое положение по отношению к Зенонову Херсонесу — м. Звук), Аксабетийская коса (современная коса Долгая), которая, безусловно, являлась важнейшим ориентиром при плавании на этом отрезке пути и, наконец, г. Танаис (Недвиговское городище) как логичная цель всего маршрута (устья реки такими ориентирами служить не могли, так как очевидно, что их взаиморасположение на карте Птолемея изменено, хотя ширина дельты между ними указана верно).

Итак, определим расстояние между названными топонимами и выясним, правильно ли наше предположение.

1. М. Киммерий (м. Каменный) — Аксабетийская коса (коса Долгая).

Эти топонимы в «Географическом руководстве» разделяют 90' по долготе и 90' по широте. Если на данном отрезке действует искажение шестой зоны (1' широты равна 0,54 км, а 1' долготы — 0,51 км), то полученное расстояние приведет нас в открытое море (66,8 км). Напротив, если предположить, что параметры этого участка соответствуют Западному Приазовью (1' широты равна 1,3 км, а долготы — 1,1 км), то полученные 153 км весьма точно отражают реальную ситуацию между м. Каменный и косой Долгой. Однако, как мы уже убедились, подобное положение возможно лишь в том случае, если картина по общим параметрам побережья на севере адекватна аналогичной картине на юге. Следовательно, либо при определении расстояний для топонимов Северного Приазовья к востоку от долготы Кяммерия нужно учитывать коэффициент искажения по шестой зоне, либо наоборот, на данном отрезке южного побережья, по крайней мере до косы Долгой, действует коэффициент искажения пятой зоны. Ответить на этот вопрос однозначно можно лишь в процессе локализации конкретных топонимов.

2. Аксабетийская коса (коса Долгая) — г. Танаис (Недвиговское городище).

На карте Птолемея их разделяют 60' по долготе и 260' по широте. Ясно, что размеры Таганрогского залива существенно изменены в сторону увеличения и здесь действуют параметры шестой зоны. Полученное расстояние (143,7 км) соответствует отрезку между косой Долгой и Недвиговским городищем.

Таким образом, в «Географическом руководстве» мы столкнулись с ситуацией, идентичной картине, отраженной в «Географии» Страбона, что лишней раз указывает на общность одного из информаторов Птолемея и Страбона. Исходя из этого, прежде всего попробуем определить местоположение общих для двух географов топонимов.

Устье реки Большой Ромбит. Страбон сообщает об этой реке следующее: «При плавании вдоль берега первым от Танаиса, на расстоянии восьмисот стадиев будет так называемый Большой Ромбит, в котором есть множество пунктов для ловли рыбы, идущей на соление...» (Strabo, XI, 2, 4). Птолемей называет координаты этой реки (Ptol., V, 8, 2), а Аммиан Марцеллин в перечислении рек после Танаиса упоминает Ромбит, правда, без определения «большой» или «малый» (Amm., XXII, 29).

Обычно Большой Ромбит отождествляется с Ейским лиманом⁷¹. Действительно, расстояние, указанное Страбоном, с учетом поправки на увеличение примерно в 1,4 раза (около 106 км) приводит нас имен-

но к Ейскому лиману. Сюда же указывают и данные Птолемея (93 км от города Танаиса). Таким образом, река Большой Ромбит — это современная река Ея.

Устье реки Малый Ромбит. Страбон сообщает об этой реке следующее: «Затем, на расстоянии еще восьмисот стадиев — меньший Ромбит и мыс также с рыбными ловлями, но меньших размеров» (Страбон, XI, 2, 4). На карте Птолемея обозначено устье реки Малого Ромбита под координатами 69° долготы и $50^\circ 30'$ широты (Ptol., V, 8, 4). Обращает на себя внимание, что в обоих случаях коса Долгая (у Страбона это «мыс с рыбными ловлями», у Птолемея — Аксабетийская коса) названа в перечислении после реки Малый Ромбит.

Локализуется малый Ромбит обычно либо в районе Боссуцкого лимана⁷³, либо на реке Кирпили⁷⁴, в обоих случаях к западу от косы Долгой.

У Страбона расстояние между Большим и Малым Ромбитами — те же 800 стадиев. С учетом поправки на увеличение это вполне согласуется с объездом вокруг косы Долгой от Ейского лимана к лиману Ахтарскому, через который в античное время, по-видимому, сообщалась с морем река Кирпили.

На карте Птолемея ситуация более запутанная. Устья двух Ромбитов разделяют здесь $30'$ по долготе и $90'$ по широте, или около 51 км по прямой, что очень мало. С другой стороны, между устьем Большого Ромбита и Аксабетийской косой 66,6 км, что близко к действительности, в то время как между устьем Малого Ромбита и Аксабетийской косой всего лишь 34,6 км, что явно недостаточно. Ранее мы уже предлагали возможное объяснение этому⁷⁴. Примерно на таком же расстоянии от Ахтанизовского лимана находится коса Камышевятская, что на противоположном от косы Долгой конце полуострова. Отсюда следует, что при плавании вдоль побережья от Фангорни к Танаису в качестве Аксабетийской косы называлась коса Камышевятская, а в остальных случаях — Долгая. Расстояние же, указанное между Большим и Малым Ромбитами (51 км), соответствует расстоянию между двумя этими косами⁷⁵. Однако то обстоятельство, что и у Страбона, и у Птолемея существенному увеличению подвергся лишь район Таганрогского залива, позволяет несколько иначе взглянуть на данную ситуацию.

Если искажению подвергся только участок к востоку от Аксабетийской косы, то расстояние между устьем Малого Ромбита и этой косой должно быть определено в 76,7 км, что соответствует действи-

тельности. Аналогично и прямое расстояние между устьями двух Ромбитов тождественно объезду косы Долгой (76,7 км и 66,6 км). Меньшая цифра Страбона связана с тем, что мы скорректировали все расстояния между устьями рек, в то время как увеличению подверглась только восточная сторона косы Долгой. Однако в «Географии» ее координат нет, поэтому другой вариант, к сожалению, невозможен. С другой стороны, это обстоятельство подтверждает нашу версию об увеличении размеров только современного Таганрогского залива.

Тирамба, Антикит (Аттикит), Вардан. Сообщения античных авторов об этих топонимах довольно противоречивы, что вызывает в вопросах их локализации существенные расхождения. Прежде всего, оставимся на наименованиях рек. От их идентификации на современной карте во многом зависит как локализация Тирамбы, так и целого ряда других топонимов, тесно связанных с этими реками.

Река Кубань в древности имела несколько названий, помимо указанных Птолемеем (Ptol., XI, 8, 4—5) и Страбоном (Strabo, XI, 2, 4; XI, 2, 9), в античной традиции довольно распространено было и наименование Гипанис. Схожесть последнего названия с Гипанисом (Южным Бугом), впадающим в Борисфен (Днепр), зачастую приводила к путанице между ними. Гипанис-Кубань упоминают: Александр Полигистор («Об Евксинском Понте», фр. 39), Аристотель (V, 19, 14) и Плиний (NH, IV, 84). Тотордан (вероятно, искаженное Вардан) называется в перечислении рек Аммиан Марцеллиан (XXII, 8, 29).

Ю. Кулаковский изображает Антикит на своей карте одним рукавом впадающим в районе Бугаза, а другим — значительно дальше от Боспора, в районе Черной Протоки, тем самым оставляя место для Псатия и Вардана в районе Алтанизовского и Курчанского лиманов⁷⁶. Клапорт отождествляет Аттикит Птолемея с нынешним Кирпили, Протоке дает имя Псатис, а Вардан отождествляет с Антикатом Страбона⁷⁷. К. Герц, отождествляя рр. Антикит и Аттикит, считает, что «Птолемеевы реки Псатий и Вардан суть рукава той же Кубани»⁷⁸. Аттикит — это рукав Кубани, впадавший ранее в Курчанский лиман⁷⁹. Псатий впадал в Корокиндамский залив (т. е. южный рукав Кубани)⁸⁰, а Вардан — в нынешний Кубанский лиман⁸¹. О. Н. Трубочев, отождествляя Антикит и Аттикит, помещает их в районе Протоки⁸². М. О. Попочевный в отношении Вардана и Псатия разделяет в основном точку зрения К. Герца, однако Антикит отождествляется им с руслом у Пересыпи⁸³. Мы считаем, что в «Географическом руководстве» даны координаты северных рукавов Кубани, каждый под своим названием: первый — Атти-

кит, разветвляясь, одним концом впадал в Таманский залив, другим — возле Тирамбы в Меотиду; второй — Вардан — впадал в Меотиду примерно в юго-восточной оконечности Курчянского лимана, и, наконец, третий — Псатий — впадал в Меотиду где-то в районе Пригибского лимана. Темрюкский залив имел несколько иную конфигурацию и более глубоко вдавался в сушу⁵⁴.

Н. И. Сударев в статье, специально посвященной вопросу локализации Тирамбы Страбона и Птолемея, касается и проблемы идентификации Антикита, Аттикита и Вардана⁵⁵. Сравнительный анализ трех источников — Птолемея, Страбона и Аммиана Марцеллина — позволил Н. И. Судареву сделать вывод, что «Вардан и Аттикит Птолемея являются двумя названиями (из двух источников) одной реки — Антикита Страбона или Тотордана Аммиана»⁵⁶, и отождествить ее устье с современным Пересыпным гирлом⁵⁷. Однако утверждение о том, что Аммиан Марцеллин не пользовался непосредственно Птолемеем, а имел лишь общий с ним источник, отличный от Страбона, на том лишь основании, что имела место «избирательность сокращений» в пользу автора «Географического руководства» и что «при общем созвучии» есть отклонения в названиях⁵⁸, не может считаться достаточно убедительным. Н. И. Сударев не учитывает характер труда Аммиана Марцеллина, являющегося прежде всего историческим произведением, где географический аспект служит лишь определенным фоном, привязывающим то или иное событие к конкретной местности. Отсюда следует, что для автора вовсе не обязательно следовать буквально за источником. Фактически он называет по одной реке из каждого параграфа «Географического руководства», отдавая предпочтение лишь Большому Ромбиту и опустив Малый, обозначив тем самым основные ориентиры на данной территории. Кроме того, последовательность в перечислении рек полностью соответствует характеру описания Птолемея, у которого, как мы уже неоднократно убеждались, в местах соединения различных источников отдельные топонимы могли изменить свое действительное положение в пространстве.

Не может являться достаточным доказательством и ссылка на то, что на этом участке встречаются «отдельные созвучные названия», с чем, впрочем, Н. И. Сударев согласен и сам⁵⁹. Что касается того, что при перечислении городов по рекам одни из перечисленных ранее рек присутствуют, а другие — нет, это скорее свидетельствует об отсутствии на ряде рек заслуживающих внимания объектов (напомним, что до сих пор все пункты, расположенные внутри материка, были связа-

ны с определенным функциональным назначением), что может служить подтверждением тождества тех или других рек.

Подтвердить или опровергнуть тождественность некоторых топонимов на карте Птолемея возможно, лишь разобравшись в характере той или другой компиляции в рамках «Географического руководства» и найдя ту начальную первооснову, когда эти топонимы займут одно и то же место (примером здесь могут служить Тира и Офиуса). В рассматриваемом нами случае речь не идет о применении того или другого наименования к реке Кубань. Ясно, что во всех случаях имеется в виду одна и та же река. Необходимо выяснить, к какому именно рукаву относится обозначенное координатами на карте устье, без чего локализация отдельных топонимов может оказаться весьма проблематичной.

После этих предварительных замечаний попробуем разобраться с Варданом и Аттикитом Клавдия Птолемея. С этой целью определим расстояния между устьем реки Малый Ромбит, с одной стороны, и устьями рек Аттикит и Вардан, с другой. Кроме всего прочего, это позволит определить тождественны ли реки Аттикит Птолемея и Аттикит Страбона.

На карте Птолемея устье реки Аттикит от Малого Ромбита отделяют 1° по долготе и $70'$ по широте, что в пересчете на километры составляет 112,4 км. Сравним со Страбоном, у которого аналогичное расстояние равно 600 стадиям, или 111 км, и станет ясно, что Аттикит Страбона и Аттикит Птолемея суть одна и тот же рукав Кубани, изливающийся в море в районе Пересыпи.

В отношении координат устья Вардана следует учитывать, что между ним и устьем Малого Ромбита на карте Птолемея помещен отрезок «устье реки Аттикит — устье реки Малый Ромбит». Если в долготном отношении это никак не сказалось на расстоянии от устья Вардана до устья Малого Ромбита (по долготе расстояния разнонаправленны), то при определении расстояния по широте необходимо вычесть из общего расстояния его повтор, соответствующий на карте Птолемея участку «устье реки Аттикит — устье реки Малый Ромбит», равный $70'$. С учетом этого отрезок пути, разделяющий устья Вардана и Малого Ромбита, составит $60'$ по долготе и $60'$ по широте, или в километрах 102,2 км, что приводит нас к другому рукаву Кубани, соединяющемуся с морем в районе Темрюка. Однако для окончательного отождествления с ним устья Вардана проверим это положение с другой стороны, со стороны м. Климмерий, следующего в «Географическом руководстве» за устьем Вардана.

На карте Птолемея м. Киммерий отстоит от устья Вардана на 90' по долготе и 10' по широте. Ясно, что использование здесь параметрических величин пятой зоны неприемлемо. Полученное на их основе расстояние в 99,8 км уводит далеко за пределы Таманского полуострова. Следовательно, при движении по побережью Тамани действует коэффициент искажения именно этого района (напомним, что 1' по долготе здесь равна 0,51 км, а по широте — 0,54 км). Таким образом, на карте Птолемея противоположные участки побережья Меотиды (Азовского моря) имеют адекватное искажение и тем самым общая конфигурация не нарушается. Для западной части (Акра — Кремны) действует коэффициент пятой зоны. Аналогичный коэффициент — для Восточного Приазовья (Вардан — Аксабетийская коса). Северному побережью соответствуют величины Европейского Босфора (Керченского полуострова) и отчасти — Таманского полуострова. Наконец, для Тагаиротского залива, который, будучи развернутым, как бы оказался над Таманью, действуют параметры величины последней.

Исходя из этого, расстояние между м. Киммерий и устьем Вардана составит 46,2 км, что соответствует отрезку побережья от м. Каменный до устья рукава Кубани в районе Темрюка, которое и обозначено на карте Птолемея как устье Вардана.

Итак, основным, определяющим для Клавдия Птолемея являлся информатор, дающий местное название реки Кубани — Вардан. Именно по ней указан целый ряд населенных пунктов, и именно координаты ее устья (точнее, данного рукава в ее дельте) остались на карте географа на месте. Что касается Аттикита (Антикита) и связанной с ним Тирамбы, то Птолемей, по-видимому, не соотносил их с современной Кубанью (по крайней мере, по версии Вардана) и передвинул с данного участка. При этом общим топонимом, в контексте с которым осуществлялась компиляция, было устье реки Малого Ромбита или же Аксабетийская коса, по отношению к которым устье реки Аттикита (Антикита) и Тирамба сохранили свое пространственное положение. Подобный перенос свидетельствует, что в отношении последующего описания современного Таманского полуострова информаторы у Страбона и Птолемея были разные: в противном случае такое изменение на карте было бы необъяснимо.

Итак, выяснив «что есть что» в отношении Аттикита, Антикита и Вардана, попробуем определить местоположение Тирамбы.

Этот пункт неоднократно локализовался, упоминался во всевозможных контекстах в работах как современных исследователей, так и

ученых прошлого столетия. Почти полный перечень авторов, так или иначе касавшихся этой проблемы, дает Н. И. Сударев⁹⁰. Он же обобщает основные точки зрения по поводу характера этого пункта (город, город или селение, селение, географический пункт, залив, городище древней Тирамбы, река, остров)⁹¹, по поводу его локализации (в районе ст. Голубицкой, где-то на правом, восточном берегу Курчанского лимана, где-то на правом берегу р. Кирпили, в районе Протоки, в районе Темрюка, у нынешнего поселка Пересыпь)⁹² и по поводу датировки Тирамбы (VI—V вв. до н. э., с конца VI в. до н. э.)⁹³. Сам Н. И. Сударев на основе второго упоминания Тирамбы Птолемеем (Ptol., VIII, 18, 6) и анализа арабских источников VIII—XII вв., где упоминается Тирамба, приходит к заключению, что статус Тирамбы может быть определен как город⁹⁴. В отношении локализации Н. И. Сударев делает вывод, что ее следует помещать восточнее Антикита-Аттикита. Так как за русло Антикита мы принимаем Пересыпное гирло, то и Тирамба должна располагаться там же, к востоку от него. Таким образом, мы вновь возвращаемся к точке зрения Дюбуа и большинства ученых прошлого столетия и должны поместить ее в районе ст. Голубицкой, «что косвенно подтверждается данными арабских географов, которые помещают Тирамбу между двух рек»⁹⁵.

Бесспорно, что подобная локализация заслуживает внимания, однако, к сожалению, она не подкреплена конкретным цифровым материалом. Восточное положение Тирамбы по отношению к Антикиту (Аттикиту) основывается лишь на последовательности перечисления топонимов у Страбона (но у него нет конкретного цифрового материала, и текст может восприниматься как указание на непосредственное расположение Тирамбы в устье Антикита). Что касается сведений Птолемея, то, во-первых, абсолютно неверно отождествление Вардана с Антикитом в отношении дельтовых рукавов; во-вторых, изменения пространственных ориентаций топонимов в «Географическом руководстве» встречаются довольно часто (например, даже по этому участку в отношении Аксабетийской косы и устья Малого Ромынта), а потому в этом плане сведения Птолемея не могут служить достаточно веским доказательством; наконец, в-третьих, коль скоро устья Вардана и Аттикита не тождественны, то соотнесение города Герусы с Пересыпным городищем⁹⁶ со всей очевидностью становится невозможным, так как этот и все последующие за ним топонимы до устья реки Аттикита связаны именно с Варданом. Таким образом, возвращение к точке зрения Дюбуа требует дополнительных доказательств, что мы и попытаемся сделать.

Во-первых, как мы убедились выше, Аттикит Птолемея и Антикит Страбона следует признать тождественными, и, следовательно, соотношение их с одним тем же дельтовым рукавом Кубани, а именно с Пересыпным гирлом, становится очевидным.

Во-вторых, перенос устья Аттикита и Тирамбы к северо-востоку не коснулся их пространственной взаиморасположенности, так как соединение двух компонентов компиляции произошло в другом месте. Расстояние между устьем Малого Ромбита и устьем Аттикита на карте Птолемея сохранено, следовательно, неизменным осталось и расстояние между устьем Аттикита и Тирамбой.

На карте Птолемея оно составляет чуть больше 19 км. Это приводит нас в район Темрюка, где Тирамбу помещали О. Н. Трубачев⁹⁷ и И. Е. Забелин⁹⁸. Наиболее близко по этому расстоянию подходит поселение Темрюк 1, обозначенное на карте Я. М. Паромова цифрой 225⁹⁹. Датировка поселения как нельзя кстати подходит к ситуации вокруг Тирамбы. Судя по таблице¹⁰⁰, во времена Страбона этого поселения уже не было (первый период его существования — IV — начало I вв. до н. э.), возрождается оно уже в VIII — IX вв. (отсюда и более точные сведения арабских географов). Следовательно, Страбон, а вслед за ним и Птолемей пользовались каким-то неизвестным периплом эллинистического времени, отсюда и неточности в их сообщениях. В «Географическом руководстве» этот перипл наложился на более свежие сведения, которым Птолемей доверял в большей степени, отсюда и получилась итоговая компиляция.

Что касается Страбона, то отсутствие у него сведений о расстоянии между Антикитом и Тирамбой связано с незнанием ситуации в этом районе, хотя последовательность их перечисления он сохранил правильную. На карте римского времени Тирамба отсутствовала, и во втором источнике Птолемея ее не было, поэтому, как уже отмечалось, соединение разновременной в данном случае информации произошло в контексте общего гидротопонима — реки Малый Ромбит.

Разобравшись с общими для двух географов топонимами, вернемся к Восточному Приазовью и попытаемся локализовать оставшиеся объекты на карте Птолемея.

Матета. Этот пункт располагался к северо-востоку от устья реки Вардан под координатами 69° долготы 48°30' широты (Ptol., V, 8, 4). Серьезных попыток локализации этого топонима на современной карте не предпринималось, за исключением нашей собственной — в районе

кубанских плавней, примерно в месте нынешнего устья Протоки¹⁴⁰. В своих расчетах мы не учитывали, что на участке побережья между устьем Вардана и Аксаетийской косой действуют параметры пятой зоны, поэтому эта локализация требует уточнения.

Устье реки Вардан и Матету разделяют 60' по долготе и 10' по широте или прямое расстояние в километрах 67,3 км. Это приводит нас примерно в прежний район локализации Матеты, хотя с иной стороны (в прежнем варианте мы шли в обратном направлении). Современные кубанские плавни представляют собой одну громадную акваторию шириной 15—30 км, отделенную от моря ракушечно-песчаной пересыпью. Очень давно здесь была обширная лагуна, которая постепенно заполнялась илстыми наносами. Причем хорошо сохранились древние береговые образования, подобные Дунайским гринду, некоторые из них удалены от берега на 20—30 км¹⁴¹. Это вполне согласуется с локализацией Матеты в районе современного хутора Забойский, где археологический материал был обнаружен при прокладке оросительной системы, тем более что значительно дальше от берега в районе станции Староникестеблевской культурный слой был обнаружен на глубине одного с лишним метра¹⁴².

Устье реки Псатий. Мы уже касались проблемы локализации Псатия в контексте локализации рек Агтикит и Вардан, а потому повторяться здесь не будем. Напомним лишь, что практически все, кто так или иначе касался этого вопроса, склонны отождествлять эту реку с одним из самых северных рукавов Кубани, чаще всего с Протокой. Не противоречат этому и наши новые расчеты, по которым Матету и устье реки Псатий разделяют чуть больше 38 км (Ptol., V, 8, 4), однако в этом случае мы попадаем в район лимана Войков, фактически на самый край кубанских плавней. Существование этого участка, по крайней мере до района современных Садков, кажется маловероятным. Весьма проблематичной в этом случае становится локализация следующего за устьем реки Псатий города Герусы. Кроме того, как мы выяснили ранее, устье Малого Ромбита и устье Вардана на карте Птолемея разделяют 102 км. Однако по сумме расстояний «устье Вардана — Матета — устье Псатия — город Геруса» мы получаем 143 км, хотя в соответствии с расположением топонимов должны вернуться к Малому Ромбиту. В чем тут дело?

Можно предположить, что для внутренних частей материка характерны параметрические показатели шестой зоны и связанные с ними топонимы (в данном случае это река Псатий, по которой указан один

населенный пункт, и г. Геруса, расположенный рядом с М. Ромбитом, на котором также указана населенный пункт) попадают под их действие.

В этом случае расстояние между устьем реки Псатий и Матетой составит 17,3 км, что приводит нас к южной оконечности Пригибского лимана, куда, по-видимому, в античное время впадал один из северных рукавов Кубани: или Протока, или Ангелинский ерик. Здесь и находилось устье реки Псатий, сама же река была не чем иным, как самым северным рукавом современной Кубани.

Город Геруса. Этот город известен только по сообщению Клавдия Птолемея (Ptol., V, 8, 4). В литературе делались попытки соотношения этого наименования с другим городом — Корусией, названным Птолемеем по Вардану. В частности, так поступает Ф. И. Соболевский¹⁰⁴, вслед за ним — Н. И. Сударев¹⁰⁵. Первый помещает этот город где-то в северном устье Кубани. Второй высказывает предположение о возможности отождествления Герусы с Пересыпным городищем. Идея локализации Герусы в районе Пересыпи не нова. В примечании к переводу П. И. Прокурова Геруса предположительно отождествляется с упомянутой у Диодора Гаргазой (Diod., XII, 2) и локализуется на Таманском полуострове у современной Пересыпи¹⁰⁶. Однако подобная локализация полностью противоречит сведениям Птолемея, помещающего город Герусу к северо-востоку от устья реки Вардан. Что касается тождественности наименований Корусия и Геруса, то первая не является приморским городом: в перечне Птолемея она названа третьей (Ptol., V, 8, 28) — где же тогда находились два предыдущих населенных пункта?

Наши новые расчеты не выводят за рамки прежней локализации Герусы¹⁰⁷, однако позволяют более точно соотнести этот город с конкретным археологическим памятником. Расстояние примерно в 17,3 км точнее указывает на городище Терноватый Редант. Возникло городище, по-видимому, в III—II вв. до н. э. и просуществовало, по крайней мере, до II—III вв. н. э. Вне всякого сомнения, городище было связано с аналогичными поселениями по реке Кирпили (М. Ромбит) и по северному рукаву Кубани (Псатий)¹⁰⁸.

Локализация трех топонимов на отрезке между реками Варданом и Малым Ромбитом позволяет наметить, хотя бы в общих чертах, конфигурацию береговой линии в этом месте в античный период. На месте современных кубанских плавней, по-видимому, была обширная морская лагуна, особенно глубоко вдающаяся в берег где-то в районе современного хутора Забойский, где была расположена Матета. Затем

береговая линия постепенно повышалась по направлению к современному Приморско-Ахтарску, где в южной части Ахтарского лимана был расположен город Геруса (городище Терноватый Редант). Интересно в этой связи еще раз вспомнить сообщение Страбона об этом районе: «Затем, на расстоянии еще восьмисот стадиев — меньший Ромбит и мыс также с рыбными ловлями, но меньших размеров» (Страбон, XI, 2, 4). Если предложенная нами реконструкция береговой линии верна, то в районе Приморско-Ахтарска в античный период существовал мыс, по своей конфигурации напоминающий мыс Долгой косы. В этом случае именно он имелся в виду Страбоном в сравнении с большим мысом у Большого Ромбита, в то время как в «Географическом руководстве» Птолемея под Аксабетийской косой понимается мыс Долгой косы.

Определенным подтверждением предложенной нами версии локализации топонимов в междуречье Вардана и Малого Ромбита может служить сравнение суммы расстояний между ними с прямым расстоянием между устьями рек. В обоих случаях оно составляет около 102 км (101,9 км и 102,2 км).

Локализация топонимов, расположенных на карте Птолемея к северо-востоку от устья реки Малый Ромбит, существенно осложнена тем, что их пространственное положение явно нарушено. Координаты города Азара и устья реки Теофаний по отношению к устью реки Большой Ромбит практически не выходят за рамки Ейского лимана и мысы Долгой. Если существование здесь в античное время города еще можно допустить, то наличие здесь устья какой-либо реки явно нереально. Ранее мы уже предположили, что в этом месте наложено друг на друга разных источников, однако в объяснении этого факта мы исходили из наличия двух морских путей к Тавансу — каботажного и прямого. Общим ориентиром для них являлась Аксабетийская коса (коса Долгая). Совмещение краткого и полного периплов привело к тому, что в компиляции Птолемея картина в этом месте оказалась как бы перевернутой¹⁰⁹. Между тем изменение положения относительно друг друга коснулось только Аксабетийской косы и устья реки Малый Ромбит, и, что особенно важно, помимо периплов в распоряжении информатора Птолемея была широтная, отражавшая сухопутную дорогу, вероятно, также от Таванса. В этом случае топонимы в междуречье Малого и Большого Ромбитов занимают свое действительное место. Нарушены лишь крайние расстояния: между устьем Малого Ромбита и г. Азара, с одной стороны, и устьями рек Теофаний и Большой Ромбит, с другой. Между устьями реки Теофаний и реки Большой Ромбит

исчезла Аксабетийская коса, что привело к сближению этих рек между собой на карте Птолемея. С другой стороны, Аксабетийская коса оказалась за устьем Малого Ромбита, что привело к сближению между собой Малого и Большого Ромбитов. Расстояние между ними (51 км) соответствует расстоянию между Ейским лиманом и косой Долгой при объезде ее по морю. Оставшаяся часть от косы Долгой к Актарскому лиману (76,7 км) вынесена на карте Птолемея за пределы этого участка. Расстояние же между устьем Большого Ромбита и Аксабетийской косой тогда в действительности соответствует отрезку сухопутной дороги в сторону Малого Ромбита (66,7 км), а расстояние между устьями рек Большой Ромбит и Теофаний (10,8 км) — ширине Ейского лимана. В этом случае река Теофаний приближена к Большому Ромбиту примерно на 56 км. С другой стороны, как мы убедились ранее, устье Малого Ромбита по отношению к устью Аттикита своего положения на карте Птолемея не изменило. Отсюда следует, что к Большому Ромбиту были приближены только г. Азара и устье реки Теофаний, расстояние же между г. Азара и устьем реки Малый Ромбит должно было быть адекватно увеличено на 56 км. Однако в «Географическом руководстве» эти топонимы разделяет всего 31 км. Это явилось следствием, с одной стороны, переноса Аксабетийской косы, что привело к сокращению расстояния на 76,7 км, а с другой стороны, сближения рек Теофаний и Большой Ромбит, что привело к увеличению отрезка «Малый Ромбит — г. Азара» на 56 км. Полученный в результате 31 км включает в себя разницу (20,7 км) и действительное расстояние между этими пунктами (10,3 км).

Итак, именно в районе Аксабетийской косы (косы Долгой) по Восточному Приазовью на карте Клавдия Птолемея осуществлена компликативная стыковка имеющихся в его распоряжении (или же в распоряжении его информатора) морских периплов (прямой и каботажный путь) и периплэсы сухопутных дорог. Так же как и везде в подобных случаях, это привело к существенному искажению картины данного участка. Проведенный анализ позволяет определить реальное пространственное местоположение оказавшихся в компликативной связке топонимов — города Азара и устья реки Теофаний — к югу от косы Долгой. Указанные между ними расстояния делают возможным их соотнесение с конкретными объектами.

Город Азара. Сведения о нем содержатся только в «Географическом руководстве» Клавдия Птолемея (Ptol., V, 8, 3). Попытки локализации этого города преимущественно основаны на сходстве звучания

с наименованиями других авторов. Так, в примечании к переводу П. И. Прозорова город Азара сопоставляется с одноименным пунктом, упомянутым у Страбона (Strabo, XI, 14, 3) и локализуемым в Армении. Впрочем, здесь же подчеркивается, что «отождествлению не поддаются»¹⁰⁹. Н. И. Сударев соотносит этот город с городом Азарбой, упоминаемым тем же Птолемеем по Малому Ромбиту (Ptol., V, 8, 26), хотя особо на этом и не настаивает¹¹⁰. Наша точка зрения о локализации города Азара в Восточном Приазовье остается неизменной¹¹², а несколько иной взгляд на характер описания этого района в «Географическом руководстве» делает ее лишь более обоснованной. Что касается соотнесения города Азара с конкретным археологическим памятником, то полученное расстояние от устья Малого Ромбита приводит нас в район современного города Приморско-Ахтарска, где расположены два городища, синхронные городищу Терноватый Редант, что расположено на противоположном берегу Ахтарского лимана, с которым мы отождествляем Герусу. Какое из этих двух поселений носило название Азара, без тщательного археологического исследования сказать трудно. Однако в силу приморского положения города Азара городище Приморско-Ахтарское I выглядит предпочтительнее.

Устье реки Теофаний. В отличие от г. Азара, этой реке повезло больше. Ее никто нигде не пытался переносить, и разница в локализации состояла лишь в том, с какой именно рекой Восточного Приазовья ее следовало бы отождествить — с рекою Бейсут или Есй¹¹³.

Кроме Птолемея, название этой реки упоминается у Аммиана Марцелина (Amm. Marc., XXII, 8). Наши расчеты (расстояние между г. Азара и устьем реки 10,8 км) позволяют говорить, что в качестве устья реки Теофаний назван современный Бейсугский лиман, однако какая из двух впадавших в нее некогда речек — Бейсуг или Челбас — носила в древности такое название, сказать пока невозможно.

Локализация оставшихся трех топонимов, помещенных в «Географическом руководстве» между устьем реки Большой Ромбит и устьем реки Танаис, территориально связана с районом Таганрогского залива.

Панаирдис. Этот пункт отмечен только на карте Птолемея (V, 8, 2). В примечании к переводу П. И. Прозорова он локализуется у города Кагальник¹¹⁴. Мы считали возможным отождествление Панаирдиса с Подазовским городищем, расположенным в этом же районе¹¹⁵. Однако подобная локализация предполагает весьма существенный допуск, хотя и в интервале допустимой S' погрешности. Между тем Панаирдис в «Географическом руководстве» назван после восточного устья Та-

нанса, которое, как мы выяснили, соответствует в действительности северному, т. е. Мертвому Донцу. Тогда же мы высказали предположение, что, возможно, отдельные топонимы северного побережья Таганрогского залива из-за этого могли оказаться на южном берегу. Если предположить, что случай с Панаирдисом именно такой, то его следует локализовать в районе Таганрога, причем это не противоречит расстоянию как со стороны г. Танаис (31 км), так и со стороны Большого Ромбита (Ея).

Такое положение Панаирдиса кажется тем более предпочтительным, что южное побережье между дельтой Дона и Ейским лиманом при плавании как к Танаису, так и от него не играло сколько-либо существенной роли (по крайней мере такой, чтобы указывать здесь целых три топонима). Более того, корабли, скорее всего, вовсе миновали его, направляясь напрямую к северному побережью. А в этом случае значение Таганрогского мыса, и с точки зрения лодки, и с точки зрения стратегического контроля (т. е. обороны), чрезвычайно велико.

Трудно сказать, какой именно статус имел Панаирдис. Возможно, это был населенный пункт или город. Возможно, это — название мыса. Во всяком случае, район этот не был безлюден. Уже в VI в. до н. э. здесь был эмпорий, известный в литературе под названием «Каменная лестница»¹¹⁴. В эллинистическое время немного западнее Таганрога известно поселение Золотовское¹¹⁵. Поселений римского времени здесь как будто бы не обнаружено, однако они могли находиться и непосредственно на месте современного Таганрога и к настоящему времени, возможно, полностью уничтожены в результате антропогенного воздействия.

Устье реки Марубий. Кроме Птолемея, сообщающего координаты устья этой реки (Ptol., V, 8, 2), Марубий упоминает Аммиан Марцеллин, правда, в несколько измененном варианте «*Marabius*» (Ambr. Marc., XXII, 8). Отождествляется эта река либо с рекой Кагальник, либо с Манычем¹¹⁶.

Устье реки Марубий и Панаирдис на карте Птолемея разделяют примерно 22,3 км. На северном побережье наиболее близко расположен Миусский лиман, однако допуск слишком велик. Зато строго напротив расположено устье реки Кагальник, отстоящее от предполагаемого места локализации Панаирдиса практически на это расстояние. Аналогично в район Кагальника мы попадаем и от г. Танаис (Недвиговское городище), если исключить из расстояния между ним и устьем реки Марубий ошибочно перенесенное на южное побережье

Таганрогского залива расстояние между г. Тананс и Панаирядсом (52,9 км – 31 км = 21,9 км). По-видимому, именно эта река в античное время имела название Марубий.

Патарва. Это наименование известно только из «Географического руководства» (Ptol., V, 8, 2). Наша прежняя локализация вытекала из территориального местоположения всех трех топонимов, включая Панаирядс, на южном побережье Таганрогского залива. Исходя из этого, местоположение Потарвы определялось в районе Чумбур-Косы, а ее статус определялся как мыс¹¹⁹. Новая версия локализации Панаирядса предполагает и иной подход к определению местоположения Патарвы.

На карте Птолемея эти топонимы разделяют 30' широты, что соответствует 16,2 км. К западу от устья Кагальника как будто бы ничего примечательного нет. К тому же мы уже отмечали, что вряд ли этот отрезок побережья был интересен с точки зрения мореплавания. Зато к северо-западу, по направлению к дельте Дона, расположено Подзвонское городище. Возникло оно в I в. до н. э. и существовало по крайней мере до III в. н. э. Городище было огорожено валом, вдоль которого вплотную к нему располагался ряд жилищ, подквадратных в плане, с округленными углами. Пол глинобитный, стены камышовые. Высота стен достигала 2,5 м. Между жилищами находились узкие метровые проходы. Перед домами проходила «улица» шириной 5 м, на которую выходила тыльная сторона следующего ряда домов и на которой перед жилищами рыли ямы различного назначения — зерновые, рыбозасолочные, погребя и просто мусорные¹²⁰. Потарва, Панаирядс и рассмотренные ранее Экополь и Наварис входили в так называемую Донскую группу, тесно связанную с античным миром через Тананс. Именно эта ситуация первых веков н. э. и отражена в «Географическом руководстве» Клавдия Птолемея применительно к Нижнему Дону.

Локализация топонимов по юго-восточному побережью Азовского моря позволяет вернуться к вопросу определения местоположения устья реки Порит и деревни Кария.

Устье реки Порит было расположено к северо-востоку от современного Бердянска, где мы помещаем г. Гигрен. Несмотря на то что его координаты по долготе соответствуют на юге Таманскому полуострову, территориально этот район входит в тот участок Меотиды (Азовского моря), где действуют параметры пятой зоны (м. Киммерий — Аксабетийская коса). В этом случае местоположение реки Порит определяется по первому варианту, т. е. ей соответствует современная река Кальмнус.

Деревня Кария. Однако тогда район локализации этой деревни определяется севером Таганрогского залива, где действуют уже другие параметры (напомним, что Таганрогский залив существенно вытянут на карте Птолемея). При величине 1° по долготе 0,51 км, а по широте — 0,54 км деревню Кария и устье реки Порит разделяют 22,3 км. Это приводит нас в район современного населенного пункта Широкино, что к востоку от Жданова. Район археологически изучен слабо, однако, скорее всего, именно здесь была расположена деревня Кария.

Если предложенная нами локализация населенных пунктов и прочих географических топонимов по северному побережью Меотиды верна, то объезд Азовского моря должен сомкнуться в районе Панардиса, т. е. в районе современного Таганрога. Расстояние между деревней Кария и Панардисом по нашим расчетам определяется в 76,5 км (150' долготы), и это довольно близко к действительному расстоянию между местами предполагаемой локализации этих пунктов.

В заключение обзора основных топонимов по северному и северо-восточному побережью Азовского моря обратимся еще раз к Меотийским рекам Геродота. В отношении Герра (р. Молочная) и Танаиса (Дона) как будто бы все ясно. Не вызывает сомнения и соотношение реки Лих с рекой Обиточная. Остаются две — Оар и Сиргис.

Река Оар. Идентификация р. Оар тесно связана с решением вопроса о маршруте и пределах продвижения похода персов. Эта проблема выходит за рамки нашего исследования, поэтому мы ограничимся лишь определением ее местоположения, по крайней мере в варианте именно Меотийской реки.

В современной историографии широко распространено отождествление р. Оар с Волгой¹²¹. Указание Геродота на то, что Оар впадает в Азовское море, объясняется неверным заключением самого Геродота. Так, Ф. Г. Мищенко полагал, что это мнение Геродота связано с тем, что путь скифских купцов с востока на запад шел от Волги к Дону и Азовскому, а не Каспийскому морю¹²². Аналогично Р. Хеннинг считает, что это объясняется «тем, вонятным из-за сообщений по перешейку у Царицына заблуждением, что могучая река, по которой купцы добиваются до Урала, относится к бассейну Черного моря»¹²³.

Отождествление Оара с Волгой не является общепринятым. Так, Г. Шрамм считает, что использованный Геродотом источник, хотя и содержал подробные данные о народах и условиях их обитания, мало что говорил относительно рек. Вследствие этого стало возможным дополнить получившуюся картину гидрографической информацией,

происходившей из совершенно других источников. В случае с Оаром Геродот, как видно, локализовал по догадке не только истоки, но и устье реки¹²⁴. Это замечание Г. Шрамма весьма интересно, и мы вернемся к нему еще раз несколько позже. Сам исследователь делает довольно неожиданный вывод об отождествлении Оара с Днепром, считая, что «сам Геродот дал фонетически идеальную транскрипцию названия реки, услышанного им из уст скифского информатора, — "Oapoc, вместо того чтобы дать его перевод через уже закрепившееся в греческом названии Βορυσθίνης»¹²⁵.

Б. А. Рыбаков отождествляет Оар Геродота с р. Агар Клавдия Птолемея и соотносит его с р. Корсак, что впадает в Азовское море к северо-востоку от р. Молочная. При этом он замечает, что «отождествление реки Оар с Ра—Волгой делало совершенно бессмысленным рассказ о скифском походе Дария и ставило под сомнение достоверность сведений Геродота вообще. Если же учесть координаты Птолемея, то геродотовский текст о походе 512 г. (...) получает четкое и вполне реальное истолкование: основное войско царя углубилось в Скифию не более чем на 20—25 дней пути, что вполне укладывается в сроки, указанные Геродотом»¹²⁶.

Наша версия локализации р. Оар также предполагает достоверность сообщения Геродота о впадении ее в Меотийское озеро (Азовское море). Однако, в отличие от Б. А. Рыбакова, мы соотносим р. Агар Птолемея с р. Лозоватка и, если принять версию о тождественности Оара и Агара, то именно эта река, упомянутая Геродотом в перечне Меотийских рек, должна была в древности носить название Оара. Между тем, как мы уже отмечали, в перечне рек р. Лик предшествует Оару, и потому в предложенной нами локализации р. Агар (р. Лозоватка) и реки Лик (р. Обиточная) такое отождествление становится невозможным. Однако обе эти реки связаны с районом Кремня, о которых Геродот был осведомлен достаточно хорошо, и, скорее всего, сведения о реках Лик и Оар он получал именно в связи с этим. Поэтому еще раз вернемся к замечанию Г. Шрамма об автономности гидрографической информации по отношению к рассказу о походе Дария. Если это так, что вполне вероятно, — ничем, кроме можно объяснить, что ни одна из этих рек не названа при описании крупнейших рек Скифии, а Танаис упомянут здесь повторно и без каких-либо комментариев (Herod., IV, 123), — то последовательность перечисления рек связана с тем, каким маршрутом следовать: с запада на восток (тогда р. Агар будет первой, а р. Лик второй) или с востока на запад (тогда, напротив, первой будет р. Лик, как

это и представлено у Геродота). Таким образом, противоречие снимается, и отождествление рек Оар и Агар становится вполне возможным.

Река Сиргис. Относительно локализации этой реки в литературе существуют различные точки зрения. Если ее не отождествляют с Гиргисом, который Геродот определяет как приток Танаиса (Herod., IV, 57), то соответственно этому определяют и положение Сиргиса. Ф. Брун, полагавший, что у Геродота упомянуты Танаис Скифский (р. Молочная) и Танаис тиссагетский (р. Миус), считал, что р. Сиргис могла соответствовать Северному Донцу с нижним течением Дона, т. е. Танаису Птолемея (Ptol., III, 5, 10) и Плиния (NH, VI, 49)¹²⁷. Л. А. Ельницкий считает, что название реки Сиргис может быть сопоставлено со скифским названием реки Яксарт, которую скифы, согласно Плинию (NH, VI, 49), также называли Силис, что перекликается с ее современным названием Сырдаря¹²⁸.

Если же Сиргис и Гиргис рассматриваются как одна и та же река, то ее отождествление с одним из притоков Дона становится однозначным. Штейн полагал, что в обоих случаях речь идет о притоке Дона, вероятно о Донце¹²⁹. Аналогичной точки зрения придерживается и Г. Шрамм¹³⁰. Б. А. Рыбаков, исходя из того, что под Танаисом следует понимать Северский Донец, относит имя Сиргис к Среднему Дону, «впадающему» в Танаис, допуская, впрочем, и возможность отождествления его с Чиром, правым притоком Дона, считая его название лингвистически близким к Сиргису¹³¹. В противоположность этому, М. Кисслинг, соглашаясь с тем, что Сиргис и Гиргис — одна и та же река, в то же время считает, что именно определение ее как притока Танаиса сделано Геродотом ошибочно. Река Сиргис (Гиргис) находилась, по его мнению, к западу от Дона. Сопоставляя это название с городом Гиррек Птолемея, который локализуется у Миусского лимана, М. Кисслинг соотносит с Сиргисом одну из впадающих в него речек — Миус или Крынку. Объяснением же указанию Геродота на статус Гиргиса как притока Танаиса служит, по мнению М. Кисслинга, то обстоятельство, что древние рассматривали все Азовское море как расширенное до огромных пределов продолжение Дона, а реки, впадавшие в Азовское море, могли считаться и притоками Дона¹³².

Локализация, предложенная М. Кисслингом, совпадает с нашей версией, однако обоснование для нее мы предлагаем другое.

Все четыре перечисленные Геротом реки связаны с двумя районами наиболее раннего проникновения греков в Северное Приазовье. Две — Оар и Лик — с районами Кремн, а две — Танаис и Сиргис —

с районом Нижнего Дона. По археологическим данным здесь и особенно в Подоенье импорт греческих предметов проникает даже много далее вглубь материка уже во времена, когда из греческих колоний в Северном Причерноморье существовало лишь поселение на острове Березань¹²³. К этому же выводу приходит и Г. Шрамм на основе анализа лингвистического материала и письменных источников¹²⁴. Если в описании рек в окрестностях Кремн Геродот или его информатор следуют с востока на запад, то, по-видимому, аналогично перечислены реки и в районе Нижнего Дона, т. е. вначале — Танаис, а затем — Сиргис. Соединение двух этих информаций и привело к той последовательности в перечислении рек, что присутствует у Геродота.

Сравнение сведений Геродота с информацией Клавдия Птолемея как будто бы указывает на те же два района проникновения греков в Северную Меотиду. Правда, между ними обозначены еще три топонима: город Гигрен, река Порит и деревня Кария. Впрочем, город Гигрен, по нашей локализации, в районе Бердянска, вполне может быть отнесен к первому очагу греческой колонизации, а деревня Кария — ко второму. Что касается сходства в наименованиях рек с отдельными городами у Птолемея, то нам кажется более вероятным сопоставление Сиргиса с упомянутым в «Географическом руководстве» Панаиридсом, в наименовании которого, возможно, слышны отголоски древнего названия протекавшей рядом реки Мнус. Поскольку река Крынка является притоком Мнуса, то именно последний и следует отождествлять с Сиргисом Геродота. При этом, вероятно, Сиргис и Гиргис суть одна и та же река. В этом случае можно принять объяснение М. Кисслинга, однако путаница в пространственном соотношении рек и в их взаимосвязи у Геродота — не столь уж редкое явление (Herod., IV, 54 и IV, 47; IV, 55; IV, 56), а потому упоминание Гиргиса в качестве притока Танаиса может быть и простой ошибкой.

Обратимся теперь к информации Клавдия Птолемея о городах, расположенных на реках, впадающих в юго-восточную часть Меотиды (Азовского моря) — на Малом Ромбите, Пестии и Вардане.

Азараба. На карте Птолемея этот населенный пункт назван по Малому Ромбиту под координатами 70° долготы и 50°30' широты (Ptol., V, 8, 26). Мюллергофф считает это наименование, подобно приморской Азаре, иранским по происхождению, на основании наличия одноименного пункта в Сузане¹²⁵. Мы соотносили Азарабу с одним из городищ у станции Степной (Степное 1—3) на реке Каринль¹²⁶.

Локализация населенных пунктов по рекам осложнена тем, что неясно, какую точку использовал Птолемей в качестве опорной при отсчете расстояний от устья той или другой реки до городов, расположенных по ней. Особенно актуальна эта проблема в столь сложных районах, как Кубанские плавни. Поэтому во всех подобных случаях предпочтительнее вести отчет от расположенных поблизости приморских городов, тем более что по большей части эти города были связаны с глубинной сетью дорог. В ситуации по М. Ромбиту таким приморским городом, на наш взгляд, может служить г. Азара.

Эти населенные пункты в «Географическом руководстве» разделяют 53,3 км, что очень точно указывает на последнее в цепочке городищ по реке Кирпиль — городище Ново-Джерелневское 1, которое, вероятно, и носило в древности название Азараба.

Отождествление Азарабы с Ново-Джерелневским 1 городищем позволяет ответить на вопрос, какое именно место по реке Кирпиль в данном случае служило точкой отсчета. Расстояние от Азарабы до устья Малого Ромбита составляет 30,6 км, что приводит нас в район лимана Сингили, где, по-видимому, и было устье реки Малый Ромбит. Таким образом, при плавании вдоль побережья в качестве устьев рек могли восприниматься и лиманы, в которые эти реки впадали, а при движении по суше — места впадения этих рек в лиманы. Возможно, именно этим объясняется запутанность компиляции Птолемея в этом месте. Морской перипл сообщил расстояние между г. Азара и устьем Малого Ромбита — 10,3 км, в то время как периптеза указывала на 31 км. Аналогично и по устью реки Теофаний: сохраненные в тексте 10,8 км до г. Азара — это расстояние от Бейсугского лимана, в то время как действительное расстояние между устьем Б. Ромбита и устьем реки Теофаний (66,7 км) соответствует отрезку пути от места впадения Ея (Большой Ромбит) в Евский лиман до места впадения реки Бейсуг в Бейсугский лиман.

Таким образом, в выборе того, какую из двух рек, впадавших в Бейсугский лиман, — Бейсуг или Челбас — можно отождествлять с рекой Теофаний, предпочтение следует отдать первому.

Авхида. Этот населенный пункт, помещенный Птолемеем по реке Пситий, также известен только по координатам на его карте (Ptol., V, 8, 27). Томашек сопоставляет его с современным именем Аух (название черкесской крепости на реке Фарн — притоке Лабы)¹²⁷. Мы помещали Авхиду на реке Протока, напротив станицы Красноармейская¹²⁸. Версия Томашека явно идет вразрез с данными Птолемея и основана

исключительно на сходстве в звучании двух наименований. Наша локализация опиралась на расчеты от устья Псатия, а это, как говорилось выше, может привести к определенным неточностям при определении местоположения пунктов, расположенных на реке.

По аналогии с Азарабой попробуем определить место расположения Авхиды, сопоставив его с координатами другого приморского города, находившегося в южной части Ахтарского лимана, — Герусы.

На карте Птолемея эти населенные пункты разделяет 41,4 км. Если под Псатием понималась современная Протока, то это приводит нас к уже знакомому хутору Забойскому, в районе которого локализуется Матета. Если же название Псатий носил Ангелинский ерик, то полученное расстояние указывает на район станции Новониколаевской. Можно предположить, что городища по реке Малый Ромбит были связаны сообщением с населенными пунктами по Псатию. В этом случае местоположение Авхиды должно быть определено там, где сойдутся расстояния от города Герусы и Азаробы. Расстояние между последней и Авхидой — 33,8 км. Точка, где оба расстояния сходятся, — район станции Новониколаевская. Однако это входит в противоречие с предложенной нами локализацией Матеты и устья реки Псатий. Расстояние между Матетой и Авхидой — 63,5 км, а от устья реки Псатий Авхида отстоит на 46,4 км. Таким образом, если Авхида была расположена в районе современной станции Новониколаевской, то устье Псатия должно быть локализовано где-то в районе поселка Слободка, недалеко от места впадения в море Протоки, а Матета — значительно ближе к устью Вардана. Иных вариантов, где все эти расстояния сходятся в одной точке, кроме станции Новониколаевской, нет. В то же время на участке побережья между устьем Малого Ромбита и устьем Вардана действуют параметры пятой зоны, адекватные Западному Приазовью (иначе пропорция Местиды были бы нарушены, а это не в правилах Птолемея). Единственная возможность устранить возникшее противоречие — это предположить, что ближайший к устью Вардана пункт располагался не к северо-востоку от него, а на одной с ним широте или даже немного к юго-востоку. Иными словами, Матета на карте Птолемея располагалась в месте, где побережье круто поворачивало к северу. Если это так, то на отрезке «устье реки Вардан — Матета» должны действовать параметры Таманского полуострова, адекватные параметрам городков глубинки и топонимам Тагаирогского залива, т. е. 1' по долготе здесь равна 0,51 км, а 1' по широте — 0,54 км. Исходя из этого, расстояние между устьем реки Вардан и Матетой со-

ставляло 31 км, что приводит нас в район лимана Войсковой. Где-то здесь, вероятно, проходила древняя береговая линия, и где-то здесь находилась Матета. В соответствии с такой локализацией Матеты, устье реки Псатий было расположено в районе поселка Слободка (38 км от Матеты) и может быть отождествлено с современным рукавом Кубани Протокой. Геруса же очень точно локализуется на городище Терноватый Редант, где мы помещали его и прежде.

При таком варианте Авхида должна быть локализована где-то в районе ст. Новониколаевской, на Ангелинском ерике, а под рекой Псатий в античное время понималось нижнее течение современной Протоки и Ангелинский ерик. Возможно, что тогда среднего течения Протоки не было, этот рукав был менее значительный и основная масса воды шла по Ангелинскому ерику. Береговая линия в районе современного лимана Войсковой круто поворачивала к северу и проходила, вероятно, по внутреннему краю Кубанских плавней к устью Псатия (Протока — Ангелинский ерик), немного поворачивая затем к Герусе (городище Терноватый Редант). Ачуевской косы, а также сети лиманов Пригибский — Красный в античное время, вероятно, не было, как отсутствовал и современный Кирпильский лиман. Судя по всему, на месте Кирпильского лимана была суша, и береговая линия, не врезаась глубоко в материк, выходила мимо города Геруса к современному Приморско-Ахтарску, где располагался город Азара. Между двумя этими городами находилось устье Малого Ромбита (р. Кирпиль). Выше г. Азара, к северу, выходило устье реки Теофаний (р. Бейсуг). Далее шла Аксабетийская коса (коса Долгая) и устье реки Большой Ромбит (о. Ев).

Как уже отмечалось, территория, в которую входит станция Новониколаевская, археологически изучена недостаточно. В то же время обнаружение культурного слоя при прокладке оросительной системы у хутора Забойский, открытие Красноармейского поселения III—II вв. до н. э. и наличие культурного слоя на глубине одного с лишним метра в районе станции Старонижестебневская свидетельствуют о том, что район этот не был пустынным, тем более что его традиционно соотносят с дандариями, которые в событиях I в. до н. э. на Боспоре играли заметную роль¹³⁹. Определенным подтверждением нашей версии сообщения между городищами по рекам Малый Ромбит (Кирпиль) и Псатий (Ангелинский ерик) служит цепочка курганов, протянувшаяся от Ново-Джерепневского I городища (древняя Азараба) к району современной ст. Новониколаевской и далее к Красноармей-

скому городищу ¹⁴⁰. Дальнейшее направление дорог, вероятно, связано уже с населенными пунктами по Вардану (Кубани).

Скопел. Первый из пяти населенных пунктов, названных в «Географическом руководстве» по Вардану (Кубани). К. Кречмер локализует его у устья Кубани, а само наименование сопоставляется с современным местным наименованием Копыл (ст. Копыльская) ¹⁴¹. Наша версия предполагала отождествление Скопела с Семибратним городищем ¹⁴².

Точное определение местоположения населенных пунктов по Вардану осложнено двумя обстоятельствами. Во-первых, плотностью расположенных здесь меотских городищ. Во-вторых, отсутствием достаточно точно определенного приморского пункта, от которого можно было бы начать движение (Тирамба в этом качестве не может быть использована, т. к. относится к другому источнику). Поэтому мы воспользуемся в качестве опорной точки координатами Азарабы (городище Ново-Джерельневское I), так как именно от нее, по-видимому, разветвлялись дороги: одна шла к Скопелу, а вторая — к центру меотских поселений на Кубани. По нашим расчетам, Скопел и Азарабу разделяли 101,5 км. Это приводит нас в район поселка Красный Октябрь (Семибратнее городище на противоположном берегу Кубани). Так как большинство меотских городищ расположено именно на правом берегу Кубани, то логично будет предположить, что и сообщение между ними также осуществлялось по этому берегу. Поэтому более предпочтительным, на наш взгляд, было бы отождествление Скопела с городищем Красный Октябрь I, отмеченным на карте Я. М. Паромова ¹⁴³. Судя по приведенной у него же таблице, это городище возникло в период эллинизма и существовало непрерывно по XII—XIV вв. ¹⁴⁴ Такое постоянство говорит о многом. Вероятно, именно это, а не Семибратнее, как мы полагали ранее, городище носило название Скопел.

Локализация Скопела позволяет уточнить, где в то время было расположено устье реки Вардан или, по крайней мере, какая точка обозначена в качестве таковой. От Скопела устье Вардана, по нашим расчетам, отделяют всего 10,8 км (20' по широте) (Ptol., V, 8, 5 и V, 8, 28), что указывает на район Курчанского лимана. Здесь находилось устье Вардана по Птолемееву или то, что понималось под ним при движении по суше.

Суруба. Следующий за Скопелом населенный пункт также известен только из «Географического руководства» Клавдия Птолемея (Ptol., V, 8, 28). К. Мюллер локализует его на притоке Кубани Ангале близ Краснодара ¹⁴⁵. Мы предположительно отождествляли с Сурубой городище Елизаветинское-I ¹⁴⁶.

Скопел и Сурубу разделяют на карте Птолемея 122,9 км, что приводит нас к так называемой Краснодарской группе меотских городищ. Здесь, на правом берегу Кубани, в позднемеотский период (вторая пол. I в. до н. э. — III в. н. э.) существовало более 20 городищ. Плотность их размещения не позволяет однозначно ответить, какое из них носило наименование «Суруба», однако наиболее вероятно, что это было одно из городищ между Краснодаром и Пашковским (Пашковские 1—6)¹⁴⁷. Именно в этот район ведет и цепочка курганов от Азаравы, которую отделяют от Суруба 93 км, что опять-таки указывает на группу Пашковских городищ.

Корусия. Координаты этого населенного пункта на карте Птолемея — 73°40' долготы и 48°30' широты (Ptol., V, 8, 28). Маннерт локализует Корусию у станицы Усть-Лабинской¹⁴⁸. А. И. Соболевский отождествляет Корусию с г. Геруса и помещает ее где-то в северном устье Кубани¹⁴⁹. Наша локализация предполагает соотношение Корусии со Старокорунским городищем¹⁵⁰.

Корусию и Сурубу разделяют 51,3 км. Это расстояние приводит нас к Усть-Лабинской группе меотских городищ. В настоящее время в ней 30 городищ и одно поселение позднемеотского времени. Большинство городищ, притом наиболее крупных, расположено на краю правого коренного берега Кубани. От Краснодарской группы Усть-Лабинскую отделяет незаселенный участок протяженностью 13 км¹⁵¹. Вероятно, что название «Корусия» носило одно из городищ в окрестностях современного Усть-Лабинска. Наиболее крупное среди них городище — Усть-Лабинское I. Возможно, с ним и следует отождествить Корусию.

Эбриапа. Известный только по сообщению Птолемея (Ptol., V, 8, 28), этот населенный пункт локализуется Маннертом у ст. Кавказской¹⁵². Наша прежняя версия — городище Усть-Лабинское I¹⁵³.

Расстояние до Эбриапы от Корусии составляет 51 км. Это приводит нас к группе городищ у ст. Казанской. Наиболее крупным среди них является городище Казанское-3. Возможно, это и была древняя Эбриапа. Интересно, что вблизи этого места начинается Бейсуг (по нашей версии, р. Теофаний).

Серака. Последний населенный пункт по реке Вардан. Его координаты на карте Птолемея — 77° по долготы и 48°40' по широте. Маннерт определяет его местоположение в верховьях реки Кубани у станицы Прочной¹⁵⁴. Мы локализовывали Сераку у станицы Казанской, отождествляя с ним городище Казанское-3.

Расстояние между Эбриной и Серакой составляет 100' по долготе и 10' по широте, или 51,3 км, что указывает на район, где течение Кубани резко меняет свое направление с широтного на долготное. Последнее из известных здесь городищ — Темнижбекское 3, затем до ст. Прохорокопской следует перерыв. Однако, как отмечает И. С. Каменецкий, «в промежутке между указанными станинами городища отсутствуют только из-за того, что здесь не проводилось разведок»¹²². Примерно в этот же район приводит и расстояние между Азарабой и Серакой (222,3 км), если следовать через Корусию (район Усть-Лабинска). Видимо, где-то в верховьях реки Кирпили (Малый Ромбит) дорога от Азаробы делилась: одно направление вело к Сурубе (Краснодарская группа меотских городищ), а другое — к Корусии (Усть-Лабинская группа меотских городищ).

Позднемеотские городища второй половины I в. до н. э. — III в. н. э. практически все имеют «дятадели» — небольшой, хорошо укрепленный участок, обычно возвышающийся над остальными частями поселения. Для городищ правобережья Кубани характерна высокая степень плотности застройки. Так, ко II в. н. э. общая площадь городищ Усть-Лабинской группы достигает 1 237 797 кв. м. По расчетам И. С. Каменецкого количество одновременно проживающих здесь достигало 62 тыс. человек¹²⁶. Возможно, в «Географическом руководстве» отмечены отдельные крупные центры меотских племен, соединенных между собой сетью дорог. Однако не исключено, что перечисленные названия относятся не к одному, а к группе городищ, рассматриваемых как единое целое.

В археологическом плане лучше изучена Краснодарская группа, где ведутся раскопки. Однако собственно городищ копается мало, в основном исследуются могильники. Усть-Лабинская группа известна по результатам разведок. Судя по собранному материалу, жизнь на городищах прекратилась не позднее середины III в. н. э.

Итак, несмотря на то что сведения о Северном и Восточном Приазовье сохранились в изложении значительно меньшего количества авторов, чем по другим регионам, картина, полученная нами в результате анализа этих источников, достаточно полная.

Северное Приазовье известно нам по описанию Геродота и Птолемея. Довольно высокая степень сходства перечисленных топонимов допускает вероятность того, что сведения эти относятся к одному и тому же времени — времени начальной колонизации греками этого района. Подтверждением этому служат и наименования некоторых на-

селенных пунктов, в частности, деревня Кария. Ведь именно карийцев Плиний называет первыми в числе владельцев окрестностей Танаиса (Plin., NH, VI, 20). В то же время топонимы севера Меотиды у Птолемея связаны единством сообщения с Европейским и Азиатским Боспором, а время существования поселения, отождествляемого с Кремнями, включает и римский период. Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что Панардис, явно связанный как с городищами Нижнего Подонья, так и с морским периллом вдоль северного побережья Меотиды (на это, в частности, указывает адекватность координат Птолемея действительному расстоянию между этими пунктами), оказался на карте Птолемея оторванным от цепочки топонимов Северного Приазовья, в то время как его связь с районом Танаиса бесспорна. Ясно, что район Кремня, так же как и район Танаиса, играл важнейшую роль в контактах греков с варварским миром как во времена Геродота или даже значительно раньше, так и в римское время. Поэтому решить однозначно, как во временном плане соотносятся сведения Геродота и Птолемея по северу Меотиды, без тщательного археологического исследования имеющихся здесь памятников, на наш взгляд, невозможно.

Особенностью сведений Птолемея по северу Меотиды является то, что они носят исключительно приморский характер. По-видимому, это отражает суть греческого проникновения в этот район, которая оставалась неизменной на протяжении всего античного периода. Греки не стремились проникнуть вглубь материка, ограничиваясь прибрежной полосой, где и происходил обмен с варварами. Это вполне соответствует тому, что север Меотиды на протяжении всего этого периода был местом обитания кочевников.

Сообщение между югом и севером Меотиды осуществлялось, по крайней мере, из двух точек по направлению к Кремням: со стороны Крыма от Акры (Казантип—Восточный) и со стороны Тамани, вероятно, от Ахидлия при устье Боспора или из какого-то пункта рядом с ним. Причем через Акру с Кремнями был связан не только Боспор, но и Западный Крым. От Кремня морской путь шел к Танаису вдоль северного побережья. Промежуточными пунктами на этом пути был г. Гигрен и деревня Кария.

Что касается того, было ли сообщение с Ольгией через Перекопский перешеек, то, вероятнее всего, на это можно ответить утвердительно. Однако столь же утвердительно можно констатировать, что в «Географическом руководстве» Клавдия Птолемея эта дорога не от-

ражна, так как координаты топонимов Ольвийского района и координаты топонимов севера Меотиды совершенно не адекватны действительному расстоянию между ними. Напротив, первые связаны с Херсонесом Таврическим в его северо-западной части, а вторые — с территорией Боспорского царства. Их соединение происходит только в районе Акры. Впрочем, сухопутная дорога, минующая Крым, все-таки отражена в античной литературе — в географическом очерке Геродота. Вероятно, именно поэтому реки севера Меотиды перечислены не в общем контексте описания крупнейших рек Скифии, а как бы *post factum*, и их пространственное положение отчасти нарушено.

Второй район греческого проникновения в Северо-Восточное Приазовье связан с Танаисом. Античные писатели не слишком много внимания уделяли городу Танаису, ограничиваясь, по-преимуществу, только его упоминанием. Хотя в отличие от других населенных пунктов северного и восточного побережья Меотиды, встречается он в источниках все же чаще. Единственный автор, давший подробное описание окрестностей Танаиса с точки зрения географии населенных пунктов, — это Клавдий Птолемей. И это не случайно. Именно ко времени Птолемея в Нижнем Подонье возникает сеть городищ, по-видимому, тесно связанных с Танаисом. В это же время меняется и облик самого Танаиса, на котором явно сказалось влияние типа планировок римских крепостей и лагерей.

В литературе уже высказывалась мысль о том, что, возможно, на Нижнем Дону в этот период возникла цепь укреплений — форпостов, представлявших собой своеобразный Танаисский лимес, возможно, не без участия римлян¹⁷. Сведения Птолемея в какой-то мере могут служить подтверждением этому. На его карте обозначены два пункта (Панаирдис в районе Тагарога и Потарва — городище Подлазовское), как бы прикрывающие подходы к Танаису со стороны моря, а также со стороны Северного и Восточного Приазовья, и два пункта, входящие в систему обороны с востока, со стороны среднего течения Дона (Эксополь — Кобыковское городище и Наварис — Темерницкое, или Нижне-Гниловское городище). Учитывая тот факт, что хронологические рамки всех этих поселений ограничиваются I в. н. э. — III в. н. э., становится очевидным, что информация Птолемея не может быть отнесена ко времени ранее I в. н. э., что вполне согласуется со всем предыдущим материалом, по крайней мере в той части, где речь идет об удаленных от моря районах.

Восточное Приазовье отражено в работах трех античных писателей: Страбона, Птолемея и Аммиана Марцеллина. Сведения последнего, по-видимому, полностью основаны на «Географическом руководстве» Клавдия Птолемея. Для Аммиана Марцеллина, выступавшего прежде всего в качестве историка, географические топонимы служили как вспомогательный материал, необходимый ему для конкретной территориальной привязки. И в данном месте он блестяще справился с этой задачей, обозначив всего лишь четырьмя реками весь участок Восточной Меотиды: Марубий (Кагальник) — на севере, Б. Ромбит и Теофаний — район поворота к югу и Вардан — на юге.

В «Географии» Страбона нашел отражение прямой путь от греческих городов Азиатского Босфора (Таманский полуостров) к Танаису. Начинаясь, по-видимому, от Тирамбы, он шел к М. Ромбиту (р. Кирпили) и далее к Танаису. Соотнесение Тирамбы с поселением Темрюк I, прекратившим свое существование в античный период в начале I в. до н. э., вполне согласуется с тем, что сведения Страбона по большей части не выходят за рамки этого века. Во времена же Птолемея Тирамба уже не существовала, что подтверждается всяким отсутствием какой-либо связи между ней и сетью городков, расположенных по реке Вардану (Кубани). Связка же Агттиюг — Тирамба, в отличие от других, общих со Страбоном топонимов, оказалась на карте Птолемея как бы «вне у дел», результатом чего явилось фактическое повторение одного и того же участка. В VIII же веке поселение на месте Тирамбы возрождается. Отсюда и более точные сведения арабских географов.

«Географическое руководство» Клавдия Птолемея в части описания Восточного Приазовья аналогов среди дошедшей до нас литературы просто не имеет, хотя интерпретация его сведений связана с рядом особенностей, обусловленных тем, что на карте Птолемея оказались соединенными, по крайней мере, три разных маршрута движения по одному и тому же участку. Причем один из них, общий со Страбоном, еще и существенно отличается от двух остальных во временном аспекте. Компильтивная стыковка по Восточному Приазовью в «Географическом руководстве», как показал анализ, была осуществлена на участке Б. Ромбит — Аксабетийская коса — М. Ромбит, соответствующем на современной карте отрезку Ейский лиман (река Ея) — коса Долгая — р. Кирпили.

Соединение разновременных и, по всей видимости, разнопараметрических источников привело к тому, что коэффициент искажения для то-

понимов, фактически принадлежавших одному и тому же району, оказался различным. При этом следует отметить, что и у Страбона, и у Птолемея явно завышены размеры Таганрогского залива, в то время как участок к югу от косы Долгой до р. Кубани в целом почти не искажен, а на карте Птолемея еще и пропорционален Западному Приазовью. Однако, как выяснилось, это касается только общих для Страбона и Птолемея топонимов.

Все приморские топонимы, объединенные перизгезой внутренних дорог, связаны с внутренними пунктами, расположенными по рекам, и общностью параметрических пропорций. Исключения представляют лишь топонимы на участке Матета (район Войскового лимана) — город Геруса (городище Терноватый Редант), да и то только в соотношении между собой, так как этот участок побережья пропорционален на карте Птолемея Западному Приазовью.

Локализация Матеты, устья р. Псатий и городов Геруса и Азара позволила отчасти реконструировать береговую линию античного времени в районе современных Кубанских плавней. Вблизи лимана Войскового берег круто поворачивал к северу и проходил, вероятно, по внутреннему краю Кубанских плавней к устью Псатия (Протока — Ангелинский ерик), немного поворачивая затем к городу Герусе (городище Терноватый Редант). Ачусской косы, а также сети лиманов Пригибский — Красный в античное время, вероятно, не было, как отсутствовал и современный Кирпильский лиман. Судя по всему, на месте Кирпильского лимана была суша, и береговая линия, не врезаясь глубоко в материк, выходила мимо города Герусы к современному Приморско-Ахтарску, где располагался город Азара. Берег здесь подвержен сильной абразии, поэтому когда-то этот участок продолжался дальше (скорость абразии в этом месте достигает 12 метров в год)¹⁸. Между городом Азара и городом Геруса находилось устье Малого Ромбита (р. Кирпиль). К северу, выше г. Азара, выходило устье реки Теофания (р. Бейсуг). Далее шла Аксабетийская коса (коса Долгая) и устье реки Большой Ромбит (р. Ея).

Города глубинки были связаны между собой и с приморскими городами сетью дорог. Именно эти дороги отражала перизгеза, которой воспользовался Птолемей или его информатор. Таким образом, каботажный объезд Восточного Приазовья включен в «Географическое руководство» не как самостоятельный, независимый компонент, а в связи с перизгезой дорог.

Сухопутная дорога от Танаиса, вероятно, шла вдоль побережья — на это, в частности, указывает тот факт, что на карте Птолемея обозначено расстояние между реками Б. Ромбит и Теофаний по суше, минуя косу Долгую (Аксабетийскую косу). От городов, расположенных по М. Ромбиту, дорога уходила вглубь материка. В районе г. Азарабы (городище Ново-Джерелиевское 1) она разветвлялась, одним концом направляясь через Авхиду (р-он ст. Новониколаевской) на р. Псатий (Ангелинский ерик) к Скопелу (городище Красный Октябрь 1). Другим концом эта дорога выходила к меотским городищам среднего течения Кубани (определенным подтверждением существования здесь в древности дорог служат тянущиеся в обоих направлениях цепочки курганов). Не доходя Кубани, примерно напротив 13 км разрыва между Краснодарской и Усть-Лабинской группами городищ, дорога опять разделялась в сторону Суруба (Пашковские городища Краснодарской группы) и Корусии (Усть-Лабинская группа, возможно, Усть-Лабинское 1). От Корусии она шла по правому берегу Кубани к Эбриане (группа городищ у ст. Казанской, возможно, Казанское-3) и замыкавшей цепочку городков по Вардану (Кубани) Сераке (возможно, городище Темижбекское 3). Вполне вероятно, что городища по реке Кубани имели сообщение не только с Восточным Приазовьем и районом Тамани, но и с северо-восточным побережьем Черного моря, где в «Географическом руководстве» также обозначено несколько населенных пунктов во внутренней части в долинах рек.

И последнее. То обстоятельство, что населенные пункты, обозначенные на карте Птолемея по рекам Малый Ромбит (Кирпиль), Псатий (Ангелинский ерик) и Вардан (Кубань), были связаны единой перизгезой с городищами Нижнедонской группы, свидетельствует в пользу того, что и в этом случае сведения Птолемея не могут быть отнесены ранее чем к I в. н. э.

Глава VI
АЗИАТСКИЙ БОСПОР
(ТАМАНСКИЙ ПОЛУОСТРОВ)
И РАЙОН БАТ (НОВОРОССИЙСКАЯ БУХТА)
В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ

В первой главе, определяя общие параметры Таманского полуострова, мы высказали предположение, что под Корокондамским озером следует понимать не только нынешний Таманский залив, но и современные лиманы в юго-восточной части полуострова. По крайней мере, это следует из сообщения Псевдо-Арриана о размерах Корокондамского озера (Рз.-Арт., 64). Сам же Таманский полуостров представлял собой, по-видимому, архипелаг островов, рассматриваемый в античной традиции по преимуществу как один большой остров. В то же время при работе с конкретными источниками необходимо учитывать как минимум три обстоятельства.

Во-первых, тот фактор, что палеогеография Тамани менялась уже на протяжении античной эпохи, особенно в части разворота рукавов Кубани к северо-востоку. Так, у Псевдо-Скимна описание Тамани явно отражает наличие южного, впадающего в Понт рукава этой реки, так как Тамань предстает в виде единого острова, на котором расположены города Гермонасса, Фанагория и гавань Синдская (Рз.-Скимп., 890—895). Близкая по времени картина и у Псевдо-Арриана (Рз.-Арт., 64). В «Географии» Страбона описание Тамани относится уже к более позднему времени (вероятнее всего, к концу I в. до н. э.), когда разворот устья Кубани шел уже полным ходом и самым южным рукавом был рукав, впадающий в Корокондамское озеро (Strabo, XI, 2, 9). Наконец, Птолемей, информация которого во временном плане отстоит от Страбона по крайней мере на 100 лет, называет три рукава Кубани, впадающих в Меотиду, причем главным к тому времени был уже, вероятно, рукав в районе современного Темрюка (Ptol., V, 8, 4—5). Таким образом, на протяжении нескольких столетий устье Кубани раз-

ворачивалось в сторону Азовского моря, что и нашло последовательное отражение в античной письменной традиции.

Во-вторых, постепенное отмирание с юга на север рукавов Кубани сказывалось на том, какое содержание каждый автор вкладывал в определяемый остров, а также на общие параметры Корокондамского озера, что с неизбежностью отразилось на разночтении в выяснении местоположения тех или иных топонимов.

Наконец, в-третьих, в прежней локализации, как правило, исходили из априорного отождествления городища к западу от станции Сеной с античной Фанагорией. Между тем источники, дающие наиболее подробное описание Тамани (Страбон, Птолемей), явно находятся в противоречии с этой версией, хотя как будто бы и подкрепленной эпиграфически.

Учитывая эти обстоятельства, мы продолжим наш маршрут к западу от Тирамбы (поселение Темрюк 1) вдоль Меотийского побережья Фанталовского полуострова, крайней северной точкой которого был обозначенный на карте Клавдия Птолемея мыс Киммерий, отождествленный нами ранее с современным м. Каменный.

Киммерик (Киммерида). Наиболее раннее упоминание об этом населенном пункте содержится у Псевдо-Скимна (Ps.-Skymn., 896—899): «При самом выходе из устья лежит город Киммерида, получивший свое название от варваров киммерийцев, основанный боспорскими тираниами». А. А. Завойкина, анализируя это сообщение Псевдо-Скимна, отмечает, что под устьем в данном случае понимается устье «Меотиды, т. е. северная узкая часть Боспора»¹. Однако это вовсе не очевидно. Учитывая тот факт, что приведенному отрывку Псевдо-Скимна предшествует описание острова, одним из составляющих компонентов которого является река Кубань, под устьем вполне может скрываться именно северное устье Кубани, а это уже резко меняет ситуацию. Поскольку Псевдо-Арриан фактически повторяет сообщение Псевдо-Скимна (Ps.-Arr., PPE, 74), то данное положение действует и в этом случае. Аналогично и у Помпония Мелы (Mela, I, 19, 112).

С другой стороны, у Плиния недвусмысленно указывается, что Киммерий был расположен «в самом конце пролива» (Plin., NH, VI, 18), на противоположной от Пантикалея стороне, в 2500 шагах (Plin., NH, IV, 87). Впрочем, указанная цифра (20 стадиев) скорее соответствует ширине самой узкой части пролива и вряд ли отражает действительное расстояние между Пантикалессом и Киммерием. Точной приме-

той здесь, пожалуй, является лишь указание на расположение Киммерия в конце пролива.

Довольно противоречивым можно считать и сообщение Страбона. Во-первых, в «Географии» указано расстояние в сто двадцать стадиев до селения Киммерийского (правда, не ясно, от Тирамбы или реки Антикита?), «которое служит местом отправления для плывущих по озеру» (Strabo, XI, 2, 4). Во-вторых, сообщается, что «Киммерик прежде был городом, построенным на полуострове и замыкавшим перешеек ровом и валом» (Strabo, XI, 2, 5). В отношении последнего в литературе получило распространение мнение, наиболее веско аргументируемое С. Р. Тохтасьевым¹, об ошибочном переносе европейского Киммерика в Азию. Однако эту точку зрения довольно убедительно опровергает А. А. Завойкин², выдвигая в качестве контраргументов три основных тезиса: (1). То, что, по нашим представлениям, местоположение Киммерика «как нельзя лучше подходит к Киммерику (...) у г. Опук», не отрицает само по себе вероятности, что нелокализованный азиатский город тоже «подходит» под описание Страбона. (2). Из того, что историческая справка о Киммерике в XI, 2, 5 является отступлением по отношению к географическому описанию побережья Меотиды, не следует, что именно она добавлена из другого источника. Напротив, А. А. Завойкин на основе анализа §§ 4, 5 и 6 «Географии» приходит к заключению, что именно информация о «Киммерийском селении» является вставкой. (3). Наконец, сопоставление данных археологического исследования в районе г. Опук с указанием Страбона на то, что Киммерик «прежде был городом на полуострове», позволяет сделать вывод об их несоответствии, так как поселение на г. Опук к рубежу н. э. только появляется (становится городом)⁴.

Отказ от отождествления Киммерика Страбона с Европейским Киммериком других авторов вовсе не означает, что в тексте Страбона вообще отсутствует контаминирование сходных наименований двух разных топонимов. Тот же А. А. Завойкин высказал предположение о том, что этот город был основан дважды: один раз как самостоятельный полис, бывший членом Афинской архе, а другой раз — боспорскими тиранами⁵. Но это же положение может быть отнесено к двум разным населенным пунктам, которые связаны общностью наименования, но разделены пространственно и имеют различную историю, хотя расположены в азиатской части Боспора.

В отличие от Европейского Киммерика, местоположение одноименного азиатского города до сих пор не определено. Большинство ис-

следователей сходятся лишь на том, что искать его следует где-то в северной части Фанталовского полуострова⁶.

Попробуем несколько сузить район поиска. У Страбона, как уже отмечалось выше, неясно, от чего следует вести отсчет 120 стадиев до Киммерийского селения, — от реки Антикита или от Тирамбы. Если отталкиваться от последовательности в перечислении этих топонимов, то расстояние указано от Антикита. 120 стадиев соответствуют 22,2 км. От Пересыпного гирла (Антикит Страбона) это приводит нас в район немного восточнее м. Каменный, к поселению, обозначенному на карте Я. М. Паромова как Призовский 4⁷. Время его существования — с середины VI в. до н. э. по IV в. н. э.⁸ Однако, во-первых, район м. Каменный — не самое удобное место «отправления для плывущих по озеру» (Strabo, XI, 2, 4), а во-вторых, подобная локализация не очень согласуется с последующим расстоянием до деревни Ахиллий (20 стадиев), местоположение которой в «устье Боспора Киммерийского» н. вызывает сомнения (речь об этом пойдет ниже).

Если же исходить из предполагаемого местоположения Тирамбы (поселение Темрюк I), то киммерийское селение Страбона следует локализовать на городище у пос. Пересыпь, с которым обычно отождествляют Тирамбу⁹. Поселение было основано в конце VI в. до н. э. Его расцвет падает на IV — III вв. до н. э. В I в. до н. э. здесь строится укрепление из сырцовых кирпичей с глубоким рвом вокруг стей и отходящим от них оборонительным валом. В I в. н. э. оно было разрушено, но жизнь на городище продолжалась до III в. н. э.¹⁰ Возможно, именно этот вал имел в виду информатор Страбона, указавший, что Киммерик замыкал перешеек рвом и валом (Strabo, XI, 2, 5). Под полуостровом же следует понимать часть острова, обозначенного у Страбона и ограниченного древним руслом Кубани, юго-западнее станицы Сенной. В этом случае перешеек «полуострова» с одной стороны замыкался рвом и валом у Киммерика (городище у пос. Пересыпь), а с другой — так называемым Киммерийским валом и Кепами (о них речь пойдет ниже). Любопытно в этой связи сопоставление с Псевдо-Скимном: «При самом выходе из устья лежит город Киммерида, получивший свое название от варваров киммерийцев, основанный боспорскими тиранами, и Кеп, основанный милетянами» (Pz.-Skutn., 896—899). Если в данном случае под устьем понимается Антикит Страбона, то положение городища у пос. Пересыпь вполне соответствует этому описанию.

Вместе с тем остается неясным вопрос о последующем местоположении селения Ахиллий. Ясно, что речь здесь не может идти о Пересыпном городище (слишком мало расстояние между Киммерийским селением и Ахиллием). С другой стороны, Страбон вряд ли сознательно перемещал его. Скорее следует предположить, что на расстоянии 20 стадиев от Ахиллия был расположен другой населенный пункт, вероятно, идентичный Киммерию Плиния (Plin., NH, IV, 87), однако определить его местоположение возможно только после локализации Ахиллия.

Деревня Ахиллий (Ахиллий при устье Босфора). Сообщения об этом населенном пункте у античных авторов немногочисленны, однако все они едины в определении его положения у устья Меотийского озера. Страбон отмечает, что «здесь самое узкое место в устье Меотиды, шириною около двадцати стадиев или несколько более» (Strabo, XI, 2, 6) и что деревня Ахиллий располагалась «на азиатской стороне против Парфения» (Strabo, VII, 4, 5). Клавдий Птолемей, сообщая координаты Ахиллия (64°30' долготы и 48°30' широты), подчеркивает в названии его местоположение («Ахиллий при устье Боспора») (Ptol., V, 8, 2). Псевдо-Арриан отмечает, что «от Гермонассы, если выплыть из залива, до устья озера Меотиды и селения Ахиллова 515 стадиев, 68 ¹/₂ мили» (Рз.-Авт., PPE, 66). Кроме того, он указывает расстояние от святилища Зевса Урия до устья озера Меотиды или Ахиллова селения (Рз.-Авт., PPE, 68). Как конечный пункт Азии «при проливе у устья озера Меотиды» определяется Ахиллово селение в следующем параграфе (Рз.-Авт., PPE, 69). Наконец, в § 118 Псевдо-Арриан сообщает расстояние от реки Фасиса до устья Меотийского озера или до Ахиллова селения (Рз.-Авт., PPE, 118). Последнее содержится также в «Окружности Понта» у Безымянного автора («Окружность Понта», 4). Упоминается Ахиллово селение и у Стефана Византийского (в. v. *Ἀχιλλίως δῆμος*): «...есть и селение того же имени при устье Меотиды».

Итак, совершенно очевидно, что деревня Ахиллий располагалась где-то в северной части современного Керченского пролива на Фанталовском полуострове. Здесь его обычно и локализуют ¹¹. В. Ф. Гайдукевич соотносил с Ахиллием большое городище, расположенное у основания косы Чушка ¹². Здесь же помещают Ахиллеон и Н. Ф. Федосеев ¹³ и М. В. Агбунов ¹⁴. Наша прежняя локализация была основана исключительно на сведениях Клавдия Птолемея и предполагала отождествление Ахиллия с поселением Каменная Батарейка ¹⁵.

Определение положения ряда опорных топонимов по Меотиде, прежде всего м. Агар, по направлению к Кремнам позволяют уточнить локализацию Ахиллия через соотнесение его координат на карте Птолемея с координатами м. Агар и Парфением, который, по версии Страбона, был расположен на европейской стороне Боспора, напротив Ахиллия (Strabo, VII, 4, 5).

Расстояние в 135 км, которое, по нашим расчетам, разделяло м. Агар (Обиточная коса) и Ахиллий при устье Боспора, приводит нас к кожному основанию косы Чушка в район Динского залива. Сюда же попадаем мы и при отсчете от Парфения, если учесть 30' смещения последнего по долготе (15,3 км). Наиболее точно оба расстояния сходятся на поселении Батарейка I. Расположено оно на берегу Динского залива, протянулось на 220 м вдоль берега и на 150 м к северу от него. Значительная часть укреплений уничтожена в результате оползня грунта. Раскопками зафиксировано шесть культурных слоев с I по VIII—X вв. н. э. По всей площади раскопа прослежен скальный пласт пожара конца I — начала II в. н. э. В I в. до н. э. была сооружена оборонительная стенка шириной 4,9 м, высотой 3,7 м. Окружавшее крепость поселение было разрушено в IV в. н. э.¹⁶ Хронологические рамки существования поселения Батарейка I вполне согласуются с тем фактом, что деревня Ахиллий упоминается исключительно у авторов первых веков н. э. Самое раннее упоминание, по-видимому, принадлежит Страбону и относится к I в. до н. э. (именно тогда, возможно, была возведена крепость).

Соотнесение Ахиллия с поселением Батарейка I позволяет вернуться к вопросу локализации Киммерийского поселения. Если второй, одноименный с городищем у пос. Пересыпь населенный пункт располагался, согласно Страбону, в 20 стадиях от деревни Ахиллий, то его местоположение следует определять в районе современного пос. Ильич. Возможно, Киммерийское селение можно соотнести с поселением Ильич I, которое расположено у северной окраины поселка, в 1,5 км к северо-востоку от основания косы Чушка. Его площадь 400 × 400 м. Центральный холм, по форме близкий к квадрату, высотой 8 м и размером 100 × 100 м, представляет собой крепость. Существовало городище с позднелленистического до раннесредневекового времени¹⁷. Впрочем, название «Киммерийское селение» может быть отнесено и к той части городища у основания косы Чушка, которая затоплена морем и которая, как отмечалось выше, отождествляется с Ахиллеоном. Однако у Плиния на этот счет имеется весьма ценное замечание о том,

что Киммерий располагался «в самом конце пролива» и что затем «следует Меотийское озеро» (Plin., NH, VI, 18)». Предлагаемая нами локализация полностью отвечает этому положению.

Таким образом, на азиатской части Боспора в античное время существовало два поселения с близким или же идентичным названием. Первое из них, вероятно более раннее по дате основания, располагалось у современного Пересыпного гирла (в древности Антикита) и может быть отождествлено с городищем у пос. Пересыпь. Именно к этому городу относится историческая справка Страбона (Strabo, XI, 2, 5) и, возможно, сведения Псевдо-Скимна (Ps.-Skymn., 896—899). Второе, возникшее в позднемелнистическую эпоху, соотносится либо с поселением Ильич I, либо с Ахиллеоном В. Ф. Гайдукевича у северного основания косы Чушка, либо с тем и с другим, если они были взаимосвязаны. Скорее всего, именно этот населенный пункт имеет в виду Плиний (Plin., NH, IV, 87), и от него Страбон указывает расстояние до деревни Ахваллий (Strabo, XI, 2, 6). В «Географическом руководстве» ни тот ни другой Киммерий не указаны. Зато даны координаты самой северной точки Таманского полуострова — м. Киммерий (м. Каменный) (Ptol., V, 8, 5) — ситуация, аналогичная Мирмексию на европейской части Боспора. Важность для Птолемея именно этого ориентира вытекает из связующего положения м. Киммерий как по отношению к Западному Приазовью (м. Киммерий — Зенонов Херсонес), так и по отношению к Восточному (м. Киммерий — Аксбетийская коса). Крайние же ориентиры современного Фанталовского полуострова обозначены на карте Птолемея Ахиллием при устье Боспора и «Устьем реки Атикиты», хотя последнее и поменялось местами с «Устьем реки Вардан».

Памятник Сатира. Это наименование известно только в изложении Страбона, который сообщает о нем следующее: «Отсюда [от Ахиллова селения] девяносто стадиев до памятника Сатира; это насыпанный на мысе курган одного из царей, славно господствовавших на Боспоре» (Strabo, XI, 2, 7). Предположительно памятник Сатира отождествляется с так называемой Горелой могилкой на Фанталовском полуострове¹⁸.

90 стадиев Страбона составляют 16,7 км. Это от места предполагаемой локализации Ахиллия приводит нас почти на южное побережье Таманского залива, в район современной Тамани, что не может соответствовать действительности. В то же время предыдущий параграф в «Географии» заканчивается указанием на то, что «на противополож-

ном берегу лежит селение Мирмекский (вблизи Гераклия) и Парфений» (Strabo, XI, 2, 6). Возможно, 90 стадиев следует считать не от Ахиллова селения, а от Мирмексия и Парфения? В этом случае памятник Сатира довольно точно локализуется в районе г. Горелой в юго-западной оконечности Фанталовского полуострова. Скорее всего, воспользовавшись каким-то дополнительным источником, Страбон уточнил картину на европейском побережье пролива (вспомним, что в описании Европы Гераклий не упоминается) и вернулся обратно на азиатскую сторону, указав расположенный здесь памятник Сатира и рядом с ним («недалеко отсюда») селение Патрей (Strabo, XI, 2, 8). Учитывая тот факт, что понятие «рядом» применительно к Гераклию оказалось весьма проблематичным, столь же условным может оказаться и относительная близость Патрей. Впрочем, локализация последнего невозможна без предварительного определения местоположения Корокондамы (между ней и Патреем 130 стадиев), а это, в свою очередь, невозможно без анализа всех топонимов, связанных в пространственном отношении с Корокондамским озером.

Вначале еще раз обратимся к Страбону: «Вступившему в Корокондамское озеро представляется значительный город Фанагория, затем Кепы (Сады), Гермонасса и Апагур, святилище Афродиты. Из них Фанагория и Кепы лежат на названном острове по левую руку для врывающегося в озеро, а прочие города — по правую, за Гипанисом в Синдикке. В Синдикке же, недалеко от моря, лежит и Горгиппия, столица синдков, и Аборака». (Strabo, XI, 2, 10). Так как приведенный текст следует после упоминания Корокондамы (Strabo, XI, 2, 8) и описания Корокондамского озера в контексте определения параметров острова, образуемого этим озером, Меотидой и рекою (Strabo, XI, 2, 9), ясно, что информатор Страбона вливает со стороны Керченского пролива в современный Таманский залив. Однако это сразу же ставит вопрос: каким образом Фанагория и Кепы оказываются по левую руку от врывающегося, если на самом деле они лежат на том же побережье, что и Гермонасса, т. е. справа? Причем вопрос этот возникает лишь в том случае, если наиболее распространенная в настоящее время локализация этих пунктов, и особенно среди них Фанагория, верна. В. Ф. Гайдукевич и вслед за ним большинство исследователей объясняют это несоответствие особой направленностью курса корабля — носом на устье Гипаниса, впадавшего в Корокондамское озеро¹⁸. С. Р. Тохтасьев, с одной стороны, считает подобное объяснение неверным, так как «в этом случае в тексте имелось бы совершенно конкретное ука-

зание на таковой курс»²⁰. С другой стороны, он вынужден предположить, что «очевидно, курс кораблю задан неопределенно восточный, куда-то в самый дальний угол озера, и определялся он тем, что корабль выплывал в Корокондамитиду из Боспора, а далее — самой конфигурацией вытянутого с запада на восток озера (...) Таким образом, автору Страбоновского перипла Фанагория и Кепы действительно представлялись слева от выплывающего в Корокондамитиду корабля, а Гермонасса и Апатур — справа (соответственно — на северном и на южном берегах современного Таманского залива)»²¹.

Между тем ориентир, заданный Страбоном, достаточно ясен и, на наш взгляд, не требует какой-либо дополнительной интерпретации. В предшествующих описанию Корокондамского озера параграфах конечным пунктом является деревня Корокондама (Strabo, XI, 2, 8), и именно со стороны нее начинается движение по озеру. Более того, если реконструкция линии древнего берега, предложенная Я. М. Паромовым, верна²², то общепринятое в настоящее время место локализации Гермонассы на территории современной Тамани не может соответствовать указаниям античных авторов, так как устье Корокондамского озера располагалось к востоку от Тамани, и Гермонасса, таким образом, оказывалась за пределами Корокондамского озера. Наличие достаточно узкого устья при определении статуса фактического залива как озера было, по-видимому, обязательно (ближайший аналог — Азовское море, определяемое как озеро в античной традиции) и в случае с Корокондамитидой. Это устье находилось к востоку от Тамани между крайней южной точкой Фанталовского полуострова на севере и современным Мориктанским озером на юге. Корабль следовал параллельно северному и южному берегам нынешнего Таманского залива, ориентируясь на его крайнюю северо-восточную точку, где, возможно, ко времени Страбона и был впадающий в Корокондамское озеро рукав Антикита (Кубани).

В связи с этим обратимся еще раз к тексту «Географии» Страбона. С. Р. Тохтасьев на основе филологического анализа интересующего нас отрывка приходит к заключению, «что Страбон дает два рода относительно-географических указаний на расположение перечисленных пунктов: 1) по отношению к выплывающему в озеро, независимо от ориентиров на суше; 2) по отношению к объектам на местности, независимо от местонахождения наблюдателя». Итак, «из этих [пунктов] Фанагория и Кепы располагаются на названном острове [и представляются] выплывающему [в озеро] слева, остальные же города — справа, [располагаются они] по другую сторону [устья] Гипаниса, в Синдикее»²³.

Если придерживаться нашей версии, то уточнение «и представляются» не потребуется. Страбон сообщает именно то, что следует из текста, и в этом случае отождествление Фанагории с городищем у ст. Сенной становится весьма проблематичным. Некоторая неясность остается в отношении устья Гипаниса. Ясно, что оно являлось важным ориентиром и находилось по пути следования. Но что именно в данном случае уточняет Страбон? То, что после Кеп в Корокондамское озеро впадал один из рукавов Кубани, за которым последовательно располагались Гермонасса и Апатур (тогда это может быть Субботин Ерик²⁴), или же то, что Гермонасса и Келы располагались по правую руку, т. е. на южном побережье Таманского залива, но за устьем Гипаниса (тогда это может быть так называемый Шемарданский рукав²⁵)? Впрочем, на общее местоположение вышеназванных городов это принципиально не влияет. Их следует локализовать на территории между Субботинским Ериком и Шемарданским рукавом. Ответ же на поставленный вопрос возможен лишь после соотнесения Гермонассы и Апатура с конкретными археологическими объектами.

Фанагория. По сообщению Страбона, это был первый город для «вступившего в Корокондамское озеро» (Strabo, XI, 2, 10). Античная традиция сохранила довольно многочисленные упоминания названия столицы Азиатского Боспора, бывшей, по свидетельству того же Страбона, «значительным городом» (Strabo, XI, 2, 10). Город Фанагорию, «получившей название от Фанагора», упоминает Гекатей Милетский в описании Азии (Hek., 164). Скилак Кариандский называет Фанагорию среди греческих топонимов в области скидов (Ps.-Skyl., 72). Псевдо-Скимн сообщает, что Фанагорию основали некогда теоссы (Ps.-Skymn., 886—889) и что она была расположена на острове (Ps.-Skymn., 890—895). Страбон в дополнение к тому, что уже было сказано, указывает на то, что город Фанагория был ближайшим к Пантикапею азиатским городом (Strabo, VII, 4, 5) (заметьте попутно, что это мало согласуется с традиционной локализацией Фанагории), а также упоминает Фанагорию в связи с описанием холмов около устья Меотиды (Strabo, VII, 3, 18). Дионисий Перизет сообщает об обширном острове, на котором были расположены Фанагория и прекрасно построенная Гермонасса (Dion. Per., 541—553). Эти сведения повторяет Евстафий в «комментарии к Дионисию», правда, ошибочно связывая «обширный остров» с Таврикой (Eust., 549). Он же передает и сведения Арриана об основании Фанагории Фанагором Теосским, «бежавшим от насилий персов» (Arr., Bith., fr. 60).

Аппиан упоминает Фанагорию в связи с присутствием войск Митридата (App., 108). Птолемей сообщает координаты Фанагория (64°30' — 47°50') (Ptol., V, 8, 2). Стефан Византийский повторяет сведения Гекатея Милетского (с. ч. *Φαναγόρια*). Помпоний Мела помещает Фанагорию на острове, образуемом двумя рукавами реки Короканды (Mela, I, 19, 112), а Плиний — на полуострове, который называют Эоном (Plin., NH, VI, 18).

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что у Помпония Мелы и Плиния описание городов ведется в обратном направлении, начиная с Гермонассы, в то время как у Страбона первым городом является Фанагория.

Кроме перечисленных авторов, Фанагорию упоминают также Руфий Фест Авиев («Описание земного круга», 720—733) и Присциан («Землеописание», 557—566), однако их сведения не добавляют ничего нового и заимствованы у Дионисия Перизгета.

Название Фанагория засвидетельствовано надписями (IOSPE, II, ст. 167), однако бесспорных доказательств общепринятой локализации Фанагория близ ст. Сенной нет, так как большинство надписей происходят из окрестностей пос. Приморский к западу от Сенной²⁶. Не могут быть использованы в этом качестве и надписи, свидетельствующие о переименовании города в Агриплию около 17—12 гг. до н. э. (КБН, 979, 1046), так как гарантии того, что переименована была именно Фанагория, нет.

Итак, попробуем определить местоположение Фанагория, исходя из того, что ее отождествление с городищем у Сенной не может быть признано в настоящее время окончательным.

Единственным автором, сообщаящим линейные расстояния до Фанагория от других населенных пунктов, является Клавдий Птолемей. Фанагорию и Ахиллий при устье Боспора по нашим расчетам разделяли 21,6 км (40'). От поселения Батарейка 1, с которым мы отождествляли Ахиллий, это как будто бы указывает на городище у Сенной, однако необходимо учесть, что находящийся в связке с Ахиллием Парфений поднят по отношению к Пантикалесу на 20' к северу вместе со всем азовским побережьем Керченского полуострова (о причинах этого говорилось при анализе топонимов европейской части Боспора). Следовательно, Ахиллий должен был быть «поднят» на ту же величину (не случайно широтные координаты Парфения и Ахиллия идентичны). В то же время Фанагория на карте Птолемея оставалась на месте, так как ее связка с Пантикалесом являлась в данном случае ба-

зовой. Исходя из этого, действительное расстояние между Ахиллием и Фанагорией должно быть на 20' меньше, чем указанное на карте Птолемея, т. е. 10,8 км. Это приводит нас к городищу близ пос. Гаркуша, которое предположительно отождествляется с Патреем Страбона²⁷.

Древнейшее поселение возникло здесь в третьей четверти VI в. до н. э. и существовало до второй половины V в. до н. э. в западной части городища. Позже поселение перемещается к востоку. Ко II—I вв. до н. э. относится часть монументальной каменной мостовой и фундаменты большого здания с завалом расписной штукатурки на полу. В начале I в. до н. э. город подвергся разрушению, сопровождавшемуся пожаром и гибелью части населения. В конце I в. до н. э. — начале I в. н. э. здесь сооружается крепость, входившая в единую систему укреплений северо-западной части Таманского полуострова.

В начале II в. крепость погибла в пожаре. Затем жилые дома подвергаются новой перестройке. В середине III в. н. э. город подвергается новому разрушению. Гибель античного города связана с движением гуннов в 70-х гг. IV в. Расположены остатки города в западной части пос. Гаркуша и на пространстве до 300 м к западу от его окраины. Однако общая площадь города была значительно больше, и немалая его часть в настоящее время находится под водой²⁸. Максимальное развитие и стабильное существование поселения относится к IV — началу III в. до н. э. и ко второй четверти III — началу I в. до н. э. В это время его площадь достигала величины около 63—60 га. Однако и в более раннее время площадь поселения составляла уже около 53 га, а возможно, и больше. От городища во всех направлениях расходились дороги, и практически на всей прилегающей территории находились земельные наделы, следы которых отображены на аэрофотоснимках²⁹.

Местоположение городища у пос. Гаркуша в значительно большей степени соответствует Фанагории античных авторов, чем отождествляемое с ней ранее городище у пос. Сенной. Оно действительно является ближайшим азиатским городом к Пантикалею (Strabo, VII, 4, 5). Для вступившего в Корокондамское озеро со стороны Боспора это городище представляется первым и расположено действительно, без всяких оговорок «по левую руку» от него (Strabo, XI, 2, 10). Наконец, при любых вариантах ответвления древних рукавов Кубани оно оказывается на острове. Кроме того, не случайно, что при обратном описании, от южного побережья Таманского залива Фанагория непосредственно предшествует расположенному у самого устья Кимме-

рию (Mela, I, 19, 112). Все это позволяет отождествить с античной Фанагорией именно поселение у пос. Гаркуша.

Кепы. Определение местоположения Фанагории делает возможным локализацию этого пункта, располагавшегося, как и Фанагория, на острове «по левую руку» от впадающего в Корокондамское озеро (Strabo, XI, 2, 10). Сведения античных авторов о Кепях довольно скудны. Кроме Страбона, их упоминает Эсхин в речи против Ктесифона (III, 171), Псевдо-Скимн, согласно которому Кепы были основаны мидетянами (Ps.-Skysch., 896 — 899), Гарпократий в «Речении десяти ораторов» (Кепос [Сад]). Псевдо-Скилак называет Кепы в числе греческих полисов в области синдов (Ps.-Skyl., 72). Псевдо-Арриан повторяет сообщение как Псевдо-Скилака (Ps.-Arr., PPE, 73), так и Псевдо-Скимна (Ps.-Arr., PPE, 74). Название Кепы встречается также в перечне городов у Помпония Мелы (Mela, I, 19, 112) и Плиния (Plin., NH, VI, 18). Наконец, Диодор Сицилийский в рассказе о борьбе за власть между Пританом и Эвмелом сообщает, что потерпевший неудачу Притан «бежал в так называемые Сады, где и был умерщвлен» (Diod., XX, 24). Вот, собственно, и все сведения о Кепях.

К. Герц первым высказал мысль, что Кепы следует отождествить с городищем у восточной оконечности Таманского залива, около бывших хуторов Пивнева и Артикова²⁰. Это точка зрения была впоследствии поддержана М. О. Поночевным²¹, А. С. Башкировым²², В. Ф. Гайдукевичем²³, В. Д. Блаватским²⁴, Н. И. Сокольским²⁵. В настоящее время она хотя и не бесспорна, однако прочно утвердилась в литературе²⁶. Впрочем, сразу отметим, что никаких данных, подтверждающих правильность идентификации названия «Кепы» с этим городищем, до сих пор не получено, и эта версия по-прежнему повонит на утверждении Н. И. Сокольского, что «на территории, определяемой как остров Фанагора, разведки не обнаруживают иных значительных городищ, помимо Фанагорийского и городища у оконечности Таманского залива, которое и следует считать остатками Кеп, ибо раскопки подтвердили существование здесь значительного города»²⁷.

Отождествление Кеп с вышеназванным городищем противоречит как данным античной письменной традиции, так и общепринятой точке зрения на локализацию Фанагории и Гермонассы. Античные авторы практически единодушны в определении местоположения Кеп между Гермонассой и Фанагорией (Strabo, XI, 2, 10; Mela, I, 19, 112; Plin., NH, VI, 18). Кроме того, по Страбону, если придерживаться его описания, между Кепами и Гермонассой находился рукав Гипаниса (Ку-

бани), впадающий в Корокондамское озеро (Strabo, XI, 2, 10). Оба этих положения никак не могут соответствовать горюдищу около бывших хуторов Пивнева и Арткахова.

В то же время и предлагаемая нами версия локализации Фанагории исключает возможность такого размещения Кеп, так как если под рукавом Гипаниса понимать Субботин ерик, то это противоречит указанию Страбона о нахождении рукава реки между Кепами и Гермонассой, а не между Кепами и Фанагорией. Если же под рукавом Гипаниса понимать Шемарданский рукав, то это вступает в противоречие с расположением Кеп «по левую руку» от вливающегося в Корокондамское озеро.

Таким образом, на наш взгляд, Кепы следует искать к западу от Субботина ерика, который, вероятно, и подразумевался Страбоном при определении положения Гермонассы и Алатура после Гипаниса.

Наиболее значимым в этой связи кажется поселение, обозначенное на карте Я. М. Паромова как Волна Революции 1²⁸. Поселение известно с середины XIX в., оно находится у западной окраины поселка Волна Революции, частично в самом поселке, в 2—16 м над уровнем моря, на низком берегу Таманского залива. В центральной части, в 180 м от берега расположены остатки крепости. Датировано серединой VI в. до н. э. — III в. н. э. и VIII — XIII вв.²⁹ Возможно, это и были древние Кепы.

Корокондама. Локализация этого пункта крайне важна для последующего определения местоположения Патрея и Гермонассы. Сведения о Корокондаме у античных писателей еще более скудные, чем о Кепам. Страбон указывает расстояние в сто тридцать стадиев между нею и Патреем и сообщает, что деревня Корокондама «представляет предел так называемого Киммерийского Боспора», а также то, что напротив нее, в Пантикапейской земле, располагалась деревенька Акра в семидесяти стадиях водного пути (Strabo, XI, 2, 8). Кроме того, в следующем параграфе Страбон указывает на то, что выше Корокондамы «лежит довольно большое озеро, которое по ее имени называют Корокондамским; в десяти стадиях от деревни оно соединяется с морем» (Strabo, XI, 2, 9). Наконец, еще один ориентир, сообщаемый в «Географии»: «Сейчас за Корокондамой морской путь идет на восток. В ста восьмидесяти стадиях от нее находится Синдский порт и город...» (Strabo, XI, 2, 14).

Клавдий Птолемей сообщает координаты Корокондамы (64°15' — 47°30'). Это наименование встречается у Элия Геродиана (XII, 325, 4) и Стефана Византийского (з. в. *Κοροκονδάμη*). Псевдо-Арриан, ведущий

описание с востока на запад, сообщает, что «за Сидской гаванью следует селение, называемое Корокондама, лежащее на пересейке или узкой полосе между озером и морем. За ней находится Корокондамское озеро, ныне называемое Описсас, образующее очень большой залив в 530 стадиев, 84 мили» (Рз.-Ал., РРЕ, 64).

Корокондама обычно локализуется в районе современного мыса Тузла⁴⁰. М. В. Агбунов считает, что «береговая линия в районе Тузлы проходила тогда на несколько сот метров западнее и выклинивалась в мыс, который вдавался далеко в море. На этом мысу и была расположена Корокондама. Со временем в результате повышения уровня моря этот мыс был разрушен и затоплен»⁴¹. Здесь же, в окрестностях Тузлы, помещали Корокондаму и мы⁴². Иная версия локализации Фанагории предполагает и иной подход к определению местоположения Корокондамы.

По нашим расчетам, Фанагорию и Корокондаму на карте Птолемея разделяли 13,2 км. Это, с учетом изменения береговой линии Таманского залива (на что указывают затопленные части античных поселений), довольно точно соответствует расстоянию между городищем у пос. Гаркуша, с которым мы отождествляли Фанагорию, и городищем на месте современной ст. Тамань, где обычно локализуется Гермонасса. Такое расположение Корокондамы вполне согласуется со сведениями античных авторов. Кроме того, на противоположном, европейском берегу названная Страбоном напротив Корокондамы деревенька Акра также располагалась не на самом мысу Такыл, а в глубине пролива, у с. Заветное; что касается самих мысов, то, они, вероятно, рассматривались уже как лежащие за пределами Боспора Киммерийского в Понте.

Городище находилось на месте нынешней станицы Тамань и возникло в первой половине VI в. до н. э. Исследование античных слоев затруднено из-за мощных отложений средневекового периода, поэтому определить общую площадь и характер поселения пока не представляется возможным, хотя систематическое и планомерное его исследование началось в 1951 г.⁴³

Патрей. Этот пункт известен только из «Географии» Страбона. Расположен он был недалеко от памятника Сатира в ста тридцати стадиях от деревни Корокондама (Strabo, XI, 2, 8).

Отождествление Патрея с поселением у пос. Гаркуша было предложено А. С. Башнировым и в дальнейшем прочно закрепилось в литературе⁴⁴. Однако в этом случае неясно, почему Страбон не называет

этот населенный пункт при описании Корокондамского озера. Кроме того, разделяющие Патрей и деревню Корокондама 25 км не соответствуют локализации последней ни на месте современной Тамани, ни в окрестностях м. Тузла. Наконец, Страбон при описании побережья нынешнего Фанталовского полуострова также не называет Патрея. Можно предположить, что он располагался несколько в глубине, где-то между Ахиллием (пос. Батарейка 1) и памятником Сатира (район г. Горелая). Исходя из разделяющего Патрей и Корокондаму расстояния, наиболее вероятное местоположение Патрея — в глубине современного Динского залива. Самым крупным здесь является городище, обозначенное у Я. М. Паромова как Красноармейский 1⁴⁹. Возможно, его и следует отождествить с античным Патреем.

Поселение находится у южной окраины пос. Красноармейский, в 3—15 м над уровнем моря, на низком берегу Динского залива, подковой охватывая его северо-восточный угол. Через поселение проходила древняя дорога, соединяющая Боспор Киммерийский с глубинными районами полуострова. В центральной части расположены остатки крепости римского времени. Античный период существования определяется концом VI в. до н. э. — IV в. н. э.⁵⁰

Гермонасса. Сообщения античных авторов о Гермонассе, как правило, идут в связке с Фанагорией, что свидетельствует о не меньшем значении этого города в истории Боспора. Гекатей Милетский определяет Гермонассу как «маленький остров с городом на Киммерийском Боспоре» (Hekat., 197). Это сообщение позднее повторяет Стефан Византийский (з. ч. *Ἐπιπέλασσα*). Псевдо-Скимн называет Гермонассу в перечислении городов вместе с Фанагорией и Синдской гаванью (Ps.-Skymn., 886—889). Страбон помещает этот город после Кеф «за Гипанисом в Синдиксе» (Strabo, XI, 2, 10). Дионисий Перизетт отмечает, что Гермонасса была прекрасно построена (Dion. Per., 541—553). Это сообщение повторяет Евстафий в комментарии к Дионисию (549), Руфий Ависен в «Описании» (720—733) и Присциан (557—566). Арриан опять же вслед за Дионисием сообщает, что Гермонасса «названа по Гермонассе, жене некоего митилеца Семандра» (Arr., *Vibh.*, fr. 60). Птолемей помещает Гермонассу в Поите, указывая ее координаты (65°—47'30") (Ptol., V, 8, 8).

Псевдо-Арриан сообщает, что «если въехать в самое озеро и плыть вдоль берега в город Гермонассу, то будет 440 стадиев, 58 1/2 мили...» (Ps.-Arr., PFE, 64). Еще раз Псевдо-Арриан упоминает Гермонассу в сочетании с Фанагорией (Ps.-Arr., PFE, 74). Помпоний Мела начинает

с Гермонассы перечисление городов, расположенных на острове, образованном рекой Коракандой (Mela, I, 19, 112). Так же первой при входе в Боспор называет Гермонассу и Плиний (Plin., VI, 18). Аммиан Марцеллин упоминает остров Гермонассу, расположенный, как и остров Фанагор, «по правую сторону» пролива (Amm. Marc., XXII, 8, 30). Такова античная традиция о Гермонассе.

Подавляющее большинство исследователей локализуют Гермонассу на месте современной станицы Тамань⁴⁷. Однако встречается и иное мнение, в частности, о возможности локализации Гермонассы на мысу между лиманами Цукур и Кизил-Таш Таманского полуострова⁴⁸. Наша локализация предполагала отождествление Гермонассы с городищем на месте современной станицы Тамань⁴⁹. Однако этот вариант опирался на допуск перемены местами на карте Птолемея Гермонассы и Корокондамы вследствие разворота Таманского полуострова. Новая версия локализации Фанагории и Корокондамы предполагает иной подход в определении местоположения Гермонассы.

Согласно нашим расчетам, Корокондаму и Гермонассу на карте Птолемея разделяли примерно 23 км (45° по долготе). Это расстояние довольно точно соответствует отрезку между современной станицей Тамань, где была расположена Корокондама, и городищем у пос. Севной, определяемым в литературе как Фанагория. Такая локализация Гермонассы не только не противоречит античной традиции, но и, напротив, полностью разрешает те расхождения, которые имеются в ней самой. Так, становится понятным определение местоположения Гермонассы у Гекатея Милетского на «маленьком острове» (Hecat., 197). Этот остров, определяемый Я. М. Паромовым как «Фанагорийский»⁵⁰, был отделен от остальных земель Субботиним ериком и Шемарданским рукавом. Он действительно маленький по сравнению с островом Фанагора (нынешний Фанталовский полуостров) и островом Синдика, который был отделен от остальных земель Шемарданским рукавом и старым руслом Кубани⁵¹.

Становится понятной и последовательность в перечислении городов у Псевдо-Скимна, ведущего описание от Танаиса (Ps.-Skymn., 886—889), а также у Помпония Мелы и Плиния, ведущих описание с востока на запад (Mela, I, 19, 112; Plin., NH, VI, 18).

В то же время очевидно, что в тех случаях, когда принимались во внимание оба рукава Кубани, впадающих в Корокондамское озеро (Таманский залив), Гермонасса оказывалась на острове (Hecat., 197; Amm. Marc., Hist., XXII, 8, 30). В тех же случаях, когда подразуме-

нался только один рукав, Гермонасса оказывалась либо вместе с Фанагорией (Dion. Per., 541—553), либо отделенной от нее современным Субботиным ериком (Strabo, XI, 2, 10). Возможно, что подобная вариативность связана с постепенным разворотом устья Кубани к северу и, с одной стороны, с отмиранием старых, более южных рукавов, а с другой стороны, с появлением новых, более северных рукавов. Во всяком случае, на наш взгляд, выражение Страбона «за Гипанисом в Синдикее» следует понимать, как «за современным Субботиным ериком», и в этом случае локализация Гермонассы на городище у пос. Сенной значительно в большей степени соответствует описанию Страбона, чем помещенные здесь Фанагория.

Городище было расположено на южном берегу Таманского залива, примерно в 1 км к западу от пос. Сенной. Вследствие подъема уровня моря по сравнению с античным периодом северная часть города находится под водами залива. Общая площадь городища была 50 га. Систематические исследования города и его некрополей начаты с 1933 г. Основание города, вероятно, произошло около 542 г. до н. э., что подтверждается археологическими находками. Все найденные до сих пор сооружения раннего периода зафиксированы в центральной его части. В начале V в. до н. э. территория города расширяется. Проводятся большие строительные работы, возводятся крепостные стены толщиной 1 м с фундаментом из огромных плоских камней песчаника. В IV в. до н. э. город расширяется в восточном направлении. В III—II вв. до н. э. возводится новая оборонительная стена шириной 4 м. В IV—II вв. до н. э. город переживает экономический подъем. После некоторого упадка, связанного с бурными событиями I в. до н. э., в I—II вв. н. э. в городе проводятся восстановительные работы, увеличивается городская территория, возводятся крепостные стены. В III—IV вв. н. э. территория города сохранилась в прежних размерах. Разрушена предполагаемая Гермонасса была при нашествии гуннов³².

Апатур. Это святилище Афродиты известно по сообщению нескольких античных авторов. Гекатей Милетский утверждает, что оно находилось в Фанагории и что в Азии существовал одноименный залив (Hekat., 165). Его повторяет также Стефан Византийский (s. v. 'Απάτουρον). Страбон помещает Апатур за Гипанисом в Синдикее вместе с Гермонассой (Strabo, XI, 2, 10). Птолемей, напротив, определяет его положение на севере Таманского полуострова (66°29'—48°15') (Ptol., V, 8, 2). Название Апатур встречается у Элия Геродотана в работе «Об общей просодии» (VIII, 202, 12; XIII, 389, 8). Наконец, Плиний поме-

щает «почти опустелый» Апатур между Фанагорией и Киммерием (Plin., NH, VI, 18).

Таким образом, одни авторы локализируют Апатур вблизи Фанагории, другие — вблизи Гермонассы. В зависимости от того, на свидетельство какого автора опирались исследователи, затрагивающие проблему локализации Апатура, и определялось его положение. Так, используя данные Клавдия Птолемея, мы считали наиболее вероятным местонахождение Апатура на севере Таманского полуострова, отождествляя его с Ильичевским поселением²³. Большинство исследователей, напротив, комбинируют сведения Гекатея со Страбоновскими, не принимая данные Птолемея всерьез. Так, С. Р. Тохтасьев отмечает, что координаты Апатура у Птолемея «не следует принимать всерьез. Сам метод определения координат у Птолемея рассчитан на то, что они будут служить лишь приблизительными, ориентировочными указаниями на местонахождения географических объектов»²⁴.

Ф. Дюбуа де Монпере отождествлял Апатурский залив с нынешним Ахтанизовским лиманом, а святилище помещал на вдающемся в лиман мысу Дубовый рынок²⁵. Кисслинг считал Апатурский залив идентичным Корокондамскому озеру, а Апатур помещал где-то вблизи Кеп²⁶. Этой же версии локализации Апатура, правда, с иной аргументацией, придерживается В. П. Яйленко, который допускает мысль об отождествлении Апатура с Кепами²⁷. Н. П. Розанова локализует святилище в районе Цукурского лимана²⁸. Идею нахождения Апатура в глубине полуострова высказывал также И. Д. Марченко²⁹.

По мнению С. Р. Тохтасьева, «единственно возможной представляется локализация Апатура уже не просто на берегу Корокондамитиды, а конкретно около города Гермонассы»³⁰. В соответствии с локализацией Гермонассы на месте современной станции Тамань, в этом районе помещал Апатур М. И. Ростовцев³¹. С. Р. Тохтасьев на основе комбинации сведений Гекатея и Страбона (информация Клавдия Птолемея, равно как и Плиния, не учитывается) приходит к заключению, что Апатур располагался «на берегу составляющей часть Корокондамитиды небольшой бухты, врезающейся в северное побережье острова Гермонасса [под ним в данном случае понимается южная часть современного Таманского полуострова. — В. З.], неподалеку от одноименного города (...) Похоже на то, что Апатурский залив исчез (вместе со святилищем?) с лица Таманского полуострова вследствие характерного для этих мест интенсивного процесса абразии берегов»³².

Локализация Гермонассы на городище близ пос. Сенной не исключает помещения Алатура на отрезке побережья между пос. Сенной и станцией Тамань, однако район поиска должен быть приближен именно к пос. Сенной, а не к Тамани, как это предполагалось ранее. В то же время нельзя полностью игнорировать сведения Плиния и Птолемея, связывающих Алатур с Фанагорией, тем более что и у Гекхета в изложении Стефана Византийского Алатур — святилище Афродиты в Фанагории (Nesat., 165). Ясно, что если отбросить возможность существования двух одноименных святилищ (это маловероятно, учитывая определенную близость Фанагории и Гермонассы), то кто-то из античных авторов допускает ошибку в определении местоположения Алатура. Но кто и почему? Попробуем разобраться в этом вопросе.

Если Алатур был местом поклонения Афродите Урании всех близлежащих полисов, включая Гермонассу и Фанагорию, то ясно, что он должен был иметь с ними достаточно удобное сообщение. При этом в источниках, послуживших основой для compilаций Плиния и Птолемея, при полном объезде Корокондамского озера Алатур оказывался рядом с Гермонассой, а при прямом сообщении с Фанагорией следует за последней. Плиний, начинающий описание с южного побережья Корокондамитиды, игнорирует в данном случае Алатур, называя сразу Гермонассу, и в этом он солидарен с Мелой. Более того, последовательность в перечислении топонимов и их выбор у обоих авторов идентичны (Гермонасса, Кепы, Фанагория и у самого устья — Киммерий), за исключением двух пунктов (Стратоклии и Алатура), названных у Плиния в соседстве с Фанагорией. Ясно, что в данном случае добавился какой-то иной источник, отражавший иной маршрут, связывающий Алатур с Фанагорией. Уточняющее определение Алатура как «почти опустелого» свидетельствует, что к этому времени он уже перестал играть сколь-либо заметную роль. В результате компиляции Алатур оказался между Фанагорией и Киммерием, вместо действительного положения напротив Фанагории, на южном берегу Таманского залива, рядом с Гермонассой.

Аналогичная ситуация сложилась и на карте Клавдия Птолемея, где Алатур также расположен между Киммерием и Фанагорией, причем между ними еще влиялся Ахиллий при устье Боспора.

Необходимо отметить также еще одно обстоятельство, на которое до сих пор внимание не обращалось. И у Плиния (Plin., NH, VI, 17—18), и у Мелы (Mela, I, 19, 111—112) Гермонасса следует после Синдикы. Аналогично и в «Географическом руководстве» Птолемея Сид-

ская гавань и древняя Синда указаны после Гермонассы, которой открывается описание Понтийского побережья (Ptol., V, 8, 8). У Страбона же Синдская гавань следует после Корокондамы («Сейчас за Корокондамой морской путь идет на восток. В ста восьмидесяти стадиях от нее находится Синдский порт и город...») (Strabo, XI, 2, 14). Однако в другом месте описание Синдики дано после Гермонассы и Апатура («В Синдике же недалеко от моря, лежит и Горгиппия, столица синдов, и Аборака») (Strabo, XI, 2, 10). Ясно, что в первом случае в основе сообщения Страбона лежит перипл (указание на «морской путь» достаточно конкретно). Во втором же случае мы, скорее всего, имеем дело с перизгезой или, что, вероятно, более точно, с диафесой племени. Сопоставление этого обстоятельства с описаниями Плиния, Мелы и Птолемея позволяет сделать заключение, что у них отражен прямой путь из Синдики к Гермонассе (у Птолемея в обратном направлении), что в сочетании с объездом Корокондамыского озера и привело у Плиния и Птолемея к появлению соответствующей компиляции.

Таким образом, Апатур следует искать в непосредственной близости от Гермонассы (городище у пос. Сенной), напротив или почти напротив Фанагории (городище у пос. Гаркуша), на расстоянии от последней, учитывающем включение в него отрезка пути от Ахиллия при устье Босфора, заключенного между ним и Апатуром. Этот отрезок пути на карте Птолемея составляет 110' по долготе и 15' по широте. Однако оставшееся расстояние по широте (40'), как мы уже выяснили, соответствует отрезку между Фанагорией и Ахиллием. Следовательно, 15' должны отражать как раз действительное расстояние между Апатуром и Фанагорией, в то время как долгота после вычета 110' у них оказывается общей. Исходя из этого, получаем, что в древности Фанагорию и Апатур разделяли около 7,7 км, что довольно точно указывает на поселение, обозначенное на карте Я. М. Паромова как Приморский 23⁴⁹. Расстояние же между Гермонассой и Фанагорией, равное 18,7 км, соответствует маршруту, идентичному описаниям Плиния и Мелы, т. е. вдоль восточного и северного побережий современного Таманского залива.

Итак, Апатур располагался в районе современного пос. Приморский. Не исключено, что его можно связать с остатками поселения Приморский 23, хотя возможно, что само святилище находится уже на дне Таманского залива. Датируется поселение второй половиной VI в. до н. э. — I в. н. э.⁴⁹ («почти опустелый» Апатур Плиния?). Интересно, что большинство надписей, дающих основание считать сосед-

нее городище у пос. Сенной Фанагорией, происходит из окрестностей пос. Приморский. Возможно, некоторые надписи, например, такие, как найденная в 1986 г. мраморная плита с декретом Фанагория о предоставлении гражданства наемникам⁶⁵, являлись соответствующими копиями, помещенными в святилище в подкрепление законности того или другого акта, тем более, если это было центральное святилище. Что касается Апагурского залива Гекатея, то, возможно, прав Клаузен, считавший, что под этим заливом понимается рукав Гипаниса, нынешний Шмардан⁶⁶? Во всяком случае, утверждение С. Р. Тохтасьева, что «гипотеза Клаузена неправдоподобна» по той причине, что «трудно поверить в наличие у устья реки собственного названия, тем более что оно было не так уж и широко», лишено всякого основания. Достаточно в этой связи вспомнить античные наименования устьев Истра (Дунай).

Стратоклия. Этот пункт упомянут только в «Естественной истории» Плиния, который сообщает лишь то, что Стратоклия была расположена где-то между Кепами и Фанагорией (Plin., VI, 18). Попыток конкретной локализации Стратоклии не предпринималось, однако некоторые соображения по этому поводу в контексте нашей версии местоположения Фанагории высказать все-таки можно.

Прежде всего, отметим, что приморское положение Стратоклии вовсе не обязательно (вспомним аналогичную ситуацию у Плиния при перечислении городов в Крыму), в противном случае ее после Фанагории назвал бы Страбон. Действительно, на отрезке побережья между Кепами (Волна Революция 1) и Фанагорией (городище у пос. Гаркуша) нет сколь либо значительных объектов⁶⁷. С другой стороны последним в цепочке городов назван у Плиния Киммерий (Ильич 1), а как раз над предполагаемыми Кепами, но в глубине Фанталовского полуострова расположено городище, обозначенное на карте Я. М. Паромова как Фонталовская 1⁶⁸. Согласно реконструкции главных дорог Таманского полуострова, предложенной Я. М. Паромовым, это поселение, по-видимому, в совокупности с поселением Фонталовская 6, находилось примерно в середине первой из главнейших дорог Таманского полуострова, берущей начало от переправы через Босфор Киммерийский и идущей как раз от поселения Ильич 1, с которым мы отождествляем Киммерий. Это одно из самых значительных поселений на Фанталовском полуострове, в древности — острове Фанагора. От него отходила дорога, ведущая к Фанагории (городище у пос. Гаркуша)⁶⁹. Возможно, именно это поселение (Фанталовская 1, 6) и следу-

ет отождествить с Стратоклией Плиния? Расположено оно на территории ст. Фаяталовская, у западной окраины и в самой станице. В центральной части станицы расположены остатки крепости. Античный период существования датируется серединой VI в. до н. э. — IV в. н. э.⁷⁰

Синдская гавань. Прежде чем анализировать связанные с этим наименованием сообщения античных авторов, необходимо разобраться, в какой связи оно находится с созвучными ей Синдикой, городом Синд, деревней Синда, а так же Горгиппией. Используя одни и те же источники, исследователи по-разному решали этот вопрос. А. А. Завойкина совершенно справедливо разделяет историю изучения проблемы на два периода: до и после обнаружения и начала исследований в Анапе реальных остатков «Предгоргиппию»⁷¹. На первом этапе ощущалась большая свобода поиска, поэтому сторонников как объединения всех или нескольких наименований по одному населенному пункту, так и сторонников версии существования нескольких поселений было достаточно много. Так, князь А. А. Сибирский считал, что Горгиппия находилась на месте старого центра синдского государства — резиденции синдских царей, т. е. догреческого Синдика, Синдская гавань — вблизи станиц Витязевки и Благовещенской⁷². Эту точку зрения разделяли М. И. Ростовцев⁷³, Д. П. Каллистов⁷⁴, отчасти Ф. К. Брун, однако последний считал подобное разделение справедливым только в отношении Синдской гавани Страбона и Птолемея, помещая ее в районе Бугаза. Синдику же и Синдскую гавань Арриана и Псевдо-Арриана он локализовал в Анапе⁷⁵. В настоящее время этой точки зрения придерживается М. В. Агбунов⁷⁶, однако к его аргументации мы обратимся несколько позднее.

Противоположной точки зрения придерживается значительно большее количество исследователей. А. В. Орешников⁷⁷, А. Н. Зограф⁷⁸, В. Д. Блаватский⁷⁹, Д. Б. Шелов⁸⁰ отождествляют Синдскую гавань с Горгиппией. В. Ф. Гайдукевич⁸¹ и А. И. Болтунова⁸² отождествляют ее с Синдикой и локализуют все три пункта на месте Анапы. Из последних работ следует отметить статью А. А. Завойкина, специально посвященную этой проблеме⁸³. На основе анализа имеющихся письменных источников, данных археологии и сопоставления с аналогами в отношении других топонимов автор статьи приходит к заключению, что Синдская гавань (Синдик/Синдика) — это название предшествовавшего Горгиппии города, которое, впрочем, оставалось даже более употребительным в географической литературе, чем официальное, отраженное на монетах города и, возможно, в черепичных клеймах, а

позднее и в памятниках лапидарной эпиграфики. Живучесть первого названия, по-видимому, объясняется еще и тем, что старый город недолго лежал в руинах. Спустя какое-то время его перекрыли кварталы Горгиппии, жизнь в которых продолжалась до конца античной эпохи существования города»⁸⁴. Это заключение в части локализации Синдской гавани отлично от вывода М. В. Агбунова. Интересно сравнить аргументацию того и другого исследователя, предварительно обозначив те источники, вокруг которых развернулась дискуссия.

Первое упоминание Синдской гавани содержится у Псевдо-Скиллака Карниандского, назвавшего Синдскую гавань между Кепами и Патунтом в земле скидов (Pz.-Scyl., 72), а также отметившего, что «за Синдской гаванью — керкеты» (Pz.-Scyl., 73). Ф. В. Шелов-Коведяев определяет время создания перипла Псевдо-Скиллака 30-ми гг. IV в. до н. э., а сведения, относящиеся к Боспору, Азовскому морю и Кавказскому побережью — второй половиной V — первой половиной IV в.⁸⁵ Вслед за Псевдо-Скиллаком Синдскую гавань упоминает Псевдо-Скимн (Pz.-Skymn., 886—889), Страбон (Strabo, XI, 2, 14), Птолемей (Ptol., V, 8, 8) и Псевдо-Арриан (Pz.-Arr., PFE, 62; 63; 64; 74).

Наиболее раннее упоминание Синдикки (ἡ Σίνδικος) встречается у Геродота (Herod., IV, 86), однако, скорее всего, в данном случае речь идет о местности, а не о городе, так же как и у Страбона в VII, 4, 6, где упоминаются азиатские местечки возле Синдикки, или в XI, 2, 10, где говорится о Горгиппии. Синдику упоминает Арриан (Arr., 28—29). По-видимому, как считает И. Т. Кругликова⁸⁶, этот же город называет и Элий Геродиан и, следуя, вероятно, тому же источнику, что и Стефан Византийский, считает его смежным со Скифией: Σίνδικος πόλις πρὸς τὴν Σκίθιαν (Herodian., 152, 8). Стефан Византийский сообщает о Синдикке, что это город с гаванью и некоторые называют его Горгиппией (з. в. Σίνδικος). Псевдо-Арриан сопоставляет Синдику с Синдской гаванью (Pz.-Arr., PFE, 62).

Самое раннее упоминание о Горгиппии встречается у Страбона, который сообщает, что Горгиппия была расположена недалеко от моря в Синдикке и являлась столицей скидов (Strabo, XI, 2, 10), что между ней и Фанагорией на пространстве в 500 стадиев живут аспургинане (Strabo, XI, 2, 11) и что за Горгиппией «идет вдоль моря побережье ахесев, зигов и генинохов, по большей части не имеющее гаваней и гористое, так как оно составляет уже часть Кавказа» (Strabo, XI, 2, 12). Помимо Страбона, Горгиппию упоминает только Стефан Византийский, отмечая, с одной стороны, что это город в Синдикке (з. в.

Горгиппиана), а с другой, сопоставляя Горгиппию с городом Синдиком (в ч. *Σίνδικος*).

Кроме вышеперечисленных наименований, у Помпония Мелы встречается город Синд (*Mela*, I, 19, 111), а у Клавдия Птолемея — деревня Сида (*Ptol.*, V, 8, 8).

Таков круг письменных свидетельств по интересующей нас проблеме. К этому следует только добавить, что местоположение Горгиппии на месте современной Анапы в настоящее время можно считать твердо установленным по находкам надписей, в которых упоминаются народ горгиппийский (КБН, 11/8) и наместник Горгиппии (КБН, 11/3, 1119, 1132 и др.), черепиц с клеймом «ГОР» и горгиппийским монетам. Таким образом, спорным остается локализация прочих топонимов.

Обратимся к аргументам, которые выдвигаются как «за», так и «против» отождествления Синдской гавани и Синдика с Горгиппией.

В пользу отождествления, по мнению А. А. Завойкина, говорит следующее: во-первых, анализ Страбона показывает, что, описывая морской путь по периплу, Страбон называет «Синдскую гавань и город», но «забывает» о приморской Горгиппии, а характеризуя города Синдика, напротив, сообщает о Горгиппии, но «забывает» про Синдскую гавань. Такая «забывчивость» географа объяснима только в том случае, если признать, что автор употреблял эти два названия для обозначения одного и того же пункта, при этом одним из доводов, подтверждающих этот вывод, является положение, что для Страбона «совершенно не характерно» опускать собственное название города («Синдская гавань и город», «Баты — селение и гавань»)». Однако это не так. Достаточно вспомнить, что при описании побережья Херсонеса Таврического тот же Страбон упоминает «городок и другую гавань херсонессцев» (*Strabo*, VII, 4, 2), как видим, не утруждая себя сообщением их названия. Кроме того, присоединение Горгиппии и Аборак к описанию городов по побережью Корокондамитиды, несмотря на то что и Гермонасса, и Апатур указаны в Синдике, весьма проблематично. Упоминание Горгиппии и Аборак связано с диафесой племен, в то время как остальные города входят в перипл Корокондамитиды. То, что Горгиппия служит важным ориентиром именно в контексте диафесы, подтверждается тем, что Страбон, во-первых, сообщает, что между ней и Фанагорией на пространстве в 500 стадиев живут аспургиане (*Strabo*, XI, 2, 11), а во-вторых, опять-таки за Горгиппией идет вдоль моря побережье ахеев...» (*Strabo*, XI, 2, 12). Пространство в 500 стадиев никак не согласуется со 180 стадиями

между Корокондамой и Синдской гаванью, а в этом плане Страбон, как правило, точен.

Во-вторых, А. А. Завойкин, отталкиваясь от слов Псевдо-Скимна (886—889) о том, что Синдская гавань «заселена злиными, пришедшими из ближайших местностей», взаимоположения древнего города в Анапской бухте (вторая половина VI — первая половина V в. до н. э.) и Горгиппии (с середины IV в. до н. э.), приходит к заключению, что их историческое соотношение и взаимопонимание «в полной мере сопоставимы с характеристикой, данной в перизегезе». Следовательно, либо «Синдская гавань» — название города-предшественника Горгиппии, либо, кроме Горгиппии, существует где-то еще неоткрытый город, основанный, как и она, в результате боспорской колонизации, и название города-предшественника Горгиппии письменная традиция не сохранила⁸⁸. Но опять-таки Горгиппия — отнюдь не единственный город, основанный в результате боспорской колонизации в Синдиксе, а в отношении письменной традиции у нас еще остаются «Синдикса» и «Синд».

Отождествление Синдиксы и Синдской гавани покоится исключительно на свидетельстве Псевдо-Арриана (Рз.-Ат., PPE, 62). М. В. Агбунов считает это свидетельство ошибочным, не объясняя, правда, природу этой ошибки⁸⁹. Кроме того, он, опираясь на данные Страбона, определяет местоположение Синдской гавани и Горгиппии и приходит к заключению, что речь идет о разных населенных пунктах. Первая отождествляется с городищем Бугаз, вторая локализуется на месте современной Анапы⁹⁰. Что касается сведений Птолемея, то методом простого пересчета координат в стадии М. В. Агбунов определяет на месте Анапы деревню Синда, рассматривая ее как будущую Горгиппию, однако в отношении Синдской гавани того же автора никаких расчетов не приводится⁹¹. И это не случайно, поскольку аналогичный пересчет в этом примере без учета степени искажения Таманского полуострова на карте Птолемея и при общепринятой локализации Фанагория, Корокондамы и Гермонассы не может привести к положительному результату. Более того, если предположить перенос Гермонассы вследствие разворота Таманского полуострова (а только в этом случае общепринятая локализация Фанагория и Гермонассы может быть приведена в соответствие с координатами Птолемея), то Синдская гавань должна быть однозначно помещена на месте современной Анапы⁹².

Если М. В. Агбунов разрешает противоречие источников в пользу Страбона, то А. А. Завойкин поступает наоборот, отталкиваясь при этом от противоположного. Попытавшись встать на противоположную «отождеств-

дящей» версии позицию и отыскать приемлемое объяснение противоречивым показаниям источников (в отношении аналогичной попытки М. В. Агбунова лаконично отмечено, что она «не увенчалась успехом»⁸⁰), исследователь не находит ничего убедительного и приходит к заключению, «что Сиддская гавань и Горгиппия — это два названия одного и того же города. Две неточности двух авторов (Страбона и Псевдо-Скимна) досадны, но с ними придется смириться»⁸¹. Какие же это неточности и настолько ли они неразрешимы, чтобы однозначно утверждать, что «дифференцирующая версия несостоятельна»⁸²?

1. «Объяснить, почему авторы географических сочинений до Страбона игнорировали Горгиппию, невозможно»⁸³.

Во-первых, до нас дошли далеко не все географические сочинения античных авторов. Во-вторых, как показывают археологические раскопки, в начале II в. до н. э. город подвергся нападению врагов и частично был разрушен, резко снижается его экономическая активность (к концу III — началу II в. до н. э. относится только 6 клейм). В Горгиппии не найдено ни одного эпиграфического памятника, датированного II веком до н. э. Стабилизация экономического положения Горгиппии начинается лишь к концу II в. до н. э. В предпоследнем десятилетии II в. до н. э. Горгиппия впервые в своей истории начала чеканить серебряную монету. Окончательно ситуация, по-видимому, стабилизировалась к началу I в. до н. э.⁸⁴ Сопоставим это со свидетельством Страбона об аспургианах (Strabo, XI, 2, 11), которое, по мнению С. Ю. Сапрыкина, основано на современных Страбону источниках⁸⁵, и станет понятно, почему в «Географии» Страбона появилось наименование Горгиппия. С другой стороны, сведения Арриана и Псевдо-Арриана по этому району Причерноморья, как показал весь предшествующий анализ их сведений, скорее всего, относятся как раз ко II в. до н. э., т. е. к периоду упадка Горгиппии. Что касается более ранних известий, то неясно, имела ли Горгиппия в то время статус города или же на территории существовавшего поселения (Сиддика?) располагалась царская резиденция и эргастерий. Во всяком случае, как подчеркивает И. Т. Крутликowa, «нет никакого сомнения, что Горгиппия не имела регулярной планировки, во всяком случае в той части города, где находится наш основной раскоп ("Город")»⁸⁶. Впрочем, А. А. Завойкин приводит в подтверждение нередкости двойного названия города в античном мире весьма интересный пример из Страбона (XIV, 1, 21) о переименовании Лисимахом Эфеса по имени супруги Арсиной. «Впрочем, — сообщает географ, — древнее имя осталось преоблада-

ющими»¹⁰⁰. Так что вполне объясним тот факт, что в ряде источников наименование Горгиппии отсутствует. Что касается данных Птолемея, то мы остановимся на них чуть позже.

2. Сравнивая расстояние, приводимое Страбоном (180 стадиев между Корокондамой и Синдской гаванью), с одной стороны, и расстояния, приводимые Аррианом и Псевдо-Аррианом до Пантикалея (440 стадиев), А. А. Завойкин определяет, что они «превышают реальные примерно на столько же, сколько составляет расстояние от предполагаемой точки [локализации Синдской гавани] до Горгиппии (Анапы), т. е. примерно 180 стадиев». Вывод, который делает исследователь, бесспорен — ясно, «что указанные авторы ошибались, отождествив Синдскую гавань и Синдику или Горгиппию»¹⁰¹. Однако ответ на заданный при этом вопрос, что перепутано: расстояния или названия? — очевиден.

В перипле Арриана нет никакого упоминания о Синдской гавани (Ал., РРЕ, 29). Цифра в 540 стадиев до Пантикалея указана от Синдики. У Псевдо-Арриана между § 62, который соответствует § 28 Арриана и в котором содержится единственное в античной литературе свидетельство о тождественности Синдской гавани и Синдики, и § 67, который соответствует § 29 Арриана, вставлены отрывки, как предполагается, из Мениппа (§ 63 и, возможно, § 64) и из ямбической периземы (§ 65)¹⁰², в которых упоминается только Синдская гавань. Еще раз гавань Синдская упоминается в § 74, взятом из того же Псевдо-Скимна (Ps.-Skymn., 886—899), вновь без всякого сопоставления с Синдикой. Зато в § 67 названа Синдика без какого-либо упоминания Синдской гавани. Ясно, что связь Синдики с Синдской гаванью искусственна и призвана скорее служить святоушным звеном в компиляции источников, где в одном случае названа только Синдская гавань, а в другом — только Синдика, хотя речь идет об одном и том же районе. Из этого следует, что цифровой материал из Арриана, скорее всего, никак не связан с цифровым материалом других источников, то есть 440 стадиев до Гермонассы действительно указаны от Синдской гавани, в то время как 540 стадиев до Пантикалея отмерены от Синдики. Однако так ли это, можно установить только после точной локализации Синдской гавани на основе данных Страбона и Птолемея.

В «Географии» Страбона Корокондаму и Синдскую гавань разделяют 180 стадиев, или 33,3 км. Географ подчеркивает, что сразу за Корокондамой морской путь идет на восток (Strabo, XI, 2, 14), однако от места предполагаемой локализации Корокондамы (ст. Тамань) мор-

ской путь сначала идет на запад, огибает м. Тузла и только потом поворачивает к востоку (прежняя локализация Корокондамы также не соответствует указанию Страбона, т. к. от м. Тузла морской путь идет к югу). Между тем мы уже неоднократно встречались с ситуацией, когда в текст першла у Страбона оказывалась вставлена переписка (например, район Малого Херсонеса или расстояние между Феодосией и Пантикапеем). Во всех случаях это было связано с тем, что обе крайние точки маршрута являлись приморскими топонимами. Версия сухопутной дороги от Корокондамы к гавани Баты до сих пор не рассматривалась, за исключением нашего же предположения о ее отрезке между нынешней Анапой и Новороссийском¹⁰². Если это предположение верно, то Сиддская гавань располагалась где-то к югу от ст. Старотитаровской. Однако для большей убедительности обратимся к «Географическому руководству» Клавдия Птолемея. По нашим расчетам, Сиддскую гавань и Корокондаму на карте Птолемея разделяли 39,7 км. Цифра, достаточно близкая к Страбону. Некоторая разница может быть связана или с включением у Птолемея в промежуток между Корокондамой и Сиддской гаванью Гермонассы, или же с более точным измерением (вспомним, что в «Географическом руководстве» явный приоритет отдается карте сухопутных дорог). Если сравнивать полученные расстояния с картой главных дорог Таманского полуострова Я. М. Паромова¹⁰³, то данные Птолемея выглядят более точными. Кроме того, в тот же район ст. Старотитаровской мы попадаем при следовании от Гермонассы (гор. у пос. Сенной) по суше (у Птолемея Сиддская гавань помещена после Гермонассы). Расстояние от последней до Сиддской гавани — 18,7 км.

Наиболее подходящим объектом для отождествления с Сиддской гаванью является поселение, известное как Старотитаровская 17. Находится оно в 4 км к юго-западу от ст. Старотитаровская, в 5—26 м над уровнем моря, на берегу Кизилташского (Кубанского) лимана, на древнем мысу. Культурный слой нарушен плантажной и простой решеткой, микрорельеф сложен, однако в нем различимы пологие возвышения, соответствующие светлым пятнам на аэрофотосъемке, местами образующие структуру кварталов, на которых концентрируется подъемный материал, и ложбина — след древней дороги, проходившей через все поселение. Культурный слой в обнажениях — до 2,0—2,5 м. Датировано V в. до н. э. — XIII в. н. э.¹⁰⁴

Вернемся теперь к Псевдо-Арриану, точнее, к его информатору, в качестве которого в данном случае, скорее всего, выступает Псевдо-

Скимн. Чтобы был более ясен ход дальнейшего рассуждения, приведем полностью интересующий нас отрывок: «За Синдской гаванью следует селение, называемое Корокондама, лежащее на перешейке или узкой полосе между озером и морем. За ней находится Корокондамское озеро, ныне называемое Описсас, образующее очень большой залив в 530 стадиев, 84 мили. Если въехать в самое озеро и плыть вокруг берега в город Гермонассу, то будет 440 стадиев, 58 $\frac{1}{2}$ мили» (Рз.-Алт., РРЕ, 64). Обращает на себя внимание уточнение «плыть вокруг берега». Не вдоль, а вокруг! 440 стадиев в пересчете на километры при величине стадия 197 м составляют 86,7 км. Это очень близко к маршруту от Синдской гавани (поселение Старотитаровская 17) по старому рукаву Кубани, вокруг м. Тузла к Гермонассе (городище у пос. Сенной), т. е. фактически объезд Синдикки. В связи с этим становится понятным и следующий параграф из перипла Псевдо-Арриана: «Итак, от Гермонассы до Синдской гавани вдоль Меотиды живут ныне люди, называемые народом синдов, от которых страна эта называется Синдиккой» (Рз.-Алт., РРЕ, 65). Перед нами — островная Синдикка, та ее часть, которую, как довольно убедительно предположил В. Д. Блаватский, и отделяла от материковой части т. н. «Синдская расселина» Гиппонакта из Эфеса. «Этот пролив, находившийся в средней части Синдикки, видимо, воспринимался как наиболее характерная ее особенность прибывшими в эту страну греческими мореходами»¹⁰⁸. Неудивительно поэтому возникновение в глубине этой «расселины» поселения со сходным названием «Синдская гавань», совершенно отличного от города Горгиппи, возникшего позже на месте или в непосредственной близости от более раннего Синдикки. Таким образом, границы острова, обозначенного Псевдо-Скимном, становятся вполне понятными. При движении со стороны Танаиса он обозначил главные города трех его составляющих частей: Синдскую гавань на юге (остров Синдикка), Гермонассу на востоке (остров Гермонасса) и Фанагорию на севере (остров Фанагора). Единство всех трех известных отрывков Псевдо-Скимна — 886—889; 890—895 и известного из Псевдо-Арриана (§ 64) подтверждается тем фактом, что оставшиеся после объезда Синдикки 90 стадиев (530 ст. — 440 ст.) соответствуют участку маршрута от Гермонассы (городище у пос. Сенной) до Фанагории (городище у пос. Гиркуша), что подтверждает высказанную нами ранее версию о соответствии Корокондамского озера Псевдо-Арриана не только Таманскому заливу, но и части юго-восточных лиманов, с той лишь разницей, что маршрут объезда проходил вокруг м. Тузла. Отсюда,

вероятно, появилась и река Короканда у Помпония Мелы (I, 19, 111), «изливающаяся двумя руслами в озеро и в море». Что касается города Киммериды и Кея, то здесь бросается в глаза явная связь с § 66 и § 69 у Псевдо-Арриана. Цифра в 515 стадиев от Гермонассы до селения Ахиллова, на первый взгляд, невероятна, однако, если вычесть из нее 440 стадиев от Синдской гавани до Гермонассы (напомним, что в § 64 сказано: «Если въехать в самое озеро и плыть вокруг берега в город Гермонассу...»), то оставшиеся 75 стадиев от выхода из внешнего Таманского залива (в § 66 подчеркивается: «если выплыть из залива», т. е. проделывать обратный маршрут) вполне соответствуют расстоянию до городища Батарейка I, с которым мы и отождествляем Ахиллий. В этом случае город Киммериды Псевдо-Скимна идентичен Киммерию других авторов и должен быть отождествлен с Ильичевским поселением. Кеи же располагались с противоположной стороны (городище Волна Революции I), напротив Гермонассы (городище у пос. Сенной), и были связаны с Киммеридой дорогой, что нашло отражение в перизгезе Псевдо-Скимна. Таким образом, описание закончилось, вновь вернувшись к Гермонассе. После этого логично было бы предположить следующее заключение: 890—895 перизгезы Псевдо-Скимна.

В целом описание этой части Азии у названного автора может быть восстановлено следующим образом.

886—889. «Затем следует Гермонасса, Фанагория, которую, как говорят, основали некогда теоссы, и гавань Синдская, населенная эллинами, пришедшими из ближайших местностей».

§ 64 (Псевдо-Арриан). «За Синдской гаванью следует селение, называемое Корокондамой, лежащее на перешейке или узкой полосе между озером и морем. За ней находится Корокондамское озеро, образующее очень большой залив в 530 стадиев. Если въехать в самое озеро и плыть вокруг берега в город Гермонассу, то будет 440 стадиев».

§ 66 (Псевдо-Арриан). «От Гермонассы, если выплыть из залива, до устья озера Меотиды и селения Ахиллова 515 стадиев».

§ 69 (Псевдо-Арриан). «От Ахиллова селения, которое лежит на конечном пункте Азии и при проливе у устья озера Меотиды или Танаиса, до селения, лежащего напротив на конечном пункте Европы, называемого Портмисем и лежащего также при проливе у устья озера Меотиды, ширина устья 20 стадиев».

896—899. «При самом выходе из устья лежит город Киммериды, получивший свое название от варваров киммерийцев, основанный боспорскими тиранами, и Кей, основанный милетянами».

890—895. «Эти города расположены на острове, занимающем большое пространство ровной земли по Меотиде вплоть до Боспора; остров этот недоступен с одной стороны вследствие болот, рек и топей, находящихся на противоположной стороне (от моря), с другой — благодаря морю и озеру».

§ 65 (Псевдо-Арриан). «Итак, от Гермонассы до Синдской гавани вдоль Меотиды живут некие люди, называемые народом синдов, от которых страна эта называется Синдикой. Эти синды — варвары, но нравами кротки. За синдами же находятся керкеты, называемые также торитами, справедливый и добрый народ, весьма опытный в мореходстве. От керкетов же соседнюю с ними землю занимают ахейцы, которые, как говорят, будучи эллины родом, называются, оварварившись, ахейцами. Ибо, говорят, есть предание, что некогда орхоменская дружина Иалмена, плывя на всех судах от Илиона, под действием танаисского ветра против воли попала в Понтийскую варварскую страну; поэтому-то они, говорят, преданы чужеземным обычаям и незаконны и по нравам более всего суровы к эллинам (ахейцы), многочисленны и враждебны керкетам».

Таким образом, следует признать, что §§ 64, 66 и 69 в перипле Псевдо-Арриана принадлежат не Мениппу, как это считалось раньше¹⁰⁷, а Псевдо-Скимну, и при таком прочтении свидетельство последнего приобретает совершенно иное и вполне законченное звучание, снимающая практически всякое разночтение в отношении Синдской гавани. Впрочем, можно предположить и некий общий для Псевдо-Скимна и Псевдо-Ариана источник, изложенный первым автором более кратко, чем вторым.

Что касается вопроса, как же называлась страна, расположенная между Синдской гаванью и Горгияппией, в которой находилась «царская резиденция синдов», заданного А. А. Завойкиным¹⁰⁸, то, во-первых, это определение, данное Страбоном, относится не ранее чем к I в. до н. э., а во-вторых, авторы эллинистического периода однозначно говорят о керкетах: «За Синдской гаванью народ керкеты» (Pz.-Skymn., 73); «за синдами же находятся керкеты...» (Pz.-Arr., PPE, 65). Причем, если в перипле Псевдо-Арриана в отрывке, взятом у Псевдо-Скимна, керкеты смешиваются с торетами (PPE 65), то у Псевдо-Скьяла их разграничение достаточно ясно (Pz.-Scyl., 73—74). Во времена же Страбона «между Фанагорисой и Горгияппией на пространстве пятисот стадиев» жила аспургиане (Strabo, XI, 2, 11). Кроме того, не следует забывать, что в одних источниках диафеса племен связана с перип-

лом, и в этом случае сообщается наименование племен, населявших побережье, а в других — с перигезой, где могли перечисляться племена, занимающие территорию в глубине материка.

Синдская гавань (пос. Старотитаровская 17) располагалась в глубине современного Кизилташского лимана и во время следования вдоль Понтийского побережья оставалась в стороне (вот почему ее нет у Арриана). Напротив, при сухопутном маршруте Синдская гавань включалась в описание, а побережье за «Синдской расселиной» могло оставаться в стороне. Наконец, картина расселения племен никогда не была в действительности постоянной, и во II в. до н. э., например, Синдика могла сократиться до островных размеров (вспомним ситуацию в Горгипсии в это время). Кроме того, перечень племенных наименований во многом зависел от того, что именно хотели подчеркнуть авторы: этническую принадлежность или политический, административный компонент — «боспораны» Птолемея (Ptol., V, 8, 25) или «аспургиане» Страбона (Strabo, XI, 2, 11).

Итак, Синдская гавань определенно не равнозначна Горгипсии и должна быть отождествлена с поселением Старотитаровская 17, в то время как Синдика Арриана локализуется на месте современной Анапы (540 стадиев от Пантикапея). Возможно, она тождественна с Горгипсией или же с более ранним Анапским поселением. Во всяком случае, ясно, что территориально и стадиально два эти топонима тесно связаны между собой. Однако остаются еще два наименования — деревня Синда Птолемея и город Синд Помпония Мелы, топонимически связанные с Синдикой. Они могут быть тождественны или Горгипсии, или Синдской гавани, или же быть с ними никак не связаны. На этой проблеме мы остановимся ниже.

Деревня Синда. Прежде чем определять местоположение этого населенного пункта, известного, по крайней мере в таком звучании, из «Географического руководства» Клавдия Птолемея, необходимо еще раз вернуться к определению реальных величин $1'$ по долготе и $1'$ по широте для VI зоны. Дело в том, что при их определении мы исходили из общепринятой локализации Фанагория и Гермонассы, а также из предположения, что Синдская гавань находилась на месте современной Анапы. Новая версия местоположения этих населенных пунктов вынуждает вновь обратиться к данному вопросу. Ранее чем была локализована Синдская гавань, его решение было проблематично, поэтому мы использовали прежние параметрические величины. Это не могло существенно повлиять на конечный результат, так как одна из

четырёх пар опорных пунктов — устье Танаиса — устье Вардана — осталась неизменной и, следовательно, исходя из принципа сохранения пропорциональности топонимов, связанных общностью информационной базы Птолемея, её параметры не могут существенно расходиться с параметрами остальных пар опорных пунктов. Локализация Фанагории и Гермонассы позволяет проверить это положение. Что касается Синдской гавани, то она связана с вышеназванными городами сухопутными дорогами, где установить аналоги широтно-долготным параметрам Птолемея невозможно и реальным является лишь прямое расстояние. Однако вместо Синдской гавани могут быть использованы координаты Корокондамы, отождествляемой нами с городищем на месте современной ст. Тамань.

1. Фанагория — Гермонасса. Долгота ($30'$) соответствует на местности каботажному объезду вдоль побережья Таманского залива от Гермонассы (пос. Сенной) до Фанагории (пос. Гаркуша), т. е. примерно 15 км. Широта соответствует широте Корокондамы (ст. Тамань). (В «Географическом руководстве» Гермонасса опущена к югу и оказалась на одной широте с Корокондамой, в результате чего Синдская гавань расположена севернее Гермонассы.) Отсюда $20'$ по широте соответствуют примерно 10,7 км. Таким образом, искомые величины $1'$ определяются по долготе 0,5 км, а по широте 0,535 км.

2. Корокондама — Гермонасса. Долгота в $45'$ соответствует на местности примерно 23 км и идентична прямому расстоянию между этими пунктами, расположенными на карте на одной широте. $1'$ долготы составляет 0,51 км.

3. Корокондама — Фанагория. Долгота в $15'$ соответствует примерно 8 км. Широта в $20'$ — примерно 10,5 км. $1'$ долготы — 0,53 км, $1'$ широты — 0,53 км.

4. Устье реки Вардан — Фанагория. Долгота на карте Птолемея определяется в $100'$, так как исключается отрезок «Апатур — Ахиллий». Это соответствует примерно 50 км расстояния от устья Кубани до основания косы Чушка. Широта в $30'$ соотносится с расстоянием примерно 16 км от северного побережья Таманского залива до м. Каменный. $1'$ долготы определяется в 0,5 км, $1'$ широты — в 0,53 км.

Таким образом, основные параметры шестой зоны существенно не изменились и составляют по долготе 0,51 км в минуте, а по широте — 0,53 км в минуте. Общность ряда топонимов и некоторые особенности их взаимного расположения у Птолемея и Псевдо-Скимна (Псевдо-Арриана) позволяют предположить, что завышенные размеры Таман-

ского полуострова могли быть связаны на карте Птолемея с компиляцией метрического материала Псевдо-Скимна (Псевдо-Арриана) с иными источниками, вероятно, более близкими ко времени Птолемея. В этом случае какие-то показатели у двух авторов должны были бы совпадать. Возможно, что некоторые расстояния просто синхронно увеличены, однако любопытное совпадение расстояния между Синдской гаванью и Корокондамой (у Птолемея в пересчете наstadия оно составляет чуть больше 530 stadia¹⁰⁹), с одной стороны, и параметров Корокондамского озера у Псевдо-Скимна (Псевдо-Арриана) также в 530 stadia (Ps.-Agt., PPE, 64) — с другой, как будто бы подтверждает одну из причин искажения на карте Птолемея Таманского полуострова.

Но вернемся к деревне Синда. Ее положение за пределами Таманского полуострова (к востоку от Синдской гавани) очевидно, по крайней мере, чисто территориально. В этом случае встает вопрос о возможности применения по отношению к ней коэффициента искажения этого полуострова на карте Птолемея. Анализ топонимов Восточного Приазовья показал, что для тех из них, которые связаны с «Географией» Страбона общностью источника, действуют иные параметрические соотношения, чем в тех случаях, когда Птолемей использовал иного информатора. В отношении деревни Синда такая связь однозначно прослеживается. Сравним тексты. У Страбона сказано: «Сейчас за Корокондамой морская путь идет на восток. В ста восьмидесяти stadiaх от нее находится Синдский порт и город, затем в четырехстах — так называемые Баты, селение с гаванью...» (Strabo, XI, 2, 14). У Птолемея указано: Синдская гавань (65°30' — 47°50'), деревня Синда (66° — 48°), гавань Бата (66°30' — 47°40'), деревня Бата (66°20' — 47°30') (Ptol., V, 8, 8). Несмотря на то что формально расположенность у Птолемея иная в отношении гавани и деревни Бата, их координаты относительно друг друга, они вполне совпадают с последовательностью их перечня у Страбона. Кстати, М. В. Албунов использовал в своих расчетах stadia Страбона (185 м) и локализовал деревню Синда на месте современной Анапы, правда, с иной аргументацией, чем наша¹¹⁰. А. А. Завойкин, «вопреки мнению М. В. Албунова», считает, что «отождествлять ее с Горгнипией не представляется возможным»¹¹¹. Впрочем, никаких пояснений по этому поводу А. А. Завойкин не дает.

Между тем если источники Страбона и Птолемея тождественны (а это, по-видимому, так), то для всех объединенных ими пунктов действуют параметрические размеры шестой зоны, т. е. 1,1 км в отношении долготы и 1,3 км в отношении широты. Таким образом, расстоя-

ние между Синдской гаванью и деревней Синда составит примерно 35,5 км, что однозначно указывает на современную Анапу (в данном случае более северное по сравнению с Синдской гаванью положение деревни Синда явно ошибочно, так как тогда мы возвращаемся за Кубань в Восточное Приазовье далеко за пределы Синдикии). Было ли это одним из названий Горгиппии или же это название какого-то расположенного поблизости более раннего (например, Анапского) или одновременно существующего селения, сказать трудно, но если данные сведения Птолемея и Страбона связаны с перигетской Псеадо-Скумния, а это, по-видимому, так, то статус Горгиппии, переживающей во II в. до н. э. экономический упадок, как деревня становится вполне объяснимым. Вероятно, именно так или близко к этому звучало раннее название поселения на месте Горгиппии, оно же *город Синд Помпония Мелы* (Mela, I, 19, 111). Что касается Синдикии (Синдикии), то, скорее всего, — это перенесенное на город название местности.

Гавань Баты. В таком звучании этот населенный пункт известен только из «Географии» Страбона (Strabo, XI, 2, 14) и в несколько измененном виде (Бата) — из «Географического руководства» Клавдия Птолемея (Ptol., V, 8, 8). Судя по расположению, ему тождественен Патус Псеадо-Скилика (Ps.-Scyl., 72), однако если принять точку зрения неадекватности города (деревни) Баты (Бата) одноименной гавани (а это, вероятно, так, поскольку аналогична ситуация и в отношении Синдской гавани и Синда, которые, как мы убедились, соответствуют разным населенным пунктам), то Патус может быть соотнесен и с этим топонимом.

Опираясь на сведения Страбона, указавшего расстояние от Синдского порта до Бат в 400 стадиев, большинство исследователей помещают эту гавань, отождествляя ее с деревней Бата Птолемея, на месте Новороссийска. Этой точки зрения придерживались Монперей¹¹², Маринь ¹¹³, И. Е. Забелин¹¹⁴, С. Ф. Мельников-Разведенков¹¹⁵, Ю. В. Готье¹¹⁶, С. А. Жебелев¹¹⁷. М. О. Поночевный¹¹⁸ и В. Ф. Гайдукевич¹¹⁹ определяли местоположение Бат на мысу Мысляко. Высказывались также мнения о локализации Бат в Широкой балке, в долине реки Озерейки, на месте Туапсе и Макопсе, однако все они не имели достаточной аргументации и не получили широкого распространения¹²⁰. В настоящее время версия местоположения Бат на месте Новороссийска является общепринятой¹²¹.

Расстояние от Синдской гавани до гавани Баты, определяемое Страбоном в 400 стадиев, или, в пересчете на километры, 74 км (величина

стадия 185 м), довольно точно указывает на район Новороссийска. Однако сопоставим эти данные с координатами Клавдия Птолемея.

Между деревней Синда (совр. Анапа) и гаванью Бата на карте Птолемея 30' по долготе и 20' по широте. В пересчете на километры прямое расстояние составляет 42 км, что указывает на тот же район Новороссийска. Для полной уверенности определим также отрезок пути между Синдской гаванью (Старотитаровская 17) и гаванью Баты. В «Географическом руководстве» их разделяют 60' по долготе и 10' по широте, однако с учетом того, что деревня Синда (совр. Анапа) на карте Птолемея расположена на 10' к северу от Синдской гавани, вместо действительного более южного положения, последняя цифра должна быть увеличена до 20'. В пересчете на километры прямое расстояние тогда составит примерно 71 км, что весьма близко к цифре Страбона. При стадии же 177,6 км данные Страбона и Птолемея практически совпадают. Возможно, что в данном случае именно этот размер стадия использовался общим информатором двух географов.

Итак, гавань Баты (Бата), она же Патус Псевдо-Скилака, была расположена в районе современного Новороссийска. Возможно, что руины Бат были застроены гетуэской крепостью и позднее при перестройке Новороссийского порта были забетонированы. Местонахождение здесь Бат подтверждается разнообразными случайными находками, среди которых выделяются черепицы с клеймом IABATA (из них была выложена гробница). Вероятно, гавань Баты была основана в VI—V вв. до н. э. Навысшего культурно-экономического подъема она достигла на рубеже и в первые века нашей эры¹²¹.

Деревня Бата. В «Географическом руководстве» гавань Бата и деревню Бата разделяют 10' по долготе и 10' по широте, что в пересчете на километры составляет примерно 17 км. На карте Птолемея деревня Бата расположена к западу от гавани Бата. В этом случае полученное расстояние приводит нас на крутое городище, расположенное вблизи ст. Раевской. Это была деревня Бата.

Раевское городище расположено на довольно высоком плато, северная и восточная границы которого имеют крутые обрывы к речке Маскяче. Площадь городища внутри валообразной насыпи — около 4 га. Открыто городище в XIX в. Городище существовало с рубежа IV—III вв. до н. э. до XIII—XIV вв. н. э. На рубеже нашей эры оборонительные сооружения были разрушены, а в I—II вв. н. э. вновь восстановлены (возможно, поэтому у Птолемея статус Бат определен как деревня?)¹²².

Таким образом, в «Географическом руководстве» одноименные гавани и деревни (Синда и Баты) не тождественны, но почему в таком случае в «Географии» Страбона они не разделены? На наш взгляд, ответ на этот вопрос заключен в наличии в этом произведении компиляции двух contemporaneous источников, относящихся к одному и тому же району, но содержащих разные названия одних и тех же пунктов. Если деревня Синда тождественна Горгиппии, то можно было бы предположить, что упомянутая в паре с последней Аборака (Strabo, XI, 2, 10) есть не что иное, как деревня Бата Птолемея. Птолемей предпочел старые названия, но вполне возможно, что на его карте эти пункты взаимосвязаны не только между собой, но и с другими населенными пунктами, в частности с меотскими поселениями Прикубанья. Определенным указанием на такую возможность служит факт изменения в последовательности перечисления между гаванью Бата и деревней Бата, а также северное по отношению к Синдской гавани положение деревни Синда вместо действительно южного, т. е. налицо определенная перевернутость картины, что, как мы уже не раз убеждались, в «Географическом руководстве» характерно для мест компилятивной стыковки неоднородных источников. Однако попробуем конкретизировать это предположение, сопоставив координаты рассматриваемых топонимов с координатами городов, расположенных по Вардалу (Кубани).

Наиболее подходящим в этой связи, на наш взгляд, является Скопел (Ptol., V, 8, 28). Во-первых, на карте Птолемея он расположен на одной широте с деревней Синда, а это очень часто свидетельствует о связи подобных топонимов единой дорогой. Во-вторых, отождествление Скопела с городищем Красный Октябрь 1, расположенным практически напротив Раевского городища (деревня Бата), делают вероятность такой дороги вполне реальной.

Поскольку отрезок дороги от Скопела относится к другому источнику, то здесь действуют, по-видимому, те же параметрические величины, что и для городков Прикубанья, т. е. шестой зоны (0,51 км по долготе и 0,53 км по широте). В этом случае проведенные нами расчеты дали следующие результаты:

- 1) Скопел — деревня Синда (120' по долготе) — 61,2 км;
- 2) Скопел — гавань Бата (30' по долготе, 20' по широте) — 47 км;
- 3) Скопел — деревня Бата (100' по долготе, 30' по широте) — 53,4 км.

Наиболее точным является первое расстояние в том случае, если дорога проходила через деревню Бата (Раевское городище). В отно-

шении гавани Бата и деревни Бата возможны два варианта. Во-первых, если перестановка этих топонимов местами отразилась и на их промежуточных расстояниях, то цифра в 47 км соответствует участку дороги от Скопеля до деревни Бата (Раевское городище). Во-вторых, если это не так, то дорога непосредственно могла соединять Скопел с гаванью Бата. Впрочем, полученные расстояния отрицают протяженность именно дороги, потому могут несколько расходиться с прямыми расстояниями. Однако, вне всякого сомнения, на карте Птолемея указаны именно сухопутные дороги, одна из которых соединяла между собой деревню Синда (Горгиппию) с гаванью Бата через деревню Бата (Аборака), а все эти населенные пункты были связаны одной или несколькими дорогами со Скопелом на Вардане (Кубани). Вероятно, вдоль этой дороги или к западу от нее, между Фанагорией (городище у пос. Гаркуша) и Горгиппией (совр. Анапа), на пространстве в 500 стадиев (92,5 км) были расселены так называемые аспургиане, которых, по определению С. Ю. Сапрыкина, следует рассматривать как «обычных военных колонистов, представителей различных местных племен (сарматов, ситарлов), занимавшихся земледелием, ремеслом и военным делом. Жили они в крепостях и на усадьбах на царской земле и поддерживали Аспурга в борьбе с Полемоном»¹²⁴. Кроме того, аспургиане, вероятно, обеспечивали охрану юго-восточной границы Боспорского царства.

В «Географическом руководстве» Клавдия Птолемея с деревней Бата связаны еще два топонима: устье реки Холодной и деревня Ахея. Судя по тому, что оба они отсутствуют у Страбона, эти сведения добавлены Птолемеем из другого источника. Возможно, именно это обстоятельство и сказалось на картине рассматриваемого участка на карте Птолемея.

Устье реки Холодной. Кроме Клавдия Птолемея, реку с подобным названием упоминает Арриан (Аг., PPE, 8). В перипле же Псевдо-Арриана встречается река Псакапсий (Ps.-Аг., PPE, 58). В комментарии к переводу П. И. Прокурова последняя предположительно и отождествляется с рекой Холодная у Птолемея («Психр» — Холодная)¹²⁵. Однако расстояние, разделяющее районы возможной локализации двух сходных по наименованию рек, слишком велико, чтобы предположить в данном случае ошибку у того или другого автора. Аналогичная ситуация и в отношении деревни Ахея, которую в комментарии к тому же переводу отождествляют со Старой Ахесей Псевдо-Арриана¹²⁶. Определенную помощь в решении этой проблемы мо-

жет оказать свидетельство Страбона, который сообщает о районе следующее: «За Батами Артемидор называет побережье керкетов с пристанями и селениями, на пространстве около восьмисот пятидесяти стадиев, затем побережье ахеян, на пространстве пятисот стадиев... Но историки митридатových деяний, которым следует придавать более значения, первыми называют ахеян, за ними зигов...» (Strabo, XI, 2, 14). А в § 12 прямо сказано, что «са Синдикой и Горгиппой идет вдоль моря побережье ахеев, зигов и геинохов, по большей части не имеющее гаваней и гористое, так как оно составляет уже часть Кавказа» (Strabo, XI, 2, 12).

Сопоставим эти данные со свидетельством Псевдо-Скимна в передаче Псевдо-Арриана (Рз.-Алт., РРЕ, 65): «...За синдами же находятся керкеты, называемые также торитами, справедливый и добрый народ и весьма опытный в мореходстве. От керкетов же соседнюю с ними землю занимают ахейцы (...) [Ахейцы] многочисленны и враждебны керкетам», — и диафесой племен у Птолемея «...под горными хребтами по обеим сторонам Киммерийского Боспора — боспораны, а вдоль Понта — ахеи, керкеты, геинохи и свановолохи...» (Ptol., V, 8, 17—25).

Ясно, что расселение племен в этом районе не было постоянным. Ахейцы, возможно, теснимые другими народами («От гавани Пагры до Старой Ахеи прежде жили так называемые ахейцы, а ныне живут зиги» [Рз.-Алт., РРЕ, 61]), двигались в западном направлении в сторону Боспора, тесня, в свою очередь, керкетов. Следствием этого передвижения явилось, вероятно, и частичное разрушение Горгиппии, и последовавший затем ее экономический упадок¹²⁷. Таким образом, сходство в наименования топонимов у Птолемея и Псевдо-Арриана не означает их тождественности. Скорее всего, мы имеем дело с переносом привычных названий на новые объекты вслед за перемещением в рамках племенного мира. Возможно, именно поэтому в перипле Псевдо-Арриана в отношении названия «Ахея» добавляется определение «Старая».

Однако вернемся к реке Холодной Клавдия Птолемея. В «Географическом руководстве» эту реку и деревню Бата разделяют 20' по долготе (Ptol., V, 8, 8). Так как она не упоминается у Страбона, то при расчетах следует использовать параметры VI зоны. Отсюда получим, что в пересчете на километры расстояние между деревней Бата и рекой Холодной составит 10,2 км.

На указанном расстоянии устьев рек нет. Оно вообще не выводит нас к побережью. В то же время от Раевского городища мы попадаем

в верховья реки Озерейки, и, учитывая то обстоятельство, что в данном случае мы имеем дело не с периплом, а с периэгзой (напомним, что аналогичная ситуация на карте Птолемея имеет место по Восточному Приазовью), именно эта река, по-видимому, и носила в древности название Холодной.

Деревня Ахея. В дальнейшем дорога, возможно, шла вдоль этой реки и выходила к побережью. Во всяком случае, поселения здесь расположены довольно плотной группой ¹²⁸. Деревню Ахея и реку Холодная на карте Птолемея разделяют те же 20', т. е. 10,2 км. Деревню Синда и деревню Ахея — 34,6 км (60' по долготе и 30' по широте). Такое же расстояние и между Скопелом и деревней Ахея. Наконец, гавань Бата и Ахею разделяют 16,2 км. Все эти расстояния должны соединяться примерно в одной точке, где и следует искать деревню Ахея. Причем учитывая тот факт, что мы имеем дело с периэгзой, вероятно, все или часть дорог проходили через Раевское городище (деревню Бата). Однако прежде всего в глаза бросается то обстоятельство, что расстояние между Скопелом (Красный Октябрь 1) и деревней Ахея соответствует в действительности расстоянию от Скопела до деревни Бата (Раевское городище). Сопоставим это со своеобразной «рокировкой» гавани Бата и деревни Бата на карте Птолемея, о чем говорилось выше, и все становится на свои места. «Рокировка» двух центральных топонимов привела и к замене соответствующих расстояний. Иными словами, действительность может быть восстановлена следующим образом:

№	Отрезки пути на карте Птолемея	Соответствующие им отрезки в действительности	Расстояние, км
1	Скопел — д. Ахея	Скопел — д. Бата	34,6
2	Скопел — д. Бата	Скопел — д. Ахея	53,4
3	Скопел — гав. Бата	Скопел — гав. Бата	47
4	Скопел — д. Синда	Скопел — д. Синда	61,2
5	д. Бата — д. Ахея	д. Бата — д. Ахея	20,4
6	гав. Бата — д. Ахея	гав. Бата — д. Ахея (по побережью)	16,2
7	д. Синда — д. Ахея	д. Синда — д. Ахея	34,6
8	устье р. Холодная — д. Ахея	Устье реки Холодная — д. Ахея (по побережью)	10,2

Итак, как видно из таблицы, в данном отрывке имеет место не только компиляция двух периптез, но и соединение последних с периплом Понтийского побережья. Последнее обстоятельство подтверждается тем, что следующим за д. Ахея назван залив Керкитиды (Ptol., V, 8, 9) на расстоянии 16,2 км (30' по долготе и 10' по широте). Полученное расстояние приводит нас к восточной оконечности Новороссийской бухты, которую и следует отождествить с заливом Керкитиды. Сама же д. Ахея должна быть локализована к востоку от устья реки Озерейки (Холодной) и к западу от современного пос. Мысхако. Именно здесь сходятся все полученные до д. Ахея расстояния. Наиболее вероятным в этой связи кажется отождествление д. Ахея с поселением Мысхако I (Малая Земля). Расположено оно на самом берегу моря в устье небольшой реки Мысхако, на левом ее берегу. Раскопки 1966 г. установили мощность культурного слоя до 1 м и время существования — рубеж — первые три века нашей эры. Площадь поселения — примерно 200 × 500 м¹²².

Итак, анализ сведений античных авторов по Таманскому полуострову и прилегающей к нему территории между Синдской гаванью (Старотитаровская 17) и гаванью Бата (район Новороссийска) показывает, что большая и наиболее подробная их часть должна быть отнесена к эллинистическому времени и связана между собой общим источником, вероятнее всего периптезой Псевдо-Скимна. В отношении последней следует признать, что, судя по реконструкции ее полного текста по азиатской части Босфора на основе сохранившихся строк периптезы и перипла Псевдо-Арриана, в нее был включен, частично или полностью, морской объезд Таманского полуострова. Сопоставление данных Псевдо-Скимна с археологическим материалом, в частности, в отношении Горгиппии, позволяет предположительно отнести их к концу III — первой половине II в. до н. э.

Более поздние авторы (Помпоний Мела, Плиний, Птолемей, Страбон), используя эти данные, вносили определенные коррективы соответственно своему времени. Так, Страбон добавляет диафесу племен, в которой наряду с аспургинами присутствуют новые названия деревень Синда и Бата — Горгиппия и Аборака (Птолемей в данном случае предпочел старые наименования). Плиний добавляет определение Апатура как «почти опустелого» и указывает на Стратоклию, играющую важную роль в северо-западной части Таманского полуострова. Птолемей соединяет сведения эллинистического времени с картой дорог близкого к нему периода.

В перипле Арриана описание Тамани опущено. Сразу после Синдики назван Киммерийский Боспор и Пантикапей. Этот пробел Псевдо-Арриана восполнил, включив в текст перипла сведения Псевдо-Скиллака почти в полном объеме.

Что касается более ранних свидетельств, то перипл Псевдо-Скиллака близок в этой части по содержанию к Псевдо-Скимну, но более краток, причем, если соотнести последовательность перечисления городов в области синдов у Псевдо-Скиллака с местами их локализации, выясняется, что участок побережья от современного м. Тузла до Новороссийской бухты, а также восточное и южное побережье Таманского залива оказались за рамками его рассказа (если известный нам вариант полный). Геродот упоминает только область Синдику, а Гиппонакт — так называемую «Синдскую расселину».

Совокупность всех имеющихся в нашем распоряжении данных позволяет восстановить картину азиатской части Боспора в античное время следующим образом.

В зависимости от того, какие рукава Кубани принимались во внимание, Таманский полуостров представлялся или в виде одного большого острова, или в виде двух островов, или в виде трех островов. Северный остров, на котором была расположена Фанагория (городище у пос. Гаркуша), носил, вероятно, название острова Фанагора. На нем, кроме столицы Азиатского Боспора, были расположены: Ахиллий при устье Боспора (Батарейка 1), Киммерий (Киммерида) (Ильичевское городище), Киммерик (городище у пос. Пересыпь) и Кепы (Волна Революции 1). Со стороны Киммерика и Кеп остров был защищен рвом и валом. Внутри острова находились города Патрей (Красноармейское 1) и Стратоклия (Фонталовская 1, 6), расположенные на одной из главных дорог, идущей от переправы через Боспор Киммерийский. В крайней южной точке полуострова находился памятник Сатира (р-он Горелой горы), а крайней северной точкой являлся м. Киммерий (м. Каменный).

Второй остров, известный, вероятно, как остров Гермонасса, был ограничен двумя рукавами Кубани: Субботинным ериком и Шемарданским рукавом. На нем были расположены Гермонасса (городище у пос. Сенной) и Апатур (р-он пос. Приморский, возможно, городище Приморский 23). Последний был главным святилищем азиатской части Боспора, что объясняет нахождение на острове Гермонасса большого количества надписей, в том числе относящихся к Фанагории.

На третьем острове, известном под названием «Синдикка», были расположены Корокондама (городище Тамань), со стороны Киммерийского Боспора, и Синдская гавань (Старотитаровская 17), с противоположной стороны острова. Иногда, правда, северная и южная части Тамани определялись как полуострова (ср., например, Strabo, XI, 2, 5 и Plin., VI, 18).

Все города азиатской части Боспора были связаны между собой сухопутными дорогами. Одна из них от Корокондамы и Гермонассы через Синдскую гавань связывала островную часть Синдикки с Горгиппией (деревня Синда) (совр. Анапа). От Горгиппии дорога шла в гавань Бата (Баты, Патунт) (р-он Новороссийска) через деревню Бата (Аборака) (Раевское городище). В районе последней имелась, по-видимому, развилка, с одной стороны соединяющая деревню Бата с д. Ахея — Мысхако I (Малая земля), а с другой стороны — со Снопелом (Красный Октябрь 1), располагавшимся на Варданс (Кубани), через него с меотскими поселениями Прикубанья и с Восточным Приазовьем. В связи с последним интересно отметить, что на поселении Мысхако I некоторые формы лепной, а также сероглиняной гончарной посуды, особенно миски, напоминают кубанскую керамику. Прикубанским типам керамических изделий близки также обожженные плитки прямоугольной формы ¹²⁰.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Историко-географический анализ, предпринятый нами с привлечением всех доступных свидетельств античных авторов по Северному Причерноморью, показал, что только такой подход делает возможным наиболее полно и взаимосвязанно реконструировать общую картину этого региона в античную эпоху. Полностью оправдала себя и методика работы с совокупными сведениями письменных источников в рамках исторически определенной и обозначенной территории.

Общим итогом работы является не только составление полной карты физико-географических топонимов и населенных пунктов от устья Дуная до Новороссийской бухты, но и целый ряд выводов, касающихся реконструкции морских и сухопутных коммуникаций, территориальных границ и линий обороны в рамках Северного Причерноморья. Последнее имеет весьма важное значение для понимания исторического процесса в этом регионе. Сопоставление пространственных компонентов с определенной хронологической последовательностью свидетельств античных авторов позволило отчасти проследить и динамику этого процесса.

Наиболее ранние сведения касаются преимущественно физико-географических топонимов. По большей части они отрывочны, известны из более поздних компилятивных работ и далеко не однозначны по полноте освещения различных территорий в рамках Северного Причерноморья. Таков, например, характер сведений Плиния по побережью между устьями Истра (Дунай) и Борисфена (Днепр). К этому же времени относится и описание современного Днепро-Бугского лимана и прилегающей к нему акватории Черного моря в «Географическом руководстве» Клавдия Птолемея. Близка к ним и география рек Северного Причерноморья в «Истории» Геродота. Что касается описания Северного Приазовья у Птолемея, то довольно высокая степень сходства перечисленных топонимов допускает вероятность того, что сведения эти относятся к тому же времени, что и свидетельство Геродота, однако без тщательного археологического исследования

имеющихся здесь памятников ответить однозначно на этот вопрос невозможно.

Следующая группа сведений относится уже к эллинистической эпохе. Причем если по Северо-Западному Причерноморью они восходят, скорее всего, к IV—III вв. до н. э. (наиболее подробная картина содержится в перипле Псевдо-Арриана), то в остальной части Северного Причерноморья — к III—II вв. до н. э. Особенно наглядно это проявляется в описании современного Таманского полуострова и прилегающей к нему территории до Новороссийской бухты. Большая и наиболее подробная часть имеющихся здесь свидетельств связана между собой общим источником, вероятнее всего перипезой Псевдо-Скимна. Причем, судя по реконструкции полного текста последней по азиатской части Боспора, в нее был включен, частично или полностью, морской объезд Таманского полуострова. Сопоставление данных Псевдо-Скимна с археологическим материалом, в частности, в отношении Горгиппии, позволяет предположительно отнести их к концу III — первой половине II в. до н. э.

Общим для всех описаний, отражающих картину Северного Причерноморья в эллинистический период, является несомненное смещение акцента к географии населенных пунктов, количество наименований которых значительно возрастает по сравнению с предшествующим периодом. Эта тенденция сохраняется и в римское время.

Римский этап в развитии географических знаний о Северном Причерноморье в античную эпоху, с одной стороны, связан с обобщением всех имеющихся об этом регионе сведений (отсюда преимущественно компилятивный характер трудов географов этого времени), с другой стороны, он является наиболее полным с точки зрения отражения картины Северного Причерноморья в античной письменной традиции. Характерной особенностью этого этапа стало сочетание периплов с картой сухопутных дорог, особенно ярко проявившееся в «Географическом руководстве» Клавдия Птолемея.

Временные характеристики сведений географов римского времени могут быть сведены, по крайней мере, к двум версиям, разделенным примерно столетним интервалом. Так, большую часть сведений Страбона следует, по-видимому, отнести ко времени середины — второй половины I в. до н. э. Карта же Птолемея отражает картину середины — второй половины I в. н. э. Особенно наглядно эта временная дистанция заметна при сравнении сведений двух географов по Европейскому Боспору (Керченскому полуострову). У остальных авторов

эти версии даются в сочетании. Таков, в частности, географический очерк Плиния, наиболее, пожалуй, сложный с точки зрения компиляции разновременных источников.

Совокупный анализ античных письменных источников по Северному Причерноморью в сопоставлении с археологической картиной региона, ограниченного на западе низовьем Дуная, а на востоке низовьем Дона и Новороссийской бухтой, позволил локализовать на современной карте 181 физико-географический топоним и населенный пункт, упоминаемые античными авторами. В большинстве случаев удалось наметить определенную взаимосвязь между ними. Эта взаимосвязь выражена в морских или сухопутных коммуникативных линиях, а также в общности оборонительных функций отдельных топонимов, включенных в ту или иную оборонительную систему. Это позволило составить подробную карту Северного Причерноморья в античную эпоху по данным античной письменной традиции (Приложение 2).

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

1. Подосинов А. В. Из истории античных географических представлений // ВДИ. 1979. № 1. С. 147—166.
2. Там же. С. 165.
3. Подосинов А. В. Картографический принцип в структуре географических описаний древности (постановка проблемы) // Методы изучения древнейших источников по истории народов СССР. М., 1978. С. 22—25.
4. Зубарев В. Г. Северное Причерноморье в историко-географической концепции Клавдия Птолемея. Тула, 1998. С. 48.
5. Латышев В. В. Известия греческих и латинских писателей о Скифии и Кавказе. Т. 1. (Scriptores Graeci). СПб., 1893; Т. 2 (Scriptores Latini); СПб., 1904. Переиздание: ВДИ. 1947. № 1—4; 1948, № 1—4; 1949, № 1—4; 1952, № 2; Вып. 1—2 и 3—4 (ВДИ. 1947. № 1—4). СПб., 1993.
6. Доватур А. И., Калыстов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982.; Схрожимская М. В. Тема Северного Причерноморья в творчестве Софокла // ВДИ. 1981. № 2. С. 90—111; [Скилак — Каринандский]. Перилл Обитаемого моря / Пер. с древнегреч., вступит. ст. и коммент. Ф. В. Шелова-Ковалевка // ВДИ. 1988. № 1. С. 253—266; № 2. С. 260—269.
7. См., например: Грациманская Л. И. География Страбона: Проблемы источникововедения // ДГ. 1987. М., 1988; Схрожимская М. В. Северное Причерноморье в писании Плиния Старшего. Киев, 1977; Она же. «Перилл Понта Евксинского» Анонимного автора // Исследования античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1989. С. 115—124; Она же. Опис Північного Причерномор'я в «Периллі ойкумену» псевдо-Скілака і «Перігесес» псевдо-Скімна // Археологія. 1980. № 35; Доватур А. И., Калыстов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982; Абунов М. В. Античная поэма Черного моря. М., 1987.; Зубарев В. Г. «Географическое руководство» Клавдия Птолемея как источник по античной географии Северного Причерноморья // ДГ. 1996—1997. М., 1999. С. 316—335.
8. Ростовец М. И. Скифия и Боспор: Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л., 1925.

9. Дитмар А. Б. География в античное время. М., 1980. С. 14—16.
10. Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Т. I. Вып. 1—2. СПб., 1993. С. 28—30.
11. Там же. С. 42—43.
12. Там же. С. 44.
13. Там же. С. 46.
14. Там же. С. 50—52.
15. Там же. С. 56—58.
16. Там же. С. 104—107.
17. Там же. С. 64.
18. Там же. С. 115.
19. Там же. С. 108—109.
20. Там же. С. 110—114.
21. Там же. С. 47—49.
22. Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. РАИМК, 1925. С. 19.
23. Латышев В. В. Указ. соч. С. 63—64.
24. Там же. С. 66—103. См. также: Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шашова И. А. Народы нашей страны в истории Геродота. М., 1982. С. 80—167.
25. Там же. С. 79.
26. Там же. С. 326.
27. Там же. С. 326.
28. Ростовцев М. И. Указ. соч. С. 18—19.
29. Латышев В. В. Указ. соч. С. 117—119.
30. Там же. С. 137.
31. Латышев В. В. Указ. соч. Т. II. Вып. 3—4. С. 117—119.
32. Там же. С. 115.
33. Там же. С. 135.
34. Там же. С. 159—163.
35. Там же. С. 179—180.
36. Там же. С. 176—178.
37. Боднарский М. С. Античная география. М., 1953. С. 52.
38. Латышев В. В. Указ. соч. Т. II. С. 187—188.
39. Ростовцев М. И. Указ. соч. С. 6.
40. Латышев В. В. Указ. соч. Т. I. С. 136.
41. Латышев В. В. Указ. соч. Т. II. С. 200.
42. Там же. С. 149—152.

43. Там же. С. 213—216.
44. Латышев В. В. Указ. соч. Т. I. С. 133—134.
45. Латышев В. В. Указ. соч. Т. II. С. 157—159.
46. Там же. С. 188—189.
47. Латышев В. В. Указ. соч. Т. I. С. 128—129.
48. Там же. С. 139—143.
49. Ростовцев М. И. Указ. соч. С. 25 и сл.
50. Шелов-Коведнев Ф. В. Древнегреческие периллы // Предисловие к «Периплу обитаемого моря». ВДИ. 1988. п 1. С. 255.
51. Латышев В. В. Указ. соч. Т. II. С. 154—157. См. также: ВДИ. 1988. п 1—2.
52. ВДИ. 1988. п 1. С. 262.
53. Ростовцев М. И. Указ. соч. С. 28.
54. Dorr E. Die geographischen Studien des Epheros. I (1890); II (1908); III (1909); Progr. Rostock.
55. Ростовцев М. И. Указ. соч. С. 27.
56. Там же. С. 28.
57. Латышев В. В. Указ. соч. Т. II. С. 224—227.
58. Текст цитируется по изданию: Страбон. География. М., 1994.
59. Стратановский М. И. Страбон и его «География» // Страбон. География. М., 1994. С. 780.
60. Ростовцев М. И. Страбон как источник для истории Боспора: Сб. в честь В. П. Бузескула. Харьков, 1914. С. 375.
61. Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. С. 37.
62. Азбунов М. В. Античная география Северного Причерноморья. М., 1992. С. 34.
63. ВДИ. 1948. п 1. С. 271—282.
64. Ростовцев М. И. Указ. соч. С. 68—69.
65. Азбунов М. В. Указ. соч. С. 31—91.
66. Там же. С. 29.
67. Зубарев В. Г. Указ. соч. С. 31, 33, 39, 47—48.
68. Подробнее об этом см.: Зубарев В. Г. «Географическое руководство» Клавдия Птолемея как источник по античной географии Северного Причерноморья // ДГ 1996—1997 гг. М., 1999. С. 316—335.
69. Подосинов А. В. Из истории античных географических представлений // ВДИ. 1979. № 1.
70. Ростовцев М. И. Указ. соч. С. 42—43.
71. ВДИ. 1949. № 1. С. 270—282; 1952. № 2. С. 304.

72. *Ростовцев М. И.* Указ. соч. С. 50, 73. *Лалина Т. А.* Источники географических книг Плиния Старшего — Август и Агриппа // Из истории Древнего мира и средневековья. М., 1987. С. 27.
74. *Скрябинская М. В.* Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев, 1977. С. 89.
75. *Sallmann K. G.* Die Geographie des alteria Plinius in ihrem Verhältniss zu Varro. Berlin; New-York, 1971.
76. *Müllenhoff K.* Deutsche Altertumskunde. Bd. 3. Berlin, 1892.
77. См. об этом подробнее: *Скрябинская М. В.* Указ. соч. С. 74—83.
78. *Азбунов М. В.* Указ. соч. С. 98.
79. *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. С. 81.
80. Там же. С. 63.
81. Там же. С. 69.
82. *Азбунов М. В.* Указ. соч. С. 90.
83. *Скрябинская М. В.* «Перипл Понта Евксинского» Анонимного автора // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980. С. 115.
84. Там же. С. 116.
85. ВДИ. 1949. № 4. С. 242—243.
86. ВДИ. 1944. № 4. С. 274—275.
87. *Ростовцев М. И.* Указ. соч. С. 83.
88. ВДИ. 1949. № 3. С. 283—308, См. также: *Аммиан Марцеллин.* Римская история. СПб., 1996. С. 255—259; 491—494.
89. *Ермолова И. Е.* Аммиан Марцеллин и античная традиция о Северном Причерноморье // ДГ. 1996—1997 гг. М., 1999. С. 336—347.
90. ВДИ. 1948. № 4. С. 238—239.
91. ВДИ. 1948. № 4. С. 242—244.
92. ВДИ. 1948. № 3. С. 312—330.
93. ВДИ. 1949. № 4. С. 278—282.
94. *Зубарев В. Г.* Северное Причерноморье в историко-географической концепции Клавдия Птолемея. Тула, 1998. С. 28.
95. *Калинина Т. М.* Сведения ранних ученых Арабского халифата. М., 1988.
96. *Schnabel P.* Text und Karten des Ptolemeus. Lpz., 1939. S. 12 f; Polaschek. Kl. Ptolemeus als Geograph // RE. Suppl. X. S. 734, ff.
97. *Доватур А. И., Калыстов Д. П., Шишова И. А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота, М., 1982. С. 11.
98. *Страбон.* География / Пер., ст. и коммент. Г. А. Стратановского. М., 1994. С. 792.

99. *Ἡροδότου λήγου ἑννεα εἰκοσι ἀποκρίματα Μουσῶν*. Herodoti libri novem, quibus Musarum indita sunt nomina / [Ed. Aldus Manutius] Venetiis, 1502.
100. *Mannert C.* Geographie der Griechen und Römer aus ihrer Schriften dargestellt, Theilen I—X, Nümbcr — Leipzig, 1788—1825, Aurlage 3, 1825.
101. *Cl. Ptolamæi Geographia e codd recognovit Car. Müllerus*. Paris, v. I, p. 1. Firmin Didot, 1883; I, p. 2. Paris F. D. 1892.
102. *Fischer F.* Die Handschriftliche überlieferung der Ptolemäus-Karten. Verhandlungen des achtzehnten Deutsch // Geographentages zu Innsbruck. Berlin, 1912.
103. *Cuntz O.* Die Geographie des Ptolemæus, Handschriften, Text und Untersuchung. B., 1923.
104. *Schwarz W.* Der Geograph Claudius Ptolemæus // Rhein. Mus., f. Phil. NF. B. 48. H. 2. 1893.
105. *Groskurd C. G.* Strabons Erdbeschreibung in siebenzehn Büchern nach richtigem griechischen Texte unter Begleitung kritischer erklärender Anmerkungen verdeutscht. 4 Bde, Berlin u. Stettin, 1831—1834.
106. *Forbiger*. Strabo's Erdbeschreibung übersetzt und durch Anmerkungen erläutert. 4 Bde, Stuttgart, 1856—1860.
107. *Herodotos*. Erklärt von H. Stein. Berlin, 1869.
108. *Herodotos*. Für den Schulgebrauch erklärt von K. Abicht. Leipzig, 1861—1883, 1—9 (1869 — критическое издание).
109. *Plinii Secundi C. Naturalis Historia*. D. Dettlefsen recensait. Vol. I. Berlin, 1886.
110. *Hollender L.* De militum coloniis ab Augusto in Italiam. Wittenberg, 1880.
111. *Bonnell E.* Beiträge zur Alterthamskunde Russlands, I (1882); II (1897), SPt.
112. *Muilenhoff*, Deutsche Alterthamskunde, III, 1892. S. 31—100.
113. *Латышев В. В.* Известия греческих и латинских писателей о Скифии и Кавказе. Спб., 1893.
114. *Aly W.* Strabon von Amaseia. Untersuchungen über Text, Aufbau und Quellen d. Geographica. München, 1960; *Геродот*. История в девяти книгах / Пер. и примеч. Г. А. Стратановского. Л., 1972; *Страбон*. География в 17 книгах / Пер., ст. и коммент. Г. А. Стратановского. М., 1964; *Геродот*. Истории в дев'яти книгах, переклад, передмова та примітки А. О. Бельського. Київ, 1993.
115. *Доватур А. И., Калыстов Д. П., Шишова И. А.* Указ. соч.
116. *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. РАИМК, 1925.
117. *Reyssonet M. de Cl. Ch.* Observations historiques et géographiques, sur les peuples barbares qui ont habité les bords du Danube et du Pont-Euxin. Avec cartes et figures taillées. Paris. N. M. Tilliard, 1765; *D'Anville N.* Examen critique d'Herodote sur ce qu'il rapporte de la Scythie // Me-

- moires de Litterature, teres des l'Academie Royale des inscriptions et belles-lettres. 1770, XXXV, № 35; *Pallas*. Bemerkungen auf einer Reise in die Südlichen Statthalterschaften des russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Т. II. Leipzig, 1801; *Pallas П. С.* Поездки во внутренность Крыма вдоль Керченского полуострова на остров Тамань // ЗООИД, XIII, 1883; *Муравьев-Авостол И. М.* Путешествие по Тавриде в 1820 г. Спб., 1823; *Dubois de Montpreaux Fr.* Voyage autour du Caucase, etc. Т. ч. р., 1843.
118. *Беккер П. В.* Тирас и териты // ЗООИД, Т. 2. 1848.
119. *Славский Г. И.* О местоположении древнего города Каркинитта и об его монетах // ЗООИД, Т. 2. 1848.
120. *Леонтьев П. М.* Археологические размышания на месте древнего Танаиса и в его окрестностях // Пропаганд. IV. 1854.
121. *Бурчюков П. О.* О местоположении древнего города Каркинитта и о монетах, ему принадлежащих // ЗООИД, IX. 1875. *Он же.* Опыт соглашения открытой в Херсонесе надписи с природой местности и сохранившимися у древних писателей сведениями // ЗООИД, XII. 1881.
122. *Ростовцев М. И.* Римские гарнизоны на Таврическом полуострове и Ай-Тодорская крепость // ЖМНП. Т. 328. Март, 1900.
123. *Бертье-Делагард А. Л.* Древнейший Херсонес по Страбону и раскопкам // ИАК. Вып. 21. 1907.
124. *Пападимитриу С. Д.* Местоположение древней Одессы // ЗООИД, XXVIII. 1912. *Он же.* Древние сведения об острове Березани // ЗООИД, XXVIII. 1910.
125. *Гриневич К.* Раскопки на месте страбонова Херсонеса // Крым. № 213, 1929.
126. *Стемпковский И. А.* Исследование о местоположении древних греческих поселений на берегах Понта Евксинского между Тирасом и Борисфеном, учиненное по случаю найденных в Одессе остатков древностей. Спб., 1826.
127. *Бларамберг И. П.* Замечание на некоторые места древнейшей географии Тавриды // ЗООИД, II. 1848.
128. *Надеждин Н. И.* Геродотова Скифия, объясненная через сравнение с местностью // ЗООИД, Т. 1. 1844.
129. *Мураульм Э. Г.* Древние поселения на северо-западном берегу Черного моря от Дуная до Буга // Записки Спб. археологически-нумизматического общества. Т. 2. 1850.
130. *Беккер П. В.* Берег Понта Евксинского от Истра до Борисфена в отношении к древним его колониям // ЗООИД, Т. 3. 1853.

131. *Geographi Graeci minores* / Ed C. Mullerus. Vol. I. Parisiis, 1855.
132. Уваров А. Исследование о древностях Южной России и берегов Черного моря. Вып. I. СПб., 1851. Вып. II. СПб., 1856.
133. Браун Ф. А. Разыскания в области гото-славянских отношений // Сб. отделения русского языка и словесности. Т. 64. Вып. 12. СПб., 1899.
134. Браун Ф. К. Черноморье. Т. I. Одесса, 1879. *Он же.* Заметки, относящиеся к древней топографии Новороссийского края и Бессарабии // Новороссийский календарь на 1857 г. Одесса, 1856. *Он же.* Опыт сопоставления противоположных мнений о Геродотовой Скифии и смежных с нею землях // Черноморье: Одесса. Ч. II. 1880.
135. Дюбрюкс П. Описание развалин и следов древних городов и укреплений, некогда существовавших на европейском берегу Босфора Киммерийского от входа в пролив близ Еникальского маяка до горы Опук при Черном море // ЗООИД. IV. 1858.
136. IOSPE. II. карта.
137. Мищенко Ф. Г. Известия Геродота о азиатских землях России // ЖМНП. Декабрь. 1896.
138. Герц К. К. Археологическая топография Таманского полуострова // Сб. соч. Вып. I. СПб., 1898.
139. Забелин И. Е. Объяснение Страбоновых свидетельств о местностях Боспора Киммерийского // Труды третьего археологического съезда в России (Киев, август 1874 г.). Киев, 1878.
140. Пономчевый М. Д. Географический очерк Боспорского царства // Кубанский сборник. Т. II. Екатеринодар, 1891.
141. Горшкович В. И. Записки об археологических исследованиях в Херсонесской губернии // Древности. XXII. I. 1909.
142. Готье Ю. В. Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы. Л., 1925.
143. Башкиров А. К. Археологическое обследование Таманского полуострова летом 1926 г. // Труды этнографического археологического музея. МГУ. № 3. 1927.
144. Соболевский Ф. И. Топонимические заметки // ИТОИА. Т. 3. Симферополь, 1929.
145. Кулаковский Ю. А. Карта Европейской Сарматии по Птолемию. Киев, 1899 г. Рец.: Латышев В. В. // Ф. О. 1899. Т. XVI. С. 89—98.
146. Браун Ф. А. Разыскания в области гото-славянских отношений. Т. I. СПб., 1899.

147. *Борисов В. Е.* Карта Сарматии (нынешней России) во II веке по Р. Хр. по греческому географу Птолемею. Вып. 1—3. 1909—1910.
148. *Латышев В. В.* PONTIKA. СПб., 1909. С. 129—137; 137—141; 171—173.
149. *Dopp E.* Die geographischen Studien des Epheroros, I (1900); II (1908); III (1909); Rostock.
150. *Berger H.* Die geographischen Fragmente des Eratosthenes, В., 1903.
151. *Mommsen Th.* Ammians Geographic, Hermes. XVI. 1881.
152. *Klotz A.* Quaestiones Plinianae geographicae. Berlin, 1906.
153. *Delefsen D.* Die Anordnung der geographischen Bücher des Plinius und ihre Quellen. Berlin, 1909.
154. *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. РАНМК, 1925.
155. *Стемпковский И. А.* Два письма Стемпковского к Бларамбергу о местоположении города Таманя // *Пропилеи*. Т. 4. 1854. *Оч. же.* Исследование о местоположении древних греческих поселений на берегах Понта Евксинского между Тирасом и Борисфеном, učinенные по случаю найденных в Одессе остатков древностей. СПб., 1826.
156. *Войцеховский С. Ф.* Опыт восстановления рельефа Таманского полуострова применительно к эпохе Страбона и позднему времени // *Записки Сев. Кавк. краевого об-ва археологии, истории и этнографии*. Кн. I. Т. 3. Вып. 5/6, 1929.
157. *Pauly's Real — Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft, neue Bearbeitung, begonnen von G. Wissowa, hrsg. von W. Kroll.* Stuttgart. 1894—1980.
158. *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М., Л., 1949; *Античные государства Северного Причерноморья: Очерки истории и культуры*. М., 1955; *Блаватский В. Д.* Античная археология Северного Причерноморья. М., 1961; *Античный город*. М., 1963.
159. *Сокольский Н. И.* Келы // *Античный город*. М., 1963. С. 97—114.
160. Там же. С. 98.
161. *Войцеховский С. Ф.* Указ. соч. С. 8.
162. *Завойкин А. А.* Синдская гавань (Синдик) — Горгниппия // *ВДИ*. 1998. № 3. С. 134—145.
163. *Дашевская О. Д.* К вопросу о локализации трех скифских крепостей упоминаемых Страбоном // *ВДИ*. 1958. № 2; *Раевский Д. С.* Неополь или Палакий? // *ВДИ*. 1976. № 1. С. 102—107; *Высотская Т. Н.* К вопросу о локализации Палакия // *ВДИ*. 1983. № 1. С. 111—116.

164. *Ельницкий Л. А.* Знания древних о северных странах. М., Географ. литература, 1961.
165. Там же. С. 6.
166. *Дитмар А. Б.* География в античное время (очерк развития физико-географических идей). М., 1980.
167. Там же. С. 14—16.
168. Там же. С. 104—113.
169. *Подосинов А. В.* Картографический принцип в структуре географических описаний древности (постановка проблемы) // *Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР*. М., 1978. С. 22—45; *Он же.* Из истории с античных географических представлений // *ВДИ*. 1979. 1. С. 147—166; *Он же.* К проблеме пространственно-географической ориентации в античной географической литературе (на материалах некоторых предлогов и наречий) // *Проблемы античной истории и культуры: Доклады XIV Международной конференции антиковедов социалистических стран. «Эйрик» Т. 1.* Ереван, 1979. С. 503—509; *Он же.* Пространственные представления в археологических культурах Евразии (ориентация по странам света), автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1997.
170. *Фирсов Л. В.* Об эратосфеновом исчислении окружности земли и длина эллипсойда // *ВДИ*. № 3. 1972. С. 154—174.
171. *Скрябинская М. В.* О степени достоверности числовых данных в скифском рассказе Геродота // *ВДИ*. 1989. № 4. С. 79—91.
172. *Фирсов Л. В.* Указ. соч. С. 165—174.
173. *Рыбаков Б. А.* Геродотовы Скифия. М., 1979.
174. *Албунов М. В.* К вопросу о локализации башни Неоптолема и Гермонактовой деревни // *ВДИ*. 1978. № 1. С. 112—124. *Он же.* Заметки по античной географии Нижнего Поднестровья // *ВДИ*. 1979. № 2. С. 118—138. *Он же.* Материалы по античной географии Причерноморья // *ВДИ*. 1983. № 4. С. 110—130. *Он же.* Античная география северо-западного Причерноморья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1984.
175. *Щеглов А. Н.* Заметки по древней географии и топографии Сарматии и Тавриды // *ВДИ*. 1965. № 2. С. 107—113.
176. *Романовская М. А., Щелов-Коведяев Ф. В., Щеглов А. Н.* Городище Рудь — Митоний Птолемея? // *ВДИ*. 1981. № 4. С. 126—137.
177. *Муравьев С. Н.* Птолемеява карта Кавказской Албании и уровень Каспия (Постановка вопроса, системный анализ карты, предварительная локализация рек и поселений, стратегия дальнейших поисков) // *ВДИ*. 1983. № 1. С. 117 и сл.
178. *Simek Em.* *Velka Germanie* Klaudia Ptolemaia. Brno. I—IV. 1934—1953.

179. Зубарев В. Г. Северное Причерноморье в историко-географической концепции Клавдия Птолема. Тула, 1998. С. 28.
180. [Скилак — Карнандский]. Перилл Обитаемого моря / Пер. с древнегреч., вступ. ст. и коммент. Ф. В. Шелова-Коведова // ВДИ. 1988. № 1. С. 253—266; № 2. С. 260—269.
181. Лалин В. В. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, 1966.
182. Щеголов А. Н. Северо-западный Крым в античную эпоху. Л., 1978.
183. Азбунов М. В. Античная лошадь Черного моря. М., 1987.
184. Шилик К. К. Локализация античной Акры как пример комплексного анализа в историко-географических исследованиях // Тез. докл. совещ. «Комплексные методы в изучении истории с древнейших времен до наших дней». М., 1984.
185. Галенцов А. С. Локализация города Керкинитиды и реки Гипакириса по историко-археологическим данным // Тез. докл. совещ. «Комплексные методы в изучении истории с древнейших времен до наших дней». М., 1984.
186. Федосеев Н. Ф. Переправа через Боспор Киммерийский // ВДИ. 1997. № 4. С. 100—110.
187. Горлов Ю. В. Палеогеография Азиатского Боспора // Сб. 20 лет музею М. Ю. Лермонтова в Тамани: Тамань археологическая. II. Ст. Тамань, 1996. С. 60—74.
188. Марков К. К. Древние береговые линии Черного моря // Известия на географские институт. Т. XIV. 1970. С. 89—92.
189. Шилик К. К. Изменение уровня Черного моря в позднем голоцене (по материалам геоморфологических и археологических исследований в северо-западной части бассейна) // Автореф. дис. ... канд. географ. наук. Л., 1975.
190. Кукс В. И. Южные моря (Аральское, Каспийское, Азовское и Черное) в условиях антропогенного стресса. СПб., 1994.
191. Правоторов И. А. Геоморфология лагунного побережья северо-западной части Черного моря: Автореф. дис. ... канд. географ. наук М., 1966.
192. Брушко И. В., Карпов В. А. Древняя география и колебания уровня моря // ВДИ. 1992. № 2. С. 87—97.
193. Омайко Н. А. Архаический Торик: Античный город на северо-востоке Понта. М., 1980.
194. Шелов Д. Б. Тамань и Нижний Дон в III—I вв. до н. э. М., 1970. *Он же*. Тамань и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972.
195. Кутайсов В. А. Античный город Керкинитиды. Киев, 1990. *Он же*. Керкинитиды. Симферополь, 1992.
196. Высокская Т. Н. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев, 1994.

197. *Зубарь В. М.* Херсонес Таврический в античную эпоху. Киев, 1993; *Он же.* Херсонес Таврический и Римская империя. Киев, 1994.
198. *Щеголь А. Н.* Северо-западный Крым в античную эпоху. Л., 1978.
199. *Крушелькова И. Т.* Сельское хозяйство Боспора. М., 1975.
200. *Масленников А. А.* Эллинская хора на краю Ойкумены: Сельская территория Европейского Боспора в античную эпоху. М., 1998.
201. *Крушельков Ю. С.* Древняя Сидония. М., 1971.
202. *Каменецкий И. С.* Городища донских меотев. М., 1993.
203. *Колотуски В. А.* Горный Крым в эпоху поздней бронзы — начале железного века. Киев, 1996.
204. Сюда же можно отнести и такие сборники как: Горкиппия: Материалы Анапской археологической экспедиции. Ч. I. Краснодар, 1980; Ч. II. Краснодар, 1982; Нижний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса, 1997, а также книгу: *Сондальский Н. И.* Таманский Толос и резиденция хрисалиска. М., 1976.
205. *Паромов Я. М.* Очерк истории археолого-топографического исследования Таманского полуострова // Боспорский сборник, 1. М., 1992. С. 109—146. *Он же.* Главные дороги Таманского полуострова в античное время // Древности Боспора. Т. 1. С. 216—225; *Абрамов А. П., Паромов Я. М.* Раннеантичные поселения Таманского полуострова // Боспорский сборник, 2. М., 1993.
206. *Паромов Я. М.* Археологическая карта Таманского полуострова М., 1992 (Депонирована в ИНИОН РАН № 47103 от 1.10.1992). *Он же.* Основные этапы освоения Таманского полуострова в античную эпоху: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1994.
207. *Щеголь А. Н.* Заметки по древней географии и топографии Сарматии и Тавриды // ВДИ. 1965. № 2. С. 107—113.
208. *Раевский Д. С.* О местоположении древнего Евпатория // ВДИ. 1968. № 3. С. 127—132.
209. *Асбунов М. В.* К вопросу о локализации башни Нисоптолема и Гермоновтовой деревни // ВДИ. 1978. № 1. С. 112—124.
210. *Онайко Н. А.* К истории Бат // ВДИ. 1976. № 1. С. 107—117.
211. *Романовская М. А., Шелов-Коведнев Ф. В., Щеголь А. Н.* Городище Рудь — Митоний Птолемей? // ВДИ. 1981. № 4. С. 126—137.
212. *Высотская Т. Н.* К вопросу о локализации Палыкия // ВДИ. 1983. № 1. С. 111—116.
213. *Шильк К. К.* Локализация античной Акры как пример комплексного анализа в историко-географических исследованиях // Тех. докл. совещ. «Комплексные методы в изучении истории с древнейших времен до наших дней». М., 1984. С. 108—111.

214. Тихтасьев С. Р. Алатур: История боспорского святилища Афродиты Урании // ВДИ. 1986. № 2. С. 138—144.
215. Завойкин А. А. Синдская гавань (Синдик) — Горгиппия // ВДИ. 1998. № 3. С. 134—145.
216. Сударев Н. И. К вопросу о Тирамбе Страбона и Птолемея // Древности Боспора. Т. 1. М., 1998. С. 237—252.
217. Болтрик Ю. В., Фыалко Е. Е. К вопросу о локализации гавани Кремны // Скифы Северного Причерноморья. Киев, 1987. С. 41—48.
218. Шестаков С. А. О локализации Боспорского города Гермисия // Проблемы археологии и истории Боспора // Тез. докл. конф. Керчь 1991. С. 37—38.
219. История изучения вопросов локализации отдельных топонимов подробно рассматривается в основной части диссертации.
220. Сержинская М. В. «Перипл Понта Евксинского» Анонимного автора // Исследования античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1989. С. 115—124.
221. Сержинская М. В. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев, 1977.
222. Рыбаков Б. А. Геродотовы Скифия. М., 1979.
223. Албунов М. В. Античная долина Черного моря. М., 1987.
224. Зубарев В. Г. Северное Причерноморье в историко-географической концепции Клавдия Птолемея. Тула, 1998.
225. Грацианская Л. И. «География» Страбона: Проблемы источниковедения // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1988.
226. Нейгардт А. А. Скифский рассказ Геродота в Отечественной историографии. Л., 1982.
227. Сержинская М. В. Тема Северного Причерноморья в творчестве Софокла // ВДИ. 1981. № 2. С. 142—148.
228. Албунов М. В. Указ. соч.
229. Зубарев В. Г. Указ. соч.
230. Лапина Т. А. Источники географических книг Плиния Старшего — Август и Агриппа // Из истории Древнего мира и средневековья. М.: МГУ, 1987. С. 17—27.
231. Сержинская М. В. «Перипл Понта Евксинского» Анонимного автора. С. 121 и сл.
232. Албунов М. В. Античная география Северного Причерноморья. М.: Наука, 1992.
233. Сержинская М. В. Скифия глазами эллинов. СПб., 1998.

234. Качарова Д. Д., Кларквелля Г. Г. Города и поселения Причерноморья античной эпохи: Малый энциклопедический справочник. Тбилиси, 1991.
235. Шрамм Г. Реки Северного Причерноморья: Историко-филологическое исследование их названий в ранних веках. М., 1997.
236. Olshausen E., Biller J. Historisch-geographische Aspekte der Geschichte des Pontischen und Armenischen Reiches. Teil I: Untersuchungen zur historischen Geographie von Pontos den Mithradatiden. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert, 1984, 276 S. Пер.: Сапрыкин С. Ю. ВДИ. 1992. № 1. С. 232—236.
237. Лекманов В. А. «Понтийский аннес» // ВДИ. 1969. № 2. С. 75—93.
238. Бондарь Р. Д. Некоторые проблемы истории Нижнедунявского лимеса // ВДИ. 1973. № 3. С. 144—159.
239. Омайко Н. А., Дмитриев А. В. Сторожевые посты в окрестностях Бат и некоторые вопросы социально-экономической и политической истории юго-восточной окраины Боспора на рубеже нашей эры // ВДИ. 1982. № 2. С. 106—122.
240. Шенко Л. Г. О территориально-административной структуре Боспорского государства в первые века нашей эры // Из истории Древнего мира в средневековья. М., 1988. С. 45—58.
241. Колтухов С. Г. Система обороны Крымской Скифии в IV—II вв. до н. э. // ВДИ. 1991. № 4. С. 91—104.
242. Зубарев В. Г. Античная география Европейского Боспора по Клавдию Птолемеему // Древности Боспора. Т. 1. М., 1998. С. 105—124.
243. Масленников А. А. Древние географические ориентиры Восточного Крыма и современные археологические реалии // ВДИ. 1998. № 4. С. 117—129. Кроме того, эти вопросы затрагиваются в монографии того же автора «Эллинская хора на краю Ойкумены» (С. 26—269).
244. Масленников А. А. Древние географические ориентиры... С. 129. (в отношении Гераклия и Новой Крепости).

Глава I

1. Текст цитируется по книге: *Витрувий. Десять книг об архитектуре* / Пер. Ф. А. Петровского. Т. 1. М., 1936. С. 202—204.
2. Зубарев В. Г. Северное Причерноморье в историко-географической концепции Клавдия Птолемея. Тула, 1998.
3. Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Т. 1. Вып. 1. СПб., 1993. С. 12.
4. ВДИ. № 2. 1952. С. 270.

5. См., в частности: *Авиен*. Описание земного круга, 214—254; *Павел Орский*. Историчи против язычников. 7 книг. 1, 2, 4—6; *Страбон*. География. II, 5, 23.
6. *Земкович В. П.* Берега Черного и Азовского морей. М., 1958. С. 46—47.
7. Там же. С. 44—45.
8. Там же. С. 44.
9. См. также: *Аристотель*. Метеорология. 1, 13, 29.
10. См. также: *Страбо*, II, 5, 26 и *Псевдо-Склим*, 835—840.
11. См. об этом подробнее: *Неуманн К.* Die Hellenen im Skythenlande. Berlin, 1855.
12. Ср., например: *Валерий Флакк*. Аргонавтики. 8 книг. IV, 711—732: «Там вечно стоит над морем мрачные тучи, не бывает ясных дней, и бездна не распускается при первых лучах солнца...»
13. *Кужелина И. В.* Этногеография Скифии по античным источникам. Л., 1985. С. 170—174.
14. См. об этом: *Бучинский И. Е.* О климате прошлого русской равнины. Л., 1957.
15. *Азбунов М. В.* Античная география Северного Причерноморья. М., 1992. С. 98.
16. Там же. С. 105.
17. *Боднарский М. С.* Античная география. М., 1953. С. 246.
18. *Скрябинская М. В.* Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев, 1977.
19. См., например: *Псевдо-Склиак*. Европа, 68.
20. *Азбунов М. В.* Указ. соч. С. 108.
21. Черное море: Сб. Л., 1983. С. 36.
22. *Зубарев В. Г.* Северное Причерноморье в историко-географической концепции Клавдия Птолемея. Тула, 1998. С. 47—48.
23. *Зубарев В. Г.* Указ. соч. С. 34, 39.
24. *Федосеев Н. Ф.* Переправа через Босфор Киммерийский // ВДИ. № 4. 1997. С. 110, рис. 7.
25. Черное море. С. 37.
26. Ср. также неожиданный опус Псевдо-Арриана (71): «Местийское озеро говорит равно половинне Понта».
27. *Ростомцев М. И.* Скифия и Боспор. РАИМК, 1925. С. 41 и сл.
28. *Зубарев В. Г.* Указ. соч. С. 27—28.
29. 1° широты у Птолемея равен 500 стадиям, соответственно 1° равна — 8,3stadia, 1° долготы составляет $\frac{1}{30}$ от 1° долготы (Ptol., VIII, 10, 1), т. е. 275 стадиям или для 1° — 4,6stadia.

30. *Зенкович В. П.* Указ. соч. С. 92.
31. *Зубарев В. Г.* Указ. соч. С. 28.
32. *Азбунов М. В.* Указ. соч. С. 114.
33. Полный текст приведен во введении.
34. *Зенкович В. П.* Указ. соч. С. 95.
35. См. об этом подробнее: *Азбунов М. В.* Указ. соч. С. 179.
36. *Латышева В. В.* PONTICA. СПб., 1909. С. 289.
37. *Зенкович В. П.* Указ. соч. С. 125.
38. NORDENSKIÖLD, PERIPLUS. Stockholm, 1897. XIX, XXII, XXIII, XXVIII, XXIX, XXXI, XLII.
39. См., например: *Сымонович Э. А.* О древней Одессе // ВДИ. 1954. № 4. С. 150; *Скрябинская М. В.* Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев, 1977. С. 24; *Ельницкий Л. А.* Знания древних о северных странах. М., 1961. С. 176.
40. *Зенкович В. П.* Указ. соч. С. 114.
41. *Беккер П. В.* Берег Понта Евксинского от Истра до Борисфена по отношению к древним его колониям. Одесса, 1851. С. 53.
42. Там же.
43. *Азбунов М. В.* К вопросу о локализации башни Неоптолема и Гермонактовой деревни // ВДИ. 1978. № 1. С. 119, рис. 4.
44. *Зубарев В. Г.* Северное Причерноморье в историко-географической концепции Клавдия Птолемея. Тула, 1998. С. 51 и сл.
45. *Брушко И. В., Карпов В. А.* Древняя география и колебания уровня моря // ВДИ. 1992. № 2. С. 87—97.
46. *Брушко И. В., Карпов В. А.* Указ. соч. С. 92.
47. *Азбунов М. В.* Античная география... С. 134.
48. ВДИ. № 2. 1949. С. 279, примеч. 5.
49. *Зенкович В. П.* Указ. соч. С. 98—99, рис. 49.
50. Черное море. С. 284.
51. *Азбунов М. В.* Античная география... С. 159—160.
52. *Азбунов М. В.* Античная логия... С. 134.
53. *Азбунов М. В.* Античная география... С. 185—186.
54. *Азбунов М. В.* Античная логия... С. 119.
55. *Зубарев В. Г.* Указ. соч. С. 31.
56. *Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982. С. 232—333, примеч. 209.
57. *Рыбаков Б. А.* Геродотовы Скифия. М., 1979. С. 43—46.
58. *Азбунов М. В.* Античная география... С. 182—183.

59. См. об этом подробнее: *Доватур А. И. и др.* Указ. соч. С. 287—289, примеч. 371.
60. *Рыбаков Б. А.* Указ. соч. С. 46—50.
61. *Скорожиская М. В.* Указ. соч. С. 30.
62. *Щелинский А. А., Черепанова Е. Н.* Северное Прииславье. Симферополь, 1969. С. 16.
63. *Зубарев В. Г.* Указ. соч. С. 60.
64. *Шевелев Р.* О некоторых городках и курганах в Днепровском уезде // ЗООИД. Т. I. С. 332—333.
65. *Кутайсов В. А.* Античный город Керкинитыда. Киев, 1990. С. 9—10.
66. См. об этом: *Щелинский А. А., Черепанова Е. Н.* Указ. соч. С. 63—72.
67. *Докучаев В. В.* Наши степи прежде и теперь. М., 1953. С. 104.
68. ВДИ. № 1. 1948. С. 239, примеч. 1.
69. *Доватур А. И. и др.* Указ. соч. С. 285—287.
70. *Скорожиская М. В.* Указ. соч. С. 30.
71. *Рыбаков Б. А.* Указ. соч. С. 39—43.
72. *Доватур А. И. и др.* Указ. соч. С. 284.
73. *Азбунов М. В.* Античная география... С. 174.
74. *Зенкович В. П.* Указ. соч. С. 120—121, рис. 64.
75. См.: Гл. I. С. 84.
76. См., например: *Латышев В. В.* Т. II, вып. 4. С. 302, примеч. 8.
77. *Доватур А. И. и др.* Указ. соч. С. 290; *Азбунов М. В.* Античная география... С. 190—193; *Скорожиская М. В.* Указ. соч. С. 27.
78. *Зенкович В. П.* Указ. соч. С. 129 и сл.
79. Там же. С. 137—141.
80. *Доватур А. И. и др.* Указ. соч. С. 241, примеч. 221.
81. *Масленников А. А.* Еще раз о боспорских валах // СА. 1983. № 3.
82. См.: Введение. С. 23.
83. *Гайдукевич В. Ф.* О путях прохода кораблей в Понте Евксинском // КСИА. 1969. № 116. С. 11; *Minnis E.* Scythians and Greeks. Cambridge. 1913. P. 19.
84. *Азбунов М. В.* Античная география... С. 209.
85. *Скорожиская М. В.* Период Понта Евксинского «Анонимного автора» // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980. С. 119.
86. *Зенкович В. П.* Указ. соч. С. 171—175.
87. *Рыбаков Б. А.* Указ. соч. С. 58.

88. Подробнее об этом: *Донатур А. И. и др.* Указ. соч. С. 290—292.
89. *Рыбаков Б. А.* Указ. соч. С. 48.
90. *Щетинский А. А., Черепанова Е. Н.* Указ. соч. С. 16—17.
91. Черное море. С. 306.
92. *Зенкович В. П.* Указ. соч. С. 173, рис. 89.
93. *Горлов Ю. В.* Палеогеография Азиатского Боспора // Сб. 20 лет музею М. Ю. Лермонтова в Тамани: Тамань археологическая. II. Ст. Тамань, 1996. С. 60—63. Здесь же подробная историография вопроса.
94. *Парамонов Я. М.* Основные этапы освоения Таманского полуострова в античную эпоху: Автореф. дис. ... к. и. н. СПб., 1994. С. 6.
95. *Горлов Ю. В.* Указ. соч. С. 71.
96. *Шенко Л. Г.* О территориально-административной структуре Боспорского государства в первые века нашей эры // Из истории Древнего мира и средневековья. М., 1988. С. 53—55.
97. *Найхардт А. А.* Скифский рассказ Геродота в Отечественной историографии, Л., 1982.
98. *Брумяк Н. В., Карлов В. А.* Древняя география и колебания уровня моря // ВДИ. 1992. № 2. С. 87—97.
99. *Кружаликова И. Т.* Сельское хозяйство Боспора. М., 1975.
100. *Вейсман А. Д.* Греческо-римский словарь. М., 1991.
101. См. об этом: *Щеголов А. Н.* Северо-западный Крым в античную эпоху. Л., 1978. *Масловников А. А.* О типологии сельских поселений Боспора // СА. 1989. № 2. С. 69, рис. 1.

Глава II

1. *Латышев В. В.* Известия греческих и латинских писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. № 4. 1948. С. 236, примеч. 6.
2. *Уваров А.* Исследование о древностях Южной России и берегов Черного моря. Вып. I. СПб., 1851. С. IV. Вып. II. СПб., 1856. С. 143.
3. *Паладинитры С. Д.* Местоположение древней Одессы // ЗООИД. 1912. XXX. С. 395.
4. *Симонович Э. А.* О древней Одессе // ВДИ. 1954. № 4. С. 146—150.
5. *Синицин М. С.* Спроба локалізації населених пунктів, згаданих древніми авторами між гирлами П. Бугу і Дністра // Матеріали з археології Північного Причорномор'я, 1960. Вып. 3. С. 14 и сл.
6. См., например: *В. В. Латышев.* Указ. соч. // ВДИ. 1949. № 2. С. 279, примеч. 10.
7. *Скрожинская М. В.* Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев, 1977. С. 56 и сл.

8. *Азбунов М. В.* Античная география Северного Причерноморья М., 1992. С. 158—159.
9. *Зубарев В. Г.* Указ. соч. С. 61—62.
10. См.: Гл. I. С. 72.
11. См.: Гл. I. С. 91.
12. *Брушко И. В., Карпов В. А.* Древняя география и колебания уровня моря // ВДИ. 1992. № 2. С. 94 и рис. 1 на С. 90.
13. Там же. С. 89—91.
14. *Азбунов М. В.* Античная лоция Черного моря. М., 1987.
15. *Брушко И. В., Карпов В. А.* Указ. соч. С. 89.
16. *Крыжацикий С. Д., Бураков А. В., Буйских С. Б. и др.* К истории Оплянской сельской округи // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980. С. 7.
17. *Брун Ф. К.* Черноморье. Т. I. Одесса, 1879. С. 162.
18. *Синицын М. С.* Указ. соч. С. 14.
19. *Скоржинская М. В.* «Перипл Понта Евксинского» Анонимного автора // Исследования античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980. С. 122.
20. *Азбунов М. В.* Античная география... С. 157.
21. Там же.
22. *Брушко И. В., Карпов В. А.* Указ. соч. Рис. 1 на С. 90.
23. Там же. С. 94.
24. *Азбунов М. В.* Античная лоция... С. 127.
25. *Köhler H.* Memoires de l'Academie de St. Petersburg. T. IX, 1825. S. 659.
26. *Geographi Graeci minores* // Ed C. Mullerus. Vol. I, Parisii, 1855 (далее GGM). S. 397.
27. *Азбунов М. В.* Античная география... С. 157.
28. Там же.
29. *Азбунов М. В.* Античная лоция... С. 127.
30. *Анохин В. А.* Монеты античных городов Северо-западного Причерноморья. Киев, 1989. С. 78.
31. *Буйских С. Б.* Еще раз о так называемой «Одесской» Истрия // Краткие сообщения Одесского археологического общества. Одесса, 1999. С. 89.
32. ВДИ. № 2. 1948. Примеч. 1, С. 243.
33. *Степняковский И. А.* Исследование о местоположении древних греческих поселений на берегах Понта Евксинского между Тирвосом и Борисфеном, učinенные по случаю найденных в Одессе остатков древностей. СПб., 1826. С. 57—59.

34. Муральт Э. Г. Древние поселения на северо-западном берегу Черного моря от Дуная до Буга // Записки СПб. археологически-нумизматического общества. Т. 2. 1850. С. 137—140.
35. Албунов М. В. Заметки по античной географии Нижнего Подиестровья // ВДИ. 1979. № 2. С. 119.
36. Беккер П. В. Берег Понта Евксинского от Истра до Борнефена в отношении к древним его колониям // ЗООИД. 3, 1853. С. 206.
37. Брун Ф. К. Заметки, относящиеся к древней топографии, Новороссийского края и Бессарабии // Новороссийский календарь на 1857 г. Одесса, 1856.
38. Miles E. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913. С. 14.
39. Браун Ф. А. Разыскания в области готско-славянских отношений // Сб. отделения русского языка и словесности. Т. 64. Вып. 12. СПб., 1899. С. 208.
40. Горькович В. И. Записки об археологических исследованиях в Херсонесской губернии // Древности. XXII, I. 1909. С. 181 и сл.
41. Албунов М. В. Заметки по... // ВДИ. № 2. 1979. С. 118—125.
42. Албунов М. В. Античная география... С. 137.
43. Зубарев В. Г. Указ. соч. С. 18 и сл.
44. Сыныцын М. С. Указ. соч. С. 24.
45. Зубарев В. Г. Указ. соч. С. 51.
46. Там же.
47. Величина одной минуты широты по первой зоне равна 1,9 км, а длины 0,53 км.
48. Земкомич В. П. Берега Черного и Азовского морей. М., 1958. С. 114.
49. Брунко Н. В., Карпов В. А. Указ. соч. С. 89.
50. Албунов М. В. К вопросу о локализации башня Неоптолема и Гермонактовой деревни // ВДИ. 1978. № 1. С. 115—116.
51. Geographie de Strabon. T. 3. P., 1812. С. 51.
52. Strabons Erdbeschreibung, übersetzt von A. Forbiger. Bd. 3, Stuttgart, 1857. С. 61.
53. Köhler H. Memoire sur les lies et la course consacrées impériale des sciences de St. Petersburg. T. X. 1826.
54. Муральт Э. Г. Указ. соч. С. 132.
55. Mannert K. Geographie der Griechen und Römer. Bd. 4, Lpz., 1820. С. 239.
56. Стемпковский И. А. Указ. соч. Карта.
57. Neumann K. Die Hellenen im Skythenlande. Bd. I. B., 1855. С. 355 и сл.
58. Беккер П. В. Указ. соч. С. 162—174.

59. *Латышев В. В.* Известия греческих и латинских писателей... Т. 2, карта *Roibus Euxinus et Suisasus vetate Romana.*
60. *Klessling M.* *Hermonaktos kome* // RE. Bd. 8. 1913. С. 894—895.
61. *Мурашев Э. Г.* Указ. соч. С. 132.
62. GGM. Vol. 1. С. 418.
63. *Силицын М. С.* Указ. соч. С. 23.
64. *Карышковский П. О.* К вопросу о древнем названии Роксоланского городища // МАСП. Вып. 5. Одесса, 1966. С. 161 и сл.
65. *Азбунов М. В.* К вопросу о локализации башни Неоптолема и Гермонактовой деревни. С. 116.
66. Там же. С. 119. Рис. 4.
67. Там же. С. 122.
68. Там же. С. 122—123.
69. *Брушко И. В., Карпов В. А.* Указ. соч. С. 92.
70. *Зубарев В. Г.* Указ. соч. С. 54.
71. *Брушко И. В., Карпов В. А.* Указ. соч. С. 89—91, рис. 1.
72. См. об этом: *Сымонович Э. А.* Отчет о пробных раскопках в С. Причерноморское Белгород — Днестровского района Одесской области в 1972 г. (Николаевский отряд ИА АН СССР) // Научный архив ИА АН УССР 1972/53, № 6142 в. С. 11; *Он же.* Работы Николаевского отряда в Херсонской и Одесской областях // АО. 1972. М., 1973. С. 335.
73. *Азбунов М. В.* К вопросу о локализации башни Неоптолема и Гермонактовой деревни. С. 122.
74. *Латышев В. В.* Указ. соч. // ВДН. № 2. 1948. С. 243, примеч. 3.
75. *Браун Ф.* Указ. соч. С. 174.
76. *Азбунов М. В.* Античная география... С. 132.
77. *Зубарев В. Г.* Указ. соч. С. 54.
78. *Зенкович В. П.* Указ. соч. С. 98.
79. *Азбунов М. В.* Античная логика... С. 133.
80. *Азбунов М. В.* Античная география... С. 133.
81. Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время // Археология СССР: В 20 т. С. 176, карта 14.
82. Там же. С. 177.
83. *Скрябинская М. В.* Указ. соч. С. 122.
84. *Mallert K.* Указ. соч. С. 239.
85. *Forbinger A.* Handbuch der alten Geographie. Bd. 3. Leipzig, 1848. S. 1129.
86. GGM. I. С. 418.
87. *Азбунов М. В.* Античная география... С. 132.

88. Брушко И. В., Карпов В. А. Указ. соч. С. 90.
89. Скрожинская М. В. «Перипл Понта Евксинского»... С. 122.
90. Скрожинская М. В. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев, 1977. С. 55 и сл.
91. Муральев Э. Г. Указ. соч. С. 132.
92. ВДИ. № 2. 1949. С. 279, примеч. 4.
93. Азбунов М. В. Античная география... С. 134.
94. Скрожинская М. В. Северное Причерноморье... С. 56.
95. Брушко И. В., Карпов В. А. Указ. соч. С. 90, рис. 1.
96. Скрожинская М. В. «Перипл Понта Евксинского»... С. 121.
97. OGM. I. С. 419.
98. Скрожинская М. В. «Перипл Понта Евксинского»... С. 122.
99. Азбунов М. В. Античная география... С. 131.
100. Там же. С. 132.
101. Земкович В. П. Указ. соч. С. 95.
102. Браун Ф. Указ. соч. С. 205.
103. Миллер К. Указ. соч. С. 469.
104. Бондарь Р. Д. Некоторые проблемы истории Нижнедунайского лимеса // ВДИ. 1973. № 3. С. 150.
105. Зубарев В. Г. Указ. соч. С. 52, примеч. 5.
106. Там же. С. 52, примеч. 6 и С. 54.
107. См. об этом Бондарь Р. Д. Указ. соч. С. 145 и сл., там же литература.
108. Там же. С. 154.
109. Булкин И. Ю. Предполагаемые трассы римских военных дорог в Северном Причерноморье // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Сб. Одесса, 1997. С. 286.
110. Там же.
111. Бондарь Р. Д. Указ. соч. С. 153.
112. Фурманская А. И. Античный город Тира // Античный город. М., 1963. С. 40.
113. См. также: Зубарев В. Г. Указ. соч. С. 30.
114. Бондарь Р. Д. Указ. соч. С. 154.
115. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. С. 85, карта 10.
116. Там же. С. 176, карта 14.
117. Бондарь Р. Д. Указ. соч. С. 153 и сл.
118. Азбунов М. В. Заметки по античной географии... С. 125 и сл.

119. ВДИ. № 2. 1949. С. 346.
120. *Азбунов М. В.* Заметки по античной географии... С. 128.
121. Ср. Pa. Skytia, 798—803.
122. *Доватур А. И., Калыстов Д. П., Шишова И. А.* Народы нашей страны в «Истории Геродота. М., 1982. С. 278, примеч. 349.
123. *Стемыковский И. А.* Указ. соч. С. 21—23.
124. *Беккер П. В.* Тарас и тириты // ЗООИД. Т. II. 1848. С. 418 в сл.
125. *Брун Ф. К.* Черноморье. С. 3—13; *Его же.* О местоположении Тираса // ЗООИД, 1853. Т. 3. С. 49.
126. *Штерн Э. Р.* О последних раскопках в Аккермане // ЗООИД. Т. XXII. 1901. С. 33—61.
127. *Беккер П. В.* Берег Понта Евксинского... // ЗООИД. III.
128. *Гошкевич В. И.* Записки об археологических исследованиях в Херсонесской губернии // Древности. М., 1902. Т. 22, I. С. 176—189.
129. *Карышковский П. О.* К вопросу о древнем названии Роксоланского городища // МАСП. Вып. 5. Одесса, 1966. С. 149—162.
130. *Азбунов М. В.* Античная география... С. 138—139.
131. *Северская Н. М.* Итоги исследований Никонеев за 40 лет (1957—1997 г.) // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Сб. Одесса, 1997. С. 7.
132. *Азбунов М. В.* Заметки по античной географии... С. 129—133.
133. *Стемыковский И. А.* Исследования... С. 19.
134. *Мурадян Э. Г.* Указ. соч. С. 136.
135. *Kohler H.* Указ. соч. X. 1826. С. 790, прил. 906.
136. *Беккер П. В.* Указ. соч. С. 183—184.
137. *Браун Ф. А.* Указ. соч. С. 203—204.
138. *Брун Ф. К.* Остров тирагетов и греко-латинская надпись, найденная в селе Каротном // Черноморье. Ч. I. Одесса, 1879. С. 11—13.
139. *Штерн Э. Р.* О последних раскопках в Аккермане // ЗООИД. Т. XXII. 1901. С. 50—53, 57—58.
140. *Bilabel F.* Die ionische Kolonisation. Lpz., 1920. С. 20—21.
141. *Затковская Т. Д.* О начальном периоде истории Тире // СА. 1959. № 2. С. 68—69.
142. *Азбунов М. В.* Заметки по античной географии... С. 138.
143. *Азбунов М. В.* Античная география... С. 141.
144. *Карышковский П. О., Клейман И. Б.* Древний город Тира. Киев, 1985. С. 42—43.

145. *Охотников С. Б.* Сельские поселения Нижнего Поднестровья в VI — VII вв. до н. э. // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1987. С. 9.
146. *Зубарев В. Г.* Указ. соч. С. 54.
147. *Брушко И. В., Карлов В. А.* Указ. соч. С. 93.
148. Там же. С. 90, рис. 1.
149. *Албунов М. В.* Заметки по античной географии... С. 135.
150. Там же.
151. *Брушко И. В., Карлов В. А.* Указ. соч. С. 90, рис. 1.
152. *Скрябинская М. В.* Северное Причерноморье... С. 57.
153. *Албунов М. В.* Заметки по античной географии... С. 133.
154. Там же. С. 137.
155. *Албунов М. В.* К вопросу о локализации... С. 121.
156. *Бондарь Р. Д.* Указ. соч. С. 156 в сл.
157. *Албунов М. В.* Заметки по античной географии... С. 135.
158. Там же.
159. *Вейсман А. Д.* Греческо-русский словарь. М., 1991. С. 914.
160. *Скрябинская М. В.* Северное Причерноморье... С. 56.
161. Античные государства Северного Причерноморья // *Археология СССР: В 20 т.* М., 1984. С. 26—29.
162. Там же. С. 29—30.
163. *Северская Н. М.* Указ. соч. С. 8.
164. *Скрябинская М. В.* Северное Причерноморье... С. 89.
165. Античные государства Северного Причерноморья. С. 28.
166. *Булкин И. Ю.* Указ. соч. С. 286.
167. *Бондарь Р. Д.* Указ. соч. С. 156.
168. *Латышев В. В.* Указ. соч. ВДИ. № 2. 1948. С. 239.
169. *Романовская М. А., Шолов-Коведнев Ф. В., Щеголов А. Н.* Городище Рудь — Милоний Птолемея? // ВДИ. 1981. № 4. С. 126.
170. Стены саропейской части СССР в скифо-сарматское время. *Археология СССР: В 20 т.* С. 85, карта 10.
171. *Браун Ф. А.* Разыскания в области готто-славянских отношений. Т. 1. СПб., 1899.
172. *Кулаковский Ю. А.* Карта Европейской Сарматии по Птолемею. Киев, 1899.
173. *Романовская М. А., Шолов-Коведнев Ф. В., Щеголов А. Н.* Указ. соч. С. 133.
174. *Кулаковский Ю. А.* Указ. соч. С. 26.
175. *Браун Ф. А.* Указ. соч. С. 206.

176. Романовская М. А., Шелов-Коведяев Ф. В., Щеглов А. Н. Указ. соч. С. 121—137.
177. Там же. С. 137.
178. Там же. С. 136.
179. Там же. С. 137.
180. Зубарев В. Г. Указ. соч. С. 63.
181. Перевод по Ф. В. Шелову-Коведяеву. Указ. соч. С. 133.
182. Романовская М. А., Шелов-Коведяев Ф. В., Щеглов А. Н. Указ. соч. С. 136.
183. Бондарь Р. Д. Указ. соч. С. 150.
184. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР: В 20 т. С. 85, карта 10.
185. Романовская М. А., Шелов-Коведяев Ф. В., Щеглов А. Н. Указ. соч. С. 123 и сл.
186. Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. — первой половине I тысячелетия н. э. // Археология СССР: В 20 т. М.: Наука, 1993. С. 86, карта 16.
187. Там же. С. 94.
188. Зубарев В. Г. Указ. соч. С. 63.
189. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР: В 20 т. С. 85, карта 10.
190. Славяне и их соседи... С. 86, карта 16.
191. Рыжков Э. А. Раскопки селищ первых веков нашей эры в Поднестровье // КСНИМК. М., 1974. Вып. 68. Тиханова М. А. О локальных вариантах черняховской культуры // СА. 1957. № 4.
192. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время // Археология СССР: в 20 т. С. 85, карта 10.
193. Романовская М. А., Шелов-Коведяев Ф. В., Щеглов А. Н. Указ. соч. С. 121—124.
194. Там же. С. 124.
195. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время: Археология СССР: В 20 т. С. 85, карта 10.
196. Славяне и их соседи... С. 86, карта 16.
197. Бондарь Р. Д. Указ. соч. С. 150 и сл.
198. Там же. С. 155.
199. Там же. С. 153.
200. Федоров Г. Б. Поселения Пруто-Днестровского Междуречья в I тысячелетии н. э. // МНА. № 89. С. 69.
201. Романовская М. А., Шелов-Коведяев Ф. В., Щеглов А. Н. Указ. соч. С. 124. См. также: Федоров Г. Б. Указ. соч. С. 264.

202. Славяне и их соседи... С. 95.
203. Müller K. Указ. соч. С. 334.
204. Detschew D. Grammatik der thrakischen Sprache. Sofia, 1952. S. 3, 93.
205. Федоров Г. Б. Указ. соч. С. 69.
206. Славяне и их соседи... С. 17, карта 6.
207. Там же. С. 95.
208. Федоров Г. Б. Указ. соч. С. 264.

Глава III

1. Бруно И. В., Карпов В. А. Древняя география и колебания уровня моря // ВДИ. 1992. № 2. С. 94 и сл.
2. См. об этом: Шеглов А. Н. Северо-западный Крым в античную эпоху. Л., 1978. С. 17—23.
3. Зубарев В. Г. Северное Причерноморье в историко-географической концепции Клавдия Птолемея. Тула, 1998.
4. Браун Ф. А. Указ. соч. С. 213.
5. ВДИ. № 2. 1948. С. 239, примеч. 5.
6. Зубарев В. Г. Указ. соч. С. 28.
7. Там же. С. 61; 63.
8. ВДИ. № 2. 1948. С. 233, примеч. 5.
9. Гайдужевич В. Ф. История античных городов Северного Причерноморья // Античные города Северного Причерноморья. М.; Л., 1955. С. 32.
10. Булкин И. Ю. Указ. соч. С. 286.
11. Браун Ф. А. Указ. соч. С. 213.
12. Кузнецовский Ю. А. Указ. соч. С. 27.
13. Зубарев В. Г. Указ. соч. С. 63.
14. Булкин И. Ю. Указ. соч. С. 287.
15. Степи европейской части СССР... С. 126, карта 11.
16. Булкин И. Ю. Указ. соч. С. 287.
17. Археология Украинской ССР. Т. 2. Киев, 1986. С. 223—227.
18. Кропоткин В. В. Клады римских монет на территории СССР // САМ. Д4—4, 1961. С. 57, 83, 84.
19. Степи европейской части СССР... С. 125.
20. Там же. С. 145.
21. Браун Ф. А. Указ. соч. С. 103.
22. Cf. Ptolamæi Geographiæ e codic. recognovit Cas. Müllerus. Paris, V. I. P. 1. Firmin Didot, 1883. С. 434.

23. Tomaschek. RE. IV, 2637.
24. Kretschmer. RE. II, 2. St. 1727.
25. *Посребова Н. Н.* Позднескифские городища на нижнем Днепре // МИА. 64. 1958. С. 105, 247.
26. *Зубарев В. Г.* Указ. соч. С. 62—63.
27. *Азбуков М. В.* Материалы по античной географии Причерноморья // ВДИ. 1983. № 4. С. 118.
28. *Славин Л. М.* Здесь был город Ольвия. Киев, 1967. С. 13.
29. IOSPE. 12. 20—324.
30. Античные государства Северного Причерноморья. С. 34.
31. *Гриневич К. Э.* О достоверности сведений Геродота об Ольвии // ВДИ. 1964. № 1. С. 178.
32. *Кловатский В. Д.* Античная археология Северного Причерноморья. М., 1961. С. 178.
33. *Гайдужевич В. Ф.* История античных городов Северного Причерноморья // Античные города Северного Причерноморья. М.; Л., 1955. С. 32.
34. *Пападимитриу С. Д.* Древние сведения об острове Березани // ЗООИД. XXVIII. 1910. С. 102 и сл.
35. *Нассен А. А.* Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947. С. 59.
36. *Марченко К. К.* Варвары в составе населения Березани и Ольвии во второй половине VII — первой половине I в. до н. э. // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1974. С. 11.
37. *Виноградов Ю. Г.* О политическом единстве Березани и Ольвии // Художественная культура и археология античного мира. М., 1976.
38. *Русяк А. С., Скоржымская М. В.* Ольвийский полис и каллипиды // ВДИ. 1979. № 4. С. 33.
39. *Латын В. В.* Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, 1966. С. 55 и сл., 150 и сл.
40. *Пападимитриу С. Д.* Указ. соч. С. 102.
41. *Подосинов А. В.* Картографический принцип в структуре географических описаний древности (постановка проблемы) // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М., 1978. С. 26.
42. *Скоржымская М. В.* О степени достоверности числовых данных в скифском рассказе Геродота // ВДИ. 1989. № 4. С. 87.
43. *Rawlinson G.* The History of Herodotus. London, 1858—1859. I—III.
44. *Латышев В. В.* Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887. С. 34 и сл.
45. *Tomaschek W.* Borysthenes // RE. 1899. III, col. 739.

46. Жебелев С. А. Северное Причерноморье: Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. М.; Л., 1953. С. 291 и сл.
47. Геродот. Истории в дев'яти книгах. Київ, 1993. С. 472, примеч. 17, 1.
48. Азбунов М. В. Античная география... С. 166 и сл.
49. Карышковский П. О. Заметки об Ольвии и Борисфене // ЗОАО, 1967, II (35). С. 75 и сл.
50. Георгиев В. И. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958. С. 254. См. также: Schmid Wolfgang P. Abhandlungen der Akademie der wissenschaften und literatur in Meinz. Geistes- und sozialwissenschaftl. Kl. jg. 1978. S. 18.
51. Трубочев О. Н. Вопросы языкознания. 1979. № 4. С. 37.
52. Шрам Г. Рески Северного Причерноморья. М., 1997. С. 68.
53. Брумяк И. В., Карлов В. А. Указ. соч. С. 94 и рис. 1, С. 90.
54. Азбунов М. В. Материалы по античной географии Причерноморья // ВДИ. 1984. № 4. С. 135.
55. Сержанская М. В. Северное Причерноморье... С. 57.
56. Брумяк И. В., Карлов В. А. Указ. соч. С. 95.
57. Страны европейской части СССР... С. 118.
58. Рубин В. В. О датировке Ягорлыцкого поселения // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980. С. 112.
59. Античные государства Северного Причерноморья. С. 35.
60. Там же. С. 38.
61. ВДИ. № 1. 1948. С. 229, примеч. 4.
62. Азбунов М. В. Античная география... С. 161.
63. Брумяк И. В., Карлов В. А. Указ. соч. С. 90.
64. Античные государства Северного Причерноморья. С. 33.
65. Брумяк И. В., Карлов В. А. Указ. соч. С. 95.
66. Там же. С. 90, рис. 1.
67. Там же. С. 95.
68. Там же. С. 94.
69. Там же. С. 90, рис. 1.
70. Гриневич К. Э. Городище Прекрасная гавань в свете новейших данных // ВДИ. 1949. № 1. С. 158. Азбунов М. В. Античная лодка... С. 119. Кутайсов В. А., Успенцев В. Б. Некоторые итоги изучения Калос Лимена // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Херсон, 1991. С. 86.
71. ВДИ. № 4. 1947. С. 202, примеч. 4.
72. Азбунов М. В. Античная лодка... С. 15.
73. Кутайсов В. А., Успенцев В. Б. Указ. соч. С. 86—89.

74. Байер Ф. З. О местоположении Скифия как оно было в лета Геродотовы // Краткое описание комментарий Академии наук. СПб., 1728. С. 152—154.
75. *Reuzonnell C. C.* Observations historiques et geographiques, sur les peuples barbares qui ont habite les bords du Pont-Euxin: Avec cartes et figures tailledauce. Paris: N. M. Tilliard, 1765. С. 6.
76. *D'Anvil N.* Examen critique d'Herodote sur ce qu'il rapporte de la Scythie // Memoires de litterature, teres des l'Academie Royale des inscriptions et bells-lettres. 1770. № 35. С. 580.
77. *Туманян.* Крымское ханство (пер. Н. А. Эрнста и С. А. Белявской). Симферополь, 1936. С. 41.
78. *Friedlaender G.* Kerkine citta del Chersoneso Taurico introdotta nella serie numismatica // Annali dell' Instituto di corrispondenza archeologica. 1845. n 16. С. 232—234.
79. *Neumann K.* Die Hellenen im Skythenlande. Berlin, 1855. I. С. 375, 443.
80. *Бурчков П. О.* О местоположении древнего города Каркинита и о монетах, ему принадлежащих // ЗООИД. IX. 1875. С. 1—133.
81. *Брум Ф.* Разыскания... С. 219 и сл.
82. См. например: *Толстой И., Кондаков Н.* Русские древности в памятниках искусств. СПб., 1889. Вып. 2. С. 16; *Брум Ф. К.* Черноморье: Сб. исследований по ист. география Южной России. Одесса. 1899. С. 220; *Жебелев С. А.* Северное Причерноморье: Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. М.; Л., 1953. С. 314, примеч. 1; *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М.; Л., 1949. Карта.
83. *Спасский Г. И.* О местоположении древнего города Каркинита и об его монетах // ЗООИД. Т. 2. 1848.
84. *Латышев В. В.* Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1889—1891 гг. // МАР. 1892. № 9. С. 10; *Рондиза.* СПб., 1990. С. 403.
85. *Кузнецкий Ю. А.* Указ. соч. С. 30.
86. *Гайдукевич В. Ф.* Рец.: *Г. Д. Белов.* Херсонес Таврический // ВДН. 1949. № 3. С. 144.
87. *Linder F. L.* Skythien und die Skythen des Herodot und seine Auslegen, nebst Beschreibungen des heutigen zustandes jener Lander — Stuttgart. Schweizerbartsche Verlagen. 1841. С. 48—49. *Лосынов А. В.* Каркинит, Капо-Лямен, г. Успен р. Палдр // ЗООИД. Т. 28. 1915. С. 197.
88. *Надеждин Н. И.* Геродотова Скифия, объясненная через сравнение с местностью // ЗООИД. Т. 1. 1844.
89. *Куклина Н. В.* Этнография Скифия по античным источникам. Л., 1985. С. 99—101.
90. *Кутайсов В. А.* Античный город Керкиниттада. Киев, 1990. С. 10—11. Керкиниттада. Симферополь: Таврия, 1992. С. 15.

91. Кутайсов В. А. Античный город... С. 9—10.
92. Зубарев В. Г. Указ. соч. С. 62.
93. Булкин И. Ю. Указ. соч. С. 287.
94. Дьяков В. Н. Оккупация Таврики Римом в I в. н. э. // ВДИ. 1941. № 1. С. 94.
95. Кутайсов В. А. Керкинитыда. С. 67 и сл.
96. Античные государства Северного Причерноморья. С. 55 и сл.
97. Колтухов С. Г. Система обороны Крымской Скифии в IV—II вв. до н. э. // ВДИ. 1991. № 4. С. 101.
98. Кутайсов В. А. Античный город Керкинитыда. С. 160.
99. Там же.
100. Булкин И. Ю. Указ. соч. С. 287.
101. IOSPE. 12. № 352.
102. Браун Ф. Черноморье. С. 69.
103. Круглицы В. В. Псефизм древнего города Херсонеса о назначении почестей и награда Диофанту // ЗОИИД. XII. 1881. С. 20.
104. Vindis. RE. XI. 1161.
105. Желбаев С. А. Северное Причерноморье. С. 95.
106. Страбон. География / Пер. Г. А. Стратановского. М., 1994. С. 816, примеч. 27.
107. Бурчков П. О. Опыт сопоставления открытой в Херсонесе надписи с природой местности и сохранившимися у древних писателей сведениями // ЗОИИД. XII. 1881.
108. Раевский Д. С. О местоположении древнего Евпатория // ВДИ. 1968. № 3. С. 127—133.
109. Там же. С. 129 и сл.
110. Браун Ф. А. Разыскания в области готско-славянских отношений // Сб. отделения русского языка и словесности. Т. 64. Вып. 12. СПб., 1899. С. 178.
111. Раевский Д. С. Указ. соч. С. 131.
112. Там же. С. 132.
113. Там же. С. 133.
114. Зубарев В. Г. Указ. соч. С. 62.
115. Щеголов А. Н. Северо-западный Крым в античную эпоху. Л., 1978. С. 133.
116. Калимина Т. М. Сведения ранних ученых Арабского халифата. М., 1988. С. 79.
117. Зубарев В. Г. Указ. соч. С. 58.
118. Степя европейской части СССР... С. 126, карта 11, С. 128.
119. Полова Е. А. О работах на городище Чайка // Археологические исследования в Крыму. Симферополь, 1997. С. 225 и сл.

120. Кутайсов В. А. Античный город Керкинитыда. С. 160.
121. ВДИ. № 3. 1949. С. 288, примеч. 10.
122. Щеголов А. Н. О местоположении Дандыки: Заметки по древней географии и топографии Сарматии и Тавриды // ВДИ. № 2. 1965. С. 110—113.
123. Там же. С. 111.
124. Высотская Т. Н. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев, 1994. С. 13.
125. Высотская Т. Н. К вопросу о локализации Палакия // ВДИ. 1983. № 1. С. 115.
126. Milne E. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913. С. 498, примеч. 1.
127. Высотская Т. Н. К вопросу о... С. 115.
128. Зубарев В. Г. Указ. соч. С. 62.
129. Трубочев О. Н. Лингвистическая периферия древнейшего славянства: Индоарийцы в Северном Причерноморье // Вопросы языкознания, 1977. № 6. С. 16.
130. Колтухов С. Г. Система обороны Крымской Скифии в IV—II вв. до н. э. // ВДИ. 1991. № 4. С. 97.
131. Раевский Д. С. Неаполь или Палакий? // ВДИ. 1976. № 1. С. 106.
132. Там же. Примеч. 26.
133. Раевский Д. С. О местоположении древнего Евпатория // ВДИ. 1968. № 3. С. 129.
134. Коломуха В. А. Горный Крым в эпоху поздней бронзы — начале железного века. Киев, 1996. С. 88.
135. Античные государства Северного Причерноморья. С. 49.
136. Pallas. Bemerkungen auf einer Reise in die Südlichen Statthaltschaften des russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. T. II. Leipzig, 1801.
137. Гриневич К. Раскопки на месте страбонова Херсонеса // Крым. № 213. 1929.
138. Белов Г. Д. Херсонес Таврический Л., 1948. С. 35.
139. Гайдукевич В. Ф. История античных городов Северного Причерноморья // Античные города Северного Причерноморья. М.; Л., 1955. С. 68.
140. Там же. С. 70.
141. Качарова Д. Д., Каирова Е. Г. Города и поселения Причерноморья античной эпохи: Малый энциклопедический справочник. Тбилиси, 1991.
142. Бертье-Дезагард А. Л. Древнейший Херсонес по Страбону и раскопкам // ИАК. Вып. 21. 1907.
143. Античные государства Северного Причерноморья. С. 54 и сл.

144. *Щеглов А. Н.* «Старый» Херсонес Страбона. Укрепления на перешейке Маячного полуострова: топография и фортификация // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994. С. 10.
145. Там же. С. 22.
146. Там же. С. 37.
147. Там же. С. 38.
148. Там же. С. 40.
149. *Земкович В. П.* Указ. соч. С. 155—156.
150. *Латышев В. В.* PONTIKA: Изборник научных и критических статей по истории, археологии, географии и эпиграфике Скифии, Кавказа и греческих колоний на побережьях Черного моря. СПб., 1909. С. 298.
151. ВДИ. № 4. 1947. С. 207, примеч. 2.
152. *Земкович В. П.* Указ. соч. С. 161.
153. *Зубарь В. М.* Херсонес Таврический и Римская империя. Киев, 1994. С. 51, рис. 11.
154. *Земкович В. П.* Указ. соч. С. 161.
155. *Брум Ф. К.* Черноморье: Исследование по исторической географии Южной России. Т. II. Одесса, 1880.
156. *Латышев В. В.* PONTIKA: Рецензия на «Карту Европейской Сарматии» по Ю. Кулаковскому. С. 299.
157. *Ростовцев М. И.* Римские гарнизоны на Таврическом полуострове и Ай-Тодорова крепость // ЖМНП. Т. 328, март, 1900. С. 142—158.
158. Там же. С. 153, 154.
159. Там же. С. 158.
160. *Блаватский В. Д.* Античная археология Северного Причерноморья. М., 1961. С. 188. См. также: *Блаватский В. Д.* О римских войсках на Таврическом полуострове в I в. н. э. // Античная археология в истории. М., 1985. С. 232; *Ом же.* Харакс // МНА. № 19. 1951. С. 254.
161. *Гайдукович В. Ф.* История античных городов Северного Причерноморья // Античные города Северного Причерноморья. М.; Л., 1955. С. 90.
162. Античные государства Северного Причерноморья. С. 57.
163. Там же.
164. *Шелов Д. В.* Римляне в Северном Причерноморье // ВДИ. № 4. 1981. С. 59.
165. *Орлов К. К.* Архитектурные комплексы Харакса // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев, 1988. С. 22.
166. ВДИ. № 2. 1949. С. 281, примеч. 12.
167. ВДИ. № 2. 1948. С. 240, примеч. 5.

168. *Азбуков М. В.* Античная лоща... С. 112. То же и в Античной географии... С. 211.
169. *Азбуков М. В.* Античная лоща... С. 113.
170. ВДИ. № 1. 1948. С. 272, примеч. 11.
171. *Азбуков М. В.* Античная лоща... С. 112.
172. *Сержинская М. В.* «Перипл Понта Евксинского»... С. 123.
173. IOSPE. II, карта № 2; *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Л., 1925. С. 67.
174. *Сержинская М. В.* «Перипл Понта Евксинского»... С. 123.
175. *Азбуков М. В.* Античная география... С. 211.
176. *Шульц П. Н.* О судакском кладе боспорских монет, найденном в 1959 г. и о местоположении Афинейона // Тез. докл., прочитанного в Одессе 11. X. 1961 г. // СА. 1961. № 4. С. 293.
177. *Ланцов С. Б.* Кутлакская крепость второй половины I в. до Р. X. — начала I в. // Археология Крыма. Т. 1. 1997. С. 73.
178. *Müller.* Указ. соч. С. 432.
179. *Браун Ф. А.* Указ. соч. С. 223.
180. *Зубарев В. Г.* Указ. соч. С. 89, рис. 5.
181. ВДИ. № 1. 1948. С. 272, примеч. 11.
182. *Щеголов А. Н.* Северо-западный Крым... С. 38.
183. ВДИ. № 2. 1948. С. 238, примеч. 12.
184. *Зубарев В. Г.* Указ. соч. С. 62 и 89 (рис. 5).
185. Стены европейской части СССР... С. 128.
186. *Колтухов С. Г.* Система обороны Крымской Скифии в IV—II вв. до н. э. // ВДИ. 1991. № 4. С. 91—104.
187. Памятники архитектуры и археологии. Кн. 2. Симферополь, 1995. С. 178.
188. ВДИ. № 2. 1948. С. 238, примеч. 13.
189. *Зубарев В. Г.* Указ. соч. С. 62 и 89 (рис. 5).
190. Стены европейской части СССР... С. 128.
191. Там же. С. 126, карта 11.
192. *Браун Ф.* Указ. соч. С. 233.
193. *Зубарев В. Г.* Указ. соч. С. 62 и 89 (рис. 5).
194. Стены европейской части СССР... С. 126, карта 11.
195. Памятники архитектуры и археологии... С. 101.
196. *Браун Ф. А.* Указ. соч. С. 23.
197. *Зубарев В. Г.* Указ. соч. С. 60, примеч. 13.
198. Там же. С. 62 и 89 (рис. 5).
199. Памятники архитектуры и археологии... С. 117.

200. *Петерс Б. Г., Голенцов А. С.* Археологические раскопки Феодосии 1975—1977 гг. // Краткие сообщения. 168. М., 1981. С. 70.
201. *Петрова Э. Б.* Феодосия в составе Боспорского царства (политический аспект) // МАИЭТ. II. Симферополь, 1991. С. 97—98.
202. ВДИ. № 2. 1949. С. 281, примеч. 12.
203. *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. С. 51—52.
204. *Дьяков В. Н.* Таврика в эпоху римской оккупации // Учен. зап. Моск. пед. ин-та им. В. И. Ленина. 1942. Т. 28. Каф. истории др. мира. Вып. 1. С. 10.
205. *Скрябинская М. В.* Северное Причерноморье... С. 61—62.
206. *Колтухов С. Г.* Система обороны Крымской Скифии в IV—II вв. до н. э. // ВДИ. 1991. № 4. С. 91—104. С. 97, рис. 3.
207. Там же. С. 99.
208. Описание всех поселений дается по С. Г. Колтухову. С. 98—99.
209. Там же. С. 99.
210. ВДИ. № 2. 1949. С. 281, примеч. 12.
211. *Колтухов С. Г.* Система обороны... С. 103.
212. *Соломонович Э. И.* Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1964. С. 92—97. № 44.
213. *J. de Baramberg.* De la position des trois forteresses Tauro-Scythes dont parle Strabon. Odessa, 1831.
214. *Дашевская О. Д.* К вопросу о локализации трех скифских крепостей упоминаемых Страбонам // ВДИ. 1958. № 2. С. 144—146.
215. *Равевский Д. С.* Указ. соч. С. 106.
216. *Высотская Т. Н.* К вопросу о локализации Палакия // ВДИ. 1983. № 1. С. 111—116.
217. *Высотская Т. Н.* Поздние скифы в юго-западном Крыму // Киев: Наук. думка, 1972. С. 62.
218. *Высотская Т. Н.* Усть-Альминское городище и некрополь. Киев, 1994. С. 7 и сл.
219. Степи европейской части СССР... С. 126, карта 11.
220. *Высотская Т. Н.* Неаполь — столица государства поздних скифов. Киев, 1979. С. 53.
221. *Равевский Д. С.* Неаполь или Палакий? С. 103.
222. *Щеглов А. Н.* Северо-западный Крым... С. 134.
223. *Зубарь В. М.* Херсонес Таврический и Римская империя. Киев, 1994. С. 29.
224. Там же. С. 113.
225. *Цветкова Г. А.* Боспор и Рим. М., 1979. С. 33.

226. *Асбунов М. В.* Античная география... С. 89.
227. *Зубарь В. М.* Херсонес Таврический... С. 113.
228. *Вдовиченко Н. И., Колтухов С. Г.* Древние укрепления Северного Крыма (По данным античных письменных источников) // ВДИ. 1986. № 2. С. 155.
229. *Колтухов С. Г.* Система обороны... С. 103.
230. Там же.
231. *Вдовиченко Н. И., Колтухов С. Г.* Указ. соч. С. 149 и сл.
232. Там же. С. 153.
233. Там же. С. 154.

Глава IV

1. GGM. I. С. 394.
2. *Асбунов М. В.* Античная поэзия... С. 109.
3. *Масленников А. А.* Население Боспорского государства в первых веках н. э. М., 1990. С. 17.
4. *Зенкович В. П.* Указ. соч. С. 218.
5. *Масленников А. А.* Население... С. 17.
6. *Бларамберг И. П.* Замечание на некоторые места древнейшей географии Тавриды // ЗООИД. II. 1848. С. 4—5.
7. *Дюбрюкс П.* Описание развалин и следов древних городов и укреплений, некогда существовавших на европейском берегу Боспора Киммерийского от влода в пролив близ Еникальского маяка до горы Опук при Черном море // ЗООИД. IV. 1858. С. 73.
8. *Паллас П. С.* Поездка во внутренность Крыма вдоль Керченского полуострова на остров Тамань // ЗООИД. XIII. 1883. С. 44—45.
9. *Муравьев-Апостол И. М.* Путешествие по Тавриде в 1820 г. СПб., 1823. С. 207—210.
10. *Кулаковский Ю. А.* Новые данные для истории Старого Крыма // ЗРАО. 1899. X. С. 11.
11. *Асбунов М. В.* Античная поэзия... С. 109.
12. *Масленников А. А.* Население... С. 17 и сл.
13. *Завойкин А. А.* Киммериды — полне на Киммерийском Боспоре // Проблемы истории, философии, культуры. Ч. 1. История. М.; Магнитогорск. 1997. С. 130.
14. *Зубарев В. Г.* Указ. соч. С. 67.
15. Там же.
16. Там же. С. 65.
17. Античные государства Северного Причерноморья. С. 71 и сл.

18. Там же. См. также: *Масленников А. А.* Население... С. 17.
19. Античные государства Северного Причерноморья. С. 72.
20. *Галенко В. К., Клячкин А. А.* Работы Южно-Боспорской экспедиции // Археологические исследования в Крыму 1994 год. Симферополь, 1997. С. 79.
21. Сведения В. К. Галенко на основе исследований в 1997 г. (материал не опубликован).
22. *Бларамберг И. П.* Замечание на некоторые места древнейшей география Тавриды // ЗООИД. II. 1848. С. 8.; *Марти Ю. Ю.* Новый материал из Керчи и ее окрестностей // ЗООИД. Т. 31. 1912. С. 14.; *Блаватский В. Д.* Архангелский Боспор // МИА. № 33. 1954. С. 22.
23. *Шильки К. К.* Локализация античной Акры как пример комплексного анализа в историко-географических исследованиях // Тез. докл. совещ. «Комплексные методы в изучении истории с древнейших времен до наших дней». М., 1984. С. 108—111.
24. *Асбуков М. В.* Античная доция... С. 107. См. также: *Асбуков М. В.* Античная география... С. 214.
25. *Куликов А. В.* Археологические разведки на городище Акра // Археологические исследования в Крыму 1994. С. 160.
26. *Масленников А. А.* Население... С. 19.
27. Там же.
28. *Зубарев В. Г.* Указ. соч. С. 67.
29. *Куликов А. В.* Указ. соч. С. 160 и сл.
30. КЕН. № 942. С. 523.
31. *Масленников А. А.* Население... С. 18.
32. Античные государства Северного Причерноморья. С. 71.
33. ВДИ. № 2. 1948. С. 241, примеч. 10.
34. *Зубарев В. Г.* Указ. соч. С. 67.
35. Там же.
36. *Чевелев О. Д.* Новые погребения Кызульского некрополя // КСИА. 1985. № 182.
37. *Масленников А. А.* Население... С. 19.
38. *Молева Н. В., Молев Е. А.* Разведки на мысе Такиль // АО. 1976. М., 1977. С. 342. См. также: *Масленников А. А.* Население... С. 19.
39. Данные вопросы подробно разбирались М. В. Асбуковым. См.: *Асбуков М. В.* Материалы по античной географии Причерноморья // ВДИ. 1983. № 4. С. 124—126. *Асбуков М. В.* Античная доция... С. 103—106. Там же литература.
40. Античные государства Северного Причерноморья. С. 63 и сл.

41. *Гайдукевич В. Ф.* О местоположении древней Тиритаки // МИА. 1941. № 4. С. 85—92.
42. См. например: *Скрябинская М. В.* «Перипл Понта Евксинского»... С. 122 и сл.
43. Там же.
44. *Зубарев В. Г.* Указ. соч. С. 64.
45. *Азбунов М. В.* К вопросу о локализации... С. 67 и сл.
46. *Гайдукевич В. Ф.* О местоположении... С. 91.
47. *Гайдукевич В. Ф.* Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946—1952 гг. // МИА. 1958. № 85. С. 185.
48. *Блаватский В. Д.* Архαιический Боспор // МИА. № 33. 1954. С. 22 и сл.
49. *Скрябинская М. В.* Северное Причерноморье... С. 69.
50. *Блаватский В. Д.* Материалы по истории Пантикалея // МИА. 1951. № 19. С. 10.
51. Античные государства Северного Причерноморья. С. 39 и сл.
52. ВДИ. № 2. 1948. С. 234, примеч. 4.
53. *Гайдукевич В. Ф.* Боспорские города Тиритака и Мирмекия на Керченском полуострове (по раскопкам 1932—1936 гг.) // ВДИ. 1937. № 1.
54. *Зубарев В. Г.* Указ. соч. С. 69—70.
55. Античные государства Северного Причерноморья. С. 65—67.
56. *Дюбрюкс П.* Описание развалин и следов древних городов и укреплений, некогда существовавших на европейском берегу Боспора Киммерийского от входа в пролив близ Еникальского маяка до горы Олук при Черном море // ЗООИД. IV. 1858. С. 3—84.
57. *Веселов В. В.* Древние городища в районе Синявино (К вопросу о местоположении Парфения и Порфмня) // Археология и история Боспора. I. Симферополь, 1952.
58. *Кастанаян Е. Г.* Археологическая разведка на городище Парфений в 1949 г. // МИА. 1958. 85. С. 254—265.
59. *Федосеев Н. Ф.* Переправа через Боспор Киммерийский // ВДИ. 1997. № 4. С. 100—110.
60. Там же. С. 103.
61. *Крушелькова И. Т.* Сельское хозяйство Боспора. М., 1975. С. 101.
62. *Кастанаян Е. Г.* Археологическая разведка... С. 254—265.
63. ВДИ. № 2. 1948. С. 238.
64. Античные государства Северного Причерноморья. С. 69.
65. *Качарова Д. Д., Кавризева Г. Т.* Города и поселения Причерноморья античной эпохи: Малый энциклопедический справочник. Тбилиси, 1991.

66. Федосеев Н. Ф. Указ. соч. С. 101.
67. Там же. С. 103.
68. Античные государства Северного Причерноморья. С. 69.
69. ВДИ. № 2. 1949. С. 282, примеч. 9.
70. Шестаков С. А. О локализации Боспорского города Гермисия // Проблемы археологии и истории Боспора: Тез. докл. конф. Керчь, 1991. С. 37—38.
71. Федосеев Н. Ф. Указ. соч. С. 104.
72. Масленников А. А. Население... С. 21.
73. Федосеев Н. Ф. Указ. соч. С. 106.
74. Крушликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора... С. 253, рис. 100, 1.
75. Федосеев Н. Ф. Указ. соч. С. 102.
76. Масленников А. А. О локализации некоторых городов Европейского Боспора первых вв. н. э. // Вопросы источниковедения и историографии досоветского периода. М., 1979. С. 119.
77. Müller K. Ibid. С. 416, 439.
78. Зубарев В. Г. Указ. соч. С. 79.
79. Масленников А. А. Эллинская хора на краю Обкумены: Сельская территория Европейского Боспора в античную эпоху. М., 1998. С. 33.
80. См., например, комментарий к тексту Птолемея, где приоритет отдается Страбону, а координаты Птолемея считаются ошибочными (ВДИ. № 2. 1948. С. 241, примеч. 2).
81. См. ОАК за 1894 г. С. 9.
82. Федосеев Н. Ф. Указ. соч. С. 103.
83. Масленников А. А. Эллинская хора... С. 33.
84. ВДИ. № 2. 1948. С. 234, примеч. 4.
85. Зубарев В. Г. Указ. соч. С. 70.
86. Там же. С. 67 и сл.
87. Там же. С. 68, табл. 8.
88. Там же. С. 67.
89. Масленников А. А. Эллинская хора... С. 104, рис. 68.
90. Там же. С. 34.
91. Там же.
92. Там же.
93. Там же.
94. Винокуров Н. И. Археологические памятники урочища Артезиан в Крымском Приазовье. М., 1998. С. 28 и сл.
95. Зубарев В. Г. Указ. соч. С. 41 и сл.

96. ВДИ. № 2. 1948. С. 234, примеч. 7.
97. *Зубарев В. Г.* Указ. соч. С. 70.
98. Там же.
99. *Крушликова И. Т.* Сельское хозяйство Боспора... С. 101.
100. *Браун Ф. А.* Указ. соч. С. 225.
101. *Зубарев В. Г.* Указ. соч. С. 70.
102. *Крушликова И. Т.* Сельское хозяйство Боспора... С. 104.
103. ВДИ. № 4. 1948. С. 234, примеч. 2.
104. *Зубарев В. Г.* Указ. соч. С. 70.
105. ВДИ. № 1. 1949. С. 278, примеч. 7.
106. Там же. Прим. 4.
107. *Cl. Prolataci Geographie e codd recognovit Car. Müllerus.* Paris. V. I. P. 1. Firmin Didot, 1883. S. 416.
108. *Браун Ф.* Указ. соч. С. 225.
109. *Зубарев В. Г.* Указ. соч. С. 70.
110. Путеводитель по Крыму Н. Головкинского. Симферополь 1894. С. 17—18.
111. *Зубарев В. Г.* Указ. соч. С. 67; 90, рис. 6.
112. *Масленников А. А.* Эллинская хора... С. 225 и сл.
113. Неопубликованные материалы Белинской археологической экспедиции (веч. экспед. В. Г. Зубарев).
114. *Винокуров Н. И.* Указ. соч. С. 25 и сл.
115. *Масленников А. А.* Эллинская хора... С. 33.
116. Там же. С. 237.
117. ВДИ. № 2. 1948. С. 241, примеч. 4.
118. *Грантовский Э. В.* Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970.
119. *Яценко В. П.* Фрако-дакийская и иллирийская топонимика Европейской Сарматии и Скифии // *Античная Балканистика: Тез. докл. М., 1984.*
120. *Зубарев В. Г.* Указ. соч. С. 65.
121. *Крушликова И. Т.* Поселение у деревни Ново-Отрадное // *Древности Боспора.* Т. 1. М., 1998. С. 143 и сл.
122. Там же. С. 156 и сл.
123. ВДИ. № 2. 1948. С. 241, примеч. 6.
124. *Зубарев В. Г.* Указ. соч. С. 67.
125. Там же. С. 65.
126. *Масленников А. А.* Эллинская хора... С. 125.

127. *Гайдукевич В. Ф.* Боспорский город Илурут // СА. XIII. 1950.
128. Античные государства Северного Причерноморья. С. 70 и сл.
129. ВДН. № 2. 1948. С. 241, примеч. 8.
130. *Зубарев В. Г.* Указ. соч. С. 65.
131. *Масленников А. А.* Эллинская хора... С. 137.
132. *Müller K.* Ibid. С. 440.
133. *Зубарев В. Г.* Указ. соч. С. 65 сл.
134. *Раскопки Ю. Марти* в Керченском районе близ деревни Марфовка в 1926 г. // Архив ИИМК, д. ГАИМК. IV—170, 1927.
135. *Шмидт Р. В.* К исследованию боспорских оборонительных валов // СА. 1941. VII. С. 273—274.
136. ВДН. № 2. 1948. С. 241, примеч. 11.
137. *Зубарев В. Г.* Указ. соч. С. 66.
138. *Кругликова И. Т.* Сельское хозяйство Боспора... С. 254 рис. 101, С. 265.
139. *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор М.; Л., 1949. С. 154.
140. ВДН. № 2. 1948. С. 241, примеч. 12.
141. *Зубарев В. Г.* Указ. соч. С. 67.
142. *Кругликова И. Т.* Сельское хозяйство Боспора... С. 266.
143. *Масленников А. А.* Эллинская хора... С. 178—179, рис. 129.
144. Там же. С. 219—221, там же литература.
145. *Масленников А. А.* Эллинская хора... С. 226 сл.
146. Там же. С. 217—225.
147. *Блаватский В. Д.* Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья М., 1954. С. 102.
148. *Масленников А. А.* Эллинская хора... С. 178.
149. *Шургал И. Г.* Центральный район Илурата // КСИА. 1976. № 143. С. 105 и сл.

Глава V

1. *Weizberg F.* Zur Topographie des Herodot // Klio, 1904. IV. S. 183.
2. *Брум Ф. К.* Опыт сопоставления противоположных мнений о Геродотовой Скифия и смежных с нею землях // Черноморье. Одесса. Ч. II. 1880. С. 52.
3. *Жебелев С. А.* Северное Причерноморье: Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. М.; Л., 1953. С. 330.
4. *Miles E. H.* Scythians and Greeks. Cambridge, 1913. Карта IX.
5. *Ramsey J.* The Geographical System of Herodotus Examined and Explained by a Comparison with Those of Other Ancient Authors and with Modern Geography. London, 1800. Карта.

6. Латышев В. В. Карта в IOSPE, II.
7. Граков Б. Н. Скифы: Научно-популярный очерк. М., 1971. С. 16.
8. Neumann K. Die Hellenen im Skythenlande. Berlin, 1855. I. S. 541.
9. Herodotos / Erklärt von H. Stein. Berlin, 1869.
10. Kierert H. Formae orbis antiqui. Berlin, 1894. С. 1. 11. Геродот. История в девяти книгах / Пер. с древнегреч. М., 1884—1886. Указатель.
12. Браун Ф. Разыскания... С. 238.
13. Nitsch M. Die Entdeckung von Europa durch die Griechen. Basel, 1945. S. 91.
14. Kretschmer K. Scythias // RE. 1923. II A.
15. Надеждин Н. Н. Геродотова Скифия, объясненная через сличение с местностью // ЗООИД, Т. 1. 1844.
16. Mallert C. Geographie der Griechen und Römer. Nürnberg, 1795. IV. S. 115.
17. Baer K. E. von. Historische Fragen mit Hilfe der naturwissenschaften beantwortet. St.-Petersburg, 1873. III. S. 68.
18. Herodotes. Fur den Schulgebrauch erklärt von K. Abicht. Leipzig, 1861—1883, 1—9.
19. Beer F. W. Versuch einer Erläuterung der von dem Herodotus und Plinius gegebenen Beschreibung des alten Scythiens // Sammlung von Erläuterungsschriften und zuzätzen zur allgemeine Welthistorie. Halle, 1750. III.
20. Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия. С. 58.
21. Болтрик Ю. В., Фидлко Е. Е. К вопросу о локализации гавани Кремны // Скифы Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1987. С. 41—48.
22. Там же. С. 43.
23. Там же. С. 44 и сл.
24. Зубарев В. Г. Указ. соч. С. 71.
25. Болтрик Ю. В., Фидлко Е. Е. Указ. соч. С. 43—46.
26. ВДИ. № 2. 1948. С. 234.
27. Рыбаков Б. А. Указ. соч. С. 57, карта.
28. Зубарев В. Г. Указ. соч. С. 71.
29. Браун Ф. Разыскания... С. 236.
30. ВДИ. № 2. 1948. С. 234, примеч. 10.
31. Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия. С. 59.
32. Там же. С. 56.
33. Зубарев В. Г. Указ. соч. С. 71.
34. Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия. С. 55 и сл.
35. Müller R. Ibid. С. 418.

36. Рыбаков Б. А. Указ. соч. С. 59.
37. Болтрык Ю. В., Фьалко Е. Е. Указ. соч. С. 46.
38. Зубарев В. Г. Указ. соч. С. 71.
39. Рыбаков Б. А. Указ. соч. С. 59.
40. Мищенко Ф. Г. Известия Геродота о внескифских землях России // ЖМНП. Декабрь. 1896. С. 15.
41. Брун Ф. Опыт... С. 90 и сл.
42. Негтманн А. Lykos // RE. 1927. XIII. col. 2393.
43. Навлян А. Ost-Europa nach Herodot mit Ergänzungen aus Hippocrates. Dorat, 1844. S. 29.
44. Kennell J. The Geographical System of Herodotus Examined and Explained by a Comparison with Those of Other Ancient Authors and with Modern Geography. London. 1800. P. 89 f.
45. Зубарев В. Г. Указ. соч. С. 71.
46. Кулаковский Ю. А. Карта... С. 19.
47. Рыбаков Б. А. Указ. соч. С. 59.
48. Зубарев В. Г. Указ. соч. С. 71.
49. Археология УССР: В 3 т. Т. 2. Наукова думка. Киев, 1986. С. 186—187.
50. Археология УССР: В 3 т. Т. 1. Киев, 1985. С. 474—475.
51. Зубарев В. Г. Указ. соч. С. 71.
52. Северное Причерноморье в античную эпоху. С. 177, карта 10.
53. См. об этом подробнее: Куклина Н. В. Этногеография Скифии по античным источникам. Л., 1985. С. 143.
54. RE. I. 1894, стлб. 1597; ВДИ. № 2. 1948. С. 239, примеч. 14.
55. Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в III—I вв. до н. э. М., 1970. С. 71.
56. Леонтьев П. М. Археологические разыскания на месте древнего Танаиса и в его окрестностях // Пропыдем. IV. 1854. С. 510—511.
57. Брун Ф. Указ. соч. С. 141—142.
58. Шелов Д. Б. Указ. соч. С. 75, там же литература.
59. Там же. С. 71.
60. Рыбаков Б. А. Указ. соч. С. 54.
61. Два письма Стемпковского в Бларамбергу о местоположении древнего города Танаиса // Пропыдем. IV. 1854.
62. Леонтьев П. М. Указ. соч.
63. Шелов Д. Б. Указ. соч. С. 10.
64. Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М.: Наука, 1972.

65. *Цастава Г. А.* Боспор и Рим. М., 1979. С. 44.
66. RE. II 1463.
67. RE. XXXII 1896.
68. *Шелов Д. Б.* Таманс и Нижний Дон в первые века нашей эры. С. 181—182.
69. ВДИ. № 2. 1948. С. 247, примеч. 12.
70. *Шелов Д. Б.* Таманс и Нижний Дон в первые века нашей эры. С. 175—176.
71. *Зубарев В. Г.* Указ. соч. С. 79.
72. ВДИ. № 4. 1947. С. 210, примеч. 7.
73. Там же.
74. *Зубарев В. Г.* Указ. соч. С. 79.
75. Там же. С. 77 и сл.
76. *Кулаковский Ю. А.* Прошлое Тавриды: Краткий исторический очерк. Киев, 1914. Карта III.
77. *Герц К. К.* Археологическая топография Таманского полуострова // Сб. соч. Вып. 1. СПб., 1898. С. 21, 23.
78. Там же. С. 11.
79. Там же. С. 25.
80. Там же. С. 30.
81. Там же. С. 34.
82. *Трубачев О. Н.* О синдах и их языке. // Вопросы языкознания. 1976. № 4. С. 62.
83. *Полочневый М. Д.* Географический очерк Боспорского царства // Кубанский сборник: Труды Кубанского областного статистического комитета / Изд. под ред. Е. Д. Фелицина. Т. II. Екатеринодар, 1891. С. 10—23.
84. *Зубарев В. Г.* Указ. соч. С. 76.
85. *Сударев Н. И.* К вопросу о Тирамбе Страбона и Птолемея // Древности Боспора. Т. I. М., 1998. С. 243—244.
86. Там же. С. 244.
87. Там же. С. 245.
88. Там же. С. 243.
89. Там же. С. 244.
90. Там же. С. 237. Там же литература.
91. Там же. С. 237—238.
92. Там же. С. 238.
93. Там же. С. 238 и сл.
94. Там же. С. 240 и сл.
95. Там же. С. 245.

96. Там же. С. 249.
97. *Трубачев О. Н.* Указ. соч. С. 58.
98. *Забелин И. Е.* Объяснение Страбоновых свидетельств о местностях Боспора Киммерийского // Труды третьего археологического съезда в России (Киев, август 1874 г.) Киев, 1878. С. 22.
99. *Парамов Я. М.* Очерк истории археолого-топографического исследования Таманского полуострова // Боспорский сборник, I. М., 1992. С. 141.
100. Там же. С. 145.
101. *Зубарев В. Г.* Указ. соч. С. 79.
102. *Зенкович В. П.* Берега... С. 180—181.
103. Степи европейской части СССР... С. 244, карта 23.
104. *Соболевский Ф. И.* Топонимические заметки // ИТОНА. Т. 3. Симферополь, 1929. С. 2.
105. *Сударев Н. И.* Указ. соч. С. 249.
106. ВДМ. № 2. 1948. С. 244, примеч. 8.
107. *Зубарев В. Г.* Указ. соч. С. 79.
108. Степи европейской части СССР... С. 239.
109. *Зубарев В. Г.* Указ. соч. С. 74—75.
110. ВДМ. № 2. 1948. С. 244, примеч. 4.
111. *Сударев Н. И.* Указ. соч. С. 244.
112. *Зубарев В. Г.* Указ. соч. С. 79.
113. ВДМ. № 2. 1948. С. 244, примеч. 3.
114. ВДМ. № 2. 1948. С. 244, примеч. 1.
115. *Зубарев В. Г.* Указ. соч. С. 79.
116. Степи европейской части СССР... С. 231, карта 20.
117. Там же. С. 234, карта 21.
118. ВДМ. № 2. 1948. С. 244, примеч. 2. См. также: *Зубарев В. Г.* Указ. соч. С. 79.
119. *Зубарев В. Г.* Указ. соч. С. 79.
120. Итоги исследования Подпозовского городища // СА. № 4. 1974.
121. *Hermann A. Oros* // RE. 1937. XVII, col. 1680 sq.
122. *Мищенко Ф. Г.* Известия Геродота о вноскифских землях России // ЖМНП. Декабрь, 1896. С. 115.
123. *Hennig R.* Herodots Handelsweg zu den sibirischen Issedonen // Klio, 28. 1935. S. 253.
124. *Шрамм Г.* Реки Северного Причерноморья: Историко-филологическое исследование их названий в ранних веках. М., 1997. С. 74, 839.

125. Там же. С. 75.
126. Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия. С. 59.
127. Брун Ф. Опыт... С. 91.
128. Ельницкий Л. А. Знания древних о северных странах. М.: Географ. литература, 1961. С. 82.
129. *Herodotus*. Erklärt von H. Stein. Berlin, 1869.
130. Шрам Г. Указ. соч. С. 119.
131. Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия. С. 54—55.
132. Kiessling M. Hurgis (Syrgis) // RE. 1914. IX, col. 451 sq.
133. Книпович Т. Н. К вопросу о торговых сношениях греков с областью г. Танаиса в VII—V вв. до н. э. // Изв. Гос. Академии истории материальной культуры. Вып. 104. 1934. С. 106.
134. Шрам Г. Указ. соч. С. 121 и сл.
135. Müllenhoff, *Deutsche Altertumskunde*, III. 1892. S. 114.
136. Зубарев В. Г. Указ. соч. С. 80.
137. Tomaschek, *Avkida* // RE. IV, st. 2268.
138. Зубарев В. Г. Указ. соч. С. 80.
139. Стены европейской части СССР... С. 239.
140. Там же. С. 238, карта 22; С. 242, карта 23.
141. ВДН. № 2, 1948. С. 249 в примеч. 11 со ссылкой на K. Kretschmer. RE. V, 2, 583.
142. Зубарев В. Г. Указ. соч. С. 80.
143. Паромов Я. М. Очерк истории... С. 141. № 235.
144. Там же. С. 145.
145. Cl. Ptolamaei Geographie e eodd geognovit Cas. Müllerus. T. I. Ч. 2. С. 920.
146. Зубарев В. Г. Указ. соч. С. 80.
147. Стены европейской части СССР... С. 243.
148. Mannert C. *Geographie der Griechen und Römer*, IV. 1820. S. 365.
149. Соболевский Р. С. Указ. соч. С. 2.
150. Зубарев В. Г. Указ. соч. С. 80.
151. Стены европейской части СССР... С. 243.
152. Mannert. *Ibid.* IV. S. 365.
153. Зубарев В. Г. Указ. соч. С. 80.
154. Mannert. *Ibid.* IV. S. 365.
155. Стены европейской части СССР... С. 244.
156. Там же. С. 244.

157. Цветаева Г. А. Указ. соч. С. 45 и сл.
158. Зенкович В. П. Указ. соч. С. 182 и сл.

Глава VI

1. Завойкин А. А. Киммериды — полис на Киммерийском Боспоре // Проблемы истории, философия, культуры. Ч. 1. История. М.; Магнитогорск, 1997. С. 130.
2. Тохтасьев С. Р. Киммерийская топонимия. I // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья: Лингвистика, история, археология. М., 1984. С. 145—166.
3. Завойкин А. А. Указ. соч. С. 131—132.
4. Там же.
5. Завойкин А. А. Синдская гаваль (Синдик) — Горниппия // ВДИ. 1998. № 3. С. 143—144.
6. ВДИ. № 3. 1947. С. 313, примеч. 2. Подробно историографию этого вопроса см.: Завойкин А. А. Проблема локализации Киммериды // ДГ. 1996—1997 гг. М., 1999. С. 220—236.
7. Паронов Я. М. Очерк истории... С. 140.
8. Там же. С. 142.
9. Античные государства Северного Причерноморья... С. 87.
10. Там же.
11. ВДИ. № 4. 1947. С. 205, примеч. 4.
12. Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949. С. 205.
13. Федосеев Н. Ф. Указ. соч. С. 110, рис. 7.
14. Лебунов М. В. Античная поэзия... С. 133.
15. Зубарев В. Г. Указ. соч. С. 79.
16. Античные государства Северного Причерноморья. С. 89—90.
17. Соколовский Н. И. Ильячевское городище // СА. 1966. № 4. С. 125—140.
18. ВДИ. № 2. 1947. С. 211, примеч. 7.
19. Gaidukevic V. F. Das Bosphorische Reich. Berlin, 1971. S. 208 f.
20. Тохтасьев С. Р. Анатур: История боспорского святилища Афродиты Урании // ВДИ. 1986. № 2. С. 140.
21. Там же. С. 141.
22. Паронов Я. М. Очерк истории... С. 140, рис. 3.
23. Тохтасьев С. Р. Указ. соч. С. 140.
24. Паронов Я. М. Главные дороги Таманского полуострова в античное время // Древности Боспора. Т. 1. М., 1998. С. 225, рис. 2, VI.

25. Там же, VIII.
26. См., например, *Виноградов Ю. Г.* Фанагорийские наемники // ВДИ. 1991. № 4. С. 15.
27. Античные государства Северного Причерноморья. С. 86.
28. Там же. С. 86.
29. *Паромов Я. М.* Археолого-топографический план Патрея // Боспорский сборник. № 3. 1994. С. 148.
30. *Герц К. К.* Археологическая топография Таманского полуострова. М., 1870. С. 100—102, 292.
31. *Почочевный М. Д.* Географический очерк Боспорского царства // Кубанский сборник. Т. II. Екатеринодар, 1891. С. 32—33.
32. *Башкиров А. С.* Археологическое обследование Таманского полуострова летом 1926 г. // Труды этногеографического археологического музея. МГУ. № 3. 1927. С. 37.
33. *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. С. 203.
34. *Блаватский В. Д.* Армянский Боспор // МИА. № 33. 1954. С. 24.
35. *Сокольский Н. И.* Кепы // Античный город. М., 1963. С. 98.
36. Античные государства Северного Причерноморья. С. 84; *Кузнецов В. Д.* Кепы: Ионийская керамика // СА. № 4. 1991. С. 36.
37. *Сокольский Н. И.* Кепы. С. 98.
38. *Паромов Я. М.* Очерк истории. С. 140, рис. 3. № 60.
39. *Абрамов А. П., Паромов Я. М.* Раннеантичные поселения Таманского полуострова // Боспорский сборник. 2. М., 1993. С. 52.
40. *Блаватский В. Д.* Античная археология Северного Причерноморья. М., 1961. С. 212.
41. *Албунов М. В.* Античная лодка... С. 96—97.
42. *Зубарев В. Г.* Указ. соч. С. 79.
43. Античные государства Северного Причерноморья. С. 81 и сл.
44. *Паромов Я. М.* Археолого-топографический план Патрея. С. 137.
45. *Паромов Я. М.* Очерк истории... С. 140, рис. 3. № 18.
46. *Абрамов А. П., Паромов Я. М.* Раннеантичные поселения... С. 47.
47. *Блаватский В. Д.* Античная археология... С. 211; Античные государства Северного Причерноморья. С. 81.
48. ВДИ. № 4. 1947. С. 212.
49. *Зубарев В. Г.* Указ. соч. С. 79.
50. *Паромов Я. М.* Главные дороги... С. 217.
51. Там же. С. 225, рис. 2 (III).
52. Античные государства Северного Причерноморья. С. 77 и сл.

53. Зубарев В. Г. Указ. соч. С. 79.
54. Таштасьев С. Р. Апатур... С. 144—145.
55. *Dabois de Montpreaux Fr. Voyage autour du Caucase, etc.* Т. ч. р., 1843. P. 28.
56. Kissling. Нермонасса // RE. VIII. Sp. 898.
57. Яйленко В. П. Заметки по греческой лексике и ономастике // История и культура античного мира. М., 1977. С. 221.
58. Розанова Н. П. К вопросу о местоположении Апатур // ВДН. 1951. № 2. С. 211—212. Здесь же подробная историография вопроса.
59. Марченко И. Д. Терракоты из святилища на Майской горе // Терракотные статуэтки. Ч. IV (САИ, Г1—11). М., 1974. С. 31.
60. Таштасьев С. Р. Апатур... С. 140.
61. Ростовцев М. И. Эллинизма и иранство на юге России. Пг., 1918. С. 124. Он же. Скифия и Боспор. Л., 1925. С. 280 и сл.
62. Таштасьев С. Р. Апатур... С. 141.
63. Парамов Я. М. Очерк истории... С. 140, рис. 3 (№ 123).
64. Абрамов А. П., Парамов Я. М. Указ. соч. С. 55.
65. Виноградов Ю. Г. Фанагорийские вазонники. С. 15 и сл.
66. *Klauser R. H. Nesataei Milesii fragmenta Scylacis Caryandensis Periplus.* В., 1831. P. 91.
67. Парамов Я. М. Очерк истории... С. 140, рис. 3.
68. Там же. Рис. 3 (№ 51).
69. Парамов Я. М. Главные дороги Таманского полуострова в античное время // Древности Боспора. Т. 1. С. 217, 225 (рис. 2).
70. Абрамов А. П., Парамов Я. М. Указ. соч. С. 51.
71. Завойкин А. А. Синдская гавань (Синдик) — Горниппия // ВДН. 1998. № 3. С. 135.
72. *Sibirsky A. A. Catalogue des medailles du Bosphore Cimmerica.* Spb., 1859. P. 237.
73. Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Л., 1925. С. 293.
74. Калистов Д. П. Северное Причерноморье в античную эпоху. М.; Л., 1953. С. 73—75.
75. Брум Ф. К. Исследования по исторической географии южной России. 4.2. Одесса, 1880. С. 264—266.
76. Абунов М. В. Античная лония... С. 89—91.
77. Орешников А. В. Этюды по нумизматике Черноморского побережья // ИРАИМК. II. 1922. С. 122.
78. Зограф А. Н. Античные монеты // МИА. 1951. № 16. С. 161.
79. Блаватский В. Д. Армянский Боспор // МИА. № 33. 1954. С. 20.

80. *Шелов Д. Б.* Античный мир в Северном Причерноморье, М., 1956. С. 43 и сл.
81. *Гайдученко В. Ф.* Боспорское царство. С. 216.
82. *Болтунова А. И.* Проксенический декрет из Аналы и некоторые вопросы истории Боспора // ВДИ. 1964. № 3. С. 145 и сл.
83. *Завойкин А. А.* Синдская гавань... С. 134—145.
84. Там же. С. 144 и сл.
85. *Шелов-Коведнев Ф. В.* Древнегреческие периплы // ВДИ. 1988. № 1. С. 255.
86. *Крушелькова И. Т.* Горгиппия в период Спартокидов // ВДИ. 1971. № 1. С. 89.
87. *Завойкин А. А.* Синдская гавань... С. 138.
88. Там же.
89. *Абумов М. В.* Античная лодия... С. 91.
90. Там же. С. 90.
91. Там же. С. 91.
92. *Зубарев В. Г.* Указ. соч. С. 44 и сл. С. 79.
93. *Завойкин А. А.* Синдская гавань... С. 135.
94. Там же. С. 141.
95. Там же.
96. Там же.
97. *Крушелькова И. Т.* Горгиппия в период Спартокидов // ВДИ. 1971. № 1. С. 97—100.
98. *Саврыкин С. Ю.* Аспургмане // СА. 1985. № 2. С. 76.
99. *Крушелькова И. Т.* Горгиппия... С. 97.
100. *Завойкин А. А.* Синдская гавань... С. 141.
101. Там же. С. 141.
102. ВДИ. № 4. 1948. С. 232, примеч. 7, 10, 12.
103. *Зубарев В. Г.* Указ. соч. С. 77.
104. *Парамов Я. М.* Главные дороги... С. 225, рис. 2.
105. *Абрамов А. П., Парамов Я. М.* Указ. соч. С. 65.
106. *Евлатовский В. Д.* Древнейшее свидетельство о Синдике // Античная археология и история. М., 1985. С. 56, 57 (рис. 1).
107. ВДИ. № 4. 1948. С. 232, примеч. 10; С. 233, примеч. 2 и 4.
108. *Завойкин А. А.* Синдская гавань. С. 141.
109. 1° широты на карте Птолема равен 500 стадиям. С 1° долготы по интересующей нас зоне он соотносится как $\frac{1}{11}$ (Ptol., VIII, 13, 1).
110. *Абумов М. В.* Античная лодия... С. 91.
111. *Завойкин А. А.* Синдская гавань... С. 139.

112. *Dubois de Montpereux Fr. Voyage autour du Caucase chez les Tcherkesses et les Abkases en Colchide en George et en Crimée.* Paris, 1834. S. 167.
113. *Тетбу де Маринья.* Цемесская бухта // ЗООИД. III. 1853. С. 211.
114. *Забелин И. Е.* Объяснение Страбоновых свидетельств о местностях Боспора Киммерийского. Реферат // Труды XIII археологического съезда, 2. Киев, 1878. С. 27.
115. *Мельников-Разиженков С. Ф.* Города северной части восточного побережья Черного моря // Сб. материалов для описания местностей племен Кавказа. XXVII. Тифлис, 1900. С. 83.
116. *Гомье Ю. В.* Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы. Л., 1925. С. 149.
117. *Жебелев С. А.* Северное Причерноморье: Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. М.; Л., 1953. С. 264.
118. *Поночевный М. Д.* Географический очерк Боспорского царства // Кубанский сборник. Т. II. Екатеринодар, 1891. С. 39.
119. *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М.; Л., 1949. С. 220.
120. *Онайко Н. А.* К истории Бат // ВДИ. 1976. № 1. С. 111.
121. Античные государства... С. 91.
122. Античные государства... С. 91.
123. Там же. С. 92.
124. *Саврыкин С. Ю.* Аспургинане. С. 76.
125. ВДИ. № 2. 1948. С. 242, примеч. 3.
126. Там же, примеч. 4.
127. *Крушикова И. Т.* Горгиппия... С. 97—99.
128. *Онайко Н. А.* К истории Бат // ВДИ. 1976. № 1. С. 117, рис. 4.
129. *Онайко Н. А.* Разведки античных памятников в районе Новороссийска и Геленджика // СА. 1970. № 1. С. 130—139, рис. 1. *Она же.* Юго-восточная окраина Боспора // Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР: В 20 т. С. 91, табл., XLIX, 6. С. 147.
130. *Онайко Н. А.* Юго-восточная окраина Боспора. С. 91.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

ОСНОВНЫЕ ПАРАМЕТРЫ АЗОВО-ЧЕРНОМОРСКОГО БАССЕЙНА НА КАРТЕ КЛАВДИЯ ПТОЛЕМЕЯ

Рис. 1

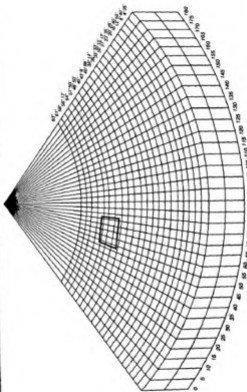

Рис. 2.1

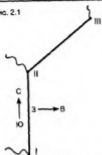

Рис. 2.2

Рис. 2.3

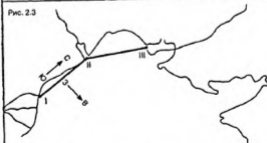

Рис. 3.1

- I — Ольвия
- II — перешеек
- III — Херсонес

Рис. 3.2

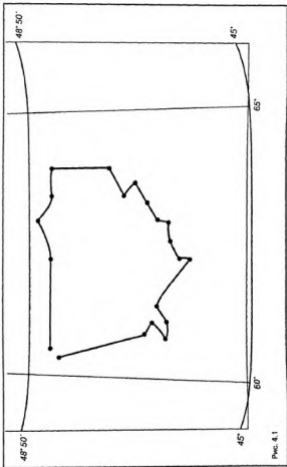

- I — Ольвия
- II — перешеек
- III — Херсонес

Рис. 3.3

- I — Ольвия
- II — перешеек
- III — Херсонес
- а — дорога
- б — широта

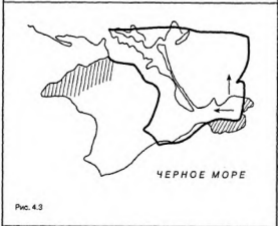
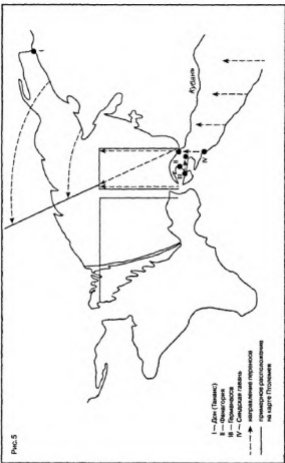

Рис. 5

**СВОДНАЯ ТАБЛИЦА МЕТРИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ
НА КАРТЕ КЛАВДИЯ ПТОЛЕМЕЯ**

Зона	№ рисунка (картосхема)	Величина 1° по широте (в км)	Величина 1° по долготе (в км)	5' погрешность по долготе (в км)	5' погрешность по широте (в км)	5' погрешность по прямой (в км)
I	1,3	0,53	1,9	2,65	9,5	9,9
II	1,2,3,4	0,83	1,875	4,15	9,375	10,3
III	5	0,172	0,29	0,86	1,45	1,7
IV	5	0,172	0,29	0,86	1,45	1,7
V (Крымское побережье Азовского моря)	6	0,172	0,29	0,86	1,45	1,7
V (Северное побережье Азовского моря)	6,7	1,0	1,74	5,0	8,4	9,8
VI	7,8	0,51	0,53	2,55	2,65	4,44

* При локализации конкретных топонимов по Северному побережью Азовского моря необходимо учитывать искажение на карте Птолемея по современным Керченскому и Таманскому полуостровам.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

КАРТА СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ ПО ДАННЫМ АНТИЧНОЙ ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИИ

ПОДПИСИ К РИСУНКАМ

Рис. 1—3

1. Река Истр	— река Дунай.
2. о. Певка	— участок между современным Георгиевским и Сулинским гирлами Дуная, ограниченный древним Наракийским устьем, ныне исчезнувшим.
3. Гетская пустыня	— участок к северу от современного гирла Дуная по направлению к Днестру.
4. Антифиллоны	— в районе гринды Жебриенское к северу от пос. Вилково.
5. Макрокремные горы	— участок между м. Бурнас и Будаки.
6. Гаршне	— район Бурнасского мыса.
7. Кремниски	— район Бурнасского мыса.
8. Эполыз	— район Бурнасского мыса.
9. Река Гнерас	— река Когильник.
10. Пырборидава	— р-он г. Арциза.
11. Тимасидва	— р-он Бессарабки.
12. Заргидва	— р-он населенных пунктов Гыртов и Гура-Галбей.
13. Река Тирас	— река Днестр.
14. Башня Неоптолема	— на реликтовом острове (совр. Днестровская балка).
15. Деревня Гермонактова	— поселение в урочище Ровы.
16. Тира (Офмусса)	— на территории г. Белгород-Днестровский.
17. Никоний	— Роксоланское городище.
18. Карродун	— в районе группы поселений «Крестоуды» или «Сокол» к югу от г. Каменец-Подольска.
19. Метоний	— городище Рудь.

20. Клепидая — к северу от г. Рыбницы (возможно поселение «Алчедар»).
21. Выбатоварий — одно из поселений в районе с. Попенки.
22. Эрукт — одно из поселений к северу от впадения р. Реут в Днестр.
23. Фиска — в районе устья р. Барабой.
24. Река Аксияк — река Кукльняк, возможно общая дельта с рекой Хаджибей.
25. Гавань истрианов — район Сухого лимана.
26. Гавань исиаков — поселение «Приморский Бульвар»(?)
27. Снопелы — поселение на Женаховой горе.
28. Река Рода — Тивгульский лиман.
29. Залив Сагтарийский — акватория между материковой частью и песчаной косой (современной Одесской банкой).
30. Одессе (Ордессе) — р-н Тивгульского лимана.
31. Остров Белый (Ахылтий) — о. Зменный.
32. Река Борисфен — река Днестр.
33. Река Гипанис — река Южный Буг.
34. Остров Борисфенида — остров в устьях Днестра и Южного Буга, реликтом которого на современной карте является Кинбурн.
35. Левый город — городище Знаменское.
36. Сарбак — городище Консуловское.
37. Ниосе — городище Понятовка или Николаевское.
38. Азагарий — в среднем течении р. Южный Буг в районе нас. пункта Саврань.
39. Амадска — к юго-востоку от Саврани, в районе, где Южный Буг отклоняется к востоку, делая петлю.
40. Сар — к северу от г. Первомайска, в конце петли.
41. Серим — в районе Александровки.
42. Метрополь — в районе Новой Одессы.
43. Отыня — на западном берегу Бугского лимана к югу от с. Парутино.
44. Борисфенида (гавань борисфенистов, Алейская гавань) — Ягорыцкое поселение.

45. Укрепление Алектора	— на о. Березань, поселение первых веков н. э.
46. Река Пантикап	— река Конка.
47. м. Гипполая	— м. Стависла.
48. Ахиллов бег	— а) От современной Одесской бухты до Теңдровской косы включительно.
б) Юго-западное побережье Крыма между Тарханкутом и Севастополем.
49. м. Роша Гекаты	— приустьевый мыс по левой стороне от юго-восточного древнего устья Борисфена (возможно его реликтовым остатком является о. Долгий).
50. Священный мыс Ахиллова бег	— западная оконечность современной Одесской бухты.
51. м. Мисарда	— восточная оконечность современной Теңдровской косы.
52. о. Кефалонес	— о. Джарылгач.
53. о. Сподуса	— Калайчакские острова (?)
54. о. Макра	— Лебяжьи острова (?)
55. Галея	— район от нижнего течения Днепра до Перекопского перешейка.
56. Каркинитский (Тамиракский) залив	— современный Каркинитский залив.

Рис. 4

57. м. Таморака	— м. Тарханкут.
58. Местность Тафры	— район между Перекопом и Узунларским валом (Степной Крым).
59. Прекрасная гавань	— городище на северной окраине шт. Черноморское.
60. Керкинитида	— на Карытинном мысу на месте (Каркина город) г. Евпатории.
61. Евпатория город (Эваторий)	— городище «Чайка».
62. Дандва	— в устье реки Булганак, возможно Булганакское городище (?)
63. Херсонес	— на месте современного Севастополя между берегом моря и Карытинной бухтой.

64. Гавань Ктегурут
(порт Ктегурут) — Севастопольская бухта (порт в районе бухты Южной на территории современного завода).
65. м. Парфений — м. Фиолент.
66. Гавань Символов
(порт Символа) — Балаклавская бухта (порт в районе Балаклавы в глубине бухты).
67. Харакс — Ай-Тодорское городище.
68. Лагера — в районе Малого Маяка.
69. Лампада — в районе пос. Фрунзенское к северо-востоку от м. Аю-Даг.
70. Гавань скифо-тавров
(Афинсон?) — в районе с. Прибрежное к северо-востоку от м. Меганом (Афинсон, возможно, в районе Судака?)
71. м. Коракс — м. Меганом.
72. Тороква — городище Кермен-Кыр.
73. Пасирида — Зуйское городище.
74. Эркаб — Красногорское городище (Нейман).
75. Тракана — в районе Старого Крыма.
76. Навар — Южно-Донузлавское городище.
77. Река Гипаконрис
(Каркинит) — река Четырлык.
78. Феодосия — на Карантинном холме (г. Феодосия)
79. Ортосканы — поселение Бека-Эля.
80. Харакены — поселение близ с. Дмитрово.
81. Ассираны — поселение Борут-Хана.
82. Стактары — поселение Меловое.
83. Акисалиты — поселение Вишенное.
84. Калиорды — Бурундукское городище.
85. Палский — Усть-Альманское городище.
86. Неаполь — городище Керменчик.
87. Хаб — городище Альма-Кермен.
88. м. Бараний лоб — участок побережья от м. Сарыч до м. Аю-Даг.
89. Река Истриак — река Отгуз.
90. Казека — в районе м. Чауда.
91. Река Бик — река Москый Индол.
92. Река Пасняк — река Салтыр.

Рис. 5

93. Киммерий (Киммерия)	— р-н г. Опук. Раннее городище на западном склоне и цитадель в восточной части плато.
94. Тазос	— в районе современного м. Кыз-Аул.
95. Китей	— примерно в двух километрах к северо-востоку от современного рыбацкого на берегу Черного моря.
96. Зефирий	— в районе м. Такыл.
97. Акра (Порт-Акра)	— городище у с. Заветное.
98. Намфей	— городище у пос. Гертовка.
99. Тиритака (Дял)	— городище у м. Камыш-бурун возле пос. Аршинцево.
100. Пантыкзлей	— на месте современной Керчи.
101. Мирмский	— городище на м. Карантинный (г. Керчь).
102. м. Мирмекский	— м. Змеиный.
103. Парфений	— городище у с. Опасное.
104. Порфмий	— городище у с. Жуковка.
105. Гермисий	— р-н м. Фонарь.
106. Зенонов Херсонес	— городища на м. Эюк.
107. Гераклий	— городище «Генеральское (восточное)».
108. Новая крепость	— городище «Золотое (берег)».
109. Пароста	— поселение у д. Ново-Отрадное.
110. Тафр	— Белинское городище.
111. Тарона	— городище «Багерово (северное)».
112. Постепия	— поселение Кезы.
113. Бюон	— поселение у с. Огоньки.
114. Илурат	— Ивановское городище.
115. Сатарха	— городище Атаманская гора.
116. Балтий	— поселение близ с. Тамирино.
117. Аргода	— в районе с. Пташково.
118. Табана	— поселение «Марьевка V».

Рис. 6

119. Акра	— городище «Казантип (восточный)».
120. Лиан	— городище у с. Семеновка.

121. Озеро Бяк — современные Сиваш (возможно северная их часть носила название Гшлюе озеро, а южная со стороны Крыма — Бяк).
122. Река Герр — река Молочная.
123. Кремыш — район с. Вотнево.
124. Гигрен — район г. Бердянска.
125. м. Агар — коса Обиточная.
126. Река Агар (Оар) — река Лозоватка.
127. Роща Рыболова Бога — безымянный мыс между реками Лозоваткой и Обиточной.
128. Река Лик — река Обиточная.

Рис. 7

129. Река Поретт — река Кальмиус.
130. Деревня Карна — в районе населенного пункта Широкино к востоку от Жданова.
131. Река Сиргис — река Миус.
132. Панамридс — в районе Таганрога.
133. Река Таванс — река Дон.
134. о. Алопекна — район современной дельты Дона около станицы Елизаветинской.
135. Город Таланс — Недвиговское городище.
136. Наварис — Темерницкое или Нижне-Гивлюновское городище.
137. Эконополь — Кобяковское городище.
138. Потарва — Подлазовское городище.
139. Река Марубий — река Кагальник.
140. Река Большой Ромбит — река Ея.
141. Аксабетийская коса — коса Долгая.
142. Река Малый Ромбит — река Кириши.
143. Азара — городище Приморское-Ахтарское I.
144. Геруса — городище Терноватый Редант.
145. Река Теофаний — река Бейсут.
146. Река Псатий — нижнее течение Протоки (совр. северный рукав Кубани) и Ангелинский Ерик.
147. Матета — район лимана Войсковой.
148. Река Вардан (Алтваит, Агтваит) — река Кубань.

149. Устье реки Вардан	— устье Кубани в районе Темрюка.
150. Устье реки Агтывагг (Агтывагг)	— устье Кубани в районе Пересыль.
151. Азараба	— городище «Ново-Джерелливское I».
152. Аюхидц	— район станции Новониколаевской.
153. Скепел	— городище «Красный Октябрь I».
154. Суруба	— одно из городищ Краснодарской группы («Пашковские 1-6»).
155. Корусия	— одно из городищ в окрестностях современного Усть-Лабинска (возможно Усть-Лабинское I).
156. Эбриапа	— одно из городищ у ст. Казанской (возможно «Казанское 3»).
157. Сераха	— городище «Темнябеское 3» (?)
158. Горгниня (Синшка, деревня Синда)	— на месте современной Анапы.
159. Гавань Баты (Бата, Пагус)	— район Новороссийска.
160. Деревня Бата (Аборака)	— Раевское городище.
161. Деревня Ахля	— поселение Мыскаво-1 (Малая земля).
162. Река Холодная	— река Озерейка.
163. Залив Керкетиды	— Новороссийская бухта.

Рис. 8

164. Тирамба	— поселение Темрюк 1 (?)
165. м. Киммерий	— м. Каменный.
166. Киммерик	— городище у пос. Пересыль.
167. Киммерий (Киммерийское селение)	— городище Ильич 1.
168. Ахиллий при устье Боспора (деревня Ахиллий)	— поселение Батарейка 1.
169. Памятник Сатира	— район горы Горелой.
170. Фанагория	— городище у пос. Гаркуша.
171. Кеты	— поселение «Волна Революции I».
172. Патрей	— городище «Красноармейский I».
173. Стратонсия	— поселение «Фанталовская 1, 6».
174. Остров Фанагора	— Фанталовский полуостров.
175. Гермонасса	— городище у пос. Сенной.

176. Апатур	— район современного пос. Приморский (возможно поселение «Приморская 23»).
177. Остров Гермопасса	— между Суббетиным Ериком и Шемарданским рукавом.
179. Корокондамское озеро	— Таманский залив.
179. Корокондама	— городище на месте ст. Тамань.
180. Скидская гавань	— поселение «Старотитаровская 17».
181. Остров Сидика	— между Шемарданским рукавом и старым руслом Кубани.

Рис. 1. Междуречье Истра и Тираса по Клавдию Птолемею

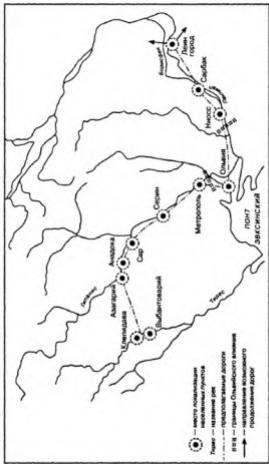

Рис. 2. Мездурелье Борнисфена и Гиплариса по Клавдио Птолемейю

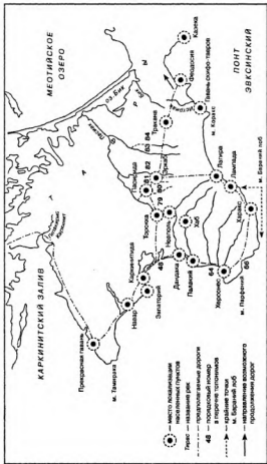

Рис. 4. Крымский полуостров в античную эпоху

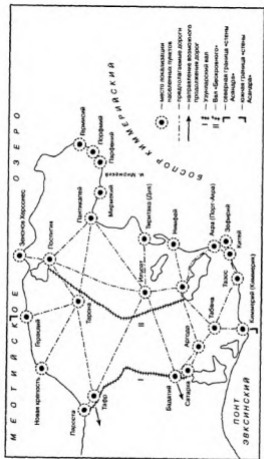

Рис. 5. Керченский полуостров в античную эпоху

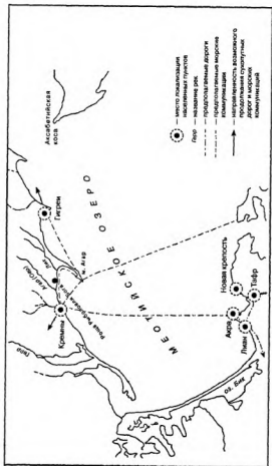

Рис. 6. Западные Припьясье в античную эпоху

**ПЕРЕЧЕНЬ
ОСНОВНЫХ АНТИЧНЫХ ТОПΟΝΙΜΟΒ
СЕΒΕΡНОГО ПРИЧΕРНОΜΟΡЬЯ**

Αβεράκια	Βίτης λιμνής
Άγαρον άγρου	Γάρτης
Άγαρος, ποταμός	Γάρουσα
Αζαγάπαν	Γάρρος ποταμός
Άζαπα	Γαργίτσια
Αζάραβα	Δαυδάση
Αθραμιν	Εβρίαπα
Άκρα (Βοσπορος Κριμαικός)	Εξόπλις
Άκρα (Μαυρίτιδος λιμνής)	Εραβιν
Άλσος, Αλίεμα θίου	Ερμιάκισσα
Άλυπκία νήσος	Ευπατορία πόλις
Αυτικτος ποταμός	Ζαργάδια
Αυφιδαν	Ζαρίφιν
Αξαβιτις Ταλία	Ζήριως Χερσόνησος
Αξιάκης, ποταμός	Ηράκλειον
Απάτουρος	Ηρακτον
Άργυδα	Ημονάκτου κώμη
Αρδάβδα	Ηκρίστου
Αττικίτος, ποταμός	Θουραίος ποταμός
Αιχίς	Θυδασία
Αιχία κώμη	Ιερας
Αχιλλοζαν επί του στόματος	Ιαίρατου
Αχιλλεος άρμιος	Ισνίκου λιμνή
Βαδάτιον	Ιστριάνος ποταμός
Βάπα λιμνή	Ιστριάνου λιμνή
Βάπα κώμη	Ιστρος ποταμός
Βοσίον	Καζένα
Βορυσθιεντίων εμπορίον	Καλός λιμνή
Βορυσθίνης ποταμός	Καπριτις (Κάρκινα πόλις)
Βόσπορος Κριμαικός	Καρκινίτος ποταμός

Καρούα κόμη	Οἰβία
Καρυδάριον	Οικαρδίνος ποταμός
Καρκεντίδος κάλιτος	Οιβαυταίριον
Καυαλίαντος	Οκισσα (= Τύρας)
Κητος	Παλιάνον
Καμύριον (Ευρώπη)	Πανιάριος
Καμύριον (Ασία)	Παντικάπαιον
Καμύριον ἄκρον	Παντικαίτης ποταμός
Κληγοδέα	Παρδίνης (Παρδίνιον)
Κόραξ ἄκρον	Παρδίνιον ἄκρον
Κοτακοδέμη	Παρόσσα
Κοτακοδαμυτις λίμνη	Πασιάκος ποταμός
Κορασία	Πασίρις
Κρημίστου	Πατρία
Κρήμιον πόλις	Πείκη νήσος
Κρησ μέγιστον, ἄκρον	Περθινίον (Περθινία)
Κτενίως λιμνή	Πορίτης ποταμός
Κίται (Κίταιον, Κιδιαίται)	Πορτάρα
Λαγίρα	Ποταροίη
Λαμπάς	Ποττηγία
Λιάνου πόλις	Πυροβορδέα
Λιμνή νήσος	Πομβίτιος Μεγας, ποταμός
Λήτιον πόλις	Πομβίτιος Μικρός, ποταμός
Λίσιος ποταμός	Σάββαον
Ματτιάνον	Σάρα
Μακιστίδος λιμνής	Σατααχρή
Μαρούβιος ποταμός	Σαρία
Ματτήτα	Σάρμαν
Μητρίπαιος	Σίδα κόμη
Μιχμήριον (Μιχμηρία) πόλις	Σιδοσή
Μιχμήριον ἄκρον	Σιδικος λιμνή
Ναίταρις	Σκοπέλι
Ναίταρον	Σκοπέλιος
Ναίπαιος	Σοιδουταίριον λιμνή
Νάου Τυρως	Σείροισθα
Νασπυλίμου πύργος	Σιμβάλου (Σιμβάλου) λιμνή
Ναυαία	Σίργης ποταμός
Ναύσσον	Τάβαντα
Νιμφραία (Νίμφραιον)	Ταζός
Οαρος ποταμός	Ταμισοδέα
Οδησσός (Ορδησσός)	Ταμυρίνη

Τάλαϊς πόλις	Τιριτάλη (τιριτοτάλη)
Τάλαϊς ποταμός	Υγρεϊς πόλις
Ταρονα	Υλαία
Τάφρος	Υπάληρις
Τάφρος (πόλις)	Υπαίης
Ταυρινή χειρόλησος (χειρόλησος)	Φαιαγόρεα (Φαιαγόρας)
Τάροκα	Φίστα
Τράκισα	Χάβη
Τιράμβη	Χάραξ
Τίρας πόλις (= Ομμουστα)	Χαρρόλησος (Χαρρόλησος)
Τίρας ποταμός	Ψάθιος ποταμός
	Ψιζυρός ποταμός

ΒΙΒΛΙΟΓΡΑΦΙΑ

ΠΗΓΕΣ

1. Ἁγαθαίμενος τοῦ Ὁρθίνου. Γεωγραφίας ἰστορίαις.
2. Αἴλιος Ἡεροδιανός. Περὶ καθολικῆς Προσημίας.
3. Αἰσχίνης. Κατὰ Κτησιφάντους.
4. Ἁικαίμου ἀναμέτρσις τῆς Οἰκουμένης Πάσης. Κατὰ εἰσοφίαν.
5. Ἁικαίμου [Ἀρριανού, ὡς φέρεται]. Περίπλους τοῦ Εὐξείνου Πόντου.
6. Ἁικαίμου [Σκίμου τοῦ Χίου, ὡς φέρεται]. Περιήγησις.
7. [Ἁικαίμου]. Ἑποτίταις Γεωγραφίας ἐν ἑπιτομῇ.
8. Ἀπαλλείωνος Ρόδιος. Ἀρριαντικά.
9. Ἀππιανός. Μιθριδάτειος.
10. Ἀριστοτέλης. Μεταφραστικά.
11. Ἀριστοτέλης. Περὶ τὰ ζῶα ἰστορίαι.
12. Ἀριστοτέλης. Πρακτικὰ.
13. Ἀριστοῦ. Αἰθιοπία.
14. Ἀρριαντιανὸν. Λέξεις τῶν δέκα ἐποτάσεων.
15. Ἀρριανός. Ἀνάβασις Ἀλεξάνδρου.
16. Ἀρριανός. Περίπλους τοῦ Εὐξείνου Πόντου.
17. Δημοσθένης. Περὶ τῆς Ἀταλίας πρὸς Λατίνου.
18. Δημοσθένης. Πρὸς Λακρίτου.
19. Διόδωρος Σικελιώτης. Βιβλιοθήκη.
20. Δικαισίου. Οἰκουμένης περιήγησις.
21. Διόνος τοῦ Χριστοστόμου. Λόγος Βασιλεφικῆς.
22. Ἐκαταίην τοῦ Μιλήσιου. Περίοδος γῆς (Ἀποστάσματα).
23. Ἐκ τῶν ἔθνικῶν Στεφάνου τοῦ Βυζαντίου. Κατ' ἐπιτομήν.
24. Ἐρατοσθένης. Γεωγραφικά.
25. Εὐσταθίου ἀρχιεπισκόπου Θεσσαλονίκης παρεμβολαὶ εἰς τὴν Ὁμήρου Ἰλιάδα.
26. Εὐσταθίου ἀρχιεπισκόπου Θεσσαλονίκης παρεμβολαὶ εἰς τὴν Ὁμήρου Ὀδυσσεΐαν.
27. Εὐσταθίου. Παρεμβολαὶ εἰς τὴν Δικαισίου Περιήγησιν.
28. Ἐφορος. Ἱστορίαι ἀποστάσματα.

29. Ἡροδότου. Ἱστορία.
30. Ἡσίοδος. Θεογονία.
31. Ἡσυχίου τοῦ Αλεξάνδρου. Λεξικόν.
32. Θεοφράστου. Περὶ ἀέμων.
33. Θεοφράστου. Περὶ αὐτῶν Ἱστορία.
34. Ἱπποκράτους. Περὶ αἰέμων, ἰδέων, τέτων.
35. Κλαύδιου Αἰλιάνου. Περὶ ζῴων.
36. Κλαυδίου Πτολεμαίου. Γεωγραφικὴ Ἑξήγησις.
37. Μαρκιανοῦ Ἡρακλείτου τοῦ Πόντου. Ἐπιτομὴ τοῦ τῆς ἐντὶς θαλάσσης περιήλου, ὃν ἔγραψεν ἐν τρεσὶ βιβλίοις Μένεππου Παραματρῶς.
38. Μαρκιανοῦ Ἡρακλείτου τοῦ Πόντου. Περιήλους τῆς Ἰξοῦ θαλάσσης.
39. Ξενοφάντου. Κίρου Ἀνάβασις.
40. Ὅμηρος. Ἰλιάς.
41. Ὅμηρος. Ὀδυσσεΐα.
42. Πλούταρχου. Περὶ ποταμῶν καὶ ὄρων ἐπινομιᾶς καὶ τῶν ἐν αὐτοῖς εἰρηνοποιῶν.
43. Παλῆβου. Ἱστορία.
44. [Σκίλλαιος Καρυάθευς]. Περιήλους τῆς θαλάσσης τῆς Οὐκαυμένης Εὐρείτης καὶ Ἀσίας καὶ Λιβύης.
45. Στράβωνος. Γεωγραφικά.
46. Σχόλια εἰς τὰ Ἀπολλωνίου Ἀργοναυτικά.
47. Σχόλια εἰς τὴν Διονυσίου Περιήγησιν.
48. Σχόλια παλαιὰ εἰς τὴν Ὅμηρον Ἰλιάδα.
49. Σχόλια παλαιὰ εἰς τὴν Ὅμηρον Ὀδυσσεΐαν.
50. Τοῦ σοφιστῆτος Νικηφόρου τοῦ Βλεμμίδου. Γεωγραφία στοιχηθῆ.
51. Χρηστομῆδους ἐκ τῶν Στράβωνος Γεωγραφικῶν.
52. *Ammianus Marcellinus*. *Res gestae* // SC. T. II. Βυθ. 2. C. 323—345.
53. *C. Julius Solinus*. *Collectanea rerum memorabilium* // SC. T. II. Βυθ. 2. C. 273—286.
54. *C. Plinius Secundus*. *Naturalis historia* // SC. T. II. Βυθ. 1. C. 167—200.
55. *Martianus Minneius Felix Capella*. *De Nuptiis philologiae et Mercurii libri VIII* // SC. T. II. Βυθ. 2. C. 408—413.
56. *Pomponius Mela*. *De Chorographia* // SC. T. II. Βυθ. 1. C. 115—126.
57. *P. Ovidius Naso*. *Tristia* // SC. T. II. Βυθ. 1. C. 76—90.
58. *P. Ovidius Naso*. *Epistulae ex Ponto* // SC. T. II. Βυθ. 1. C. 90—103.
59. *Priscianus*. *Institutionum grammaticarum libri XVIII* // SC. T. II. Βυθ. 2. C. 435—441.
60. *Rufus Festus Avienus*. *Descriptio orbis terrae* // SC. T. II. Βυθ. 2. C. 354—361.

61. *Rufus Festus Avienus. Ora Maritima* // SC. T. II. Вып. 2. С. 361.

ИЗДАНИЯ И ПЕРЕВОДЫ

62. *Аммиан Марцеллин. История* / Пер. с лат. Ю. Кулаковского и А. Сонни. Вып. I—III. Киев, 1906—1908.
63. *Аммиан Марцеллин. Римская история*. СПб., 1996.
64. Анонимный географический трактат «Полное описание вселенной и народов» // *Византийский временник*. Т. 8. 1956. С. 277—305.
65. *Арриана перилл Понта Евксинского* / Пер. А. Фабра; Примеч. Н. Н. Мурзакевича. Одесса, 1836.
66. *Геродот. История в IX книгах* / Пер. Ф. Г. Мищенко. М., 1884—1886 (1888).
67. *Геродот. История в девяти книгах* / Пер. и примеч. Г. А. Стратановского. Л., 1972.
68. *Геродот. История в девяти книгах* / Переклад, передмова та примітки А. О. Білецького, Київ, 1993.
69. *Изборник источников по культурной истории Востока, Греции и Рима* / Под ред. Б. А. Тураева, И. Н. Бороздина, Б. В. Фармаковского. Ч. I—II. М., 1918. Ч. II. Древний мир на юге России.
70. *Латышев В. В. Известия греческих и латинских писателей о Скифии и Кавказе*. Т. 1. СПб., 1893. (*Scriptores graeci*); Т. 2 (*Scriptores Latini*); СПб., 1904.
71. *Подосинов А. В. Произведения Овидия как источник по истории Восточной Европы и Закавказья* / Тексты, перевод, комментарий. М., 1983 (*Сер. Древнейшие источники по истории народов СССР*).
72. [Склиак Карийский]. *Перилл Обитаемого моря* / Пер. с древнегреч., вступит. ст. и коммент. Ф. В. Шелова-Коведяева // *ВДИ*. 1988. № 1. С. 253—266; № 2. С. 260—269.
73. *Страбон. География в 17 книгах* / Пер., ст. и коммент. Г. А. Стратановского. М., 1964.
74. *Amiani Marcellini. Rerum gestarum libri qui supersunt. Rec. V. Gardthausen. Vol. I—II. Lipsiae, 1874—1875.*
75. *Amiani Marcellini. Rerum gestarum libri qui supersunt* / Ed. W. Seyfarth. V. 1—2. Leipzig, 1978.
76. *Apollonius Rhodius. The Argonautica* / With an English transl. by R. C. Seaton. L., 1912.
77. *Arriani Nicomediensis. Scripta minora* // Iterum rec. K. Hercher, edenta cur. A. Eberhard. Lipsiae: Teubner, 1885.

78. *C. Julii Solini. Collectanea rerum memorabilium iterum rec. Th. Mommsen. Berolini, 1895.*
79. *Claudius Ptolemaeus. Geographia / Éd C. F. A. Nobble. 2 vols., Leipzig: Teubner, 1843, 1845.*
80. *Cl. Ptolemaei. Geographia / E codd. recognovit Car. Müllerus. V. L. P. 1. Paris, 1883; P. 2. Paris, 1892.*
81. *Cuntz O. Die Geographie des Ptolemaeus: Handschriften, Text und Untersuchung. B., 1923.*
82. *Dionysii Chrysostomi orationes / Recognovit et praefatus est L. Dindorfus. Vol. II. Lipsiae: Teubner, 1857.*
83. *Forbiger A. Strabo's Erdbeschreibung übersetzt und durch Anmerkungen erläutert. 4 Bde. Stuttgart, 1856—1860.*
84. *Geographi Graeci minores / Ed C. Müllerus. Vol. I. Parisiis, 1855.*
85. *Geographi Latini minores / Coll. Alexander Riese. Heibr., 1878.*
86. *Groskurd C. G. Strabons Erdbeschreibung in siebenzehn Büchern nach richtigem griechischen Texte unter Begleitung Kritischer erklärender Anmerkungen verdeutscht. 4 Bde. Berlin u. Stettin, 1831—1834.*
87. *Hecataeos. Fragmenta // Fragmenta historicorum graecorum / Ed. C. Müller. V. L. P., 1841. P. 1—31.*
88. *Herodotes. Erklärt von H. Stein. Berlin, 1869.*
89. *Herodotes. Für den Schulgebrauch erklärt von K. Abicht. Leipzig, 1861—1883. S. 1—9 (1869—критическое издание).*
90. *Herodoti Historiae / Ad recensione suam recognovit Henricus Stein. Berolini, 1884, 2 vol.*
91. *'Ἡρόδοτος λόγι ἐπέει, οἷμα ἐπιλαλοῦναι Μάου (Herodoti libri novem, quibus Musarum indicta sunt nomina / [Ed. Aldus Manutius]. Venetiis, 1502.*
92. *Hippocratis et aliorum medicorum veterum reliquiae / Mandatu Academiae regiae disc. quae Amstelogami est ed. Fr. Zach. Ermerins. Vol. I. Tr. ad. Rh., 1859.*
93. *Martianus Capella / Fr. Eyssenhardt recensuit. Lipsiae: Teubner, 1866.*
94. *Plinii Secundi. Historiae naturalis libri XXXVII. Pars secunda continens geographiam / Curante F. Anst. Parisiis, 1828.*
95. *Plinii Secundi. Naturalis Historia / D. Detlefsen recensuit. Vol. I. Berlin, 1886.*
96. *Plinii Secundi. Naturalis Historiae libri XXXVII / Post Janum obitum recensuit et scripturae discrepantin adiecta edidit C. Mayhoff. Lipsiae, 1892—1909.*
97. *Plinii Secundi. Natural history. Cambridge, 1949—1968.*
98. *Pomponii Melae. De chorographia libri tres / Recogn. C. Frick. Lipsiae: Teubner, 1880.*
99. *Schnabel P. Text und Karten des Ptolemeus. Leipzig, 1949.*

100. *Stephani Byzantii. Ethnicorum quae supersunt / Ex recensione Augusti Meinekii. Tom I. Berolini, 1849.*
101. *Strabonis. Geographica / Rec. commentario crit. instr. G. Kramer. Berolini, 1844—1852. 3 vol.*
102. *Xenophonis. Expositio Cyri / Recensuit Arnoldus Hug. Editio maior. Lipsiae: Teubner, 1878.*

ИССЛЕДОВАНИЯ

103. *Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор М.; Л., 1949.*
104. *Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка М.; Л., 1958: I; Л., 1973: II; Л., 1979: III.*
105. *Абрамов А. П., Парамов Я. М. Раннеантичные поселения Таманского полуострова // Боспорский сборник. 2. М., 1993.*
106. *Азбуков М. В. О существовании и местонахождении города Офиусса // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья: Тезисы. Цхалтубо, 1977. С. 74—75.*
107. *Азбуков М. В. Сопоставление древних устьев Дуная, упоминаемых античными авторами // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1978.*
108. *Азбуков М. В. К вопросу о локализации башни Неоптолема и Гермонактовой деревни // ВДИ. 1978. № 1. С. 112—124.*
109. *Азбуков М. В. Заметки по античной географии Нижнего Поднестровья // ВДИ. 1979. № 2. С. 118—138.*
110. *Азбуков М. В. Проблемы и перспективы изучения античных авторов о Причерноморье // ДГ. 1982 год. М., 1984. С. 239—246.*
111. *Азбуков М. В. Материалы по античной географии Причерноморья // ВДИ. 1983. № 4. С. 110—130.*
112. *Азбуков М. В. Античная география северо-западного Причерноморья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1984.*
113. *Азбуков М. В. Античная долина Черного моря. М., 1987.*
114. *Азбуков М. В. Путешествие в загадочную Скифию. М., 1989.*
115. *Азбуков М. В. Материалы по античной географии северо-западного Причерноморья // ВДИ. 1991. № 1.*
116. *Азбуков М. В. Античная география Северного Причерноморья. М., 1992.*
117. *Алексеева Е. М. Исследования Горгиплии и ее хоры // Новейшие открытия советских археологов. II. Киев, 1975.*
118. *Алексеева Е. М. К изучению сельских поселений в округе Горгиплии // Горгиплия. I. Краснодар, 1980.*

119. Алексеева Е. М. Горгиппия // Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР: В 20 т. С. 82—84.
120. Алексеева Е. М. Горгиппия в системе Боспорского государства первых веков н. э. // ВДИ. 1988. № 2. С. 66—85.
121. Алексеева Е. М. Античный город Горгиппия. Автореф. докт. дис. М., 1990.
122. Алексеева Е. М. Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. М., 1991.
123. Анохин В. А. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1989.
124. Античные полисы и местное население Причерноморья. Севастополь, 1998.
125. Анфимов Н. В. Новые данные к истории Азиатского Боспора // СА. 1941. VII.
126. Анфимов Н. В. Меотские поселения Восточного Приазовья // КСИИМК. 1950. XXXIV.
127. Анфимов Н. В. Новые материалы по меото-сарматской культуре Прикубанья // КСИИМК. 1952. XLVI.
128. Анфимов Н. В. Исследование Самбратского городища // КСИИМК. 1953. С. 51.
129. Анфимов Н. В. Археологические разведки по среднему Прикубанью // КСИИМК. 1955. С. 60.
130. Анфимов Н. В. Из прошлого Прикубанья. Краснодар, 1958.
131. Анфимов Н. В. Синдика в VI—IV вв. до н. э. // Труды Краснодарского ГПИ. 1963. С. 33.
132. Анфимов Н. В. Денежное обращение на Елизаветинском городище — эмпории Боспора на Средней Кубани // ВДИ. 1966. № 2.
133. Анфимов Н. В. Археологические памятники нижнего течения рек Марта, Пчаса и Псекуса // Сборник материалов по археологии Адыгеи. Майкоп; М., 1972.
134. Анфимов Н. В. Экспансия Боспора в Западном Прикубанье // Конференция «Культурные взаимодействия народов Средней Азии и Кавказа в древности и средневековье»: Тез. докл. М., 1981.
135. Анфимов Н. В. Керамические клейма из поселения станицы Красноармейской (Краснодарский край) // Всесоюз. археологическая конференция «Достижения советской археологии в XI пятилетке»: Тез. докл. Баку, 1985.
136. Анфимов Н. Н. Клад пантикапейских монет начала III в. до н. э. из Восточного Приазовья (станция Староникжестеблиевская) // ВДИ. 1991. № 1. С. 70—76.

137. Античные государства Северного Причерноморья: Очерки истории и культуры. М., 1955.
138. Античный город. М., 1963.
139. Античные города Северного Причерноморья и варварский мир: Науч. конф. Л., 1973.
140. Арский Ф. Н. Страбон. М., 1974.
141. Артамонов М. И. Скифское царство в Крыму // Вестник ЛГУ. 1948. № 2.
142. Артамонов М. И. Этногеография Скифия // Учен. зап. ЛГУ. Серия ист. наук. 1949. № 85. Вып. 13.
143. Археология Украинской ССР. Т. 1. Киев, 1985.
144. Археология Украинской ССР. Т. 2. Киев, 1986.
145. Археологические памятники Нижнего Подонья. Вып. I—II. М., 1974.
146. Атаевин А. Г. Влияние природных факторов на жизнь поселений Таманского полуострова (на примере Фанагория) // Методы естественных наук в археологии. М., 1987.
147. Аталиков В. М. Античные источники о Северном Кавказе. Нальчик, 1990.
148. Ашик А. Б. Боспорское царство. I—II. Одесса, 1848—1849.
149. Бабенчиков В. П. Чорноріченський могильник // АП XII. 1963.
150. Бабков Н. И. К вопросу о местонахождении Асандрова вала // История и Археология древнего Крыма. Киев, 1957. С. 282—291.
151. Байер Ф. З. О местоположении Скифия каково было в лета Геродоты // Краткое описание комментарий Академии наук. СПб., 1728. С. 152—154.
152. Башкиров А. С. Историко-археологический очерк Крыма. Симферополь, 1914.
153. Башкиров А. С. Археологическое обследование Таманского полуострова летом 1926 г. // Труды этногеографического археологического музея. МГУ. № 3. 1927.
154. Башкиров А. С. Археологическое обследование Таманского полуострова летом 1927 г. // Труды секции ВАНИОН. 1928. III.
155. Башкиров А. С. Отчет об историко-археологических изысканиях на Таманском полуострове летом 1948 г. // Учен. зап. Московского ГПИ им. В. П. Потемкина. 1950. С. 13.
156. Башкиров А. С. Историко-археологические изыскания на Таманском полуострове в 1949—1951 гг. // Учен. зап. Ярославского ГПИ. 1957. XXXII (XXXII).
157. Бизюков И. Древний вал и шоссе вдоль Керчи // ЗООИД. 1875. Т. 9. С. 443—445.

158. Беккер П. В. Тирас и тириты // ЗООИД. Т. II. 1848.
159. Беккер П. В. Берег Понта Евксинского от Истра до Борисфена в отношении к древним его колониям // ЗООИД. 3. 1853.
160. Белов Г. Д. Херсонес Таврический. Историко-археологический очерк. Л., 1948.
161. Билова Н. С. Археологические разведки в Китае // КСИА. 1961. С. 83.
162. Беляев Н. О северном берегу Черного моря и прилегающих к нему степях до водворения в этом крае монголов // ЗООИД. III. 1853.
163. Беляев С. А. Херсонес // Античные государства Северного Причерноморья: Археология СССР: В 20 т. М., 1984. С. 49—53.
164. Берембейм Д. Я. Керченский пролив во времена Страбона в свете новейших данных об изменении уровня Черного моря // СА. 1959. № 4. С. 42—52.
165. Берлин Э. О. Спички, Боспор и Афины в последней четверти V в. до н. э. // ВДЦ. 1938. № 1.
166. Бертье-Деласгард А. Л. Древнейший Херсонес по Страбону и раскопкам // ИАК. Вып. 21. 1907.
167. Блаватская Т. В. Известия Геродота о будянском граде Гелоне и его обитателях. // СА. 1986. № 4. С. 22—33.
168. Блаватский В. Д. Материалы по античной фортификации в Северном Причерноморье // Учен. зап. МГУ. 1950. № 143. С. 126—150.
169. Блаватский В. Д. Харакс // МИА. 1951. № 19.
170. Блаватский В. Д. Материалы по истории Пантикалея // МИА. 1951. № 19.
171. Блаватский В. Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954.
172. Блаватский В. Д. Архаический Боспор // МИА. № 33. 1954.
173. Блаватский В. Д., Шелов Д. Б. Разведки на Керченском полуострове // КСИИМК. 1955. 58.
174. Блаватский В. Д. Исследования Разевского городища в 1954 г. // КСИИМК. 1959. 77.
175. Блаватский В. Д. Античная археология Северного Причерноморья. М., 1961.
176. Блаватский В. Д., Кошляченко Г. А. Открытие затонувшего мира. М., 1963.
177. Блаватский В. Д. Пантикалей: Очерк истории столицы Боспора. М., 1964.
178. Блаватский В. Д. Воздействие античной культуры на страны Северного Причерноморья // СА. 1964. № 4.

179. Блаватский В. Д. *Βορροῦντος* // ВДИ. 1968. № 4. С. 119—122.
180. Блаватский В. Д. О северной окраине Скифии Геродота // МИА. 1969. № 169.
181. Блаватский В. Д. Древнейшее свидетельство о Скидике // Античная археология и история. М., 1985.
182. Блаватский В. Д. О римских войсках на Таврическом полуострове в I в. н. э. // Античная археология и история. М., 1985.
183. Бларамберг И. П. Замечание на некоторые места древнейшей географии Тавриды // ЗООИД. II. 1848.
184. Бларамберг И. П. О положении трех тавро-скифских крепостей, упоминаемых Страбонам // ИТУАК. 1889. № 7/8.
185. Бобринский А. А. Херсонес Таврический. М., 1905.
186. Боднарский М. С. Античная география. М., 1953.
187. Болтенко М. Ф. Про назву острова Березань // В ст. Одесского держ. ун-та, 3. 1949.
188. Болтенко М. Ф. Исторические судьбы острова Березань // ЗОАО. 1964. I(34).
189. Болтрик Ю. В., Филалко Е. Е. К вопросу о локализации гавани Кремены // Скифы Северного Причерноморья. Киев, 1987. С. 41—48.
190. Болтрик Ю. В. Сухопутные коммуникации Скифии // СА. 1990. № 4.
191. Болтунова А. И. Проксенический декрет из Анавы и некоторые вопросы истории Боспора // ВДИ. 1964. № 3.
192. Бондарский М. С. Античная география. М., 1953.
193. Бондарь Р. Д. Некоторые проблемы истории Нижнедунайского княжества // ВДИ. 1973. № 3. С. 144—159.
194. Бондарь Р. Д. Городище у с. Орловка // Античные государства Северного Причерноморья: Археология СССР: В 20 т. М., 1984. С. 31—32.
195. Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии: Загадки истории древних ариев. М., 1974.
196. Борисов В. Е. Карта Сарматия (нынешней России) во II веке по Р. Хр. по греческому географу Птолемию. Вып. 1—3. 1909—1910.
197. Борисова В. В. Херсонес // КП. 1966.
198. Борисова В. В. Харакс // КП. 1966.
199. Браун Ф. Несколько слов о *Ἐλαία ἐν Ἀρχαίῳ δρόμῳ* // Commentationes philologicae: Сб. ст. в честь Н. В. Помяловского. СПб., 1897.
200. Браун Ф. А. Размышления в области гото-славянских отношений // Сборник отделения русского языка и словесности. Т. 64. Вып. 12. СПб., 1899.
201. Брашинский И. Б. Понтийская экспедиция Перикла // ВДИ. 1958. № 3.

202. Брун Ф. К. О местоположении Тираса // ЗООИД. 1853. Т. 3.
203. Брун Ф. К. Заметки, относящиеся к древней топографии Новороссийского края и Бессарабии // Новороссийский календарь на 1857 г. Одесса, 1856.
204. Брун Ф. О подлинейных названиях древней Гилеи // ЗООИД. 1860. IV.
205. Брун Ф. К. Черноморье. Т. I. Одесса, 1879.
206. Брун Ф. К. Опыт соглашения противоположных мнений о Геродотовой Скифии и смежных с нею землях // Черноморье. Одесса. Ч. II. 1880.
207. Браунд Д. Сообщение об Ольвии Диона Хрисостома: литературная традиция и философские представления // ДГ. 1996—1997 гг. М., 1999. С. 271—282.
208. Брушко И. В., Карпов В. А. Древняя география и колебания уровня моря // ВДН. 1992. № 2. С. 87—97.
209. Буйских С. Б. Фортификация Ольвийского государства. Киев, 1991. С. 160.
210. Буйских С. Б. Между Истрией и Ольвией (античные поселения Дунай-Днестровского Междуречья) // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века: Тез. докл. VIII междунар. научн. конф. Ростов-на-Дону, 1996. С. 65—69.
211. Буйских С. Б. Античные поселения Северо-Западного Причерноморья доримского времени (опыт картографирования) // Няковский и античный мир Северного Причерноморья. Одесса, 1997. С. 98—102.
212. Буйских С. Б. Еще раз о так называемой «Одесской Истрии» // Краткие сообщения Одесского археологического общества. Одесса, 1998. С. 84—91.
213. Булаков П. Г., Розенфельд Б. А., Алмазов А. А. Мухаммед ал-Хорезми. М., 1983.
214. Букин И. Ю. Предполагаемые трасы римских военных дорог в Северном Причерноморье // Няковский и античный мир Северного Причерноморья. Сб. Одесса, 1997. С. 286—288.
215. Бурачков П. О. О местоположении древнего города Каркинитя и о монетах, ему принадлежавших // ЗООИД. IX. 1875.
216. Бурачков П. О. Заметки по древней географии Новороссийского края // ИРГО. 1875. Т. XI. Вып. 3, 5.
217. Бурачков П. О. Опыт соглашения открытой в Херсонесе надписи с природой местности и сохранявшимся у древних писателей сведениями // ЗООИД. XII. 1881.
218. Бурачков П. О. Заметки по исторической географии южнорусских степей // Киев. Старина. 1886. № 4.

219. Бурачков П. О. Заметка по поводу мнения В. В. Латышева о местонахождении Ипполава мьяса // ЖМНП. 1887, апрель.
220. Бучинский И. Е. О климате прошлого русской равнины. Л., 1957.
221. Быковский Н. М. Картография: Исторический очерк. М.; Пг., 1923.
222. Быкова В. П. Нижнее Поднепровье в IV—II вв. до н. э. // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Херсон, 1991. С. 69—75.
223. Вахтина М. Ю., Виноградов Ю. А., Горончаровский В. А., Рогов Е. Я. Некоторые вопросы греческой колонизации Северного Крыма // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979.
224. Вахтина М. Ю. Греко-варварские контакты VII—VI вв. до н. э. по материалам степной и лесостепной зон Северо-Западного Причерноморья и Крыма // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1984.
225. Вдовиченко И. И., Калитков С. Г. Древние укрепления Северного Крыма (По данным античных письменных источников) // ВДИ. 1986. № 2. С. 145—152.
226. Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. М., 1991.
227. Веселов В. В. Древние городища в районе Сивьяново (К вопросу о местоположении Парфения и Порфмия) // Археология и история Боспора. I. Симферополь, 1952.
228. Веселов В. В. О «Киммерийском вале» на Таманском полуострове // СА. 1957. № 3.
229. Веселов В. В. Археологические разведки в восточной части Керченского полуострова // СА. 1959. XXIX—XXX. С. 227—224.
230. Виноградов Ю. Г. О политическом единстве Беризвани и Ольвии // Художественная культура и археология античного мира. М., 1976.
231. Виноградов Ю. Г. Палис в Северном Причерноморье // Античная Греция. Т. I. М., 1983. С. 366—420.
232. Виноградов Ю. Г., Щеглов А. Н. Образование Территориального Херсонесского государства // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990. С. 310—371.
233. Виноградов Ю. Г., Даманский Я. В., Марченко К. К. Сопоставительный анализ письменных и археологических источников по проблеме ранней истории Северо-Западного Причерноморья // Причерноморье VII—V вв. до н. э.: Письменные источники и археология. Тбилиси, 1990. С. 75—98.
234. Виноградов Ю. Г. Фанагорийские насмешки // ВДИ. 1991. № 4.
235. Виноградов Ю. А. Мирмекий // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992. С. 99—119.

236. *Виноградов Ю. Г.* Полемон, Херсонес и Рим // ВДИ. 1992. № 3. С. 130—139.
237. *Виноградов Ю. А.* К проблеме полисов в районе Боспора Киммерийского // Античный мир и археология. Вып. 9. Саратов, 1993. С. 79—96.
238. *Виноградов Ю. Г., Золотарев М. И.* Херсонес изначальный // ДГ. 1996—1997 гг. М., 1999. С. 91—129.
239. *Винокуров Н. И.* Археологические памятники урочища Артезиан в Крымском Приазовье. М., 1998.
240. *Высотская Т. М.* Городище Алма-Кермен у Крыму // Археология. 1970. С. 24.
241. *Витрувий.* Десять книг об архитектуре / Пер. Ф. А. Петровского. Т. 1. М., 1936.
242. *Войцетовский С. Ф.* Опыт восстановления рельефа Таманского полуострова применительно к эпохе Страбона и позднему времени // Записки Сев. Кавк. краевого об-ва археологии, истории и этнографии. Кн. I. Т. 3. Вып. 5/6. 1929.
243. *Вульх Н. В.* «Тристин» и «Послания с Понта» Овидия как исторический источник // ВДИ. 1974. № 1. С. 64—80.
244. *Высотская Т. Н.* Поздние скифы в юго-западном Крыму // Киев: Наукова думка, 1972.
245. *Высотская Т. Н.* Неаполь — столица государства поздних скифов. Киев, 1979.
246. *Высотская Т. Н.* К вопросу о локализации Палакия // ВДИ. 1983. № 1. С. 111—116.
247. *Высотская Т. Н.* Скифские городища. Симферополь, 1989.
248. *Высотская Т. Н.* Усть-Альминское городище и некрополь. Киев, 1994.
249. *Вязигин С. А.* Древнее поселение у хут. Подазовского // Памятники древности на Дону. Ростов-на-Дону, 1940. I.
250. *Вязигин С. А.* Сведения Клавдия Птолемея по географии Туркмении // Изв. Туркм. филиала АН СССР. 1949. № 1.
251. *Вязмитина М. И.* Золото-Балаковский могильник. Киев, 1972.
252. *Гаврилюк Н. А., Черненко Е. В.* «Скифский поход» Зопириона // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Херсон, 1991. С. 65—69.
253. *Гайдукевич В. Ф.* Боспорские города Тиритака и Мирмекий на Керченском полуострове (по раскопкам 1932—1936 гг.) // ВДИ. 1937. № 1.
254. *Гайдукевич В. Ф.* О местоположении древней Тиритаки // МИА. 1941. № 4. С. 85—92.
255. *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М.; Л., 1949.
256. *Гайдукевич В. Ф.* Рец.: Г. Д. Белов. Херсонес Таврический // ВДИ. 1949. № 3.

257. *Гайдукевич В. Ф.* Боспорский город Илурад // СА. XIII. 1950.
258. *Гайдукевич В. Ф.* История античных городов Северного Причерноморья // Античные города северного Причерноморья. М.; Л., 1955.
259. *Гайдукевич В. Ф.* Раскопки Тириттаки и Мирмекия в 1946—1952 гг. // МИА. 1958. № 85.
260. *Гайдукевич В. Ф.* Некрополи некоторых боспорских городов // МИА. 1959. № 69.
261. *Гайдукевич В. Ф.* О путях прохождения кораблей в Поигте Евксинском // КСИА. 1969. № 116.
262. *Гарданов Б.* Северное Причерноморье в античную эпоху (до II в. н. э.). Ашхабад, 1943.
263. *Гей О. А.* О времени возникновения черняховской культуры в Северном Причерноморье // СА. 1986. № 1. С. 77—86.
264. *Гельмерсен Г. П.* По вопросу о предполагаемом обмелении Азовского моря // ЗРАО. II. СПб., 1859.
265. Геология побережья и дна Черного и Азовского морей в пределах УССР. Киев, 1968. Вып. 2.
266. Геология Азовского моря. Киев, 1974.
267. Геология шельфа УССР. Керченский пролив. Киев, 1981.
268. Геология шельфа УССР. Лиманы. Киев, 1984.
269. *Герасимов В. И.* Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958.
270. *Герц К. К.* Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском п-ве. М., 1876.
271. *Герц К. К.* Археологическая топография Таманского полуострова // Сб. соч. Вып. 1. СПб., 1898.
272. Гидрология устьевой области Дуная. М., 1963.
273. *Галенко В. К., Крюков А. А.* Работы Южно-Боспорской экспедиции // Археологические исследования в Крыму. 1994 г. Симферополь, 1997.
274. *Галенко В. К.* К вопросу о времени сооружения «цитадели» на плато горы Отух // VI чтенная памяти профессора В. Д. Блаватского: Тез. докл. М., 1999. С. 37—39.
275. *Галенцов А. С.* Локализация города Керкинитиды и реки Гипакириса по историко-археологическим данным // Тез. докл. совещ. «Комплексные методы в изучении истории с древнейших времен до наших дней». М., 1984.
276. *Галубцова Е. Е.* Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры. М., 1951.

277. Горнов Ю. В. Палеогеография Азиатского Боспора // Сб. 20 лет музею М. Ю. Лермонтова в Тамани: Тамань археологическая. II. Ст. Тамань, 1996. С. 60—74.
278. Горнов Ю. В. Азиатский Боспор Страбона // VI чтения памяти профессора В. Д. Блаватского: Тез. докл. М., 1999. С. 45—47.
279. Горнов Ю. В., Паратов А. В. Изменения уровня Черного моря в позднем голоцене по материалам геоморфологических и археологических исследований // Проблемы истории, филологии, культуры. VI, М.; Магнитогорск, 1998. С. 94—101.
280. Горгиншия: Материалы Анапской археологической экспедиции. Ч. I. Краснодар, 1980. Ч. II. Краснодар, 1982.
281. Горшкович В. И. Записки об археологических исследованиях в Херсонесской губернии // Древности. XXII. I. 1909.
282. Готье Ю. В. Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы. Л., 1925.
283. Гошкевич В. И. Где был древний Опесс? // ЗООИД. 1915. Т. 32.
284. Граков Б. И. Каменские городище на Днестре // МИА. 1954. № 36.
285. Граков Б. И. Скифы: Научно-популярный очерк. М., 1971.
286. Грантовский Э. В. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970.
287. Грацианская Л. И. Место политической истории Боспора в «Географии» Страбона // ДГ. 1975. М., 1976. С. 6—20.
288. Грацианская Л. И. «География» Страбона: Проблемы источниковедения // ДГ. М., 1988.
289. Грач Н. Л. Нимфейская экспедиция Государственного Эрмитажа // АО. 1973. М., 1974.
290. Грач Н. Л. Открытие нового исторического источника Нимфея // ВДИ. 1984. № 1.
291. Гриневич К. Э. Четвертая книга Геродота и следы личного знакомства историка с Ольгией // ЗХУ. 1915. № 4.
292. Гриневич К. Э. Археологические разведки в северо-восточной части Керченского полуострова // ИТОИАЭ. 1927. I (58).
293. Гриневич К. Раскопки на месте страбовова Херсонеса // Крым. № 213. 1929.
294. Гриневич К. Э. Оборона Боспорского Киммерийского // ВДИ. 1946. № 2. С. 160—164.
295. Гриневич К. Э. Херсонес и Рим // ВДИ. 1947. № 2.
296. Гриневич К. Э. Оборона Боспорского Киммерийского на основании археологического материала // Учен. зап. Томского гос. университета. 1947. № 7. С. 57—58.

297. *Гриневич К. Э.* Городище Прекрасная гавань в свете новейших данных // ВДИ. 1949. № 1.
298. *Гриневич К. Э.* О достоверности сведений Геродота об Ольвии // ВДИ. 1964. № 1. С. 105—110.
299. *Даманский П. В.* О характере греческой колонизации и послекolonизационном периоде в Северном Причерноморье // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979.
300. *Даманский П. В.* Некоторые закономерности колонизационного движения греков (Эллада — Северный Понт) // Проблемы античной государственности. Л., 1982. С. 20—33.
301. *Дашевская О. Д.* Скифские городища Крыма // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1954.
302. *Дашевская О. Д.* К вопросу о локализации трех скифских крепостей, упоминаемых Страбонам // ВДИ. 1958. № 2.
303. *Дашевская О. Д.* Раскопки южнодондузлавского городища в 1963—1965 гг. // КСИА. 1967. 109.
304. *Дашевская О. Д.* О происхождении названия города Керкивиатыды // ВДИ. 1970. № 2.
305. *Дашевская О. Д.* Скифы на северо-западном побережье Крыма в свете новых открытий // ПСА. 1971.
306. *Дашевская О. Д.* Поздние скифы (III в. до н. э. — III в. н. э.) // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1989. С. 125—145.
307. Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Тбилиси: Мечниереба, 1981.
308. *Денисова В. И.* К вопросу о городах Агришия и Кесария на Боспоре // VI чтенье памяти профессора В. Д. Блаватского: Тез. докл. М., 1999. С. 47—48.
309. *Десятчиков Ю. М., Долгоруков В. С.* Патрей // Античные государства Северного Причерноморья: Археология СССР: В 20 т. М., 1984. С. 86.
310. *Десятчиков Ю. М., Долгоруков В. С., Алексеева Е. М.* Сельская территория Азиатской части Боспора // Античные государства. С. 87—91.
311. *Десятчиков Ю. М.* Азиатский Киммерик // Всесоюз. археологическая конф. «Достижения сов. археологии в XI пятилетке»: Тез. докл. Баку, 1985. С. 131—132.
312. *Десятчиков Ю. М.* К истории азиатского Киммерика // I Кубанская археологич. конф.: Тез. докл. Краснодар, 1989. С. 58—59.
313. *Десятчиков Ю. М.* Некоторые аспекты внутривоспорской колонизации // II Кубанская археологич. конф.: Тез. докл. Краснодар, 1993. С. 32.

314. Джеймс П., Мартин Дж. Все возможные миры: История географических идей. М., 1988.
315. Джибладзе И. Е. Основные этапы истории географических открытий и развитие география как науки. Тбилиси, 1967.
316. Дзене-Литовский А. И. Тарханкутский полуостров // Очерки по физической географии Крыма. Л., 1938. 2.
317. Дзене-Литовский А. И. Пересыпи и лиманы Азовско-Черноморского побережья и степного Крыма // Природа. 1938. № 6.
318. Дзюговский А. Н. Сарматские памятники степей Северо-западного Причерноморья // Археологические памятники Северо-западного Причерноморья. Киев, 1982. С. 83—92.
319. Дзис-Райко Г. А. О некоторых итогах разведки левобережья низовьев Днестра и Днестровского лимана // КСОГАМ за 1961 г. 1963.
320. Дидмант Э. И. Поселения и могильники V—III вв. до н. э. на месте Приморского бульвара в Одессе // МАСП. № 8. 1976. С. 204—212.
321. Дирин А. А. Мыс Зоок и сделанные на нем археологические находки // ЗООИД. 1896. XIX. С. 121—129.
322. Дитмар А. Б. Новейшая литература по истории античной географии // Вестник обществ. наук. Изд. АН АрмССР, 1976. № 7.
323. Дитмар А. Б. Краткий обзор новейшей зарубежной литературы по истории античной географии // Вопр. истории и теории физической географии. Вып. 9. Саратов, 1976.
324. Дитмар А. Б. География в античное время (очерки развития физико-географических идей). М., 1980.
325. Дмитриев А. В. Разведка памятников в районе Новороссийска // СА. 1972. М., 1973.
326. Дмитриев А. В. Памятники эпохи раннего железа в районе Новороссийска // АО 1975. М., 1976.
327. Дмитриев А. В. Юго-восточная граница Босфора // VI чтения памяти профессора В. Д. Блаватского: Тез. докл. М., 1999. С. 49—50.
328. Добролюбовский А. О., Красножон А. В., Секерская Е. П. Новые археологические материалы из раскопок на Приморском бульваре в Одессе (предварительные сообщения) // Чобрутский археологический комплекс и вопросы взаимоотношения античной и варварской культур (IV в. до н. э. — IV в. н. э.). Тирасполь, 1992. С. 10—12.
329. Добролюбовский А. П. Новые данные о Боркисфене // VI чтения памяти профессора В. Д. Блаватского: Тез. докл. М., 1999. С. 51—52.
330. Доватур А. И., Калыстов Д. П., Шилиова И. А. Народы нашей страны в «Истории Геродота». М., 1982.

331. *Доватур А. И.* Обозначение морей у Геродота // ВДИ. 1982. № 3.
332. *Докучаев В. В.* Наши степи прежде и теперь. М., 1953.
333. *Долгоруков В. С.* Исследования береговой части Фанагории в 1971—1972 гг. // КСИА. 1975. № 143.
334. *Долгоруков В. С.* Фанагория // Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР: В 20 т. С. 77—81.
335. Древнейшие фракийцы в Северном Причерноморье // МИА. 1969. № 150.
336. Древности Геродотовой Скифии. СПб., 1816. I.
337. Древности Нижнего Дона. М., 1965.
338. *Думин Г.* О реках Скифии по Геродоту // Тр. студентов Ришельевского лицея. Одесса, 1852.
339. *Дьяков В. Н.* Древности Ай-Тодора // Сборник трудов Алуштинского историко-бытового музея. Ялта, 1930. I.
340. *Дьяков В. Н.* Пути римского проникновения в Северное Причерноморье: Понт и Мезия // ВДИ. 1940. № 3—4.
341. *Дьяков В. Н.* Оккупация Таврии Римом в I в. н. э. // ВДИ. 1941. № 1.
342. *Дьяков В. Н.* Таврия в эпоху римской оккупации // Учен. зап. Моск. пед. ин-та им. В. И. Ленина. 1942. Т. 28. Каф. истории др. мира. Вып. 1.
343. *Дюбрюкс П.* Описание ризвалли и следов древних городов и укреплений, некогда существовавших на европейском берегу Босфора Киммерийского от входа в пролив близ Епикальского мыса до горы Остук при Черном море // ЗООИД. IV. 1858.
344. *Елагина Н. Г.* Нижнее Поднестровье в эпоху позднего Скифского царства // Вестн. МГУ. 1958. 4.
345. *Ельницкий Л. А.* Новый источник география древнего Северного Причерноморья // ВДИ. 1937. № 1. С. 240—246.
346. *Ельницкий Л. А.* Знания древних о северных странах. М.: Географическая литература, 1961.
347. *Ельницкий Л. А.* Скифия Европейских степей. Новосибирск, 1977.
348. *Ермолова И. Е.* Северное Причерноморье в представлении римлян первых веков н. э. (по Аммиану Марцеллину): Автореф. ... канд. дис. М., 1985.
349. *Ермолова И. Е.* Аммиан Марцеллин и античная традиция о Северном Причерноморье // ДГ. 1996—1997 гг. М., 1999. С. 336—347.
350. *Ждановский А. М.* Исследования в Тбилисском районе Краснодарского края // АО за 1979 г. М., 1980.
351. *Жебелев С. А.* Северное Причерноморье: Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. М.; Л., 1953.

352. Жебенев С. А. Источники для изучения истории античной культуры Северного Причерноморья // Античные города Северного Причерноморья. М.; Л., 1955. Т. I.
353. Забелин Н. Е. Объяснение Страбоновых свидетельств о местностях Боспора Киммерийского // Труды третьего археологического съезда в России (Киев, август 1874 г.). Киев, 1878.
354. Завойкин А. А. Diod. XII. 31. 1. (Обзор источников) // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск, 1994. С. 64—70.
355. Завойкин А. А. Киммериды — полис на Киммерийском Боспоре // Проблемы истории, философии, культуры. Ч. 1. История. М.; Магнитогорск, 1997.
356. Завойкин А. А. Сидская гавань (Сиддик) — Горгиппия // ВДИ. 1998. № 3. С. 134—145.
357. Завойкин А. А. Проблема локализации Киммериды // ДГ. 1996—1997 гг. М., 1999. С. 220—236.
358. Загинайло А. Г. К вопросу об экономических связях Западного и Северного Причерноморья в VI—V вв. до н. э. по нумизматическим данным // МАСП. 8. 1971. С. 70—83.
359. Зест И. Б. Раскопки Киммерика в 1947—1948 гг. // ВДИ. 1949. № 3.
360. Зест И. Б. К вопросу о внутренней торговле Прикубанья с Фангорицей // МИА. 1951. 19.
361. Зенкович В. П. Берега Черного и Азовского морей. М., 1958.
362. Зенкович В. П. Морфология и динамика советских берегов Черного моря. М., 1958—1960. Т. 1—2.
363. Златковская Т. Д. Метра в I—II вв. н. э. М., 1951.
364. Златковская Т. Д. О начальном периоде истории Тира // СА. 1959. № 2.
365. Зограф А. Н. Античные монеты // МИА. 1951. № 16.
366. Золотарев М. И. Новые данные о древних морских путях в Понте Евксинском // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Цхалтубо, 1977.
367. Зубарев В. Г., Маслеников А. А. Историческая география Европейского Боспора по Клавдию Птолемею // СА. 1987. № 3.
368. Зубарев В. Г. К вопросу об источниковедческой базе «Географического руководства» Клавдия Птолемея по Северо-Причерноморскому региону // Проблемы исследования античных городов: III научные чтения, посвященные памяти проф. В. Д. Блаватского: Тез. докл. М., 1989.
369. Зубарев В. Г. Соизмеримости географических координат и длина стадия Клавдия Птолемея для северного Причерноморья // Скифия в Боспор: Мат-лы конференции памяти М. И. Ростовцева: Тезисы. Новочеркасск, 1989.

370. *Зубарев В. Г.* Северное Причерноморье в историко-географической концепции Клавдия Птолемея: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1991.
371. *Зубарев В. Г.* Характер искажений и общая картина Северопричерноморского региона в «Географическом руководстве» Клавдия Птолемея // РА. № 3. 1995.
372. *Зубарев В. Г.* Некоторые аспекты интерпретации сведений Клавдия Птолемея по Европейскому Боспору // Проблемы социально-политической истории стран Европы и Америки. Тула, 1995 (Деп. в ИНИОН РАН. № 50755 от 21.09.95).
373. *Зубарев В. Г.* Европейское побережье Меотиды (Азовского моря) по Клавдию Птолемею // Древности. 1996. Харьков, 1997. С. 62—73.
374. *Зубарев В. Г.* К истории сельской территории Европейского Боспора в первые века нашей эры // Проблемы истории и археологии Украины: Тез. докл. конф. Харьков, 1997. С. 40.
375. *Зубарев В. Г.* Северное Причерноморье в историко-географической концепции Клавдия Птолемея. Тула, 1998.
376. *Зубарев В. Г.* Античная география Европейского Боспора по Клавдию Птолемею // Древности Боспора. Т. 1. М., 1998. С. 105—124.
377. *Зубарев В. Г.* «Географическое руководство» Клавдия Птолемея как источник по античной географии Северного Причерноморья // ДГ. 1996—1997 гг. М., 1999. С. 316—335.
378. *Зубарь В. М.* Херсонес Таврический в античную эпоху. Киев, 1993.
379. *Зубарь В. М.* Херсонес Таврический и Римская империя. Киев, 1994.
380. *Иванов Э. И.* Херсонес Таврический: Историко-археологический очерк. Симферополь, 1912.
381. *Иванов Г. И., Штурбатко В. И.* Об особенностях колебаний уровня Черного моря в послеледниковое время // Вод. ресурсы. 1982. № 3.
382. *Иссен А. А.* Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947.
383. *Ильинская В. А.* Скифы днепровского лесостепного левобережья. Киев, 1968.
384. *Ильинская В. А.* Может ли Бельское городище быть городом Гелоним? // Скифия и сарматы. Киев, 1977.
385. *Ильинская В. А., Тереничкин А. И.* Скифия // Археология Украинской ССР. Т. 2. Киев, 1986.
386. Исследования по эпиграфике в языках древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья: Сб. ст. / Сост. Л. С. Бажок, В. П. Явленко. М., 1987.
387. История и археология Древнего Крыма. Киев, 1957.

388. *Кадеев В. И.* Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Харьков, 1981.
389. *Кавынина Т. М.* Сведения ранних ученых Арабского халифата. М., 1988.
390. *Каллистов Д. П.* Античная литературная традиция о Северном Причерноморье // Ист. зап. 1945. Т. 16.
391. *Каллистов Д. П.* Северное Причерноморье в античную эпоху. М.; Л., 1953.
392. *Каменецкий И. С.* Итоги исследования Подозовского городища // СА. 1974. № 4.
393. *Каменецкий И. С.* Разведки и раскопки в бассейне Кубани // АО. 1982, 1984.
394. *Каменецкий И. С.* Меоты и греческая колонизация // Местные этнополитические объединения Причерноморья в VII—IV вв. до н. э. Тбилиси, 1988. С. 82—97.
395. *Каменецкий И. С.* Меоты и другие племена северо-западного Кавказа в VII в. до н. э. — III в. н. э. // Археология СССР: Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 224—251.
396. *Каменецкий И. С.* Городища донских меот. М., 1993.
397. *Кавынина С. И.* Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья // Материалы и исследования по археологии СССР. № 50. С. 211—254.
398. *Карасев А. Н.* Раскопки на городище Чайка близ Евпатория // КСИА. 1963. № 95.
399. *Карасев А. Н.* Раскопки городища у савитория «Чайка» близ Евпатория // КСИА. 1965. 103.
400. *Карасев В. Н.* Известия древне-римских авторов о Северном Причерноморье времени Митридатовых войн / Московский обл. пед. ин-т им. Крупской: Учен. зап. Т. 288. Вып. 13. М., 1971. С. 3—15.
401. *Карышковский П. О.* К вопросу о древнем названии Роксоланского городища // МАСП. Вып. 5. Одесса, 1966.
402. *Карышковский П. О.* Заметки об Ольвии и Борисфене // ЗОАО. 1967, П (35).
403. *Карышковский П. О., Клейман И. Б.* Древний город Тира: Историко-археологический очерк. Киев, 1985.
404. *Кастанаян Е. Г.* Археологическая разведка на городище Парфений в 1949 г. // МИА. 1958. 85. С. 254—265.
405. *Курочкин Т. С.* Письменные источники по вопросу колонизации Восточного Причерноморья // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979. С. 294—304.

406. Качарова Д. Д., Коирквешия Г. Т. Города и поселения Причерноморья античной эпохи: Малайя энциклопедический справочник. Тбилиси, 1991.
407. Келлен П. О древностях южного берега Крыма и гор Таврических. СПб., 1837.
408. Кныпович Т. Н. К вопросу о торговых сношениях греков с областью г. Танаиса в VII — V вв. до н. э. // Изв. Гос. Академии истории материальной культуры. Вып. 104. 1934.
409. Кныпович Т. Н. Танаис. М.; Л., 1949.
410. Клейман И. Б. К вопросу о пребывании в Тире I киликийской когорты // КСОСАМ за 1963 г. 1965.
411. Клюкин А. А., Корженевский В. В., Щепинский А. А. Казантип. Симферополь, 1987.
412. Кобія Й. Опис населення і природи Західного Причорномор'я в творах Овідія // Публіції Овідія Назон. До 2000-річчя з дня народження. Львів, 1960. С. 42—50.
413. Кобылина М. М. Фанагория // МПА. 1956. № 57.
414. Кобылина М. М. Фанагория. М., 1989.
415. Колобова К. М. К истории вопроса о греческой колонизации // ВДИ. 1949. № 2.
416. Колотухин В. А. Горный Крым в эпоху поздней бронзы — начале железного века. Киев, 1996.
417. Колтунов С. Г. Система обороны Крымской Скифии в IV—II вв. до н. э. // ВДИ. 1991. № 4. С. 91—104.
418. Кондараси В. X. Универсальное описание Крыма. Николаев, 1873.
419. Копылов В. П. Периодизация греческой колонизации Северо-Восточного Приазовья // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и в средние века: Тез. докл. Ростов-на-Дону, 1990. С. 9—10.
420. Копылов В. П., Ларенок П. А. Таганрогское поселение // Материалы и исследования Таганрогской археологической экспедиции. Вып. II. Ростов-на-Дону, 1994.
421. Корбт В. А. Материалы по истории русской картографии. Киев, 1899. Вып. 1; 1906. Сер. 2. Вып. 1; 1910. Сер. 2. Вып. 2.
422. Коровина А. К. Тирамба // Античные государства Северного Причерноморья: Археология СССР: В 20 т. С. 87.
423. Коровина А. К. Гермонасса // Античные государства Северного Причерноморья: Археология СССР: В 20 т. С. 81—82.
424. Коровина А. К. Древняя Тирамба // ВДИ. 1963. № 3.
425. Коровина А. К. Тирамба (городище и некрополь): Итог археологических работ экспедиции ГМПИ за 1959, 1961—1963 и 1965 гг. // СГМПИ. 1968. IV.

426. Корпус боспорских надписей. М., 1965.
427. Коцевалов А. С. Античная история и культура Северного Причерноморья в советском научном исследовании. Мюнхен, 1955.
428. Кошелева Г. А., Кулинец В. Д. Греческая колонизация Боспора (в связи с некоторыми общими проблемами колонизации) // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992. С. 6—28.
429. Крашенинников М. Н. Расположение древней Скифии в соответствии с современными местностями. Слуцк, 1895.
430. Кречетов П. Н. Границы и очертания Геродотовой Скифии // Тр. Московского археологического общества. 1889. Т. XIII. Вып. 17.
431. Кречетов П. Н. Письма о Геродотовой Скифии: 1) О скифском четырехугольнике; 2) О реке Гипавирисе и местоположении Керкирита; 3) О местоположении области будинов // ЗООИД. 1889. XV.
432. Кречетов П. Н. Границы и очертания Геродотовой Скифии // Древности: Тр. Моск. археол. о-ва. 1889. Т. 13. Вып. 1.
433. Кропоткин В. В. Клады римских монет на территории СССР // САИ. Д4-4. 1961.
434. Крушликова И. Т. Киммерия, сельская территория // Античные государства Северного Причерноморья: Археология СССР: В 20 т. С. 71—77.
435. Крушликова И. Т. Дакия в эпоху римской оккупации. М., 1955.
436. Крушликова И. Т. Поселение Золотое Восточное // КСИИМК. 1957. 70. С. 130—137.
437. Крушликова И. Т. Новые данные об исторической географии Крымского побережья Азовского моря // СА. 1958. № 28. С. 219—233.
438. Крушликова И. Т. Горгиппия в период Спартокидов // ВДИ. 1971. № 1.
439. Крушликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975.
440. Крушликова И. Т. Скидская гавань: Горгиппия. Анапа. М., 1977.
441. Крушликова И. Т. Поселение у деревни Ново-Отрадное // Древности Боспора. Т. 1. М., 1998.
442. Крушкова Ю. С. Античные авторы о древней Скидке // Studien zur Geschichte und Philosophie des Altertums. Amsterdam, 1968. С. 293—298.
443. Крушкова Ю. С. Древняя Скидка. М., 1971.
444. Крымжигицкий С. Д. Жилые ансамбли древней Ольвии. Киев, 1971.
445. Крымжигицкий С. Д., Бураков А. В., Буиских С. Б. и др. К истории Ольвийской сельской округи // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980.
446. Крымжигицкий С. Д., Буиских С. Б., Бураков А. В., Отрешко В. М. Сельская округи Ольвии. Киев, 1989.

447. Крыкин С. М. Фракийцы в античном Северном Причерноморье. М., 1993.
448. Крючкова М. А. Об изучении Раевского городища // VI чтения памяти профессора В. Д. Блаватского: Тез. докл. М., 1999. С. 63—64.
449. Кубланов М. М. К истории Азиатского Босфора (Новые археологические материалы с полуострова Фондон) // СА. 1959. XXIX—XXX.
450. Кузнецов В. Д. Кепы: ионийская керамика // СА. № 4. 1991. С. 36—52.
451. Кукулима И. В. Трактат «О воздухе, водах и местностях» как исторический источник по истории скифов // Вспом. ист. дисципл. 1970. Вып. 3.
452. Кукулима И. В. Этнография Скифии по античным источникам. Л., 1985.
453. Кукс В. И. Южные моря (Аральское, Каспийское, Азовское и Черное) в условиях антропогенного стресса. СПб., 1994.
454. Кулаковский Ю. А. Заметки по истории и топографии Крыма // Археол. изв. и заметки. М., 1896. № 1.
455. Кулаковский Ю. А. Новые данные для истории Старого Крыма // ЗРАО. 1899. X.
456. Кулаковский Ю. А. Карта Европейской Сарматии по Птоломею. 1—2. Киев, 1899—1913 г. Рец.: Латышев В. В. // Ф. О. 1899. Т. XVI. С. 89—98.
457. Кулаковский Ю. А. Прошлое Тавриды: Краткий исторический очерк. Киев, 1914.
458. Куликов А. В. Археологические разведки на городище Акра // Археологические исследования в Крыму. 1994.
459. Куликов А. В. К реконструкции природных условий Керченско-Таманского района в античную эпоху // Проблемы истории, филология, культуры. М.; Магнитогорск, 1995. Т. II. С. 97—107.
460. Кутайсов В. А. Античный город Керкинитида. Киев, 1990.
461. Кутайсов В. А., Успенцов В. Б. Некоторые итоги изучения Калос Лимена // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Херсон, 1991.
462. Кутайсов В. А. Керкинитида. Симферополь, 1992.
463. Ланцов С. Б. Западный Крым в составе Херсонесского государства: Автореф. ... канд. дис. Киев, 1991.
464. Ланцов С. Б. Кутлякская крепость второй половины I в. до Р. X. — начала I в. // Археология Крыма. Т. 1. 1997.
465. Лалушина В. Л., Никольца И. Т., Романовская М. А. Памятники раннего железного века // Археологическая карта Молдавской ССР. Кишинев, 1974. 4.
466. Латышев В. В. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887.

467. *Латышев В. В.* Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1889—1891 гг. // МАР. 1892. № 9.
468. *Латышев В. В.* РОНТИКА. СПб., 1909. 332.
469. *Латышева В. О.* «География» Страбона як джерело з історії Боспору // Харьковский ун-т. Вестник № 62. Харьков, 1971. С. 84—92.
470. *Лавин В. В.* Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, 1966.
471. *Лавина Т. А.* Источники географических книг Плиния Старшего — Август и Агриппа // Из истории Древнего мира и средневековья. М.: МГУ, 1987. С. 17—27.
472. *Леви Е. И.* Итоги раскопок Ольвийского теменоса и агоры в 1951—1960 гг. // Ольвия: Теменос и агора. М.; Л., 1964.
473. *Леви Е. И.* Ольвия // Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР: В 20 т. М., 1984. С. 34—40.
474. *Леонидов В. А.* «Понтийский лимес» // ВДИ. 1969. № 2. С. 75—93.
475. *Леонтьев П. М.* Обзор исследований о классических древностях северного берега Черного моря // Прошлое. I. Отд. II. М., 1851.
476. *Леонтьев П. М.* Археологические разыскания на месте древнего Таманса и в его окрестностях // Прошлое. IV. 1854.
477. *Лесков А. М., Збенович В. Г.* Археологические разведки на Керченском полуострове в 1959 г. // АМБ. 1962. II.
478. *Либеров П. Д.* Памятники скифского времени на Среднем Дону. М., 1965.
479. Лиманно-устьевые комплексы Причерноморья. Л., 1988.
480. *Лобова В. В.* Северопричерноморская топонимия: Автореф. ... канд. дис. Киев, 1979.
481. *Лосвинов А. В.* Каркент, Калос-Лимен, г. Успе и р. Пандр // ЗООИД. Т. 28. 1915.
482. *Ломоури Н. Ю.* Клавдий Птолемей и его известия о Грузии. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1959.
483. *Ломоури Н. Ю.* Восточное Причерноморье и Рим в I в. н. э. // Историко-филологические изыскания. Тбилиси, 1980. I.
484. Лоция Азовского моря. Л., 1937.
485. *Лумин Б. В.* Археологические раскопки и разведки на Северном Кавказе в 1927 г. // КСК. 1928. № 1.
486. *Лурье С. Я.* Геродот. М.; Л., 1947.
487. *Максимова М. И.* Краткий путь через Черное море и время его освоения греческими мореходами // Материалы и исследования по археологии СССР. № 33. 1954. С. 45—57.

488. *Максимова М. И.* Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М.; Л., 1956.
489. *Малинин А. Н.* Заметки по географии Древней Таврики: К Страбону VII. 4, 2 // ЖМНП. 19 В. Новая серия. Ч. 48, № 11, ноябрь, отд. классич. филологии. С. 474—497.
490. *Марков К. К.* Древние береговые линии Черного моря // Известия на географические институт. Т. XIV. 1970. С. 89—92.
491. *Марти Ю. Ю.* Новый материал из Керчи и ее окрестностей // ЗООИД. Т. 31. 1912.
492. *Марти Ю. Ю.* Раскопки в Керченском районе близ деревни Марфовки в 1926 г. // Архив ИИМК, дело ГАНМК. IV — 170. 1927.
493. *Марти Ю. Ю.* Городища Боспорского царства к югу от Керчи — Киммерик, Катей, Акра, Симферополь // ИТОИАЭ. II (59). 1928. С. 103—126.
494. *Марченко И. Д.* Терракоты из святилища на Майской горе // Терракотовые статуэтки. Ч. IV (САИ, Г 1—11). М., 1974.
495. *Марченко И. Д.* Город Паптыкашей. Симферополь, 1974.
496. *Марченко И. Д.* О культуре Афродиты на Тамани // История и культура античного мира. М., 1977. С. 121—126.
497. *Марченко К. К.* Греческое поселение на острове Березань // Античные государства Северного Причерноморья: Археология СССР: В 20 т. С. 33—34.
498. *Марченко К. К.* Поселения античного времени на территории Нижнего Побужья // Античные государства... С. 40—44.
499. *Марченко К. К.* Варвары в составе населения Березани и Ольвии во второй половине VII — первой половине I в. до н. э. // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1974.
500. *Марченко К. К.* Дополнение к палеогеографии района Елизаветинского городища на Дону // Известия Северо-кавказского научного центра высшей школы (общественные науки). 1977. № 6.
501. *Марченко К. К.* Еще раз к вопросу о каллипидах // СА. 1983. № 1.
502. *Масленников А. А.* Китей // Античные государства... С. 71.
503. *Масленников А. А.* К Боспорской топономике // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья: Материалы I Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо, 1977. Тбилиси, 1979.
504. *Масленников А. А.* О локализации некоторых городов Европейского Боспора первых вв. н. э. // Вопросы источниковедения и историографии досоветского периода. М., 1979.

505. *Масленников А. А., Чевелев О. Д.* Новые памятники античного времени на северном побережье Керченского полуострова // КСИА. 1981. № 168. С. 77—85.
506. *Масленников А. А.* Еще раз о боспорских валах // СА. 1983. № 3.
507. *Масленников А. А.* Харакс // Античные государства Северного Причерноморья: Археология СССР: В 20 т. М., 1984. С. 56—57.
508. *Масленников А. А., Чевелев О. Д.* Разведочные раскопки на городище Генеральское // КСИА. 1985. № 182.
509. *Масленников А. А.* Некрополи городов Азиатского Боспора в первые века н. э. // СА. 1985. № 1. С. 61—74.
510. *Масленников А. А.* О типологии сельских поселений Боспора // СА. 1989. № 2. С. 69.
511. *Масленников А. А.* Население Боспорского государства в первых веках н. э. М., 1990.
512. *Масленников А. А.* Зенонов Херсонес — городок на Меотиде // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992. С. 120—173.
513. *Масленников А. А.* Сельская территория Европейского Боспора в античную эпоху: Автореф. ... докт. дис. М., 1993.
514. *Масленников А. А.* Эллиническая хора на краю Ойкумены: Сельская территория Европейского Боспора в античную эпоху. М., 1998.
515. *Масленников А. А.* Древние географические ориентиры Восточного Крыма и современные археологические реалии // ВДИ. 1998. № 4. С. 117—129.
516. *Масленников А. А.* Новое в исследовании Боспорских валов // VI чтения памяти профессора В. Д. Блаватского: Тез. докл. М., 1999. С. 74—75.
517. *Масленников А. А.* Греки и варвары на «границах» Боспора (Выгляд на проблему к концу тысячелетия) // ДГ. 1996—1997 гг. М., 1999. С. 170—192.
518. *Медведев А. П.* Ольвийские торговые пути и степень достоверности этногеографических данных Геродота // Археология. Кафа, 1997. 4. С. 24—29.
519. *Меликсет-Бек Л. М.* По следам Перипла Арриана (К географии Кавказа) // Труды Абхаз. ин-та языка, литературы и истории. 30. 1959. С. 105—114.
520. *Мельников-Разведенков С. Ф.* Города северной части восточного побережья Черного моря // Сб. материалов для описания местностей племен Кавказа. XXVII. Тифлис, 1900.
521. *Мельник А. И., Шатунова Н. В.* Отечественная гидроархеология: История и прогресс // Методы естественных наук и археология. М., 1987.

522. Мелюкова А. И. Культура фракийских племен Днестровско-Прутского междуречья в VI—III вв. до н. э. // Степи... С. 83—87.
523. Мелюкова А. И. Скифия и фракийский мир. М., 1979.
524. Мелюкова А. И. Скифские памятники степи Северного Причерноморья // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время: Археология СССР: В 20 т. М., 1989. С. 51—66.
525. Мелюкова А. И. К вопросу о границе между гетами и скифами // Древние фракийцы в Северном Причерноморье. М., 1969.
526. Мелюкова А. И. Народы Северного Причерноморья накануне и в период греческой колонизации // Местные этно-политические объединения Причерноморья в VII—IV вв. до н. э. Тбилиси, 1988. С. 8—27.
527. Миллер А. А. Археологические работы Северо-Кавказской экспедиции: Гос. акад. истории мат. культуры в 1926 и 1927 гг. // СГАИМК. Л., 1929. II. С. 81.
528. Мищенко Ф. Г. О торговых путях классических народов и о днестровском пути древних греков к Балтийскому морю // Чтения в истор. о-ве Нестора-летописца. 1879. Кн. II.
529. Мищенко Ф. Г. К вопросу об этнографии и географии Геродотовой Скифии. Киев, 1882.
530. Мищенко Ф. Г. Известия Геродота о внескифских землях России // ЖМНП. Декабрь. 1896.
531. Мозолевский Б. Н. К вопросу о скифском Герросе // СА. 1986. № 2.
532. Молева Н. В., Молев Е. А. Разведки на мысе Таюль // АО 1976. М., 1977. С. 342.
533. Молев Е. А. Боспорский город Китей // Археология. Киев, 1986. № 54. С. 32—42.
534. Молев Е. А. Аспургназе у Страбона // Древности: Харьковский историко-археологический ежегодник. 1995. С. 60—63.
535. Молчанов А. А. Древние гидронимы Восточной Европы (по поводу книги Г. Шрамма «Реки Северного Причерноморья») // ДГ. 1996—1997 гг. М., 1999. С. 368—372.
536. Мосейчук Б. С. Аджосов вал // КСИА. 1983. № 174. С. 74—77.
537. Мошкова М. Г. Среднесарматская культура // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время: Археология СССР: В 20 т. С. 177—191.
538. Мошкова М. Г. Подднесарматская культура // Степи... С. 191—202.
539. Муравьев С. Н. Птолемеева карта Кавказской Албании и уровень Каспия (Постановка вопроса, системный анализ карты, предварительная локализация рек и поселений, стратегия дальнейших поисков) // ВДН. 1983. № 1. С. 117—138.

540. *Муравьев С. И.* Страбон. XI, 3, 2. Ханос, Ройтакос, Сандобанос — реки античной Колхиды // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1985.
541. *Муравьев С. И.* Пять античных свидетельств в пользу «Птолемеевой трансгрессии Каспия» // ДГ. 1986 г. М., 1988. С. 235—247.
542. *Муравьев-Алостал И. М.* Путешествие по Тавриде в 1820 г. СПб., 1823.
543. *Мурзалин Э. Г.* Древние поселения на северо-западном берегу Черного моря от Дуная до Буга // Записки Санкт-Петербургского археологическо-палеонтологического общества. Т. 2. 1850.
544. *Мурзакевич Н. Н.* Поездка на о. Левки или Фидониси в 1841 г. // ЗООИД. 1844. I.
545. *Мурзакевич Н. Н.* Эллинические памятники, найденные в Новороссийском крае, в Ольвии и на острове Левке или Фидониси // ЗООИД. 1848. II.
546. *Надеждин Н. И.* Геродотовы Скифия, объясненная через сличение с местностью // ЗООИД. Т. 1. 1844.
547. *Написки Ольвии. (1917—1965)* / Под ред. Т. Н. Кивелев и Е. И. Леви. Л., 1968.
548. *Наливкина М. А.* Северо-западное побережье Крыма в эпоху античной колонизации // ПИДО. 1934. 9—10.
549. *Наливкина М. А.* Керкинитыда и Калос-Линмен // АГ. 1963. 404.
550. *Нартюв А.* Иродота Аликарнаасского повествование в девяти книгах. 1—3. СПб., 1763—1764.
551. *Нейхардт А. А.* Скифский рассказ Геродота в Отечественной историографии. Л., 1982.
552. *Николаева Э. Я.* Краснолаковая керамика со штампом из Ильичевского городища // КСИА. 1976. № 156.
553. *Николаева Э. Я.* Поселение у д. Ильич // КС. 1981. 168. С. 88—92.
554. *Николаенко Г. М.* Хора Херсонеса в римский период // Херсонесский сборник. Севастополь, 1998. Вып. IX. С. 83—88.
555. *Наквашин и античный мир Северного Причерноморья.* Одесса, 1997.
556. *Николаев И. Т.* Геты IV—III вв. до н. э. в днестровско-карпатских землях. Кишинев, 1977.
557. *Николаев И. Т.* Северные фракийцы в VI—I вв. до н. э. Кишинев, 1987.
558. *Новачкий П.* Южный Буг в наше время или Гитанис по Геродоту за пять столетий до Р. X. // Вестник археологии и истории. СПб., 1914. XXXI.
559. *Нудельман Д.* Древние авторы о Березани // Одесский гос. университет: Исторический факультет: Труды... Т. 1. Одесса, 1939. С. 37—44.
560. *Ольинский А.* Четвертая книга Иродотовой Истории, названная Мельпоменою. СПб., 1819.

561. Оляныя и ее округа. Киев, 1986.
562. *Ольховский С. Б.* Население Крыма по данным античных авторов // СА. 1981. № 3. С. 52—65.
563. *Ольховский Р. С.* О населении Крыма в скифское время // СА. 1982. № 1.
564. *Ольховский Р. С., Храпунов И. Н.* Крымская Скифия. Симферополь, 1990.
565. *Онайко Н. А.* Юго-восточная окраина Боспора // Античные государства Северного Причерноморья: Археология СССР: В 20 т. С. 91—93.
566. *Онайко Н. А.* Разведки античных памятников в районе Новороссийска и Геленджика // СА. 1970. № 1.
567. *Онайко Н. А.* К истории Северо-Восточного Причерноморья в античную эпоху // Жива антика. Скопье, 1975. 1—2.
568. *Онайко Н. А.* К истории Бат // ВДИ. 1976. № 1. С. 107—117.
569. *Онайко Н. А.* Арханчешский Торик: Античный город на северо-востоке Понта М., 1980.
570. *Онайко Н. А., Дмитриев А. В.* Сторожевые посты в окрестностях Бат и некоторые вопросы социально-экономической и политической истории юго-восточной окраины Боспора на рубеже нашей эры // ВДИ. 1982. № 2. С. 106—122.
571. *Орешников А. В.* Этюды по нумизматике Черноморского побережья // ИРАИМК. II. 1922.
572. *Орлов К. К.* Архитектурные комплексы Харакса // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев, 1988. С. 16—26.
573. *Отрешко В. М.* Калликиды, алазоны и поселения Нижнего Побужья // СА. 1981. № 1.
574. *Отрешко В. М.* О локализации гавани исмаков и гавани истриев // Украина — Греція: історія і сучасність: Тез. докл. конф. Київ, 1993. С. 102—103.
575. *Охотников С. Б.* Археологическая карта Нижнего Поднестровья в античную эпоху // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Киев, 1983. С. 101—119.
576. *Охотников С. Б.* Сельские поселения Нижнего Поднестровья в VI—V вв. до н. э. // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1987.
577. *Паллас П. С.* Поездка во внутренность Крыма вдоль Керченского полуострова на остров Тамань // ЗООИД. XIII. 1883. С. 35—108.
578. Памятники архитектуры и археология. Кн. 2. Симферополь, 1995.
579. *Панов Д. Г.* Развитие берегов восточной части Азовского моря в голоцене // Теоретические вопросы динамики морских берегов. М., 1964.
580. *Пападимитриу С. Д.* Древние сведения об острове Березани // ЗООИД. XXVIII. 1910.

581. *Паладимитру С. Д.* Местоположение древней Одессы // ЗОИИД. XXVIII. 1912.
582. *Паладимитру С. Д.* Еще раз о местоположении древней Одессы // ЗОИИД. 1915. 32.
583. *Паронов Я. М.* Главные дороги Таманского полуострова в античное время // Древности Боспора. Т. 1. С. 216—225.
584. *Паронов Я. М.* Принципы изучения эволюции системы населения на Таманском п-ве в античное и средневековое время // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990. С. 56—69.
585. *Паронов Я. М.* Очерк истории археолого-топографического исследования Таманского полуострова // Боспорский сборник. 1. М., 1992. С. 109—146.
586. *Паронов Я. М.* Археологическая карта Таманского полуострова М., 1992 (Депонирована в ИНИОН РАН №47103 от 1. 10. 1992).
587. *Паронов Я. М.* Основные этапы освоения Таманского полуострова в античную эпоху: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1994.
588. *Паронов Я. М.* К вопросу об уровне моря у берегов Таманского полуострова в античное время // VI чтения памяти профессора В. Д. Блаватского: Тез. докл. М., 1999. С. 89—90.
589. *Петерс Б. Г., Голецов А. С.* Археологические раскопки Феодосии 1975—1977 гг. // Краткие сообщения. М., 1981. 168.
590. *Петерс Б. Г.* Феодосия // Античные государства Северного Причерноморья: Археология СССР: В 20 т. М., 1984. С. 63.
591. *Петреску М. Г.* Дельта Дуная. М., 1963.
592. *Петров В. П.* Из этнонимии и топонимии Северного Причерноморья // МАСТ. Одесса, 1962. 4.
593. *Петрова Э. Б.* Феодосия в составе Боспорского царства (политический аспект) // МАИЭТ. П. Симферополь, 1991. С. 97—98.
594. *Печенкин Н. М.* Археологические разведки в местности страбоновского старого Херсонеса // ИАК. 1911. 42.
595. *Плюго И. С.* К вопросу об этнической атрибуции названия «тавры» в римское время // Херсонесский сборник. Севастополь, 1998. Вып. IX. С. 138—139.
596. *Писаревский Н. П.* О целях и маршрутах античных судоходных трасс в период освоения греками акватории Понта Евксинского // Античная цивилизация и варварский мир: Мат-лы III археолог. семинара... Ч. 2. Новочеркасск, 1992. С. 118—127.
597. *Пичикян И. Р.* Малая Азия — Северное Причерноморье: Античные традиции и влияния. М., 1984.

598. Погребова Н. Н. Позднескифские городища на нижнем Днепре // МИА. 64. 1958.
599. Подгордецкий П. Д. Северо-Западный Крым. Симферополь, 1974.
600. Подосинов А. В. Картографический принцип в структуре географических описаний древности (постановка проблемы) // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М., 1978. С. 22—45.
601. Подосинов А. В. Овидий и Дион Хрисостом о варваризации греческих городов Северо-Западного Понта в I в. н. э. // Вопросы источниковедения и историографии досоветского периода. М., 1979. С. 19—32.
602. Подосинов А. В. Произведения Овидия как источник по истории Северного и Северо-Западного Причерноморья // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1979.
603. Подосинов А. В. Из истории античных географических представлений // ВДН. 1979. 1. С. 147—166.
604. Подосинов А. В. К проблеме пространственно-географической ориентации в античной географической литературе (на материале некоторых предлогов и наречий) // Проблемы античной истории и культуры: Доклады XIV Международной конференции антиковедов социалистических стран: «Эврик». Т. 1. Ереван, 1979. С. 503—509.
605. Подосинов А. В. Произведения Овидия как источник по истории Восточной Европы и Закавказья. М.: Наука, 1985.
606. Подосинов А. В. Скифия и Боспор в римской картографической традиции (исследования М. И. Ростовцева в свете современного источниковедения) // Скифия и Боспор: Археологические материалы к конференции памяти акад. М. И. Ростовцева. Новочеркасск, 1989. С. 67—68.
607. Подосинов А. В. О топонимике Северного Причерноморья на карте из Дур-Европос // Speculum Antiquitatis Graeco-Romanae, Studia Joanni Burián Sexagenario Oblata. Praha, 1991. P. 309—322.
608. Подосинов А. В. Дакия и Сарматия на карте мира Марка Випсания Агриппы // Acta Associationis Internationalis Terra Antiqua Balcanica. VI. Serdicae, 1991. С. 156—161.
609. Подосинов А. В. «Космография» Равенского Анонимы // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II (VII—IX вв.). М., 1995. С. 401—405.
610. Подосинов А. В. Пространственные представления в архаических культурах Евразии (ориентация по странам света): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1997.
611. Подосинов А. В. Черное море в картографической традиции античности и раннего средневековья // ДГ. 1996—1997 гг. М., 1999. С. 237—252.

612. *Попова Е. А.* О работах на городище Чайка // Археологические исследования в Крыму. Симферополь, 1997.
613. *Поповичевый М. Д.* Географический очерк Боспорского царства // Кубанский сборник. Т. II. Екатеринодар, 1891.
614. Поселения и могильники Керченского полуострова начала в. з. // МНА. № 155. М., 1970
615. *Постников А. В.* Развитие картографии и вопросы использования старых карт. М., 1985.
616. *Потопкий И.* Записки о новом перилле Понта Евксинского, равно как и о древнейшей истории народов Тавриды, Кавказа и Скифии // Археолого-этнографический сборник. М., 1850.
617. *Правоторов Н. А.* Геоморфология лагунного побережья северо-западной части Черного моря: Автореф. дис. ... канд. географ. наук. М., 1966.
618. *Пругло В. И.* Тира; Никоний; Поселения; Остров Левка // Автичные государства Северного Причерноморья: Археология СССР; В 20 т. М., 1984. С. 26—31.
619. *Пузыровский А. Е.* Население Крымской Скифии во II в. до — III в. н. э.: Автореф. ... канд. дис. Киев, 1993.
620. Путеводитель по Крыму Н. Головкинского. Симферополь, 1894.
621. *Пьянков И. В.* Рец. на кн.: *Voigt D. P. Aristaeus of Proconnesus.* Oxford, 1962 // ВДИ. 1967. 4.
622. *Раевский Д. С.* О местоположении древнего Евпатория // ВДИ. 1968. № 3. С. 127—132.
623. *Раевский Д. С.* Неаполь или Палакий? // ВДИ. 1976. № 1. С. 102—107.
624. *Раевский Д. С.* Модель мира скифской культуры. М.: Наука, 1985.
625. *Репников Н. И.* О характере римской оккупации южного берега Крыма // СА. 1941. VII.
626. *Рикман Э. А.* Раскопки селищ первых веков нашей эры в Поднестровье // КСФВМК. М. Вып. 68.
627. *Рикман Э. А.* Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М., 1975.
628. *Розанова Н. П.* К вопросу о местоположении Апатуря // ВДИ. 1951. № 2.
629. *Романовская М. А., Шелов-Коведнев Ф. В., Щеголов А. Н.* Городище Рудь — Митоний Птолемея? // ВДИ. 1981. № 4. С. 126—137.
630. *Романовская М. А.* Фортификация городища Рудь // VI чтения памяти профессора В. Д. Блаватского: Тез. докл. М., 1999. С. 95—96.
631. *Романченко Н. Ф.* К вопросу о древних поселениях вблизи Евпатория // Археологические известия и заметки. 1894. II.

632. Романченко Н. Ф. Материалы по археологии Евпаторийского уезда // ЗРАО. Нов. сер. 1896. VIII. 1—2.
633. Ростовцев М. И. Римские гарнизоны на Таврическом полуострове и Ая-Тодорская крепость // ЖМНП. Т. 328, март, 1900.
634. Ростовцев М. И. Страбон как источник для истории Боспора // Сб. в честь В. П. Бузескула. Харьков, 1914. С. 366—380.
635. Ростовцев М. И. Эллинизм и иранство на юге России. Пг., 1918.
636. Ростовцев М. И. Новая книга о Белом острове в Таврике // ИАК. 1918. Вып. 65.
637. Ростовцев М. И. Скифия и Боспор // РАНМК. М., 1925.
638. Рубан В. В. О датировке Ягорлыцкого поселения // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980.
639. Русявич А. С. Вопросы развития культа Ахилла в Северном Причерноморье // Скифский мир. Киев, 1975.
640. Русяева А. С., Серпинская М. В. Ольвийский полис и календы // ВДИ. 1979. № 4.
641. Русяева А. С. К вопросу об основании колониями Ольвии // ВДИ. 1998. № 1. С. 160—169.
642. Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия. М., 1979.
643. Савостина Е. А. Античное поселение Юбилейное I на Тамани (предварительные изучения) // СА. 1987. № 1. С. 58—71.
644. Салов А. И. Материалы для археологической карты Анапского района // КСИА. 1979. № 159.
645. Самойлова Т. А. Поход Зопприона в Северо-Западное Причерноморье // Древности Причерноморских степей. Киев, 1993. С. 46—51.
646. Самозин А. Ф. Река Дон и ее притоки. Р/в Д., 1958.
647. Сапрыкин С. Ю. Аспургиане // СА. 1985. № 2. С. 65—78.
648. Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986.
649. Сивадская И. С. К вопросу об Ольвии и Борисфене // ЗОАО. 1967. II (35).
650. Селерская Н. М. Античный Никокий и его округа в VI—IV вв. до н. э. Киев, 1989.
651. Селерская Н. М. Итоги исследований Никокии за 40 лет (1957—1997 гг.) // Никокий и античный мир Северного Причерноморья: Сб. Одесса, 1997. С. 5—8.
652. Семенов С. А., Кунин В. Э. Разведки на Керченском полуострове // АНБ. Симферополь, 1962. Т. II. С. 257—263.
653. Середонин С. М. Историческая география. Пг., 1916.

654. *Сидов В. И.* Восточное побережье Черного моря // МАК, 1889. II. С. 105—109.
655. *Сивачин М. С.* Спроба локалізації населених пунктів, згаданих древніми авторами між гирлами П. Бугу і Дністра // Матеріали з археології Північного Причорномор'я. 1960. Вып. 3.
656. *Скородумская М. В.* Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев, 1977.
657. *Скородумская М. В.* Опис Північного Причорномор'я в «Периплі ойкумени» псевдо-Скілака і «Перігесе» псевдо-Скіма // Археологія. 1980. № 35.
658. *Скородумская М. В.* Тема Северного Причерноморья в творчестве Софокла // ВДН. 1981. № 2. С. 142—148.
659. *Скородумская М. В.* О происхождении названия города Ольвия // ВДН. 1981. № 3. С. 142—146.
660. *Скородумская М. В.* «Перипл Понта Евксинского» Анонимного автора // Исследования античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1989. С. 115—124.
661. *Скородумская М. В.* О степени достоверности числовых данных в скифском рассказе Геродота // ВДН. 1989. № 4. С. 79—91.
662. *Скородумская М. В.* Источниковедческие исследования М. И. Ростовцева в книге «Скифия и Боспор» и их развитие в советской историографии // Скифия и Боспор: Археологические материалы к конференции памяти акад. М. И. Ростовцева. Новочеркасск, 1989. С. 22—23.
663. *Скородумская М. В.* Древнегреческий фольклор и литература о Северном Причерноморье. Киев, 1991.
664. *Скородумська М. В.* Скіфія та елінійський світ Північного Причорномор'я в «історії» Геродота // Археологія. Київ, 1991. I. С. 33—45.
665. *Скородумська М. В.* Ольвія в давньогрецьких і латинських писемних джерелах // Археологія. Київ, 1994. 2. С. 130—140.
666. *Скородумская М. В.* Скифия глазами эллинов. СПб., 1998.
667. *Славин Л. М.* Здесь был город Ольвия. Киев, 1967.
668. *Славянe и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. — первой половине I тысячелетия н. э.* // Археология СССР: В 20 т. М., 1993.
669. *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М., 1964.
670. *Смирнов А. П.* Скифы. М., 1966.
671. *Смагин В. Р.* К вопросу о названии Черного моря в древности // ИГУАК. 1916. № 53.
672. *Смагин В. Р.* К вопросу об источниках Страбона по Боспорскому царству // ТЮИАЭ. 1929. Т. 3.

673. *Соболевский Ф. И.* Топонимические заметки // ИТОИА. Т. 3. Симферополь, 1929.
674. *Соколов В. В.* Карта древних поселений и могильников в районе станции Таманской // ИТУАК. 1919. 56. С. 39—59.
675. *Соколовский Н. И.* Валы в системе обороны Европейского Боспора // СА. 1957. XXVII. С. 97—106.
676. *Соколовский Н. И.* Крепость на городище у хутора Батарейка // СА. 1963. № 1. С. 179—191.
677. *Соколовский Н. И.* К истории северо-западной части Таманского полуострова в античную эпоху // Acta Antiqua Philopolitana. Studia archaeologica. Sofia, 1963. S. 11—25.
678. *Соколовский Н. И.* Кепы // Античный город. М., 1963. С. 97—114.
679. *Соколовский Н. И.* Ильичевское городище // СА. 1966. № 4. С. 125—140.
680. *Соколовский Н. И.* Крепость аспургияна на Боспоре // КСИА. 1975. 143. С. 21—30.
681. *Соколовский Н. И.* Таманский Толос и резиденция хрисалиска. М., 1976.
682. *Соломоныч Э. И.* Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1964.
683. *Соломоныч Э. И.* Древние надписи Крыма. Киев, 1988.
684. *Сон Н. А.* Тира римского времени. Киев, 1993.
685. *Сорокина Н. П.* Тузлинский некрополь. М., 1957.
686. *Спасский Г. И.* О местоположении древнего города Каркинитта и об его монетах // ЗООИД. Т. 2. 1848.
687. *Стемковский И. А.* Исследование о местоположении древних греческих поселений на берегах Понта Евксинского между Тирасом и Борисфеном, учиненные по случаю найденных в Одессе остатков древностей. СПб., 1826.
688. *Стемковский И. А.* Два письма Стемковского к Бларамбергу о местоположении города Таганса // Прошляе. Т. 4. 1854.
689. *Строжецкий С. Ф.* Очерки истории Гераклеийского полуострова и его округа в эпоху бронзы и раннего железа. М., 1954.
690. *Строжецкий С. Ф.* Основные этапы экономического развития и периферизации Херсонеса Таврического в античную эпоху // ПИСПАЭ. 1959.
691. *Свижжак О. С.* Етноімія Птоломеевої Сарматії. У пошуках Русі. Київ, 1991.
692. *Струве В. В.* Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа, Средней Азии. Л., 1968.

693. Стручалина Р. А. Некоторые итоги раскопок городища Патрей // Античный мир и археология. Саратов, 1972. I.
694. Сударев Н. И. К вопросу о Тирамбе Страбона и Птолемея // Древности Боспора. Т. 1. М., 1998. С. 237—252.
695. Сумароков П. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии. М., 1800.
696. Сумароков П. Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. СПб., 1803. I.
697. Суручан И. К. Опыт доказательства местонахождения скифского укрепления Алектора и Золотого берега Константина Багрянородного // Тр. VI Археол. съезда. Одесса, 1888. Т. 2.
698. Симонович Э. А. О древней Одессе // ВДИ. 1954. № 4.
699. Симонович Э. А. Отчет о пробных раскопках в с. Причерноморское Белгород-Днестровский района Одесской области в 1972 г. (Николаевский отряд ИА АН СССР), Научный архив ИА АН УССР 1972/53, № 6142 а1.
700. Симонович Э. А. Работы Николаевского отряда в Херсонской и Одесской областях // АО 1972. М., 1973. С. 355.
701. Тахтаджян С. А. Идеализация скифов: Эфор и предшествующая ему традиция // Проблемы античного источниковедения. М.; Л., 1986. С. 53—68.
702. *Tetby de Marinny*. Цемвская бухта // ЗООИД. 1853.
703. Тиханова М. А. О локальных вариантах черняховской культуры // СА. 1957. № 4.
704. Толмазин Д. М., Шнайман В. А., Арциховская Ш. М. Проблемы динамики вод северо-западной части Черного моря. Киев, 1969.
705. Толстиков В. П. Фортификация античного Боспора. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1981.
706. Толстиков В. П. Фанталовский укрепленный район в истории Боспорского царства // Археология. Киев, 1989. № 1. С. 52—65.
707. Толстой И., Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства. СПб., 1889. Вып. 2.
708. Толстой И. И. Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте. Пг., 1918.
709. Тансен Д. История древней географии. М., 1953.
710. Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-на-Дону, 1988.
711. Тохмасьев С. Р. Киммерийская топонимия. I // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья: Лингвистика, история, археология. М., 1984. С. 145—166.
712. Тохмасьев С. Р. Апатур: История боспорского святилища Афродиты Урании // ВДИ. 1986. № 2. С. 138—144.

713. Тохмасьев С. Р. Посвятительное граффити из Порфмня // Древнее Причерноморье: КСДАО. Одесса, 1993.
714. Требуева Г. В. К проблеме существования Таврического лимеса // VI чтения памяти профессора В. Д. Блаватского: Тез. докл. М., 1999. С. 116—117.
715. Трофимова М. К. О некоторых историко-этнографических проблемах XXXVI (Борисфенитской) речи Диона Христома // ВДИ. 1959. З. С. 151—162.
716. Трубачев О. Н. О синах и их языке // Вопросы языкознания. 1976. № 4.
717. Трубачев О. Н. Лингвистическая периферия древнейшего славянства: Индоарийцы в Северном Причерноморье // Вопросы языкознания. 1977. № 6.
718. Тудор Д. Киликийская когорта в Малой Скифии и Тавриде // Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и Румынской Народной Республики. Кишинев, 1960.
719. Туманин. Крымское ханство / Пер. Н. А. Эрнста и С. А. Белявской. Симферополь, 1936.
720. Тимеев А. И. Херсонесские этюды, VI: Херсонес и Керкиниты // ВДИ. 1955. № 3.
721. Уваров А. Исследование о древностях Южной России и берегов Черного моря. Вып. I СПб., 1851; Вып. II. СПб., 1856.
722. Усачева О. Н., Сорокина Н. Г. Келы // Античные государства Северного Причерноморья: Археология СССР: В 20 т. М., 1984. С. 84—86.
723. Устинова В. О. Аспург та Аспугіани // Вісн. Харківськ. ун-та. 1969. X. С. 61—63.
724. Фабрициус И. В. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Киев, 1951.
725. Фармаковский Б. В. Ольяня. М., 1915.
726. Федоров Г. Б. Поселения Пруто-Днястронского Междуречья в I тысячелетии н. э. // МИА. № 89.
727. Федоров П. В. Последледниковая трансгрессия Черного моря и проблема изменений уровня океана за последние 15 тыс. лет // Колебания морей и океанов за последние 15000 лет. М., 1982.
728. Федосеев Н. Ф. Переправа через Босфор Киммерийский // ВДИ. 1997. № 4. С. 100—110.
729. Федотов В. В. Историческая география Северо-Восточной Евразии в эпоху античных цивилизаций. М., 1996.
730. Физико-географический обзор Черного и Азовского морей (Отдельный оттиск «Южная Черного моря» изд. 1915 г.). Пг., 1915.
731. Фирсов Л. В. Об эратосфеновом исчислении окружности земли и длина эллиптической стадии // ВДИ. № 3. 1972. С. 154—174.

732. *Фурманская А. И.* Античный город Тира // Античный город. М., 1963. С. 40—50.
733. *Ханенко Б. И.* Древности Приднестровья. Киев, 1899. Вып. 2.
734. *Храпунов И. Н.* Раскопки Булганакского городища // КСИА. 1987. № 191. С. 40—45.
735. *Храпунов И. Н.* Поздние скифы на Днепре и в Крыму. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987.
736. *Цветасова Г. А.* Боспор и Рим. М., 1979.
737. *Цветасова Г. А.* Вопросы греческой колонизации Северного Причерноморья в трудах русских дореволюционных и советских ученых // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979. С. 178—185.
738. *Цецкеладзе Г. Р.* О полнском статусе городов античного Боспора // ДГ. 1996—1997 гг. М., 1999.
739. *Чаплыгина Н. А.* Население Днестровско-Карпатских земель и Рим в I — начале III в. н. э. Кишинев, 1990.
740. *Чевелев О. Д.* Новые погребения Кызульского некрополя // КСИА. 1985. № 182.
741. Черное море: Сб. Л., 1983.
742. *Шевелев Р.* О некоторых городках и курганах в Днестровском уезде // ЗООИД. Т. 1. С. 332 сл.
743. *Шелов Д. Б.* Античный мир в Северном Причерноморье. М., 1956.
744. *Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон в III—I вв. до н. э. М., 1970.
745. *Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972.
746. *Шелов Д. В.* Римляне в Северном Причерноморье // ВДИ. 1981. № 4.
747. *Шелов-Коведлев Ф. В.* Березанский гном острову в Ахиллу // ВДИ. 1990. № 3. С. 49—62.
748. *Шеню Л. Г.* О территориально-административной структуре Боспорского государства в первые века нашей эры // Из истории Древнего мира и средневековья М., 1988. С. 45—58.
749. *Шестаков С. А.* О локализации Боспорского города Гермисия // Проблемы археологии и истории Боспора: Тез. докл. конф. Керчь. 1991. С. 37—38.
750. *Шылык К. К.* Изменение уровня Черного моря в позднем голоцене (по материалам геоморфологических и археологических исследований в северо-западной части бассейна) // Автореф. дис. ... канд. географ. наук. Л., 1975.
751. *Шылык К. К.* Локализация античной Акры как пример комплексного анализа в историко-географических исследованиях // Тез. докл. совещ.

- «Комплексные методы в изучении истории с древнейших времен до наших дней». М., 1984.
752. *Шалик К. К.* Обнаружение двух античных городов на дне Керченского пролива // Тракия Понтика IV. София, 1991. С. 427—434.
753. *Шашова И. А.* О достоверности географических сведений в скифском рассказе Геродота // Летописи и хроники. М., 1981.
754. *Шmidt P. B.* К исследованию боспорских оборонительных валов // СА. 1941. VII. С. 268—279.
755. *Шюков Е. Ф., Алемкин В. М., Путь А. Л., Науменко П. И., Иноземцев Ю. И., Скиба С. И.* Керченский пролив. Киев, 1981.
756. *Шрамм Г.* Реки Северного Причерноморья: Историко-филологическое исследование их названий в ранних веках. М., 1997.
757. *Штерн Э. Р.* О последних раскопках в Аккермане // ЗООИД. Т. XXIII, 1901. С. 33—61.
758. *Штерн Э. Р.* О местонахождении древнего Херсонеса. Одесса, 1908.
759. *Шульц П. Н.* О судакском кладе боспорских монет, найденном в 1959 г., и о местоположении Афинеона // Тез. докл., прочитанного в Одессе 11. X. 1961 г. // СА. 1961. № 4.
760. *Шурская И. Г.* Центральный район Илурата // КСИА. 1976. № 143.
761. *Шурская И. Г.* Пантикапей // Античные государства Северного Причерноморья: Археология СССР: В 20 т. М., 1984. С. 59—63.
762. *Шурская И. Г.* Нимфей, Мирмекий, Тиритака, Порфмий, Илурат // Античные государства... С. 63—71.
763. *Щеглов А. Н.* Старый Херсонес Страбона // 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР. Одесса, 1975.
764. *Щеглов А. Н.* Заметки по древней географии и топографии Сарматии и Тавриды // ВДИ. 1965. № 2. С. 107—113.
765. *Щеглов А. Н.* Северо-западный Крым в античную эпоху, Л., 1978.
766. *Щеглов А. Н.* Тавры в VII — первой половине IV вв. до н. э. и греко-таврские взаимоотношения // Местные этно-политические объединения Причерноморья в VII—IV вв. до н. э. Тбилиси, 1988. С. 53—81.
767. *Щеглов А. Н.* Основные структурные элементы межевой системы на Маячном полуострове (Юго-Западный Крым) // История и археология Юго-западного Крыма. Симферополь, 1993.
768. *Щеглов А. Н.* «Старый» Херсонес Страбона. Укрепления на перешейке Маячного полуострова: топография и фортификация // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994.
769. *Щеглов А. Н.* О времени возникновения «старого» Херсонеса Страбона // Античное общество: Проблемы истории и культуры. СПб., 1995. С. 46—49.

770. *Щеглов А. Н.* Хора Херсонеса // Античные государства Северного Причерноморья: Археология СССР: В 20 т. С. 53—56.
771. *Щепанский А. А., Черепанова Е. Н.* Северное Прикавказье. Симферополь, 1969.
772. *Эйхвальд Г.* Страбоновы известия о Кавказе и Южной России // БЧ. 1838. XXX, 3.
773. Эпиграфические памятники древней Малой Азии и античного Северного и Западного Причерноморья как исторический и лингвистический источник // Сб. ст. / Отв. ред. Т. В. Блаватская. М., 1985.
774. *Юревич В. В.* Псефизм древнего города Херсонеса о назначении почестей и наград Диофанту // ЗООИД. XII. 1881.
775. *Юревич В. В.* Об археологических размышлениях и открытиях в южной России, предшествовавших учреждению Одесского общества истории и древностей // ЗООИД. 1886. Т. XIV.
776. *Юревич В. В.* Замечания о некоторых местностях Новороссийского края, заслуживающих археологического исследования // Тр. VI. АС. Одесса, 1888. Т. II.
777. *Яйленко В. П.* Заметки по греческой лексике и ономастике // История и культура античного мира. М., 1977. С. 216—224.
778. *Яйленко В. П.* К вопросу об идентификации рек и народов Геродотовой Скифии // СЭ. 1983. № 1.
779. *Яйленко В. П.* Фрако-дакийская и иллирийская топонимика Европейской Сарматии и Скифии // Античная Балканистика: Тез. докл. М., 1984.
780. *Ярнсетт В. К.* Историческая география. М., 1955.
781. *Alexandrescu P.* Les importations grecques dans les bassins du Dnepr et du Boug // Rev. archeol. N. S. 1975. Fasc. 1.
782. *Aly W.* Strabon von Amaseia: Untersuchungen über Text, Aufbau und Quellen d. Geographica. München, 1960.
783. *D'Arvill N.* Examen critique d'Herodote sur ce qu'il rapporte de la Scythie // Memoires de Littérature, tenes des l'Academie Royale des inscriptions et belles-lettres. 1770. XXXV. № 35.
784. *Arnaud P.* Les Relations Martinies dans le Pont-Euxin d'Apres les donnees numeriques des Geographes Anciens // Revue des Études Anciennes. T. 94. 1992. T. 1—2. P. 57—77.
785. *Baer K. E. von.* Historische Fragen mit Hilfe der Naturwissenschaften beantwortet. St.-Petersburg, 1873, III. S. 68.
786. *Baschmakoff A.* La synthese des periples pontiques. P., 1948.
787. *Bellin de Ballu E.* Olbia, cite antique du littoral nord de la Mer Noire. Leiden, 1972.

788. *Beer F. W.* Versuch einer Erleuterung der von dem Herodotus und Plinius gegebenen Beschreibung des alten Scythiens // Sammlung von Erleuterungsschriften und Zusätzen zur allgemeine Welthistorie. Halle, 1750. III.
789. *Berger H.* Die geographischen Fragmente des Eratosthenes. B., 1903.
790. *Bilabel F.* Die ionische Kolonisation. Lpz., 1920.
791. *J. de Blaramberg.* De la position des trois forteresses Tauro-Scythes dont parle Strabon. Odessa, 1831.
792. *Bolton J. D. P.* Aristaeus of Proconnesus. Oxford, 1962.
793. *Bonnell E.* Beiträge zur Alterthumskunde Russlands, I (1882); II (1897). SpT.
794. *Bosi F.* The Nomads of Eurasia in Strabo // The Archaeology of the Steppes: Methods and Strategies / Ed. B. Genito. Napoli, 1994. P. 109—122.
795. *Brandis C. G.* Chersonesos // RE. 1899. III.
796. *Christel Müller, Eric Fouache, Vassif Gaïbov et Youri Gorlov.* Peninsule de Taman (Russe Meridionale (Rapport sur la campagne 1997)) // Проблемы истории, филология, культуры. VI. М.; Магнитогорск, 1998. С. 102—111.
797. *Cuntz O.* Agrippa und Augustus als Quellenschriftsteller des Plinius in den geographischen Büchern der Naturalis Historia, Flecheis, Jahrt., Suppl., 17. 1890.
798. *Dannoff Chr. M.* Pontos Euxeinos // RE. 1962. Suppl. IX.
799. *Detlefsen D.* Die Anordnung der geographischen Bücher des Plinius und ihre Quellen. Berlin, 1909.
800. *Detschew D.* Grammatik der thrakischen Sprache. Sofia, 1952.
801. *Diehl E.* Olbia // RE. 1937. XVII.
802. *Diehl E.* Pantikapes // RE. 1949. Hbbd. 36 (2).
803. *Dilke O. A. W.* Greek and Roman Maps. Ithaca; London, 1985. P. 120—121.
804. *Dopp E.* Die geographischen Studien des Ephoros, I (1900), II (1908), III (1909), Rostock.
805. *Dubais de Montpreux Fr.* Voyage autor du Caucase, etc. t. v. p., 1843.
806. *Ebert.* Sudrussland im Altertum. Bonn; Leipzig, 1921.
807. *Ehrhardi N.* Milet und seine Kolonien. Frankfurt am Main; New York, 1983 (2. Ausg. 1988).
808. *Fischer K.* Die Handschriftliche Überlieferung der Ptolemäus-Karten // Verhandlungen des achtzehnten Deutschen // Geographentages zu Innsbruck. Berlin, 1912.
809. *Forbiger A.* Handbuch der alten Geographie. Bd. 3. Leipzig, 1848.
810. *Friedlaender G.* Kerkine citta del Chersoneso Taurico introdotta nella serie numismatica // Annali dell' Instituto di corrispondenza archeologica. 1845. № 16.

811. *Gajdohovic K. F.* Das Bosphoranische Reich. Berlin, 1971. S. 208 f.
812. *George Kich* (ed.). A Source Book in Geography. 1978.
813. *Gouffrie M.* A tour, performed in the years 1795—1796, through the Taurida or Crimea etc. London, 1802.
814. Griechische Städte und einheimische Völker des Schwarzmeergebiets / Hrg. von J. Irmischer und D. B. Schelov. Berlin, 1961.
815. *Hansen A.* Ost-Europa nach Herodot mit Ergänzungen aus Hippocrates. Dorat, 1844.
816. *Harmatta J.* Studies on the History and Language of the Sarmatians. Szeged, 1970.
817. *Hermann A.* Lykos // RE. 1927. XIII, col. 2393.
818. *Hermann A.* Tanais // RE. 1932. IV A.
819. *Hermann A.* Oaros // RE. 1937. XVII, col. 1680.
820. *Hind J.* Pomponius Mela on Colonies in West and East / Ed. G. R. Tsjetschladze. Leiden, 1999. P. 77—84.
821. *Hoffer U.* Periegesi des sogenannten Scyrmnos // Rhein Museum. 1933. BL 82.
822. *Hollender L.* De militum coloniis ab Augusto in Italiam deductis. Wittenberg, 1880.
823. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et Latinae / Ed. B. Latyshev. Petropoli, I (1885); II (1890); IV (1901).
824. *Janni P.* La mappa e il periplo: cartografia antica e spazio odologico. Roma, 1964.
825. *Kiepert H.* Forma urbis antiqui. Berlin, 1894.
826. *Kissling M.* Hermonassa // RE. VIII. Sp. 898.
827. *Kissling M.* Gerrhos // RE. 1912. VII.
828. *Kissling M.* Hylais // RE. 1914. IX.
829. *Kissling M.* Hypakyris // RE. 1914. IX.
830. *Kissling M.* Hypanis // RE. 1914. IX.
831. *Kissling M.* Hermonactos kome // RE. 1913. VIII. C. 894—895.
832. *Kissling M.* Hyrgis (Syrgis) // RE. 1914. IX. Col. 451 sq.
833. *Klausen R. H.* Hecataei Milesii fragmenta Scylacis Caryandensis Periplus. B., 1831.
834. *Klotz A.* Quaestiones Plinianae geographicae. Berlin, 1906.
835. *Köhler H.* Memoires de l'Academie de St. Petersburg. T. IX. 1825.
836. *Köhler H.* Memoire sur les îles et la course consacrées impériale des sciences de St. Petersburg. T. X. 1826.
837. *Kothe H.* Skythenbegriff bei Herodot // Klio, 1969. Bd. 51.
838. *Kretschmer K.* Scythae // RE. 1923. II A.

839. *Kubitschek W.* Itinerarien // RE. IX. 1918. Sp. 2336.
840. Le Pont-Euxin, vu par les Grecs: Sources ecrites et archeologie. Paris, 1990.
841. *Levi M. A.* The Scythians of Herodotus and the Archaeological Evidences // The Archaeology of the Steppes: Methods and Strategies / Ed. B. Genito. Napoli, 1994. P. 633—639.
842. *Linder F. L.* Skythien und die Skythen des Herodot und seine Auslegen, nebst Beschreibungen des heutigen Zustandes jener Lander. Stuttgart, 1841.
843. *Mannert C.* Geographie der Griechen und Römer aus ihrer Schriften dargestellt. Teilen I—X. Nürnberg; Leipzig, 1788—1825; Auflage 3, 1825.
844. *Mathews J.* The Roman Empire of Ammianus. L., 1989.
845. *Meineke A.* Strabo Geographica. Lipsiae, 1866.
846. *Miller K.* Itinerarie Romana: Römische Reisewege an Hand der Tabula Peutingeriana dargestellt. Stuttgart, 1916.
847. *Minns E.* Scythians and Greeks. A Survey of Ancient History and Archaeology on the North Coast of the Euxine from the Danube to the Caucasus. Cambridge, 1913.
848. *Mommsen.* Ammians Geographie // Hermes, XVI, 1881.
849. *Müllenhoff.* Deutsche Altertumskunde, III. 1892. S. 31—100.
850. *Neumann K.* Die Hellenen im Skythenlande. Berlin, 1855.
851. *Neumann K.* Strabons Gesamturtheil über die Homerische Geographie. Hermes, XXI. 1886.
852. *Ninck M.* Die Entdeckung von Europa durch die Griechen. Basel, 1945.
853. *Olshausen E.* Pontos und Rom (63 v. Chr. — 64 n. Chr.) // ANRW. II, 7, 2. 1980. S. 910—911.
854. *Olshausen E., Biller J.* Historisch-geographische Aspekte der Geschichte des Pontischen und Armenischen Reiches. Teil I: Untersuchungen zur historischen Geographie von Pontos der Mithridatiden. Wiesbaden, 1984. Рец.: С. Ю. Сапрыкин. ВДЖ. 1992. № 1. С. 232—236.
855. *Onajko N.* Die Lokalisierung von Bata bei Strabon // Klio, 1977. Bd. 59. H. 2.
856. *Pallas.* Bemerkungen auf einer Reise in die Südlichen Srathalterschaften des russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. T. II. Leipzig, 1801.
857. Pauly's Real — Encyclopadie der klassischen Altertumswissenschaft / Neue Bearbeitung, begonnen von G. Wissowa, hrsg. von W. Kroll. Stuttgart, 1894—1980.
858. *Peyssonnell Cl. Ch.* Observations historiques et geographiques, sur les peuples barbares qui out habite les bords du Pont-Euxin: Avec cartes et figures tailleeouce. Paris, 1765.
859. *Podastinov A.* Ovids Dichtung als Quelle für die Geschichte des Schwarzmeergebiets. Konstanz, 1987.

860. *Polaschek K.* Ptolemaios als Geograph // RE. Suppl. X. Sp. 734.
861. *Potrait J. A.* Die Skythen in Südrussland. Basel, 1963.
862. *Preston E. James and Geoffrey J. Martin.* All Possible worlds: A History of Geographical Ideas. 2nd ed. 1981.
863. *Rawlinson G.* The History of Herodotus. London, 1858—1859.
864. *Rennell J.* The Geographical System of Herodotus Examined and Explained by a Comparison with Those of Other Ancient Authors and with Modern Geography. London, 1800.
865. *Riese A.* Die Idealisierung der Naturvölker des Nordens in der griechischen und römischen Literatur, Progr. Frankfurt a. M., 1875.
866. *Rostovtzeff M.* Römische Besetzungen in der Krim und das Kastell Charax // Klio. 1902. II, 1.
867. *Rostovtzeff M.* Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922.
868. *Rostovtzeff M.* Skythien und der Bosphorus. Berlin, 1931. 1.
869. *Ruge W.* Hermonassa // RE. VIII. 1913. Sp. 899.
870. *Sallmann K. G.* Die Geographie des älteren Plinius in ihrem Verhältnis zu Varro. Berlin; New-York, 1971.
871. *Schmid Wolfgang P.* Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften und Literatur in Mainz. Geistes- und sozialwissenschaftl. Kl. Jg. 1978.
872. *Schnabel P.* Die Weltkarte des Agrippa als wissenschaftliches Mittelglied zwischen Hipparch und Ptolemaeus // Philologus. 90. 1935. S. 405—440.
873. *Schwarz W.* Der Geograph Claudius Ptolemaeus // Rhein. Mus., NF. 13. 48. H. 2. 1893.
874. *Sibirsky A. A.* Catalogue des medailles du Bosphore Cimmerien. SPb., 1859.
875. *Silberman A.* Quelques remarques sur la composition du periple d'Arrien // Rec. études groq. 1978. T. 91. № 432—433.
876. *Šimek Em.* Velká Germanie Klaudia Ptolemaia. Brno. I—IV. 1934—1953.
877. Skythika. München, 1987 (Bayerische Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Klasse. Abh. N. F. 98).
878. *Stern E.* Die griechische Kolonisation am Nordgestade des Schwarzen Meeres im Lichte archäologischer Forschung // Klio, 1909. IX.
879. *Stolte B. H.* De cosmographie van den Anonymus Ravennas. Een studie over de bronnen van boeck II—V. Dias. Amsterdam, 1949.
880. *Sulimirski T.* The Sarmatians. New York, 1970.
881. The Greek Colonisation of the Black Sea: Historical Interpretation of Archaeology / Ed. G. R. Tsetskhladze. Stuttgart, 1998 (Historia Einzelschriften, 121).
882. The History of Cartography / Ed. by J. B. Harley and D. Woodward. Chicago and London. Vol. I. The Cartography in Prehistoric, Ancient and Medieval Europe and the Mediterranean. 1987.

883. *Thomson J.* *Oliver History of Ancient Geography.* 1948, reissued 1965.
884. *Tomaschek W.* *Avkida* // RE. IV. Sp. 2268.
885. *Tomaschek W.* *Ἀρχαῖος ἄρσιμος* // RE. 1894. I.
886. *Tomaschek W.* *Borysthenes* // RE. 1899. III, Sp. 739.
887. *Treu K.* *Zur Borysthenitica des Dion Chrysostomos* // *Griechische Städte und einheimische Völker des Schwarzmeergebietes.* Berlin, 1961. S. 137—154.
888. *Ulert E. A.* *Geographie der Griechen und Römer von den frühesten Zeiten bis auf Ptolemäus.* Weimar, 1846. T. 3. Abt. 2.
889. *Käser M.* *Die Iranier im Südrussland.* Leipzig, 1923.
890. *Finogradov Ju.* *Olbia. Geschichte einer altgriechischen Stadt am Schwarzen Meer.* Konstanz, 1981 (XENIA. Konstanzer althistorische Vorträge und Forschungen / Hrsg. von W. Schuller. 1).
891. *Walbank F.* *Historical commentary on Polybios* // *Philologus.* 1874. Bd. 33.
892. *Walter H.* *Die «Collectanea rerum memorabilium» des C. Julius Solinus. Ihre Entstehung und die Echtheit ihrer Zweifassung.* Wiesbaden, 1969.
893. *Wasowicz A.* *Olbia Pontique et son territoire.* Paris; Besancon, 1975.
894. *Wendling.* *Zu Posidonius und Varro* // *Hermes.* XXVIII, 1893.
895. *Wiesberg F.* *Zur Topographie des Herodot* // *Klio,* 1904. IV.
896. *Zgusta L.* *Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste: Die ethnischen Verhältnisse, namentlich das Verhältnis der Skythen und Sarmaten, im Lichte der Namenforschung.* Prag, 1955.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АНБ — Археология и история Боспора. Симферополь. 1932.
АО — Археологические открытия. М.
АП — Археологічні пам'ятки УРСР. Киев.
ВДИ — Вестник древней истории.
ГМЦИ — Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. М.
ДГ — Древнейшие государства на территории СССР (с 1994 г. — Древнейшие государства Восточной Европы): Материалы и исследования.
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
ЗООО — Записки Одесского археологического общества.
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса.
ЗРАО — Записки Русского археологического общества.
ИГАНМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
ОАК — Отчеты Археологической комиссии.
ПИСПАЗ — Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959.
СА — Советская археология.
САН — Свод археологических источников. М.; Л.
СГМИИ — Сообщения Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. М.
ТЭАМ — Труды этнографо-археологического музея I МГУ. М., 1927.
GGM — *Geographi Graeci Minores*.
GLM — *Geographi Latini Minores*.
IOSPE — *B. Latyshev. Inscriptiones Antiquae, Graecae et Latinae, Orae Septentrionalis Ponti Euxini*.
RE — *Pauly's Real-Encyclopdie der Klassischen Altertumswissenschaft*.
SC — *Латышев В. В. Scythica et Caucasia: Известия древних писателей, греческих и римских о Скифии и Кавказе. Т. I—II. СПб., 1903—1906.*

Зубарев Виктор Геннадьевич
ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ
СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ
ПО ДАННЫМ АНТИЧНОЙ ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИИ

Издатель А. Кошелев

Художественное оформление обложки
Ю. Саввина и С. Жигалкина

Оригинал-макет изготовила Л. Гоготова
Корректоры Л. Щеголева, О. Зайкина

Подписано в печать 1.11.2004. Формат 60 x 90^{1/8}.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная.
Усл. печ. л. 31,5. Тираж 300 экз. Заказ № 4735.

Издательство «Языки славянской культуры»
ЛР № 02745 от 04.10.2000.

Тел.: 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для сб. М153).
E-mail: tc@skolniva

Отпечатано с готовых диапозитивов на ФГУП ордена «Знак Почета»
Смоленская областная типография им. В. И. Смирнова,
214000, г. Смоленск, проспект им. Ю. Гагарина, 2.

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис»,
Тел./факс: (095) 247-17-57, тел.: 246-05-48, e-mail: gnosis@pochta.ru
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Зубовский б-р, 2, стр. 1
(Метро «Парк Культуры»)

Foreign customers may order this publication
by E-mail: koshelev.ad@mns-net.ru
or by fax: (095) 246-20-20 (for sb. M153).